

■ Джон Норвич ■

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

Византия — это слияние римского тела,
греческого разума и восточной мистической души

*День, когда Византия перестала
существовать, известен точно:
29 мая 1453 года.*



Джон
Норвич

■ Джон Норвич ■

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

Digitized by Dok-57


ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 94(4) "04/14"
ББК 63.3(0)4
Н82

John Julius Norwich
A SHORT HISTORY OF BYZANTIUM

Перевод с английского Н.М. Забилюцкого

Серийное оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Felicity Bryan Ltd. и Andrew Nurnberg

Подписано в печать 26.03.10. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 31,08. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 2966

Норвич, Д.

Н82 История Византии / Джон Норвич; пер. с англ. Н.М. Забилюцкого. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. — 542, [8] с.: 40 л. ил.

ISBN 978-5-17-050648-4 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-403-01726-8 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Византийская империя.

«Второй Рим».

Великое государство, колыбель православия, очаг высокой культуры?

Тирания, безжалостно управлявшая множеством покоренных народов, давившая в подданных всякий намек на свободомыслие и жажду независимости?

Путешественники с восхищением писали о блеске и роскоши «Второго Рима» и с ужасом упоминали о жестокости интриг императорского двора, о многочисленных религиозных и политических распрях, терзавших империю, о феноменально скандальных для Средневековья нравах знатных византийцев...

Византийская империя познала и времена богатства и могущества, и дни упадка и разрушения.

День, когда Византия перестала существовать, известен точно: 29 мая 1453 года.

УДК 94(4) "04/14"
ББК 63.3(0)4

© John Julius Norwich, 1997

© Перевод. Н.М. Забилюцкий, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Содержание

Предисловие	7
Введение.....	9
Часть I. РАННИЕ ВЕКА	15
1. Константин Великий (до 337)	17
2. Юлиан Отступник (337—363)	39
3. Империя в трудном положении (363—395).....	51
4. Падение Запада (395—493)	60
5. Возвышение Юстиниана (493—540)	88
6. Юстиниан: последние годы (540—565)	111
7. Первый крестоносец (565—641).....	126
8. Ираклиева ветвь (641—711)	144
9. Иконоборчество (711—802).....	159
Часть II. АПОГЕЙ	177
10. Восстановленные иконы (802—856).....	179
11. О патриархах и заговорах (857—867).....	205
12. Македонянин и Мудрый (867—912)	219
13. Кроткий узурпатор (912—948).....	236
14. Ученый император (945—963).....	255
15. Рассказ о двух военачальниках (963—976)	265
16. Болгаробойца (976—1025).....	290
17. Начало заката (1025—1055).....	307
18. Манцикерт (1055—1081)	328
Часть III. ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ	347
19. Алексей Комнин (1081—1118).....	349
20. Иоанн Красивый (1118—1143).....	376

21. Мануил Комнин (1143—1180)	387
22. Четвертый крестовый поход (1180—1205).....	412
23. Возвращение на родину (1205—1261)	435
24. Анжуйская угроза (1261—1282).....	451
25. Два Андроника (1282—1341)	471
26. Император без амбиций (1341—1354).....	486
27. Вассал султана (1354—1391).....	497
28. Обращение к Европе (1391—1448).....	508
29. Падение (1448—1453)	527
Эпилог.....	541

Предисловие

Византийская империя с момента основания Константином Великим 11 мая 330 г. до взятия ее столицы Константинополя османским султаном Мехмедом II во вторник 29 мая 1453 г. просуществовала в общей сложности 1123 года и 18 дней — период, более протяженный, чем тот, что отделяет нас от времени завоевания норманнами Англии в 1066 г. Для всех, за исключением астрономов и геологов, такой период должен представляться весьма значительным — и если кто-то сочтет меня безрассудно дерзким из-за того, что я попытался вместить основные события этого времени в одну книгу, то я не стану возражать. Когда двенадцать лет назад я начал писать историю Византии, у меня не было подобного замысла — я лишь следовал замечательному совету Червоного Короля из «Алисы в Стране Чудес»: «Начни сначала и продолжай, пока не дойдешь до конца. Как дойдешь — кончай!» В результате с 1988 по 1995 г. вышло в свет три книги общим объемом примерно тысяча двести страниц.

В первой из этих книг излагается история Византийской империи с момента ее основания до того времени, когда коронацией Карла Великого в Риме на Рождество в 800 г. было положено начало «Священной Римской империи». Во второй книге речь идет о правлении блестящей Македонской династии — до времени апогея ее власти при Василии II Болгаробойце, но завершается повествование рассказом о первом из трех крупнейших поражений, которые были нанесены Византии, в данном случае турками-сельджуками при Манцикерте в 1071 г. В третьей и последней книге показано, какие роковые последствия имело это поражение: империя потеряла большую часть территории

Малой Азии — основного источника людских ресурсов, — государство обнищало и ослабло, в результате чего пало жертвой Четвертого крестового похода. Это варварское нашествие и последующие пятьдесят семь лет латинского правления явились тем вторым ударом, от которого Византии так никогда и не удалось оправиться. История последних двух столетий империи, особенно на фоне впечатляющего подъема турецкого дома Османов, представляет собой тягостную картину. И лишь заключительная глава, при всей своей трагичности, снова поднимает читателю дух — что обязательно должны делать все героические сказания.

Но сможет ли обычный читатель добраться до этой главы, одолев тысячу двести страниц? Подобный подвиг в наши дни мало кому по силам, и мне подали разумную с виду идею: многие из тех, кого может расхолодить объем трилогии, с воодушевлением приняли бы ту же самую историю, если она будет сжата в один том. В результате появилась книга, которую вы сейчас держите в руках. Сокращение повествования до одной трети было трудоемкой и мучительной операцией, которая зачастую отдавала детоубийством: многие из моих любимых детищ — анекдотов и весьма удачных шуток — оказались за бортом повествования. Но если сокращенному изданию удастся пробудить интерес у какого-то количества читателей к странному, жестокому, однако бесконечно увлекательному миру Византии, то я не буду сожалеть ни об удаленном материале, ни о затраченном времени.

Как я указываю во введении, изначально написанном для трехтомного издания, мой труд не претендует на академическую научность — я как бы скользил на коньках по поверхности изучаемого предмета. Готовя настоящее сжатое издание, я испытывал такое ощущение, будто поменял коньки на катер на воздушной подушке. Но как бы там ни было, история Византии изложена в этой книге целиком и полностью, ничто из имеющего первостепенную важность не опущено. А если же вдруг темп повествования окажется для вас чрезмерным, а череда приводимых фактов чересчур плотной — что ж, вы можете обратиться к моей трилогии.

Джон Джулиус Норвич
октябрь 1996 г.

Введение

«О тносительно Византийской империи вердикт исторической науки таков: это государственное образование являет собой самую низкую и презренную форму, которую когда-либо принимала цивилизация... История не знает иных цивилизаций, имевших сколько-нибудь продолжительное существование, которые были бы в столь полной мере лишены всех форм и элементов величия... Ее пороки суть пороки людей, которые утратили храбрость, не научившись добродетелям... Рабы, и добровольные рабы — как в своих деяниях, так и в своих мыслях, — погруженные в чувственную сферу и предающиеся самым фривольным удовольствиям... История Византийской империи — это монотонная история интриг священников, евнухов и женщин, полная отравлений, заговоров, повсеместной неблагодарности, постоянных братоубийств».

Эта довольно удивительная диатриба взята из «Истории европейской морали» У.Э.Х. Леки, изданной в 1869 г. Удивительна она хотя бы потому, что последнее предложение в приводимой цитате представляет византийскую историю не столько «монотонной», сколько весьма даже занимательной. Однако суть высказывания автора от того не меняется и остается фактом, что в течение последних двухсот с лишним лет так называемая поздняя Римская империя подавалась в печати в самом ужасном свете. Длительная кампания диффамации, по-видимому, получила свой первоначальный импульс в XVIII в. от Эдуарда Гиббона*, который, как и все англичане его времени, имевшие клас-

* Гиббон, Эдуард (1737—1794) — знаменитый английский историк. — *Здесь и далее примеч. пер. (за искл. оговоренных случаев).*

сическое образование, видел в образе Византии предательство всего самого лучшего, что было достигнуто в Древней Греции и Риме в гуманитарной сфере. Лишь после Второй мировой войны, когда простота, скорость и относительный комфорт путешествий в Левант сделали наконец византийские памятники более доступными для обозрения, Восточной Римской империи стали воздавать должное и признавать ее — хотя и очень специфическим образом — как достойного наследника двух могущественных цивилизаций, исчезнувших до ее возникновения. Но старые установки отмирали с трудом. На протяжении пяти лет моей учебы в одной из самых старых и самых привилегированных частных школ Византия казалась жертвой заговора молчания. Я не могу вспомнить, чтобы она вообще упоминалась на занятиях, не говоря уже о том, чтобы ее хотя бы поверхностно изучали. Мое неведение было настолько полным, что я с трудом мог бы охарактеризовать это историческое государственное образование даже в самых общих терминах до тех пор, пока не поступил в Оксфорд. Я подозреваю, что и сейчас многие люди имеют такое же смутное представление о данном предмете; как раз для них и была написана эта книга.

Ее идея впервые возникла много лет назад — и не у меня, а у моего друга Боба Готлиба, который в то время редактировал журнал «Нью-Йоркер». Меня, помнится, несколько обескуражила объемность вставшей передо мной задачи, тем не менее я без колебаний взялся за дело. К тому моменту меня на протяжении уже более чем четверти века занимал византийский мир, а годы, которые я посвятил британской дипломатической службе — из них два с половиной я провел в Белграде, а три в Бейруте, когда он еще был одним из самых изумительных и комфортных мест в мире, — лишь усилили мою привязанность к Восточному Средиземноморью. В общем, все говорило в пользу того, чтобы я воплотил идею Боба Готлиба в жизнь.

Взявшись за написание своей первой книги — ради чего в 1964 г. покинул дипломатическую службу, — я посетил место, которое более чем какое-либо другое проникнуто духом Византии: речь идет о горе Афон.

Затем мне довелось в течение нескольких счастливых лет трудиться над книгой о Венеции, которая сначала являлась про-

винцией, а позднее — боковым отростком империи. В венецианском соборе Св. Марка — созданном, к слову, по образцу построенной Константином церкви Св. Апостолов, — и соборе Торчелло имеются византийские мозаики, достойные стоять в одном ряду с константинопольскими. Но насколько отличными друг от друга были два эти города — Константинополь и Венеция! Защищенная от *terra firma** спокойными водами лагуны, Венеция до самого конца своего независимого (в большей или меньшей мере) существования в статусе города-государства оставалась не затронутой внешними катаклизмами. Константинополь же находился под постоянной угрозой извне. Нашествие следовало за нашествием, осада — за осадой, но город вновь и вновь спасал героизм императора и его подданных. Венецианцы являлись холодными и безжалостными циниками, для которых на свете не было ничего важнее, нежели коммерческие интересы. Византийцев в первую очередь вела по жизни вера: для них Христос, Его Мать и все святые были столь же живыми, реальными личностями, сколь и члены их собственных семей. Наконец Венеция управлялась безликими комиссиями: группами выбранных людей, облаченных в черное; работали они в обстановке секретности, состав комиссий постоянно менялся, решения принимались коллективно, так что устранялась любая возможность явного выдвижения какой-то яркой личности. Византия же возглавлялась императором, равноапостольным лицом, наместником Бога на земле, который в своей ладони держал жизнь каждого из подданных. Некоторые из этих императоров становились героями, другие оказывались чудовищами, но никто из них не был скучным функционером.

По одной только этой причине данную книгу было интересно писать. Но кроме того, мне хотелось, чтобы она, по мере моих скромных возможностей, отдавала дань заслугам Византии. Наша западная цивилизация никогда не признавала надлежащим образом свою задолженность перед Восточной империей. А ведь не будь этого великого бастиона христианства, то что ждало бы Европу в столкновении с армиями царя Персии в VII в. или с войском багдадского халифа в VIII в.? На каком языке говорили бы мы сегодня и какому богу бы поклонялись? В культурной

* *Terra firma* — зд.: материковая часть суши (*лат.*).

области наши долги перед Византией также чрезвычайно велики. После варварских нашествий и падения Рима свет учености был почти полностью погашен в Западной Европе за исключением нескольких мерцающих огоньков монастырей; на берегах же Босфора он продолжал сиять, и древнее классическое наследие продолжало там сохраняться. Значительная часть того, что мы знаем об античности — особенно в таких областях, как греческая и римская литература и римское право, — была бы навсегда утрачена, если бы не ученые и переписчики Константинополя.

Однако эти безмерные заслуги на Западе считались чем-то само собой разумеющимся и в итоге были вообще забыты. В наши дни мы имеем перед собой лишь одно постоянное напоминание о гении византийцев: блеск их искусства. Никогда в истории христианства — и есть даже искушение добавить, что и в истории других мировых религий, — ни одной художественной школе не удавалось в столь полной мере ввести в свои работы духовное начало. Византийские теологи настаивали на том, чтобы религиозные художники и мозаисты ставили своей целью отображение образа Бога. Это было требование не малого порядка, но мы видим, что в церквях и монастырях империи оно с успехом превращалось в жизнь.

Наконец я хочу подчеркнуть, что эта книга не претендует на академическую ученость. Любой профессиональный византист найдет здесь мало такого, чего бы он уже не знал, — при том что, вероятно, он обнаружит много таких утверждений или мнений, с которыми не согласится. К сожалению, те четыре года изучения древнегреческого языка в упомянутой мной частной школе не позволили мне овладеть им хотя бы в такой мере, чтобы читать самые простые греческие тексты без словаря. Поэтому мне пришлось опираться почти исключительно на те первоисточники, которые существуют в переводах или кратких изложениях. С другой стороны, в позднейшие века количество вспомогательных источников становится столь обильным, что основная трудность заключалась не в получении информации, а в ее отборе. Так или иначе, я не буду делать вид, что занимаюсь чем-то иным, нежели бесхитростным катанием на коньках по поверхности своего предмета.

Но я никогда и не предполагал пролить новый свет на Византию и ее историю. Все, что я пытался сделать, это хоть в какой-то степени разрушить тот заговор молчания, из-за которого многие из нас практически не имеют никаких знаний о христианской империи, существовавшей столь длительное время и исповедовавшей высшие духовные ценности. И рассказать мне об этом хотелось настолько интересно и настолько точно, насколько сие в моих силах. Я не могу быть уверен, что читатель, перевернув последнюю страницу, отложит книгу с тем же сожалением, какое я испытал по завершении длительной, однако же исключительно увлекательной работы над ней. Но он по меньшей мере не сможет отрицать, что эта история была достойна того, чтобы ее рассказать.

ЧАСТЬ I

РАННИЕ ВЕКА

1

Константин Великий (до 337)

В начале было слово — одно из тех географических наименований, что обрели в истории магический резонанс. Даже если бы Византия никогда не существовала, она, несомненно, запечатлелась бы в нашем сознании благодаря одной лишь музыке своего названия, вызывая в воображении те же картины, которые существовали в реальности, — обилие золота, малахита и порфира; величественные церемонии и обряды; парчовые наряды, тяжелые от рубинов и изумрудов; роскошная мозаика в залах, затуманенных ладаном.

Далее — место, тоже во всех отношениях возвышенное. Находясь буквально на пороге Азии, занимая самую восточную оконечность широкого треугольного мыса, оно омывается с южной стороны Мраморным морем, а с северо-востока — глубокой судоходной бухтой длиной примерно пять миль, известной еще с древности как Золотой Рог. Это место было создано природой в виде великолепной гавани и неприступной крепости — крупные фортификации для города потребовалось возводить лишь со стороны суши, поскольку само Мраморное море защищено двумя длинными и узкими проливами: Босфором с востока и Гелеспонтом (или Дарданеллами) с запада.

Наконец — человек: Константин I, римский император. Ни один из правителей за всю мировую историю не заслуживал в большей мере титула «великий», нежели этот государь. В течение всего лишь пятнадцати лет Константин принял два решения, каждое из которых, даже в отдельности, призвано было изменить будущее цивилизованного мира. Первое — принятие христиан-

ства в качестве официальной религии Римской империи. Второе — перенос столицы этой империи в новый город, который Константин выстроил на месте старого Византия и который на протяжении следующих шестнадцати столетий был известен под названием Константинополь. Оба эти решения и их последствия позволили ему притязать на роль самого влиятельного человека во всей мировой истории — не считая Иисуса Христа, Будды и пророка Мухаммеда, — и с него начнется наша история.

Он родился в 274 г. Его отец Констанций — по прозвищу Хлор, «Бледный» — является одним из самых блестящих и успешных полководцев в Римской империи; его мать Елена была дочерью скромного хозяина постоянного двора из Вифинии, римской провинции в Малой Азии. Некоторые историки высказывали предположение, что в девичью пору она являлась одним из дополнительных удовольствий, которое заведение ее отца предоставляло своим клиентам за небольшую доплату. Лишь много позднее, когда ее сын достиг вершин власти, она стала самой почитаемой женщиной в империи. А в 327 г., когда ей было уже больше семидесяти лет, эта обратившаяся в христианство и воспринявшая его со всем пылом женщина совершила знаменитое паломничество в Святую землю, где она чудесным образом раскопала Честной Крест Господень, через что достигла святости.

В 293 г. император Диоклетиан решил поделить императорскую власть на четыре части: Восток он оставил себе, а три других региона передал старому товарищу по оружию Максимиану, суровому, профессиональному воину из Фракии по имени Галерий и Констанцию Хлору. Максимиан, как и Диоклетиан, получил титул августа — верховного императора; последние двое получили титул цезарей* — заместителей и преемников августов. Недостатки такого переустройства должны были быть очевидны уже в то время, и сколько бы ни повторял Диоклетиан, что империя продолжала оставаться единой и неделимой, ее раскол был неизбежен. Все шло достаточно гладко в течение нескольких лет — тех, что Константин провел при дворе Диоклетиана, но в 305 г. про-

* Цезарь (кесарь) — один из самых высоких титулов, первоначально — «младшего» императора, с V в. давался в знак исключительно отличия и наследникам трона; с VII в. титул «цезарь» перестал быть преимущественно императорским, но остался достаточно высоким.

изошло событие, беспрецедентное в истории Римской империи, — добровольное отречение императора. После двадцати лет пребывания на троне Диоклетиан покинул его, вынудив и Максимиана, крайне не желавшего этого, отречься вместе с ним.

Галерий и Констанций Хлор — который к тому времени покинул Елену, с тем чтобы жениться на падчерице Максимиана, Феодоре, — были провозглашены августами, но относительно определения их заместителей, двух новых цезарей, возникли ожесточенные споры между различными заинтересованными сторонами. Константин, находившийся в то время в резиденции Галерия в Никомедии, стал всерьез опасаться за свою жизнь и бежал к отцу в Булонь, где тот готовился к очередной экспедиции в Британию. Отец и сын вместе пересекли Ла-Манш, но вскоре после этого, 25 июля 306 г., Констанций умер в Йорке. Тогда местные легионы набросили пурпурную императорскую тогу на плечи Константина, подняли его на щиты и приветствовали громкими возгласами, отозвавшимися гулким эхом по всей стране.

Нуждаясь, однако, в официальном признании, Константин послал Галерию в Никомедию наряду с извещением о смерти своего отца, портрет самого себя с обозначенными на нем атрибутами августа Запада. Но Галерий категорически отказался признавать молодого бунтаря — каковым Константин, безусловно, являлся — в качестве августа. Он был готов, пусть и неохотно, признать его цезарем, но и только. Для Константина на данный момент этого было достаточно.

В течение следующих шести лет он оставался в Галлии и Британии, управляя этими провинциями в целом мудро и достойно. Несмотря на свои высокие нравственные установки, он в 307 г. бросил жену, с тем чтобы заключить намного более значимый союз — с Фаустой, дочерью старого императора Максимиана. Последний к этому времени отказался от вынужденного отречения, снова облачился в порфиру и начал действовать в одной связке со своим сыном Максенцием — в итоге вся Италия оказалась у их ног. Очевидно, что этот брак оказался выгоден в дипломатическом отношении для обеих сторон.

Мы не можем сказать, сколь долго удовлетворяло бы Константина правление сравнительно отдаленным уголком империи,

но в апреле 311 г. ситуация существенно изменилась — в городе Сирмие, лежащем на берегу реки Сава, умер император Галерий. В результате верховная власть в государстве официально оказалась поделена между тремя правителями: Лицинием, одним из закадычных приятелей почившего императора, руководившим Иллирией, Фракией и дунайскими провинциями; племянником августа Максимином Дазой, которого Галерий в 305 г. назначил цезарем и который ныне владел восточной частью империи, и самим Константином. Но был и четвертый — не принадлежавший формально к числу властителей императорского ранга, но достаточно могущественный и считавший себя несправедливо обделенным верховной властью. Речь идет о Максенции — правителе Рима, зяте Галерия и сыне прежнего императора Максимиана. Максенций давно уже затаил ненависть к своему блестящему молодому зятю Константину. Обвинив его в смерти своего отца, погибшего в Галлии, Максенций стал явно готовиться к походу на запад. Было очевидно, что война неизбежна, но, прежде чем выступить против своего противника, Константину следовало заручиться поддержкой Лициния. Тот не имел никаких возражений против плана отвоевания Италии Константином. Соглашение между властителями было скреплено обручением Лициния со сводной сестрой Константина Констанцией.

Когда Константин начал свое длительное продвижение к столице, Максенций оставался в Риме. И лишь после того как войско его зятя подошло к городу, Максенций выдвинулся ему навстречу. Две армии встретились 27 октября 312 г. в местечке Сакса-Рубра (Красные Скалы) на Фламиниевой дороге, примерно в семи-восьми милях к северо-востоку от Рима. Именно здесь, как гласит легенда, перед самой битвой или, возможно, даже во время нее Константину явилось видение. Римский историк Евсевий описывает это следующим образом:

«Самый удивительный знак явился к нему с небес... Он сказал, что примерно в полдень, когда солнце начинало убывать, он увидел своими собственными глазами светящийся крест на небе, над солнцем, — на нем была надпись: «Сим победиши» («Nos Vincer»). Он сам был изумлен, и также вся его армия».

Вдохновленный столь очевидным указанием на божественную милость, Константин разбил наголову армию Максенция.

Та обратилась в бегство в сторону Мульвийского моста, перекинутого через Тибр. Еще до сражения Максенций рядом с этим мостом возвел другой — на понтонах. По нему в случае необходимости он полагал осуществить организованное отступление и затем быстро разрушить переправу, чтобы предотвратить преследование. Солдаты Максенция добрались до этого моста, и им удалось бы спастись, если бы инженеры от страха не потеряли головы и не вынули болты, скреплявшие конструкцию, слишком рано. Мост рухнул, и сотни людей оказались в стремительном потоке воды. Те, кто еще не пересек реку, бросились к старому Мульвийскому мосту, теперь ставшему для них единственным шансом на спасение, но, как и предполагал Максенций, этот мост оказался слишком узким. Многие погибли в давке или были сброшены в реку их собственными товарищами. В числе последних оказался и сам Максенций, чье тело было позднее найдено прибитым к берегу.

Сражение у Мульвийского моста превратило Константина в полного хозяина всей Европы. Кроме того, после этой битвы он хотя и не обратился в христианство, но по крайней мере проявил себя в качестве защитника и покровителя своих христианских подданных. Уезжая из Рима, он даровал папе римскому Мельхиаду дворец семейства Латерани, в котором императрица Фауста останавливалась во время своих приездов в эти места. На протяжении следующей тысячи лет сей дворец принадлежал папству. Рядом с ним по распоряжению императора и за его счет была построена первая из базилик в Риме — церковь Св. Иоанна Латеранского, которая и по сей день является кафедральным собором города.

До какой степени видение Креста, которое, как утверждается, явилось императору вблизи Мульвийского моста, стало не только одним из поворотных моментов его жизни, но также и водоразделом всей мировой истории? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны спросить себя: что же действительно произошло? Согласно христианскому ученому и ритору Лактанцию, наставнику Криспа, сына Константина, «Константин во сне получил наказ начертать небесный знак на щитах своих солдат и лишь после этого вступать в сражение. Он сделал так, как ему было повелено, и начертил на их щитах букву «Х» и провел через

нее перпендикулярную линию, закруглив ее наверху, так что получилась монограмма Христа».

Лактанций более ничего не говорит по этому поводу. Нет упоминания о видении, только о сне. Нет даже предположения, что Спаситель или Крест могли в принципе являться императору. Что касается «небесного знака», то это была просто монограмма из Х и Р, первых двух греческих букв в имени Христа, которые давно уже являлись знаковыми в различных христианских текстах. И, возможно, еще более значительным является тот факт, что другой наш ценный источник, Евсевий, не упоминает ни о сне, ни о видении в описании сражения, которое он дает в своей «Церковной истории», написанной примерно в 325 г. И лишь в «Жизни Константина», написанной им много лет спустя, он упоминает о видении.

Какие же заключения следует нам сделать из всего вышесказанного? Во-первых, конечно, не было никакого видения, ведь о нем нет ни одного свидетельства вплоть до появления «Жизни Константина». Сам император, по-видимому, никогда никому не говорил об этом, кроме как одному Евсевию. Потом, есть примечательное заявление самого Евсевия, будто «целая армия... наблюдала чудо». Трудно поверить, что 98 тысяч человек держали в тайне столь знаменательное событие.

С другой стороны, очень похоже на то, что перед сражением император обрел некий серьезный духовный опыт. Он уже достаточно давно пребывал в состоянии религиозной неуверенности и все более склонялся к монотеизму: после 310 г. на монетах, которые чеканили при его дворе, был изображен только один бог — Sol Invictus (Непобедимое Солнце). Между прочим, император заявлял, что ему являлось видение этого бога. Однако вера сия, по-видимому, также не принесла Константину удовлетворения. Короче говоря, к октябрю 312 г. император был вполне готов к обращению и, похоже, на его молитвы пришел ответ. Если мы примем эту гипотезу, то историю Евсевия понять будет гораздо проще. У Константина всегда было сильное ощущение своей божественной миссии. А в его эпоху существование чудес и небесных знамений являлось само собой разумеющейся данностью. С течением времени он мог считать, что ему действительно явилось божественное предзнаменование перед решаю-

щей битвой у Мульвийского моста, о чем император и сообщил Евсевию.

В начале января 313 г. Константин покинул Рим и отправился в Милан, где ранее условился встретиться с Лицинием. Их переговоры имели вполне дружеский характер. Лициний, по видимому, согласился с тем, что за Константином должны остаться завоеванные им территории. Далее Лициний должным образом женился на Констанции. В отношении христиан только что установившие родственные связи зять и шурин составили окончательный текст эдикта, обеспечивающего христианству полное признание на всей территории империи:

«Я, Константин август, и я, Лициний август, имея намерение явить уважение и почтение к божеству, предоставляем христианам и всем прочим право свободно отправлять любую форму культа, какую только они пожелают, так чтобы, какое бы божество ни пребывало на небесах, оно было милостивым к нам и ко всем тем, кто находится под нашей властью».

На момент издания Миланского эдикта оба императора были друзьями, но оставались таковыми недолго. Константин возымел намерение положить конец случившемуся при Диоклетиане катастрофическому разделению империи и начать править ею самостоятельно. Первая война с Лицинием разразилась в 314 г., следующая — девять лет спустя, когда две армии сошлись в яростной битве при Адрианополе во Фракии. В обоих случаях Константин вышел победителем; к концу 323 г. Лициний был захвачен в плен и вскоре казнен.

Во время гражданской войны Константин выказывал все большее предпочтение христианской религии. В течение нескольких лет он издавал законы, благоприятствовавшие ее развитию. В частности, клир был освобожден от обычных муниципальных обязанностей, а епископальным судам было дано право функционировать в качестве апелляционных судов, рассматривающих гражданские дела. Принятие ряда других законов также в определенной степени было обусловлено возросшим христианским влиянием: здесь можно назвать закон от 319 г., запрещающий убийство рабов, и — самый знаменитый из всех — закон от 321 г., объявляющий воскресенье, «почетный день солнца», днем отдыха.

Но ни в одном из этих законотворческих актов само имя Христа не упоминалось, а христианской вере видимых предпочтений не отдавалось. Наконец, когда разрозненные части империи надежным образом воссоединились под его властью, Константин посчитал, что настал момент действовать в открытую. Не должно быть принуждения: язычники могут исповедовать старую веру, если они того пожелают. С другой стороны, не должно быть ересей. Если церкви суждено выступить в качестве духовной основы империи, то как она могла быть разделена? А церковь была разделена. На протяжении уже нескольких лет Константин безрезультатно боролся против двух схизматических групп — донатистов в Северной Африке и мелетиа в Египте. Теперь же появилась еще и третья — угрожавшая посеять куда больший раздор в христианстве, чем две другие, вместе взятые.

Эта группа объединилась вокруг пресвитера Ария Александрийского, человека премной учености и весьма представительной внешности. Суть его учения сводилась к следующему: Иисус Христос был создан Богом Отцом как инструмент для спасения мира — то есть Сын находился в подчиненном положении по отношению к Отцу и его природа была скорее человеческая, чем божественная. В глазах стоявшего над Арием архиепископа Александра такая доктрина выглядела очень опасной; в итоге в 320 г. ее автор предстал перед судом ста епископов и был отлучен от церкви как еретик. Но надо иметь в виду, что в те времена теологические дискуссии вызывали неподдельный интерес не только в среде клира и ученых, но и во всем обществе. На городских улицах раздавались листовки; на рыночных площадях произносились подстрекательские речи; на стенах зданий мелом писались разного рода призывы и лозунги. В результате учение Ария начало распространяться по империи со сверхъестественной быстротой.

К концу 324 г. Константин нашел решение проблемы. Не будет более синодов местных епископов, их место займет Вселенский церковный собор. Он должен был проходить в Никее и обладать такой мерой власти, что и Арию, и Александру пришлось бы принять его установления. Помимо всего прочего Никея могла гордиться замечательным императорским дворцом; именно в нем с 20 мая по 19 июня 325 г. и прошел великий собор. На нем было незначительное число представителей Запада, где

учение Ария не вызвало особого интереса, а вот с Востока было внушительное число делегатов — по-видимому около 300 или даже более того, — и многие из них в свое время подверглись серьезным преследованиям за веру. Открывал собор лично Константин — будто некий небесный Божий ангел, облаченный в одеяние, которое блестело, словно излучая свет. Особое величие одежде придавали золото и драгоценные камни. Когда перед ним поставили низкий стул, то он помедлил садиться — подождал, когда епископы подадут ему соответствующий знак. Вслед за ним уселись собравшиеся.

На самом деле все эти теологические тонкости совершенно не интересовали Константина — самым главным для него было положить конец спорам. И император сыграл важную роль в развернувшихся дебатах — Константин настойчиво делал упор на исключительной важности единства церкви. Стараясь произвести большее впечатление на слушателей, он в своем выступлении даже перешел с латыни на греческий язык, который император сам не слишком хорошо знал, но который был более близок его аудитории. Именно он предложил вставить в Символ веры, который должен был принять собор, ключевое слово «*хомоусиос*» («единоусущий»), описывающее отношения Сына с Отцом, что являлось, по сути, осуждением арианства. Со свойственным ему хитроумием Константин при этом указал, что данное слово следовало интерпретировать лишь «в его божественном и мистическом смысле» — иначе говоря, оно могло значить ровно то, что каждый пожелал бы в него вложить. В результате почти все сторонники Ария согласились подписать окончательный документ, лишь два делегата высказались против. Ария с его приверженцами формально осудили, его писания подвергли анафеме, и было повелено их сжечь. Ему также запретили возвращаться в Александрию. Ссылка Ария в Иллирию не продлилась, однако, долго. Благодаря настойчивым обращениям к верховной власти арианских епископов он вскоре оказался в Никомедии, где последующие события продемонстрировали, что дерзновенный путь Ария еще никоим образом не закончился.

Для Константина Первый Вселенский собор христианской церкви завершился полным триумфом. Все основные решения собора были сформулированы в желательном для императора виде; при этом одобрение их епископами оказалось почти еди-

ногласным. Константину удалось осуществить союз Восточной и Западной церквей и обеспечить в нем собственное моральное верховенство. В общем, он имел веские причины поздравить самого себя. Когда наконец настало время епископам разъезжаться, то каждый увез с собой подарок, врученный ему императором лично. По словам Евсевия, на них это произвело глубокое впечатление — чего Константин и добивался.

В начале января 326 г. император отправился в Рим. Римляне были глубоко оскорблены его решением провести *vicennalia** в Никее, поэтому он вознамерился повторить празднование в Риме, дабы смягчить недовольство столичных жителей. В путешествии Константина сопровождали несколько членов его семьи: мать Елена, жена-императрица Фауста, сводная сестра Констанция, ее пасынок Лициниан и сын-первенец — цезарь Крисп. Однако поездка не оказалась слишком радостной, поскольку отношения между ними были, мягко говоря, натянутыми.

Елена, к примеру, никогда не забывала, что Фауста была дочерью императора Максимиана, приемного отца той Феодоры, что увела сорок лет назад ее мужа Констанция Хлора. Фауста, со своей стороны, негодовала по поводу того, что в последние годы Константин возвысил свою мать до ранга самой Фаусты, то есть до положения августы. Констанция безутешно вспоминала своего мужа Лициния, умершего менее чем за два года до описываемых событий; пасынок ее понимал, что его собственные надежды на власть истаяли, в то время как Крисп пользовался почестями, которые в равной степени должны были причитаться и Лициниану. Что касается Криспа, то уже в течение определенного времени он сознавал, что в его отце растет чувство ревности к нему, вызванное ростом симпатии к Криспу в армии и среди гражданского населения при одновременном падении популярности самого императора.

Однако все эти нюансы семейных отношений вряд ли повлияли на события, которые развернулись, когда члены императорской фамилии в феврале достигли Сердики. Неожиданно были арестованы Крисп и Лициниан, несколько дней спустя их предали смерти. Через короткое время за ними последовала императрица Фауста, которая погибла в купальне — была ли она обварена паром, заколота или удушена, мы никогда не узнаем.

* *Vicennalia* — зд.: празднование двадцатилетия правления (*лат.*).

Что же подвигло Константина на расправу со своими ближайшими родственниками, а в последующее время и со многими друзьями? Есть серьезная вероятность того, что Крисп и Лициниан замыслили заговор, намереваясь свергнуть императора. Заговор был своевременно раскрыт, и Константин действовал с обычной для себя решительностью. Вскоре были разоблачены и другие приближенные Константина, замешанные в этом деле и разделившие судьбу заговорщиков. Но отчего, однако, император разделался со своей женой? Не участвовала ли Фауста в интриге против своего мужа, ведь ее отец Максимиан погиб от рук Константина? Но Максимиан умер за шестнадцать лет до описываемых событий, а Фауста за это время родила от Константина пятерых детей. Ясно, что Августа провинилась перед мужем в чем-то ином.

Вот что пишет историк Зосим, который, как считают, жил в следующем веке: «Криспа подозревали в том, что он имел прелюбодейные отношения со своей мачехой Фаустой, и поэтому был казнен». Если данная версия и близка к истине, то она все равно вызывает вопросы. Допустим, Крисп и Фауста действительно состояли в интимной связи, но тогда почему они не были казнены одновременно? Возможно, Крисп делал предложения Фаусте, которая гневно отвергла его домогательства и сообщила об этом отцу; но если так, то почему она вообще была казнена? Весьма вероятен следующий вариант развития событий: у Криспа не имелось никаких планов в отношении Фаусты, и он был несправедливо обвинен ею — возможно, как предполагает Гиббон, потому, что именно Крисп ее отверг, а Константин, обнаружив лживость обвинений супруги лишь после смерти своего сына, распорядился, чтобы ее постигла подобная же участь.

Новости о стратегических событиях в императорской семье достигли Рима еще до того, как туда прибыл Константин, и отнюдь не уменьшили чувство раздражения, которое его фигура давно уже внушала столичным жителям, особенно в среде простых людей. Как римляне они испытывали все большее беспокойство в связи с сообщениями о возведенном императором блистательном городе на Босфоре; как республиканцы — или, по крайней мере, как наследники республиканской традиции — они испытывали возмущение от того, что Константин вел себя

не столько как римский император, сколько как восточный властелин; и как верные сторонники традиционной религии они порицали его уход от старых богов и принятие им презренной христианской веры, которая ассоциировалась у римлян с уличной чернью и отбросами общества. В столице его принимали со всеми должными церемониями, но не особенно стремились замаскировать свои истинные чувства, точно так же как он едва ли старался скрыть свои.

Так или иначе, Константин проявил большое усердие, взявшись превратить Рим в христианский город. Он возвел еще одну грандиозную базилику (ныне известную как Сан-Паоло фуори ле Муре), посвященную на этот раз святому Павлу, на дороге в Остию, на месте захоронения святого, а также базилику (ныне именуемую Сан-Себастьяно) в честь святых апостолов на Аппиевой дороге. Однако самым известным его творением стала базилика, которую император повелел выстроить на том месте, где, как считается, упокоен святой Петр, — на Ватиканском холме.

Бурная строительная деятельность Константина в Риме служит очевидным доказательством того, что он видел город главным святилищем христианской веры — за исключением лишь Иерусалима. С другой стороны, император никогда не любил Рим и не стремился оставаться в нем дольше, чем того требовали дела. Сердце Константина принадлежало Востоку.

Когда Константин впервые обратил свой взор на Византий, городу насчитывалось уже почти тысяча лет: маленькое поселение существовало на этом месте в VII в. до н.э., там имелся свой акрополь на возвышенности, на том месте, где сейчас стоят собор Св. Софии и дворец Топкапы. Когда новый город Константинополь стал центром римского мира, возникли различные истории, связанные с его основанием. Так, император якобы стал лично прочерчивать линию будущих городских стен своим копьём; его спутники выразили удивление ее длиной и спросили, когда же он остановится. На что Константин ответил: «Я буду продолжать до тех пор, пока идущий впереди меня, не прикажет мне остановиться», намекая, что им руководит некая небесная сила.

Почти несомненно то, что подвигнул Константина сделать этот город столицей государства его второй визит в Рим, чьи

республиканские и языческие традиции явно не вписывались в образ новой христианской империи. В интеллектуальном и культурном плане Рим все менее соприкасался с новым мышлением эллинистического мира. Римские академии и библиотеки не могли более состязаться с александрийскими, антиохийскими или пергамскими. В экономической сфере прослеживалась подобная же тенденция. В Риме и на большей части Апеннинского полуострова росли масштабы малярии и население сокращалось; несравнимо большими были природные и человеческие ресурсы *pars orientalis**, и это не могло игнорировать ни одно правительство.

В стратегическом отношении недостатки старой столицы выглядели еще более серьезными. Основные опасности для империи, формировавшие ее политические приоритеты, ныне концентрировались у ее восточных границ: сарматы вдоль нижнего течения Дуная, остготы к северу от Черного моря и персы, представлявшие наибольшую угрозу, чья великая империя Сасанидов к тому времени протянулась от бывших римских провинций Армении и Месопотамии до гор Гиндукуша. Центр Римской империи — а по сути, всего цивилизованного мира — безвозвратно сместился на Восток. Италия стала тихой заводью.

Центральным местом нового города Константина стал Милион, или Первый Мильный Камень. Он состоял из четырех триумфальных арок, образующих площадь, которую венчал купол, на нем была установлена самая почитаемая христианская реликвия — Честной Крест Господень, привезенный императрицей Еленой из Иерусалима за год или два до этого. От Милиона отмерялись все расстояния в империи; по сути, это был центр мира. Несколько восточнее от него, на том месте, где в прежние времена находилась гробница Афродиты, выросла первая значительная христианская церковь новой столицы, посвященная не отдельному святому или мученику, но Святому Божьему Миру (Св. Эйрене**). Через несколько лет рядом с этой церковью вырос, и даже отчасти затенил ее, величественный собор

* *Pars orientalis* — Восточный край (*лат.*).

** Мир (*греч.*). В русских текстах утвердилось именование упомянутого храма как церкви Св. Ирины. Этимология имени Ирина как раз восходит к греческому слову «эйрене». Далее в тексте этот храм будет именоваться как церковь Св. Ирины.

Св. Софии, но на момент, который здесь описывается, его еще не существовало. Примерно в четверти мили от церкви, в направлении Мраморного моря, находился огромный ипподром, выстроенный Константином. На проходившей по его центру спине* находился один из самых древних эллинистических трофеев города — так называемая Змеиная колонна, привезенная Константином из Дельф, где она была воздвигнута в храме Аполлона представителями тридцати одного греческого города в благодарность за их победу над персами в битве при Платеях в 479 г. до н.э.** Вдоль восточной части ипподрома тянулось прямоугольное здание императорского дворца: спиральная лестница в нем вела к обширному комплексу приемных залов, правительственных кабинетов, купален, казарм и плацев для проведения парадов.

К западу от Миллиона шла широкая улица Меса, начало которой положил еще император Север. На ней Константин выстроил величественный форум овальной формы, весь выложенный мрамором. В его центральной части располагалась порфировая колонна высотой сто футов, привезенная из египетского Гелиополя. Колонна была установлена на двадцатифутовом цоколе. Внутри ее хранился ряд замечательных реликвий, в том числе топорик, при помощи которого Ной построил ковчег, корзины с остатками хлебов, которыми Христос накормил множество людей, кувшин с благовониями Марии Магдалины и скульптура Афины, привезенная Энеем из Трои. На вершине колонны стояла статуя с телом Аполлона работы Фидия и головой императора Константина, увенчанной металлическим нимбом, как бы испускавшим солнечные лучи. Правая рука статуи держала скипетр, тогда как в левой находилась сфера, в которую был помещен фрагмент Креста Господня. Эклектическое сочетание христианских и языческих элементов здесь было подчинено новой высшей сущности — императору Константину***.

* Спина — низкая стена в центре бегового поля ипподрома; была декорирована памятниками и скульптурами.

** Считается, что головы трех сплетшихся бронзовых змей были отрублены пьяным представителем польского посольства в Блистательной Порте в 1700 г. — *Примеч. авт.*

*** Колонна Константина существует до сих пор, но после того как в 1106 г. статуя императора была свалена штормовым ветром, представляет собой жалкое зрелище. — *Примеч. авт.*

Вокруг дворца, церкви Св. Ирины и ипподрома денно и нощно велись работы, в которых задействованы десятки тысяч чернорабочих и ремесленников. В результате массового разграбления многих городов Европы и Азии, в ходе которого они оказались лишены красивейших статуй и других произведений искусства, Константинополь уже начал обретать облик утонченного и благородного города. По замыслу Константина, он был освящен в ходе специальной церемонии, ставшей наивысшей точкой в праздновании серебряного юбилея правления императора. Константин присутствовал на торжественной литургии в церкви Св. Ирины, языческое же население молилось за его благополучие в тех храмах, которые он дозволил им посещать. Именно с этой литургии, на которой было формально закреплено посвящение города Святой Деве, начинается настоящая история Константинополя, а с ним и всей Византийской империи. Это было в понедельник 11 мая 330 г. Еще пять лет назад Византий являлся маленьким греческим городком; теперь же, возрожденный и переименованный, он стал «Новым Римом» — его официальное наименование гордо высечено на специальном каменном столпе.

В старом Риме люди, конечно же, сохраняли все свои прежние привилегии. Торговля продолжала там идти так же, как и раньше, — порт в Остии функционировал в режиме полной загрузки. Но несколько старых сенаторских семейств Рима уже начали перемещаться в сторону Босфора, соблазненные перспективой обретения великолепных дворцов в Константинополе и обширных владений во Фракии, Вифинии и Понте; к их услугам в новой столице появилось более крупное и намного более роскошное здание сената.

Между тем продолжалось методичное разграбление всех городов империи — изымались произведения искусства, которые должны были пойти на украшение новой быстрорастущей столицы. Предпочтение отдавалось храмовым статуям древних богов, поскольку, переноса их из традиционных мест поклонения в публичные, неосвященные, причем в целях более эстетических, нежели религиозных, Константин наносил внушительный удар по старой языческой вере.

В 327 г. императрица Елена в возрасте семидесяти двух лет отправилась в Святую землю, где епископ Иерусалимский Ма-

карий провел ее по основным местам поклонения. Там, согласно преданию, она обнаружила Честной Крест Господень. Дабы удостовериться, что это не один из крестов, на которых были распяты два разбойника, Елена возложила его на умирающую женщину и та чудесным образом исцелилась. Вскоре после того как реликвия прибыла в новую столицу, Константин послал фрагмент священного Креста в Рим, дабы он был помещен во дворец, в котором императрица Елена всегда останавливалась во время своих приездов в город, — теперь же император распорядился превратить сей дворец в церковь. До сих пор известная под названием Санта-Кроче ин Джерузалемме, эта церковь с тех времен остается неразрывно связана с образом святой Елены.

Между тем в церкви Гроба Господня в Иерусалиме скале, окружающей гробницу, была придана такая форма, что образовался большой внутренний двор. С восточной стороны здесь была пристроена новая базилика Константина. Ее внешние стены состояли из тонко полированного камня, внутренняя часть здания облицована многоцветным мрамором. Здание венчала позолоченная и кессонированная кровля. До нашего времени сохранилось весьма незначительное число величественных сооружений такого типа. Пожары и землетрясения нанесли им тяжелый урон, остальное довершило время протяженностью в шестнадцать с половиной веков. Однако существует весьма заметное число подобных строений, чье появление на свет так или иначе обязано этому императору и его матери, поскольку путешествие Елены к святым местам захватило воображение всего христианского мира. Нам неизвестны ни продолжительность ее пребывания в Леванте, ни обстоятельства смерти. Возможно, она, став первым засвидетельствованным в истории христианским паломником, и умерла в Святой земле.

И все же, проводя триумфальные церемонии, которыми открывал новую столицу — и новую эру для Римской империи, — Константин не мог не осознавать, что в одном жизненно важном деле он потерпел неудачу. Несмотря на все то, что им было сделано для единения христианской церкви, она по-прежнему оставалась расколотой, и большая часть вины за это лежала на самих христианских иерархах. Многие из них собственной жизнью доказали, что за веру готовы пойти в ссылку или даже на

муки. Однако своими вечными спорами и перебранками, фанатизмом и нетерпимостью христианские лидеры подавали весьма плохой пример для подражания пастве. Приходится констатировать, что бесчисленные поколения их преемников в этом смысле мало чему научились.

В 328 г. умер архиепископ Александр, и в Александрии на смену ему пришел его бывший секретарь, дьякон Афанасий. Оба они присутствовали на Никейском соборе, где Афанасий выказал себя даже более способным и находчивым, чем учитель. В последующие годы Афанасию суждено было стать ведущим клириком своего времени, одной из вершинных фигур во всей истории христианской церкви — его возвели в святые. (Его на протяжении длительного времени ошибочно считали автором «Афанасьева Символа веры»*, который до сих пор так и называется.)

У Ария и его приверженцев не было более опасного противника. Однако на какое-то время их звезда вновь возшла. Арий никогда не терял поддержки императорской семьи — особенно со стороны матери императора и его сводной сестры Констанции; азиатские епископы в подавляющем большинстве также имели проарианские симпатии. Уже в 327 г. они убедили Константина отозвать Ария из ссылки и устроить ему аудиенцию. Император, на которого произвели впечатление как интеллектуальный блеск и очевидная искренность этого человека, так и уверения в том, что Арий принял все положения Никейского собора, собственноручно написал письмо архиепископу Александру, требуя, чтобы Арию было разрешено вернуться в Египет. Константин, по видимому, неподдельно удивился, когда архиепископ не выказал готовности исполнить это предписание.

Постепенно император стал склоняться к выводу, что Афанасий в большей степени, чем Арий, представлял собой главное препятствие на пути к церковному единству. В 335 г. Константин решил отметить тридцатилетие своего правления освящением заново отстроенной церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Здесь он также предложил устроить широкое собрание, на котором будут присутствовать епископы со всей империи. Константин

* «Афанасьев Символ веры» — один из трех «вселенских Символов веры» наряду с Никео-Константинопольским и Апостольским принятых в Римско-католической церкви.

рассчитывал на то, что в их среде возобладает гармония по ключевым доктринальным вопросам. Император также дал указание епископам, чтобы на своем пути в Иерусалим они провели собор в Тире, с тем чтобы, как он обезоруживающе сформулировал, «очистить церковь от богохульства и облегчить мои заботы». В июле собор был созван, и тут выяснилось, что на нем присутствовали почти исключительно арианские епископы. Таким образом, он стал не столько собранием выдающихся клириков, сколько судом над Афанасием. Вспомнили все старые обвинения против него, выдвинули и новые; вызвали множество свидетелей, и каждый готов был поклясться, что опальный архиепископ совершил все возможные преступления, обозначенные в церковном кодексе. И тогда Афанасий, полагая — возможно, с полным основанием, — что его жизнь в опасности, бежал в Константинополь. В отсутствие он был низложен, после чего собор закончил работу и епископы продолжили путешествие в Иерусалим. Прибыв в столицу, Афанасий отправился прямо во дворец, но ему было отказано в аудиенции. Напротив, разъяренный Константин отослал его в Августу Тревир, современный Трир.

Затем император вернулся к идее восстановить положение Ария в Александрии. Однако здесь он потерпел неудачу. Каждая попытка Ария вернуться приводила к массовому недовольству в городе, а во главе этого всеобщего протеста встал сам великий святой Антоний, которому на тот момент было восемьдесят шесть лет, — он оставил свое пустынножительство, с тем чтобы бороться за дело православия.

Наконец Константина убедили вызвать Ария в Константинополь для дальнейшего расследования его вероисповедания. И во время этого расследования, как позднее писал Афанасий своей египетской пастве, «Арий, ощущая прилив бодрости в результате поддержки его со стороны своих последователей, вступил в какой-то беззаботный и бездумный разговор, когда неожиданно он почувствовал, что ему надо выйти по нужде; и там он вдруг упал головой вперед, разбившись прямо в том месте, и сразу испустил дух».

Эта история, конечно, может вызвать сомнение, поскольку изложена главным врагом Ария, но существуют и иные свидетельства непривлекательных обстоятельств его кончины. Есте-

твенно, что все, кто ненавидел Ария, заговорили о божественном возмездии. Тем не менее все это не положило конец ни религиозной полемике, ни ссылке Афанасия, которая продолжалась до самой смерти Константина в 337 г. Мечте императора о духовной гармонии во всем христианском мире не суждено было сбыться на протяжении его жизни, и надо сказать, что его мечта не осуществилась и по сей день.

Нам не так много известно о проведении *tricennalia** в Иерусалиме; в Константинополе же, в отличие от празднеств, которыми было отмечено освящение города, празднование было уже исключительно христианским. (В период с 331 по 334 г. Константин закрыл все языческие храмы в империи.) В ходе этих торжеств император объявил о выдвижении двух своих племянников на ключевые посты в государстве. Старшего, Делмация, провозгласили цезарем. Младший, Ганнибалиан, был обручен со своей двоюродной сестрой, императорской дочерью Константиной, и вместе с невестой послан править в Понт, дикий гористый край с дождливым климатом на южном побережье Черного моря.

Титулы цезарей ранее уже получили три сына Константина от Фаусты, причем самый младший, Констант, удостоился этой чести в десятилетнем возрасте. Император намеренно увеличивал число цезарей, чтобы принизить престижность их статуса и положения, — убежденный в своем божественном предопределении, он не хотел всерьез делиться властью. Но такая политика привела к тому, что ему пришлось взвалить на свои плечи гигантский объем работы. Первые месяцы 337 г. Константин провел в Малой Азии, мобилизуя армию для отражения весьма вероятной агрессии со стороны молодого персидского правителя Шапура. При этом он продемонстрировал исключительную энергию, выносливость и стойкость, поразившую даже бывалых воинов. Незадолго до Пасхи император вернулся в Константинополь — там предстояло завершить последние отделочные работы на строительстве церкви Св. Апостолов.

Возможно, Константин уже подозревал, что болен, поскольку по приезде отдал распоряжение устроить для него усыпальницу в этой церкви, но лишь после Пасхи его здоровье начало серьез-

* *Tricennalia* — зд.: празднование тридцатилетия правления (*лат.*).

но сдавать. Он пытался исцелиться, посещая бани в Геленополе, городе, который Константин заново отстроил в честь своей матери. В этом же городе, по словам Евсевия, «преклонив колени в церкви, он в первый раз получил молитвенное возложение рук на него», то есть стал новообращенным. Потом император отправился в столицу, но, достигнув окрестностей Никомедии, обнаружил, что далее двигаться уже не может. Не мог он также и откладывать важный шаг, который давно задумал.

И вот наконец Константин Великий, на протяжении нескольких лет самочинно именовавший себя епископом христианской церкви, был крещен епископом Никомедийским Евсевием. И когда это было сделано, он, как описывает его Евсевий, «облачился в императорские одежды, белые и сияющие словно свет, и возлег на ложе чистейшей белизны, отказавшись вовсе снова облачаться в пурпур».

Напрашивается вопрос: почему Константин откладывал свое крещение до тех пор, пока не оказался на смертном одре? Самый очевидный — и наиболее вероятный — ответ дал Гиббон:

«Предполагалось, что таинство крещения содержало в себе полное и абсолютное искупление греха; душа немедленным образом восстанавливалась до состояния своей изначальной чистоты, и ей давалось обетование спасения за границами этого внешнего мира. Среди прозелитов христианства было много таких, которые считали неразумным ускорять совершение этого целительного ритуала, который не мог быть повторен, истратить на скорую руку эту неоценимую привилегию, к которой никогда уже нельзя было вернуться вновь».

Константин, чье правление продолжалось тридцать один год, умер в 337 г. Это случилось 22 мая, на Троицу. Его тело поместили в золотой гроб, задрапированный пурпурной тканью, и перевезли в Константинополь, где оно было выставлено для прощания на высоком помосте в главном зале дворца. Там оно оставалось примерно три с половиной месяца (в ожидании того дня, когда кто-то из молодых цезарей займет вакантный трон), на протяжении которых продолжал проводиться дворцовый церемониал в честь и во имя Константина, как если бы его смерть и не наступала.

Что касается престолонаследника, то армия была первой, кто дал знать о своих предпочтениях. Хотя титул августа и продолжал оставаться выборным — по крайней мере, теоретически, — солдаты объявляли, что они не примут никого, кроме сыновей Константина, которые должны править совместно. После смерти Криспа осталось трое сыновей, рожденных от Фаусты: цезарь в Галлии Константин, цезарь на Востоке Констанций и цезарь в Италии Констант*. Естественно, что наибольшую расторопность проявил Констанций, ближе всех находившийся к месту основных событий. Этот двадцатилетний молодой человек первым прибыл в столицу после смерти своего отца и стал распорядителем на его похоронах.

То было воистину необычайное действо. Впереди похоронной процессии шел Констанций, за ним двигались отряды солдат в полном боевом облачении; затем появилось само тело в золотом гробу в окружении роты копьеносцев и тяжеловооруженной пехоты. Дойдя до Большого дворца, процессия обогнула северо-восточный конец ипподрома и направилась к Милиону, а оттуда вдоль улицы Месы — к недавно построенной церкви Св. Апостолов.

«Он фактически сам выбрал это место, — сообщает Евсевий. — Он рассчитывал на то, что после своей смерти его тело разделит почести с самими апостолами. Соответственным образом он распорядился, чтобы в этой церкви были поставлены двенадцать саркофагов — точно священные столпы — в честь и в память двенадцати апостолов, в центре же должен был быть поставлен его собственный, так что с каждой стороны от него находилось бы по шесть саркофагов апостолов».

На протяжении последних лет жизни Константин называл себя Изапостолом (Равным апостолам); теперь же, после смерти, он как бы воплотил этот титул в материальную конструкцию. Впрочем, такая диспозиция — по каждую сторону от его гробницы находилось по шесть саркофагов апостолов — заставляет

* Огорчительная нехватка воображения, продемонстрированная Константином при выборе имен своим сыновьям, вызывала значительное замешательство среди историков, не говоря уже о читателях их сочинений. Последним может послужить утешением тот факт, что подобная ситуация в дальнейшем в среде исторических персонажей не повторялась. — *Примеч. авт.*

предположить, что он видел себя еще большей фигурой, чем они: возможно, даже наместником Бога на земле.

Но ему не пришлось занимать это место упокоения долгое время. В своей столице, как и в ряде других городов империи, он всегда старался построить слишком много при очень высоком темпе работ. Из-за этого на стройках постоянно не хватало квалифицированных специалистов и возникла опасная тенденция к экономии стройматериалов. Уже через четверть века по завершении строительства здание церкви Св. Апостолов начало давать поводы для беспокойства. А когда нависла опасность обрушения большого золотого купола, патриарх Македоний отдал распоряжение, чтобы тело императора было перенесено в целях безопасности в близлежащую церковь Св. Акакия Мученика. Здание, однако, вопреки опасениям патриарха не рухнуло и продержалось на протяжении двух столетий, пока в 550 г. не было полностью перестроено императором Юстинианом. А вот от тех двенадцати апостольских саркофагов и гробницы великого императора не осталось и следа.

2

Юлиан Отступник (337—363)

Молодой цезарь Констанций вел себя в Константинополе вполне пристойно, но только до того момента как императора Константина положили в огромную апостольскую гробницу, а сам Констанций и два его брата были провозглашены августами. Тут он разошелся вовсю. Был запущен слух, будто после смерти Константина в его зажатой ладони обнаружился исписанный клочок пергамента, где император обвинял двух своих сводных братьев, Юлия Констанция и Делмация, что те, мол, отравили его и сыновьям следует за него отомстить.

Вся эта история кажется попросту смехотворной, однако последствия ее стало ужасающими. Юлий Констанций был безжалостно убит вместе со своим старшим сыном. То же самое произошло с Делмацием и обоими его сыновьями, цезарями Делмацием и Ганнибалианом, царем Понтийским. Вскоре после этого подобная же участь постигла обоих зятьев Константина.

В начале лета 338 г. три правящих августа собрались вместе, с тем чтобы поделить свое огромное наследство. Констанцию отошел Восток, включая Малую Азию и Египет. Его старшему брату Константину II достались Галлия, Британия и Испания, а самому младшему брату, Константу, хотя ему было лишь пятнадцать лет, отошла самая большая часть территории: Африка, Италия, дунайские провинции, Македония и Фракия. Констант получил власть и над столицей, но в 339 г. уступил город своему брату Констанцию в обмен на его поддержку в борьбе против Константина II.

Скорее всего три августа рано или поздно должны были между собой поссориться. Инициативу здесь проявил Констан-

тин. Он, будучи старшим среди братьев, не считал их равней себе и попытался утвердить свое верховенство. В 340 г. Константин, собрав войско, вторгся во владения Константа, в Италию, со стороны Галлии, но младший брат оказался хитрее и устроил со своими солдатами засаду в окрестностях Аквилеи. Константин был разгромлен и убит, тело его сбросили в реку Альзу. С того времени осталось только два августа, а Констант, которому исполнилось лишь семнадцать лет, сосредоточил в своих руках верховную власть на Западе.

К сожалению, характер; Константа был не лучше, чем у его покойного брата; Секст Аврелий Виктор, римский наместник в Паннонии, описал его как «правителя несказанной развращенности». Констант фактически перестал проявлять заботу в отношении игравших исключительно важную стратегическую роль легионов, стоявших в долине Рейна и в верховье Дуная, отдав предпочтение забавам со своими белокуроыми германскими пленниками. В результате к 350 г. армия находилась на грани мятежа. И вот во время пиршества, которое давал один из главных министров Константа, некий языческий офицер по имени Магненций неожиданно надел императорскую порфиру и провозгласил себя императором: его товарищи поддержали узурпатора. Услышав эти новости, Констант пустился в бегство, но был быстро схвачен и казнен. Против Магненция немедленно выступил Констанций с большой армией. В сентябре 351 г. узурпатор был наголову разгромлен, а два года спустя покончил с собой, бросившись на свой меч.

Констанций утвердился в качестве единственного правителя Римской империи. Однако быстро выяснилось, что он не в состоянии единолично управлять такой огромной территорией. Все большее беспокойство доставляли германские конфедерации за Рейном. В рядах его собственной армии один за другим возникали заговоры. На Востоке продолжалась Персидская война. К осени 355 г. он окончательно осознал, что ему необходим помощник, то есть цезарь. Поскольку таковой мог быть выбран только из числа самых близких членов императорской семьи, на тот момент вырисовывалась лишь одна реальная кандидатура. Философ и ученый, он не имел ни военного, ни даже административного опыта, но это был умный, серьезный и трудолюбивый

человек и его верность императору никогда не ставилась под вопрос. Речь идет о двадцатитрехлетнем кузене августа, Флавии Клавдии Юлиане, более известном последующим поколениям как Юлиан Отступник.

Отец Юлиана, Юлий Констанций, был младшим из двух сыновей, которых родила императору Констанцию Хлору его вторая жена Феодора, — эта ветвь императорской семьи оказалась отодвинутой на задворки после возвышения Константином I предшественницы Феодоры Елены до высочайшего ранга августы. Значительную часть жизни Юлий Констанций провел в изгнании, но вскоре после смерти Елены Константин позвал его назад в Константинополь вместе со второй женой и детьми; там в 332 г. и родился его третий сын Юлиан. Мать ребенка умерла несколько недель спустя, и маленький мальчик вместе с двумя сводными братьями, значительно превосходившими его по возрасту, и сводной сестрой воспитывался сменявшими друг друга няньками и опекунами. Когда ему исполнилось всего лишь пять лет, был убит его отец, став жертвой той семейной кровавой бани, что устроил Констанций. Стал ли Юлиан свидетелем убийства — неизвестно, но он постепенно начал понимать, кто несет ответственность за это преступление, и его первоначальное уважение к двоюродному брату сменилось на неугасающую ненависть.

Для Констанция же молодой Юлиан представлял собой не более чем незначительный источник раздражения. Сначала император отослал его к Евсевию в Никомерию, а потом, когда Юлиану исполнилось одиннадцать лет, в далекую Каппадокию; компанией при этом мальчику служили одни только книги. В 349 г., будучи уже очень хорошо подкован как в классической, так и в христианской литературе, он получил разрешение серьезно заняться науками. Следующие шесть лет были счастливейшими в его жизни — Юлиан провел их путешествуя по всему греческому миру, переходя от одной философской школы к другой, слушая величайших мыслителей, ученых и риториков своего времени. Из числа непосредственных учителей Юлиана более всего привлекал Либаний, который отвергал христианство и оставался гордым язычником, открыто исповедовавшим свою веру. Вскоре и Юлиан стал отдавать предпочтение богам анти-

чности, хотя пройдет еще десять лет, прежде чем он открыто признается в своем вероисповедании.

Соученик Юлиана в Афинах Григорий Назианзин так вспоминал его:

«Не было вообще никаких признаков сильного характера в этой странно изогнутой шее, в этих ссутуленных, подрагивающих плечах, этих диких глазах, мечущих быстрые взгляды, этой шагающей походке, этой надменной манере шумно выдыхать через рельефный нос, этих смешных выражениях лица, этом нервном, неконтролируемом смехе, этой вечно кивающей голове и этой запинаящейся речи».

Будучи одним из ведущих христианских теологов империи, Назианзин, по всеобщему признанию, судил о Юлиане предвзято. Однако портрет, который он рисует, по крайней мере отчасти, подтверждается другими описаниями, дошедшими до нас. Юлиан не был красавцем. Он имел плотную и приземистую фигуру. Ясные темные глаза у него удачно сочетались с прямыми бровями, но все лицо портили огромный рот и свисающая нижняя губа.

Совершенно лишенный властных амбиций, Юлиан не просил ни о чем большем, кроме как о том, чтобы ему было позволено оставаться в Афинах с его учителями и его книгами, но он не мог послушаться повеления императора и прибыл в Милан. После мучительного ожидания, длившегося несколько дней, Юлиан был должным образом принят Констанцием, который ему сообщил, что отныне он цезарь. Молодого человека подстригли, побрили, а его нескладное тело втиснули в военную форму. 6 ноября Юлиана представили войску, которое шумно приветствовало его.

Юлиан всему учился быстро. И в большей степени ему, чем его осторожным полководцам, принадлежит заслуга в проведении ураганной военной кампании летом 356 г. Армия Юлиана прошла от Вены до Кёльна, который он вернул империи. На следующий год вблизи Страсбурга 13 000 его легионеров сокрушили франкскую армию численностью более чем 30 000 человек. В результате враг оставил на поле боя около 6000 человек убитыми, Юлиан же потерял только 247 солдат. Последовало еще несколько побед, и к концу десятилетия власть империи на Западе была полностью восстановлена.

А вот на Востоке, где непосредственно правил Констанций, ситуация была куда менее благополучная. В 359 г. император получил письмо от персидского шаха:

«Шапур, Шахиншах, брат Солнца и Луны, посылает приветствие...

Правители вашего государства были свидетелями того, что вся территория, прилегающая к реке Стримон и заключенная в границах Македонии, некогда принадлежала моим предкам; но, поскольку мою душу тешит умеренность, я удовольствуюсь получением Месопотамии и Армении, которые были обманным путем отторгнуты от владений моего деда. Я предупреждаю вас, что, если мой посол вернется с пустыми руками, я выступлю против вас со всей своей армией, как только закончится зима».

Констанций, осознавая, что ныне он столкнулся с самым значительным вызовом за все время своего правления, в январе 360 г. направил посла в Париж, требуя огромных военных подкреплений. Но Юлиан ранее обещал своим галльским отрядам, что они никогда не будут посланы на Восток, поскольку его воины не без оснований опасались, что если они отправятся туда, то уже никогда не увидят своих семей. И тогда их ближайшие родственники не только окажутся в нужде, но и превратятся в легкую добычу для беспощадных варваров, которые, конечно же, вновь наводнят западные территории империи, оставшиеся без надлежащей защиты.

Мы никогда уже не узнаем, что происходило в парижской штаб-квартире Юлиана в те роковые дни. Согласно его собственному рассказу, он, несмотря ни на что, был настроен повиноваться указу императора, но легионеры имели на этот счет совсем другое мнение. Вскоре он увидел, что ему придется столкнуться с открытым мятежом. Но даже тогда, утверждал Юлиан, призывая в свидетели всех своих античных богов, он не имел представления, что творится в умах его солдат. Готовились они провозгласить Юлиана августом или же собирались разорвать на куски? И вот его секретарь, дрожа от страха, пришел доложить, что армия направляется к дворцу. «Всматриваясь в окно, — писал Юлиан, — я начал молиться Зевсу. И когда массовое буйство захлестнуло уже сам дворец, я обратился к нему с мольбой дать мне знак; и он дал мне его, повелев уступить воле армии. И даже тогда я

сопротивлялся столь долго, сколько мог, отказываясь принять предлагавшийся венец. Но поскольку я один не мог контролировать столь многое и поскольку боги истощили мою решимость, где-то на третьем часу случилось так, что какой-то солдат дал мне диадему и я надел ее на голову».

Но действительно ли так упорно Юлиан противился воле своих солдат? За те четыре с половиной года, что он провел в Галлии, возросли его мужество, уверенность в своих силах и, очень вероятно, амбиции. К этому времени Юлиан, по-видимому, также пришел к убеждению, что он божественной волей предназначен восстановить старую религию в империи. Тем более что он получил — или думал, что получил, — знак от Зевса. Поэтому вряд ли он противился принятию диадемы. Правда, выясняется, что никакой диадемы и не существовало. Аммиан Марцеллин, один из охранников императора и наверняка свидетель этих бурных событий, пишет, что солдаты сначала предложили короновать Юлиана ожерельем его жены, а потом налобной повязкой лошади, но в обоих случаях цезарь ответил отказом. Наконец один солдат снял большую золотую цепочку со своей шеи и водрузил ее на голову Юлиана. Инаугурация состоялась. Пути назад быть не могло.

Юлиан счел необходимым известить кузена о том, что произошло, и предложить ему некое компромиссное соглашение. Посланники Юлиана обнаружили Констанция в Каппадокии. Тот, получив от них письмо мятежного цезаря, пришел в страшный гнев. Однако, будучи на тот момент связанным военными операциями на Востоке, все, что он мог сделать открыто, это послать Юлиану суровое предупреждение. Втайне же Константин начал подстрекать варварские племена к возобновлению атак в долине Рейна. И лишь четыре года спустя, воспользовавшись передышкой в персидской кампании, он сумел подготовить наступательную операцию против двоюродного брата.

Юлиан никак не мог решить, что ему следует предпринять: встретить Констанция на полпути, в долине Дуная, где он мог присовокупить к своей армии расквартированные там войска, в лояльности которых он был не слишком уверен, или же ждать противника в Галлии, на собственной земле, с безусловно верными ему легионами. И снова, как нам о том сообщают хронис-

ты, боги дали ему знак. Во исполнение их воли, Юлиан принес быка в жертву Беллоне, богине войны, собрал свою армию в Вене и выступил на Восток. Юлиан продвинулся только до Наисса (Ниша) на территории современной Сербии, когда из столицы пришло неожиданное сообщение: Констанций умер, а Юлиан уже признан императором всеми армиями на Востоке. Выяснилось, что Констанция в Тарсе свалила лихорадка и 3 ноября 361 г., в возрасте сорока четырех лет, его не стало.

Юлиан поторопился отправиться в Константинополь. Когда тело его предшественника доставили в столицу, он облачился в траурную одежду и распорядился объявить траур во всем городе. Стоя на пристани, новый император наблюдал за выгрузкой гроба. Потом он возглавил похоронную процессию, направившуюся к церкви Св. Апостолов, и, не стыдясь, плакал во время погребения убийцы своего отца. Только после того как похоронная церемония завершилась, он принял символы имперской власти и более никогда в жизни не посещал христианских церквей.

По восшествии Юлиана на престол был создан военный трибунал для суда над некоторыми верховными министрами и советниками Констанция, заподозренными в злоупотреблении своими властными полномочиями. Несколько человек приговорили к смерти, причем двоих погребли заживо. По самому дворцу тоже прошла новая метла — тысячи человек были уволены без всякой компенсации. От всего дворцового персонала остался лишь базовый костяк, призванный обеспечивать личные нужды императора — потребности одинокого человека (его жена Елена к тому времени умерла), аскетичного и ведущего умеренную жизнь, для которого еда и питье представляли весьма малый интерес, а радости человеческого общения и вовсе никакого. Радикальные преобразования были также осуществлены в аппарате правительства, причем с ориентацией на старые республиканские традиции.

Но подобного рода мероприятия мог осуществить в принципе любой новый император. Что отличает Юлиана как правителя, так это его исключительная преданность язычеству. Когда Юлиан был цезарем, ему приходилось внешне выказывать приверженность христианской вере, но как только услышал о смер-

ти Констанция, более уже не притворялся. Став августом, Юлиан взялся за составление законов, которые, по его мнению, должны были искоренить христианство и восстановить почитание древних богов во всей Римской империи. Он не считал нужным прибегать к репрессиям — мученики всегда только укрепляли христианскую церковь. Прежде всего он полагал аннулировать указы, в соответствии с которыми были закрыты языческие храмы, потом объявить амнистию для всех тех ортодоксальных клириков, которых проарианское правительство Констанция отправило в ссылку. В результате, считал Юлиан, ортодоксы и ариане снова вцепятся друг другу в глотки. По замечанию историка Аммиана, «он опытным путем установил, что никакие дикие звери не бывают столь враждебны по отношению к человеку, как христианские секты в отношении друг друга. В конце концов, был уверен новый император, христиане убедятся в ошибочности своего пути — это лишь вопрос времени».

Юлиан являл собой уникальное в своем роде сочетание: римский император и одновременно греческий философ и мистик. Как император он знал, что его империя больна. Армия морально разлагается и все менее способна поддерживать мир и спокойствие вдоль границ государства. Правительство изъедено коррупцией. Такие старые римские добродетели, как мужество, честь и чувство долга, теперь мало кем ценятся. Непосредственные предшественники Юлиана были сибаритами и сластолюбцами, еще способными повести войска в бой, но гораздо более того предпочитавшими покойно нежиться в своих дворцах в окружении женщин и евнухов. Конечно, все это являлось результатом нравственного упадка в обществе. Как философ, Юлиан попытался обнаружить причину этого упадка и пришел к заключению, что виновник здесь один — христианство. Оно третировало моральные ценности старого Рима, его суровую простоту и благородную мужественность, пропагандируя при этом слюнявую мягкотелость вроде подставления под удар другой щеки. Христианство лишило империю силы и стойкости, на место которых пришли изнеженность и беспомощность, причем это произошло во всех социальных слоях.

И все же Юлиан подходил к религии более с эмоциональной, нежели с рассудочной стороны. Ему никогда не приходило в

голову, что все проблемы империи вполне могли возникнуть и при старой вере. Летом 362 г. император перебрался в Антиохию, готовясь в следующем году предпринять экспедицию в Персию. Когда он проходил через районы Малой Азии, то обратил внимание, что, несмотря на его антихристианскую политику, нет никаких признаков, что христианские общины рвут друг друга в клочья, а язычники, в свою очередь, явно не стали сильнее и сплоченнее, нежели во времена Константина Великого. Пытаясь активизировать культ античных богов, император перемещался из храма в храм, лично участвуя в ритуальных жертвоприношениях, но добился лишь того, что подданные прозвали его «мясником».

Не сумев поднять статус языческой религии, Юлиан решил усилить ее влияние иным путем: увеличить давление на ее конкурентов — христиан, и 17 июня 362 г. издал указ, в соответствии с которым ни одному учителю отныне не позволялось преподавать, не заручившись одобрением местного городского совета и — через него — самого императора. В циркуляре Юлиан объяснял, что христианин, занимающийся преподаванием античной литературы — а она в те годы составляла основу всего школьного курса обучения, — не может считаться нравственным человеком, поскольку учит тому, во что сам не верит. Таким образом, учитель-христианин должен был менять либо профессию, либо веру. В ответ на это начали проводиться христианские демонстрации, а 26 октября был сожжен дотла храм Аполлона в Дафне. Юлиан в отместку закрыл великий антиохийский храм, конфисковав всю его золотую утварь. Напряжение начало быстро нарастать. По ходу его эскалации не один пылкий молодой христианин обрел мученический конец. Воистину благословенным днем для христиан стало 5 марта 363 г., когда Юлиан во главе 90 000 воинов отправился на Восток, с тем чтобы уже не вернуться оттуда живым.

Что касается войны с Персией, то здесь не происходило ничего принципиально нового. Две обширные империи сражались друг с другом за приграничные территории на протяжении двух с половиной столетий. Шапуру II исполнилось к тому моменту пятьдесят четыре года, и он занимал персидский трон как раз в течение всего этого времени. Формально даже несколько дольше,

поскольку он, возможно, является единственным монархом на протяжении всей мировой истории, который был коронован *in utero**. У Гиббона мы находим следующее описание:

«Царская кровать, на которой лежала беременная царица, была выставлена в центральной части дворца; диадема располагалась на том месте, под которым должен был находиться будущий наследник, а простертые ниц сатрапы славили величие их пока еще невидимого и неошутимого суверена».

Последние серьезные военные события происходили в 359 г., когда Шапур захватил ключевую крепость Амиду — ныне это турецкий город Диярбакыр, — которая позволяла контролировать и территорию в верховье Тигра, и подступы к Малой Азии со стороны Востока. Теперь, чтобы совершенно не упустить контроль над ситуацией, римлянам требовалось предпринять крупное контрнаступление, и Юлиан, искренне полагая, что он является реинкарнацией самого Александра Великого, жаждал увенчать себя такой же славой. В Берое, современном Алеппо, император заколол белого быка в акрополе — в подношение Зевсу. Далее на всем пути следовали такие же жертвоприношения в основных языческих святилищах, пока после нескольких малообременительных осад и стычек Юлиан не оказался на западном берегу реки Тигр, воззвись на стены Ктесифона, персидской столицы. На противоположном берегу находилась персидская армия, уже построенная в боевой порядок. Римские военачальники, к большому своему неудовольствию, обнаружили, что в ее рядах, помимо обычной кавалерии, было некоторое количество слонов, представлявших собой мощное оружие не только потому, что римские солдаты не имели опыта борьбы с ними, но и из-за их запаха, который приводил лошадей римлян в паническое состояние. Тем не менее Юлиан отдал приказ переправляться через реку, и завязалась битва. Она закончилась — к удивлению многих по обе стороны линии фронта — сокрушительной победой римских войск. Согласно Аммиану, который принимал участие в бою, было убито 2500 персов, римляне же потеряли только 70 человек.

Победное сражение состоялось 29 мая, но уже на следующий день император осознал, что радоваться особенно нечему. Кте-

* *In utero* — во чреве (лат.).

сифон был практически неприступен, а основная армия Шапура, численностью намного большая той, что была разгромлена накануне, быстрыми темпами приближалась к месту противостояния. К тому же стояла убийственная жара, а мух, по словам Аммиана, было столько, что они закрывали солнечный свет. Ко всему прочему римскому войску не хватало продовольствия. Все это, естественно, отрицательно влияло на моральное состояние армии. Аммиан указывает, что Юлиан склонялся к тому, чтобы продвинуться в глубь вражеской территории, но его военачальники воспротивились этому намерению.

16 июня началось отступление. Десять дней спустя вблизи Самарры армия неожиданно подверглась ожесточенной атаке со стороны персов. Снова были использованы наводящие ужас слоны, снова полетели копья и засвистели стрелы. Не успев застегнуть ремень кирасы, Юлиан бросился в самую гущу сражения, и как раз в тот момент, когда персы уже начали отступать, стрела вонзилась ему в незащищенную часть тела — правый бок. Ее удалось извлечь из печени, но непоправимый вред был уже нанесен. Император умер около полуночи. Согласно легенде он набрал в ладонь крови, вытекавшей из его раны, и прошептал: «Ты победил, Галилеянин!»

Юлиану на момент смерти исполнился тридцать один год, он занимал императорский трон всего лишь девятнадцать с половиной месяцев. В качестве императора он проявил себя неудачником. Юлиан тратил уйму времени и энергии на совершенно безнадежное дело — попытки возродить к жизни смертельно больную, не имеющую исторических перспектив религию, — в ущерб той, которая будет служить духовной опорой империи на протяжении последующей тысячи лет. Он сделался крайне непопулярен в среде своих подданных — как христиан, так и язычников; и те и другие ненавидели его пуританство и назойливое проповедничество. К тому же он едва не уничтожил целую армию в ходе военной кампании, которая закончилась полной неудачей. Тем не менее именно фигура Юлиана более остальных восьмидесяти восьми императоров Византии привлекала внимание потомков.

Не многие монархи обладали его образованностью и умом, его энергией и усердием, его мужеством и неподкупностью, его

лидерскими качествами и поразительной способностью восходить на высочайшие ступени духа в служении империи и прежде всего своим богам. К сожалению, он обладал и недостатками, которые не позволили ему добиться сколько-нибудь существенных достижений. Ему мешали религиозный фанатизм и нехватка проницательности; временами — удивительная нерешительность. Слишком часто в затруднительной ситуации он обращался к богам с просьбой подать ему путеводный знак, хотя, с его волей и интеллектом, Юлиан мог бы самостоятельно принимать любые решения. Возможно, проживи он дольше, то справился бы с этими недостатками и стал бы одним из величайших римских императоров. Но жизнь его оборвалась слишком рано. Юлиан умер именно так, как мог умереть только он, — храбро, но без особой на то нужды, не оставив после себя ничего, кроме памяти о выбравшем ошибочный путь молодом визионере, который попытался изменить мир. Но потерпел крушение.

3

Империя в трудном положении (363—395)

После смерти Юлиана римская армия оказалась без лидера. И на следующий день рано утром состоялось массовое собрание ее представителей для назначения его преемника. Относительно небольшая группа солдат добилась выдвижения Иовиана, тридцатидвухлетнего командира императорской гвардии. Этот грубовато-добродушный воин был весьма популярен в своем кругу. Он являлся христианином, но в повседневной жизни в числе его главных приоритетов были вино и женщины. Поскольку Иовиан не обладал никакими особыми дарованиями, его избрание императором трудно назвать удачным решением.

И вот при этом новом, совершенно лишенном харизмы лидере продолжилось унылое, изматывающее отступление вдоль Тигра, сопровождаемое постоянными атаками персов. В начале июля, после того как римской армии удалось осуществить-таки переправу через реку, несмотря на противодействие Шапура, тот предложил Иовиану мирный договор. Условия его были унижительны для римлян, но новый император почел за благо их принять. Заключенное в результате соглашение гарантировало тридцатилетний мир и возврат Персии пяти приграничных провинций и восемнадцати важных крепостей. К тому же римляне обязались не помогать Армении в случае нападения на нее персов, что было равносильно отказу от каких бы то ни было притязаний в отношении этой страны. Правление Иовиана началось катастрофически.

В Нисибисе тело Юлиана было набальзамировано, потом его отправили в Тарс для захоронения. Тем временем Иовиан издал

указ о религиозной терпимости, восстановив в полном объеме права и привилегии для христиан во всей империи. В середине октября он предпринял поездку по Анатолии. В целом его везде принимали с энтузиазмом, но в Анкире имел место неприятный казус: по ходу торжественной встречи присутствовавший на ней сын Иовиана, младенец Варрониан, начал оглушительно выть, и самые суеверные сразу же увидели в этом дурной знак.

Похоже, они не ошиблись. Через несколько дней, 16 февраля 364 г., Иовиан был обнаружен в своей спальне мертвым. «Некоторые, — пишет Гиббон, — приписывали его смерть последствиям несварения... Другие считали, что он задохнулся во сне от паров древесного угля, причиной появления которых была нездоровая влажность свежештукатуренных стен комнаты». Как ни странно, никому не пришла в голову мысль, что это было коварное убийство.

Избрание Иовиана императором привело не только к восстановлению христианства в правах, но и ознаменовало конец династии, которая правила империей более полувека. Престол снова стал призом, в борьбе за который могли принять участие все желающие. Новым августом армия почти единодушно избрала Валентиниана, профессионального военного родом из Паннонии. Недостаточно образованный, зато чрезмерно вспыльчивый, он не казался достойным носителем порфиры. Зато в свои сорок два года Валентиниан все еще мог похвастаться великолепной физической формой и внушительным внешним видом, что импонировало простым воинам, отдавшим за него свои голоса. Будучи набожным христианином, он, однако, временами был способен проявлять несказанную жестокость.

Когда Валентиниана признали императором, от него потребовали тут же назначить соправителя, но он проявил твердость и ответил отказом. Только после того как его армия достигла Константинополя, император объявил вторым августом своего младшего брата Валента, многих этим обескуражив. Валент являлся арианином с почти гротескной внешностью — кривоногий, пузатый, косоглазый. Будучи на семь лет младше Валентиниана, он ничем не походил на брата — разве что жестокими поступками. Зато Валентиниан мог в полной мере положиться на него в том плане, что он не станет источником разного рода интриг. Вален-

ту выпало править империей на Востоке, тогда как Валентиниан обосновался на Западе, объявив своей столицей Милан.

В следующее десятилетие мы обнаруживаем обоих императоров в гуще борьбы: Валент преследует готские племена вдоль дунайской границы, а затем, в 371 г., выступает в поход — долгое время откладывавшийся — на Восток, где Шапур низвел Армению до статуса сателлита. Валентиниану же приходилось иметь дело с постоянными вторжениями варваров в Галлию — лишь в 373 г. он покинул эту область, когда там стало заметно спокойнее. Однако почти сразу же разразилась новая напасть: в придунайском районе обычно мирное племя квадов вторглось в пределы империи и начало опустошать приграничные территории. Потом квады направили к Валентиниану посольство, которое заявило, что настоящими агрессорами были сами римляне.

Валентиниан воспринял такое обвинение как оскорбление Риму. Гнев рос в нем; по мере того как он выслушивал послов, его лицо все больше наливалось кровью, и вдруг император упал, разбитый апоплексическим ударом. Он умер 17 ноября 375 г.

Валентиниан заботился о целостности империи так, как не многие императоры до него. Будучи христианином, он не выказывал неприязни к тем, кто не разделял его собственную никейскую веру. Как правитель, он пытался быть справедливым, и хотя его наказания были весьма суровы, они, по крайней мере, назначались лишь тем, кто действительно совершил преступление. И все же из-за своей жестокости Валентиниан не снискал большой любви у подданных империи и при известии о его кончине слез никто не проливал.

Еще в 367 г. Валентиниан убеждал войска признать его семилетнего сына Грациана августом. Однако, когда император лежал на смертном ложе, зная, что Грациан далеко — в Трире, а Валент еще дальше — в Антиохии, он послал за своим сыном от второго брака, которого также звали Валентинианом и которому было только четыре года, и провозгласил его августом вместе опять-таки с Грацианом. Таким образом, империя стала иметь трех правителей: уродливого садиста средних лет, наивного и очаровательного юношу шестнадцати лет и ребенка, едва покинувшего колыбель. От них троих зависело будущее империи и один из критических моментов ее истории — уже через год ей

пришлось столкнуться с самыми грозными захватчиками, которых она когда-либо встречала. Гунны являлись настоящими дикарями — это была огромная, плохо дисциплинированная варварская орда монгольского происхождения. Эта орда хлынула из центральноазиатских степей, уничтожая все на своем пути. Остготы пытались ей сопротивляться, но напрасно, и уже многие из готов просили разрешения у Валента обосноваться в империи, на фракийской равнине.

В 376 г. их просьбы были удовлетворены, и Валент дал указания своим представителям на местах обеспечить их пищей и кровом. Увы, его распоряжения оказались проигнорированы, а Лупицин, фракийский князь, своими бесчеловечными действиями поставил переселенцев на грань голодного существования. Фракийские готы, придя в отчаяние, начали боевые действия против римлян; к восставшим присоединились остготы и даже гунны — и таким образом началась полномасштабная война.

Ситуация весной 378 г. становилась все более угрожающей, и Валент во главе войска направился на Балканы. 9 августа 378 г. римляне потерпели разгромное поражение, император был убит стрелой, и вместе с ним погибло две трети римской армии.

Исход войны теперь зависел от Грациана, которому исполнилось только девятнадцать лет. Не имея пока возможности покинуть Запад, он обратился к сыну одного из главных военачальников своего отца и тоже известному полководцу Феодосию, дабы тот усмирил повстанцев. Феодосий в последующие несколько месяцев проявил себя настолько эффективным руководителем, что в январе 379 г. Грациан назначил его соправителем. Расположив штаб-квартиру в Фессалониках, Феодосий сумел наладить доверительную атмосферу в отношениях с готскими племенами, и к лету 380 г. благодаря его спокойной, взвешенной политике они получили наконец возможность обосноваться на своей новой территории. Во Фракии вновь воцарился мир, а 24 ноября Феодосий триумфально вступил в Константинополь. «Теперь, когда раны, полученные во время борьбы, залечены, — заявил придворный оратор Фемистий, — самые храбрые враги Рима станут самыми верными и самыми преданными его друзьями».

Возвышение Феодосия явилось, в сущности, самым значительным и имевшим самые далекие последствия деянием Гра-

циана, совершенным во благо империи. Но по иронии судьбы в тот самый год, когда Феодосием был подписан мирный договор с готами, произошло и низвержение Грациана. Не многие римские императоры демонстрировали большие, чем у него, задатки, но в двадцатичетырехлетнем возрасте он уже начал проявлять признаки лени. Еще более опасным для Грациана было пристрастие, которое он питал к своей личной страже, состоявшей из варваров — высоких белокурых аланов, что немало раздражало римских воинов. В результате, когда его военачальник Магн Клеменс Максим, служивший в Британии, неожиданно провозгласил себя августом, он нашел поддержку в войсках. Через несколько дней после этого самозванец высадился в Галлии и дал бой армии Грациана под Парижем. Император, возможно, и выиграл бы сражение, но его мавританская кавалерия неожиданно отступила. Он бежал, но был схвачен в Лионе и там же 25 августа убит.

Феодосий, воспринявший эти известия с ужасом, собирался расправиться с узурпатором, но не решился покинуть Константинополь. За новым персидским правителем Шапуром III нужен был глаз да глаз, а гунны продолжали создавать проблемы вдоль северной границы империи. В результате Феодосию все же пришлось признать Магна Максима августом. Так же поступило большинство провинций Запада за исключением Италии, на которую распространялась власть соправителя Грациана — двенадцатилетнего Валентиниана II, имевшего резиденцию в Милане. Мать юного августа Юстина, являясь фанатичной арианкой, препятствовала епископу Амвросию Медиоланскому обратить Валентиниана в никейскую веру. Это оказалось удобным предлогом для Максима, который в 387 г. перешел через Альпы, дабы, мол, освободить империю от ереси. Юстина и Валентиниан бежали в Фессалоники, где к ним присоединился Феодосий (он был женат на дочери Юстины Галле) и начал готовиться к войне с Максимом. В июне 388 г. он и Валентиниан совершили переход через горы Македонии и Боснии. Военная кампания продолжалась недолго, и в том же году Максим был пленен в Аквилее. Склонный к проявлению милосердия, Феодосий хотел сохранить ему жизнь, но императору помешали сделать это его собственные воины.

Назначив франкского полководца Арбогаста комитом* — фактически правителем — Галлии, в 389 г. Феодосий вместе с четырехлетним сыном Гонорием и Валентиниан отправились в Рим. Местная знать недолго любила Феодосия, поскольку тот активно боролся с языческим влиянием, но доступность и обаяние обеспечили ему огромную популярность в народе. Потом оба августа вернулись в Милан, пробыв там год, — именно тогда и имела место знаменитая конфронтация между Феодосием и епископом Амвросием.

При инциденте, приведшем к их столкновению, сами они не присутствовали: это было убийство в Фессалониках начальника гарнизона — гота по имени Боферик. Среди горожан давно уже нарастало недовольство в отношении расквартированных в округе войск. А когда Боферик посадил в тюрьму самого известного в городе возницу гоночных колесниц, толпа атаковала штаб гарнизона и растерзала Боферика. Когда о происшествии доложили Феодосию, находившемуся в Милане, его гнев был ужасен. Напрасно Амвросий молил императора не мстить многим за преступления нескольких человек — Феодосий распорядился, чтобы войска восстановили свою власть и авторитет в городе любым способом, который они сочтут подходящим. Позднее Феодосий отменил этот приказ, но он уже был получен и солдаты повиновались ему с чрезмерно большой охотой. Они намеренно выжидали, пока местные жители в большом количестве не соберутся на ипподроме, чтобы посмотреть конные состязания, а потом солдаты набросились на них. К наступлению ночи было убито 7000 человек. Рассказы о бойне в Фессалониках быстро распространились по всей империи, причем вину заранее возлагали по большей части на Феодосия.

К этому времени Амвросий Медиоланский был уже самым влиятельным клириком в христианском мире — более влиятельным, чем папа римский. Принадлежавший к одной из самых древних фамилий римской аристократии, Амвросий никогда не имел намерения пополнить ряды священства. Но когда выяснилось, что только он один, даже будучи мирянином, обладал достаточ-

* Комит — титул многих должностных лиц в ранневизантийскую эпоху (комит экскувитов — начальник императорских телохранителей, комит дворцовых щедрот ведал раздачей наград и т.д.).

ным авторитетом для того, чтобы предотвратить открытую борьбу между ортодоксальной и арианской фракциями в городе, Амвросий согласился принять сан. За одну только неделю он прошел через последовательные стадии новообращенного, священника и епископа, после чего роздал все свое немалое состояние бедным, а его личная жизнь приняла абсолютно аскетичную форму. Лишь только услышав об убийстве Боферика, Амвросий сделал все, чтобы побудить Феодосия к проявлению выдержки, хотя это ему в итоге не удалось. Когда же он узнал о расправе в Фессалониках, то собственноручно написал императору письмо, в котором сообщал, что, несмотря на сохраняющееся огромное уважение, с сожалением вынужден воздержаться от общения с ним, пока тот не понесет публичную епитимью за свое преступление.

И Феодосий покорился. Его поведение в ситуации с убийством Боферика было совершенно нехарактерным. Почти наверняка дело обстояло так, что военное окружение Феодосия сумело убедить его в необходимости жестких мер. По-видимому, душа императора испытала огромное облегчение, когда он, одетый во власяницу, с непокрытой головой, покорно явился в миланский храм, дабы испросить прощения. То был поворотный момент в истории христианства — впервые церковник имел смелость возвысить духовную власть над светской и впервые христианский правитель публично согласился с этим.

В начале 391 г. оба императора покинули Милан: Феодосий — для того чтобы вернуться в Константинополь; Валентиниан — дабы утвердить свою власть в Галлии, где правил в его отсутствие комит Арбогаст. Однако по прибытии во Вьенн Валентиниан понял, что Арбогаст не имел намерения передавать ему бразды правления. Полный решимости отстоять свою власть, молодой август вручил комиту письменное распоряжение, в котором содержалось требование его немедленного ухода с должности. Арбогаст на мгновение взглянул на Валентиниана и потом медленно и с презрением порвал его указ в клочки. Это означало объявление войны, и несколько дней спустя, 15 мая 392 г., молодой император, которому только что исполнился двадцать один год, был найден мертвым в своих покоях.

Арбогаст, будучи язычником, не мог сам претендовать на диадему, но его вполне удовлетворяла роль теневого лидера и он

решил сделать августом своего приспешника Евгения, христианина средних лет. К Феодосию были направлены послы с соответствующим предложением, но император, дав уклончивый ответ, начал готовиться к войне против Арбогаста. Эта подготовка продолжалась на протяжении всего 393 г., и за это время Арбогасту удалось, несмотря на сильное сопротивление со стороны Амвросия, добиться того, чтобы его протееже был признан в Италии. Главной опорой Арбогасту служила его старая гвардия, состоявшая из язычников. Она была рада приветствовать императора, который несколько не возражал против восстановления древних жертвенников. К середине года Рим стал свидетелем полномасштабного возрождения язычества. Небо было туманным от дыма бесконечных жертвоприношений, во время которых старые авгуры не спускали глаз с внутренностей дымящихся жертв.

Когда в начале лета 394 г. Феодосий выступил с войском против претендента-выскочки, он осознавал, что борется не только за соблюдение законов империи, но также и за христианскую веру. Император хорошо подготовился к сражению: помимо римских легионеров в его армии было около 20 000 готов — многие из них под командованием своих племенных вождей, в числе которых находился и молодой командир по имени Аларих. Своим заместителем Феодосий назначил вандала Стилихона, который недавно женился на его племяннице Серене. Император отдавал команды бодрым голосом, но на сердце у него было тяжело: только что его любимая жена Галла умерла при родах.

Два войска встретились 5 сентября чуть севернее Триеста. Во время битвы разыгралась пыльная буря, сопровождавшаяся ветрами ураганной силы. Войску Феодосия эти ветры дули в спину, а солдатам Арбогаста — в лицо, и пыль забивала им глаза. Все кончилось тем, что Евгений был обезглавлен; Арбогаст сумел бежать, но после нескольких дней скитаний, измученный невзгодами, бросился на меч.

Феодосию пришлось время подумать о наследовании престола. Валентиниан умер бездетным, и Феодосий решил разделить империю между двумя своими сыновьями, отдав старшему, Аркадию, Восток, а младшему, Гонорию, — Запад. Оба находились в Константинополе, и Гонорий был вызван в Милан, но приехать

не успел: 17 января 395 г. на пятидесятом году жизни Феодосий умер.

Феодосия потомки называли Великим. Заслужил ли он это звание? Возможно, нет — по сравнению с императором Константином. Но, конечно, он очень близок был к величию. Правь Феодосий дольше, он мог бы даже спасти Западную империю, но только через полтора столетия римляне вновь увидели государственного деятеля, подобного ему.

4

Падение Запада (395—493)

Феодосий Великий был последним императором, правившим единой Римской империей. С момента его смерти начинается восьмидесятилетний период упадка Западной империи, завершившийся тем, что ее император, по иронии судьбы носивший имя основателя Рима Ромула, окончательно покорился правителю-варвару. Но империя Востока продолжает существовать, постепенно обретая собственные личностные черты: латинский мир уступает место греческому; мир интеллекта — миру духа; при этом классическая культурная традиция остается неразрушенной.

Когда Феодосий умер, его старшему сыну Аркадию было семнадцать лет, Гонорию — десять. Перед смертью Феодосий вверил их попечению Стилихона, чья звезда к тому времени уже быстро всходила на политическом небосклоне. Сын вандальского племенного вождя, он каким-то образом привлек к себе внимание Феодосия, и тот отдал ему в жены Серену — свою любимую племянницу и приемную дочь.

Хотя Стилихон был ответствен за обоих молодых августов, основным предметом его заботы являлся Гонорий. Аркадий же, находясь далеко в Константинополе, подпал под не очень желательные влияния — особенно префекта претория* Руфина. Почти несомненно то, что именно Руфин побудил Феодосия отдать приказ о военной акции в Фессалониках. Во всем Константино-

* Префект претория — высшая гражданская должность в префектуре. Со времен Константина Великого вся Римская империя была разделена на четыре префектуры — Восток, Иллирик, Италия и Галлия.

поле были хорошо известны алчность и развращенность Руфина, но, помимо этого, он являлся очень амбициозной личностью. Невеликий умом и слабый характером, Аркадий легко мог стать марионеткой в его руках, но этому мешал старый евнух по имени Евтропий. Имевший совершенно лысую голову и сморщенное желтое лицо, Евтропий выглядел настоящим уродом, но, как и Руфин, был умен, неразборчив в средствах и до крайности амбициозен. Евнух знал, что его враг Руфин планировал выдать свою дочь за Аркадия. После такого брака префекту претория оставался один шаг до самого трона, а Евтропию — возможно, до могилы. Поэтому он нашел девушку поразительной красоты по имени Евдоксия и в отсутствие Руфина привел ее во дворец. Ко времени возвращения Руфина Аркадий и Евдоксия были уже помолвлены.

В 395 г., как раз во время их бракосочетания, находившиеся на территории Восточной империи готы подняли восстание. Вождем своим они выдвинули двадцатипятилетнего Алариха. За несколько дней повстанцы подошли к самым стенам Константинополя, но вдруг повернули — возможно, Руфин от них откупился — и направились на запад, в сторону Македонии и Фессалии. Встревоженный действиями Алариха, Аркадий направил послание Стилихону в Милан, требуя от него, чтобы он вернул находившуюся там восточную армию так быстро, как только возможно. Стилихон выступил немедленно во главе объединенной западной и восточной армии, однако, вместо того чтобы направиться прямо к Константинополю, вознамерился противостоять Алариху в Фессалии. Но здесь он получил новое распоряжение от императора: восточная армия должна была немедленно идти к столице, а самому Стилихону следовало вернуться на запад. Стилихон приказ выполнил: восточная армия двинулась к Константинополю, а сам он вместе с западной отправился домой.

Аларих тем временем совсем разбушевался. Из Фессалии он пошел на юг в сторону Аттики, полностью разрушив порт Пирей. Обойдя Афины с их высокими стенами, Аларих перешел через Коринфский перешеек в Пелопоннес, разграбив Спарту и центральную равнину полуострова, но в начале 396 г. из Италии по морю неожиданно прибыл Стилихон с большим войском, и Аларих обнаружил, что окружен.

Уже казалось, что готы в полной власти Стилихона, но последний вдруг позволил армии Алариха уйти. Почему он так поступил? По-видимому, Стилихон с Аларихом заключили какую-то сделку, о характере которой мы еще поговорим.

А что же произошло с армией Востока, столь поспешно вызванной Аркадием? Ее командир Гайна, как ему и было велено, повел войско в Константинополь, остановившись прямо напротив Золотых ворот. Его встретил Аркадий в сопровождении Руфина. Вдруг император смешался с толпой прибывших солдат и начал просить их о помощи. Сначала Руфин не заметил, что они медленно окружают его; когда же он все понял, было слишком поздно. Мгновение спустя его умертвили.

Теперь, когда лишь один Евтропий имел доступ к уху императора, по всей империи, более чем когда-либо, распространилась коррупция. В 399 г. Евтропий добился того, что его назначили консулом. Хотя этот титул давно уже был чисто номинальным, он продолжал оставаться высшей степенью отличия, которую могла предоставить империя. И когда его присвоили бывшему рабу и prostituiрованному кастрату, константинопольцы были обозлены сверх всякой меры. Ход событий ускорил Гайна, чьи солдаты зарубили Руфина четыре года назад. Весной 399 г. направленный во Фригию для подавления очередного мятежа, он отправил послание Аркадию, в котором указывалось, что инсургенты выдвинули лишь несколько вполне приемлемых требований, которые легко было исполнить. В первом говорилось о выдаче Евтропия. Аркадий колебался. Но тут в дело вмешалась сама императрица.

Евдоксия была первой в той длинной череде византийских императриц, чьи имена со временем стали олицетворением роскошной жизни и чувственных удовольствий. Говорили, что она даже бравировала своей развращенностью, нося длинную челку, — в те времена это являлось фирменным отличием куртизанок. Своим положением она всецело была обязана Евтропию, но он напоминал ей об этом факте слишком часто.

Итак, император отдал соответствующее распоряжение и Евтропий в ужасе кинулся искать прибежища в собор Св. Софии, бросившись там к ногам епископа Иоанна Златоуста. Симпатии к Евтропию у этого мрачного клирика было не больше, чем у

Евдоксии, но епископ никому не мог отказать в праве на убежище. Когда прибыли солдаты, он неумолимо встал перед ними и заставил их уйти, в то время как трясущийся от страха евнух сидел, съезжившись, под главным престолом.

В конечном итоге Евтропий решил сдаться императору — на тех условиях, что ему будет сохранена жизнь. Его сослали на Кипр, но вскоре вернули назад и казнили.

IV в. оказался воистину судьбоносным для Римской империи. За это столетие произошло рождение новой столицы, а христианство стало официальной религией государства. Однако под конец века ситуация уже не выглядела такой мажорной: Запад явил безмолвие и инерцию перед лицом реальной угрозы со стороны варваров, с Востока же доносилось только жалкое хныканье безвольного императора, которого порочная жена выставила на всеобщее посмеяние как недееспособного рогоносца. А вот новый век стартовал чрезвычайно бурно — ранним летом 401 г. готы вторглись в Италию.

Алариху, величайшему из всех вождей готов, принадлежит доминирующая роль в начале V в. в истории империи. Но еще ранее он уже наводил ужас на территорию, простиравшуюся от Константинополя до Пелопоннеса. Однако, приняв римский титул *magister militum**, этот вождь показал, что не настроен слишком уж враждебно к Римской империи. Аларих боролся не за ее сокрушение, а за интеграцию в нее своего народа. Если бы только император Запада и римский сенат смогли понять этот простой факт, то государственная катастрофа могла бы быть предотвращена. Продемонстрировав свою политическую несостоятельность, они сделали ее неизбежной.

За четыре года, что прошли с того момента, как Аларих отвел свою армию в Иллирик, можно было бы ожидать, что империя предпримет какие-то меры по предотвращению очередного нападения готов, но Гонорий, чьим единственным интересом было, по-видимому, разведение домашней птицы, не предпринял ровным счетом ничего. Когда же начали распространяться известия

* *Magister militum* — магистр милитум (лат.); главнокомандующий на том или ином театре военных действий или в той или иной части империи.

о вторжении Алариха, империю охватила слепая паника. Медленно и неотвратно несметные полчища готов двигались вдоль долины реки Изонцо, семьи солдат следовали в обозе — на марше была не просто армия, но целая нация. Затем Аларих повернул на Милан — молодой римский император бежал оттуда сломя голову. Всего лишь в нескольких милях от Асти войска готов встретили поджидавшую их римскую армию — во главе с уже знакомым нам Стилихоном. В результате сражения, произошедшего в Пасхальное воскресенье 402 г., продвижение готов было остановлено и они повернули на восток. Вскоре Аларих предпринял неожиданную атаку на Верону, но в завязавшемся бою потерпел бесспорное поражение от Стилихона. Однако вновь вандальский полководец как бы пожалел Алариха, не нанеся существенного ущерба его армии.

Таким образом, по меньшей мере дважды судьба Алариха находилась в руках Стилихона, но последний оба раза давал предводителю готов уйти с миром. С самого начала его отношение к готскому военачальнику выглядело довольно-таки странным, будто между двумя лидерами имелся какой-то тайный уговор. Как бы ни обстояли дела на самом деле, представляется очевидным, что Стилихон рассматривал готов в качестве потенциальных союзников и не имел желания ни существенно подорвать их боевую мощь, ни окончательно рассориться с ними.

А вот отношения между Востоком и Западом стали к этому времени весьма напряженными благодаря, главным образом, усилиям епископа Константинопольского Иоанна Златоуста. Этот благочестивый, но отличавшийся нетерпимостью священник в результате жесткой критики, которой он подвергал императрицу, превратился в крайне непопулярную фигуру при дворе, и в 403 г. епископ был смещен с должности и отправлен в ссылку в Вифинию. Однако он пользовался значительной поддержкой народа и в городе прошли массовые акции протеста. А вскоре в Константинополе произошло землетрясение, которое настолько напугало суеверную императрицу, что находившийся в ссылке архиерей был вызван назад в столицу и восстановлен в прежнем положении.

Иоанн выиграл первый раунд, и, если бы смягчил свои нападки на августу, конфликт бы вряд ли разгорелся. Однако уже через несколько недель епископ выразил протест по поводу того, что

прямо напротив собора Св. Софии была возведена серебряная статуя Евдоксии, а шум от торжественной церемонии, проводившейся по сему случаю, помешал ему вести службу. После этого эпизода уязвленная Евдоксия отказалась каким-либо образом общаться с одним из главных священнослужителей империи и ревностно следила за тем, чтобы контактов с ним не имел и ее муж. На следующий год, ранней весной, Аркадий воспретил епископу служение в его церкви, а 24 июня Иоанн вновь был сослан. И опять беда обрушилась на Константинополь: в тот же самый вечер собор Св. Софии был уничтожен пожаром, сильный северный ветер раздул пламя и донес его почти до самого здания сената, а менее чем через четыре месяца, 6 октября, Небо явило окончательный и несомненный знак своего неудовольствия: у императрицы случился выкидыш и она в муках скончалась.

Находясь в ссылке, Златоуст обратился к папе Иннокентию I, протестуя против несправедливого приговора и требуя официального суда. Папа созвал синод из латинских епископов, которые единогласно призвали императора Аркадия восстановить Иоанна Златоуста в прежней должности. Гонорий по этому же поводу направил брату суровое письмо. А чтобы окончательно урегулировать проблему, в 406 г. август Запада и Иннокентий послали делегацию в Константинополь. Однако послы были арестованы, допрошены и отосланы назад в Италию, и Иоанн Златоуст так и умер в ссылке в 407 г. В результате между Западом и Востоком возникло что-то вроде «холодной войны». Тогда-то Стилихон и решил воплотить свои давно лелеемые планы в жизнь, и Алариху в этих планах отводилась важная роль. Первым шагом Стилихона стало распоряжение о блокаде Восточной империи. Фактически это было объявлением войны. Далее Гонорий приказал завладеть префектурой Иллирик. По взаимной договоренности Стилихона и Алариха войско последнего должно было выполнить эту военную задачу.

Однако дальнейший ход событий оказался непредсказуемым: развалилась оборона Западной империи на Рейне; неудержимым потоком аланские, вандальские и свевские отряды разлились по Галлии, а в начале мая 408 г. в возрасте тридцати одного года умер император Аркадий. В этих условиях планы западного двора в отношении восточной части империи изменились в мир-

ную сторону. Но Аларих, к этому времени уже вошедший в Эпир, заявил в довольно-таки угрожающей форме, что если его вот так, внезапно, понуждают отказаться от военной кампании, то ему за понесенные мобилизационные расходы причитается весьма солидная компенсация. Сумму он назвал действительно значительную — 4000 фунтов* золота. Под давлением Стилихона римский сенат пообещал выплатить означенную сумму.

Стилихон еще находился в Равенне, когда к нему прибыл посланец от Гонория. Император сообщал, что Аларих умер, римский правитель Британии Констанций переправился в Галлию и поднял знамя восстания. Оставив армию в Равенне, Стилихон поспешил в Рим. По прибытии туда он обнаружил, что первая половина послания основывалась на ложных слухах. Аларих был жив и здоров и ждал выплаты обещанной ему компенсации.

После смерти императора Аркадия трон достался его семилетнему сыну, названному в честь деда Феодосием. Стилихон надеялся, что теперь он сможет реализовать свои планы на Востоке без пролития крови и даже без особых затрат, Алариху же будет дан карт-бланш на то, чтобы он разобрался с инсургентом в Галлии. Но эти планы оказались несбыточными. В Равенне, где в то время располагался императорский двор, главным врагом Стилихона был министр по имени Олимпий, и он сумел убедить Гонория, будто его тесть готовит против него заговор. Мы не знаем ни подробностей возникших обвинений, ни их подоплеки. С точностью известно лишь то, что Стилихона судили, признали виновным и 23 августа 408 г. казнили в Равенне.

После казни Стилихона вся сдерживавшаяся ненависть римлян по отношению к варварам в одночасье нашла себе выход. По всей империи римские легионеры начали проводить массовые избиения готов, гуннов и вандалов. Все это имело катастрофические последствия. Выжившие варвары бродили по стране, повсеместно совершая грабежи, и в конце концов прибились к Алариху. Будучи до последнего времени верными слугами империи, они теперь стали ее врагами, стремясь отомстить ей.

В этот критический момент римляне обнаружили, что у них нет ни одного достойного военачальника, на которого можно

* Римский фунт — 327,45 г.

было положиться. Какие бы темные замыслы ни вынашивал Стилихон в отношении Восточной империи, этот варвар всегда оставался верным слугой Запада и являлся выдающимся полководцем. Лишь когда его не стало, римляне осознали, что он был, в сущности, незаменим.

Между тем Аларих продолжал требовать от Гонория и римского сената обещанной компенсации, которая так и не была выплачена. Не добившись ее, он в сентябре 408 г. привел войско готов к стенам Рима.

Ему понадобилось всего несколько дней, чтобы замкнуть кольцо вокруг города. Все дороги, мосты и тропинки, все стены находились под постоянным наблюдением; лодки круглосуточно патрулировали Тибр. Внутри города был введен строгий рацион питания. Вскоре стали отмечаться случаи каннибализма. Когда ухудшилась погода, холод и недоедание привели к появлению болезней. Постепенно стало ясно, что никакой помощи из Равенны ожидать не приходится: Гонорий не предпринимал ни малейших усилий для спасения столицы. Незадолго до Рождества с Аларихом договорились о выкупе: 5000 фунтов золота, 30 000 фунтов серебра, 4000 шелковых туник, 3000 покрывал, окрашенных пурпуром, и 3000 фунтов перца. Первые два пункта предусматривали демонтаж статуй, находившихся в церквях и храмах, и переплавку бесчисленных произведений искусства.

Но Аларих, кроме того, хотел, чтобы у его народа была своя земля, и сделал Гонорию новое предложение. Венеция, Далмация и Норик — ныне это Словения и Южная Австрия, — оставаясь частью империи, отводились готам как место их постоянного обитания, а взамен Аларих брал на себя обязательство стать действенным защитником империи от какого бы то ни было врага.

Предложение выглядело достаточно разумным, однако Гонорий не собирался его принимать. В первый раз император явил некое подобие силы духа, но едва ли он мог выбрать для этого худший момент. Его армия, деморализованная, не имеющая сильного руководства, не оказала бы никакого сопротивления в случае возобновления готского наступления. Помощи от Восточной империи, где царила сумятица после восшествия на престол семилетнего ребенка, ждать не приходилось. Галлия, Британия

и Испания находились в руках Констанция, который объявил себя августом и мог в любой момент двинуться в Италию. В последнем случае как раз Аларих и его готы могли бы стать империи бесценным оплотом.

Но Гонорий все же ответил отказом. Аларих же, который мог легко уничтожить его, все еще продолжал искать мира — теперь он сократил свои требования до одного лишь Норика. И вновь Гонорий сказал «нет».

Терпение Алариха было исчерпано. Во второй раз за двенадцать месяцев он пошел на Рим, но теперь объявил римлянам, что у него лишь одна цель — свергнуть Гонория, представлявшего собой единственное препятствие для установления в Италии мира. Если римляне объявят императора смещенным и изберут более разумного преемника, то Аларих снимет блокаду.

Римский сенат не стал медлить с принятием решения: было ясно, что новую осаду город не переживет. Тем более что Гонорий, лично находясь в безопасности в своей любимой Равенне, не проявлял никакой обеспокоенности в отношении судьбы своего народа. Итак, ворота были открыты, Аларих вошел в Рим совершенно мирным образом, а Гонория объявили низложенным. Пришли к соглашению, что новым августом станет префект города — грек по имени Приск Аттал. Выбор выглядел неплохим. Аттал был умным, культурным христианином, приемлемым для язычников ввиду своих толерантных взглядов и любви к античной литературе. Назначив Алариха своим *magister militum*, он приготовился идти на Равенну, но предстояло решить еще одну серьезную проблему. Ожидалось, что Ираклиан, правитель провинции Африка (территориально примерно соответствующей северному Тунису), от которой Рим всецело зависел в плане поставок зерна, останется верным Гонорию. Поэтому Аттал направил в Африку молодого человека по имени Констант, дабы тот захватил власть в провинции мирным путем — именем августа. После чего новый император вместе с Аларихом направился в Равенну.

Гонорий, охваченный паникой, отправил послание Атталу, соглашаясь на его правление в Риме, если самому Гонорию будет дозволено оставаться августом в Равенне. Вместе с тем он повелел снарядить корабли, чтобы в случае опасности отправиться в

Константинополь. Однако в этот момент прибыли шесть византийских легионов от молодого Феодосия II, который наконец отозвался на призыв своего дяди о помощи. Это военное усиление вызвало новый прилив отваги у императора. Он заявил, что будет оставаться в Равенне — по крайней мере до тех пор, пока не получит известий из Африки: если бы оказалось, что Ираклиан удержал власть в провинции, то тогда далеко не все было бы потеряно.

Так и случилось — через несколько дней пришло сообщение, что несчастный Констант казнен, а Ираклиан прервал поставки зерна. В результате Гонорий не сложил с себя титул и не покинул Равенну, что стало очень серьезным ударом для Алариха. Он рассорился с не оправдавшим его надежды Атталом и ранним летом 410 г. публично снял с него порфиру. Ни о чем не договорившись с Гонорием, Аларих вернулся в Рим и в третий раз приступил к его осаде. Продовольствия уже не хватало, так что город продержался недолго. В середине августа готы ворвались в столицу империи. Победители, как и было в то время принято, получили три дня на разграбление города. Оно все же оказалось, по-видимому, не таким диким, как живописуют исторические книги. Аларих, сам истовый христианин, приказал, чтобы не трогали церкви и иные культовые здания и чтобы уважалось право на убежище. Однако грабеж, пусть и пристойный, остается грабежом; возможно, имеется немалая доля правды в рассказах о сожжении великолепных зданий, убийствах мирных жителей, изнасилованиях матрон и дефлорации девиц.

По истечении трех дней Аларих двинулся на юг, намереваясь раз и навсегда покончить с Ираклианом и избавить Италию от голода. Но в Козенце его свалила жестокая лихорадка и через несколько дней он умер. Ему было только сорок лет. Сподвижники Алариха отнесли его тело к реке Бузенто, которую перегородили плотиной. Там, на осушенном дне реки, они похоронили своего вождя; потом разрушили плотину и вода скрыла место его погребения.

Вид константинопольской стены поистине незабываем. Она тянется более чем на четыре мили от Мраморного моря до северной части бухты Золотой Рог. Стена прикрывает город со сторо-

ны суши; до сих пор она известна как Феодосиева, будучи так названа по имени Феодосия II, в чей период правления она была возведена. Однако на самом деле император имеет к этому строению весьма малое отношение. Строительство начали в 413 г., когда Феодосий был еще только двенадцатилетним мальчиком. Идея возведения стены принадлежат префекту претория Анфимию, который на тот момент был опекуном Феодосия и фактически регентом Восточной империи. Он не играл ведущей роли в строительстве этого защитного вала. Анфимий был первым высокопоставленным мирянином в Константинополе со времен Феодосия Великого, который сочетал в себе качества лидера с исключительной принципиальностью. Но уже после 414 г. теньвым правителем империи становится сестра Феодосия II, Пульхерия. С этого момента начинается тридцатилетний период — столько оставалось номинально править ее брату, — во время которого вся подлинная власть в стране сосредоточилась в женских руках. Пульхерия родилась лишь на два года раньше Феодосия; таким образом, ей едва исполнилось пятнадцать лет, когда она была провозглашена августой и прибрала к рукам государственную власть, к которой, в отличие от своего брата, питала очевидную склонность. Она была сильной, решительной и одновременно исключительно набожной женщиной. Императорский дворец вскоре стал напоминать монастырь. Его переполнили священники и монахи, а две младшие сестры Пульхерии, находившиеся под ее сильным влиянием, занимались в основном тем, что шили на престольные пелены под звуки псалмов и невнятно проборматываемых молитв. Придворные с тоской отмечали, что все это сильно отличалось от того, что происходило во времена Евдоксии.

Рожденный в Порфире* наместник Бога на земле, Феодосий с самого раннего детства был принужден жить в изоляции от своих сверстников, что, конечно, не способствовало его интеллектуальному развитию. И все же юноша был далеко не глуп, однако его интересы нетипичны для Порфиrogenета. Он равно-

* Порфиrogenет, или рожденный в Порфире, — титул, которым мог пользоваться только принц, рожденный в палате Большого дворца, называвшейся Порфирой, но лишь после того, как его отец уже стал императором. — *Примеч. авт.*

душно относился к государственным делам, военному искусству и религии, зато много занимался классической литературой, математикой, естественными науками и особенно любил иллюстрировать рукописи. Феодосий также воспылил страстью к охоте, и, возможно, именно он содействовал развитию в Константинополе персидской игры поло. У него уже давно минул тот возраст, когда он должен был бы взять на себя государственные заботы, но Феодосий продолжал отстраняться от них. Только в 420 г., когда императору исполнилось девятнадцать лет, он послал за Пульхерией, с тем чтобы она помогла решить вопрос государственной важности: найти ему жену.

Примерно в это время во дворце появилась невероятно красивая молодая гречанка по имени Афинаида. На Пульхерию она произвела сильное впечатление, но не столько даже своей красотой, сколько совершенным греческим языком. Феодосий же влюбился в нее мгновенно. Языческое вероисповедание Афинаиды не стало серьезной проблемой: она крестилась в христианскую веру, приняв имя Евдокия, а Пульхерия стала ее крестной матерью. 7 июня 421 г. Феодосий женился на гречанке, и в угрюмую атмосферу дворца сразу же будто ворвался свежий ветерок. Ее звезда взошла еще выше, когда через год после замужества она родила дочку, которой ее муж дал вызывающее определенное смущение имя Евдоксия. В 423 г. император присвоил жене титул августы.

В результате протезе Пульхерии неожиданно оказалась на одной с ней иерархической ступени. Более красивая, более образованная и бесконечно более любимая, Евдокия к тому же стала оказывать огромное влияние на Феодосия, и Пульхерия, почувствовавшая, что может потерять свои властные полномочия, вознамерилась поставить невестку на место.

Между тем в этом же 423 г. императорской чете довелось принять во дворце третью августу империи — Галлу Плацидию, дочь Феодосия Великого и сводную сестру Гонория, которая прибыла в Константинополь с двумя маленькими детьми. Хотя ей было немногим более тридцати, за плечами у нее оказалась богатая на события жизнь. Пережив три осады Рима, она вышла замуж за шурина Алариха, который стал его преемником; после смерти последнего Галла взяла себе в мужья главного советника

Гонория — Констанция. Когда в 421 г. он был повышен до статуса соправителя императора, Галла Плацидия обзавелась титулом августы. Шесть месяцев спустя умер и Констанций, и она прибилась ко двору своего сводного брата. Тот стал обнаруживать заинтересованность в более близких отношениях с ней, но, получив отказ, начал проявлять к сестре открытую враждебность. Тогда Плацидия решила искать прибежища у племянника в Константинополе и, взяв с собой своих детей от Констанция — Гонорию и Валентиниана, поспешила ко двору Феодосия.

Трудно сказать, как долго Плацидия с детьми могла бы оставаться на Босфоре, если бы не получила известия, которое вызвало у нее, да, наверно, и у ее хозяев, чувство глубокого облегчения: 26 августа, на сороковом году жизни, умер от водянки император Гонорий. К несчастью, за этим сообщением сразу же последовало другое: вакантный трон был захвачен главой нотариата Иоганном. Феодосию, конечно, не понравилось, что Западную империю пытается прибрать к рукам какой-то незначительный чиновник. Тотчас он утвердил сына Плацидии Валентиниана цезарем и отдал распоряжение направить в Италию военный отряд для его возведения на престол.

Экспедиция закончилась исключительно успешно — припешники Иоганна оказались застигнутыми врасплох. Равенну взяли приступом в начале 425 г., при этом едва ли был убит хотя бы один человек. Иоганна схватили, доставили в цепях в Аквилею, провезли на осле вокруг города, после чего предали смерти. Византийскому же войску Равенна была отдана на трехдневное разграбление — чтобы наказать жителей города за поддержку узурпатора. Валентиниана, которому к тому моменту исполнилось шесть лет, увезли в Рим для коронования.

В Константинополе же эллинизм Афинаиды теперь распространился далеко за пределы императорского дворца. Она и префект города Кир Панополисский — поэт, философ и любитель искусства, эллин до мозга костей — трансформировали относительно скромное учебное заведение, учрежденное Константином, в большой университет с высоким уровнем преподавания. Таким образом, у преимущественно языческого университета Афин появился христианский собрат. Побочным продуктом деятельности университета стало составление Кодекса Феодосия, в ко-

тором в рационализированном виде были представлены все законы, вступившие в действие на Востоке и Западе со времен правления Константина. Появившийся через несколько месяцев после заключения брака между Валентинианом и пятнадцатилетней Евдоксией и обнародованный 15 февраля 438 г. совместно обоими императорами, он, очевидно, был призван акцентированно обозначить единство империи. Однако это единство было более кажущимся, нежели реальным. Почти сразу же две половины империи начали снова расходиться, а законы одной редко перенимались другой.

На Западе между тем не стихали религиозные споры. Страсть, которую питали греки к теологическим рассуждениям, еще более усиливалась в результате появления таких харизматических фигур, как Иоанн Златоуст. Как уже бывало ранее, особенно накалял общественную атмосферу вопрос отношений Иисуса Христа к Богу Отцу.

Несмотря на то что арианство было осуждено в 325 г. в Никее как ересь, его адепты на протяжении всего IV в. продолжали играть существенную роль в церковной среде. Теперь то же учение стало почвой для других религиозных течений. Наибольшее беспокойство у христианских ортодоксов вызывали приверженцы Нестория, который в 427 г. был назначен епископом Константинопольским. Он проповедовал, что Христос, в отличие от того, как это представляли себе никейцы, не был единой личностью, но обладал двумя отдельными — человеческой и божественной.

Благодаря силе ораторского искусства Нестория его учение начало быстро завоевывать успех. Однако у него нашелся достойный оппонент в лице Кирилла, епископа Александрийского. Поскольку диспут становился все более ожесточенным, император, который привык верить тем, кто ближе всего к нему находился, и посему являлся убежденным несторианином, решил в 430 г. созвать новый церковный собор. Однако при этом он серьезно недооценил александрийцев. Когда в Эфесе 22 июня 431 г. собор наконец открылся, Кирилл, который практически разорил свою епархию, собирая деньги для подкупа нужных людей — чиновников и священнослужителей (как, в общем, и было принято в обеих империях), сумел добиться на нем председательского

места. Епископ Александрийский сразу же потребовал от Нестория ответить на обвинения в ереси, выдвинутые против него. Несторий отказался, пояснив, что является делегатом, а не подсудимым. Тогда по настоянию Кирилла все 198 делегатов высказались за отлучение Нестория, которому после этого пришлось замкнуться в рамках сугубо частной жизни. В 435 г. император, который более уже не являлся несторианином, выслал его сначала в аравийскую Петру, а потом в далекий ливийский оазис, где он и умер.

За много лет до этого — возможно, даже еще тогда, когда Галла Плацидия с детьми находилась в Константинополе, — августа Евдокия поклялась, что, если ее дочь станет императрицей Западной империи, то она, Евдокия, совершит паломничество в Иерусалим. Заключение брака Евдокии с Валентинианом состоялось летом 437 г., а в 438 г. августа отправилась в Святую землю. Она пробыла в Иерусалиме целый год и вернулась со множеством реликвий (которые составляли предмет выгодной торговли для местного епископа), включая кости святого Стефана и оковы святого Петра. Муж Евдокии принял ее тепло, и некоторое время все шло, как и прежде. Но, увы, эта идиллия продолжалась недолго. Скорее всего их брак развалился под воздействием интриг Пульхерии, но, так или иначе, Евдокия постепенно утратила расположение императора. Она вернулась в Иерусалим, где прожила до 460 г. в печали, одиночестве и бессильной злобе — жалкая тень той блестящей во всех отношениях женщины, в которую так безумно влюбился молодой август Феодосий.

Зять Евдокии, император Западной империи Валентиниан III, оказался слабым, неудачливым государем, полностью находившимся под влиянием своей матери Плацидии. Она правила страной от его имени до самой смерти в 450 г., тогда для нее была сооружена величественная гробница в Равенне, явившаяся памятником той эпохи. Что касается его сестры Гонории, то в нашем повествовании она заслуживает по крайней мере сноски. В конце концов, не много найдется в истории принцесс, которые предлагали себя в жены Атилле, предводителю гуннов.

Вот как описывает это Гиббон:

«Дочь Плацидии в совершенной степени пожертвовала и своим долгом, и своими предрассудками и предложила себя

лично варвару, чей язык она не знала, чей облик едва ли напоминал человеческий и чью религию и манеры она ненавидела... Однако ее нескромные авансы были встречены с холодностью и презрением; вождь гуннов продолжал множить число своих жен, пока его чувство любви не оказалось пробуждено более мощными импульсами честолюбия и алчности».

Аттила — «Бич Божий» — стал вождем гуннов в 434 г. После более чем полувекового общения с римлянами его народ, может быть, не казался теперь таким звероподобным, чем предстал при первом своем появлении. Но гунны все еще дневали и ночевали на открытом воздухе, презирали все виды сельского хозяйства; даже сырое мясо, которое предлагалось употреблять в пищу, разминали сидя верхом на лошади, положив между своими ляжками и крупом животного. Их одежда была сделана, что достаточно необычно, из шкур полевых мышей, грубо сшитых между собой; гунны носили ее постоянно, вообще никогда не снимая, пока она сама не начинала рассыпаться. Можно сказать, что гунны прямо-таки жили на лошадях: на них они ели, торговали, вели переговоры, даже спали в седле.

Сам Аттила являлся типичным представителем своей расы: маленького роста, смуглый, курносый, с крошечными глазами-бусинками и жидкой нечесаной бородой, голова его была непропорционально большая по отношению к телу. По прошествии первых семи лет правления он уже контролировал обширную территорию, простиравшуюся от Балкан до Кавказа и далее.

Поскольку Феодосий ежегодно платил ему дань, Аттила беспокоил империю лишь однажды, в 447 г. Его армия начала продвигаться одновременно в двух направлениях: на юг в Фессалию и на восток к Константинополю. Феодосиева стена, по видимому, оказалась построена вовремя: гунны вскоре отступили, отправившись на поиски более доступной добычи. Но в Галлии они нанесли византийской армии сокрушительное поражение и императору пришлось утроить ежегодную дань. Начиная с этого времени между Атилой и Феодосием стали постоянно курсировать посольства. Аттила совершенно справедливо полагал, что он наводит ужас на императора, а вся политика Феодосия сводилась к умиротворению противника, ради чего он опустошал не только собственную казну, но и карманы подданных.

В одной из византийских посольских миссий, направленных к Аттиле в 448 г., участвовал некто Приск. Благодаря ему мы имеем незабываемое описание гуннского двора, а также самого вождя:

«Нам были в изобилии поданы разные яства на серебряных блюдах, Аттила же ел только мясо с деревянной тарелки... Во время пиршества перед гостями были поставлены золотые и серебряные кубки, его же чаша была из дерева. Его одежда была самая простая, и она совершенно не отличалась от одежды остальных за исключением того, что была чистая. Ни меч, висевший у него на боку, ни застёжки на его варварских башмаках, ни уздечка его лошади не были украшены ни золотом, ни драгоценными камнями, ни чем-то еще ценным — так же как и у других скифов».

Неизвестно, как долго еще продолжал бы Аттила опустошать казну Восточной империи, если бы Феодосий не погиб 28 июля 450 г., неудачно упав с лошади. У него не осталось наследника мужского пола, но проблема наследования трона была разрешена Пульхерией. Она вступила в чисто номинальный брак, поскольку ранее дала клятву о сохранении пожизненной девственности, с фракийским сенатором и бывшим военачальником по имени Маркиан, которого сразу же удостоила титулом августа, заявив, что его в качестве преемника назвал Феодосий, находясь на смертном ложе.

Одним из первых деяний Маркиана стал отказ платить ежегодную дань предводителю гуннов. Зная, что тот готовил крупномасштабную операцию против Западной империи, Маркиан полагал, что Аттила не сможет одновременно осуществить карательную акцию на Востоке. Новый император не ошибся, и весь Константинополь ликовал, когда пришло известие, что гуннская армия направилась в Италию и Галлию.

Но тут Маркиан обнаружил, что возникла угроза иного рода — в византийском обществе назревал очередной религиозный раскол, связанный на этот раз с появлением монофизитской ереси.

Геологический спор возник все на той же почве — монофизиты предложили новую трактовку природной сущности Христа. Несториан, которые развивали тезис о существовании двух отдельных личностей в Христе, божественной и человеческой,

подвергли суровой критике в Эфесе в 431 г., теперь же маятник качнулся в противоположном направлении — в 448 г. престарелый архимандрит Евтихий был обвинен в проповедовании другой подрывной идеи, в соответствии с которой Христос обладал только одной природой — божественной. Сочтенный виновным и лишенный сана, Евтихий обратился за помощью к папе Льву (Великому), императору и константинопольским монахам, в результате чего разразилась буря невообразимой силы. Наконец в октябре 451 г. в Халкидоне был созван Четвертый Вселенский собор, с тем чтобы разрешить эту важную геологическую проблему. На соборе присутствовало около шестисот епископов, представлявших весь христологический спектр, и уже поэтому были сомнения, что делегаты смогут принять хоть какое-то решение. Тем не менее собор оказался весьма результативным: Евтихия снова осудили, а его доктрина и учение Нестория были равным образом отвергнуты. Христа следовало понимать как обладателя одной личности, имеющей две природы: совершенного Бога и совершенного человека.

Но собор в Халкидоне, как вскоре выяснилось, решил одну проблему, но породил другие — еще более масштабные. Монофизитство никоим образом не исчезло. В последующие годы в Египте и Сирии один епископ за другим будут отвергать решения собора. А когда эти провинции начнут борьбу за независимость, лозунг «Единой природе Христа» сплотит их ряды. Хуже того, собор, наделив епископа Константинопольского званием патриарха, посеял семена раздора с Западом. Теперь верховенство папы римского стало чисто номинальным, а по факту возникло полное равенство между римским и константинопольским церковным престолом. Начиная с этого момента зародилось соперничество между Старым и Новым Римом, в церковной сфере которое в последующие века будет становиться все более ожесточенным.

В то же самое время Атила вел военную кампанию на Западе, и в 451—452 гг. судьба западной цивилизации была на волоске. Если бы предводитель гуннов сбросил Валентиниана с трона и учредил свою столицу в Равенне или Риме, то не приходится особо сомневаться в том, что и Галлия, и Италия превратились бы в духовную и культурную пустыню. Наступая в 451 г. на Западную Европу, Атила дошел до самых стен Орлеана, а в

начале 452 г. направился в Италию. Предводитель гуннов с ходу захватывал все встречавшиеся на его пути города и крепости. Казалось, ничто не могло помешать ему начать наступление на Рим. Однако в самый последний момент, когда гуннское войско было уже готово начать продвижение в глубь Апеннинского полуострова, Аттила неожиданно остановился. Историки до сих пор спорят о том, почему он это сделал, но большинство полагают, что Европу спас папа римский. Лев Великий встретился с Аттилой на берегу реки Минцио и каким-то образом уговорил его не двигаться дальше. Аттила, как и весь его народ, был неисправимо суеверен, и папа вполне мог ему напомнить, что Аларих умер сразу же после того, как разграбили Рим, и подобная судьба постигала каждого захватчика, поднимавшего руку на священный город. Да и у самих гуннов возникли проблемы: ощущалась нехватка пищи, войска несли урон от эпидемических заболеваний. Кроме того, на помощь Западной империи шла армия Маркиана из Константинополя, то есть поход на Рим оказался не таким простым делом, каким виделся сначала.

По одной из этих причин или по их совокупности, но Аттила решил повернуть назад. Год спустя, в ночь, последовавшую за свадьбой с очередной своей женой, Аттила переусердствовал на брачном ложе и в результате умер. Вся Европа вновь вздохнула свободно. Тело свирепого завоевателя было помещено в конструкцию из трех гробов, последовательно вставленных друг в друга, — золотого, серебряного и железного. Прах его опустили в землю и засыпали, а все те, кто участвовал в погребальной церемонии, были преданы смерти — чтобы последнее место упокоения вождя навеки осталось потаенным и нетронутым. Таким оно и остается по сей день.

В один из мартовских дней 455 г. император Валентиниан III, который к тому времени перенес свою резиденцию в Рим, выехал на Марсово поле, для того чтобы попрактиковаться в стрельбе из лука. Неожиданно два солдата варварского происхождения выскочили из росших поблизости кустов и пронзили его мечами. Валентиниан не оставил после себя сына, и выбор армии пал на пожилого сенатора Петрония Максима, который попытался взять себе в жены вдовствующую императрицу Евдоксию. Та ужасну-

лась перспективе выйти замуж за человека, который был почти вдвое старше ее, и решилась на отчаянные действия. Как и ее золовка Гонория за несколько лет до того, она обратилась за помощью к королю варваров — по крайней мере так об этом повествует традиционная история. Вероятнее, однако, что Гейзерих, король вандалов, собравшись в поход на Рим, руководствовался иными непобудительным мотивами: один из них — пополнить свою казну. За несколько десятилетий до описываемых событий германское племя, фанатично приверженное арианскому вероучению, бежало на запад от гуннов и в 409 г. осело в Испании. Там вандалы оставались до 428 г., когда только что коронованный Гейзерих повел весь свой народ — по-видимому, около 160 000 человек, включая женщин и детей, — в Северную Африку, где в 439 г. объявил об установлении независимой автократии. Завоевав затем Сицилию и учредив свою столицу в Карфагене, он вскоре стал полновластным хозяином всего западного Средиземноморья.

Валентиниан еще трех месяцев не пролежал в могиле, как вандалы уже вышли в море. В Риме сразу же возникла паника. Охваченные ужасом римляне прятали жен и детей в безопасные места. Дороги, ведущие на север и восток, были забиты повозками — более состоятельные семьи покидали город. Петроний Максим также решил бежать, но его подданные считали, что он должен нести ответственность за происходящее. 31 мая дворцовая стража напала на своего пребывавшего в жалком состоянии хозяина, разорвала его в клочья и выбросила останки в Тибр. Петроний правил лишь семьдесят дней.

Уже в четвертый раз за полвека варварское войско стояло у ворот Рима. Снова папа Лев выехал в распоряжение армии варваров просить за свой город, но в этот раз шансов оказалось намного меньше. В отличие от Атиллы Гейзерих находился уже у цели, у него было многочисленное войско, которое не мучили ни голод, ни болезни, и он не имел врага в своем тылу. С другой стороны, он был христианином и питал определенное уважение к папскому сану, и потому миссия Льва не оказалась совсем уж провальной: вандалы пообещали, что воздержатся от убийств и не будут разрушать здания.

В результате переговоров городские ворота были открыты, и орды варваров вошли в Рим. На протяжении четырнадцати

дней они занимались расхищением его богатств: из церквей уносились золото и серебро, изымались статуи из дворцов, была даже снята позолоченная медная крыша с храма Юпитера. Все погрузилось на стоявшие в Остии корабли и увозилось в Карфаген. Потом туда отправился и Гейзерих, заставив Евдоксию и двух ее дочерей сопровождать его. Верный своему слову, он не тронул жителей и их дома.

Император Восточной империи Маркиан умер в начале 457 г., и в поисках кандидата на опустевший трон народ Константинополя обратил свой взор на главного военачальника — Аспара. Сделав блестящую военную карьеру, он носил титул «Первый среди патрикиев»* и, почти несомненно, занял бы трон, если бы не два обстоятельства: во-первых, Аспар был аланом, представителем племени, изгнанного гуннами с родной земли, располагавшейся за Черным морем, а во-вторых, как почти все варвары-христиане, он являлся арианом. Но и положением теневого руководителя империи Аспар мог быть вполне удовлетворен. Подбирая кандидата на роль монарха, он остановился на управляющем его собственным поместьем — православном христианине по имени Лев. Легионы, послушные Аспару, провозгласили Льва новым императором и в соответствии с традицией подняли его на щит. Но кроме того, впервые была проведена еще одна церемония. 7 февраля 457 г. Лев официально венчался на царство в соборе Св. Софии — это был знак, что намечался отход от прежних военных традиций в пользу нового, мистического представления о верховной власти.

Вероятно, Аспар полагал, что посадил на византийский трон марионетку, но он ошибался. Между ними вспыхнули яростные споры, вызванные намерением Льва ограничить влияние мощной варварской фракции, возглавляемой Аспаром, перестроив армию так, чтобы ее основу составляли исавры, горный народ, набранный в местах своего обитания — в достаточно диком краю, в горах Тавр, располагавшихся вокруг долины реки Каликаднус. Вскоре разногласия между ними стали лейтмотивом правления Льва. На стороне императора был его зять — вождь исавров Зенон. Аспара

* Патрикий — один из высших титулов, дававший право занимать высокие посты.

поддерживал Василиск — брат жены императора, Верины, они были очень разными по характеру людьми. В культурном плане Аспар являлся довольно отсталым человеком; как убежденный арианин он почти отрицал божественность Христа, но как военачальник не имел себе равных и был прирожденным лидером. Римлянин Василиск получил хорошее классическое образование, а будучи фанатиком-монофизитом, Христос имел более божественную, нежели человеческую природу; что касается лидерских качеств, то они у него отсутствовали напрочь. Однако Аспара и Василиска сплотила общая ненависть к исаврам.

Прошло тринадцать лет со времени разграбления Гейзерихом Рима, и не могло быть никакого оправдания тому, что вандалы до сих пор оставались ненаказанными. Ко всему прочему арианин Гейзерих инициировал жесточайшее преследование православных христиан. Поэтому когда в 468 г. император Лев решил предупредить поход против короля вандалов, в византийском обществе его решение нашло полную поддержку. Жена императора и Аспар убедили Льва поставить во главе экспедиции Василиска.

По всему восточному Средиземноморью собрали более 1000 судов и более 100 000 человек. Такая сила должна была просто смять армию вандалов, и при любом другом военачальнике, конечно, так бы и произошло. Но не при Василиске. По прибытии в порт Меркурион Гейзерих направил к нему послов. Те сообщили византийцу, что король вандалов готов заключить мир на выгодных для империи условиях, но просил пять дней, чтобы их выработать. Василиск согласился и тем самым совершил величайшую ошибку в своей жизни. Гейзерих потратил это время на подготовку военного флота, и на пятый день его корабли подошли к Меркуриону, буксируя брандеры*. Когда флотилия вошла в гавань, брандеры были подожжены и направлены по ветру на плотно выстроенный византийский флот. Пламя начало быстро распространяться с одного судна на другое, и в течение нескольких часов большая часть кораблей сгорела. Василиск вернулся в Константинополь, где был вынужден искать убежище в соборе Св. Софии. Только страстные мольбы сестры Льва заставили императора пощадить жизнь Василиска.

* Брандер — судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами, предназначавшимися для сожжения неприятельских кораблей.

Льва считали самым удачливым и успешным из числа всех византийских императоров, правивших до сих пор; он был если и не любим, то по крайней мере уважаем своими подданными. Хотя он едва ли заслуживал именование «великий» — которое ему, очевидно, было дано более за его религиозную ортодоксальность, чем за какие-то иные качества, — в целом Лев являлся справедливым и милосердным правителем, и когда он 3 февраля 474 г. умер, то руки его — по стандартам того времени — были крайне незначительно запачканы кровью.

За пять месяцев до кончины он назначил себе преемника: не своего зятя Зенона, как все того ожидали, но семилетнего сына последнего, которого, как и его деда, звали Львом. Почему он так сделал, мы не можем сказать, однако известно, что примерно так Ариадна, мать малолетнего императора, проинструктировала своего сына: когда твой отец явится к тебе для формального засвидетельствования почтения, следует тут же назначить его своим соправителем. Девять месяцев спустя маленький Лев неожиданно был обнаружен мертвым, и одним из первых деяний Зенона по восшествии на трон стало прекращение войны с вандалами, которые более никогда не причиняли беспокойства империи.

Но над Константинополем уже собирались очередные грозные тучи. К этому моменту исавры стали крайне непопулярны в стране. Будучи подданными империи, формально исавры не могли быть названы варварами, однако для византийцев они оказались гораздо более нежелательными, чем доминировавшие ранее в армии германцы: горластые и спесивые исавры проявляли постоянную склонность к насилию. Естественно, что Зенон, будучи исавром, стал испытывать враждебность со стороны своих подданных. Но она не шла ни в какое сравнение с той крайней ненавистью, которую питали к нему императрица-мать Верина и ее брат Василиск.

Последний, несмотря на свое фиаско в Африке, мечтал сам заполучить диадему; императрица же хотела, чтобы она досталась ее новому любовнику Патрицию, главе дворцовой канцелярии. Но они были едины в желании избавиться от Зенона. В низвержении императора им взялся помочь исаврийский полководец Илл. В один из ноябрьских дней 475 г., когда император присутствовал на ипподроме, выступая распорядителем организован-

ного там действа, он получил срочное послание от своей тещи: армия, сенат и народ объединились против него, и ему следует тотчас бежать. В ту же ночь Зенон с женой и матерью покинул город; прибежище он нашел в родной Исаврии.

Императором был провозглашен Василиск, который, впрочем, недолго продержался на троне. Он утратил доброе расположение своей сестры, убив ее любовника. Он восстановил против себя своих византийских подданных, введя непомерные налоги. Он настроил против себя церковь, пытаясь ввести монофизитство во всей империи, и даже издал указ об упразднении константинопольского патриархата, после чего патриарх Акакий задрапировал главный престол собора Св. Софии в черный цвет, а известный столпник города Даниил впервые за пятнадцать лет спустился со своего столпа. Последнее настолько устрасило Василиска, что он немедленно отменил свой необдуманный указ. Глядя на все это, Илл, который помог Василиску взойти на престол, решил вернуть к власти Зенона и отправился в убежище. Начались военные действия. Против Илла и Зенона император снарядил войско, поставив во главе его своего племянника Гармация. Этот инфантильный молодой человек, став по воле дяди военачальником, завел обыкновение вышагивать вокруг ипподрома в костюме Ахилла. Против Зенона и Илла он сражался недолго: те пообещали Гармацию должность префекта претория, и он перешел на их сторону. В июле 477 г. Зенон вернулся в столицу, не встречая сопротивления. Василиск уступил власть с условием, что его кровь не будет пролита. Вместе с семьей он был сослан в глубь Каппадокии, где холодная и голодная зима окончательно решила его судьбу.

Во время отсутствия Зенона в Константинополе произошло событие из разряда исключительных — потерпела крах Западная империя. Обстоятельства, приведшие к этой катастрофе, крайне сложны и лежат вне темы данной книги, потому они не будут здесь подробно описаны. Достаточно сказать, что в 476 г. варварский полководец Одоакр сместил с престола императора — ребенка Ромула Августула, назначил ему щедрое содержание и отослал на попечение его родственников, проживавших в Кампанье. Услышав, что Зенон вернул себе трон, Одоакр направил послов в Константинополь, чтобы засвидетельствовать свое осо-

бое уважение к восточному императору и вручить ему имперские регалии Запада — как знак того, что он, Одоакр, сам не претендует на верховную власть. Он просил лишь присвоить ему титул патрикия — в этом ранге именем императора Одоакр намеревался захватить власть в Италии.

Означало ли, однако, отречение Ромула Августула 4 сентября 476 г. окончательную ликвидацию Западной Римской империи? Разве ранее не правили сразу по нескольку его августов, включая узурпаторов? И разве Одоакр чем-то отличался от других варварских военачальников, занимавших верховные посты, — Арбогаста, Стилихона и прочих? Почему же именно вышеозначенная дата считается концом Западной империи? Потому что Одоакр отказался принять титул императора. В прошлом эти все императоры Западной империи, даже будучи марионеточными, носили титулы августов — соответственно каждый из них являлся символом и постоянным напоминанием об имперской власти. Одоакр попросил титул патрикия — на практике, правда, он предпочитал использовать титул *Rex**. Пройдет более трех столетий, прежде чем на Западе появится новый император. Но на этот раз он будет не римлянином, а франком, скорее противником, нежели союзником правителей Восточной империи, да и столица его окажется в Германии, а не в Италии.

Решение Одоакра также создало в Риме политический вакуум. Люди инстинктивно начали искать другую патерналистскую фигуру. И тогда они возвысили епископа Рима, уже являвшегося примасом христианского мира, наделив его как светской, так и духовной властью, введя пышные, полумистические формы церемониала, в прежние времена использовавшиеся для почитания императора. Началась эпоха средневекового папства.

В Константинополе устранение Василиска не сильно помогло восстановлению гармонии в государстве. Высокомерие и нарциссизм Гармация достигли такой степени, что в императорском дворе начали опасаться за его душевное здоровье и лояльность к императору. После долгой и мучительной борьбы со своей совестью Зенон наконец решил, что Гармация следует устранить. В среде его многочисленных врагов нашли подходящего человека, и вскоре убийца привел приговор в исполнение.

* *Rex* — король (лат.).

В 483 г. вспыхнуло серьезное восстание, центральной фигурой которого оказался Илл. Повстанцем этот полководец стал не от хорошей жизни. Сначала на него с мечом в руке покушался один из императорских рабов. Потом, в 478 г., дворцовая стража обезвредила еще одного потенциального убийцу, который признался, что действовал по велению префекта Эпиника и императрицы Верины. Осознав, что его жизнь находится в серьезной опасности, Илл на некоторое время отправился к себе на родину, в Исаврию. В сентябре 479 г. произошло сильное землетрясение, которое серьезно ослабило стены Константинополя, и Зенон, опасаясь, что готы могут этим воспользоваться и атаковать столицу, призвал Илла вернуться назад. Тот согласился с одним условием — ему должна быть выдана Верина. Зенон не испытывал любви к теще, и вдовствующую императрицу заключили в исаврийскую крепость. Илл в знак особой благосклонности к нему был назначен главой дворцовой канцелярии, но в 482 г., во время посещения ипподрома, на него без всякого предупреждения набросился императорский гвардеец. Оруженосцу Илла удалось отклонить удар, однако лезвие меча все же отсекло полководцу правое ухо. На этот раз подстрекателем преступления оказалась императрица Ариадна, которая мстила Иллу за то, как он обошелся с ее матерью. После этого глава дворцовой канцелярии счел за благо вновь удалиться в Анатолию.

И тут вспыхнуло восстание в Сирии, где некий Леонтий пытался восстановить древнюю языческую религию. Иллу было приказано взять на себя командование восточными армиями и восстановить имперское правление. По-видимому, испытывая благодарность за эту предоставленную возможность вновь продемонстрировать августу свои полководческие качества, он сразу же поспешил в Сирию, но по прибытии обнаружил, что на месте управление войсками осуществляет некомпетентный и распутный брат императора Лонгин, который принял нового командующего крайне неприветливо. Вспыхнула жестокая ссора; в итоге Илл арестовал Лонгина и посадил в тюрьму.

Эту акцию, предпринятую против весьма могущественного противника, разумной, конечно, не назовешь, но реакция императора была еще более неблагоприятной. Он распорядился, чтобы его брата немедленно освободили, объявил Илла своим вра-

гом и конфисковал его имущество, вынудив таким образом Исавра перейти в противоположный лагерь. Илл стал действовать заодно с мятежником. Они освободили престарелую императрицу Верину, и та в торжественной обстановке короновала Леонтия в Тарсе, а потом сопровождала его в Антиохию, где 27 июня 484 г. он основал свой двор, начавший соперничество с двором Зенона.

Император стал искать себе союзников, в числе которых оказался молодой варвар по имени Теодорих, князь остготов, согласившийся повести армию своих подданных против мятежников. Последние были вытеснены в глубь Исаврии. Здесь умерла Верина, о чем никто не пожалел, и здесь же в 488 г. Илл и Леонтий сложили оружие. Их головы были отрублены и отправлены в Константинополь. Восстание закончилось.

Этот успех был в основном заслугой Теодориха. Он родился примерно в 454 г. и десять детских лет находился в заложниках в Константинополе. Возможно, этот опыт дал ему не так уж много в интеллектуальном плане — все свою жизнь Теодорих подписывался через трафарет, которым служила перфорированная золотая пластинка, — но знание византийской жизни сослужило ему хорошую службу, когда в 471 г. он занял место своего отца, став предводителем восточных готов. Пытаясь найти и обеспечить для своего народа постоянное место обитания, Теодорих почти двадцать лет провел в сражениях — иногда за, иногда против Зенона. В итоге оба они с радостью подписали соглашение — в 487 г. или начале 488 г., — в соответствии с которым Теодорих должен был привести весь свой народ в Италию, низвергнуть Одоакра и править этой землей как Остготским королевством, подчиняющимся верховной имперской власти. В начале 488 г. произошел великий исход: мужчины, женщины и дети с лошадьми и вьючными животными, с коровами и овцами медленно продвигались через равнины центральной Европы в поисках более зеленых и более спокойных пастбищ.

Понятно, что Одоакр встретил пришельцев неласково, но в феврале 493 г. было достигнуто соглашение о прекращении военных действий. Договорились, что Теодорих и Одоакр будут править Италией совместно, разделив между собой равеннский дворец.

Однако у Теодориха не было намерения держать слово. Всего лишь через десять дней после вступления в Равенну, 15 марта, он пригласил Одоакра, его брата, сына и самых высокопоставленных офицеров его армии на пиршество, проходившее в дворцовом крыле, занимаемом Теодорихом. Когда Одоакр уселся на почетное место, Теодорих одним мощным ударом меча разрубил его от ключицы до бедра. Получившийся эффект удивил даже самого остготского вождя. «У несчастного не было в теле костей», — рассмеялся он. Людей Одоакра быстро перебила стража, его брат бросился бежать, но был поражен стрелой. Жену Одоакра бросили в тюрьму, где она умерла от голода, а сына казнили.

Теодорих отказался от кож и шкур, которые были в обиходе у его народа, облачился в порфиру и начал править Италией. Он, однако, не забыл свое соглашение с византийцами. Теодорих остался вассалом, который, как и все его подданные, должен был выказывать преданность императору. Хотя на монетах Теодориха изображалась его монограмма, портрет на них чеканили только Зенона. Сам Теодорих ничего не имел против своего статуса. Римские граждане в Италии, намного превосходившие готов числом, с гораздо большей охотой подчинялись императорскому наместнику, нежели иноземному поработителю. Тем более что Теодорих позволил им жить так, как они всегда жили, и все их имущество осталось нетронутым.

Правление Теодориха началось с коварства и кровопролития; ближе к его концу, в 524 г., был заключен в тюрьму и казнен философ Боэций, о чем впоследствии Теодорих горько сожалел. За этими исключениями его тридцатитрехлетнее правление оказалось мирным и исключительно благополучным. Он выстроил для себя совершенно выдающийся мавзолей, который до сих пор стоит в Равенне, — полуклассический-полуварварский по характеру и мощи своей архитектуры. Со смертью Теодориха, наступившей 30 августа 526 г., Италия потеряла величайшего из своих правителей периода раннего Средневековья, равных которому не появлялось до прихода к власти Карла Великого.

5

Возвышение Юстиниана (493—540)

Император Зенон умер 9 апреля 491 г. в Константинополе. К этому моменту ему практически удалось освободить империю от готов. Единственная проблема, которую Зенону не удалось решить, была религиозная: монофизитская ересь продолжала распространяться. В 482 г. Зенон и патриарх Акакий вместе попытались сгладить противоречия, заявив, что Христос одновременно был и Богом, и человеком, при этом совершенно избегая слова «природа». Однако они лишь пробудили враждебное отношение к себе с обеих сторон. Более всех негодовал папа Феликс III, особенно после назначения в александрийский патриархат Павла Заики — клирика, чьи высказывания (в тех случаях, когда были сколько-нибудь понятны) носили совершенно монофизитский характер. На синоде в 484 г. папа Феликс даже отлучил от церкви константинопольского патриарха. Но поскольку не нашлось ни одного смельчака, который взялся бы огласить приговор, его начертали на куске пергамента и приколотили к изнанке ризы Акакия. Обнаружив это во время службы в соборе Св. Софии, патриарх немедленно отлучил от церкви самого папу, обозначив таким образом наличие явного раскола между церквями, которому суждено было продолжаться следующие тридцать пять лет.

К концу правления Зенон уже явно начал угасать — и физически, и интеллектуально. Его единственный сын к тому времени уже умер — изнуренный гомосексуальными излишествами и венерической болезнью. Ожидалось, что преемником Зенона станет его распутный брат Лонгин, который к 490 г. уже факти-

чески управлял государством, но того обошли стороной, а выбор пал на некоего Флавия Анастасия — во многом благодаря Ариадне, которая вскоре вышла за него замуж.

У шестидесятилетнего Анастасия была репутация честного и цельного человека. «Правь, Анастасий, так, как ты жил!» — кричали византийцы, когда он впервые появился перед ними в императорской порфире. Анастасий честно выполнил их пожелания, и когда его подданные обнаружили, что жить при этом императоре стало куда более скучно, чем ранее, то винить в таком повороте событий могли только самих себя. Анастасий с его крайней бережливостью в сочетании с пуританской моралью сделал Константинополь довольно-таки тоскливым местом. Так, были запрещены состязания с участием диких зверей, а горожанам более не разрешалось устраивать ночных празднеств на том основании, что они ведут к падению нравов. Между тем кампания Анастасия против неоправданных общественных расходов сделала имперскую казну богаче на 32 000 фунтов золота.

В своей религиозной политике Анастасий был менее успешен. Подлинно набожный человек, во время правления предыдущего императора он проводил регулярные теологические семинары в соборе Св. Софии. Однако позднее Анастасий стал склоняться к монофизитству и патриарх Евфимий отказался венчать его на царство до тех пор, пока кандидат в императоры не подпишется под заявлением о приверженности православию. Анастасий, искренне веривший в то, что он строго придерживается решений Халкидонского собора, подписал это заявление без колебаний, но недруги императора сразу же обвинили его в том, что он пожертвовал своими принципами во имя политической выгоды. Наиболее крупной фигурой среди них был Лонгин, считавший, что Анастасий занимает на троне его место. Вскоре он собрал вокруг себя толпу смутьянов, в основном исавров, которые устроили в городе беспорядки. В результате возникли пожары, уничтожившие несколько самых красивых зданий Константинополя. В 492 г. Лонгин был арестован и выслан, но периодические потасовки в городе продолжались. Лишь с большим трудом удалось восстановить порядок, после чего все исавры были изгнаны из столицы — в том числе семья Зенона. В Константинополе наконец воцарилось спокойствие, хотя в Анатолии война с исаврами продолжалась еще три года.

Другим постоянным источником беспокойства являлось разделение населения на две соперничающие группировки — Синих и Зеленых. Их названия происходили от цветов, в которые были одеты две основные команды возниц. Лидеры группировок назначались правительством, поскольку оно возлагало на эти объединения важные обязанности, в том числе функции охраны порядка и поддержания в должном состоянии оборонительных укреплений. Во всех основных городах империи Синие и Зеленые существовали как две полуполитические партии, которые иногда создавали совместные отряды местной милиции. В этот период Синие в основном представляли собой партию крупных землевладельцев и старой греко-римской аристократии, тогда как Зеленые числили в своих рядах представителей торгового сословия, промышленников и чиновников. Многие члены этой последней группы вышли из восточных провинций, где монофизитская ересь была особенно распространена. Таким образом, Синие постепенно стали ассоциироваться с православием, Зеленые же — с монофизитством. Анастасий сначала старался сохранять беспристрастность, однако вскоре инстинктивные устремления в сторону монофизитства привели его в лагерь Зеленых.

Враждебность между двумя димами (как они сами себя называли) неуклонно возрастала на протяжении всего времени его правления. Она достигла своего пика в 511 г. и вылилась в беспорядки, которые едва не привели к низложению императора. Анастасию шел уже девятый десяток, и его монофизитские симпатии стали очевидными для всех. Патриарх Евфимий, обвиненный в поддержке исавров, был выслан из города; его преемник Македоний, кротчайший из людей, постепенно стал понимать, что с правителем невозможно вести общие дела. Дело дошло до критической точки, когда Македонию обвинили в разжигании мятежа в соборе Св. Софии — на деле же то была намеренная провокация монофизитов. Жители Константинополя, разъяренные несправедливыми обвинениями, выдвинутыми против патриарха, двинулись к императорскому дворцу, но, к счастью для Анастасия, Македоний немедленно объявил, что поддерживает его.

Вся эта история не стала для императора полезным уроком — он был слишком стар, чтобы менять убеждения. Македо-

ния выслали из Константинополя, и в ноябре 512 г. вспыхнул еще более серьезный мятеж. И тут Анастасий проявил себя должным образом. Появившись в цирке перед двадцатью тысячами разъяренных подданных, он медленно снял с головы диадему. Император сказал им, что готов сложить с себя бремя власти; все, о чем он их просит, — назвать имя его преемника. Если же народ предпочтет, чтобы именно он продолжал исполнять свои обязанности, то более у них никогда не будет повода для беспокойства. Высокий, убеленный сединами, император все еще оставался очень красивым человеком, а голос его был уверенным и убедительным. Постепенно шум стих, ситуация благополучно разрешилась. На протяжении длительного правления Анастасия было еще множество других угроз миру и спокойствию империи, однако ни одна из них не имела серьезных последствий.

Мне показалось уместным достаточно детально описывать религиозные мятежи, чтобы высветить тот аспект повседневной жизни Византии, который для нашего времени представляется труднодостижимым: все классы общества были вовлечены в споры о проблеме, сегодня воспринимаемой как малопонятная доктринальная тонкость.

Когда правление престарелого Анастасия уже подходило к концу, он, как гласит легенда, возымел желание выяснить, кто из трех его племянников должен занять трон. Будучи по своей природе очень суеверным человеком, он пригласил их на обед и приготовил три ложа, на которых они смогут после принятия пищи отдохнуть. Под подушкой одного из лож император положил кусок пергамента, на котором начертал слово *regnum**; Анастасий считал, что тот, кто выберет именно это ложе, и должен наследовать престол. Увы, двое молодых людей, чьи взаимные симпатии, по-видимому, несколько выходили за рамки обычных семейных привязанностей, решили отдохнуть вместе и как раз императорское ложе осталось нетронутым. После страстных молитв Анастасия о ниспослании ему знака, императору наконец открылось, что его преемником должен стать человек, который первым войдет в его спальню на следующий день. Им оказался Юстин, начальник стражи. Анастасий покорно склонил голову перед Божьей волей.

* *Regnum* — царская власть (лат.).

Юстин происходил из фракийских крестьян, и ему шел седьмой десяток. Это был необразованный, абсолютно неграмотный человек. Его жена Люпицина имела еще более низкое происхождение — она была рабыней и наложницей, пока ее не выкупил Юстин. Другими словами, несмотря на свои несомненные воинские способности, новый правитель не слишком соответствовал более-менее сложившемуся величественному образу византийского императора. Однако он, по-видимому, обладал изрядными амбициями и крепким крестьянским умом. Юстин стойко придерживался православных взглядов, прямо выступая против партии Анастасия с ее монофизитскими симпатиями, и открыто встал на сторону Синих в их борьбе против потерявших популярность Зеленых. Армия его любила и уважала, и мало кто сомневался, что в случае новых мятежей император подавит их уверенно и жестко. Но самым ценным достоянием Юстина был его племянник Юстиниан, который, как представляется, немало поспособствовал возвышению своего дяди. Именно Юстиниан довел до конца процесс примирения византийского трона с папским престолом после тридцатипятилетнего раскола. Прославился он также тем, что отпраздновал свое вступление в консульскую должность в 521 г. организацией на ипподроме самых ярких и дорогостоящих развлечений и публичных зрелищ из всех, какие когда-либо видел Константинополь. 3700 фунтов золота были потрачены на декорации, сценическую машинерию и щедрые дары народу, а гонки на колесницах вызвали такой ажиотаж, что последний заезд пришлось отменить из страха перед общественными беспорядками. Контраст с аскетическим, крайне экономным периодом предыдущего правления был налицо, что вызвало у византийцев определенные надежды на лучшее будущее. И действительно, империя стояла на пороге нового, славного века, в котором под началом гордого, победоносного, во всех отношениях блестящего императора будут отвоеваны утраченные территории государства и возвращено его бывшее величие.

Юстиниан родился в 482 г. — как и его дядя, во Фракии. Он прибыл в Константинополь еще в детском возрасте почти несомненно, по приказанию Юстина. Решение было правильным: нигде, кроме как в столице, мальчик не смог бы получить образо-

вание высокого уровня. Ко времени смерти Анастасия он был офицером *схола** в одном из дворцовых полков. По-видимому, к этому моменту Юстин уже формально усыновил его и юноша в знак благодарности взял себе имя, с которым и вошел в историю. Одним из первых деяний Юстина после облачения в порфиру стало возведение своего племянника в ранг патрикия и назначение его комитом домашних — командиром дворцовой стражи. С этого самого момента и началась реальная власть Юстиниана.

Император сразу же выказал готовность находиться под фактическим началом племянника, и на протяжении всей оставшейся жизни вполне довольствовался ролью марионетки. Соответственно Юстиниану следует поставить в заслугу все самые важные достижения имперской власти, которые пришлось на период правления его дяди. В первую очередь — это заделывание бреши в отношениях с Римом, которая начала разрастаться с того момента, когда в 484 г. к ризе патриарха Акакия было приколото постановление о его отлучении от церкви. Возникшая ситуация, по мнению Юстиниана, наносила исключительный вред тому сущностному единству, которое следовало поддерживать любой ценой: точно так же как существовал единый Бог, должны были существовать единая империя и единая церковь. 25 марта 519 г. папское посольство прибыло в Константинополь. У десятого мильного камня его встретил сам Юстиниан. Два дня спустя в соборе Св. Софии патриарх Иоанн объявил, что церкви Старого и Нового Рима являются единой и неделимой церковью, а также торжественно предал анафеме целый ряд еретиков, в том числе своего предшественника Акакия. В заключение из диптихов** торжественно вычеркнули имена Зенона и Анастасия. Расколу был положен конец. Для Византии он обошелся ценой почти безусловной моральной капитуляции, но для Юстиниана такая цена не выглядела слишком уж большой за то, что церковь наконец воссоединилась.

Через один или два года после этого в жизни Юстиниана наступил новый поворотный момент — встреча с будущей импе-

* Схол — элитная кавалерийская гвардия.

** Во времена раннего христианства эти диптихи содержали списки особо выдающихся христиан, чьи имена регулярно упоминались во время евхаристии. — *Примеч. авт.*

ратрицей. Отец Феодоры содержал медведей на ипподроме, ее мать была акробаткой — уже этого хватало с избытком, чтобы закрыть ей путь в высшее общество. Но и в биографии самой Феодоры имелось много чего интересного. Будучи совсем юной, она вместе с тем обрела славу самой отъявленной куртизанки Константинополя. Перу ее современника Прокопия принадлежит весьма откровенная характеристика Феодоры — вряд ли в мировой истории писалось в отношении королевы или императрицы что-либо подобное:

«Когда Феодора была еще слишком незрела, чтобы вступать в половые отношения как женщина, она действовала так, как могла бы действовать проститутка-мужчина — чтобы таким неестественным образом удовлетворить тех подонков общества, которые проводили свое время в публичном доме... Но как только она достигла зрелости, то стала настоящей шлюхой. Никогда ни одна женщина не предавалась плотским утехам с такой неутомимой страстью. Не раз она посещала пиршества с десятью и более мужчинами — все они были одержимы страстью к блуду и находились на пике своих сил. И она возлежала со своими спутниками целую ночь. Когда же она доводила их до истощения, то шла к их слугам — иногда их число достигало тридцати — и совокуплялась с каждым по очереди, но даже тогда не могла удовлетворить свою похоть. И хотя она использовала три отверстия в своем теле, она обыкновенно жаловалась на то, что природа не снабдила ее более крупными отверстиями в сосках, так чтобы она могла затеять новую форму половых сношений. Зачастую в театре, на виду у всех... она ложилась на спину, и специально подготовленные для этого рабы посыпали зернами ячменя ее половые органы, а натренированные для этой задачи гуси склевывали зерна одно за другим».

Став любовницей чиновника среднего ранга, она вместе с ним поехала в Северную Африку. Получив отставку после очередной жестокой семейной ссоры, Феодора заработала себе денег на обратный путь тем единственным способом, который знала. Но, находясь в Александрии, она, по-видимому, познакомилась с некоторыми серьезными клириками и, возможно, даже обрела определенный религиозный опыт. Похоже, что она вернулась в

Константинополь уже совсем другим человеком. Но одна черта Феодоры совершенно точно осталась неизменной — ее сильная привязанность к партии Синих. Юстиниан также благоволил Синим, и, возможно, при их посредничестве он впервые повстречал Феодору — на тот момент она была на середине своего четвертого десятка. Эта женщина сразу же пленила его, и он решил взять ее в жены.

Препятствием к браку стало крайне враждебное отношение к Феодоре императрицы. Люпицина, обнаружив наконец женщину, имеющую еще более низкое происхождение, чем она, стала унижать Феодору всеми возможными способами. Но в 524 г. императрица умерла, и в 525 г. Юстиниан и Феодора венчались в соборе Св. Софии. 4 апреля 527 г. они были коронованы как соправитель императора и императрица, а когда 1 августа скончался и Юстин, Юстиниан и Феодора оказались единственными верховными правителями Византийской империи. Акцентирование множественного числа здесь очень важно. Феодора стала не просто императрицей-супругой, а по настоянию Юстиниана правила вместе с ним; муж и жена советовались друг с другом, принимали совместные решения по всем важнейшим государственным делам.

Нам неизвестно, что константинопольцы думали о браке Юстиниана. Но наверняка в глазах многих такой мезальянс представлялся позором для империи. Впрочем, Юстиниан и без того пользовался любовью народа, который оплачивал из своего кармана весьма дорогостоящие акции императора. Так было с войной с Персией; так было с «Вечным миром» 532 г., которым она закончилась, — по этому соглашению византийцы выплачивали ежегодную дань персам в 11 000 фунтов золота (что никогда не афишировалось). Так было и с монументальной программой строительства религиозных сооружений, которую Юстиниан начал с возведения величественной церкви, посвященной Богоматери Влахернской, в том месте, где Феодосиева стена нисходила к Золотому Рогу, — продолжением этой программы стало восстановление еще семи церквей. А в первые же дни после восшествия на престол он построил в память о святых мучениках Сергии и Вакхе церковь, которая по своему великолепию уступала в Константинополе только собору Св. Софии.

Для всех этих и многих других целей необходимые средства были собраны, естественно, путем усиленного сбора налогов. Подобные меры никогда не приветствуются, но народное недовольство было подогрето еще и действиями Иоанна Каппадокийского, ответственного за налоговую политику империи. Находясь в должности префекта претория, Иоанн стал придерживаться жесткой экономии в снабжении армии, ввел новые налоги, которыми оказались охвачены как богатые, так и бедные слои населения, а тех, кто, по его мнению, обладал сокрытыми богатствами, он бросал в тюрьмы, подвергал порке и пыткам. Всеобщую смуту вызывала и моральная развращенность Иоанна. По словам его современника, писателя Иоанна Лидийского, не было «ни одной жены, девы или юноши, совершенно огражденных от поругания их чести». В силу этих причин к началу 532 г. Иоанн являлся самым ненавидимым человеком в империи.

Однако был еще один деятель, который мог составить ему конкуренцию в этом отношении: речь идет о юристе Трибониане, назначенном в 529 г. квестором — высшим должностным лицом империи по юридической части в правительстве. Иоанн был по крайней мере христианином и решительным борцом с коррупцией; Трибониан же являлся язычником, да к тому же слыл нечистым на руку. Как замечает Прокопий, «он всегда был готов продать правосудие ради наживы, и в его обыкновении было почти ежедневно отменять одни законы и предлагать другие, сообразуясь с требованиями тех, кто покупал его услуги». С другой стороны, Трибониан слыл весьма квалифицированным специалистом в своей области и в его лице Юстиниан нашел юриста, способного осуществить давно лелеемую императором мечту. Речь шла о полной рекодификации римского права. Он хотел заменить путаные и противоречивые формулировки и избавиться от норм закона, противоречащих христианскому учению. Под председательством Трибониана к работе приступила специальная комиссия, назначенная императором. 8 апреля 529 г., менее чем через четырнадцать месяцев, новый кодекс был готов. Через неделю он вступил в силу, став самым авторитетным документом для всех судов в империи. В 530 г. вторая комиссия под председательством Трибониана начала собирать труды всех древнеримских юристов. Работа, известная как «Дигесты», или

«Пандекты», являла собой первую попытку оформить эти труды в методическую систему. Наконец в 533 г. появились «Институции» — учебное руководство, разработанное для использования в имперских юридических школах, в нем были собраны тезисы из основных работ древнеримских юристов.

В сравнении с тем огромным вкладом, который Трибониан внес в имперскую юриспруденцию, нарушение им профессиональных норм в практической работе представляется не слишком серьезным деянием. Однако нет сомнения, что и он, и Иоанн Каппадокийский несут значительную долю ответственности за то, что в первые годы правления Юстиниана число недовольных его деятельностью все более росло. 13 января 532 г., когда император занял свое место на ипподроме, чтобы подать сигнал к началу состязаний, его появление было встречено неодобрительным гулом. Неожиданно он осознал, что едва ли не впервые в истории Зеленые и Синие объединились, и это объединение направлено против него. «Ника! Ника!» («Побеждай! Побеждай!») — стали кричать зрители. Обычно этим призывом подбадривали возниц, но сейчас он прозвучал как сигнал к мятежу.

Первой целью возбужденной толпы стал дворец городского префекта, где мятежники освободили всех узников, прежде чем поджечь здание. Оттуда они перешли к преторианской префектуре, потом — к зданию сената, далее — к двум великим соборам — Св. Ирины и Св. Софии. За толпой тянулся огненный след. К концу дня все эти здания и бесчисленное множество других превратились в руины. В течение пяти дней и ночей город застилал густой дым. Мятежники наконец предъявили свои требования императору: сместить с должностей Иоанна Каппадокийского, Трибониана и городского префекта Эвдаймона. Юстиниан, серьезно встревоженный создавшимся положением, сразу же уступил напору толпы. Но ей уже было этого мало и мятежники решили избрать нового августа. Ипатий, старший племянник бывшего императора, постарался как можно лучше спрятаться, когда толпа начала выкликать его имя, но он был найден и принесен на плечах на ипподром и там же коронован ожерельем одного из мятежников.

Между тем в стоявшем за ипподромом дворце отчаявшийся Юстиниан обсуждал ситуацию со своими советниками. Импе-

ратор уже сделал все необходимые приготовления к тому, чтобы в любой момент он и его двор смогли покинуть столицу. По мнению Юстиниана, этот момент как раз и наступил. И вдруг взяла слово Феодора, заявив, что нельзя даже помышлять о бегстве. «Как вообще император, — продолжила она, — может позволить себе стать беженцем? Да никогда не произойдет того, чтобы я по своей воле скинула императорскую мантию или же узрела день, когда меня более не величают по моему титулу. Если ты, мой император, желаешь спасти свою шкуру, то волен действовать по собственному усмотрению. Что же до меня, то я буду придерживаться древнего изречения: порфира — вот самый благородный саван».

После такой речи никто уже не предлагал оставить город; все согласилось с тем, что кризис следует разрешить силой оружия. К счастью, во дворце присутствовали два лучших полководца империи: романизированный фракиец Велисарий, которому еще только третий десяток лет, и иллириец Мунд, командовавший скандинавскими наемниками. Оба тайно покинули дворец, собрали своих солдат и разными маршрутами двинулись к ипподрому. Там они с двух сторон атаковали мятежников, которые совершенно не ожидали нападения. В то же время командир императорской охраны, армянский евнух по имени Нарсес, имевший обманчиво хрупкую внешность, разместил своих людей на главных выходах с ипподрома, приказав убивать всех, кто попытается убежать. Через несколько минут в большом амфитеатре послышались стоны раненых и умирающих. Синих резали без всякого разбора. Вскоре все стихло. Покуда наемники обыскивали 30 000 тел, выгребая из карманов ценные вещи, дрожащего Ипатия привели к императору. Юстиниан имел намерение выказать милосердие, но Феодора остановила его: этот человек, сказала императрица, был коронован народом, в любой момент он может оказаться в фокусе нового восстания. Супруг, как всегда, подчинился ее воле. На следующий же день Ипатия и его брата казнили, а их тела бросили в море.

Восстание «Ника» (как его поименовали) стало для Юстиниана хорошим уроком. Он восстановил Трибониана и Иоанна Каппадокийского в прежних должностях, но с этого времени размеры налогов уже никогда не выходили за разумные границы

и подданные стали более осмотрительны. Они осознали, что императоров нельзя так запросто назначать и смещать, как им казалось ранее.

Между тем и для императора, и для народа работы было достаточно. Столица лежала в руинах, ее следовало восстановить. Не теряя времени даром, Юстиниан решил заново отстроить собор Св. Софии, и 23 февраля 532 г. работа началась. Это будет третья — и уже окончательная — версия собора Св. Софии, Премудрости Божией. По замыслу императора, новое здание должно сохранить облик своих предшественников, но ему надлежало быть намного больше: предполагалось, что собор станет самым крупным культовым центром во всем христианском мире. Юстиниан также хотел сделать церковь квадратной, а не прямоугольной. Кроме того, вершинная точка архитектурного сооружения должна была приходиться не на апсидное святилище в восточном конце, но на высокий центральный купол. Концепция была настолько революционной по сути, что император, возможно, уже разрабатывал ее с двумя wybranymi им архитекторами — Анфимием из Тралл и Исидором из Милета — задолго до восстания «Ника». Ведь при всей несомненной гениальности зодчих они едва ли могли подготовить рабочие рисунки менее чем за шесть недель.

По-видимому, с самого начала Юстиниан дал двум архитекторам карт-бланш. Единственные условия, которые он поставил перед ним, — здание должно быть возведено в максимально сжатые сроки и своим великолепием превосходить все иные культовые сооружения. Для ускорения строительства Юстиниан направил 5000 человек на северную сторону объекта и 5000 — на южную, так чтобы бригады соревновались друг с другом. Губернаторам провинций было велено ненадолго отправить в столицу все сохранившиеся элементы классических построек, которые можно было бы использовать для инкорпорирования в новую структуру. Из Рима прислали восемь порфировых колонн, некогда являвшихся частью храма Солнца, из Эфеса прибыло восемь колонн из зеленого мрамора. Всю поверхность интерьера над мраморной облицовкой покрыли мозаикой — либо однородно золотой, либо выложенной в форме декоративных узоров, в которые были добавлены красные, синие и зеленые мозаичные

кубики. Большая часть этой оригинальной работы до сих пор присутствует на своем месте.

Но великолепие церкви не сводилось к одним лишь поверхностным украшениям — и в архитектурном плане она представлялась прихожанам той поры почти чудом. Посетителей более всего поражал купол: 107 футов в диаметре, на высоте 160 футов от пола, — он был в несколько раз шире и выше всех когда-либо создававшихся ранее, напоминал пустое блюдо, вдоль ободка которого пробито сорок окошек, так что казалось, будто оно «подвешено к небу на золотой цепи». Взору потрясенных византийцев представляли также: пятидесятифутовый иконостас из цельного серебра, алтарь, инкрустированный золотом и драгоценными камнями, огромный круглый амвон для проповедника, сверкающий многоцветным мрамором и мозаикой. В церкви имелось бессчетное множество золотых светильников. Собор Св. Софии не имел себе равных по количеству и ценности представленных реликвий. В первую очередь следует назвать Честной Крест Господень, привезенный из Иерусалима императрицей Еленой наряду с другими предметами, так или иначе связанными с крестными муками. Нельзя не упомянуть также пелены Христа и стол, за которым он и его апостолы сидели во время Тайной вечери. Неудивительно, что Юстиниан, первый раз войдя в здание — строительство которого продолжалось пять лет десять месяцев четыре дня после закладки первого камня, — долгое время стоял молча и затем прошептал: «Соломон, я превзошел тебя»*.

После восстания «Ника» и через восемь месяцев после заключения мира с Персией в стране воцарилось спокойствие, так что у Юстиниана появилась возможность задуматься о восстановлении Западной империи. Ранее об этом не приходилось и мечтать: Византия тратила слишком много сил для защиты собственной территории от германских и славянских племен, создававших постоянную напряженность на границах, а перманентная инфильтрация варваров в имперскую армию ставила под вопрос ее преданность верховному правительству. Но теперь эти про-

* Имеется в виду библейский царь Соломон, создатель Иерусалимского храма.

блемы были в целом решены; более того, Юстиниан нашел в лице Велисария человека, на которого, по его мнению, он мог попытаться в решении серьезных военных задач. Военный талант, отвага и физическая крепость этого полководца не вызывали сомнения и по своей природе он был настоящим лидером. У него имелось только одно слабое место — жена.

Юность Антонины прошла в стенах театра и на арене цирка, и ее прошлое — пусть и не такое феерическое, как у Феодоры, — было далеко не безупречным. Будучи как минимум на двенадцать лет старше мужа, она уже имела нескольких детей, рожденных как в браке, так и вне его. В отличие от императрицы она не предприняла никаких попыток изменить свой характер после создания семьи, и в последующие годы Велисарий немало от этого страдался, но продолжал любить Антонину и брал с собой во все походы.

Первой территорией, которую Юстиниан решил вернуть, стало королевство вандалов в Северной Африке. Король Гейзерих давно уже умер; в 531 г. внук Гейзериха был свергнут его дальним родственником по имени Гелимер, который на выражение формального протеста со стороны Юстиниана ответил письмом, где, по сути, предложил ему не совать нос в чужие дела. Император этот ответ воспринял как вызов. Велисарию были отданы соответствующие распоряжения, и в Иванов день 533 г. византийское войско вступило в поход. Оно насчитывало 5000 кавалеристов и вдвое больше пехотинцев — по меньшей мере половину из них составляли наемники-варвары, в основном гунны. Солдат разместили на 500 транспортных судах, которых сопровождали 92 дромона*.

После нескольких дней задержки, связанной с тем, что 500 человек серьезно отравились плесневелыми сухарями, которыми снабдил экспедицию Иоанн Каппадокийский, флот наконец благополучно прибыл в Северную Африку. Армия направилась в северном направлении, к Карфагену; корабли, не отставая, шли на некотором расстоянии от берега. Оставалось еще десять миль до города, когда 13 сентября экспедицию атаковала армия вандалов. По замыслу Гелимера, атака должна была происходить с

* Дромон — небольшое византийское военное судно, отличавшееся высокой скоростью. — *Примеч. авт.*

трех сторон: его брат Аммат штурмовал передовые позиции противника, его племянник Гибаmund наступал с флангов, а сам Гелимер нацелился на аррьергард. К несчастью, соратники подвели его. Византийцы оказались готовы к встрече Аммата — в последовавшей битве он был убит, его охрана изрублена в куски, а солдаты сразу пали духом и бежали. Атака с флангов оказалась не более успешной. Гибаmund еще только подтягивал свои войска, когда кавалерия Велисария атаковала их. Это были гунны — страшные, дикие и неумолимые. Вандалам хватило одного взгляда на приближающуюся орду, чтобы разбежаться в разные стороны. Теперь все зависело от Гелимера. Он успешно начал атаку, но неожиданно наткнулся на тело своего брата, и дух борьбы покинул его. Велисарий перешел в контрнаступление, и вскоре битва была закончена. Дорогу на север византийцы уже взяли под контроль, так что вандалы бежали на запад, в пустыни Нумидии.

Карфаген лежал у ног византийцев, и в воскресенье, 15 сентября, Велисарий — вместе с сопровождавшей его Антониной — совершил официальное вступление в город. Он сразу же направился во дворец, где, сев на трон короля вандалов, стал принимать самых влиятельных горожан, а потом дал торжественный обед для своих офицеров.

Гелимер не сразу прекратил борьбу. Он и его выживший брат Зенон перегруппировали силы и пошли в наступление. Но 15 декабря вандалы потерпели еще одно сокрушительное поражение и король бежал в свою нумидийскую цитадель, его армия в совершенном беспорядке следовала за ним. Велисарий направился к городу Гиппонец и завладел королевскими сокровищами. Затем он повернул назад к Карфагену, за ним следовала процессия из вандальских пленников и повозок, груженных награбленным добром. Гелимер окончательно сдался лишь в марте 534 г.

В самый разгар лета Велисария вызвали в Константинополь. Юстиниан в духе древних традиций решил устроить для своего победоносного военачальника торжественный прием. Население Константинополя громкими возгласами приветствовало Велисария, прошествовавшего на ипподром во главе своих солдат. За ними проследовали Гелимер, его семья и самые высокие и красивые из пленных вандалов. Далее в тележках везли трофеи, в

том числе менору, священный семисвечник, вывезенный императором Титом в 71 г. из иерусалимского храма в Рим, откуда его в 455 г. забрал к себе в Карфаген Гейзерих. (Позднее, по просьбе еврейской общины, Юстиниан вернул ее — вместе с другой храмовой утварью — в Иерусалим.) Церемония достигла своего апогея, когда Велисарий и Гелимер простерлись ниц перед императорской ложей, где торжественно восседали Юстиниан и Феодора. В ходе последовавшей затем частной беседы с императором последний король вандалов с благодарностью принял предложенные ему в дар богатые поместья в Галатии, где он мог жить в спокойном уединении.

Далее мысли Юстиниана обратились к Италии. Римская империя, не включавшая в себя Рим, являлась абсурдом. Остготское арианское королевство, включавшее его в себя, представлялось чем-то крайне нестерпимым. Теперь, когда Теодорих был мертв, оно также могло стать политически опасным. В общем, Юстиниан не сомневался, что остготское королевство должно быть уничтожено, но как? В отличие от вандала Гейзериха и его преемников остготский король правил именем императора — как его вице-король. Если вандалы преследовали православную церковь, то Теодорих, несмотря на свое арианство, старался культивировать дружбу с папой римским и влиятельными римлянами. Кроме того, остготская королевская власть пользовалась большой популярностью среди ее подданных, и Юстиниан хорошо понимал, что этим подданным может сильно не понравиться ужесточившаяся регламентация жизни и резко возросшие налоги, которые должны были воспоследовать после реинтеграции Италии в империю.

Незадолго до смерти (526) Теодорих определил наследником на престол своего восьмилетнего внука Аталариха, сына единственной дочери Амаласунты, на тот момент вдовы. Это была особа, столь же замечательная в своем роде, что и Феодора, и не менее властолюбивая, чем она. Кроме всего прочего, Амаласунта хорошо знала латынь и греческий и обладала широким культурным кругозором — уникальным в среде готов. Остготская знать, которую ужасало ее упорное стремление дать Аталариху хорошее классическое образование, сделала все возможное, что-

бы вывести молодого короля из-под ее контроля. В результате пьянство и беспутный образ жизни убили его, когда ему не исполнилось и семнадцати лет. Между тем мать Аталариха, когда он был еще жив, вступила в тайную переписку с Юстинианом и, наконец, родился заговор: она должна была бежать через Адриатику в Диррахий, попросить там убежища и призвать императора вернуть ей власть, принадлежавшую Амаласунте по праву. Имея дочь Теодориха на своей стороне, Юстиниан знал, что смог бы рассчитывать на значительную поддержку самих готов и даже получить обратно Италию без пролития крови. Но предпринять император ничего не успел, поскольку дальнейшие события разворачивались слишком быстро.

2 октября 534 г. юный Аталарих умер в Равенне. Трон перешел к его двоюродному дяде Теодахад, который не проявлял никакого интереса к власти, предпочитая вести чинную, размеренную жизнь ученого в одной из своих бесчисленных вилл. Амаласунта сразу же предложила ему совместное правление: Теодахад пользовался бы всеми удовольствиями и привилегиями королевской власти, а Амаласунта занялась бы практическим руководством страны. Теодахад согласился, и была провозглашена соответствующая форма правления; вскоре, однако, он замыслил низвержение своей двоюродной сестры. В апреле 535 г. Амаласунта была схвачена и заключена в островной замок на озере Больсано, а вскоре ее задушили в купальне.

Это убийство дало Юстиниану хороший предлог, дабы вмешаться в дела королевства. Он приказал Велисарию, который все еще пребывал в лучах славы после триумфа в Северной Африке, плыть вместе с армией в 7500 человек на Сицилию. Экспедиция началась достаточно хорошо, Велисарий занял остров почти без борьбы, но дальнейшее продвижение было основательно задержано мятежом, поднятым в Африке, и лишь поздней весной 536 г. его армия наконец высадилась на итальянской земле. Византийцы не встречали никакого сопротивления до самого Неаполя, но неаполитанцы отважно защищали город на протяжении трех недель. Велисарий предупредил их, что если они будут продолжать сопротивляться, то он не сможет удержать свою армию, состоявшую из полудиких варваров, от убийств и грабежей после занятия города. Его предупреждению не вняли,

и после падения Неаполя местные жители заплатили высокую цену за свой героизм. Прошло несколько часов, прежде чем Велисарий смог убедить свои орды прекратить бойню.

Взятие Неаполя нанесло серьезный удар по боевому духу готов, которые возложили вину за поражение на Теодахада и сместили его — а вскоре и казнили, — объявив королем пожилого военачальника по имени Витигис. Однако многие, вероятно, пожалели о таком выборе, когда Витигис заявил, что не будет защищать Рим. Его жители должны были сами позаботиться о себе, в то время как полководец отступил в Равенну и занялся консолидацией военных сил.

Однако Велисарий несколько не спешил. Лишь в декабре он двинулся в северном направлении, вроде как ответив на приглашение папы Сильверия занять священный город. В предыдущие месяцы, очевидно, осуществлялась подготовка к этому сценарию, и папа римский с Велисарием достигли некоего соглашения. Но какова бы ни была истинная подоплека происходящего, 9 декабря 536 г. византийцы вступили в Рим, а готский гарнизон покинул его.

Но если Сильверий и его паства полагали, что, открыв ворота императорской армии, они избегнут несчастий осадного положения, то их ожидания были жестоко обмануты. Велисарий же знал, что готы скоро вернутся, и ожидал осады. Он сразу же взялся за восстановление стен и реквизицию зерна в сельской местности. Кроме того, Велисарий заказал еще зерна из Сицилии, так что амбары были переполнены.

Витигис и его войско заняли позиции вокруг города в марте 537 г. Им пришлось находиться на них в течение года — страшное время как для осаждающих, так и для осажденных. Готы начали с того, что перерезали все акведуки, нанеся Риму удар, от которого он не смог оправиться еще тысячу лет. В апреле прибыли подкрепления от Юстиниана — около 1600 славян и гуннов, которые прорвали блокаду и сделали возможной организацию отдельных вылазок из города. С наступлением лета проблемы возникли по обе стороны крепостных стен — у римлян наступил голод, а в войско готов пришла бубонная чума. В ноябре осужденным жить стало легче — с Востока прибыла пятитысячная кавалерия и пехота под командованием полководца Иоанна.

Вскоре после этого готы запросили трехмесячное перемирие, предложив проект договора с Византией, которые Велисарию пришлось переадресовать в Константинополь. Ожидая ответа, он отправил Иоанна с двумя тысячами всадников в карательную экспедицию. Опустошая все на своем пути, Иоанн быстро продвинулся вверх по полуострову — к Римини, где основал временный штаб.

Услышав, что захватчики заняли город у него в тылу, всего лишь в 33 милях от Равенны, Витигис снял осаду с Рима. Ранним утром, в марте 538 г., его войска, утратившие уже боевой дух, подожгли свой лагерь и направились на север. Но на этом их несчастья не закончились: византийцы напали на них сзади, после чего на берегу реки остались лежать несколько сотен убитых готов, а многих отступавших утанули на дно Тибра их тяжелые доспехи.

Через несколько дней, оставив в Риме лишь маленький гарнизон, Велисарий сам выступил на север. Его беспокоило, что Иоанн подвергал себя серьезной опасности в Римини, поэтому он отправил туда двух офицеров с приказом Иоанну немедленно покинуть город вместе с войском и присоединиться к Велисарию в Анконе. Но Иоанн отказался и вскоре готы появились под стенами Римини. Началась осада, перспективы которой для византийцев выглядели весьма мрачными. В отличие от Рима, хорошо защищенного и имевшего достаточно продовольствия, Римини — городок маленький, расположен на совершенно гладкой равнине, плохо защищен и не подготовлен к условиям блокады. Можно представить себе ярость Велисария, когда ему обо всем этом сообщили. Он мог бы смириться с потерей Иоанна, но без его 2000 всадников обойтись было бы трудно. Идти же на помощь осужденным казалось крайне неразумным — из-за одного кавалерийского полка нельзя подвергать опасности целую армию.

Велисарий все еще обдумывал, что же ему предпринять, когда из Константинополя прибыли свежие войска, возглавляемые самой влиятельной фигурой при императорском дворе — евнухом Нарсесом, сыгравшим решающую роль в подавлении восстания «Ника». Он не был воином: большую часть из своих шестидесяти лет евнух провел во дворце. Юстиниан поставил его командовать экспедиционным корпусом лишь по одной при-

чине: император начинал испытывать некоторое беспокойство в отношении Велисария. Этот блестящий полководец был слишком молод — чуть за тридцать, — слишком успешен и, по всему, создан из того же материала, что и императоры, а также претендует на престол. Так что, по мнению Юстиниана, за Велисарием следует приглядывать. И кто мог делать это лучше, чем самый близкий конфидент Юстиниана, почтенный возраст и физическое увечье которого не позволяли ему иметь собственные амбиции императорского масштаба?

Сразу же по прибытии Нарсеса вызвали на военный совет, где обсуждался вопрос — что делать в связи с осадой готами Римини. Нарсес указал на то, что враг будет рассматривать захват в плен такого мощного византийского отряда как крупную победу, как поворотный пункт во всей войне. Его мнение сыграло решающую роль, и Велисарий стал готовиться к военной операции. Неделю или две спустя он обратил осаждающую армию в бегство, успев спасти защитников города от голодной смерти. Но Иоанн заявил, что своей победой византийцы обязаны исключительно Нарсесу. Семена раздора между внуком и полководцем были посеяны.

Велисарий являлся выдающимся стратегом и великолепным боевым командиром, но он не умел внушать подчиненным чувство преданности к своей персоне. После освобождения Римини значительная часть армии дала понять, что в случае разногласий между Велисарием и Нарсесом примет сторону последнего, что позднее и произошло.

Прошедшей весной, во время трехмесячного перемирия в Риме, архиепископ Миланский Даций обратился к Велисарию с просьбой прислать войска для освобождения Миланской епархии от готской — и арианской — оккупации, и полководец направил туда 1000 человек. И тогда несколько других крупных городов сразу же открыли византийцам ворота, однако каждому из них потребовался небольшой гарнизон имперских войск, так что силы, направлявшиеся в Милан — город значительно больших размеров, чем Рим, — сократились до 300 человек. Витигис немедленно послал в Милан армию, чтобы вернуть город под свой контроль. К ней почти сразу же присоединилось около 10 000 бургундов. Таким образом, к началу лета 538 г. Милан

оказался осажден огромным войском, а защищало его столь малое число воинов, что все горожане мужского пола, годные к военной службе, были мобилизованы. Велисарий без всяких колебаний послал для снятия осады двух лучших командиров и столько солдат, сколько был в состоянии предоставить на тот момент. Однако эти командиры, осознав, что враг численно превосходит их во много раз, отказались двигаться дальше реки По без поддержки Иоанна и иллирийского военачальника Юстина. Но те в свою очередь заявили, что теперь они исполняют приказы лишь одного Нарсеса. В результате гарнизону, у которого для пропитания остались только собаки и мыши, пришлось довериться командующему готскими войсками, давшему византийцам слово, что они могут покинуть город целыми и невредимыми. Слово он сдержал, но его благородное предложение не распространялось на жителей Милана, которые, в глазах готов, предали город. Все жители мужского пола были преданы мечу, женщины обращены в рабство и отданы бургундам в благодарность за военную поддержку. Что до самого города, то там не остался в целости ни один дом.

Милан пал в первые месяцы 539 г. Это была, конечно, катастрофа, но у нее имелось одно полезное последствие: Юстиниан отозвал Нарсеса в Константинополь. Вновь получив всю полноту власти в свои руки, Велисарий начал активные боевые действия, и к концу года вся Италия к югу от Равенны снова была под властью византийцев.

Но у Витигиса оставалась еще надежда на спасение. Зная, что персидский шах Хосров I угрожал Византии вторжением, он послал ему письмо с двумя тайными агентами. В нем готский король предлагал шаху немедленно начать войну против империи, и тогда византийцам придется сражаться на два фронта одновременно, что неизмеримо повысит шансы персов на победу. Два агента на Запад так и не вернулись, а вот их переводчик сириец был схвачен, доставлен в Константинополь и допрошен, после чего Юстиниан схватился за голову. Если Хосров действительно намеревался начать войну, то следовало немедленно вернуть из Италии в Константинополь самого лучшего из византийских военачальников, а значит, надо было немедленно заключить мир с готами.

К тому времени, когда император начал писать проект договора с Витигисом, Велисарий уже окружил Равенну: со стороны суши армией, со стороны моря — флотом. Теперь требовалось только терпение, и блокированный город неизбежно перейдет в руки византийцев. Но к концу 539 г. из Константинополя прибыли послы, наделенные полномочиями подписать с готами мирный договор, по условиям которого в обмен на капитуляцию им будет позволено сохранить половину королевской казны и всю Италию к северу от реки По. Велисарий был ошеломлен, но не видел никакого способа предотвратить заключение соглашения и смирился с неизбежным. И вдруг готы сыграли ему на руку. Опасаясь от византийцев какого-нибудь подвоха, они заявили, что согласятся на условия договора, если его подпишут не только послы, но и Велисарий собственноручно. Византийский полководец не упустил своего шанса и напроочь отказался подписывать договор, если ему не будет отдано такое распоряжение лично императором. Однажды ночью от вконец обескураженного готского двора поступило новое предложение: Витигис уступит свой трон в том случае, если Велисарий провозгласит себя императором. Многие имперские полководцы ухватились бы за такую возможность, но Велисарий не мог нарушить данную государю присягу. С другой стороны, ему представилась идеальная возможность положить войне конец. Для этого надо было просто принять предложение врага. Призвав нескольких своих соратников, которым он доверял, Велисарий испросил их совета. В конечном счете военачальники решили формально согласиться с предложением готов, а действовать по собственному плану. Ворота перед имперской армией распахнулись, и она вошла внутрь.

Готам, наблюдавшим, как римские солдаты грузят их сокровища на корабли, а Витигиса и самых видных представителей аристократии судно уносит в Константинополь, оставалось только проклинать обманувшего их византийского полководца. Но вряд ли самого Велисария мучила по этому поводу совесть. На война как на войне, а он к тому же своим поступком сумел избежать огромных человеческих жертв с обеих сторон. Но одному обещанию полководец остался верен до буквы: не было ни разграбления частных домов, ни захвата людей в рабство, ни убийств.

В мае 540 г. Велисарий отправился на корабле в Константинополь, испытывая, вероятно, чувство удовлетворения за хорошо проделанную работу.

Но, увы, каждая победа, которую одерживал этот полководец, возбуждала у императора новые страхи, что однажды Велисарий все-таки узурпирует его трон. Когда освободитель Рима и всей Италии возвратился в Константинополь и Юстиниан не стал устраивать для него новую триумфальную церемонию на ипподроме, а отослал Велисария на восточный фронт, тому была веская причина — в июне 540 г. войска шаха Хосрова захватили Антиохию.

6

Юстиниан: последние годы (540—565)

Великий шах персидский Хосров I занимал трон с 531 г. Из правителей династии Сасанидов он добился наибольшей славы, хотя вряд ли очень уж сильно стремился к ней — будучи сыном своего времени, он вел войны с Византийской империей, руководствуясь исключительно материальными интересами. В марте 540 г. шах пересек византийскую границу и в начале июня оказался перед Антиохией. Он вежливо отодвинул свою армию в сторону, чтобы позволить недавно прибывшему туда шеститысячному отряду, охваченному паникой, спастись бегством. Однако горожане дали персам бой и сражались решительно и отважно. Явный численный перевес позволил Хосрову в итоге одержать победу, а жители Антиохии дорого заплатили за свое мужественное сопротивление. Из главного собора города было вынесено все подчистую, другие церкви также подверглись разграблению. Помимо того персидские воины удовлетворяли и другие свои интересы — известно по меньшей мере о двух высокогородных дамах, бросившихся в воды реки Оронт, чтобы избежать скандальных посягательств со стороны солдатни. Увозя на многочисленных телегах все богатства Антиохии, Хосров мог позволить себе проявить и некоторую щедрость — он предложил Византии мир в обмен на 5000 фунтов золота; в дальнейшем империи надлежало ежегодно выплачивать 500 фунтов. Юстиниан счел за благо принять эти условия.

Весной 542 г. империя пострадала от вспышки бубонной чумы — одной из самых страшных за всю историю Византии. Среди заболевших оказался и сам Юстиниан. В то кошмарное

лето на протяжении нескольких недель он находился между жизнью и смертью — на это время верховная власть перешла в руки его жены. Феодора осознала, что ее будущее поставлено на кон. Детей у них с Юстинианом не было, и если бы сейчас он умер, то у нее оставался единственный шанс удержать власть — пойти под венец со следующим императором. Поэтому преемником Юстиниана должен был стать придворный или военачальник. Однако традиционно выбор императора являлся прерогативой армии — большая же часть старших офицеров в данный момент находилась на востоке. И на своем собрании в Месопотамии они решили не признавать никакого правителя, выбранного без их согласия. Известие об этом собрании достигло столицы, но уже после того, как Юстиниан пошел на поправку. Феодора, расценившая решение армейских офицеров как угрозу своему положению, воспользовалась тем, что жизнь императора была теперь вне опасности, и дала волю своей ярости.

Главными зачинщиками этого офицерского собрания посчитали двух военачальников. Одного из них, Бузеса, бросили в дворцовую подземную темницу, где он двадцать восемь месяцев не видел света божьего. Говорили, что, выйдя на свободу, Бузес более походил на привидение, чем на человека.

Вторым оказался Велисарий. Но он был слишком популярным и слишком влиятельным военачальником, чтобы с ним обошлись подобным же образом, поэтому его обвинили в том, что он присвоил военную добычу, которая по праву принадлежала императору. По возвращении в столицу после военной кампании 542 г. полководец обнаружил, что он отправлен в отставку. Вскоре оказалось конфисковано и его имущество, что было осуществлено на удивление просто — Феодора направила к Велисария одного из своих слуг с указанием доставить все ценные вещи военачальника в императорский дворец.

Юстиниан полностью поправился лишь в 543 г. После этого Велисария было частично возвращено былое расположение императорской четы. Примирение скрепили помолвкой Иоаннины, единственного ребенка Велисария и Антонины, с внуком императрицы Анастасием. Феодора сообщила в письме, что она простила Велисария ввиду своей дружбы с его женой, но для амнистии полководца имелась и другая причина: в отдаленных

областях империи ситуация стремительно ухудшалась. Восстание мавров распространялось с ужасающей скоростью по провинции Африка; в Италии готы под водительством молодого вождя Тотилы также отвоевывали свои позиции и уже вернули себе Неаполь. В Армении в конце лета разразилась катастрофа: византийская армия, насчитывавшая около 30 000 человек, была уничтожена гораздо меньшим отрядом персов. Стало ясно, что без своего прежнего полководца империи не обойтись, и Велисарий был назначен командующим армией на Западе. Но тут выяснилось, что еще не все старые счета были сведены. Не в ранге *magister militum*, но всего лишь в чине *comes stabuli*, комита конюшен, вернулся он в мае 544 г., на сороковом году жизни, в Италию, после того как покинул ее в 540 г.

Когда состоялся триумфальный въезд Велисария в Равенну, повсеместно утвердилось мнение, что весь Апеннинский полуостров возвращен империи. Правда, существовали еще один-два небольших очага сопротивления, где готские воинские формирования выбрали нового короля — Хильдебада. Его боеспособные силы насчитывали на тот момент не более 1000 человек, и вряд ли Хильдебад мог продержаться дольше чем несколько недель. Он бы и не продержался, если бы Юстиниан оставил тогда Велисария в Италии. Вместо этого император поручил пятерым полководцам совместно вести военную кампанию, и ни один из них не имел власти над остальными. За исключением Иоанна это были второсортные командиры, специализировавшиеся в основном на грабежах мирного населения. За несколько недель византийские войска совершенно растеряли боеспособность. А Хильдебад к концу года создал внушительную армию, в рядах которой оказалось полным-полно византийских дезертиров, и он сумел взять под контроль всю Италию к северу от реки По.

Но к тому времени, когда Велисарий возвратился в Италию, Хильдебад был убит и на его месте оказался Тотила, ставший самым великим из всех готских королей.

Тотила являлся племянником Хильдебада, ему было еще только около двадцати пяти лет. Придя к власти, он сумел сплотить готское общество так, как ни один из его предшественников. Однако Тотила никогда не забывал, что подавляющее большинство его подданных составляли не готы, а итальянцы. Во времена Те-

одориха отношения между двумя народами были весьма сердечными, после того как Велисарий одержал ряд побед, итальянская аристократия начала проявлять проимперские настроения, так что Тотила стал апеллировать к бедным слоям итальянского общества. Те не испытывали никакой симпатии к империи, которая хотя и называлась Римской, была теперь почти всецело греческой; более того, простые итальянцы уже пострадали от повышенного внимания со стороны византийских сборщиков налогов — высокопоставленных чиновников, именовавшихся логофетами геникона*, которым платили по результату и которые обобрали всю страну. Тотила обещал не только положить конец произволу чиновников, но и освободить рабов, поделить крупные поместья и перераспределить землю. Неудивительно, что народ слушал его и следовал за ним, включая византийских дезертиров.

За несколько месяцев со времени восшествия на трон Тотила настолько укрепил свои силы, что ему удалось оттеснить имперскую армию в 12 000 человек от ворот Вероны и уничтожить другую армию византийцев в результате тщательно подготовленного сражения в окрестностях Фаэнцы. А весной 542 г. примерно в пятнадцать милях к северу от Флоренции он наголову разбил армию Иоанна. К концу лета Тотила покорил всю Италию за исключением Равенны, Рима, Флоренции и нескольких прибрежных городов. Самым значимым из последних являлся Неаполь, и Тотила предпринял его осаду. Основательно оголодав, неаполитанцы вынуждены были сдаться, тем более что условия капитуляции, предложенные Тотилой, своей мягкостью тому весьма способствовали: византийский гарнизон отпускаясь с миром, и при нем оставалось все его имущество.

Падение Неаполя, во второй раз за семь лет, нанесло еще один удар по боевому духу византийцев. В январе 544 г. греческие военачальники, отсиживавшиеся в своих укрепленных лагерях, написали Юстиниану, что они близки к поражению. Почти несомненно, именно это письмо побудило императора вновь послать Велисария в Италию.

* Логофет в Византии — управляющий каким-либо ведомством (логофисией): геникона (казны), дрома (почты и внешних сношений), стад (имперских поместий) и т.д.; великий логофет — глава правительства в Никейской империи и поздней Византии.

Между тем в надежде, что он сможет занять столицу без пролития крови, Тотила обратился из Неаполя непосредственно к жителям Рима. Однако спонтанного восстания, на которое он надеялся, не произошло, так что в начале лета 544 г. Тотила двинулся к столице, и в то же самое время Велисарий уже направлялся в Италию.

Византийский полководец с самого начала знал, что в эту свою вторую итальянскую кампанию ему придется несладко: Юстиниан дал слишком мало войск и совсем не дал денег. И все же с лета 544 г. ему в течение года удалось освободить Отранто и отстроить заново укрепления в Пезаро, который впоследствии выдержал решительную атаку готов. Но за это время он ясно осознал, насколько изменилась ситуация после его отъезда. Теперь уже не только готы были враждебно настроены к византийцам, но и практически все население Италии. С имевшимися у него войсками Велисарий мог бы лишь поддерживать имперское присутствие в Италии, но ему никогда не удалось бы отвоевать ее. В мае 545 г. он отправил с Иоанном письмо Юстиниану, где сообщал о крайней нужде в людской силе, лошадях, оружии и деньгах.

Император пошел навстречу своему полководцу. В конце осени Иоанн вернулся со значительными воинскими подкреплениями, в составе которых были как римляне, так и варвары. Совместное командование этой армией осуществлялось самим Иоанном и армянским военачальником по имени Исаак. Примерно в то же время войска Тотилы подошли к Риму и начали осаду.

Перед горизонтом вырисовывались довольно-таки мрачные перспективы. Тотила контролировал всю территорию между Римом и морским побережьем, его флот был уже подтянут к устью Тибра, а командующему гарнизоном Бессу не удалось сделать продовольственные запасы на случай серьезной блокады.

Велисарий разработал следующий план. В то время как Бесс отвлекающими вылазками вынуждал готов следить за выходами из города, часть армии Велисария пройдет вдоль южного берега реки, а остальные солдаты, разместившиеся на 200 судах, разграбят вражеский флот и затем поплывут вверх по течению — на помощь пехоте. Во время этой операции армянскому полководцу Исааку надлежало оставаться в устье реки. Под его наблюде-

нием находились резервные полки, оставшиеся суда и — что не менее важно — Антонина, которая незадолго до этого прибыла в Италию, чтобы присоединиться к мужу.

И вот операция началась, но Бесс не предпринял со своей стороны требуемой активности. Невзирая на это, суда Велисария медленно продвигались вверх по реке, с их палуб летели потоки огненных стрел. Им удалось прорвать огромную железную цепь, которой Тотила перегородил Тибр, используя ее как дополнительную меру защиты, и византийские суда уже приближались к Риму, когда пришло известие, что Исаак захвачен в плен. По мысли Велисария, это могло означать только одно: готы предприняли внезапную атаку и отрезали византийцев от моря. Более того, если Исаак схвачен, то попала в плен и Антонина. Отменив атаку, Велисарий ринулся к побережью — и оказалось, что Исаак атаковал готский гарнизон в Остии, выказав вопиющее неповиновение приказам верховного главнокомандующего, и потерпел поражение. За исключением самого Исаака и сопровождавшего его отряда никто, включая Антонину, не пострадал.

Последний шанс был упущен; стало ясно, что Рим не спасти. И все же город не сдавался. Однако 17 декабря 546 г. несколько византийских солдат-наемников, давно не получавших жалованье, открыли Асинарийские ворота и готы хлынули внутрь. Бесс и часть представителей римской знати бежали. Оставшиеся искали прибежища в церквях, пока в городе творились бесчинства. Наконец Тотиле удалось навести порядок и римляне вышли на улицы в поисках пищи. К счастью, победители достаточно быстро наладили снабжение города продовольствием. По словам Проккопия, от бывшего населения великой столицы осталось только 500 человек.

Хотя падение Рима и не являлось серьезным поражением в стратегическом смысле, как символическое событие оно имело исключительное значение, и Тотила сразу же предложил византийцам мир. Но условия договора, предложенного готами, были отвергнуты императором, и бои возобновились. Через несколько месяцев, когда стало ясно, что ни той ни другой стороне не удастся добиться ощутимого перевеса, Велисарий решился на последнее обращение к императору, прося выделить больше средств на ведение войны. Послание вызвалась доставить Антонина, по-

сколько имела прямой доступ к императрице, а через нее — к самому Юстиниану. В середине лета 548 г. Антонина отправилась в Константинополь и обнаружила город погруженным в глубочайший траур. Умерла Феодора. Император, убитый горем, не хотел никого видеть. Все, что Антонина смогла сделать, — это добиться отъезда из Италии своего мужа: поражение византийских войск казалось неизбежным, и она хотела, чтобы Велисарий нес за него ответственность.

В начале 549 г. Велисарий вернулся в столицу. Вторая ита-
льянская кампания вылилась для него в пять лет сплошных разочарований, но он спас Италию для империи, по крайней мере временно. Если бы не Велисарий, византийцев бы изгнали с Апеннинского полуострова еще в 544 г.

Юстиниан приветствовал своего полководца как давно утерянного друга. На протяжении нескольких лет их разъединяла Феодора, которая постоянно настраивала мужа против Велисария. Император никогда всерьез не верил Феодоре, но ей удавалось поддерживать у него чувство смутного раздражения к военачальнику. С ее смертью это чувство быстро рассеялось. Однако даже Велисарий не смог убедить императора предоставить необходимые средства для окончательного разгрома Тотилы. Юстиниан теперь был озабочен совсем иной проблемой, которая снова лежала в области теологии.

В 543 г. фанатичный монофизит по имени Яков Барадей (Оборванец), посвященный в епископы ссыльным патриархом Александрийским, отправился в путешествие по Востоку с намерением возродить монофизитские настроения. Он исходил вдоль и поперек Сирию и Палестину, Месопотамию и Малую Азию, рукоположив около тридцати епископов и назначив несколько тысяч священников. Юстиниан оказался в затруднительном положении. Он не осмеливался открыто действовать против набравших силу монофизитов, но, с другой стороны, его уже критиковали на Западе за проявление инертности перед лицом новой угрозы. Поэтому он решил сделать своеобразный дипломатический ход, пойдя на публичное осуждение — но не монофизитов, а тех, кто находился на противоположном конце теологического спектра, несториан. С того времени, когда в 431 г.

состоялся Эфесский собор, в пределах имперских границ несториан осталось совсем мало (если они вообще остались), и, следовательно, атака на них не имела практического значения. Но к ним питали равное отвращение и монофизиты, и православные, и такое заявление, как казалось инспектору, могло бы разрядить ситуацию. В 544 г. Юстиниан издал указ, в котором осуждались три еретических учения, против которых особенно восставали монофизиты, — повсеместно именовавшиеся «Три главы». Но монофизиты не были этим умиротворены, тогда как на Западе епископы пришли в ярость. Любая атака на несториан, гневно заявляли они, может означать лишь пособничество монофизитам. В результате константинопольский патриарх Мина, подписавший указ Юстиниана, был немедленно отлучен от церкви папой римским Вигилием.

Такой поворот событий серьезно встревожил императора. В тот момент, когда ему была крайне необходима поддержка Римской церкви в борьбе против Тотилы, он взял да и настроил ее против себя. Поэтому Юстиниан промолчал, когда Вигилий отказался осудить «Три главы», и принялся несуетливо восстанавливать отношения с ним. Однако через восемнадцать месяцев Тотила был уже у ворот Рима. Если бы ему удалось овладеть городом, то он смог бы взять папу римского в заложники, что имело бы совершенно непредсказуемые последствия. Юстиниан действовал быстро. 22 ноября 545 г. отряд императорской гвардии прибыл в Рим, схватил Вигилия и доставил в Константинополь. Здесь постоянное давление на Вигилия, оказываемое императором и императрицей, дало наконец результат. 29 июня Вигилий официально примирился с Миной, а 11 апреля 548 г. появился «Judicatum»* папы, в котором он формально осудил «Три главы».

Озабоченность Юстиниана вопросом о «Трех главах» заставила его забыть об итальянских проблемах, но 16 января 550 г. история повторилась — группа недовольных исавров в римском гарнизоне вновь открыла ворота войску Тотилы. Когда в 546 г. готы в первый раз вошли в город, они постарались там как следует обосноваться. Многие из них заняли пустые дома, в которых разместились со своими семьями; разрушенные здания ремон-

* Judicatum — приговор (лат.).

тировались и восстанавливались. Теперь же Тотила возродил игры в Большом цирке, причем лично руководил действием из императорской ложи. Именно это особенно задело Юстиниана. Он сразу же начал искать нового главнокомандующего размещенных в Италии сил, и взамен отозванного ранее Велисария назначение получил евнух Нарсес, которому было уже хорошо за семьдесят.

В начале 552 г. Нарсес и его тридцатипяти тысячная армия начали итальянский поход. Пройдя Равенну, они двинулись на юг по Фламиниевой дороге. Тотила в это время направлялся по той же дороге на север, чтобы блокировать им путь. Так что к концу июня римская и готская армии встретились, приготовившись к решающей схватке. Сражение закончилось достаточно быстро: византийцы неожиданно нанесли удар готам с флангов, и те, не выдержав, в панике покинули поле боя. Тотила, будучи смертельно раненным, бежал вместе с остальными и умер несколько часов спустя.

Готы позднее консолидировали свои силы под командованием Тейи, одного из самых храбрых военачальников Тотилы; Нарсес же двинулся дальше на юг. Рим пал после непродолжительной осады, в пятый раз поменяв хозяев с момента начала правления Юстиниана, после чего старый евнух продолжил свой победный марш. В долине реки Сарно, в одной-двух милях от Помпей, римляне и готы в октябре 552 г. встретились для *coup de grâce**. Уже в начале битвы Тейя был сражен метко направленным копьем, а к вечеру следующего дня несколько оставшихся в живых готов согласились вступить в переговоры. По условиям подписанного соглашения они обязались покинуть Италию и никогда более не участвовать в военных действиях против империи. Наконец были реализованы самые масштабные амбиции Юстиниана.

Тем временем папа Вигилий все еще находился в Константинополе, увязнув в диспуте о «Трех главах». Под давлением западных епископов он аннулировал свой «*Judicatum*» в 550 г., а в 551 г. его отношения с императором стали еще более натянутыми, когда Юстиниан выступил с новым эдиктом, сурово осуждавшим «Главы». Папа созвал собрание, пригласив на него всех

* *Coup de grâce* — последний удар (*фр.*).

епископов с Востока и Запада, присутствовавших в городе, которые единогласно высказались против этого эдикта, вновь заявив об отлучении патриарха Мины от церкви.

Когда Юстиниан узнал о случившемся, его ярость была столь велика, что папе пришлось искать убежища в церкви Св. Петра и Павла. Однако едва он достиг ее, как туда ворвались императорские гвардейцы с обнаженными мечами. Вигилий, увидев их, бросился к главному престолу и уцепился за колонны, на которых тот держался. Солдаты пытались оттащить его от престола, хватая за ноги, волосы на голове и бороду, но чем сильнее они тянули, тем крепче он держался. Наконец сами колонны не устояли, и престол рухнул на пол, едва не снеся Вигилию голову.

К этому времени собралась большая толпа прихожан и начала возмущенно протестовать против такого обращения с наместником Христа. И солдаты отступили, оставив торжествующего, хотя и сильно потрепанного Вигилия осматривать нанесенный церкви и лично ему ущерб.

На следующий день в церковь прибыла делегация, возглавляемая Велисарием, который передал сожаления императора по поводу случившегося и заверил папу в том, что он может спокойно возвращаться в свою резиденцию, ничего не опасаясь. Вигилий так и сделал, но вскоре обнаружил, что он фактически находится под домашним арестом.

В ночь на 23 декабря 551 г. папа пролез сквозь маленькое окошко дворца, на берегу Босфора нанял лодку и переправился в Халкидон, откуда он вернулся только следующей весной для участия в новом раунде переговоров. Стороны условились аннулировать все сделанные ими заявления, касающиеся «Трех глав», в том числе и эдикт императора. Сторонникам папы это должно было казаться победой, однако Юстиниан так не считал. Он созвал новый Вселенский собор, который должен был поставить точку в затянувшемся споре, и пригласил Вигилия председательствовать на этом соборе.

На Вселенский церковный собор съезжались епископы из всех уголков христианского мира, и теоретически каждый делегат, осененный, как считалось, Святым Духом и потому непогрешимый в суждениях, должен был самостоятельно определять свою позицию. На практике же результат дискуссий зависел от

количества делегатов, представленных каждой из сторон. А поскольку численность епископов на Востоке была значительно выше, чем на Западе, да и сам собор проводился в Константинополе, восточные иерархии на предстоящем собрании оказывались в подавляющем большинстве. В силу названных причин Вигилий от приглашения императора отказался и вообще бойкотировал это мероприятие. В результате, когда Пятый Вселенский собор открылся 5 мая 553 г. в соборе Св. Софии, из 168 присутствовавших епископов только 11 были с Запада, из них 9 представляли провинцию Африка. Ни у кого не оставалось сомнений, что на соборе будет принято угодное Юстиниану решение.

14 мая папа римский издал так называемый «Constitutum»*, в котором все дискуссии по поводу «Трех глав» объявлялись беспочвенными и вредными, а всем церковникам в дальнейшем воспрещалось высказываться по этому вопросу. Однако, продолжая конфликт с Юстинианом, он не учел, что ситуация в Италии кардинально изменилась. Готы были разгромлены, и поддержка византийцам со стороны Римской церкви теперь не так уж и требовалась. И Юстиниан решил, что может обращаться с Вигилием так, как папа того заслуживал. Он направил собору три документа. Первый являл собой текст секретного заявления, сделанного папой в июне 547 г., где предавались анафеме «Три главы». Второй документ — частное письмо Вигилия, в котором он клянется добиваться всеобщего осуждения «Трех глав». Поскольку получалось так, что папа в течение шести лет вел двойную игру, логичным выглядел третий представленный Юстинианом документ — его указ об удалении имени Вигилия с диптихов, — что фактически означало отлучение от церкви. 26 мая церковный собор официально одобрил указ императора и выразил осуждение папы, каковое имело силу до тех пор, «пока он не покается в своих ошибках».

Для Вигилия все было кончено. После шестимесячного изгнания он признал все свои прошлые ошибки и два месяца спустя вновь официально осудил «Три главы». Через год Вигилий отправился домой, однако в пути его состояние ухудшилось. Он был принужден прервать путешествие в Сиракузах, и там в сокрушенном состоянии духа папа римский скончался.

* Constitutum — постановление (лат.).

Если бы смерть пришла к Юстиниану тогда же, когда она пришла к папе Вигилию, то вся Византия погрузилась бы в глубокий траур. Он восстановил империю в ее прежних границах; он вновь сделал Средиземное море римским озером, и он привнес по крайней мере подобие единства в христианский мир. Юстиниану исполнилось семьдесят три года, Феодора пребывала в могиле, и императору было самое время присоединиться к любимой жене. Но смерть решила заглянуть к нему только через десять лет, в течение которых он упорно отказывался делегировать свою власть, при этом не обладая уже ни способностью, ни охотой распоряжаться ею должным образом. Денег в казне было меньше, чем когда-либо; причем Юстиниан предоставил министрам распоряжаться ими так, как они считали нужным. Армия, в свое время насчитывавшая 645 000 человек, сократилась до 150 000, мощные пограничные крепости находились в заброшенном состоянии. Юстиниана теперь интересовало только состояние церкви и бесконечные теологические диспуты, которые служили для него — истинного византийца — и жизненным стимулятором, и родом отдохновения.

Один лишь раз он пробудился от апатичного состояния — когда в 559 г. гуннское племя котригуры вторглось в пределы империи и продвинулось на восток, в глубь Фракии, подойдя на расстояние в двадцать миль от столицы. Многие жители Константинополя бежали с семьями через Босфор, но сам Юстиниан особо не встревожился. Как это часто бывало в моменты кризиса, он послал за Велисарием, который был еще только на середине своего шестого десятка, не утратил ни энергии, ни стратегического воображения. С отрядом в несколько сот человек Велисарий заманил котригуров в такое место, где их ждала искусно выстроенная засада, — там они оставили 400 человек убитыми, остальные же были вынуждены вернуться в свой лагерь. Располагая чуть большими силами, Велисарий, возможно, уничтожил бы агрессоров полностью, но император предпочел дипломатию и откупился от котригуров, предложив им щедрые ежегодные субсидии.

Такой результат военной кампании едва ли заслуживал той исключительно помпезной церемонии, которую по этому поводу

устроил Юстиниан. Она, по-видимому, была призвана внушить подданным мысль, что одержана великая победа, а заслуга в этом принадлежит одному лишь императору; поскольку Велисария на торжества не позвали.

Обиженный Велисарий вновь ушел в тень. Осенью 562 г. несколько именитых горожан обвинили его в организации заговора против трона. Ничего еще не было доказано, но знаменитого полководца лишили всех званий и знаков отличия, и восемь месяцев он жил в немилости — пока Юстиниан, который в итоге убедился в невинности Велисария, не восстановил его в прежнем положении. Возможно, вся эта история послужила поводом к созданию легенды о старом слепом Велисарии, выброшенном на улицу с нищенской чашей, но поскольку самая ранняя версия этой легенды датируется пятью столетиями позже описываемых событий, то ее можно не принимать во внимание. Вернув себе расположение императора, Велисарий остаток своей жизни провел в уединении и спокойствии и умер в марте 565 г., в возрасте примерно шестидесяти лет.

В это время появилось и последнее постановление Юстиниана. Он продолжал давать аудиенции на протяжении лета и начала осени, а в ночь на 14 ноября император почил в бозе. Единственное должностное лицо, которое находилось с ним в этот момент, сообщило, что Юстиниан, отходя в мир иной, назначил своим преемником племянника Юстина.

На следующее утро Юстин и его жена Софья с помпой отправились к собору Св. Софии, а оттуда — к ипподрому, где подданные должны были засвидетельствовать им свое признание.

Потом начались похороны. Тело императора медленно вынесли из дворца. Далее его понесли по запруженным народом, но безмолвным улицам, за ним следовали пешим ходом Юстин и Софья, сенат в полном составе, патриарх, епископы, клир и дворцовая охрана. По прибытии в церковь Св. Апостолов тело пронесли в неф, где находилась гробница Феодоры, а рядом с ней — огромный пустой порфиновый саркофаг. Туда аккуратно положили августейшие останки, и была отслужена панихида за упокой души прежнего императора.

Закончилась целая эпоха. Юстиниан был последним подлинным римским императором, занимавшим трон Византии. Дело

не в том, что он весьма плохо изъяснялся по-гречески — если верить Прокопию, — а в том, что его сознание было отлито в латинскую форму и он мыслил понятиями старой Римской империи. Юстиниан совершенно не осознавал, что империя уже представляла собой анахронизм; дни, когда человек мог обладать неоспоримой вселенской властью, ушли и не вернутся. На равнинской мозаике, относящейся к 546 г., Юстиниан выглядит моложе своих шестидесяти четырех лет, но в его лице не просматривается ни красоты, ни силы, и в этом плане его изображение не идет ни в какое сравнение с образом Феодоры на противоположной стене. Наверное, он очень легко поддавался ее влиянию. И однако же Юстиниан в отношениях с людьми — за исключением своей жены — был автократом до мозга костей. Энергия императора поражала всех, кто его знал, а в способности работать долго и напряженно он, очевидно, вообще не имел себе равных. И никто лучше его не осознавал, как важно постоянно находиться в окружении своего народа, — отсюда многочисленные публичные мероприятия, проходившие в Константинополе. Он полагал, что слава империи должна выражаться весомо и зримо, — это объясняет его страсть к строительству. Юстиниан преобразил Константинополь, и хотя многие из возведенных им зданий давно уже исчезли, такие великие сооружения, как соборы Св. Софии и Св. Ирины и маленькое чудо — церковь Св. Сергия и Вакха, до сих пор поражают воображение.

Не все его начинания были равно успешными. В своем желании добиться религиозного единства он преуспел лишь в углублении раскола между Востоком и Западом. Огромные усилия Юстиниана по реформированию имперской администрации и очищению ее от коррупции постоянно подрывались его же собственным сумасбродством. Даже завоевания императора нередко оборачивались разочаровывающими результатами.

В то же время Константинополь стал основным центром торговли между Европой и Азией. Поскольку Запад в ту пору крайне обнищал, византийцы начали обращать свои взоры к Китаю и Индии, стремясь во взаимоотношениях с ними добиться коммерческого успеха, ну и, конечно, приобрести шелка, специи и драгоценные камни, которые эти страны поставляли в огромном количестве.

Определенные трудности в этой торговле создавала Персия. Великий шах, осуществляя строгий контроль за всеми караванными маршрутами морским путем через зону Персидского залива, взимая огромные пошлины, особенно на шелк — самый ходовой товар. А во время войны персы почти полностью заблокировали все эти транспортные артерии.

Такому положению вещей Юстиниан вознамерился положить конец. Прежде всего он проложил новые пути, которые обходили Персию стороной: северный — через Крым и Кавказ; южный — через Красное море, а не Персидский залив. Первый маршрут был достаточно успешно реализован; второй популярным не стал из-за того, что персы прочно удерживали индийские и цейлонские порты.

Между тем в 552 г., когда группа православных монахов привезла с Востока яйца гусениц тутового шелкопряда вместе с секретами технологии шелкопрядильного производства, Юстиниан ухватился за этот шанс. Вскоре появились фабрики, причем не только в Константинополе, но и в Антиохии, Тире, Бейруте, и имперское шелкопрядильное производство, которое отныне навсегда стало государственной монополией, явилось одним из самых прибыльных в Византии.

И все же в экономическом плане, несмотря на все свои усилия, Юстиниан не добился существенного успеха: по одной только этой причине он не может считаться подлинно великим правителем. С другой стороны, при нем в огромной степени развились сферы развлечений, услуг, были организованы разнообразные общественные работы, да и в целом страна значительно преобразилась.

Юстиниан расширил границы империи, упростил и рационализировал ее законы. Он работал постоянно и неустанно; в истории найдется не много правителей, которые положили бы столько трудов на благо своих подданных — как это благо понимал сам император. Более чем какой-либо иной монарх в истории Византии, он наделил империю чертами своего собственного характера; пройдут века, прежде чем она начнет выходить из его тени.

7

Первый крестоносец (565—641)

Византия находилась в окружении врагов, но императора Юстина II это не смущало: он твердо верил, что при наличии мудрости и храбрости можно победить любого противника. Вот этой самой верой император нередко и руководствовался, принимая те или иные политические решения. Через неделю после его восшествия на престол двор посетило посольство аваров, народа тюркского происхождения, который впервые появился на Западе лишь несколько лет назад. В свое время Юстиниан согласился выплачивать аварам ежегодные субсидии в обмен на обязательство с их стороны защищать границы империи, что было вполне характерно для проводимой в ту пору византийским двором внешней политики. Юстин же отказался выплачивать эти деньги. В следующем году он подобным образом поступил и с другими такого же рода клиентами, пользовавшимися щедростью Юстиниана, в том числе и с самим шахом Хосровом. Эта твердость многократно повысила его авторитет; вскоре, однако же, выяснилось, что казенные деньги дядя нового императора тратил совсем не напрасно.

Впрочем, народ, ответственный за самое худшее из бедствий, разразившихся в период правления Юстина, не принадлежал к числу тех, что получали от Византии деньги за охрану границ. Речь идет о лангобардах, германском племени, которое медленно перемещалось на юг — в ту область, которую сейчас занимает Австрия. Войдя на территорию Италии в начале 568 г., они обошли стороной Равенну; на всем своем пути лангобарды нигде не встречали особого сопротивления — за исключением Павии. Их

король Альбоин не пошел дальше Тосканы, но значительная часть лангобардской знати устремилась на юг, решив основать независимые герцогства в Сполето и Беневенто. Таким образом, лангобарды, вторгшись в Италию, заявили о себе как о потенциальных поселенцах, не завоевателях. Они смешивались с итальянцами путем брака, принимали их язык, заимствовали культуру и, несомненно, намеревались прибрать к рукам весь полуостров.

У Юстина не имелось никакой возможности предпринять что-нибудь против затопившего Италию потока лангобардов — он был полностью занят аварами. В 568 г. они ворвались в Далмацию, одержимые неистовой жадой разрушения, и уже спустя три года византийцам пришлось искать с ними перемирия. Заключение договора стоило Юстину 80 000 серебряных монет, что намного превышало размер выплачивавшейся ранее субсидии.

В том же 571 г. произошли опасные события на Востоке — армяне подняли восстание против шаха Хосрова и обратились к Юстину как единоверцу-христианину за поддержкой, и эту просьбу он, понятно, не мог проигнорировать. В начале 572 г. возобновилась Персидская война. В следующем году персы захватили Дару на реке Тигр — важную христианскую епархию; также они подвергли разорению Сирию, выведя оттуда не менее чем 292 000 пленных. Из их числа Хосров лично отобрал 2000 прелестных христианских девственников; те попросили разрешения помыться в реке и из страха утратить одновременно религию и честь предпочли утопиться.

К этому времени император начал открытое преследование монофизитов. Не было ни казней, ни пыток, но монахи и монашки изгонялись из монастырей, а монофизитский клир лишился всех привилегий. Это могло быть следствием все более возраставшего умопомешательства Юстина. На него зачастую находили приступы ярости, и тогда он мог накинуться на любого, кто приближался к нему; случались у него и попытки выброситься из окна — в результате на окна были установлены решетки с целью обезопасить его жизнь. Софья, нередко подменявшая супруга в государственных делах, купила перемирие с Хосровом на год, а в конце 574 г. убедила мужа, на которого нашло временное просветление, возвести военачальника по имени Тиберий в

ранг цезаря. С того момента Софья и Тиберий стали выступать в роли регентов, и, когда Юстин в 578 г. умер, последний стал его бесспорным преемником.

Период регентства был для Тиберия непростым. Турки, обозначившиеся в истории Римской империи, захватили византийскую крепость в Крыму, а в 577 г. огромная орда славян, насчитывавшая примерно 100 000 человек, наводнила Фракию и Иллирию. Не менее серьезную проблему для Тиберия стала представлять Софья, у которой внезапно пропало желание делить с ним власть. Она настаивала на том, чтобы ключи от казны хранились у нее, цезарю же с его семьей предлагалось скудное содержание. Лишь после смерти Юстина Тиберий наконец отважился утвердить свои права: Софья была помещена под строгий надзор, и в этом положении она оставалась всю оставшуюся жизнь.

Новый император, который теперь взял себе второе имя, Константин, добился исключительной популярности. Преследование монофизитов было прекращено; увеличились властные полномочия и сената, и демов — Зеленых и Синих; армию усилили новым элитным корпусом, состоявшим из 15 000 варваров, который столетия спустя превратится в знаменитую варяжскую гвардию. Если Тиберия Константина в конечном счете нельзя отнести к числу великих правителей, то это по большей части связано с его безграничной щедростью и, попросту говоря, мотовством. Он не только снизил сумму всех налогов, взимавшихся в империи, на четверть, но и в один только первый год раздал в той или иной форме около 7200 фунтов золота. В последующие три года траты были не менее впечатляющими. К счастью для казны, 13 августа 582 г. он умер — ходили слухи, что от яда, подсыпанного в блюдо с туловыми ягодами.

За неделю до смерти Тиберий назначил своим преемником молодого каппадокийца по имени Маврикий. «Пусть твое правление станет для меня самой красивой эпитафией» — таковы были последние слова умирающего императора, и в течение следующих двадцати лет Маврикий руководил государством твердо и умело. Он ответственно подошел к оставшимся завоеваниям Юстиниана в Италии и Африке. В результате появились два экзарха — Равеннский и Карфагенский. Организованные на жестких военных началах под управлением экзарха, наделенно-

го абсолютной властью и над военной, и над гражданской администрацией, они стали основными западными аванпостами имперской власти.

Хорошие новости пришли наконец и из Персии. Старый Хосров умер в 579 г. На трон сел его сын Хормизд, но в 590 г. был убит в ходе государственного переворота, а сын Хормизда Хосров II бежал на территорию Византии и обратился к Маврикию за помощью. Император не упустил своего шанса: с готовностью предоставил принцу необходимую помощь в обмен на мирный договор, по условиям которого и персидская Армения, и восточная Месопотамия возвращались Византии. В 591 г. с помощью Маврикия молодой Хосров низверг оппозицию и сдержал свои обещания до последней буквы.

Основной проблемой Маврикия была нехватка денег. Расточительность его предшественника фактически довела империю до банкротства; война и выплата субсидий не позволяли должным образом пополнять имперскую казну. В результате Маврикий стал экономить на чем только можно и даже на чем вообще нельзя. Уже в 588 г. сокращение императором пищевого армейского рациона на четверть привело к мятежу на Востоке. В 599 г. он отказался выкупать 12 000 своих солдат, захваченных в плен аварами, и те казнили пленных. В 602 г. произошла еще одна масштабная катастрофа: Маврикий отдал распоряжение, в соответствии с которым армия не возвращалась, как обычно, на зиму на базу, а оставалась в суровых задунайских землях, населенных варварами. После восьмимесячного похода солдаты были обессилены, и теперь вместо возвращения в теплые края к своим семьям им предстояло в сильные холода жить в не приспособленных к зиме палатках, находясь под постоянной угрозой нападения со стороны варваров. Решительно отказавшись исполнять этот приказ императора, солдаты подняли на щит одного из центурионов по имени Фока и провозгласили его своим вождем. Но они подчеркивали, что не избрали его императором. Маврикия солдаты терпеть более не собирались, однако с готовностью признали бы в качестве преемника либо его семнадцатилетнего сына Феодосия, либо его тестя Германа.

Оба они были немедленно обвинены Маврикием в измене. Феодосия высекли; Герман успел скрыться в соборе Св. Софии,

где успешно отбивал все попытки достать его оттуда. К этому моменту очаги бунта разгорались уже по всей столице, и перед императорским дворцом собралась разгневанная толпа горожан. Во избежание худшего ближайшей ночью Маврикий, его жена и восемь их детей незаметно покинули дворец, переправились через Мраморное море и высадились вблизи Никомерии. Тут император и остался со своей семьей. Феодосий же направился в Персию — Хосров был обязан своим тронм Маврикию, теперь у шаха появилась возможность вернуть долг.

В Константинополе же происходили следующие события. Герман покинул убежище и объявил о своих претензиях на трон. Но и Фока также, как выяснилось, имел амбиции императорского масштаба. Он огласил послание, в котором содержалось требование к патриарху, сенату и всему народу незамедлительно прийти к церкви Иоанна Крестителя, и там несколько часов спустя Фока был коронован. На следующее утро Фока триумфально въехал на коне в столицу; день спустя в обстановке еще большей торжественности он присвоил своей жене Леонтии титул августы.

Между тем отряд солдат выследил беглецов. По имеющимся свидетельствам, Маврикий безучастно наблюдал за тем, как четверых его младших сыновей безжалостно убивают прямо на его глазах, а потом и сам предстал перед палачом и был отправлен на тот свет с одного удара. Тела казненных сбросили в море, а командир отряда вернулся с пятью головами в Константинополь.

Во многих отношениях Маврикий проявил себя как мудрый и дальновидный государственный деятель. Он встроил разрозненные византийские владения на Востоке и Западе в основательно усовершенствованную им государственно-административную систему, где главную роль отныне играли военные, а не гражданские власти. Если бы такая крепкая организационная структура существовала во время правления Юстиниана, Италия была бы завоевана с гораздо большей легкостью. Таким образом, продемонстрировав сочетание решимости, проницательности и исключительно упорной работы, Маврикий оставил империю в гораздо лучшем состоянии, чем принял. Если бы он предоставил солдатам чуть больше хлеба, а народу — чуть больше зрелищ, то

легко бы избежал своей горькой участи. Впрочем, уже через несколько недель взбунтовавшиеся против Маврикия подданные начали оплакивать его кончину.

Внешность императора Фоки трудно было назвать импозантной. Спутанные в ком рыжие волосы; лохматые, сросшиеся на переносице брови; пересекавший лицо огромный шрам, который становился темно-красным, когда Фока раздражался, что придавало императору весьма устрашающий вид. Характер Фоки вполне соответствовал его внешности. Это был развратный, много пьющий и патологически жестокий человек. Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как вид крови. До времени его правления пытки в империи были редкими, именно Фока стал применять дыбу, ослепление и нанесение увечий. Смерть Маврикия и его сыновей оказалась только началом — казни и узаконенные убийства последовали непрерывной чередой. В их числе казнь старшего сына императора — Феодосия. Из императорской семьи выжили только Герман — жизнь ему сохранили при условии, что он станет священником, — и императрица Константина, которая была отправлена с тремя дочерьми в женский монастырь. Все остальные, заподозренные в проявлении преданности Маврикию, приняли смерть от топора, тетивы или — что случалось чаще — в ходе долгих и жестоких пыток.

В 603 г. шах Хосров выставил против Византии огромную армию. Империя в то время имела на Востоке только одного первоклассного военачальника — Нарсеса (он не имел никакого отношения к своему более именитому тезке). Говорили, что при произнесении его имени каждый персидский ребенок буквально съеживался от ужаса. Находясь у власти Маврикий, Нарсес немедленно встал бы на защиту империи, но в сложившейся ситуации он поступил ровно наоборот. Нарсес поднял против Фоки восстание, захватил Эдессу и обратился к Хосрову за помощью. Они встретились в обстановке строгой секретности и выработали план действий против нового императора. Фока бросил все свои военные силы против надвигавшихся персов, но успеха не добился. Зато ему удалось заманить в Константинополь Нарсеса — под предлогом обсуждения условий мирного договора с гарантией личной безопасности полководца. Если бы только император действовал честно, то, возможно, сумел бы дого-

вориться с Нарсесом, мог бы даже завоевать доверие своего военачальника и привлечь его на свою сторону, но военачальник был схвачен и сожжен заживо. В итоге империя лишилась самого лучшего полководца.

В последующие четыре года персы заняли большую часть Месопотамии и Сирии, Армении и Каппадокии, Пафлагонии и Галатии, а в 608 г. их авангард расположился лагерем в Халкидоне, откуда уже была видна столица. В то же время славяне и авары продолжали внедряться на Балканы.

В сложившейся кризисной ситуации Фоке следовало бы принять меры к спасению всех сил внутри страны. Вместо этого он инициировал кампанию по принудительному обращению евреев. Те жили в основном в восточных провинциях — на передней линии противостояния с персами, на тот момент линия на их отчуждение представляла собой почти невероятную глупость. В результате евреи Антиохии подняли восстание и начали резню местных христиан, предав смерти и патриарха Анастасия. Тысячи пришедших в ужас горожан бежали от этой бойни и стали искать убежище на территории, занятой персами.

Империя погрузилась в состояние анархии, один заговор сменял другой. Казнь следовала за казнью, в числе казненных оказались бывшая императрица Константина и три ее дочери. В столице подняли мятеж Зеленые, которые подожгли несколько общественных зданий; в восточных провинциях царил хаос. Теперь повсюду христиане и евреи были готовы перерезать друг другу глотки; последние открыто вступили в союз с персами.

Избавление наконец пришло из Африки. Экзархом в Карфагене был бывший военачальник по имени Ираклий. Он и его брат, а также заместитель вознамерились положить конец катастрофическому правлению Фоки. Но они были уже слишком стары, чтобы вести боевые действия, поэтому, к 608 г. собрав весьма значительную армию и военно-морской флот, братья отдали их под начало своих сыновей. Армией стал командовать сын Григория Никита, а флотом — сын Ираклия, носивший то же имя. К концу года Никита направился с войском в Египет, где захватил Александрию. В 609 г. молодой Ираклий отплыл в Фессалоники и, собрав там значительное число людей и корабли, в 610 г. взял курс на Константинополь.

В субботу 3 октября внушительный флот повстанцев вошел в Золотой Рог со стороны Мраморного моря. Противники императора уверили Ираклия в том, что в городе он будет встречен как освободитель. Эта информация оказалась верной — два дня спустя плененного Фоку на лодке доставили к кораблю Ираклия.

Тот спросил императора, отчего он так отвратительно управлял империей.

Фока ответил, что еще неизвестно, будет ли Ираклий управлять государством сколько-нибудь лучше.

Это был неплохой ответ, но он не подвигнул Ираклия к проявлению милосердия. Фока, его приверженцы и близкие друзья были в срочном порядке казнены. В тот же день пополудни Ираклий принял участие в двух отдельных, хотя и следовавших одна за другой религиозных церемониях. Сначала он сочетался браком, и его жена, у которой ранее было имя Фабия, теперь стала называться Евдокией. Сразу же после этого Ираклия короновали как императора.

Тридцатишестилетний белокурый широкогрудый Ираклий должен был казаться полубогом, когда выходил из дворца с молодой женой на руках, однако многие из подданных опасались, что он станет последним императором Византии. Ни один из его предшественников не получал в наследство такую безнадежную политическую ситуацию. На западе авары и славяне наводнили Балканы; на востоке персидские сигнальные костры виднелись у Халкидона, по ту сторону Босфора. Правда, Феодосиева стена была хорошо отреставрирована и у персов не имелось кораблей, на которых они могли бы пересечь пролив.

Да, положение столицы выглядело надежным, а вот провинции империя стала терять. Через год после восшествия Ираклия на престол персидский военачальник Шахр-Бараз захватил Антиохию, в 613 г. добавил к ней Дамаск, а в 614-м — Иерусалим, где едва ли остался в живых хоть один христианин. Храм Гроба Господня был сожжен дотла вместе с большей частью других христианских святынь. Честной Крест Господень — наряду со всеми прочими реликвиями, имеющими отношение к Распятию, включая Священные Трость и Губку, — персы увезли в Ктесифон. Невозможно представить себе более отчетливого знака божест-

венного неудовольствия. Затем великий шах обратил взор к Египту — и вскоре основной источник зерна для империи превратился в персидскую провинцию.

Первой задачей Ираклия было защитить оставшиеся владения. Восточная Анатолия оказалась утеряна; западную часть Анатолии он разделил на четыре фемы и во главе каждой поставил стратига, который сосредоточил в своих руках военное командование, судебную власть и налоговое управление. Значительное число мужчин в фемах получили в дар неотчуждаемые наделы земли на условиях несения военной службы, которая становилась наследственной. Это заложило основы для формирования хорошо обученной местной армии, которая придет на смену ненадежным отрядам иностранных наемников. Стала полниться казна империи, благодаря хорошо собираемым налогам, принудительным займам, огромным штрафам, наносившим реальный урон замешанным в коррупции чиновникам, и крупным пожертвованиям со стороны православной церкви — в первый раз за всю историю ее существования. Несмотря на неодобрение патриархом Сергием частной жизни императора — после смерти Евдокии в 612 г. он торжественно сочетался браком со своей племянницей Мартиной, — первосвященник без всяких колебаний отдал все церковные и монастырские сокровища в распоряжение государства.

Политическая позиция Ираклия была усилена временным мирным соглашением с аарами, и к весне 622 г. он уже был готов к войне с персами. В Пасхальный понедельник Ираклий взобрался на флагманский корабль — это был первый император со времен Феодосия Великого, который повел свои войска в бой, — и направился вдоль Ионического побережья к острову Родос. Потом он двинулся вдоль южного побережья Анатолии к Исса, где Александр Македонский разгромил персов примерно за тысячу лет до описываемых событий. В течение всего лета он проводил тактические учения с целью повысить собственное полководческое мастерство и укрепить стойкость и выносливость своих воинов.

Только с приближением осени Ираклий начал продвижение на север. На каппадокийской возвышенности две армии сошлись лицом к лицу. Ираклию никогда еще не приходилось командовать

армией в полевых условиях, но войско персов под началом самого видного их военачальника Шахр-Бараза он обратил в бегство. Потом Ираклий вернулся в Константинополь, оставив свою армию на зиму в Понте. На этот раз солдаты не протестовали.

Следующей весной император — на этот раз вместе с женой Мартиной — вновь выступил в поход против персов. Пройдя через Армению и Азербайджан, он подступил к Ганзаку, где находился великолепный дворец великого шаха, который Ираклий разрушил. Потом, оставляя за собой след горящих городов, император двинулся к персидской столице — Ктесифону. Путь назад ему отрезал Шахр-Бараз, так что к началу следующей зимы Ираклий отошел к западному побережью Каспийского моря, где Мартина благополучно разрешилась младенцем. Следующим летом он провел новую военную кампанию, а на зиму отошел к озеру Ван. 1 марта 625 г. император повел своих людей в самый долгий и самый трудный поход из всех предыдущих: сначала через предгорье Арарата, а потом 200 миль вдоль реки Арсаниас к Мартирополю и Амиде — оба города он захватил. Оттуда оставалось чуть больше семидесяти миль до Евфрата, за время продвижения к которому враг себя никак не проявил. Наконец, в нескольких милях к северу от Аданы, император увидел на противоположном берегу реки персидскую армию, выстроившуюся в полной боевой готовности. Поблизости оказался небольшой мост, и византийцы, несмотря на усталость от долгого перехода, сразу же бросились в атаку, но Шахр-Бараз, имитируя отступление, заманил их в умело подготовленную засаду, и авангард императорской армии попал под мощную атаку, тогда Ираклий пришпорил лошадь и ринулся вперед, через мост, на помощь своим солдатам, не обращая внимания на град персидских стрел, а его гвардия последовала за ним. Даже Шахр-Бараз не смог скрыть восхищения. «Посмотри на своего императора! — обратился он к перебежчику-греку. — Он боится стрел и дротиков не более, чем наковальня!»

Благодаря одной только своей отваге Ираклию удалось в этот день уберечь армию от разгрома. Но в город Трапезунд, где зимовало его войско, и с востока, и с запада приходили тревожные вести. Шах Хосров распорядился провести массовый призыв в армию всех мужчин, годных к военной службе, включая иност-

ранцев, проживавших в его владениях. Своему военачальнику Шахину он доверил закаленное во многих боях войско в 50 000 человек. Шахр-Баразу было приказано идти через Малую Азию к Халкидону и там оказать помощь аварскому кагану — тот со своей ордой, включавшей в себя практически все племена, проживавшие от Вислы до Урала, уже подтягивал огромные осадные орудия к Константинополю.

Проанализировав ситуацию, Ираклий решил разделить свои силы на три части. Первый отряд немедленно направился к Константинополю; второй, под командованием брата императора Феодора, был послан на борьбу с Шахином в Месопотамию; третий же, самый маленький, оставался с Ираклием удерживать Армению и Кавказ, чтобы отсюда в конечном итоге вторгнуться в относительно незащищенную Персию. В то же время он обратил взор к одному из самых значительных племен Кавказа — хазарам, поразив их кагана Зиебила богатством подарков и обещав ему руку своей дочери Епифании. Зиебил, чрезвычайно польщенный, отдал в распоряжение императора 40 000 человек. К счастью для Епифании, каган к концу года умер.

Пока Ираклий и его новая хазарская армия занимались опустошением Азербайджана, Феодор записал на свой счет победу над Шахином в Месопотамии, после которой персидский военачальник впал в глубокую депрессию и умер. Хосров распорядился упаковать тело, обсыпав его солью, и доставить ему. По прибытии груза Хосров приказал освободить труп от одежд и сечь до тех пор, пока не превратится в бесформенное месиво. С некоторых пор члены персидского двора начали испытывать сомнения в душевном здоровье великого шаха. После этого случая сомнений у них уже не осталось.

29 июня 626 г. персы и авары пошли на Константинополь. Обитатели пригородов поспешили найти себе убежище за городскими воротами, которые за ними сразу же закрылись и были заперты на засов; началась давно уже ожидавшаяся осада. Войско варваров численностью примерно в 80 000 человек растянулось вдоль стен от Мраморного моря до бухты Золотой Рог. Стены защищал двенадцатитысячный кавалерийский отряд византийцев; поддержку ему оказывало все население, в котором патриарх Сергей поддерживал религиозный энтузиазм, доведен-

ный до состояния неистовства. Днем и ночью катапульты метали булыжники в крепостные валы, но стены выдерживали удары и защитники держались стойко. Осада продолжалась на протяжении всего знойного июля, Сергей со своим клиром ежедневно совершал торжественный обход стены по всему ее периметру, неся над головой чудотворную икону Пресвятой Девы.

7 августа персидские плоты, готовые забрать свежие подкрепления и переправить их через Босфор, неожиданно оказались окружены греческими кораблями. Все, кто находился на плоту, были убиты на месте или сброшены в воду. Почти сразу же после этого группа славянских судов, находившихся в бухте Золотой Рог, попала в засаду, устроенную византийцами, и тоже была уничтожена. Две катастрофы подряд повергли осаждающих в панику. Их осадные орудия оказались бесполезными, их искуснейшие стратагемы не дали результата. Кроме того, до них дошли известия о победе Феодора над Шахином и о новом союзе Ираклия с хазарами. Всему этому могло быть только одно объяснение: Византия находилась под божественной защитой. Персам ничего не оставалось, кроме как снять осаду.

В начале 627 г. император решил идти с войском прямо на дворец самого великого шаха, находившийся в Дастагирде, вблизи Ктесифона. Ираклий же двигался осторожно; персидская армия находилась неподалеку. Ее новый командующий Рахзад решил не выступать навстречу Ираклию, а подождать, пока тот сам не приблизится.

Лишь к концу года у руин Ниневии состоялась битва. Она продолжалась одиннадцать часов. В самый разгар сражения Рахзад неожиданно вызвал Ираклия на поединок. Император принял вызов, пришпорил боевого коня и, как повествуют хронисты, снес голову персидского полководца одним взмахом меча. Бой тем не менее продолжался, и император оставался в строю, несмотря на несколько полученных ран. Лишь когда село солнце, греки осознали, что им уже никто более не противостоит.

Прибыв в Дастагирд, Ираклий обнаружил, что великий шах бежал, а его роскошный дворец опустел. Византийцы не пощадили дворец, предав его и все, что в нем было, огню. Бежавший в Сузиану Хосров призвал подданных сплотиться для защиты Ктесифона, но персы уже устали от безумств шаха и для Ираклия

не составляло особого труда сбросить его с трона. Через одну-две недели император с армией направился домой, а Хосров был брошен в темницу своим сыном Сировом. Отставному шаху выдавалось ровно такое количество хлеба и воды, чтобы он только не умер с голоду. На пятый день он обрел смерть — в него выпустили несколько стрел.

Известия об этом дошли до Ираклия, когда он находился в Тебризе. Затем последовало заключение мирного договора, согласно которому персы отдавали все завоеванные территории и всех захваченных пленных наряду с Честным Крестом Господним и другими реликвиями.

В Троицын день, 15 мая, патриарх Сергий взошел на высокий амвон в соборе Св. Софии и зачитал послание императора своему народу, которое скорее представляло собой благодарственный гимн, нежели торжественное провозглашение победы.

Ираклий же после окончания войны прибыл в свой дворец в Иерии, местности, находящейся по ту сторону Босфора, напротив Константинополя, где обнаружил все население столицы, которое ожидало его, чтобы выразить свою благодарность и преданность. Во дворце находилась семья Ираклия: старший сын Константин, которому в ту пору было шестнадцать лет; дочь Елифания; жена Мартина с младшим сыном Ираклеоном, которому исполнилось тринадцать лет. Семья готовилась тотчас же переправиться в Константинополь, но император решил не входить в столицу без Честного Креста Господня, который было велено привезти его брату — так быстро, как только возможно. Только в конце первой декады сентября Феодор прибыл в Халкидон, и начались приготовления к торжественному возвращению императора домой.

14 сентября 628 г. Ираклий триумфально вошел в столицу. Впереди него несли Честной Крест Господень; за императором шли четыре слона — в Константинополе их вообще видели в первый раз. Хотя Ираклий был еще только на середине шестого десятка, выглядел он старым и больным. Но истощил он свои силы не на княжых пирах, а на службе империи — благодаря ему Византия раз и навсегда избавилась от персидской угрозы.

Процессия продвигалась к собору Св. Софии. Во время состоявшегося там благодарственного молебна начали медленно

поднимать Честной Крест Господень, пока он не встал вертикально перед главным престолом. Возможно, это был самый волнующий момент в истории великого собора, и многие полагали, что теперь должен начаться новый золотой век.

Увы, ничего подобного не произошло. Всего лишь за шесть лет до этого, в сентябре 622 г. — в год, когда Ираклий начал персидскую кампанию, — пророк Мухаммед бежал из враждебной Мекки в дружественную Медину, что ознаменовало начало эпохи мусульманства. И всего лишь через пять лет после этого, в 633 г., армии ислама выступили в свой поход, который в итоге приведет их к воротам Константинополя. До начала VII в. Аравия была неизвестна Западу, а ее обитатели не проявляли интереса к христианскому миру, не оказывали на него никакого воздействия и, конечно, не представляли никакой угрозы, но затем в мгновение ока все изменилось. В начале 633 г. мусульмане начали действовать за пределами Аравии. Через три года они захватили Дамаск; еще через два года — Иерусалим; через год — всю Сирию. В течение первого десятилетия они овладели Египтом и Арменией; в течение второго — персидской империей; в течение третьего — Афганистаном и большей частью Пенджаба. Затем, после короткого перерыва, арабы обратили взоры к Западу.

В 711 г., захватив все побережье Северной Африки, они вторглись в Испанию, а к 732 г., менее чем через сто лет после своей первой вылазки за пределы родной Аравийской пустыни, перешли через Пиренеи и направились на север, к берегам Луары, где были наконец остановлены.

Мухаммед умер от лихорадки 8 июня 632 г., и руководство мусульманами перешло к самому приближенному его заместителю, Абу-Бекру, который присвоил себе титул халифа — буквально «представителя» пророка. На следующий год мусульманские армии выступили в поход, но Абу-Бекр вскоре умер и первые исторические победы были одержаны под началом второго халифа — Омара.

В одном отношении удача явно сопутствовала арабам: византийско-персидская война истощила обе империи. Более того, придерживавшиеся монофизитства жители Сирии и Палестины не проявляли настоящей преданности по отношению к Константинополю, который являлся носителем чуждой им греко-римской

культуры. Мусульмане — семиты и ревностные монотеисты, как и сами сирийцы и палестинцы, обещаая толерантность в отношении всех христианских верований, могли выглядеть для этих народов более приемлемыми.

К моменту арабского вторжения в Сирию в 634 г. Ираклий уже вернулся на Восток. Надлежало обустроить недавно завоеванные провинции, решить доктринальные вопросы с восточными церквями. Самую важную из всех реликвий, Честной Крест Господень, следовало возвратить в Иерусалим. Весной 629 г. в сопровождении Мартины и старшего сына Константина он отправился в Палестину. Достигнув Святого города, Ираклий собственноручно понес Крест по виа Долороза к заново отстроенной церкви Гроба Господня, где его уже ожидал патриарх. Следующие семь лет император провел в восточных провинциях, стремясь модернизировать административный аппарат.

Между тем патриарх Сергей начал распространять новую теологическую доктрину, которая, по его мысли, должна была оказаться равноприемлемой и для православной, и для монофизитской общины. Согласно этому учению, Христос имел две природы — человеческую и божественную, но они обладали единой силой или энергией. Монофизитам оставалось только признать, что единство, которое они прозревали в фигуре Спасителя, относится к его энергии, а не к его природе. Но хотя новую доктрину с энтузиазмом поддержал Ираклий, у нее сразу же нашлись суровые критики. Фанатичный православный монах по имени Софроний с гневом заявлял, что это всего лишь уклончивая форма монофизитства, являвшая собой отступничество от постановлений Халкидонского собора. Когда в 634 г. Софроний был избран патриархом Иерусалимским, поддержка теории о единой энергии начала резко снижаться и император бессильно наблюдал за тем, как его надежды на согласие между православными и монофизитами превращались в пыль.

Вскоре армии пророка хлынули в Сирию; скромные византийские силы, посланные против них, были уничтожены. Арабы заняли Дамаск и начали осаду Иерусалима. Глубоко опечаленный этими событиями, Ираклий сразу же начал формировать мощную армию, и через год 80 000 человек были собраны в окрестностях Антиохии. Перед лицом этой угрозы мусульмане отступили к

реке Ярмук, что находится к югу от Галилеи. В мае 636 г. имперская армия двинулась навстречу мусульманской. Три месяца спустя, 20 августа, с юга поднялась жесточайшая песчаная буря; молодой мусульманский полководец Халид увидел в этом свой шанс и атаковал византийцев. Индийские войска, захваченные врасплох и ослепленные песком, бившим им в лицо, не устояли перед напором арабов и подверглись массовому уничтожению. Иерусалим стойко сопротивлялся на протяжении следующего года, но осенью 637 г. патриарх согласился капитулировать и в феврале 638 г. халиф Омар въехал в Святой город на белоснежном верблюде.

А что же Ираклий? Почему стойкий защитник христиан, человек, возвративший им Честной Крест Господень, бездействовал, когда Иерусалим был атакован мусульманами? Уже сраженный смертельной болезнью, Ираклий приближался к состоянию ментального и духовного распада, толчок к которому дала битва при Ярмуке. Утратив всякую надежду спасти Святой город, он тайно вывез из осажденного Иерусалима Честной Крест Господень, после чего пустился в долгий путь в Константинополь. К тому времени, когда Ираклий достиг Босфора, его сознание уже серьезно повредилось. У него возник совершенно необоснованный страх моря, и когда император прибыл в Иерию, ничто не могло заставить его пересечь пролив. Пришлось соорудить своеобразный мост из лодок, который был прикрыт зелеными ветками, что не позволяло императору видеть воду. Тогда Ираклий сел на коня и поехал через Босфор, по словам очевидца, «так, словно он находился на земле». Последнее возвращение императора в столицу душераздирающим образом контрастировало с тем, каким оно было девять лет назад. Ко всему, его подданные шептались, что он навлек на себя гнев Бога инцестным браком с племянницей. Из девяти детей Мартины четверо умерли во младенчестве, у одного была искривленная шея, и еще один ребенок оказался глухонемым. Императрицу, которая и раньше никогда не была популярна, теперь повсеместно поносили.

Однако Мартина едва ли замечала подобные пустяки — вся ее энергия была теперь направлена на то, чтобы трон достался ее первенцу Ираклеону, который стал бы соправителем с Константином, сыном Ираклия от первого брака, болезненным молодым

человеком, страдавшим, по всей видимости, чахоткой. У изможденного физически и морально Ираклия не было сил противиться жене — так что 4 июня 638 г. в Босфорском дворце он дрожащими руками надел императорскую диадему на голову Ираклеона; при этом Мартина и Константин стояли поблизости.

Перед смертью Ираклий предпринял еще одну, последнюю попытку разрешить проблему монофизитства. Патриарх Сергей слегка исправил доктрину: Христос, обладая двумя природами, обладал не столько единой энергией, сколько Единой волей. И вскоре монофелитство, учение о Единой Воле, начало распространяться по христианскому миру; все четыре восточных патриарха засвидетельствовали согласие с его положениями. Лишь два года спустя разразился гром, когда в 641 г. только что избранный папа Иоанн IV категорическим образом осудил монофелитство. Вопрос, который до сих пор был предметом спора в пределах Восточной церкви, неожиданно разросся в размерах и привел к очередному конфликту между Востоком и Западом, а вместе с ним и к окончательному унижению Ираклия. Узнав о вердикте папы, Ираклий открестился от монофелитства, но по просьбе патриарха вновь пробормотал слова одобрения в отношении продвигаемой им доктрины. Вот так 11 февраля 641 г., с явной ложью на устах, с раздутым и почти парализованным от водянки телом, в самом жалком и позорном положении умер один из величайших императоров Византии.

Ираклий слишком долго жил. Если бы он умер в 629 г., когда персидская империя была поставлена на колени, а Честной Крест Господень возвращен в Иерусалим, то его правление стало бы самым успешным за всю историю Византии. Не будь Ираклия, Константинополь вполне мог бы пасть жертвой персов и затем неизбежно оказался бы поглощен мусульманским нашествием — с такими последствиями для Западной Европы, которые едва ли можно себе вообразить.

В культурном отношении правление Ираклия ознаменовало собой начало новой эпохи. Если Юстиниан был последним из числа подлинных римских императоров, то Ираклий нанес древней римской традиции смертельный удар, поскольку именно он издал указ о том, что греческий язык, на котором давно уже говорили народ и церковь Византии, становится официальным

языком империи; одновременно Ираклий распорядился вывести из употребления древние римские титулы, присваивавшиеся византийской знати. Как и его предшественников, Ираклия сначала официально величали императором, цезарем и августом, но он распорядился заменить эти латинские термины старым греческим словом «василевс», то есть «король».

В течение трех дней после наступления смерти тело императора лежало в совершенно нелепом, уродливом виде на открытых дорогах, под охраной дворцовых евнухов. Потом оно было положено в саркофаг из белого оникса и захоронено рядом с телом Константина Великого — в церкви Св. Апостолов.

8

Ираклиева ветвь (641—711)

Смерть Ираклия, которую давно уже ожидали, погрузила Византию в состояние хаоса, а причиной этого была Мартина, вынудившая императора составить завещание, в соответствии с которым империя переходила под совместное правление Константина, Ираклеона и ее самой. На народном собрании, устроенном на ипподроме, Мартина заявила, что она намеревается править на благо всем подданным, но византийцы, которые уже давно ей не доверяли, встретили ее слова холодно. Они еще могли бы выказать Мартине определенное почтение как императрице-матери, но повиноваться они бы стали только ее сыну и пасынку.

25 мая 641 г. Константин, который давно уже был недееспособен, умер после трехмесячного правления. Помогла ли ему отправиться в мир иной мачеха? Он, конечно, ощущал какую-то угрозу: иначе почему Константин переехал в Халкидон, откуда, находясь уже на смертном ложе, обратился к армии с просьбой защитить его детей? Но ему не следовало беспокоиться: жители Константинополя выступали против правления Мартины, возмущенные ее высокомерием, непомерными амбициями и ревностной поддержкой монофелитства. Летом 641 г. византийской верхушке пришлось пойти навстречу все более настойчивым требованиям народа — одиннадцатилетний сын Константина Ираклий был коронован, и его отныне стали именовать Константином. В сентябре арестовали Мартину и Ираклеона: первой — отрезали язык, второму — урезали нос*, и оба были сосланы на Родос. Если

* Урезание — фактически ампутация — носа представляло собой древнюю восточную практику, которую в Византии ввел в употребление Ираклий. Цель этой акции — сделать недействительными притязания жертвы

императрица с сыном действительно были причастны к смерти Константина, то им удалось очень легко отделаться.

Двадцатисемилетнее правление Константа II было омрачено его постоянной борьбой с сарацинами. В 642 г. Александрию захватил мусульманский полководец Амр, который сровнял городские стены с землей, а новую столицу основал в Фустате (ныне Каир); местное население, как и его палестинские и сирийские соседи, очевидно, нашло новых завоевателей более приемлемыми в сравнении с византийцами. Лишив империю самой богатой ее провинции, захватчики двинулись на запад, нанеся в 647 г. сокрушительный удар по Карфагенскому экзархату.

С приходом к власти в 644 г. нового халифа Османа мусульмане начали строительство флота, доверив его Муавии, сирийскому наместнику. Первой целью этого флота стал Кипр, одна из основных военно-морских баз империи; столица Кипра Констанция была разграблена, вся местность в округе подверглась опустошению. В 654 г. Муавия предпринял еще более масштабную экспедицию и захватил остров Родос.

Такое развитие событий заставило Константа взять инициативу в свои руки. На следующий год имперский флот направился на юг вдоль побережья и встретил корабли сарацин напротив современного Финике в Ликии. Это было первое морское сражение между христианами и мусульманами, в результате которого византийский флот оказался разбит наголову. Константу удалось бежать, переодевшись в одежду одного из своих слуг.

Ситуация для империи стала выглядеть очень серьезной, но 17 июня 656 г. халиф Осман был убит в своем доме в Медине. Али, зятя пророка, сразу же избрали его преемником, но Муавия обвинил Али в причастности к убийству Османа и поклялся ему отомстить. Борьба между ними продолжалась до 661 г., когда, в результате убийства Али, Муавия стал халифом. В течение последующих пяти лет мусульманский мир находился в состоянии брожения, и Византия вновь смогла вздохнуть свободно.

Почему Константин ждал четырнадцать лет, прежде чем начать военные действия против мусульман? В основном потому, что

на трон: византийцы считали, что у их императора не должно быть никаких физических несовершенств. — *Примеч. авт.*

атмосфера взаимной враждебности, вызванная ожесточенными спорами по поводу монофелитства, и происки Мартини раскололи византийское общество, и, прежде чем затевать походы за пределы страны, необходимо было восстановить религиозное и политическое единство. В 647 г. разногласия между конфессиями достигли такого накала, что папа Феодор I отлучил от церкви патриарха Константинопольского Павла, и в начале 648 г., в возрасте восемнадцати лет, император попытался поставить точку в затянувшемся споре: он издал эдикт, который гласил, что все дискуссии о монофелитстве должны быть преданы забвению, как если бы этот вопрос никогда не возникал. Если какой-нибудь епископ лишь только затронет данную тему, то его следует сместить с должности; если же так поведет себя частное лицо, то его надлежит выпороть и изгнать из страны.

Однако в октябре 649 г. преемник Феодора, папа Мартин I, созвал собор — проходивший в Латеранском дворце, — который вновь осудил монофелитство. Затем папа направил императору подробное сообщение о решениях собора и предложил Константину также выразить отрицательное отношение к данному религиозному течению. Мартин не знал, что в это же самое время равеннский экзарх уже направлялся в Рим с приказом императора его арестовать на том довольно шатком основании, что резолюция, зафиксировавшая избрание папы, не была направлена в Константинополь для утверждения.

В июне 653 г. Мартин был арестован и после годичного содержания под арестом на острове Наксос доставлен в Константинополь. Там он находился под стражей в течение девяти дней. И лишь после этого, изголодавшийся и потерявший способность ходить, он был доставлен в суд. Теперь к предыдущему обвинению добавили новое, более тяжкое: заговор против императора. Мартин, естественно, отрицал это голословное утверждение, но его признали виновным и приговорили к смерти. Папу вывели во двор суда, где на виду многочисленной толпы его облачение разорвали от самых плеч, на шею надели железную цепь и в таком виде провели по улицам к имперской тюрьме. Там ему пришлось делить камеру с ворами и убийцами. С Мартином обращались с такой жестокостью, что весь пол камеры был запачкан его кровью. Наконец, после того как он провел еще во-

семьдесят пять дней в тюрьме, а патриарх, умирая, направил императору письмо с просьбой проявить великодушие, смертная казнь была заменена на высылку из страны в Крым. Не прошло и шести месяцев, как папа умер.

По мере того как восточные провинции оказывались одна за другой захваченными арабскими завоевателями, мысли Константа начали все больше обращаться к Западу. На Балканах славянские поселенцы все менее охотно платили ежегодную дань; в Италии Византия стала более непопулярной, чем когда-либо; Сицилия оказалась под угрозой вторжения сарацин из Северной Африки. Необходимо было принять серьезные меры, иначе западные провинции могли отпасть от империи так же легко, как и восточные. И в 662 г. Константин объявил о важном решении: навсегда оставить Константинополь и основать постоянную столицу на Западе. Некоторые полагали, что таким образом Константин пытается убежать от якобы посещавших его страшных видений своего брата Феодосия, убитого императором два года назад. Но в любом случае подозрение в измене престолу, перенос столицы связаны с желанием Константа защитить Италию, Сицилию и африканские владения от сарацинского завоевания. В начале 663 г., оставив свою семью в Константинополе, Константин высадился с армией в Южной Италии и двинулся через Неаполь — греческий, а посему дружественный город — в Рим, где, несмотря на то, как он обошелся с Мартином, ему был оказан, по всей видимости, радушный прием папой Виталианом. В Риме Константин решил в полной мере проявить свои властные полномочия: он распорядился забрать из города те немногие ценные вещи, которыми старая столица еще обладала — включая даже медь с крыши Пантеона, — и отослать их в Константинополь. Осенью направившись на юг и пройдя через Калабрию, император перебрался на Сицилию, и на протяжении следующих пяти лет его двор находился в Сиракузах. Здесь же Константин неожиданно встретил свой жестокий и унижительный конец. 15 сентября 668 г., в купальне, один из греческих служителей убил императора мыльницей.

В период длительного отсутствия Константа в Константинополе восточными провинциями управлял старший из трех его

сыновей: он же теперь наследовал империю под именем Константина IV. Он выказал себя мудрым государственным деятелем и прирожденным лидером — первое десятилетие его правления было ознаменовано важной вехой в истории христианства: армия Полумесяца впервые была обращена в бегство армией Креста.

Вернемся, однако, к более ранним событиям в противоборстве двух сторон. Когда Муавия стал халифом, то сделал своей столицей Дамаск и основал династию Омейядов, которая просуществовала в течение следующих восьмидесяти лет. Располагая к этому моменту многократно возросшими ресурсами, Муавия возобновил свою старую тактику: его армия в Анатолии и его флот вблизи Ионического побережья отщипывали себе один за другим имперские города и острова. Наконец в 672 г. его корабли вошли в Мраморное море — сарацины заняли Кизикский полуостров, находившийся всего лишь в пятидесяти милях от самого Константинополя. Два года спустя началась осада.

На кораблях сарацин имелись тяжелые осадные орудия и огромные катапульты; но даже с их помощью преодолеть хорошо продуманную систему фортификационных сооружений, расположенных вдоль Мраморного моря и Золотого Рога, было почти невозможно. Кроме того, византийцы обладали секретным оружием. До сих пор мы не можем сказать точно, что представлял собой «греческий огонь». Его разбрызгивали над вражеским судном или наливали в длинные узкие снаряды, которые метали в цель, — и в том и в другом случае результаты были впечатляющими: пылающая жидкость не только сжигала корабли, но и плавала на поверхности воды, не давая возможности спастись тем, кто выпрыгнул за борт. Мусульмане, однако, долгое время не хотели верить в свое поражение, и лишь на шестой год осады потрепанные остатки сарацинского флота направились домой. В 679 г. Муавия в мрачном расположении духа согласился на предложенный Константином мирный договор — по условиям этого соглашения сарацины выводили войска с недавно завоеванных ими островов Эгейского моря и выплачивали империи ежегодную дань.

Год спустя Муавия был уже мертв. Константин в то время оказался на пике популярности. Он со своими подданными сумел выстоять в течение пятилетней осады, предпринятой противни-

ком, который до сих пор казался непобедимым. В сущности, он спас западную цивилизацию. Если бы сарацины захватили Константинополь в седьмом веке, а не в пятнадцатом, то вся Европа — да и Америка — могла быть сегодня мусульманской.

Когда сарацины отступили, Константин обратил взор к другому врагу, калибром поменьше — болгарам. Этот воинственный языческий народ, обитавший на северном берегу Дуная, все интенсивнее осваивал имперскую территорию. Тут, однако, Константин был менее успешен. Неудачная морская экспедиция, предпринятая в 680 г., в итоге лишь содействовала дальнейшему проникновению болгар в империю. Захватчики быстро основали сильное болгарское государство — в несколько иной форме оно существует и по сей день — и даже вынудили императора согласиться ежегодно выплачивать «охранные деньги» их царю. Это было в большей степени унижение, нежели настоящее бедствие, поскольку такое положение дел все же позволяло Константину поддерживать мир вдоль государственных границ и он мог наконец взяться за решение самой неподатливой из всех внутренних проблем империи.

В 678 г. Константин предложил папе созвать Вселенский собор, чтобы раз и навсегда решить доктринальные вопросы, на что папа Агафон с воодушевлением согласился. В начале осени 680 г. представители стали стекаться в Константинополь — всего прибыло 174 представителя из всех уголков христианского мира. И в середине ноября Шестой Вселенский собор провел первое заседание в Купольном зале императорского дворца. Всего их состоялось восемнадцать, и растянулись они на десять месяцев. Сам Константин председательствовал на первых одиннадцати заседаниях и на последнем — 16 сентября 681 г., где официально одобрил постановления собора, принятые почти единогласно. Собор решил, что доктрина о Единой Воле была несовместима с тезисом о человеческой сущности Спасителя, который, напротив, обладал «двумя естественными волями и двумя естественными энергиями — нераздельно, неизменно, неразлучно и неслиянно». Те, кто придерживался иной точки зрения, были осуждены и прокляты.

После заключительной речи императора бурно приветствовали одобрительными возгласами. И когда в возрасте тридцати

трех лет Константин умирал от дизентерии, то мог поставить себе в заслугу не только серьезные военные успехи, которые сделали империю сильной и сплоченной, но и избавление от монофелитства.

Константину IV едва исполнилось семнадцать лет, когда его жена Анастасия разрешилась сыном. Вероятно, было ошибкой назвать ребенка Юстинианом, поскольку отличавшийся неумностью натуры юноша, унаследовавший трон шестнадцать лет спустя, решил строить свою жизнь, ориентируясь на военного тезку. В некоторых отношениях ему удалось преуспеть: умный и энергичный, он выказал все задатки способного правителя. К несчастью, Юстиниан унаследовал и то душевное нездоровье, которое омрачало последние годы жизни Ираклия, а затем возникло у стареющего Константа. У Константина IV эта болезнь никак не проявлялась, а вот у его сына Юстиниана она быстро набирала силу, превратив императора в монстра, чьими определяющими чертами стали патологическая подозрительность и неутолимая жажда крови.

Начало его правления было достаточно многообещающим. Удачные военные походы в Армению, Грузию и Сирию побудили пятого халифа Абдул-Малика пролонгировать договор, заключенный ранее Византией с Муавией. А в 688—689 гг. император предпринял крупную военную экспедицию в славянские земли Запада. Он триумфально вступил в Фессалоники и, закрепившись здесь, осуществил массовое перемещение славянских сельских жителей из густонаселенной местности в фему Опсикий на южном побережье Мраморного моря. Потом последовало еще несколько переселенческих волн, пока — через пять или шесть лет — в Малой Азии не обосновалось уже около четверти миллиона новых иммигрантов. Демографические сдвиги в таких масштабах привели к радикальному изменению социальной ситуации в регионе: в начале века здесь доминировали крупные землевладельцы, к концу столетия наиболее влиятельным стал новый класс свободных крестьян. Улучшение жизненных условий привело к повышению рождаемости и неуклонному увеличению площади возделываемой земли. Растущее и богатее население научилось себя защищать, организовав исключитель-

но мощные отряды провинциальной милиции. Все шло хорошо, пока Юстиниан резко не повысил налоги, в результате чего после возобновления войны с мусульманами в 691 г. около 20 000 славянских солдат перешли к врагу, что привело к потере Армении. Разгневанный Юстиниан приказал вырезать все славянские семьи в Вифинии — тысячи мужчин, женщин и детей были хладнокровно убиты и сброшены в море.

Лучше всего отображает жизнь в Византии во времена Юстиниана II стенограмма синода, созванного императором в 691 г. В этом мероприятии приняли участие 165 восточных епископов, перед которыми была поставлена задача урегулировать вопросы, оставшиеся нерешенными после Пятого и Шестого Вселенских соборов, — отсюда название синода: *Quinisextum**. Делегаты потратили большую часть времени на рассмотрение вопросов поразительно тривиального характера. Мы читаем, к примеру, о том, что отшельники, носящие длинные волосы и посещающие в городах мирян и женщин, должны отныне постричь волосы и уйти в монастырь; о том, что шестилетнюю епитимью следует налагать на тех, кто консультируется у предсказателей, «показывает медведей или иных животных с целью обмана простодушных» или продает амулеты; о том, что женщинам следует запретить исполнение любых танцев и лицам обоих полов должно быть воспрещено исполнение танцев в честь языческих богов. Также подпадают под запрет все маски комического, трагического и сатирического характера, трансвеститские действия и любые вызывания к Вакху во время сбора винограда. Проклятие церкви должно пасть и на тех, «кто завивает свои волосы в целях соблазнения».

Юстиниан, не пригласивший на синод представителей из Рима, послал папе Сергию II сто два утвержденных канона с безапелляционной директивой формально одобрить их. Но, поскольку некоторые из этих канонов шли вразрез с римскими правилами, папа предписанию императора не внял. Тогда Юстиниан приказал Захарии, равеннскому экзарху, арестовать Сергия и доставить в Константинополь для совершения суда над ним. К несчастью для Юстиниана, папа Сергий был значительно более могущественной и популярной в народе фигурой, чем его

* *Quinisextum* — букв.: пятишестой (лат.).

предшественники Вигилий и Мартин. Имперская милиция и в Равенне, и в Риме решительным образом отказалась повиноваться. А когда Захария прибыл в Латеранский дворец, здание было окружено, и экзарх оказался узником жителей Рима. Лишь после того как Сергей лично вмешался в ситуацию, Захария наконец выбрался из-под цапского ложа и ускользнул.

Когда эти новости достигли Константинополя, на Юстиниана нашел очередной припадок ярости. Но, надо сказать, подданные не испытывали к императору особого сочувствия. К своим двадцати трем годам он уже достиг такого уровня непопулярности в народе, каким ранее мог похвастаться разве что император Фока. Юстиниан восстановил против себя и старую аристократию, и новое крестьянство; ко всему, он потерял Армению. Императорские сборщики налогов — в первую очередь главный логофет (в прошлом священник, которого лишили духовного сана) Феодот и казначей Стефан родом из Персии, огромный и страшный евнух, которого никогда не видели без хлыста в руке, — прославились своими зверствами. Они не останавливались и перед пытками: зачастую подвешивали свои жертвы над медленным огнем и коптили их до тех пор, пока те не теряли сознание, — если могли таким образом дополнительно добыть несколько золотых предметов для своего хозяина. Более всего страдала старая аристократия. Представители этого класса подвергались разного рода вымогательствам, а когда выдерживать подобное уже стало невыносимо, подняли восстание.

Их лидером стал профессиональный воин по имени Леонтий, который оказался в немилости у властей и был брошен в тюрьму. Когда он там находился, один монах предсказал ему, что когда-нибудь Леонтий наденет императорскую диадему. Это предсказание показалось ему настолько убедительным, что, освободившись в 695 г., он собрал народ и для начала повел его брать приступом тюрьму. Леонтий освободил всех тюремных узников — многие из них были его старыми товарищами по оружию, — и они сразу же объявили его своим лидером. Мятежники направились к собору Св. Софии, призывая всех, кто встречался на их пути, идти вместе с ними. Когда они прибыли к патриарху, который недавно поссорился с императором и теперь ожидал самого худшего, тот без колебаний встал на их сторону. К утру,

при поддержке Синих, Леонтий был провозглашен василевсом. Юстиниана арестовали и препроводили в цепях к ипподрому. В знак давней дружбы Леонтия с отцом Юстиниана бывшему императору сохранили жизнь; вместо казни он подвергся ставшим обычным к тому времени наказанию — урезанию носа и языка, после чего был отправлен в ссылку в Херсонес. Его жадные министры оказались менее удачливыми: их за ноги привязали к тяжелым повозкам и протащили от Августеума* к форуму Быка и там сожгли живьем.

Правление Леонтия оказалось отмечено только одним серьезным событием: захватом мусульманами Карфагена, в результате чего в 698 г. был положен конец Африканскому экзархату. Скороспелый император направил достаточно сильную флотилию для освобождения Карфагена; по иронии судьбы именно она и низвергла его. Вместо того чтобы возвратиться и отрапортовать о своем поражении, командиры флотилии решили поднять мятеж, провозгласив василевсом человека из собственных рядов, — его германское имя Апсимар было спешно заменено на Тиберий. Когда флотилия достигла Константинополя, Зеленые поддержали бунтовщиков, что и решило исход дела. Леонтий лишился, что было вполне предсказуемо, носа и такого количества волос, которое требовалось для образования тонзуры, после чего оказался в монастыре.

Правление Тиберия было гораздо более эффективным. В 700 г. он практически полностью освободил от мусульман Сирию, после чего начал отвоевывать Армению. Но в 705 г. Тиберий также был низвергнут.

Юстиниан после десятилетнего изгнания вернулся в столицу, полный жажды мщения. Император бежал из Херсонеса в 693 г. и обратился за помощью к хазарскому кагану Ибузиру, который радушно принял его и предложил ему свою сестру в качестве невесты — ее прежнее имя было немедленно изменено на имя Феодора. Молодая чета поселилась в Фанагории — городе, находящемся у входа в Азовское море, — в ожидании благоприятного развития событий.

* Августеум — главная площадь Константинополя. Располагалась примерно на том месте, где ныне находится Аяя Софья Мейдани (площадь Собора Св. Софии).

В 704 г. до них дошли известия, что ко двору кагана явился императорский посланец, предлагая богатое вознаграждение за Юстиниана — мертвого или живого. Через несколько дней в Фанагорию прибыл отряд солдат. Юстиниан, быстро разобравшись, что к чему, пригласил двух командиров отряда — каждого по отдельности — посетить его дом. Когда первый офицер пришел к нему в гости, Юстиниан набросился на него и задушил собственными руками; то же впоследствии было сделано и со вторым офицером.

Вернув забеременевшую к тому моменту Феодору ее брату, он направился на рыбацкой лодке в Херсонес, где ему удалось набрать группу своих сторонников. Этот небольшой отряд поплыл через Черное море к землям, которыми владели болгары, — в дельте Дуная. Болгарский хан Тервель с готовностью согласился предоставить военную помощь в обмен на титул цезаря, и весной 705 г. изгнанный император явился во главе армии, состоящей из славян и болгар, к стенам Константинополя. Разведчики Юстиниана сумели разыскать старый, давно не использовавшийся потайной подземный ход, проходивший под городскими стенами. Ночью в сопровождении отборной группы солдат Юстиниан пробрался по этому ходу и вышел у северной оконечности стены, рядом с Влахернским дворцом. Спящие стражи были застигнуты врасплох, и уже через несколько минут здание оказалось у него в руках. Тиберий бежал в Вифинию, а граждане Константинополя, имея перед собой альтернативу между капитуляцией или разграблением, совершенно благоразумно выбрали первое. Вскоре был арестован сам Тиберий, а его предшественника Леонтия доставили из монастыря; затем их обоих в цепях провели на ипподром, где народ начал забрасывать бывших василевсов. Потом их повергли ниц перед императором, который символически наступил на шею каждого из них своим ботинком пурпурного цвета, после чего этих несчастных отвели к месту казни.

Между тем болгарская армия стояла в ожидании. Не без труда Тервель сдерживал своих людей; он не мог повести их назад домой, прежде чем его соответствующим образом не вознаградят. И на следующий день, во время впечатляющей церемонии, при большом стечении народа Юстиниан набросил пур-

пурную мантию на плечи болгарского хана, провозгласив его цезарем.

А вскоре началась оргия кровопролития — даже еще более страшная, чем в правление Фоки, за сто лет до этого. Брат Тиберия Ираклий, самый лучший военачальник в империи, был повешен вместе со всеми своими штабными офицерами на виселицах, выстроенных в ряд вдоль стен, окружавших город со стороны суши; некоторых офицеров завязывали в мешках и бросали в море. Патриарх Каллиник, который короновал обоих узурпаторов, был ослеплен и сослан в Рим. Вскоре прибыла в Константинополь и Феодора с маленьким сыном Тиберием — это была первая византийская императрица-иностранка. Многие качали головой, когда Юстиниан возлагал диадемы на головы жены и сына в соборе Св. Софии. Ведь эта женщина оказалась не просто иностранного, а варварского происхождения. Мезальянсы такого рода, шептались люди, были немыслимы в прежние времена. Но точно так же раньше был немыслим и император без носа. И после того как Юстиниан доказал, что императору необязательно иметь нос, отвратительная практика *rhinokopia** вышла в Византии из обихода.

Между тем соседи Юстиниана осознали, что в ходе массовых чисток он уничтожил всех лучших офицеров, и не преминули воспользоваться этим. В 708 г. войска византийцев были разгромлены варварскими племенами в устье Дуная, а в 709 г. империя получила еще более серьезный удар: ей пришлось уступить арабам важный в стратегическом отношении город Тиану, в Каппадокии.

В том же 709 г. Юстиниан направил в Равенну карательную экспедицию. Мотивы этой акции остались тайной, но доподлинно известно, что командовал отрядом некий Феодор, имевший директиву пригласить всех высокопоставленных сановников Равенны на пир, устраиваемый в честь императора. Ничего не подозревая, они явились в назначенный день, после чего оказались схвачены, закованы в кандалы, посажены на корабль и отправлены в Константинополь, а солдаты же Феодора, естественно, занялись разграблением города. Когда равеннские сановники прибыли в Константинополь, они предстали перед Юстинианом,

* *Rhinokopia* — отрезание носа (греч.).

который приговорил их к смерти. Он пощадил лишь архиепископа — его ослепили и сослали в Понт. Только после смерти Юстиниана несчастному позволили вернуться.

В Равенне действия императора привели к открытому мятежу; в Риме же, наоборот, не было никакой реакции. Любой папа протестовал бы против подобного обращения со своей паствой и с прелатом, но Константин I не произнес ни слова протеста. Похоже, папа не желал ссоры с императором, а наоборот — надеялся на разрешение имеющихся между ними разногласий. 102 канона, утвержденных Юстиниановым синодом, все еще не получили папского одобрения, и в 711 г. Константин, по происхождению сириец, сам прибыл в Константинополь, чтобы раз и навсегда уладить спорные вопросы. У семнадцатимильного камня его встретила внушительная делегация, во главе которой были патриарх и соправитель императора, сын Юстиниана Тиберий, которому к тому моменту исполнилось шесть лет. Император, как ни странно, отсутствовал — находился в Никее. Он и Константин встретились на полпути между Константинополем и Никеей — в Никомедии, где Юстиниан простерся ниц, чтобы облобызать стопы папы. Потом они вместе вернулись в Константинополь, где и началась их дискуссия. Уступки были сделаны с обеих сторон, и в итоге папа утвердил примерно половину канонов, остальные император вычеркнул. В октябре папская миссия благополучно вернулась в Рим.

В начале 711 г. Юстиниан снарядил еще одну карательную экспедицию под началом Патрисия Стефана, на этот раз направив ее к бывшему месту ссылки, городу Херсонесу в Крыму. Трудно сказать, руководствовался ли он в данном случае только чувством мщения к херсонесцам, которые в свое время не жаловали ссыльного императора. Дело в том, что его шурин каган некоторое время назад вступил в Херсонес и там посадил хазарского тудуна — правителя. Возможно, это формально-юридическое нарушение имперской границы и побудило Константина прибегнуть к репрессиям, но каковы бы ни были его мотивы, цели своей он достиг. Семерых знатных горожан зажарили заживо, огромное количество утопили и человек тридцать, включая тудуна, отправили в цепях в Константинополь. Но когда карательный корпус возвращался назад на кораблях, поднялся один

из знаменитых черноморских штормов и поглотил большую часть флотилии.

Юстиниан, услышав о катастрофе, разразился смехом: трудно уйти от мысли, что он стал очередной жертвой наследственного сумасшествия. Вскоре он получил еще одно известие из тех же мест: хазарская армия прибыла в Херсонес, чтобы защитить город от атак византийцев, а гарнизон Юстиниана перешел на сторону врага. Видимо, императору теперь стало не до смеха и он сделал шаг к примирению: освободил тудуна и в сопровождении эскорта из 300 солдат отправил назад — ему было позволено вновь занять свою должность. С тудуном отправился великий логофет Георгий Сирийский с предписанием принести кагану извинения императора за все то, что произошло.

Но жители Херсонеса не были настроены примирительно: логофета и его свиту по прибытии казнили; Тудун с эскортом из 300 человек был отправлен к кагану. К несчастью, в дороге он скончался, и хазары, исходя из того, что ему, вероятно, понадобится эскорт на пути в иной мир, перебили изрядную часть солдат.

Херсонес и другие города Крыма объявили, что более не признают Юстиниана императором и у них есть на это место более подходящая кандидатура — уже давно находившийся в изгнании византийский военачальник по имени Вардан, который провозгласил себя василевсом и взял по такому случаю красивое древнее римское имя Филиппик.

Юстиниан сразу же подготовил новую экспедицию, командовать которой назначил патрикия Мавра; ему был отдан приказ сровнять Херсонес с землей. Но Мавр успел уничтожить только две его оборонительные башни, когда появилась хазарская армия и ему пришлось подписать с ней мирное соглашение. Понимая, что он не сможет вернуться в Константинополь, сообщить Юстиниану о своем провале и остаться при этом в живых, Мавр пал перед Филиппиком на колени. Жребий был брошен. Византийский флот и остатки армии прибыли в столицу с новым императором.

Юстиниан в это время находился на пути в Армению, но, узнав о произошедшем, сразу же изменил свои планы. «Рыкая аки лев», он повернул назад и поспешил в Константинополь, но прибыл слишком поздно. Филиппик появился первым и был

принят горожанами с распростертыми объятиями. Юстиниана арестовали на двенадцатой мильной вехе и казнили на месте, а его голову послали новому императору в качестве трофея.

Когда известия о смерти Юстиниана достигли столицы, его мать, императрица Анастасия, поспешила увести своего маленького внука Тиберия во Влахернскую Богородичную церковь. Однако их настигли солдаты, посланные Филиппиком, и потребовали, чтобы принц был отдан на их попечение. Старая императрица умоляла оставить ребенка ей; тот в это время, охваченный ужасом, держался одной рукой за алтарь, а в другой сжимая частицу Креста Господня. Один из солдат, вырвав реликвию из руки Тиберия, почтительно положил ее на алтарь и лишь после этого потащил своего маленького пленника на крыльцо соседней церкви, где, как повествует византийский хронист, «зарезал его, как овцу».

Так, по совершении хладнокровного убийства маленького мальчика шести лет Ираклиева ветвь была пресечена навсегда. Пять императоров сменили друг друга в процессе прямого престолонаследия и образовали первую подлинную династию в византийской истории. Начало этой династии было великолепным, конец оказался жалким и трагическим.

Юстиниан II не явился абсолютным бедствием для страны. Он многое сделал, особенно в первый период своего правления, для укрепления ее безопасности; сумел улучшить отношения с арабами и болгарами; добился уважения от Римской церкви. Это был последний император, которому довелось принять папу в качестве почетного гостя в своей столице*. Однако все эти заслуги не могут служить оправданием для совершенных Юстинианом зверств. Ожесточенность его натуры нередко объяснялась увечьями, которые были ему нанесены. Обезображенное лицо Юстиниану пришлось выставлять на всеобщее обозрение, и его внешний вид удалось лишь в незначительной степени улучшить искусственным носом из чистого золота. Но это может послужить только объяснением, но не оправданием. В общем, подданные империи были рады избавиться от своего жестокого василевса, и его смерть, наступившую 4 ноября 711 г., вряд ли можно назвать преждевременной.

* Следующим папским визитом в Константинополь (Стамбул) стал приезд Павла VI в 1967 г. — *Примеч. авт.*

9

Иконоборчество (711—802)

Филиппик Вардан оказался безнадежным гедонистом; среди серьезных вопросов его интересовали, по-видимому, только теологические диспуты былых времен, которые он стремился возродить. Василевс даже попытался вновь найти компромисс с монофелитами, но в Риме не нашел поддержки ни своим идеям, ни даже своему статусу: папа Константин, пришедший в ужас от того, какая участь постигла его друга Юстиниана, категорически отказывался признавать нового правителя.

Между тем убийство Юстиниана предоставило болгарскому хану такой шанс, в котором он более всего нуждался. Хан уже во второй раз вторгся в пределы империи и вновь дошел до самых стен Константинополя. Чтобы отбросить захватчиков, Филиппик решил призвать дополнительные войска из фемы Опсикий, находящейся на противоположном, юго-западном побережье Мраморного моря. Это решение оказалось для него роковым. Опсикийцы не испытывали особой преданности к узурпатору. 3 июня 713 г., когда Филиппик отправился отдыхать после утреннего пиршества с друзьями, группа опсикийских солдат ворвалась в его опочивальню и увела императора на ипподром, где ему выкололи глаза. Он правил только девятнадцать месяцев.

Выбор сената и народа пал на Артемия, главного секретаря бывшего императора, и на следующий день, в праздник Троицы, он был коронован как Анастасий II. Анастасий оказался намного более толковым правителем, чем его предшественник. Главную проблему для страны в этот период представляла внешняя угроза. Болгары к тому времени вернулись в родные земли, и теперь

основная опасность исходила от арабов: императорские разведчики доносили, что сарацины готовят полномасштабное вторжение в Византию. Анастасий сразу же начал восстанавливать и укреплять городские стены. Государственные зернохранилища он наполнил доверху, а каждому горожанину было вменено в обязанность запастись таким количеством продовольствия, которого хватило бы его семье на три года. Верфи стали работать так напряженно, как никогда ранее. Империя не могла позволить себе вновь быть застигнутой врасплох.

Но зачем ожидать атаку противника — может быть, лучше её предотвратить? В начале 715 г. Анастасий решил нанести по сарацинам упреждающий удар, использовав в качестве базы остров Родос. Увы, у опсикийских войск уже развился вкус к мятежам. Как только они прибыли на Родос, то набросились на Иоанна, великого логофета, командующего экспедицией, и забили его до смерти. Затем опсикийцы двинулись на Константинополь, подобрав по пути одного мирного, безобидного сборщика налогов по имени Феодосий, которого они решили провозгласить императором, — чему трудно найти объяснение. Подобная честь была для него столь же неожиданна, сколь и нежелательна. Тем не менее он занял трон, а Анастасий, соответственно, был с него свергнут, после чего бывший император удалился в монастырь в Фессалониках.

К моменту восшествия на престол Феодосия III Византия сменила за последние двадцать лет аж шесть императоров, причем пять из них были лишены трона насильственным путем. Никогда еще с момента основания Константинополя не было столь продолжительного периода анархии, но избавление было уже на подходе. Его инструментом стал некий Лев, к имени которого часто прибавляли прозвище Исавр, хотя, возможно, он не имел никакого отношения к исаврам. Лев был первоклассным военачальником, которого Анастасий назначил стратигом фемы Анатолик, одной из самых крупных и самых важных фем в империи.

Лев заручился поддержкой Артавасда, стратига Армениака, пообещав ему руку своей дочери и звание куропалата — одно из трех высших званий в империи, и они совместно начали поход на Константинополь. Под Никомедией мятежники с легкостью

разбили небольшую армию под командованием сына Феодосия, взяв его в плен вместе со всей семьей. После чего Лев начал переговоры с патриархом и сенатом. Их не потребовалось долго убеждать, поскольку сарацины могли начать наступление в любой момент.

В начале 717 г. Феодосий, имея на руках охранную грамоту для себя и своего сына, отправился в монастырь в Эфесе, а 25 марта Лев триумфально вступил в город через Золотые ворота.

Он пришел к власти как раз вовремя. В разгар лета 717 г. брат халифа, Маслама, начал поход с армией в 80 000 человек на Малую Азию, а 15 августа уже стоял у Константинополя. И всего лишь через две недели, 1 сентября, бывший сухопутный генерал, а ныне адмирал по имени Сулейман во главе флотилии, численность которой хронисты оценивают в 1800 судов, вошел в Мраморное море. Так началась блокада города.

Лев III был готов к этому. За пять месяцев, прошедших с момента его коронации, он поспешил принять все необходимые меры оборонительного характера и обеспечил своих подданных всем необходимым для собственной защиты. Предыдущая осада была ограничена летними месяцами, теперь же она растянулась и на всю зиму, которая выдалась настолько суровой, что подобной никто не мог припомнить. Но более всего пострадали именно осаждающие, располагавшие в качестве защитных средств только легкими палатками. Кроме того, у них оказалось слишком мало продовольствия. Вскоре сарацины были доведены до такого состояния, что им пришлось есть своих лошадей, ослов и верблюдов, а под конец и умерших людей. Голод, как всегда, принес с собой болезни; замерзшая земля не позволяла проводить захоронения, сотни трупов сбрасывали в Мраморное море. Сам Сулейман оказался в числе жертв. К тому же и греческий огонь ежедневно приводил к потерям в сарацинском флоте.

Однако решающий удар по осаждающим нанесли болгары. Они не испытывали особой любви к византийцам, однако полагали, что если Константинополю суждено быть взятым, то пусть он лучше попадет в руки болгар, чем арабов. И когда на смену весне пришло лето, болгарская армия выступила с севера, напала на больных и деморализованных сарацин и уничтожила 22 000 человек.

Только теперь наконец Маслама подал сигнал к отступлению. Разрозненные остатки сухопутной армии медленно потянулись назад в Сирию; что же касается флота, то только пять судов вернулось домой в целости и сохранности.

Лев, которому на тот момент было немного за тридцать, прошел удивительный путь — от простого крестьянина до императора Византии, и за время своего восхождения спас империю от краха. Но, как ни удивительно, своей будущей славой он обязан не этим достижениям. Самый значительный и судьбоносный шаг ему еще предстояло сделать. Этот шаг имел прямое отношение к вековым вопросам: является ли искусство союзником религии или ее самым коварным врагом? Возможно и допустимо ли визуальное изображение божества — и если да, то допустимо ли?

Неожиданное появление иконоклазма (иконоборчества) на византийской религиозной сцене часто объясняли близостью исламского мира, которому претила сама идея подобных изображений. И едва ли можно с категоричностью утверждать, что на Льва — чья семья происходила из Восточной Анатолии — не оказали влияние постулаты ислама. С другой стороны, эта новая и революционная доктрина была очевидным следствием монофизитского верования: если мы принимаем только божественную природу Христа, то, по логике вещей, не можем одобрить его изображение как человеческого существа. Если говорить о более прагматическом аспекте, то у иконоборцев были серьезные зоны. Культ икон становился все более и более неуправляемым, так что святым образам уже открыто поклонялись как чему-то самоценному, и порой они даже исполняли роль крестных во время крещений. И ряд епископов в Малой Азии в знак протеста против того, что они считали вопиющим идолопоклонством, приняли иконоборческий манифест.

Сам Лев поначалу не выказывал подобных взглядов. По-видимому, изменение умонастроения явилось у императора результатом мусульманских и иудейских влияний — подобный синкретизм воззрений обнаруживала некоторая часть христиан при византийском дворе. В 725 г. василевс выступил с рядом проповедей, в которых указывал на вопиющие эксцессы, связанные с деятельностью иконодулов (так назывались иконопочитатели):

по мнению Льва, они выказывали открытое неповиновение Закону Моисея — как он изложен во Второй заповеди.

В 726 г. Лев от проповедей перешел к прямым действиям. С восточной стороны от собора Св. Софии находился главный вход в одно из зданий императорского дворца, известное как Халка; над массивными бронзовыми воротами, которые и дали зданию название*, висела огромная золотая икона Христа. Именно эту самую большую и самую известную икону в городе Лев определил первой для уничтожения.

Народная реакция оказалась крайне суровой: на командира отряда, направленного для уничтожения святого образа, натравили группу разъяренных женщин, и он был убит на месте. Засим в Константинополе последовали многолюдные демонстрации, в армии и на флоте были подняты широкомасштабные мятежи. Европейские подданные императора — наследники древней греко-римской традиции — недвусмысленно дали понять их правителю о своих настроениях и предпочтениях: они любили и почитали иконы и были готовы сражаться за них. В 727 г. восстал Равеннский экзархат, поддержанный папой. Тот был возмущен не только варварским уничтожением иконы Спасителя, но и самонадеянностью императора, без всяких оснований присвоившего себе главную роль в разрешении доктринальных вопросов. Византийский экзарх был убит, а мятежные гарнизоны, в рядах которых находились местные рекруты, сами выбрали себе командиров и заявили о своей независимости от империи**.

Стоит обратить внимание, что все эти мятежи явились следствием не императорского указа, но всего лишь одного-единственного деяния императора: уничтожения иконы Халки. Казалось, что, ввиду подобных последствий, Лев прекратит акцию по уничтожению икон, но он не привык отменять собственные решения. А в 730 г. он наконец обнародовал и соответствующий эдикт — направленный против всех икон: они подлежали уничтожению, а тех подданных империи, кто выкажет неповиновение, следовало арестовывать и наказывать.

* Халка, или Халке — производное от *греч.* «халкеос» — «бронзовый, медный». — *Примеч. авт.*

** К слову сказать, этим было положено начало Венецианской республике. — *Примеч. авт.*

На Востоке наиболее тяжелый удар пришелся по монастырям, многие из которых имели у себя великолепные собрания древних икон — наряду с огромным количеством священных реликвий, которые отныне также подпадали под осуждение. Сотни монахов тайно бежали в Грецию и Италию, захватив с собой лишь те сокровища, которые можно было сокрыть под своими рясами. Другие искали пристанища в пустынях Каппадокии, где поверхностные залежи мягкого и рыхлого туфа образовывали пещеры, на протяжении уже длительного времени служившие убежищем для христианских общин, которым угрожали нашествия сарацин. На Западе папа Григорий II публично осудил иконоборчество и отправил Льву послание, в котором предлагал оставить вопросы христианской догматики в компетенции соответствующих специалистов.

Лев в ответ вознамерился поступить с Григорием так же, как Константин II поступил с папой Мартином, но корабли, посланные для ареста понтифика, пошли ко дну в Адриатике, а вскоре умер и сам папа. Его преемник Григорий III повел столь же решительный курс — издав указ об отлучении от церкви всех, кто поднимет нечестивую руку на священные реликвии. Лев ответил ему тем, что перевел Сицилийскую и Калабрийскую епархии — наряду еще со многими епархиями на Балканах — из юрисдикции римской под юрисдикцию константинопольскую. Отныне отношения между Восточной и Западной церквями были отмечены неприкрытой враждебностью.

О последнем десятилетии правления Льва мы знаем не много. Хотя 730-е годы были относительно спокойным временем для Византии, этот период, конечно, нельзя назвать счастливым и благополучным. Лев III, как и Ираклий до него, спас Западный мир, но если Ираклий стремился положить конец религиозной розни, Лев почти намеренно разжигал ее. К моменту его смерти 18 июня 741 г. империя, хотя и была надежно защищена от сарацин, оказалась настолько глубоко и безнадежно погружена во внутреннюю рознь, как никогда еще до сих пор.

Константин V, сын и наследник Льва III, был последним византийским правителем, который мог воссоединить Римскую империю. Известный под непривлекательным прозвищем Копроним (явившимся результатом конфуза, произошедшего с ним

во время крещения*), с самого детства Константин был предан идее и делу иконоборчества. Почти не приходится сомневаться, что именно по этой причине его зять Артавасд, который был намного старше Константина, предпринял против него в 742 г. внезапную атаку и провозгласил себя василевсом. Артавасд немедленно распорядился заняться восстановлением икон, которые стали вновь появляться в городе в поразительных количествах, и за шестнадцать месяцев Константинополь приобрел почти прежний вид. Но Константин вскоре взял реванш. Артавасда и обоих его сыновей подвергли публичному ослеплению, патриарх Анастасий, короновавший его, был высечен, раздет догола и провезен на осле, сидя задом наперед, вокруг ипподрома, после чего, как это ни покажется удивительным, восстановлен в своей должности. Дело в том, что Константин стремился уменьшить влияние церковной иерархии — основательно дискредитированный патриарх стал идеальной фигурой для этой цели.

Ненависть Константина к иконопочитателям теперь разгорелась еще больше, преследования по отношению к ним стали жестче, однако в иных аспектах иконоборцы были далеки от пуританства и в визуальных искусствах изображение секулярных предметов дозволялось. К примеру, во дворцовой церкви во Влахернах выложенное мозаикой изображение жизни Христа заменили пейзажем; стены патриаршего дворца несколько неуместным образом были украшены сценами скачек и охоты.

Сам Константин, бесстыдно ведущий бисексуальный образ жизни, заполнил двор молодыми фаворитами с утонченными манерами. О нем также известно, что он был превосходным арфистом. Однако император оставался глубоко религиозным человеком — монофизитом. При всех своих убеждениях ему потребовалось еще двенадцать лет, прежде чем он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы созвать собор, который должен был формально одобрить иконоборчество. Но на это мероприятие Константин не позвал представителей от александрийской, антиохийской и иерусалимской епархий, чьи патриархи выступили в защиту икон. И конечно, приглашения не были посланы в Рим. Скромное собрание, проведенное 10 февраля 754 г., не

* От греч. «копрос» — навоз, нечистоты; по словам Феофана, младенец Константин во время крещения испражнился в святой купели.

имело, таким образом, никаких разумных оснований именовать себя Вселенским. После семимесячных дебатов делегаты изложили свои выводы, которые не вызвали ни у кого удивления. По мнению иерархов, природа Христа являлась «апериграптос», то есть «неограничиваемой», и, таким образом, ее нельзя представить в виде образа в некоем конечном пространстве. Изображения Пресвятой Девы и святых отдавали языческим идолопоклонством и тоже подлежали осуждению.

Именно в подобных заключениях и нуждался император. Его указы нашли официальную церковную поддержку, иконопочитатели были отлучены от церкви. И преследования продолжились — особенно это касалось монастырей. Самой известной жертвой стал Стефан, настоятель монастыря Св. Авксентия; обвиненный во всех возможных пороках, он был забит до смерти камнями. А вообще количество монахов и монахинь, которые претерпели осмеяние, увечья и даже смерть, выступив в защиту икон, исчислялось несколькими тысячами. В частности, стратиг Фракисия повелел всем монахам и монахиням жениться, в противном случае им грозила высылка на Кипр. О нем также известно, что он поджигал бороды непокорным монахам и предавал огню целые библиотеки.

Прочем, гонение на монастыри со стороны высшей власти имело под собой не только теоретическую, но и практическую основу. За последние столетия число монашеских обителей в империи умножилось до опасной степени. Огромные области Малой Азии почти обезлюдели, особенно после эпидемии бубонной чумы в 745—747 гг., которая забрала треть населения. Появилась крайняя нужда в человеческих ресурсах — для возделывания земли, для защиты границ и, особенно, для интенсивного воспроизводства населения. Вместо этого все больше людей, как мужчин, так и женщин, делали выбор в пользу жизни, совершенно бесполезной для государства. Но Константин проиграл эту битву — вскоре после его смерти монастыри оказались заполнены так же, как и в прежние времена.

Правление Константина Копронима оказалось настолько затенено его иконоборчеством, что зачастую совершенно забывают о военных достижениях императора. Он был отважным бойцом и блестящим полководцем, из всех подданных василев-

са именно солдаты любили его больше других. Удача повернулась к нему лицом в 750 г., когда настал конец дамасской династии Омейядов. Халифат перешел в руки багдадских Аббасидов, которые были более заинтересованы в Персии и Афганистане, чем в Европе, Африке и Малой Азии. И у находившегося в Константинополе императора появилась возможность обратить свой взор на другого противника.

Речь идет о болгарах. Отныне следовавшие одна за другой болгарские военные кампании стали характерной чертой византийской жизни. Сам Константин провел не менее девяти таких кампаний; в одном из сражений, произошедшем 30 июня 763 г., он совершенно уничтожил вторгшуюся в империю армию хана Телеца — это событие император отметил триумфальным вхождением в свою столицу. В 775 г. его очередная кампания пришлось на исключительно жаркий август. Во время похода ноги императора настолько распухли, что не могли больше держать его. Из этого похода Константин так и не вернулся домой — он умер 14 сентября. Ему было пятьдесят семь лет.

К несчастью, Константин никогда не проявлял о своих западных владениях такой заботы, как о восточных. Вместо того чтобы оказывать сопротивление наступающим лангобардам, он намеренно восстановил против себя папу, а вместе с ним и подавляющее большинство его итальянской паствы — своим иконоборчеством. Каким-то образом Равеннскому экзархату удалось сохраниться в чередѣ событий 727 г., но в 751 г. Равенна оказалась все же захвачена лангобардским королем Айстульфом, и последний плацдарм империи в Северной Италии был утрачен. Рим, покинутый императором, остался беззащитным перед врагами.

Но ненадолго. К западу от Альп появилась новая мощная сила. Вождь франков Пипин Короткий сверг последнего короля династии меровингов Хильдерика, и папа Стефан II лично отправился в королевство франков, где в 754 г. помазал его на царство. За это Пипин обещал передать все бывшие имперские территории, ныне захваченные лангобардами, папству. Он оказался верен своему слову. Франкские войска ворвались в Италию и поставили Айстульфа на колени. В 756 г. Пипин провозгласил папу единственным правителем бывшего экзархата, который простирался диагональной полосой по центральной Италии,

включая в себя Равенну, Перуджу и сам Рим. Полномочия Пипина на подобные деяния, мягко говоря, вызывали сомнения, но волею судьбы этот союз с папой привел менее чем через полстолетия к появлению единственного в своем роде христианского государственного образования — не считая самого папства, — которое выступило с притязаниями, равносильными византийским. Это новое государство объявило себя «Священной Римской империей».

Константин Копроним был трижды женат, произведя на свет шестерых сыновей и дочь; самый старший из сыновей после смерти императора занял трон под именем Льва IV. Он проявил себя не таким значительным правителем, как его отец, но тут следует сделать скидку на два обстоятельства: первое — болезнь, которая свела его в могилу в тридцать один год, а второе — жена Ирина. Склонная к интригам и двуличная, снедаемая амбициями и жадной властью, она явилась источником разного рода раздоров и бед в империи. К тому же на ее счету одно из самых отвратительных убийств, которое даже для византийской истории представляет собой что-то особенное. Почему Лев выбрал ее — остается загадкой. Неизвестно, из какой она происходила семьи, а ее родные Афины к тому времени стали малозначительным провинциальным городом. Правда, Ирина была поразительно красива, но в империи имелось множество красивых женщин. Как и большинство афинян, она являлась ревностной сторонницей икон и противилась иконоборчеству и всему, что за ним стояло. Благодаря ей ссыльным монахам дозволили вернуться в монастыри, Пресвятая Дева вновь была принята в качестве предмета почитания.

Летом 780 г. Льва свалила жестокая лихорадка. Он умер 8 сентября, после него остался десятилетний сын Константин. Ирина немедленно объявила себя регентшей и в течение следующих одиннадцати лет осуществляла очень эффективное управление империей. Однако ее положение не было непоколебимым. Армия в Анатолии, в подавляющем своем большинстве стоявшая на иконоборческих позициях, немедленно подняла мятеж в поддержку одного из пяти братьев Льва, совершенно неспособных к государственному управлению. Восстание быстро подавили, его

зачинщики понесли наказание, всем пятерым братьям выбрили тонзуру, и они были насильно посвящены в духовный сан.

Поскольку все высшие посты в церкви и государстве и большинство должностей в армии все еще находились в руках иконоборцев, Ирине, казалось бы, следовало действовать очень осторожно. Но, несмотря на такой неблагоприятный расклад, а также на череду мятежей, восстаний, военных неудач как на Востоке, так и на Западе, Ирина продолжала жестко проводить свою политику. В 784 г. патриарх-иконоборец сложил с себя полномочия, и это место занял его бывший секретарь и ставленник Ирины Тарасий.

Он решил, что первым делом необходимо восстановить хорошие отношения с Римом, вследствие чего Ирина и ее сын предложили папе Адриану I послать делегатов на новый собор, который должен был отвергнуть решения предыдущего еретического собрания. Папа охотно на это согласился, и, когда в церкви Св. Апостолов 17 августа 786 г. открылся собор, где присутствовали делегаты из Рима и всех трех восточных патриархатов, решение вопроса в пользу иконопочитателей казалось гарантированным. Однако вскоре после того как делегаты заняли свои места, в помещение неожиданно ворвались солдаты и разогнали собрание иерархов. Папские легаты, глубоко потрясенные, сразу же отбыли в Рим.

Ирина и Тарасий действовали быстро. Несколько недель спустя они объявили о новом походе против сарацин. Склонные к непослушанию войска были отправлены в глубь азиатской части империи и, по прибытии туда, расформированы; их место в столице заняли заслуживающие доверия части из Вифинии. В сентябре 787 г. все же состоялся Седьмой Вселенский собор. Он прошел в том же месте, где и первый, — в соборе Св. Софии в Никее. Два папских делегата играли главенствующую роль на этом собрании. Иконоборчество было осуждено как ересь, однако иконы признавались скорее предметами почитания, чем поклонения. Для проведения последнего заседания собор переехал в Константинополь. Оно прошло во дворце Магнавра под совместным председательством Ирины и ее сына. Под постановлениями, принятыми собором, торжественно подписались они оба, и делегаты разъехались по домам.

Семнадцатилетний василевс Константин VI, естественно, являлся пока лишь номинальным главой империи, но в 790 г. Ирина допустила серьезную ошибку. Вместо того чтобы привлечь сына к более тесному участию в управлении государством, регентша издала указ, где объявляла себя первым лицом империи пожизненно. Отныне Константин стал объединяющей фигурой для всех врагов его матери, включая многих представителей старой иконоборческой гвардии. Вскоре был организован заговор против Ирины, но она вовремя узнала о нем, наказала виновных, бросила Константина в темницу и потребовала, чтобы вся армия принесла клятву верности ей лично. В Константинополе и европейских провинциях солдаты принесли клятву достаточно охотно, но в Малой Азии войска ответили категорическим отказом. Быстро начал распространяться мятеж — уже через несколько дней Константин был объявлен единственным законным правителем империи. Ставракий, главная фигура в окружении Ирины, был высечен, ему выбрили тонзуру и отправили в ссылку. Саму Ирину взяли под стражу прямо во дворце. Константин, спешно освобожденный из тюрьмы, обнаружил, что его популярность велика, как никогда прежде, а права на трон неоспоримы. Будущее принадлежало ему.

И он отказался от него. Когда в 791 г. армия халифа Гаруна аль-Рашида вторглась в восточные провинции Византии, Константин сразу же заключил с ним позорный мир — по его условиям должна была выплачиваться такая дань, какую империя едва ли могла себе позволить. Когда начался военный конфликт с болгарами, Константин показал себя совершенно бездарным и трусливым командиром, постыдно сбежав с поля боя. И в 792 г. он решил поделиться властью с матерью.

Для тайных иконоборцев в Константинополе это стало основанием для очередного заговора — на этот раз в поддержку цезаря Никифора, одного из пяти братьев Льва IV. Впервые в своей жизни Константин действовал решительно: Никифора ослепили, а остальным четверым дядьям императора отрезали языки.

К этому времени лично Константина поддерживала только одна византийская группировка — старая монашеская партия. В январе 795 г. православные ортодоксы, к своему ужасу, узнали,

что император развелся с женой Марией Амнийской, которая родила ему дочь, и собирался вступить во второй брак. Константин давно уже воспылил страстью к Феодоте, одной из придворных дам. Мария была отослана в женский монастырь, Тарасий снисходительно отнесся к разводу, и в следующий август император и Феодота венчались. Четырнадцать месяцев спустя она принесла ему сына. Монахи были возмущены всей этой историей. Они заявляли, что связь Константина с Феодотой не может считаться браком, а их ребенок — законным наследником.

Почти столько же гнева было обращено против Тарасия за то, что он допустил этот союз, хотя сам патриарх лично не совершал обряд венчания. Был ли раскрыт Тарасием тот факт, что Константин угрожал поддержать иконоборчество, если ему не будет дано разрешение на новый брак, мы не знаем, но, так или иначе, старый церковный диспут разгорелся с новой силой. Его долговременным последствием явилось углубление раскола между двумя группировками иконопочитателей: фанатиков и умеренных. Последние понимали, что империя — это не только огромный монастырь, и потому церковь и государство должны достигнуть компромисса.

Константин, потеряв в лице монахов последних сторонников, остался беззащитным перед лицом своего самого грозного врага — собственной матери. Мир между ними был весьма хрупок хотя бы потому, что Ирина являлась убежденной противницей иконоборцев, а ее сын в душе, о чем она знала, находился на их стороне. Ирина долго ждала момента, когда она сможет развернуть ситуацию в свою пользу, и решила наконец на атаку. Когда Константин ехал верхом с ипподрома во Влахерны, на него напал отряд солдат. Ему удалось вырваться, но вскоре императора снова схватили и 15 августа ему выкололи глаза. Эта операция была осуществлена особо жестоким способом — так, чтобы у Константина не осталось шанса выжить.

Поскольку сын Константина и Феодоты умер во младенчестве, у Ирины не осталось конкурентов, и она оказалась первой женщиной, единолично и по праву возглавившей империю. Именно за это положение она столь долго боролась, но шансов наслаждаться им в течение продолжительного времени у нее имелось не много — убийство собственного сына не прибавило

ей народной любви. Она пыталась искупить свое зло широко-масштабным освобождением населения от налогов, но надолго отсрочить неизбежное не смогла. Наиболее умные из числа ее приближенных презирали императрицу за то, что она надеялась столь легко купить любовь византийцев. Азиатские воинские части, в большинстве своем стоявшие на иконоборческих позициях, после совершения Ириной сыноубийства находились на грани мятежа; к тому же они чувствовали себя до крайности униженными ввиду данного императрицей обещания Гаруну аль-Рашиду увеличить дань. Реакционеры, которых ужасала сама мысль о василевсе женского пола, видели воочию осуществление своих самых кошмарных видений. Однако последующий государственный переворот был тем не менее вызван не этими причинами — возникла еще одна, оказавшаяся даже более серьезной. На Рождество 800 г. в римском соборе Св. Петра Карл, сын Пипина, был коронован папой Львом III и получил титул императора римлян, а весной 802 г. направил к Ирине послов с предложением о заключении брака.

Уже до своей коронации Карл Великий был императором по всем статьям — кроме титула. В 771 г. он стал единственным правителем франков, два года спустя занял Павию и провозгласил себя королем лангобардов. В течение следующей четверти века Карл создал государственное образование, равных которому не было со времен имперского Рима, причем осуществил это при восторженном одобрении со стороны папства. Карл и его отец Пипин преуспели там, где потерпела неудачу Византия. При том что существовавшая между Римом и Константинополем размолвка теоретически была заглажена в Никее, папу Адриана отнюдь не удовлетворяли те сообщения, которые он получал от своих представителей в Византии. Поэтому не вызывает особого удивления то, что он и его преемник Лев считали именно Карла своим надежным союзником и защитником.

Король франков уже бывал в Риме и до своей коронации — во время государственного визита в 774 г.; тогда он подтвердил, что акт дарения его отцом итальянской территории, которая стала Папской областью, остается в силе. В 800 г. у него намечались в Риме более серьезные дела. Папа Лев, которому однажды уже пришлось искать убежище при дворе Карла в Падерборне, впо-

следствии столкнулся с еще одной проблемой — серьезными обвинениями, предъявленными его врагами. В частности, он обвинялся в симонии, клятвопреступлении и прелюбодеянии. Кто, однако, имел полномочия творить суд над наместником Христа? Ранее единственной мыслимой фигурой такого рода мог быть римский император, но теперь на византийском троне восседала женщина, что, по мнению и Льва, и Карла, было не вполне легитимно. (Тот факт, что она являлась убийцей собственного сына, не волновало ни того ни другого.) Что касается Западной Европы, то тут императорский трон был вакантным.

Карл хорошо осознавал, что обладает не большими полномочиями, чем Ирина, слушать папское дело в соборе Св. Петра, но знал также и то, что до тех пор, пока обвинения не опровергнуты, христианский мир будет лишен и папы, и императора. Мы не знаем, какой характер носили предъявленные папой свидетельства, но 23 декабря он торжественно поклялся, что невиновен по всем пунктам обвинений, выдвинутых против него, и собравшийся синод вместе с Карлом оправдал его. А два дня спустя Лев возложил на голову Карла императорскую корону. Это означало, что по прошествии более чем 300 лет в Западной Европе вновь появился император.

Почему папа действовал таким образом? В это время отсутствовал император как таковой. И вдруг у папы под рукой оказался человек, который, являясь защитником христианства и выдающимся государственным деятелем, обладая прекрасными физическими данными и располагая обширными владениями, был на три головы выше своих современников. Почему бы и не облагодетельствовать такую замечательную личность, а заодно и всех христиан? Но Лев этим коронованием позаботился еще и о папском престоле, наделив его весьма существенной привилегией — правом официально возводить на трон императора римлян. Ни один понтифик до сих пор не притязал на такую великую честь. Причем в результате подобной процедуры папа становился фигурой, даже более значимой, чем сам император.

Какой же юридической нормой руководствовался понтифик, совершая этот беспрецедентный шаг? Он опирался на так называемый «Константинов дар». Будто бы Константин Великий в свое время удалился от дел, оставив императорскую корону папе,

дабы он возложил ее на того, кого сочтет достойным. Оформленный документально, этот стопроцентно фальшивый дарственный акт использовался папами римскими для повышения собственного статуса на протяжении нескольких столетий.

Карл, со своей стороны, не хотел быть ничем обязанным папе, и в любой другой ситуации он почти наверняка отказался бы от короны, принятой из рук Льва. Но теперь, в этот критический момент истории, Карл понял, что у него появился шанс, которого могло больше никогда не быть. Ирина в своем положении императрицы и вдовы представляла собой вполне достойную кандидатуру для венчания, к тому же она была и просто красивой женщиной. Если бы он только смог убедить ее стать его женой, все имперские территории Востока и Запада объединились бы под одной короной — его собственной.

Византийцы же смотрели на вещи несколько иначе. Для них коронация Карла явилась не только актом поразительной самонадеянности и папы, и самого франкского короля, но и настоящим кошунством. Римская империя, согласно представлению византийцев, держалась на двойном основании: на римской власти и на христианской вере. Как на небе был только один Бог, на земле мог быть только один верховный правитель. Более того, в отличие от западных народов у византийцев не было Салического закона*, в котором отрицается право женщин на престол. В Константинополе ненавидели свою императрицу, но никогда не подвергали сомнению законность ее пребывания на троне. Тем большей была встревоженность византийцев, когда они осознали, что Ирину не только не отталкивает идея брака с неграмотным варваром, но она даже готова принять его предложение.

В 802 г., когда послы Карла прибыли в Константинополь, Византия была в плачевном состоянии. Подданные Ирины презирали ее, советники императрицы грызлись друг с другом, казна была истощена. Сама Ирина уже мало сомневалась в том, что очередной заговор против нее будет успешным. И вдруг появился шанс на спасение. Для нее не имело большого значения, что проситель ее руки являлся, согласно византийскому общественному мнению, авантюристом, варваром и еретиком. Выйдя за

* Салический закон — правовой кодекс салических (приморских) франков.

него замуж, она не только бы спасала единство империи, но и собственную шкуру.

Но этому не суждено было случиться. Подданные императрицы не имели намерения чествовать грубого франка, носившего ярко-красные гамашы со смешными подвязками, говорившего на непонятном языке и неспособного даже поставить свою подпись, кроме как прочертив ее по трафарету через пластину (подобно тому, как это делал Теодорих три столетия назад). В последний день октября 802 г. группа высокопоставленных чиновников организовала собрание на ипподроме и объявила Ирину низложенной. Она приняла поражение с императорским достоинством. Ирину сослали на остров Лесбос, и год спустя она умерла.

Хотя империя была спасена от дальнейшего унижения, произошло немыслимое: самоуверенный вождь варварского племени стал называть себя императором, и его короновал папа римский. Отныне будут существовать две империи, а не одна. Старый порядок ушел в прошлое. Христианскому миру уже не суждено было вернуться к нему.

ЧАСТЬ II

АПОГЕЙ

10

Восстановленные иконы (802—856)

Новым императором Византии стал лидер восстания, низвергнувшего Ирину, — бывший логофет казны, взявший себе имя Никифор I. К несчастью, он вызывал чувство ненависти у монаха-хрониста Феофана, который является нашим единственным и достаточно надежным в прочих отношениях источником касательно данного периода; таким образом, на протяжении многих веков фигура Никифора получала негативное освещение. На самом же деле мало было в империи людей, подготовленных лучше, чем он, для управления государством. Установленное Ириной освобождение от налогов он отменил; резко возросли и другие подати. Никифор постарался навести порядок в кредитной сфере и взять ее под имперский контроль — так, судовладельцам было позволено брать ссуды только у государства при твердой ставке в 17 процентов годовых. Отношения с клиром у нового императора не сложились. Он предписал провинциальным чиновникам обращаться с епископами «как с рабами»; по отношению к монастырям Никифор выказывал еще большее презрение, чем Лев III и Константин V (отсюда гнев Феофана), ставя в обителях войска на постой, производя конфискацию монастырского имущества без компенсации и вводя подушный налог на монахов и монастырских работников. В скором времени экономика страны стала базироваться уже на гораздо более прочной основе, чем это было на протяжении многих предшествующих лет.

Укрепив устои империи, Никифор написал халифу письмо, информируя его, что более не будет выплачивать ему дань. В

ответ Гарун аль-Рашид немедленно начал военные действия, последствия которых оказались еще более разрушительными, когда в 803 г. византийский военачальник Вардан Турок неожиданно поднял мятеж и провозгласил себя императором. Мятеж был подавлен, однако сарацины за это время захватили значительные имперские территории. Гарун умер в 809 г., но к тому моменту у Византии уже появилось два других фронта. Первый проходил через регион, ныне известный нам как Греция. В VI в. его заняли славяне, и с этого времени указы императора там почти не имели силы. К счастью, переселенцы не доставляли каких-то особых проблем, но рост славянского влияния в перспективе представлял серьезную опасность. Поэтому в 805 г. Никифор решил осуществить масштабное переселение: он стал свозить на Пелопоннес греков со всей империи, а с ними явилась и христианская религия — до того славяне еще не были обращены в христианство. Эта программа по переселению была осуществлена принудительными мерами, что являлось обычным делом для того времени, и надо сказать, что без такой масштабной акции история Балкан стала бы совсем другой.

В это же десятилетие началось восхождение Крума, самого грозного из всех когда-либо появлявшихся предводителей болгар. Сначала он уничтожил аваров, потом, в 807 г., объединил болгар из бассейна Дуная с болгарами из Трансильвании, сплотив их в единый народ. В конце 808 г. Крум уничтожил византийскую армию у реки Стримон, а шесть месяцев спустя хитрым образом проник в Софию, перебив там весь гарнизон.

Империя не могла на это не отреагировать. Выступив из столицы во главе единой армии, Никифор за несколько переходов достиг болгарской столицы Плиски — обнаружив ее практически незащищенной. Деревянный дворец хана византийцы сожгли дотла. Дойдя затем до Софии, Никифор отстроил там крепость, после чего вернулся в Константинополь.

Весь 810 г. император провел в приготовлениях к решающей кампании против Крума. Со времени смерти Гаруна на восточной границе было все спокойно, и потому воинские части азиатских фем могли примкнуть к европейским соединениям. В мае 811 г. огромное войско выступило из Золотых ворот — с императором и его сыном Ставракием во главе. Никифор вновь опустошил

Плиску, не щадя ни женщин, ни детей; тотальной резне было подвергнуто все население города.

24 июля, продолжая преследовать Крума, он повел армию через горное ущелье. Болгары увидели здесь свой шанс: этой же ночью они заблокировали теснину с обеих сторон массивным деревянным частоколом. Когда рассвело, Никифор осознал, что попал в западню. Большая часть его армии была разбита наголову. Из числа тех, кто уцелел в бою, одни погибли в огне, когда болгары подожгли частокол, другие были раздавлены искусственно вызванными оползнями. Некоторым — в основном кавалеристам — все же удалось вырваться из этой западни, но, преследуемые болгарскими всадниками, они были загнаны в местную реку. Многие утонули. Ставракий, с перебитым позвоночником, был увезен в Константинополь. Что касается Никифора, то болгары нашли его тело и доставили в свой лагерь. Его голова была отрезана и насажена на кол. Позднее Крум вставил череп императора в серебряную оправу и всю оставшуюся жизнь использовал его как чашу.

Византийцы никогда не любили Никифора, но весть о его смерти заставила их испытать глубокое унижение. Теперь империи был нужен новый сильный лидер, способный восстановить армию и вступить в конструктивные переговоры с Карлом Великим, чьи требования о признании его императорского статуса становились все настойчивее. Но от Ставракия, находящегося в состоянии паралича и испытывающего постоянные приступы боли, никто ничего не ожидал. Поскольку он был бездетным, ему предложили отречься от престола в пользу единственного своего родственника мужского пола — зятя Михаила Рангаве, чье почти чудесное спасение в той роковой битве с болгарами предполагало особую божественную благосклонность к нему. И 2 октября 811 г. Михаила короновали как василевса. Ставракия же выбрали тонзуру, и он был отослан в монастырь, где умер три месяца спустя.

Михаил I явил себя не тем императором, на которого надеялись его подданные. Слабовольный и легковнушаемый, он оказался марионеткой, которой мог управлять любой, кто взял в свои руки нити. Главными манипуляторами здесь выступили

два ведущих церковника того времени: Никифор, патриарх Константинопольский, и Феодор, настоятель Студийского монастыря. Никифор, как и его предшественник Тарасий, ранее являлся государственным служащим. Это был человек значительных способностей, искренне преданный вере и стойкий иконопочитатель. Однако он стал объектом ненависти со стороны экстремистской монашеской партии, возглавляемой Феодором Студитом. Последний, благодаря своей громадной энергии и личному магнетизму добился привилегированного положения при дворе и стал оказывать огромное влияние на императора, который консультировался с ним по всем вопросам — как религиозным, так и светским.

К моменту восшествия Михаила на престол имперские послы уже несколько месяцев находились при дворе Карла в Аахене и достигли предварительного соглашения с ним по всем основным вопросам. Но прошел еще год, прежде чем новые посланники, представлявшие Михаила, отправились в Аахен, с тем чтобы провозгласить Карла императором, и только через три года договор был наконец ратифицирован. Тем не менее нет никаких сомнений, что инициатором этого соглашения являлся Никифор.

Возможно, поразмыслив, византийцы сочли, что признать Карла императором Запада не такая уж плохая идея. Константинополь мог считаться Новым Римом, но был по всем статьям греческим городом. Он не имел ничего общего с новой Европой, которая образовывалась за Адриатикой, и не обладал сколько-нибудь реальной властью в тех регионах. Именно Аахен, а не Византия, восстановил Римскую империю на Западе. Византийцы по-прежнему считали, что она должна оставаться единой и обоим императорам не следует ее делить. А до тех пор пока они оставались в хороших отношениях, их союз мог придать империи новую силу. К тому же Карл Великий предложил великолепные условия договора. Он отказывался от всех притязаний на Венецию и ее провинцию, а также на Истрию и побережье Далмации. Все, что он просил, — это признание его императорского статуса и права именовать себя василевсом в официальных документах. В теории это означало, что он и его наследники становились равнозначными византийскому императору с правом престоло-

наследия, однако вопрос о том, была ли подобная интерпретация всецело принята византийцами, остается открытым. Но на деле все эти тонкости значения не имели, поскольку империя Карла Великого вскоре распалась. Но это не умаляет важности вышеозначенного договора. Он зафиксировал — впервые — признание двух одновременно правящих римских императоров, которые, будучи совершенно независимыми друг от друга, проводят собственные политические линии, в то же время признавая и уважая притязания параллельной стороны. Подобная ситуация создавала матрицу, в которую позднее суждено было отлиться средневековой Европе.

Ставракий оказался прав, когда противился восшествию на престол Михаила Рангаве. Его расточительность доходила почти до безумия. Особенно огромные суммы он тратил на церкви и монастыри. И как раз в это время империя крайне нуждалась в деньгах. Весной 812 г. Крум захватил Девелт, византийский город на Черном море, и увел с собой всех его жителей, включая местного епископа. В июне Михаил выступил в поход против Крума, но в только что рекрутированной византийской армии произошел мятеж и император был вынужден вернуться.

Следующей целью Крума стала Месембрия, один из богатейших портов на Балканах. Когда началась осада города, патриарх Никифор провел молебен о божественном заступничестве в константинопольской церкви Св. Апостолов. Посреди службы часть прихожан неожиданно обступила огромную мраморную гробницу Константина V, моля мертвого императора восстать и повести их, как это столь часто бывало в прошлом, к победе. Поскольку Константин был иконоборцем, а при трех его преемниках-иконопочитателях империя раз за разом терпела унижительные поражения, напрашивается вывод, что маятник может качнуться в обратную сторону.

5 ноября 812 г. Месембрия пала. Михаил теперь попросту был вынужден вновь идти против Крума. На протяжении зимы василевс собирал войска со всех уголков империи, а в мае 813 г. выступил в поход. В следующем месяце на поле вблизи городка Версиникия, находящегося в окрестностях Адрианополя, армии встали друг против друга, а 22 июня Иоанн Аплак, имперский командир македонцев на левом фланге, двинул своих людей в

атаку. Болгары в смятении отступили, и в течение какого-то времени ситуация выглядела так, словно византийцы выиграли сражение, толком и не начав его. Но потом произошла удивительная вещь: анатолийские отряды на правом фланге, которыми командовал армянский военачальник Лев, неожиданно покинули поле боя. Сначала, как повествуют хронисты, Крум не мог поверить собственным глазам, но потом со своим отрядом набросился на македонцев и учинил настоящую резню.

Теперь между болгарами и Константинополем не было преграды. 17 июля они разбили лагерь под самыми стенами города. Однако к этому времени Михаил Рангаве уже не был императором. Вновь оставшись совершенно невредимым во время битвы, он помчался назад, в Константинополь, и сообщил патриарху о намерении отречься. Михаил, императрица и пятеро их детей нашли себе прибежище в одной из церквей, где находились до тех пор, пока не получили гарантии безопасности. Им были сохранены жизни, однако мальчиков кастрировали, чтобы предотвратить их притязания на власть, а жену Михаила Прокопию и дочерей заточили в монастырях. Сам Михаил, взяв монашеское имя Афанасий, удалился в монастырь на одном из островов в Мраморном море, где умер в 845 г., а армянский полководец Лев, виновник поражения в битве византийских войск при Версиникии, въехал в Константинополь через Золотые ворота и с триумфом вступил в императорский дворец.

Что же в действительности произошло в том злосчастном сражении императора Михаила с болгарским ханом? Единственное разумное объяснение — предательство. Видимая трусость анатолийцев, по-видимому, была симуляцией — дабы вызвать затем настоящую панику в византийском войске. Что касается командира анатолийцев, то он, не покинув поле боя, спас свою личную репутацию и заработал себе корону. А сам Крум? Болгары неизменно избегали тщательно подготовленных сражений на открытой равнине; почему же их хитрый хан неожиданно отбросил апробированную тактику и выстроил свои полки перед значительно превосходящей их по силе армией? А когда анатолийцы бросились бежать, было ли именно изумление причиной его ступора, который позволил им скрыться из виду, прежде чем Крум приступил к резне храбрых македонцев?

Болгарский хан мог теперь окинуть взглядом шесть предшествующих лет, ознаменовавшихся серьезными достижениями. Он был ответствен за смерть двух ромейских императоров; он наголову разгромил две имперские армии. Однако сейчас Крум вряд ли рассчитывал на военный успех: он знал, что стены Константинополя взять приступом невозможно. Поэтому — в отсутствие какой-либо реакции из осажденного города — хан потребовал в качестве платы за снятие осады огромное количество золота, сундуки, полные роскошных одежд, и самых красивых византийских девушек.

Лев в ответ предложил встречу — в том месте, где северная оконечность стен нисходит к Золотому Рогу. Он прибудет туда по воде, Крум — по суше; оба должны быть без оружия, как и их свита.

Хан принял предложение и приехал в назначенное место. К нему присоединились император и его придворный чиновник по имени Гексабулий. Переговоры шли гладко, и вдруг Гексабулий сделал некий странный жест. Крум, осознав, что это условный сигнал, вскочил на коня — и как раз вовремя: трое вооруженных людей выскочили из потаенного места. Когда Крум уже уносился на коне, он был легко ранен дротиками, что лишь раззадорило его ярость, вызванную таким предательским поведением.

Его месть последовала на следующий день. Болгары не имели возможности проникнуть за городские стены, но окрестности Константинополя за Золотым Рогом — со всеми церквями, дворцами и монастырями — были истреблены огромным пожаром. Всех, кто не погиб в огне, безжалостно убили. Вдоль дороги, ведущей на запад, по которой выехал направившийся домой Крум, вся местность подверглась подобной же участи. Загородный дворец в Евдоме* сровняли с землей, Силимврию** превратили в горсть пепла. Уничтожались целые семьи — мужчины предавались мечу, женщины и дети увозились в рабство. Затем Крум повернул на север, к Адрианополю. Его брат уже на протяжении нескольких недель осаждал город, продовольствие у его жителей заканчивалось, и прибытие хана с основными силами болгарской армии совершенно подорвало боевой дух горожан.

* Евдом — район Константинополя и часть пригорода столицы.

** Силимврия — город на фракийском побережье Черного моря.

Все 10 000 адрианопольцев были увезены за Дунай, где многие, включая архиепископа, приняли мученическую смерть.

Но империя сопротивлялась — и ярость Крума была велика, когда осенью до него дошли сообщения о внезапном нападении византийцев на болгарскую армию вблизи Месембрии. Оно было спланировано и осуществлено лично императором. Он застиг болгар врасплох и учинил резню, в которой погибло множество людей. После этого император продвинулся в глубь вражеской территории, где его солдаты, пощадив взрослое население, начали хватать всех детей, каких только могли найти, разбив им потом головы о скалы. И хан тогда принял решение: какими бы неприступными ни казались стены византийской столицы, он сокрушит их, а вместе с ними и саму Византию.

К началу весны 814 г. столица полнилась слухами о приготовлениях болгарских войск: о приставных лестницах и стенобитных орудиях; об осадных машинах в виде башен и катапультах, способных метать огромные валуны в стены и тлеющие головни поверх стен. Византийцы, не щадя сил, работали над укреплением оборонительных сооружений, но спасение пришло с другой стороны. 13 апреля 814 г., как раз в тот день, когда новое ханское войско было готово выступить на Константинополь, Крума хватил апоплексический удар и через несколько минут его не стало.

Мир снизошел на империю. У молодого сына Крума Омортага возникли серьезные проблемы с болгарской аристократией. Подобный же кризис власти в Багдаде связал руки халифу Мамуну. На Западе было все спокойно. Лев наконец обрел возможность сделать решительный шаг, за который — более чем за какие-либо другие — его продолжают помнить.

О внешности императора Льва V нам известно мало, о его характере мы можем сделать значительно более детальные заключения. На первое место следует поставить его всепоглощающие амбиции. Свою карьеру Лев начал, занимая весьма скромное положение в обществе, и во власть он поднялся благодаря лишь собственным усилиям. Наличие у него мужества и лидерских качеств не подлежит сомнению, однако болгарская экспедиция 813 г. свидетельствует о присущей его натуре звериной жестокости. Также надо отметить, что он был армянином, а этот народ славится острым умом, изобретательностью и хитростью.

Свой ум Лев в полной мере проявил в 814 г., когда решил вновь утвердить в империи иконоборчество. Причины, по которым он пошел на этот шаг, коренным образом отличались от тех, что лежали в основе действий его тезки — Льва III. Тот действительно верил, что он руководствуется волей Бога, а вот подход Льва V был чисто прагматическим. К тому времени город был полон мелких землевладельцев, ныне пребывавших в крайней нужде — их лишили собственности и изгнали с родной земли вторгшиеся в восточные провинции сарацины. Во время войны с болгарами они оказались достаточно полезными для государства, однако с наступлением мира им пришлось вновь заняться, по сути, попрошайничеством. Будучи уроженцами Востока, почти все эти люди были иконоборцами и в свое время, естественно, возмущались религиозной политикой Ирины, а заодно обвиняли ее во всех несчастьях.

И вот в 814 г. стали заявлять о себе в полный голос адепты иконоборчества, причем волнения были ощутимы не только в среде недовольных отставных солдат, но и в зажиточных классах, и в высших эшелонах армии. Игнорировать эти грозные предвестники бури император, конечно, не мог. То есть Лев разработал свой план действий, главным образом, для сохранения мира внутри страны; исповедания стояли для него на втором плане. Первым шагом императора стало назначение специальной комиссии, которой было предписано провести тщательное изучение Священного Писания и работ, относящихся к области патристики, с тем чтобы найти там аргументы в пользу иконоборчества. Ее председателем он назначил блестящего молодого армянина Иоанна Грамматика, известного своей ученостью, а его заместителем — епископа Антония Силлейского, старого греховодника, который во время работы данной комиссии в основном занимался тем, что рассказывал ее членам многочисленные истории скабрёзного характера.

В декабре император, вооруженный докладом комиссии, вызвал патриарха Никифора во дворец. Лев сначала предложил «доставить удовлетворение солдатам» — убрать только те иконы, которые висят на стенах достаточно низко, однако патриарх отказался это сделать. И тогда, проявив типичную для него хитрость, Лев приступил к выполнению остальных пунктов своего

плана. В качестве первой жертвы он наметил огромный образ Христа над Халкой, сброшенный Львом III в 726 г. и впоследствии возвращенный на место Ириной. Отряд солдат должен был поднять вблизи Халки шум и волнения, в ходе которых на святой образ извергались бы проклятия и брань; потом император как бы случайно прибывает на место происшествия и распоряжается убрать икону, с тем чтобы спасти ее от дальнейшего осквернения.

Операция прошла по плану. Затем ранним рождественским утром патриарх получил новую аудиенцию у Льва. Император мягким тоном уверил патриарха, что не собирался осуществлять никаких доктринальных изменений, а на рождественской литургии в соборе Св. Софии он показательно преклонился перед изображением Рождества. Однако менее чем через две недели, во время праздновании Крещения, было замечено, что Лев на этот раз не засвидетельствовал подобного почтения к образам. Несколько дней спустя он вновь вызвал Никифора, но тот теперь пришел не один. Вместе с ним явилась большая группа преданных ему людей, включая настоятеля одного из православных монастырей Феодора, который раньше был врагом патриарха, теперь же твердо стоял на его позициях. Во время встречи Феодор открыто выказал неповиновение императору; вскоре после этого Никифор был помещен под неофициальный домашний арест и таким образом огражден от исполнения должностных обязанностей.

На Пасху собрание, получившее именование Всеобщего синода, куда, однако, значительная часть епископов-иконопочитателей не получила приглашения, — состоялось в соборе Св. Софии. К этому времени патриарх заболел; не имея возможности присутствовать на собрании, он был смещен *in absentia**. На его место император назначил — что знаменательно — родственника Константина V по имени Феодот Касситер. Несомненно, новый патриарх был иконоборцем, но оказался совершенно неспособен руководить синодом. Долгое время Феодот не мог навести на собрании элементарный порядок, и страсти совершенно накалились. Патриарх вышел из себя, и к несчастным священнослужителям было применено физическое воздействие: их повалили на

* *In absentia* — в отсутствие (лат.).

пол, избили, заодно основательно оплевали. Только тогда делегаты утихомирились, и с этого момента уже ходили по струнке.

И вот в 815 г. был издан эдикт василевса, направленный против икон. Вновь в империи было утверждено иконоборчество, его активные адепты успокоились, и в то же время на всех границах установился мир — так что Лев V мог поздравить себя с отличными результатами своей деятельности. Он не принял никаких строгих мер по отношению к большинству иконопочитателей, отказавшихся соблюдать новые церковные правила. Но несколько самых громогласных его оппонентов были наказаны: к примеру, уже упоминавшийся Феодор, признанный лидер иконопочитателей, последовательно сменил три тюрьмы. Тот, впрочем, вел себя уж чересчур вызывающе: в Вербное воскресенье Феодор велел своим монахам совершить крестный ход вокруг монастыря, подняв иконы вверх на вытянутых руках — так чтобы их видели за стенами монастыря. Большинство же иконопочитателей справедливо полагали: если они не будут провоцировать власти, то могут, как и прежде, молиться на образа.

Приоритетными вопросами для Льва были государственная безопасность и общественный порядок. Однако неизбежным образом эдикт 815 г. вызвал новую войну разрушений и бесчинств. Отныне любой человек в любое время мог разбить священный образ, не опасаясь понести наказание. Ризы с изображениями Христа, Богородицы и святых разрывались в клочья и растаптывались. Расписанные доски пачкались экскрементами, разбивались топорами и сжигались на площадях. Культурный ущерб от иконоборчества был огромен. И если мы сопоставим поразительное качество и совершенно мизерное количество сохранившихся предметов византийского искусства, то осознаем, какие огромные потери понесло человечество.

С самого начала карьеры Лев тесно дружил со своим однополчанином по имени Михаил — грубовато-прямодушным провинциалом из фригийского города Аморий. Он был низкого происхождения, неграмотен, страдал заиканием. Когда Лев с триумфом, на коне, въехал в императорский дворец, аморец следовал непосредственно за ним. Здесь имел место неприятный случай: когда они оба спешили, Михаил случайно наступил на

мантию императора, которая едва удерживалась на его плечах. Лев считал это дурной приметой и назначил старого приятеля начальником экскувитов — дворцовой стражи. И вдруг осенью 820 г. до императора дошли слухи, что Михаил занимается подстрекательством к мятежу, а в канун Рождества был раскрыт заговор, несомненным зачинщиком которого являлся начальник экскувитов Михаил. Лев вызвал к себе аморийца и представил ему собранные свидетельства, Михаил признал свою вину, и император велел бросить его в огромную печь, обогревавшую купальни дворца. Этот ужасный приговор, несомненно, был бы приведен в исполнение, если бы не жена Льва Феодосия. Она указала императору, что, причастившись на Рождество, он не может совершать такое ужасное деяние. Аргумент жены оказался Льву убедительным, и он отменил свой приказ. Осужденного заковали в кандалы и заключили под замок в дальнем углу дворца, к нему была приставлена постоянная стража. Лев взял ключи от комнаты узника, после чего, пребывая в состоянии смутного, но глубокого беспокойства, лег в постель.

Однако он никак не мог заснуть. Повинуясь неожиданному импульсу, император вскочил, схватил свечу и поспешил вниз по запутанным коридорам — к камере Михаила, где он обнаружил крепко спящего на полу тюремщика; узник лежал на нарах и, по всей видимости, тоже спал. Тогда Лев тихо удалился, не заметив, что в камере находился еще один человек. Михаил при аресте ухитрился забрать с собой одного из самых приближенных своих слуг, который, заслышав шаги, спрятался под нары. Слуга не мог видеть лица вошедшего, но идентифицировал его по пурпурным ботинкам, которые носил только василевс. Когда Лев ушел, слуга разбудил своего хозяина и тюремщика, и тот, осознав, что ему теперь грозит опасность со всех сторон, согласился помочь узнику. Объявив, что Михаил хочет исповедаться в своих грехах перед казнью, надзиратель послал другого верного слугу аморийца в город, якобы для того, чтобы пригласить священника, но на самом деле оповестить сообщников Михаила, которым надлежало устроить для него побег в самую последнюю минуту.

Вскоре был разработан план. Традиционно на большие церковные праздники в ранние часы у Слоновых ворот дворца собирался хор монахов, после чего все следовали в часовню Св.

Стефана. Задолго до того, как в это рождественское утро начало рассветать, заговорщики облачились в монашеские рясы, надвинули поглубже куколи, стараясь затенить лица, присоединились к хористам, и все с ними вместе двинулись во дворец. Оказавшись внутри часовни, мятежники расположились в неприятном месте. Первый гимн знаменовал прибытие императора, который присоединился к хору. И на Льве, и на совершавшем службу священнике в тот момент были шерстяные скуфьи, призванные защитить их головы от сильного холода, что поначалу сбило с толку убийц, и первый удар принял на себя священнослужитель. Эта ошибка позволила императору выиграть немного времени — он схватил тяжелый крест, пытаясь защитить себя. Но уже в следующее мгновение меч отсек ему правую руку по плечо — та, кровоточа, упала на пол, все еще продолжая сжимать крест. Второй удар снес императору голову.

Убийцы, поспешив к камере Михаила, обнаружили, что они не могут отомкнуть его кандалы, но это не смутило их: новый император Византии был отнесен на трон и посажен на него с тяжелыми железными цепями на ногах. Только к полудню прибыл кузнец с кувалдой и зубилом, и вскоре началась коронация в соборе Св. Софии, куда Михаил явился прихрамывая.

Останки Льва V извлекли из общественной уборной, куда их на время поместили, и в обнаженном виде поволокли на ипподром, где выставили на всеобщее обозрение. Оттуда тело на муле отвезли в гавань, где уже находились императрица и четверо ее сыновей. Всю императорскую семью погрузили на корабль, который доставил ее в место ссылки — на Принцевы острова. Здесь мальчиков ждало еще одно мрачное известие: новый император повелел их всех кастрировать.

Разумеется, не только Михаил II прокладывал путь к византийскому трону, запачкав руки кровью, — так поступали и многие другие императоры. Однако ни один из них не отправлял своего предшественника в мир иной более хладнокровно и имея на то столь малые основания. Правление Льва было далеко не идеальным, но он многое сделал для благополучия империи, и если бы его жизнь не прервалась, продолжал бы руководить твердо и уверенно. Михаил не мог оправдать свершившееся убийство ни управленческой некомпетентностью прежнего ва-

силевса, ни религиозными расхождениями с ним, поскольку разделял иконоборческие взгляды Льва. Новым императором руководили только амбиции.

Жители Константинополя прекрасно это понимали, посмеиваясь над хамским стилем и плебейскими манерами нового императора. Однако на посту руководителя страны он проявил себя намного лучше, чем от него ждали, и правление Михаила отмечено не столько глупостью и жестокостью, сколько отчетливо выраженным здравым смыслом. К числу разумных деяний следует отнести и произведение его семнадцатилетнего сына Феофила в правители. Император Михаил стал уже седьмым василевсом за последние четверть века, причем двое из числа его ближайших предшественников были низложены, двое погибли на поле сражения и еще двоих убили в результате нападения. И новый правитель хорошо осознавал, что империя ни в чем другом не нуждалась столь сильно, как в стабильности, — коронация Феофила явилась первым шагом в этом направлении. Но — опять-таки в целях стабильности — молодому соправителю также нужно было произвести на свет наследника и юношу обвенчали с поразительно красивой уроженкой Пафлагонии по имени Феофора.

К этому моменту империя столкнулась с новой угрозой — на сей раз со стороны офицера-авантюриста, известного под именем Фома Славянин. При жизни Льва, доверившего Фоме высокий военный пост, Славянин не доставлял государству никаких проблем. Но как только трон перешел к давнему противнику Льва Михаилу, Фома начал готовить мятеж. На Востоке он объявил себя императором Константином VI (ему, мол, удалось чудесным образом избежать ослепления, к которому его приговорила мать Ирина), и Фома даже организовал церемонию своей коронации в захваченной мусульманами Антиохии. На Западе он повел жесткую антииконаборческую линию, которая, по его расчетам, должна была обеспечить ему значительную поддержку. Везде он выставлял себя защитником бедных, всех тех, кто страдал от высоких налогов и коррупции чиновников. Фома имел уже достаточно солидный, внушающий уважение возраст, а его обаяние и учтивость, явно контрастировавшие с неуместной резкостью Михаила, неотразимо действовали на окружающих. Последние,

конечно, не могли знать, что Фома пользовался значительной финансовой поддержкой халифа Мамуна, которому Славянин, вероятно, пообещал в случае своего успеха сделать Византию халифатским леном.

Этот сложный, обидчивый, однако обладавший явной харизмой человек начал атаку на империю весной 821 г., а уже через несколько месяцев лишь две фемы в Малой Азии продолжали сохранять верность Михаилу. И тогда, понимая, что практически вся Византия, от Арарата до Эгейского моря, лежит у его ног, Фома переправился во Фракию и начал осаду Константинополя. Но жители столицы сопротивлялись со свойственным им мужеством, ее стены, как это случалось уже много раз, оказались неприступны, а осадные устройства Фомы не смогли соперничать с катапультами и баллистами, выставленными Михаилом вдоль крепостных валов. На море Фоме в целом удалось одержать победу над имперским флотом, выстроенным вдоль анатолийского побережья, но яростные зимние ветры не позволили кораблям мятежников нанести серьезный урон противнику. Ко времени наступления второй зимы за период восстания Фома не одержал еще ни одной крупной военной победы.

Создавшаяся патовая ситуация могла бы продолжаться неопределенно долго, если бы не сын Крума Омортаг, который, заключив с империей тридцатилетний мир, оказал Михаилу вооруженную поддержку. В марте 823 г. болгарская орда устремилась на византийскую территорию, и несколько недель спустя на равнине Кедуктос, вблизи Гераклеи, разбила повстанческую армию в пух и прах. Последняя уже совершенно не имела сил сопротивляться, когда император выехал из столицы со своей собственной армией, чтобы поставить точку в затянувшемся восстании. Фома попытался применить апробированную веками тактику мнимого бегства, но, когда настал момент повернуть и атаковать врага, повстанческое войско не подчинилось своему командиру и сложило оружие. Фоме с горсткой приспешников удалось спастись, он бежал в Аркадиополь и там забаррикадировался.

Теперь роли поменялись: Михаил выступил в роли осаждающего, а Фома — осажденного. Фома продержался все лето, но в октябре, когда его воинам приходилось уже есть гниющие

трупы лошадей, стало ясно, что более они сопротивляться не в состоянии. Император направил находившимся в городе солдатам послание, в котором обещал им помилование в том случае, если они выдадут своего лидера. Не желая всеобщей бойни, повстанцы согласились.

Перед императором Фома предстал закованным в цепи, его грубо толкнули, и он упал. Михаил, поставив ногу в пурпурном ботинке на шею инсургенту, произнес приговор: осужденному следовало отрубить руки и ноги, после чего тело посадить на кол. Приговор был приведен в исполнение прямо на месте. К началу 824 г. самому серьезному восстанию за всю византийскую историю пришел конец.

Однако того же нельзя было сказать о невзгодах Михаила II. В 825 г. в имперские воды вошло множество арабских кораблей, на которых находились 10 000 вооруженных мусульманских беженцев, изгнанных из Андалусии несколькими годами ранее. Они заняли Александрию в 818 г., но, будучи изгнаны оттуда халифом Мамуном семь лет спустя, направились на Крит, где основали город Кандию, который с той поры стал бессменной столицей острова. Арабы насильно насаждали на Крите ислам и обращали в рабство местных жителей. С той поры Крит стал пиратским гнездом, и ни один остров, и ни одна гавань в Восточном Средиземноморье не могли чувствовать себя в безопасности. Кандия же стала самым большим рынком работорговли того времени. С 827 по 829 г. Михаил II направил туда одну за другой три экспедиции, но только усилиями его преемников Византия восстановила свой контроль над островом.

Не прошло и двух лет со времени оккупации Крита, как другой арабский отряд высадился на Сицилии. На этот раз, однако, арабы прибыли по приглашению — явившись поддержать Евфимия, бывшего византийского адмирала, который был смещен со своего поста за то, что силой заставил одну приглянувшуюся ему монахиню вступить с ним в брак. Вероятно, исходя из известного постулата: нападение есть лучший вид обороны, — он поднял восстание, обратившись за помощью к кайруанскому* эмиру. И

* Кайруанский эмират, столицей которого являлся город Кайруан, находился в Северной Африке, на территории современного Туниса.

вот в июне 827 г. арабская флотилия, состоявшая примерно из 100 судов, подошла к Сицилии. У мятежников дела пошли не очень успешно — Евфимий вскоре был убит, но вооруженному противостоянию между христианами и сарацинами, которое до сих пор изображается в традиционных кукольных представлениях в Палермо, — суждено было продлиться еще полстолетия.

Между тем выяснилось, что Сицилия является еще более стратегически выгодной и удобной военной базой, чем Крит: используя ее, армии пророка прошли через Мессинский пролив, заняли Калабрию, значительную часть Апулии, даже пересекли Адриатическое море и высадились на южном побережье Далмации. Император и его преемники делали все, что было в их силах, но имперскому флоту никак не удавалось одновременно вести успешные действия и у берегов Крита, и у побережья Сицилии.

Равно как и его предшественник, Михаил II не влезал в теологические дебри. Вообще же этот император тоже был иконоборцем; как Михаил сам указывал, он ни разу в жизни не молился ни на одну икону. Но Михаил не был фанатиком. После восшествия на престол он освободил и вернул на родину всех иконопочитателей, приговоренных к тюремному заключению или изгнанию, — включая, конечно, и Феодора Студита, который немедленно возобновил кампанию за реституцию икон. Михаил продолжал твердо держаться иконоборчества, но позволял подданным использовать свою веру, лишь бы они воздерживались от ее проповедования. Вне столицы все шло еще легче и проще. Профессиональные иконописцы и горячие иконопочитатели могли возвращаться к себе в Грецию или Малую Азию и продолжать заниматься избранной деятельностью.

Благодаря этой своей умеренности император завоевал всеобщую популярность в церковных кругах. Источником единственных серьезных расхождений Михаила с церковью являлся повторный брак, который он заключил после смерти своей любимой жены Феклы. Православные теологи считали вторые браки — особенно заключавшиеся императорами — предосудительными. Положение осложнялось тем, что вторая жена Михаила, Ефросинья, дочь Константина VI, долгое время была монахиней. Как василевсу удалось добиться ее освобождения от церковного обета, мы никогда не узнаем. Но все в конечном счете

утрачено и его второй брак оказался таким же счастливым, как и первый. Ефросинья дежурила у постели мужа во время его последней болезни и в октябре 829 г. закрыла ему глаза, когда он умер. Михаил был первым за столетие императором, который на смертном одре продолжал оставаться правящим монархом и первый оставил после себя сильного и здорового сына, сумевшего занять трон.

Ко времени смерти отца Феофил являлся его соправителем уже на протяжении восьми лет (об этом периоде жизни императора хронисты почти не упоминают). Теперь же ему была доверена полновесная верховная власть в Византии, и Феофил проявил себя как человек, вполне готовый к этой миссии. В противоположность Михаилу он являлся интеллектуалом, с типично византийским интересом к теологическим построениям. Но Феофил также приобрел основательную военную подготовку и проявил себя как компетентный руководитель в этой области. Наконец, он был эстетом и покровителем искусств, имея особое пристрастие к культуре ислама. Как и избранный им для себя пример для подражания — великий халиф Гарун аль-Рашид, он еще в юном возрасте приобрел привычку гулять инкогнито по улицам Константинополя, прислушиваясь к жалобам народа и постоянно изучая цены, особенно на продукты. Также Феофил имел обыкновение раз в неделю совершать конную поездку из Большого дворца во Влахернскую Богородичную церковь — из одного конца города в другой, и в это время подданные могли обращаться к нему с любыми жалобами. Таким образом, Феофил стал чем-то вроде легенды еще при жизни.

Но как бы часто император ни сходил со своего пьедестала, он считал, что этот пьедестал должен был быть из чистейшего золота. И здесь он подражал Гаруну — имеется в виду любовь к богатству и великолепию, достигших такого уровня при Феофиле, какого Византия не знала со времен Юстиниана. Пробыв на троне лишь несколько месяцев, Феофил направил в Багдад дипломатическую миссию, возглавляемую Иоанном Грамматиком. Официальной целью этого посольства было представление халифу Мамуну формального сообщения о восшествии Феофила на престол; истинной же его причиной являлась демонстрация

богатства и щедрости нового императора. В качестве подарков Мамуну Феофил послал самые роскошные произведения искусства из всех, что когда-либо создавались ювелирами и ремесленниками Константинополя. Иоанну также было выдано 36 000 золотых монет, дабы он раздавал их, кому только пожелает; по словам хрониста, Иоанн разбрасывал их «как морской песок».

Каким образом Феофил так разбогател, остается тайной. Михаил II всегда практиковал строгую экономию, но ему никогда не удалось бы накопить и четверти того богатства, которое его сын растратил с такой щедростью. Однако Феофил никогда не влезал в долги, и оставил казну намного более полной, чем она была в тот момент, когда юный соправитель империи впервые получил к ней доступ. Можно предположить, что где-то к концу правления Михаила империя открыла для себя новый источник богатства — возможно, были обнаружены месторождения золота в Армении, но в точности этого мы никогда не узнаем.

Имея любовь и вкус к роскоши, а также достаточные средства для исполнения любых своих прихотей, новый император инициировал масштабную строительную программу в столице — естественно, уделив первоочередное внимание Большому дворцу. Первоначально возведенный Константином, еще во времена основания города, дворец в значительной степени перестроил Юстиниан, но Феофил совершенно преобразил его, построив новые здания из мрамора и порфира, стены которых были украшены мозаикой. К северо-востоку от Большого дворца, рядом с собором Св. Софии, находился дворец Магавра, также построенный Константином; именно здесь Феофил установил свою самую знаменитую механическую игрушку. Иноземный посол, приглашенный на аудиенцию в этот дворец, с удивлением обнаруживал, что императорский трон стоит в тени золотого платана, на ветвях которого сидит множество птичек, украшенных драгоценными камнями; птицы время от времени взлетают и садятся прямо на трон. Вокруг сидят львы и грифоны — также из золота. Изумление посетителя еще более возрастало, когда звери по поданному сигналу встают, львы грозно рычат, а все птицы одновременно начинают петь. Неожиданно этот многоголосый хор прерывало звучание золотого органа, после чего все звуки стихают — теперь разговор может быть начат. В тот момент,

когда посетитель поднимается, чтобы уйти, опять начинается пение и продолжается до тех пор, пока он не покинет комнату.

Феофил также тратил много времени и денег на городские оборонительные сооружения. Стены вдоль побережья Золотого Рога вызвали некоторое беспокойство уже во времена осады, предпринятой Фомой. Амбициозный план надстройки стен по всей их длине, инициированный Михаилом II, был полностью осуществлен Феофилом. Какой бы экстравагантной персоной, склонной потакать собственным желаниям, Феофил ни являлся, он также всегда хорошо помнил о своей ответственности за безопасность государства.

По иронии судьбы этот самый проарабский из всех византийских императоров на протяжении почти всего периода правления страной вел войну против ислама. В течение шестнадцати лет на восточной границе было все спокойно. Халифат, озабоченный своими внутренними проблемами, прекратил ежегодные вторжения на сопредельные территории, но в 829 г. отношения между двумя сторонами опять обострились. В ходе первых военных кампаний фортуна благоволила Феофилу. Он осуществил успешный поход на вражескую территорию в 830 г., а в следующем году освободил занятую мусульманами Киликию, после чего, вернувшись с армией в Константинополь, наградил себя триумфальными празднествами.

Увы, празднования были преждевременными. Осенью того же года имперская армия потерпела сокрушительное поражение. Из-за смерти Мамуна в августе 833 г. военные действия на несколько лет прекратились — его брат и преемник Мутасим столкнулся с трудностями, пытаясь подтвердить свои права на власть. Но в 837 г. война возобновилась. И опять Феофил, который многое сделал в этот временной промежуток для укрепления армии, начал очень хорошо — экспедиции в Месопотамию и Западную Армению были достаточно успешными, и василевс вновь отметил победу триумфальными чествованиями.

Но в очередной раз он поторопился с празднованиями. В апреле 838 г. Мутасим выехал из Самарры во главе армии, насчитывавшей 50 000 человек, столько же верблюдов и 20 000 мулов. На его знамени было начертано одно только слово: «Аморий» — место жительства семьи императора и ныне второй город

империи. Мутасим не скрывал своих намерений разнести его на камни. Неделью спустя Феофил выступил из Константинополя, чтобы преградить Мутасиму путь; византийская армия приблизилась к флангу сарацинского войска вблизи Токата, в это время шел сильный ливень. Вскоре император увидел, что противоположный фланг его армии нуждается в усилении, и сам повел туда отряд в 2000 человек. К несчастью, Феофил не предупредил своих младших командиров, и неожиданное исчезновение императора повлекло за собой слухи о том, что он убит. Началась паника, за которой, как обычно, последовало бегство, а когда дождь прекратился, Феофил осознал, что он со своими людьми находится в окружении. Каким-то образом — в значительной степени потому, что тетивы у вражеских лучников пришли в негодность из-за дождя, — им удалось вырваться из кольца, но сражение было уже проиграно. Халиф пошел на Анкару, и город сдался через несколько дней без боя.

Вскоре за Анкарой последовал и Аморий. Многие его жители нашли себе убежище в большой церкви, где в скором времени завоеватели и сожгли их заживо; другие, схваченные и уведенные в рабство, были убиты, когда запасы воды у сарацинской армии начали подходить к концу, — некоторых аморийцев просто оставили умирать от жажды в пустыне. Только сорока двум пленникам удалось добраться живыми до Самарры. Они пробыли там в плену семь лет, и в течение всего этого времени стойко отказывались отречься от своей веры. В конце концов им предложили выбор: обращение в ислам или смерть. Все они без колебаний выбрали смерть, и 6 марта 845 г. их обезглавили на берегу Тигра. Эти люди вошли в историю греческой православной церкви как Сорок Два Аморийских Мученика.

В Константинополе агрессия Мутасима была воспринята как личное оскорбление императору и проводимой им политике. Феофил спешно направил западному императору Людовику воззвание, в котором предлагал проведение совместных наступательных действий против мусульман. Также предложил скрепить союз двух империй заключением брака между одной из своих дочерей и внуком Людовика, будущим Людовиком II.

Византийские посланники были тепло приняты в 839 г. при дворе Людовика в Ингельгейме, и затем переговоры продолжа-

лись в скачкообразном ритме на протяжении следующих четырех лет, несмотря на то что за это время оба императора умерли. Если бы соглашения между сторонами удалось достичь, то эпоха Крестовых походов могла бы начаться на два с половиной столетия раньше, но переговоры ни к чему не привели.

Халиф между тем не спешил развить свой успех. И лишь в 842 г. огромная сарацинская флотилия направилась из сирийских портов к Константинополю. Однако попав в шторм, большая часть судов была разбита в щепки, спаслось только семь. Но Мутасим ничего не узнал об этой катастрофе — 5 января он умер в Самарре. И всего лишь через пятнадцать дней Феофил последовал за ним в могилу.

Ввиду особых симпатий, которые Феофил испытывал в отношении арабской науки и искусства, не вызывает удивления, что он разделял иконоборческие убеждения своих непосредственных предшественников, но василевс не являлся фанатиком. Лазаря, ведущего иконописца того времени, после нескольких предупреждений подвергли бичеванию, и на ладонях у него были выжжены клейма. Но известно, что после этого он выполнил еще по меньшей мере два важных заказа, включая огромное изображение Христа, которое пришло на смену тому, что удалил с Халки Лев V. Так что, по-видимому, телесные повреждения, нанесенные иконописцу, оказались не слишком серьезными.

В общем, представляется очевидным, что карательные меры, которые применял император, касались скорее политики, религии. И хотя он запретил публичное исповедание культа икон в Константинополе, однако во всех других местах империи или даже в столице, но в собственных домах, его подданные могли делать все, что пожелают. Возможно, Феофил на уровне подсознания понимал, что идея иконоборчества практически иссякла. Также и времена менялись. Не за горами был приход нового гуманизма, сориентированного на дух античности, который подразумевал разум и ясность и не имел ничего общего с извилистым, интроспективным восточным типом сознания. В то же время наделенный художественным даром народ Византии, который чувствовал себя эстетически обкраденным практикой иконоборчества, начинал испытывать тягу к старым знакомым образам, напоминавшим ему о более спокойных и благополучных време-

нах. И когда 20 января 842 г. император Феофил в возрасте тридцати восьми лет скончался от дизентерии, эпоха иконоборчества умерла вместе с ним.

Императрица Феодора, которая теперь стала регентом при своем двухлетнем сыне, в первую очередь озаботилась искоренением иконоборчества по всей империи. Но действовала она с осторожностью: Иоанн Грамматик, страстный иконоборец, ныне прочно утвердился на патриаршем троне. Кроме того, в Византии еще живы были воспоминания о фиаско 786 г., когда женщина, обладавшая всей полнотой власти в стране, ставила перед собой точно такую же цель и в результате едва не спровоцировала мятеж. Но Феодора была умнее, чем Ирина; более того, ее главными советниками оказались люди совершенно исключительных способностей: ее дядя Сергей Никитиат, брат Варда и логофет дрома Феоктист. Первые двое разделяли ее взгляды; Феоктист в душе хоть и был иконоборцем, но прежде всего он являлся государственным деятелем и ясно осознавал, что если режим не предпримет решительных действий, то иконопочитатели возьмут законодательную деятельность в свои руки. Вскоре народ узнали о том, что в начале марта 843 г. будет созван собор.

Собор прошел достаточно гладко; единственную серьезную проблему создал только Иоанн Грамматик, отказавшийся сложить с себя полномочия. Его пришлось сместить в принудительном порядке, и он удалился в свою виллу на Босфоре. Новым патриархом выбрали монаха Мефодия, и постановления Седьмого Вселенского собора, положившего в 787 г. конец первому периоду иконоборчества, были утверждены. Однако по настоянию Феодоры имя ее умершего мужа не фигурировало в списках тех видных иконоборцев, которых теперь анафематствовали как еретиков. Официально версию, будто Феофил покался на смертном одре за свое иконоборчество, можно не принимать в расчет, но в то время она спасала его имя от анафемы и никаких серьезных возражений на сей счет у оппонентов бывшего императора не возникло. Была одержана победа — ясности над мистицизмом, греческой мысли над восточной метафизикой, Запада над Востоком. А долговременные результаты этой победе обеспечили умеренность и великодушие, проявленные победителями. Про-

шло еще почти четверть века, прежде чем первая фигурная мозаика была торжественно открыта в самом великом соборе — огромный, западающий в душу образ Богородицы и сидящего на троне Младенца, и по сей день обращающего к нам спокойный, безмятежный взор.

Несмотря на многие страдания, которые претерпел патриарх Мефодий, отстаивая столь близкие его сердцу иконы, он не выказал никакого желания мстить. Лидеры иконоборчества могли быть преданы анафеме, однако дурному обращению не подвергались и за решетку не бросались. Но теперь Мефодием возмущались монахи Студийского монастыря. Шедшие оттуда постоянные атаки на патриарха, вызванные тем, что он обошел студитов своим вниманием при заполнении престижных вакансий в ряде епархий, в итоге побудили Мефодия отлучить от церкви их всех. К этому моменту они даже попытались заставить его уйти со своего поста, затеяв коварную интригу: монахи подкупили некую молодую женщину, дабы она обвинила его в соvrщении. Мефодий доказал свою невинность, предъявив для освидетельствования ту часть собственного тела, которая должна была нести непосредственную ответственность за проступок, в котором его обвиняли. Продемонстрировав сморщенные остатки мужского достоинства, Мефодий сопроводил это следующим пояснением: несколько лет назад в Риме он обратился к святому Петру с мольбой о том, чтобы апостол избавил его от похотливых мыслей, и просьба сия была исполнена с впечатляющей эффективностью. Неудивительно, что Мефодий выиграл это дело.

Для потерпевших поражение икононенавистников осталось одно небольшое утешение: после длительного периода религиозной реакции византийское искусство совершенно лишилось одного измерения. Скульптура была отставлена в сторону. Это, наверное, не должно вызывать у нас особого удивления: вторая заповедь звучит достаточно определенно. Тем не менее это повод для большого сожаления. Если бы Византия продолжала создавать скульпторов и резчиков по дереву, равных по своему таланту византийским художникам и мастерам мозаики, то мир, несомненно, обогатился бы новыми шедеврами.

Вскоре после восстановления иконопочитательства логофет Феоктисту удалось выжить из высшего эшелона власти двух

своих конкурентов, и на протяжении следующих тринадцати лет он наряду с Феодорой фактически правил страной. Феоктист являл собой необычайнейшее сочетание разнородных компонентов — так, он был патрикием и в то же время евнухом. Но главное, что, будучи человеком высокой культуры, он посвящал много времени и усилий повышению образовательного уровня в столице, который уже намного превосходил образовательные стандарты на Западе. Финансовая политика Феоктиста давала особенно блестящие результаты: золото продолжало притекать в имперскую казну в количествах не меньших, чем во времена Феофила, — по причинам, столь же непроясненным. Успех сопутствовал ему и в военной сфере. Экспедиция Феоктиста против сарацин на Крите привела к отвоеванию этого острова для Византии; а в мае 853 г. византийский флот неожиданно появился вблизи города Дамьетта в дельте Нила — там византийцы подожгли все сарацинские суда в гавани, уничтожили оружейный склад и вернулись с большим количеством пленных.

За что следует осудить Феоктиста и императрицу, так это за преследование павликиан. Сия в основе своей безвредная христианская секта отвергала не только священные образы, но и ряд христианских таинств, таких как крещение, венчание и причащение, а также знак креста, весь Ветхий Завет и значительную часть Нового, и вдобавок всю церковную иерархию. Вышло постановление, в котором содержалось требование к павликианам отказаться от своих ошибок под страхом смерти, после чего была снаряжена масштабная военная экспедиция для исполнения указа. В результате казнили 100 000 человек — их вешали, топили, рубили мечом и даже распинали. Все их имущество и земли были конфискованы государством. Те, кому удалось уцелеть в этой бойне, искали прибежища за границами империи — у Омара ибн Абдуллы, эмира Малатьи. Предоставленные самим себе, павликиане, для которых были характерны глубокая набожность и строгая дисциплина, могли бы стать мощным бастионом на пути сарацин; вместо этого их толкнули в объятия халифата.

Между тем подрастал Михаил III — и, возможно даже, слишком быстро. В 855 г., когда ему исполнилось пятнадцать лет, у него появилась любовница, но Феодора принудила Михаила дать

ей отставку — в пользу некоей Евдокии Декаполитана, которая не вызывала у принца никакого интереса. И хотя Михаил повиновался без малейших возражений, подавленное чувство обиды могло впоследствии заставить его сочувствовать заговору, который привел к низложению Феодоры. Брат императрицы Варда, отстраненный Феоктистом с помощью хитроумной тактики, вытеснил его из большой политики в 843 г.; в течение двенадцати лет он ждал своего шанса. При содействии верховного управляющего императорским двором Дамиана Варда легко убедил Михаила в том, что его мать и Феоктист намерены держаться за власть и любая попытка Михаила самому утвердиться в роли лидера страны окажется для него губительной. Уверившись в поддержке Михаила, Варда действовал быстро. 20 ноября 855 г., когда Феоктист прогуливался по дворцу, на логофета напали Варда и группа офицеров из его окружения. Феоктиста быстро скрутили и затолкали в скилу — маленький вестибюль, который вел прямо на ипподром. Михаил лично отдал приказ убить его, и логофета проткнули мечом.

Со смертью Феоктиста власть Феодоры подошла к концу, и в марте 856 г. ее сын провозгласил себя единственным императором — в этом качестве ему суждено было править следующие одиннадцать лет. Но он был слабым человеком и безответственным политиком, и подлинная власть вскоре перешла в руки Варды, который оказался даже еще более успешным на государственном поприще, чем его деятельный предшественник. Наступивший в скором времени золотой век Византии обязан Варде очень многим. Первую из своих многочисленных побед он одержал над Омаром ибн Абдуллой, чьи силы укрепили отряды беженцев-павликиан. В отчаянном сражении вблизи реки Халис Омар был убит, как и почти все его воины. Император принимал личное участие в этом сражении; не успел он возвратиться в столицу, когда до него дошли известия о другой важной победе — на этот раз над сарацинским наместником Армении, который также погиб в бою. За бесчестье, нанесенное Аморию, было заплачено. Византийцы, покончив с оборонительными войнами, все более и более разворачивали наступательные действия. Чувствовалось обретение государством нового качества и связанной с этим уверенности в своих силах.

11

О патриархах и заговорах (857—867)

На место старого мудрого патриарха Мефодия в 847 г. пришел Игнатий, один из трех кастрированных сыновей низложенного императора Михаила I. Игнатий имел и другие активы, помимо своей высокородной крови. Он никогда не проявлял колебаний, отстаивая священные образы, а его монастырь на острове Теревинф в Мраморном море получил широкую известность как убежище для тех, кого преследовали иконоборцы. Но если Мефодий был умеренным деятелем, стоящим на примиренческих позициях, то Игнатий являлся совершенным фанатиком, который даже не стал дожидаться окончательной процедуры посвящения в патриарший сан и немедленно изгнал Григория Асбеста, архиепископа Сиракузского — умеренного церковника и потому злейшего своего врага — из церкви.

Григорий обращался к двум папам — сменившим один другого — относительно собственного восстановления в церкви, но Игнатий всегда отстаивал идею верховенства папской власти и Ватикан не хотел с ним ссориться. Тогда умеренные церковники решили каким-то образом избавиться от патриарха и они нашли себе намного более деятельного и энергичного лидера по имени Фотий. Этот аристократ, имевший отдаленное родство с императором по линии своей жены, и был самым ученым человеком своего времени. В вопросах теологии он легко мог заткнуть за пояс Игнатия, чье сознание не вмещало ничего помимо простейших религиозных доктрин. Фотий, однако, не был церковником — служил в имперской канцелярии — и, когда Варда пришел к власти, стал его ближайшим другом и советником.

Мало какой иной поворот событий мог явиться более нежелательным для патриарха Игнатия. Как раз в это время Варда имел несчастье влюбиться в свою невестку, ради нее он даже оставил жену; последовал скандал, об этом стали говорить на всех углах улиц Константинополя. Игнатий отлучил Варду от церкви и на праздник Крещения в 858 г. отказал ему в причастии. С этого момента Варда начал выжидать удобного случая, чтобы отомстить патриарху. Случай представился, когда император решил отослать мать вместе со своими незамужними сестрами в монастырь. Когда он велел Игнатию побрить им головы, то встретил категорический отказ. Варда дал василевсу понять, что это могло означать только одно: патриарх и императрица политически объединились против Михаила. Игнатий был заключен под стражу и затем выслан — без проведения судебного разбирательства — в свой монастырь.

Очевидным кандидатом в преемники Игнатия являлся Фотий. Однако здесь имелось два препятствия. Первое — он был мирянином. Эту проблему решили легко — 20 декабря ему выстригли тонзуру; 21-го он стал чтецом; 22-го был рукоположен в иподьяконы, 23-го — в дьяконы; 24-го — в сан священника, а на Рождество Фотий был посвящен в епископский сан своим другом Григорием Асбестом (до сих пор, между прочим, не реабилитированным). Сразу же вслед за этим последовала его интронизация в качестве патриарха. Второе препятствие являлось более серьезным — никакое давление не могло заставить Игнатия отказаться от своей должности. Фотий, таким образом, занял патриарший трон де-факто, но не де-юре.

Тогда он отправил папе два письма, сообщив ему о своем возвышении. Первое письмо являло собой образец тактичной дипломатии; во втором — якобы написанном самим императором — говорилось, что Игнатий пренебрегал своей паствой и был низложен в строгом соответствии с канонами. Папа заподозрил, что дело тут нечисто, о чем и намекнул в своем ответе Фотию. Папа также предложил провести в следующем году в Константинополе следственное совещание, на которое он был готов послать двух специальных уполномоченных. В письме, кроме того, содержалось упоминание о сицилийской, калабрийской и ряде балканских епархий, а также о фессалоникийском викариате,

которые Лев III перевел из-под юрисдикции Рима под юрисдикцию Константинополя; не пора ли им вернуться под папский контроль? Тут, естественно, не было прямого предложения *quid pro quo**, но оно подразумевалось достаточно прозрачно.

В разгар лета 860 г. народ Константинополя претерпел одно из самых ужасных испытаний из всех, что когда-либо выпадали на его долю. Неожиданно во второй половине дня 18 июня у входа в Босфор со стороны Черного моря появилась флотилия, насчитывавшая примерно 200 судов, и направилась в сторону города. Началось разграбление прибрежных монастырей и предание огню всех деревень, которые оказались в зоне действия флотилии. Несколько судов проследовало в Мраморное море — чтобы заняться опустошением Принцевых островов; большинство же бросило якоря у входа в Золотой Рог. Это была первая конфронтация византийцев с русами. Военными лидерами последних, вероятно, были вовсе не славяне, а представители огромной переселенческой волны из Скандинавии, начавшейся в конце VIII в. Примерно в 830 г. скандинавы основали каганат в верховьях Волги; четверть века спустя они по этой громадной реке (а также по Днепру и Дону) спускались на своих судах характерной удлиненной формы на юг, к крупным торговым городам на побережье Черного моря. С ними вместе явились подвластные им славяне, которые вскоре поглотили их в своей массе.

Ситуация для византийцев еще более осложнялась отсутствием в Азии императора, главнокомандующего и основного корпуса армии. Префект Ориф, осуществлявший военное командование в столице, направил к ним посланцев, и Михаил тотчас же вернулся, но русы уже отправились назад — вверх по Босфору, в Черное море. Почему они ушли так скоро? Фотий, прочитавший две проповеди, посвященные набегу язычников, приписывает избавление от них влиянию чудотворного одеяния Богородицы, которое было поднято на руках и обнесено вдоль городских стен. Более вероятно, что русы, найдя город неприступным и истощив все возможности грабежа за пределами его стен, просто решили закончить рейд.

Так или иначе, политический рейтинг Фотия после этого события сильно вырос. Игнатию повезло меньше. Сначала его

* *Quid pro quo* — здесь: мена за мену (лат.).

отправили в Иерию, где поместили в козий хлев, затем вернули в Константинополь — бросили в тюрьму и сильно избили, выбив два зуба, после чего опального церковного иерарха отправили на остров Лесбос. Лишь шесть месяцев спустя ему было дозволено вернуться в свой монастырь. И тут оставшийся в Мраморном море контингент русов совершил рейд на остров Теревинф, разграбив монастырские здания и перебив не менее двадцати двух монахов; сам Игнатий едва спасся. Сразу пошли разговоры, что отстраненному от престола патриарху подан знак божественного нерасположения, но старый евнух держался стойко. Он собирался выждать и убедить в своей правоте папу Николая, чьи эмиссары должны были прибыть следующей весной.

Папские прелаты Захарий, епископ Ананьи, и Родоальд, епископ Порто, прибыли в Константинополь в апреле 861 г. и сразу же попали под мощнейшее воздействие со стороны Фотия: они оказались вовлечены в бесконечную круговерть церковных церемоний, пиршеств и разного рода увеселений; сам же патриарх старался ослепить их своей эрудицией и пленить своим обаянием. Аудиенции прелатов у императора были гораздо менее приятными — не раз он намекал им, что их возвращение домой зависит всецело от его доброй воли. Таким образом, удачно сочетая лесть и завуалированные угрозы, власти предержащие давали эмиссарам понять, чьей стороны им следует придерживаться. Прелатам ни разу не позволили увидеть Игнатия до тех пор, пока его не препроводили в церковь, где он должен был ответить на предъявляемые ему обвинения. Затем, в соответствии с заведенным в монашеской среде порядком, Игнатию пришлось выслушать показания 72 свидетелей. Все они показали, что патриарший пост Игнатий занял не благодаря каноническому избранию, а по прямому назначению. В результате его низложение оформили официальным документом, под которым поставили подписи ряд важных лиц, в частности епископы Захарий и Родоальд.

Папа Николай был в ярости и не преминул сообщить неудачливым прелатам о своем крайнем негодовании: они предали интересы всей церкви, не добившись ни единой уступки взамен. Упоминали ли вообще несчастные посланцы в своих разговорах с Фотием о епархиях, которые следовало вернуть под юрисдикцию папы? Нет.

В этот момент в Рим прибыл Феогност, самый страстный защитник низложенного патриарха, и он в деталях описал недобросовестный характер расследования, коварство свидетелей, беззакония Фотия, верность Игнатия Риму и все те бедствия, что обрушились на него. По рассказам Феогноста, пытаясь заставить Игнатия отречься, власти его теперь вновь арестовали; он подвергся многократным избиениям, голодал в течение двух недель, затем был заперт в церкви Св. Апостолов — там Игнатия растянули на оскверненном саркофаге иконоборца Константина V, привязав к щиколоткам тяжелые камни. Наконец, когда он уже был в полубессознательном состоянии, ему в руку вложили перо и принудили поставить подпись, над которой Фотий затем написал текст акта об отречении. Несмотря на то что правдивость этого рассказа выглядела достаточно сомнительной, папа более не колебался. Синод, собравшийся в Латеранском дворце в апреле 863 г., лишил Фотия сана священнослужителя и восстановил Игнатия, а также всех потерявших свои должности в ходе этого процесса на прежних местах.

Император и патриарх были сильно обеспокоены жестокостью папы, особенно разыграла кровь у Михаила. Но они это все-таки пережили, тем более что 863-й оказался, как мы видели, чем-то вроде *annus mirabilis** для византийской армии. Да и в области религии имелись такие подвижки, в сопоставлении с которыми полемика, затеянная вокруг фигуры Фотия, выглядела совершенно незначительной. В самый разгар ссоры между Николаем и Фотием в Константинополь прибыли посланцы от Ростислава, князя великоморавской державы. Они сообщили, что их повелитель желает вместе со всеми своими подданными принять христианство, но все те христианские учителя, которых им до сих пор довелось слышать, излагали довольно-таки противоречивые доктрины. Не соблаговолит ли император направить в их страну миссионеров, от которых можно было бы узнать истину?

Так, по крайней мере, гласит легенда. Моравская миссия действительно имела место быть, но массовые обращения в иную веру почти неизменно связаны с политикой и данный случай не стал исключением. В начале 862 г. франкский король Людовик

* *Annus mirabilis* — год чудес (*лат.*).

заключил союзный договор с болгарским ханом Борисом — не другом Ростислава, и тому срочно потребовался союзник. Указать императору на грозящую Византии опасность и убедить его поднять оружие против своих болгарских соседей сделалось основной целью моравской миссии. А декларированное намерение Ростислава принять православное христианство должно было служить лишь дополнительным стимулом для византийцев, особенно ввиду того, что Борис мог в любой момент сделать свой народ римской паствой.

Для Фотия это была возможность не только расширить влияние православия далеко на северо-запад, но, что еще более важно, нанести серьезный удар по папству. К тому же у него имелся отличный кандидат для этой миссии: монах из Фессалоник, впоследствии взявший себе имя Кирилл. Блестящий ученый с совершенно замечательной способностью к языкам, он когда-то учился у самого Фотия, который сделал его своим библиотекарем. Потом он проповедовал хазарам на их языке и обратил в православие многих из них.

Однако по поводу военной интервенции в болгарские земли император Михаил сначала не проявлял особого энтузиазма — не хотел прерывать успешное продвижение на Восточном фронте ради более проблематичной кампании на Западе. С другой стороны, позволить Людовiku свободу действий на Балканах означало приблизить собственную катастрофу. В результате несколько полков все же были отозваны в Константинополь, и император, возглавив их, пересек границу; флот в это время стоял наготове. Летом 863 г. флотилия направилась вверх по Босфору и бросила якорь у болгарского побережья.

Время было выбрано идеальное. Болгарские силы находились достаточно далеко на севере, на юге же свирепствовал жесточайший голод. Борис немедленно направил к Михаилу посланцев, чтобы узнать о возможных условиях мира. Они оказались достаточно простыми: хан должен отказаться от союза с франками и принять христианство православного извода. Борис согласился на это с почти непристойной поспешностью. В сентябре 865 г. он прибыл в Константинополь, где его крестил сам патриарх. Болгарский хан взял себе имя Михаил и получил титул «князь»; сам император выступил в роли его крестного отца.

Ранее, весной 864 г., Кирилл в сопровождении своего брата Мефодия отправился с миссией в Моравию. Они пробыли в Моравии более трех лет. Согласно древнему преданию, Кирилл разработал новый алфавит, чтобы транскрибировать славянские наречия — у славян до той поры не было письменности. Затем Кирилл приступил к переводу Библии и отдельных мест из литургии. Однако язык он выбрал хотя и славянский, но южномакедонский, поэтому моравы не могли понять ни слова. В итоге моравский эксперимент успеха не имел, но тем не менее, представив славянским народам алфавит, приспособленный к фонетическим особенностям их языков, Кирилл и Мефодий заложили основы для литературного развития славян. И потому этих подвижников чтят до сих пор.

Пока два будущих святых возделывали свой моравский виноградник, болгарский князь начал проявлять недовольство, становившееся со временем все более угрожающим. Его земли оказались наводнены греческими и армянскими священниками, постоянно ссорившимися друг с другом из-за каких-то невнятных нюансов в доктрине, которая сама по себе была непонятна для подданных Бориса. Большая часть болгар пришли в ужас, обнаружив, что им надлежало не только учиться у этих чужестранцев, отличавшихся явной рассогласованностью взглядов, но также кормить их и давать им кров. Но было и кое-что еще. Величественная церемония крещения в соборе Св. Софии, через которую прошел сам Борис, глубоко его поразила, и теперь он хотел, чтобы подобные же церемонии осуществлялись в среде — и силами — его собственного народа. Он направил Фотию послание с просьбой назначить болгарского патриарха. Князь в своем обращении также перечислил ряд незначительных моментов в православном вероисповедании, которые шли вразрез с местными традициями, и высказал мнение, что если пойти этим традициям навстречу, то народное сопротивление новой вере в значительной степени может быть преодолено.

И тут Фотий совершил, вероятно, самую большую ошибку в своей жизни. Просьбу о назначении болгарского патриарха, как и ряд других предложений князя, он просто проигнорировал, а остальные его идеи отверг. Борис пришел в ярость. Он был рад стать сыном императора, но не его вассалом. Летом 866 г. Борис

направил делегацию к Николаю с перечнем всех тех пунктов, которые проигнорировал Фотий, добавив сюда и ряд новых; князь просил папу изложить свои взгляды по каждому из них.

Николай немедленно ухватился за представившийся ему шанс. Он направил к болгарскому двору двух епископов с подробнейшими ответами по всем 106 пунктам из вопросника Бориса. Николай пошел на все возможные уступки, дозволяемые каноническим правом. А относительно тех моментов, которые исключали возможность поблажек, Николай дал подробные разъяснения. Он соглашался с тем, что и мужчины и женщины имели равное право носить штаны. Обоим полам дозволялось носить и тюрбаны — но только не в церкви. Когда византийцы утверждали, что недопустимо мыться по средам и пятницам, они несли чепуху; равным образом не было никаких оснований воздерживаться от молока или сыра во время Великого поста. С другой стороны, не допускались никакие языческие суеверия и гадание посредством произвольного раскрытия Библии. Также объявлялось недопустимым двоеженство.

Болгары с огорчением восприняли запрет на двоеженство, но в целом были довольны. Борис с готовностью поклялся в вечной верности святому Петру и с чувством глубокого облегчения изгнал всех православных миссионеров из своего царства. И тотчас же не замедлили туда явиться их противники из католического лагеря.

Нельзя сказать, что Михаил III совершенно не обладал никакими достоинствами: к началу своего третьего десятка он уже был закаленным бойцом, его физические качества и удаль, проявляемая на поле боя, никогда не ставились под сомнение. Что у него отсутствовало, так это воля. Всегда готовый переложить ответственность за управление империей на других, он был не в силах остановить свое моральное падение, которое за последние пять лет довело его до полной деградации, так что Михаил вполне заслужил свое прозвище — Пьяница.

К счастью, находились выдающиеся государственные деятели, готовые взять в свои руки бразды правления и руководить страной от имени Михаила: сначала, во время регентства его матери, это был евнух Феоктист; позднее — ее брат Варда. В

апреле 862 г., в первое воскресенье после Пасхи, Варда был произведен в цезари. К этому времени вероятность того, что у Михаила появится законное потомство, была уже ничтожно мала, и Варда всеми признавался в качестве будущего императора, в случае смерти нынешнего. Да он уже и являлся василевсом во всем за исключением титула. За десять лет его правления были одержаны важные победы над сарацинами на Востоке и достигнуты значительные успехи в затянувшейся борьбе за независимость византийской церкви от Рима. Подобно своему зятю Феофилу, Варда стремился к установлению справедливости и законности в обществе. Как и Феокист, он всемерно поощрял ученость. Старый университет Константинополя давно уже пребывал в состоянии упадка, а в период первых иконоборцев претерпел полное крушение. Варда возродил его — на этот раз он разместился во дворце Магнавра. Управлять университетом был назначен Лев Философ, или, как его иногда еще именуют, Лев Математик.

Наряду с Фотием и Кириллом Лев являлся одним из величайших ученых своего времени. В молодости он преподавал философию и математику в Константинополе, но Лев получил известность только после того, как один из его учеников, оказавшись в Багдаде, настолько поразил халифа Мамуна своими познаниями, что тот осведомился, у кого он учился. Услышав ответ, Мамун, будучи сам интеллектуалом, написал письмо императору, в котором просил прислать Льва в Багдад на несколько месяцев, взамен же предлагал 2000 фунтов золота и договор о вечном мире. Но Феофил предпочел устроить Льва в столице, где тот начал читать публичные лекции. В Магнаврском университете, которым он руководил, Кирилл возглавлял кафедру философии, другие ученики Льва заведовали кафедрами геометрии, астрономии и филологии. В данном учебном заведении не было кафедры богословия — это обусловило ту враждебность, которую питали к университету Игнатий и его последователи.

Михаил, ведя разгульный образ жизни, окружал себя друзьями и фаворитами весьма сомнительных достоинств. Вместе с ними он устраивал дикие бесчинства в столице. Одним из таких друзей был неотесанный армянский крестьянин по имени Василий. Его родители, как и многие их соплеменники, осели во

Фракии, но впоследствии его семья была уведена в плен Крумом за Дунай, в область, именовавшуюся Македонией, — возможно, ввиду того, что значительное число македонцев разделило подобную же участь. Там Василий провел большую часть детства и получил прозвище Македонянин, несмотря на то что в нем не имелось ни капли подлинно македонской крови; первым его языком был армянский, а на греческом он говорил с сильным армянским акцентом. Совершенно неграмотный, Василий мог похвастаться только двумя очевидными достоинствами: исполненной силой и замечательным умением обращаться с лошадьми. Именно способность Македонянина управлять одним из самых резвых императорских жеребцов побудила Михаила взять его на службу.

Карьера Василия быстро пошла в гору, и вскоре он был назначен Верховным управляющим императорским двором, став при этом в большей степени другом Михаила, чем просто служителем. Отныне император и управляющий жили вместе в тесной близости, но вряд ли можно говорить об их гомосексуальной связи. Дело в том, что Михаил решил ввести свою давнюю любовницу Евдокию во дворец, но чтобы не вызвать при этом скандала, он убедил Василия жениться на ней. И можно предположить, что младенец Лев, которого она родила 19 сентября 866 г., был сыном не Василия, а Михаила. Если это так, то Македонская династия, которая и дальше будет править в империи, является на самом деле лишь продолжением Аморийской династии. Но точного ответа мы никогда не узнаем.

По мере того как возрастало влияние Василия, росла и взаимная враждебность между ним и Вардой. Цезарь сначала полагал, что Михаил безоговорочно доверял ему управление империей и если давать василевсу возможность кутить напропалую, то нынешнее статус-кво будет сохраняться и впредь. Но скорость, с которой Василий усиливал влияние на императора, заставила Варду пересмотреть свое мнение. А амбиции Василия продолжали расти: теперь его взор был сфокусирован на троне. И он, подобно тому, как Варда восстановил Михаила против Феоктиса, начал настраивать императора против своего дяди.

Варда стал готовить масштабную экспедицию на остров Крит, который, будучи на короткое время отвоеван Феоктистом, вновь

оказался в руках мусульман. Однако зимой 865 г. цезарь получил сообщение, что на него готовится покушение; в организации заговора оказались замешаны и Михаил, и Василий. По-видимому, Варда сказал племяннику об имеющихся у него подозрениях, поскольку 25 марта 866 г. император и управляющий поставили подписи — неграмотный Василий изобразил простой крестик — под официальным заявлением, содержащим клятву об отсутствии у них враждебных намерений в отношении цезаря. Подписи эти были сделаны кровью Иисуса Христа, небольшое количество которой как бесценная реликвия хранилось в соборе Св. Софии. На Варду сей факт произвел впечатление, и он продолжил готовить экспедицию, которая должна была отправиться на Крит сразу после Пасхи.

В день, когда происходила посадка на суда в Милете, Варда направился к императорскому павильону, где сел рядом со своим племянником и внимательно прослушал зачитанный одним из логофетов утренний отчет. Когда доклад был окончен, Варда краем глаза увидел, как управляющий быстро двинулся в его сторону. Рука Цезаря моментально схватила меч, но было уже слишком поздно. Сильнейшим ударом Василий свалил его на землю, а другие заговорщики набросились на Варду с оружием в руках. Михаил при этом даже не шелохнулся, и не приходится сомневаться, что он был осведомлен о намерениях Василия. Император сразу же написал Фотию, что Варда признан виновным в государственной измене, и его в срочном порядке казнили. Несколько дней спустя армия возвратилась в Константинополь. Критская экспедиция закончилась, так и не начавшись.

На Троицын день 866 г. верующие, собравшиеся в соборе Св. Софии, были озадачены, увидев там два похожих трона, стоявших один подле другого. Они еще более удивились, когда император, вместо того чтобы пройти прямо к своему месту, поднялся на верхнюю ступень амвона, представлявшего собой огромную трехуровневую кафедру из разноцветного мрамора. Василий, одетый официально, поднялся на средний уровень, в то время как один из секретарей занял свое место на нижнем и начал читать речь от имени императора: «Согласно моей воле, Василий, Верховный управляющий двором, преданный мне человек, избавивший меня от моего врага и пользующийся моей большой любовью, отныне

будет попечителем и управителем моей империи, и вам надлежит провозгласить его василевсом».

Амбиции Василия были в полной мере удовлетворены: всего за девять лет он поднялся от помощника конюха до императора. Двухголовой монархии же суждено было просуществовать лишь шестнадцать месяцев, и основным предметом тревожений для нее в этот период стали религиозные вопросы. По мере того как численность западных миссионеров в Болгарии росла, Фотий начал осознавать, что он сам толкнул Бориса в лагерь римлян. К тому же эти миссионеры распространяли две опасные ереси. Согласно первой, крайне оскорбительной для Константинопольского патриархата, его нельзя было считать верховным, поскольку он являлся самым молодым и, следовательно, наименее почтенным из всех пяти патриархатов. Вторая ересь в глазах таких серьезных богословов, как Фотий, была еще хуже: речь шла о доктрине, которую впервые начал поддерживать папа Николай. Эта доктрина стала краеугольным камнем жесткого спора, возникшего между восточной и западной церквями: предметом полемики являлось двойное нисхождение Святого Духа.

На раннем периоде существования христианства считалось, что Третье лицо Троицы исходит непосредственно от Бога Отца. Позднее, ближе к концу VI в., начало фигурировать роковое слово *filioque* — «и от Сына», и вскоре после 800 г., когда вошло в практику чтение Никейского Символа веры во время литургии, на Западе повсеместно утвердилась формула «от Отца и Сына исходящего». Для Восточной же церкви сие была мерзейшая ересь, и мысль о том, что аккредитованные папские представители распространяли этот яд среди болгар, стала совершенно невыносимой для патриарха. Тогда он решил созвать Всеобщий собор, на котором предполагалось анафемствовать двойное нисхождение. Собор должен был вырвать несчастных, введенных в заблуждение болгар из пасти преисподней. Наконец на нем планировалась исключительно драматичная акция — низложение папы.

Но имелись ли хоть какие-то шансы скинуть Николая с папского престола? Фотий полагал, что да. Николай к тому времени был почти столь же непопулярен на Западе, как и в Византии. Отказавшись позволить королю Лотарю II Лотарингскому раз-

вестись с супругой и взять себе в жены любовницу, он восстановил против себя не только Лотаря, но и его старшего брата, западного императора Людовика II, что грозило папе серьезными опасностями. Уполномоченные Фотия поспешили ко двору Людовика и быстро нашли там понимание. Всеобщий собор объявит Николая низложенным, а Людовик направит в Рим военный отряд, с тем чтобы физически устранить папу. Взамен византийское правительство признает императора франков своим равноправным союзником. Это была немалая уступка. Карл, прадед Людовика, в 812 г. добился аналогичного признания, но тогда обстоятельства были совершенно иными и Карл заплатил высокую цену за подобную привилегию. Более того, хотя Людовик и именовал себя императором, на самом деле он являлся лишь довольно незначительным князьком в Италии, а его Константинопольский патриарх возвышал до уровня наместника Бога на земле, избранника небес и равноапостольного лица.

Можно было ожидать, что Михаил или Василий, чье верховенствующее положение в греко-латинском мире признанием Людовика заметно девальвировалось, воспротивятся этому, но Фотий проделал свою работу отменно — никто из соправителей не проронил ни слова возражения, при том что оба они совместно председательствовали на соборе, работа которого прошла в точном соответствии с планом патриарха. Ереси были подвергнуты осуждению, папа низложен и, сверх того, предан анафеме. А к фигурам Людовика и его жены Энгельберты было проявлено исключительное почтение, рядом с их именами звучали самые высокие имперские титулы. Фотий торжествовал — вот он, самый прекрасный момент в его жизни, вершина его карьеры!

Во время открытия собора 869 г. Михаил III и Василий сидели друг подле друга, но не многие могли догадаться об истинных отношениях между ними. Михаил возвел своего приятеля на престол, поскольку не имел заблуждений относительно собственных возможностей руководить страной, но, все больше погружаясь в пучину беспутных развлечений, стал испытывать к Василию чувство раздражения и недовольства. Дело в том, что соправитель пытался хоть как-то увещевать его, что Михаила крайне задевало. Если замечания Варды император еще кое-как сносил, поскольку питал к нему известное уважение, то Василия

он считал обычным собутыльником. Последний, решив, что соправитель выходит из-под его контроля, приступил к активным действиям.

24 сентября 867 г. оба императора и Евдокия обедали вместе во дворце Св. Маманта. Ближе к концу трапезы Василий, извинившись, вышел из комнаты и поспешил в опочивальню Михаила, где отогнул дверные запоры так, чтобы дверь нельзя было закрыть. Потом он вернулся к столу и просидел за ним до тех пор, пока его коллега, напившийся к этому моменту до положения риз, не направился, шатаясь, в свою спальню, где рухнул в постель и сразу же забылся тяжелым пьяным сном. Византийские императоры никогда не спали в одиночестве; в соответствии с заведенным порядком императорскую опочивальню разделял патрикий Василикин, один из старых собутыльников Михаила. Василикин обратил внимание на то, в каком состоянии находятся запоры, и лежал, охваченный тревогой. И вот он услышал шаги: в дверях стоял Василий с восемью своими друзьями. Василикина отшвырнули в сторону и нанесли ему серьезное ранение мечом. Один из заговорщиков приблизился к спящему императору, но, очевидно, ему не хватило мужества с ходу убить Михаила; возможность нанести *coup de grâces* была предоставлена двоюродному брату Василия Асилеону.

Оставив Михаила умирать в луже собственной крови, убийцы поспешили к Золотому Рогу, сели в лодку и подплыли к Большому дворцу. Один из стражей ожидал их, и двери перед ними сразу же распахнулись. На следующее утро первым делом Василий устроил Евдокию — свою жену и любовницу своей жертвы — в императорских апартаментах. Сообщение об убийстве, по-видимому, вызвало настоящее сожаление только среди ближайших родственников Михаила. Один из придворных чиновников, посланный на следующее утро во дворец Св. Маманта, с тем чтобы распорядиться относительно похорон, обнаружил там жутко изувеченное тело, завернутое в лошадиную попону, и подле него императрицу Феодору с дочерьми, отпущенными из монастыря. Феодора безутешно плакала над телом сына. Михаил был похоронен с минимальными церемониями в Хризополе, на азиатском берегу Босфора.

12

Македонянин и Мудрый (867—912)

Освободившийся наконец от мертвого груза в лице своего соправителя, Василий в кратчайший срок резко изменил курс империи. Тело Михаила еще не успело остыть, когда Фотий был изгнан из патриархата. К Фотию в Византии относились неоднозначно. Он в свое время не осудил ни убийство цезаря Варды, ни непотребные фортели жалкого императора; последнему, ходили слухи, он однажды даже бросил вызов — кто кого перепьет, и Фотий победил, выпив шестьдесят кружек против пятидесяти Михаила. Многих также неприятно удивило признание патриархом императорского статуса Людовика II. Патриарх оказался еще более унижен, когда два месяца спустя после его низложения был восстановлен в должности патриарха Игнатий, которого он глубоко презирал.

Почему же произошла такая резкая перемена в патриархате? Потому что Василий самым важным для себя делом считал возвращение западных провинций империи. Однако это могло быть осуществлено только при поддержке папы, и ради такой поддержки реабилитация Игнатия являлась для Василия ничтожно малой ценой.

Мы не можем сказать, был ли папа Николай готов принять такую неожиданную смену предпочтений, — он умер 13 ноября 867 г. Его преемник Адриан II разделял взгляды Николая, но имел менее горячий характер. Адриан принял предложение Василия направить делегатов на новый собор, на котором, как ожидалось, будет покончено с расколом, вызванным проводимой Фотием линией. Но, когда в начале октября 869 г. открылось

первое заседание собора, папские легаты увидели, что Василий не обнаруживает ни покаянного, ни покорного поведения. В частности, их намерения председательствовать были отвергнуты — василевс заявил, что председательское место займет либо он сам, либо его представитель. Позднее, когда собор начал обсуждать судьбу Фотия, Василий настоял на том, чтобы бывшему патриарху было дозволено выступить в свою защиту. Но Фотий мудро отказался от выступления — даже тогда, когда постановили отлучить его от церкви, — поскольку понимал, что все решено заранее. Для Василия в этом деле были важны два значимых момента: первый — на соборе во всем придерживались не римских, а византийских процессуальных норм, не оставлявших осужденным возможности куда-либо апеллировать; второй — он сам, а не папские легаты, вынес вердикт.

Незадолго до того как собор закончил свою работу в феврале 870 г., в Константинополь поочередно, с промежутком в несколько дней, прибыли два посольства. Первое — от Бориса Болгарского. Обращение болгарского народа в христианство оказалось неблагодарным и намного более трудным делом, чем он представлял себе, и привело к разного рода неприятным последствиям. Через четыре года после крещения Борису пришлось подавить восстание, которое едва не привело к его свержению; он рассорился с Византией; его медовый месяц с Римом тоже подошел к концу: римские миссионеры оказались столь же непопулярны, как и их православные предшественники. И ему все еще не было дозволено иметь своего патриарха. Посланники Бориса хотели обратиться к собору только с одним вопросом, но этот вопрос, вне всякого сомнения, должен был посеять максимальный раздор среди делегатов: если болгарскому правителю не дозволялось иметь собственного патриарха, то к какой епархии следует относить Болгарию, к Константинопольской или Римской? Василий мудро адресовал вопрос теоретически нейтральным представителям трех других патриархатов: Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Папские легаты, бывшие в меньшинстве, горячо протестовали, но никто не обратил на это внимания. Пребывая в ярости, они отправились на своем корабле обратно в Рим; настроение их едва ли улучшилось, когда по дороге далматинские пираты отобрали у них все, что они имели, и продержали у себя в плену девять месяцев.

В итоге Болгария вернулась в лоно православной церкви, где она пребывает по сей день, а Борис наконец получил то, что хотел: 4 марта Игнатий рукоположил болгарского архиепископа и еще ряд епископов. Формально подчиняясь Константинополю, по сути они являлись автономными. Василий решил действия патриарха одобрить, принеся тем самым в жертву свое недавнее сближение с Римом. Получалось, что Фотий был отстранен напрасно.

Второе посольство, прибывшее на берега Босфора в этом феврале, привезло послание от Людовика II. Император Запада чувствовал себя оскорбленным. Два года назад, когда он осаждал удерживаемый мусульманами Бари, Василий предложил ему услуги византийской флотилии. Людовик принял предложение, но флот прибыл только после того, как франки ушли на зимние квартиры. Когда же византийский адмирал Никита прибыл в расположение франкских войск, его шокировала не только их немногочисленность, но и разгульное, хмельное поведение воинов. Он немедленно разыскал императора, которого в разговоре назвал королем франков. Тот отреагировал очень болезненно. После чего Никита вернулся в Константинополь. И вот теперь здесь же появились франкские эмиссары и дали понять Василию, что их повелитель крайне разгневан.

Таким образом, в течение нескольких недель Василий восстановил против себя двух союзников. Что касается отношений с папой, то возвращение Болгарии в провизантийский стан являлось вполне стоящей *quid pro quo*, а вот ссора с Людовиком не влекла за собой никаких компенсирующих выгод. Поскольку франки соперничали с византийцами за обладание Южной Италией, то отношения между ними в дальнейшем запросто могли еще более ухудшиться. Впрочем, вскоре после этого силы начали покидать Людовика, и в 875 г. на севере Италии, вблизи Брешии, он умер, не оставив наследников мужского пола.

В то время как византийский флот был занят — или, если говорить точнее, ничем не занят — на Адриатике, главные силы сухопутной армии находились на Востоке. Тут империя сражалась не только против сарацин, но также против павликиан, которые переместились на запад, в Малую Азию. В результате двух ударных кампаний Василию и его зятю Христофору удалось

оттеснить павликиан в глубь Анатолии, после чего они плотно занялись сарацинами — на протяжении следующего десятилетия византийские войска постоянно теснили мусульман, заняв несколько их стратегически важных цитаделей.

В Западной Европе успехи византийцев были столь же значительны. Хотя попытки Василия вытеснить сарацин с Крита и Сицилии оказались неудачными — Сиракузы, последний христианский оплот на Сицилии, пал в 878 г., — он смог изгнать их с Далматинского побережья и в 873 г. установил контроль над лангобардским принципатом Беневенто. В том же году Василий возвратил империи Отранто, а в 876 г. — Бари. Это сделало возможным крупномасштабное наступление, в результате которого практически вся Южная Италия возвратилась под власть Византии еще до конца века.

Быстрыми темпами шла миссионерская деятельность — ряд славянских племен на Балканах принял христианскую веру. В итоге Римская церковь возобладала в Хорватии, северной части далматинского побережья и Моравии — тут Кириллу и Мефодию пришлось признать свое поражение, — а в Сербии, Македонии и Греции согласились с главенствующей ролью Константинополя.

Парадоксальным образом именно эти победы православия привели к возвращению Фотия из ссылки. Во время его семилетнего изгнания неожиданная экспансия православной веры создала многочисленные и разнородные проблемы, с которыми старый и неумелый Игнатий не мог справиться. Постепенно фотииан начали продвигать на ключевые посты, а в 874 или 875 г. их лидера вызвали в столицу — ему было поручено руководить Магнаврским университетом и доверено обучение детей императора. Когда в 877 г. в возрасте восьмидесяти лет Игнатий скончался, Фотий во второй раз взошел на патриарший трон, а три года спустя его официально признал папа Иоанн VIII.

Похоже, Василий видел себя в роли нового Юстиниана. Он занялся отвоеванием Италии; он осуществил ревизию свода законов; он дал ход обширной строительной программе. При иконоборцах IX в. было очень мало значимыхстроек: новые храмы не возводились, о состоянии большинства старых церквей никак не заботились. И вот теперь ряд храмов нуждался в срочном ремонте, включая собор Св. Софии, который получил пов-

реждения во время землетрясения 9 января 869 г. и теперь ему угрожала опасность полного разрушения. Василий пришел храму на помощь как раз вовремя. Старая церковь Св. Апостолов пребывала в еще более жалком состоянии. Василий отреставрировал ее сверху донизу. Были отреставрированы и многие другие, более скромные храмы, у них в ряде случаев старые деревянные кровли — с которыми всегда был связан риск пожара — заменялись новыми каменными.

Но величайшим архитектурным триумфом императора явилась его новая церковь, которую стали называть просто Неа*. Она примыкала к Большому дворцу, и на ее возведение и украшение не потребовалось отдельной статьи расходов. Если Василий являлся Юстинианом своего времени, то Неа стала его собором Св. Софии. Гроздь ее золотых куполов можно было видеть со всех концов города и с дальнего расстояния на море. Не многие императоры делали больше, чем Василий, для того чтобы Константинополь продолжал оставаться самым богатым городом в мире. По иронии судьбы ничего из сделанного при Василии ныне не сохранилось.

К лету 879 г. император имел за плечами двенадцать лет вполне успешного правления. Сарацины отступали. Павликиане разгромлены. Болгары и сербы обращены в христианство и вошли в лоно православной церкви; при этом папе было наглядно показано, что с Византией шутить не следует. Имел место глубокий и всесторонний пересмотр законов. Главные здания столицы были отреставрированы и украшены; церковь Неа на долгие годы стала напоминанием миру о величии ее основателя. Чуть более чем за десять лет безграмотный армянский крестьянин, добившийся трона путем двух подлейших убийств, явил себя величайшим императором со времен Юстиниана.

Но у Юстиниана не оказалось сына, которому можно было бы передать по наследству трон; Василий — соответствовало это истине или нет — мог предъявить сразу четырех сыновей. Правда, в отношении двух младших отпрысков он не проявлял особой заботы, второго сына Льва Василий попросту ненавидел, но его старший сын Константин, родившийся от его первой жены Марии, был, возможно, единственным человеком, которого Василий

* Неа — новая (греч.).

когда-либо по-настоящему любил. Константин уже в юном возрасте принял участие в бою. В 869 г. этот исключительно красивый молодой человек был коронован в соправители императора, и если бы он взял в жены дочь Людовика II, то под его властью объединились бы Восточная и Западная империи. В нем просматривались задатки не менее выдающегося монарха, чем его отец.

Но неожиданно в начале сентября 879 г. при невыясненных обстоятельствах Константин умер. Василий так никогда и не оправился от этого удара. Он начал все больше и больше уходить в себя, впадая в глубокую депрессию и даже приступы безумия. В такие моменты только один человек мог успокоить его — Фотий, который, стремясь убажить душу императора, устраивал искуснейшим образом аранжированные службы за упокой души Константина, за что в итоге патриарх даже канонизировал его. Все это он делал по одной-единственной причине — дабы предотвратить восшествие на престол второго сына и прямого наследника Василия, Льва. Мы не знаем, почему Фотий столь негативно к нему относился: паренек был вспыльчив и, возможно, чрезмерно увлекался женщинами, но обещал стать превосходным василевсом. Так или иначе, Фотий делал все, чтобы довести до предела известную неприязнь Василия к своему сыну, и достиг в этом значительных результатов.

Когда Льву исполнилось шестнадцать лет, юношу женили, помимо его воли, на девушке по имени Феофано, отличавшейся неказистой внешностью и в придачу совершенно невыносимой набожностью. Лев, однако, упорно продолжал сохранять верность своей первой любви — Зое Заутце. Феофано пожаловалась на это Василию, и тот пришел в ярость и лично выпорол сына; Зоя же была выслана из столицы и в свою очередь выдана замуж. Но патриарх продолжал интриговать на эту тему и распространять разного рода сплетни. Старый император, чье психическое здоровье было уже основательно подорвано, демонстрировал повышенную внушаемость и легко поддавался на инсинуации. В результате через год Льва арестовали и без всяких судебных разбирательств бросили в тюрьму, где он пробыл три месяца.

В эти тяжелые для себя годы Василий находил некоторое отдохновение и утешение в охоте. И именно на охоте летом 886 г.

он обрел свой конец. Большинство хронистов указывают, что он умер в результате несчастного случая, а двое детально описывают его. Однако рассказываемая ими история представляется совершенно неправдоподобной. Согласно их описаниям Василий, оставив своих спутников, в одиночестве ехал на коне и вдруг увидел огромного оленя, пьющего воду из источника. Неожиданно олень развернулся и бросился на Василия; каким-то образом лесному зверю удалось зацепить рогами за ремень всадника и стащить его с седла. После чего олень поскакал по лесу, волоча за собой беспомощного императора. Остальным охотникам не было ничего известно о происшедшем, пока они не встретили императорского коня — без всадника. Тогда охрана императора бросилась его искать, и в конце концов обнаружила оленя, волочившего по земле василевса. Один из охранников на ходу перерезал мечом ремень Василия и высвободил его. Император был жив, но без сознания. Когда оно вернулось к василевсу, тот потребовал измерить расстояние от места происшествия до места спасения — получилось шестнадцать миль. Только после этого он позволил доставить себя во дворец. Девять дней Василий бился в агонии, а 29 августа умер. Ему было семьдесят четыре года.

Это довольно-таки путаное повествование вызывает ряд вопросов. Прежде всего, почему психически нездоровый император, которому шел восьмой десяток лет, был оставлен совершенно без присмотра? Как он сам допустил, чтобы подобный инцидент произошел? Почему Василий не перерезал ремень сам? Почему олень не освободился от ненужного груза? Даже если ему это не удалось, могло ли животное протащить крупного человека шестнадцать миль по труднопроходимой лесистой местности? Вся эта история выглядит еще более подозрительной, если мы примем во внимание, что спасательный отряд охотников возглавлял Стилиан Заутца, отец молодой любовницы Льва.

Итак, мы подходим к последнему и самому важному вопросу: был ли Василий Македонянин убит Стилианом — предположительно с ведома и одобрения Льва? Конечно, мотивация тут имелась. Старик становился все более неуравновешенным — однажды он уже бросал Льва в темницу, — и Василий вполне мог под настроение казнить нелюбимого сына. Над Стилианом, од-

ним из приближенных молодого принца и отцом его любовницы, нависала подобная же опасность. Но никаких свидетельств, что Василий пал жертвой заговора, в хрониках нет; мы можем лишь строить версии по этому поводу.

К моменту посвящения на царство Льву VI исполнилось двадцать лет. Ему было лишь тринадцать, когда в результате смерти его старшего брата отец изменил отношение ко Льву: умеренная неприязнь переросла у Василия в резкое отвращение. Менее чем через три года последовали принудительный брак, изгнание любовницы Льва и заключение его самого в тюрьму, которое усугубило постоянное присутствие в камере нелюбимой жены Феофано — та захотела скрасить горькую участь мужа в тюремной клетке, взяв туда и их маленькую дочь. Все эти невзгоды, обрушившиеся на Льва в период становления его личности, могли катастрофическим образом воздействовать на характер юноши. К счастью, ничего подобного не произошло. Правда, существует подозрение — не более того — в отцеубийстве; что же до остального, то Лев обладал исключительным обаянием, блестящим умом академического склада и глубокой ученостью — в последнем с ним не мог сравниться ни один из его предшественников на византийском троне. Правда, пафос многочисленных проповедей, прочитанных Львом в соборе Св. Софии, не всегда соответствовал реакциям его личной жизни: диатрибы против тех, «кто, вместо того чтобы купаться в чистых водах брака, предпочитает барахтаться в грязи блуда», звучат довольно-таки странно из уст человека, который имел постоянную связь с любовницей с пятнадцатилетнего возраста. Но его выдающиеся познания и глубина его ума сомнению не подлежат, именно поэтому императору дали прозвище «sophotatos» («самый умный»); и по сей день мы знаем его под именем Льва Мудрого.

Вполне естественно, что Лев, взойдя на трон — теоретически он разделял его со своим братом Александром, но тот был охочим до удовольствий ничтожеством, — произвел радикальные изменения в имперской администрации. Самый большой карьерный скачок сделал, конечно же, Стилиан Заутца, ставший Верховным управляющим государственными ведомствами и логофетом драма — по сути, начальником имперской полиции в стране и за

рубежом. Основным потерпевшим оказался — также вполне предсказуемо — Фотий. Во второй раз патриарх вынужденно подписал акт об отречении; ему было позволено уйти в удаленный монастырь, где он мог беспрепятственно продолжать свои теологические и литературные работы. Там Фотий и умер в безвестности несколько лет спустя. На Рождество 886 г. император посадил на патриарший трон своего самого младшего брата Стефана. Хотя тот пребывал в небывалом для патриарха пятнадцатилетнем возрасте, его назначение не вызвало особого противодействия. Никакого другого очевидного кандидата на этот пост тогда не имелось, и Стефан — болезненный юноша, которому, как казалось очевидным, едва ли суждено прожить очень долго, — представлялся всем заинтересованным лицам временной, переходной фигурой.

Имея под рукой Стилиана Заутцу в качестве политического советника и Стефана в качестве послушного орудия в церковных делах, Лев теперь мог считать себя превосходно оснащенным для управления империей. Никаких серьезных пертурбаций в стране до конца столетия не случилось, и закончилось оно на особенно счастливой ноте, когда в 899 г. был созван синод — возможно даже, он имел статус Всеобщего собора, — который многое сделал для восстановления отношений между Восточной и Западной церквями. В результате император смог уделить все свое внимание той огромной работе, что начал его отец, — ревизии и кодификации римского права. Все это вылилось в издание нескольких книг, в которых законы были, во-первых, приведены в системный порядок: конкретный предмет рассматривался *in extenso** в конкретной книге — и нигде более; во-вторых, тексты по большей части излагались на греческом языке, а не на латыни, ставшей в Константинополе мертвым языком, понятным только ученым. Так, начиная со времени правления Льва VI юридические нормы, введенные Юстинианом, начали заменяться новыми.

Но, к сожалению, мир и спокойствие царили только внутри страны. Арабы продолжали оказывать давление на приграничные области, но наибольшую угрозу стала представлять Болгария. После обращения князя Бориса в христианство византийцы понадеялись, что отныне они с болгарами будут жить в мире, но

* *In extenso* — подробным образом (лат.).

Борис отрекся от престола в 889 г., оставив трон своему сыну Владимиру, который немедленно солидаризировался с боярской аристократией. Бояре были твердолобыми реакционерами, ненавидевшими христианство и стремившимися вернуть страну во времена язычества; при их поддержке Владимир принялся уничтожать все плоды работы Бориса. Но он, видимо, плохо знал своего отца. Взрыв ярости последнего еще долго отдавался в веках: старый князь покинул монастырь, вновь взял в свои руки управление страной, низложил и ослепил Владимира и созвал конференцию, на которую собрались делегаты из всех уголков его княжества. Борис попросил собравшихся делегатов признать правителем своего младшего сына Симеона. Без особых колебаний они так и сделали, после чего князь вернулся в монастырь, чтобы уже никогда не покидать его.

Симеону к этому моменту исполнилось двадцать девять лет, он был монахом, но на призыв взойти на трон не замедлил откликнуться. В Византии известие о занятии им престола встретили со вздохом облегчения, и все бы ничего, но вдруг Стилиан Заутца в 894 г. отдает монополию на торговлю с Болгарией двум своим протеже. Они резко повысили таможенные пошлины на все товары, импортируемые в империю, при этом сделав основным перевалочным пунктом Фессалоники — ранее им являлся Константинополь. Так одним махом византийцы положили конец торговому пути из Черного моря через Босфор в Золотой Рог; дорога же на Фессалоники была не только более протяженной — зачастую просто непроходимой. Симеон выразил протест, но Лев поддержал Стилиана, явно недооценив молодого князя. Уже через несколько недель болгарская армия вторглась во Фракию. Пришлось принимать экстренные меры. Выдающийся имперский военачальник Никифор Фока был срочно вызван из Южной Италии, плюс к тому император обратился за помощью к мадьярам. Этот дикий воинственный народ был северным соседом болгар, к которым мадьяры испытывали сильную антипатию. Их не пришлось долго упрашивать, чтобы они через Дунай вторглись на болгарскую территорию. Но если Лев обратился за помощью к варварскому племени, то точно так же мог поступить и Симеон. За землями мадьяр, на равнинах Южной Руси обитало еще одно кочевое племя — печенеги. Подкупленные болгарским золотом,

они напали на тылы мадьяр. Те бросились назад, спасать жен и детей, но обнаружили, что путь блокирован печенежским войском. В конечном счете весь мадьярский народ направился на запад, двигаясь по обширной Паннонской равнине — территории нынешней Венгрии, где мадьяры живут до сих пор.

Когда с мадьярской угрозой было покончено, Симеон вновь обратил все свое внимание в сторону Византии. Никифор Фока был к тому времени неблагоразумно отозван Стилианом с болгарского фронта в Константинополь. Преемник Никифора Катакалон заметно уступал ему как военачальник, и в итоге Лев оказался вынужден просить Симеона о мире. После длившихся пять лет переговоров он был заключен — империя взяла на себя обязательство выплачивать большую ежегодную дань. Кроме того, закрылся фессалоникийский рынок, Константинополь вновь стал центром торговых отношений с Болгарией. Симеон продемонстрировал, что является силой, с которой следует считаться. Он серьезно ослабил византийское могущество как раз в тот момент, когда империи было необходимо мобилизовать все свои ресурсы для борьбы с арабами.

1 августа 902 г. пала Таормина, последний имперский оплот на Сицилии; на Востоке беззащитной осталась Армения, и мусульманские войска начали новое наступление на сопредельную с ней Киликию. Ситуация в Эгейском море была не лучше. Но самое страшное для Византии случилось в 904 г., когда грек-рenegат Лев Триполийский повел сарацинский флот через Геллеспонт в Мраморное море. Будучи, в конце концов, вытеснен оттуда византийцами, он направился к Фессалоникам. Город сопротивлялся три дня, но 29 июля оборона была прорвана. Страшная резня продолжалась неделю; только после этого захватчики взойшли на свои корабли с награбленным добром и с более чем 30 000 пленных, оставив от второго города и порта империи одни дымящиеся руины.

Это было больше, чем несчастье, — это был позор. В спешном порядке разработали план военной кампании. Адмирал Гимерий проведет флотилию вдоль береговой линии до Анталы, там на суда взойдут сухопутные войска под командованием местного военачальника Андроника Дуки, после чего корабли продолжат путь на Тарс — порт, почти столь же значимый для сарацин, как

и Фессалоники для византийцев, — который следовало уничтожить. Гимерий в должное время прибыл в Анталию и обнаружил, что Дука поднял восстание против Византии. Адмирал, будучи недостаточно хорошо экипированным, тем не менее продолжил свой путь. Несколько дней спустя он в пух и прах разгромил сарацинский флот, посланный для того, чтобы пресечь ему путь, после чего сжег Тарс дотла. Дука бежал в Багдад, где вскоре умер. Честь Византии была спасена.

У Льва между тем начались проблемы с Феофано. Он в общем-то никогда не любил жену, но теперь отношения с ней еще более ухудшились. Феофано, пытаясь, видимо, компенсировать отсутствие семейного счастья, обратила все свои помыслы к религии. И у нее это дошло до такой степени, что даже по византийским стандартам ее поведение выглядело достаточно нелепым. Ночью постели мужа Феофано предпочитала жесткую циновку в углу — там она ежечасно вставала для молитвы. Более неприемлемой супруги для молодого здорового принца трудно себе представить, к тому же Лев очень хотел иметь сына. Он почувствовал огромное облегчение, когда она удалилась в монастырь во Влахернах, где скончалась 10 ноября 897 г. Лев устроил для нее пышные похороны.

Сразу же после этого он вызвал свою возлюбленную Зою в Константинополь. Оставалось решить проблему с ее мужем, но так удачно вышло — некоторые посчитали, что как-то уж слишком удачно, — что он тоже в это время взял да и умер. С непристойной быстротой молодая вдова была устроена во дворце, и в начале 898 г. любовники наконец поженились. К радости Льва, Зоя вскоре забеременела, и он с нетерпением стал ожидать сына, обещанного астрологами. Увы, вновь родилась девочка, которой дали имя Анна. Но худшее было еще впереди: в конце 899 г. Зоя умерла от какой-то загадочной болезни. Столь долго ожидавшаяся идиллия продлилась лишь два года.

Печаль Льва была глубокой и неподдельной, но в то же время его продолжал беспокоить вопрос престолонаследия. Его брат и соправитель быстро спивался. Оспариваемое престолонаследие являлось фундаментальным злом, из которого проистекали все остальные беды: заговоры и интриги, дворцовые революции и государственные перевороты. Вывод был очевиден: императору

необходимо жениться в третий раз, и у него должен родиться сын. Но дозволялись ли подобные вещи? Дозволялись — западными отцами церкви на заре христианства. Преждевременные смерти в результате болезни или рождения ребенка случались часто, и представлялось вполне простительным для мужчины взять себе вторую жену после утраты первой или даже третью после кончины второй. Но на Востоке законы были более строгими. Святой Василий неохотно дозволял вторые браки; третьи же он в лучшем случае называл умеренным блудом, и наказанием за них служило воспреещение причащаться в течение четырех лет. Что же до тех, кто пытался жениться в четвертый раз, то им уже вменялось многобрачие, и за это полагался отказ в причащении на восемь лет.

Но если затрагиваются государственные интересы, на многое можно закрыть глаза. На патриаршем троне брата Льва, Стефана, сменил беспечный Антоний Кавлеа, который без особых колебаний дал разрешение на третий брак императора. В супружии Лев выбрал очаровательную девушку по имени Евдокия Ваяни, и в Пасхальное воскресенье 12 апреля 901 г. она родила сына. Увы, Евдокия умерла во время родов, да и сам младенец прожил лишь на несколько дней дольше.

Но император решил не сдаваться. В конце концов ему исполнилось только тридцать пять лет. С другой стороны, заключить четвертый брак сложнее, чем третий, но, даже если бы ему такое удалось, это, безусловно, был бы его последний шанс. Ему следовало хорошо продумать все свои дальнейшие действия. Первое, что он сделал, — взял себе в любовницы поразительно красивую племянницу адмирала Гимерия Зою Карвонопсину — «угольноокою». Лев не хранил в тайне этот союз, который церковь хотя и не одобряла, все же находила более предпочтительным, чем четвертый брак. Первым ребенком Зои оказалась девочка, но в сентябре 905 г. она произвела на свет мальчика. Император был безмерно рад, патриарх же оказался в затруднительном положении. Он не мог позволить императору жениться вновь; с другой стороны, Лев с любовницей не могли жить бесконечно долго во грехе. Наконец стороны пришли к соглашению: Зоя должна будет покинуть дворец, после чего патриарх окрестит ее сына в соборе Св. Софии. Так и произошло. На праз-

дник Богоявления, 6 января 906 г., состоялось крещение — младенцу дали имя Константин.

Уже через три дня Зоя была возвращена во дворец, а Лев тем временем обдумывал следующий шаг. Константин продолжал оставаться незаконнорожденным и поэтому не имел прав на трон; брак с Зоей следовало каким-то образом узаконить. И тогда тайно, в приватной дворцовой часовне, в присутствии простого приходского священника он и его любовница совершили обряд венчания. Только после того как служба окончилась, Лев предал огласке свои действия и провозгласил новую жену императрицей.

В течение восьми лет надвигалась буря, теперь же она разразилась в полную мощь. Церковь пришла в ярость. И речи не могло быть о признании обряда венчания: сам Лев был одним из тех, кто поставил подпись под эклогой — гражданско-процессуальным кодексом, гласившим: «Если кто-либо осмелится приступить к заключению четвертого брака, который как таковой не является браком, то не только потомство от этого союза будет признано незаконным, но и самый этот союз подлежит наказанию, предусмотренному для тех, кто осквернил себя мерзостью блуда, — это следует понимать так, что лица, совершившие данное деяние, должны быть разлучены друг с другом».

Что касается гражданско-процессуального кодекса, то Лев мог заявить о своих особых привилегиях или даже изменить сам кодекс. Но в отношении канонического права он был бессилен. Как мог василевс получить специальное разрешение на четвертый брак? Антоний Кавлеа уже умер; его преемник Николай, ранее бывший личным секретарем императора, теоретически мог дать такое разрешение, если бы в византийской церкви было все спокойно, но он к этому моменту вступил в конфронтацию с Арефом, епископом Кесарийским, который отныне станет его самым непримиримым врагом.

Хотя и Фотий, и Игнатий были уже в могиле, фракции фотииан и игнатииан не только продолжали существовать, но и активно боролись друг с другом. Ареф на протяжении первой половины жизни был убежденным фотианином. В его работах содержались смертельные оскорбления в отношении игнатииан, которые на Пасху 900 г. привлекли его к суду по обвинению в

атеизме. Он был оправдан, а когда его друга Николая назначили патриархом, Ареф стал настаивать, чтобы тот предпринял жесткие действия против игнатиан. Но Николай отказался, поскольку пообещал императору сделать все, что в его силах, чтобы положить конец разладу между двумя фракциями. Разъяренный Ареф поклялся отомстить патриарху, и вопрос о четвертом браке императора предоставлял ему для этого отличный шанс. Позиции сторон были следующие: более умеренные фотиане склонялись к тому, чтобы предоставить Льву разрешение на брак, крайне фанатичные игнатиане решительно выступали против этого. Ареф по идее должен был бы находиться в лагере фотиан; одна лишь мстительность толкнула его к игнатианам, которые приняли епископа с распростертыми объятиями. Раньше они и мечтать не могли о том, чтобы на равных противостоять в интеллектуальном споре искушенным фотианам; теперь же вдруг обрели очень сильного лидера.

Дебаты продолжались на протяжении целого года; император между тем терял терпение. И тут у него появилась идея. Теперь игнатиане имели преимущество в словесных баталиях и, собственно, в общественном мнении Константинополя. Они упорно выступали против разрешения на четвертый брак, но разве их нельзя переубедить? Осторожно навели справки в отношении Евфимия, настоятеля монастыря в Псамафии, — наиболее уважаемого члена партии игнатиан, не считая Арефа. Евфимий, будучи строгим моралистом, по идее должен был бы сразу отвергнуть предложение, которое ему собирались сделать, но Лев хорошо знал людей вообще и личные качества этого человека в частности. Выказав поначалу некоторые колебания, Евфимий в итоге принял предложение возглавить патриархат и заявил, что готов дать испрашиваемое разрешение, но при условии какого-то достойного предлога. Император был готов к этому. Он сказал, что недавно направил все это дело на рассмотрение папе римскому Сергию III, от которого с полной уверенностью ожидал благоприятного ответа. Евфимий вряд ли нашел бы более авторитетное лицо.

Лев действительно не сомневался в том, что Сергей даст требуемую санкцию. Ни один понтифик, достойный папского трона, не упустил бы подобной возможности продемонстриро-

вать свое влияние в делах Константинополя. Более того, Сергей крайне нуждался в военной помощи со стороны Византии в Южной Италии, где сарацины продолжали укреплять свою власть. Имея в виду эту помощь, папа, конечно, должен был счесть свое разрешение на четвертый брак вполне приемлемым *quid pro quo*.

Лев в принципе был готов ждать. Он лишь настаивал на том, чтобы, пока этот вопрос остается неразрешенным, Зое оказывали все почести, полагающиеся императрице. Но вот на Рождество 906 г. и затем на Богоявление Николай воспретил ему войти в собор Св. Софии. Император в обоих случаях молча возвратился во дворец, но месяц спустя нанес ответный удар. Николай был обвинен в том, что он тайно контактировал с мятежником Андроником Дукой, после чего патриарха поместили под арест, а затем принудили подписать акт об отречении от патриаршего трона. Подобное отречение не могло иметь силы без утверждения со стороны других патриархов и, теоретически, со стороны папы римского, но и Лев своевременно ко всему подготовился — заранее тайно привез в столицу представителей трех патриархатов: александрийского, антиохийского и иерусалимского. Папу также информировали о намерениях Льва. Ему было весьма лестно слышать просьбу о признании четвертого брака, а полученное от Льва послание, направленное против его собственного патриарха, являлось еще более ценным свидетельством того уважения, которым пользовалось папство на Востоке, и, конечно, этим не следовало пренебрегать. Ответ Сергия оправдал все надежды императора.

Евфимий, пройдя интронизацию, предоставил столь долго ожидавшееся разрешение, но настоял на том, чтобы Льва и Зою допускали в главную церковь только как кающихся грешников и воспрещали им вход в алтарь. Кроме того, в течение всей службы они должны были стоять. Но для императора это не являлось сколь-нибудь существенной ценой за счастливую супружескую жизнь. Хоть этот брак и считался греховным, он был наконец признан. Лев и Зоя стали мужем и женой, а их младенец Константин, которому к этому моменту исполнилось восемнадцать месяцев, именовался Порфирогенетом (Багрянородным), «рожденным в порфире». Теперь наследование престола Константи-

ном получило необходимую гарантию — насколько это вообще было возможно в те изменчивые, ненадежные времена.

Лев осуществил все свои заветные мечты, но отныне колесо Фортуны закрутилось в обратную сторону. Осенью 911 г. он приказал Гимерию вернуть наконец Крит. На протяжении шести месяцев адмирал вел осаду, но защитники держались стойко. В апреле 912 г. из столицы пришло срочное сообщение: здоровье императора ухудшилось — судя по всему, жить ему оставалось недолго. С неохотой Гимерий снял осаду и направил флотилию в Босфор. Его корабли огибали остров Хиос, когда оказались окружены сарацинской флотилией под командованием Льва Триполийского — того самого военачальника, который практически уничтожил Фессалоники восемь лет назад. Почти все византийские корабли были пущены на дно, самому Гимерию чудом удалось спастись. Он бежал в Митилену, откуда в глубокой печали отправился в Константинополь.

Лев быстро угасал. Ему еще довелось услышать печальные новости, после чего он отвернул лицо к стене. Ночью 11 мая Лев умер. Он выказал себя если не великим, то весьма достойным императором. Правда, Лев вызвал такой глубокий раскол в церкви, какого она давно уже не знала, но это явилось неизбежным результатом его четвертого брака, которым Лев обеспечил и признанное всеми престолонаследие, и продолжение Македонской династии. А ей суждено было просуществовать еще 150 лет, и она явилась величайшей династией в истории Византии. Во всех прочих отношениях Лев правил мудро и достойно. Он оставил империю в гораздо более благополучном состоянии, нежели к моменту его восшествия на престол. Лев никогда не занимался самовосхвалением: ни грандиозные соборы, ни величественные дворцы не увековечили его память, а его мозаичное изображение над имперскими воротами собора Св. Софии — где он, к слову сказать, представлен распростертым перед Христом — несомненно, появилось лишь через несколько лет после смерти василевса. Его самые долговечные свершения — кодификация права, реорганизация провинциальной администрации, реструктуризация вооруженных сил — не отличались зрелищностью, но не стали от этого менее ценными. В течение жизни Льва его искренне любил народ, и после смерти императора люди имели все основания испытывать к нему чувство благодарности.

13

Кроткий узурпатор (912—948)

Единственный положительный момент, который можно отыскать в правлении императора Александра, — это его краткосрочность. Совершенно изношенный к сорока одному году в результате беспутного образа жизни, он пробыл на троне чуть менее тринадцати месяцев. Его обычное поведение можно сравнить только с вопиющими эксцессами из бытия Михаила Пьяницы: такая же бессмысленная жестокость, такие же пьяные бесчинства, такие же беспричинные кощунства. Однажды Александру пришло в голову, что бронзовый кабан на ипподроме — это его второе «я», и он распорядился снабдить фигуру новыми зубами и гениталиями, с тем чтобы избавиться от собственной немощи.

Он всегда ненавидел брата и в 903 г. участвовал в заговоре, целью которого было убийство Льва. Оказавшись у власти, Александр начал коренным образом менять всю политику, проводившуюся Львом, и отменил все его указы. Императрицу Зою бесцеремонным образом выгнали из дворца; ее дядя Гимерий, безукоризненно служивший империи, попал в немилость и был брошен в темницу, где вскоре умер. Между тем в Константинополь прибыло болгарское посольство от Симеона, с целью предложить пролонгацию мирного договора от 901 г. Александр рассматривал этот договор как результат работы его брата, и по одной этой причине соглашение следовало аннулировать. Император в ярости набросился на послов, крича, что ему не нужны больше никакие договоры, и заявил, что Византия впредь не будет выплачивать дань, после чего прогнал их. Симеон, будучи уверенным в силе своей армии, начал приготовления к войне.

Все по той же причине — действовать в противовес своему брату — Александр вернул из ссылки и восстановил на троне патриарха Николая. Патриарх провел пять лет в ссылке, размышляя о несправедливости, которую он претерпел, и в особенности о предательстве игнатиан, теперь думал только об отмщении. Евфимий предстал перед судом в Магнаврском дворце, где с него публично сорвали одежды, которые все присутствовавшие начали втаптывать в пыль. Недавнего императора повалили на землю, его начали бить и плевать в него. Евфимия избивали до тех пор, пока он не потерял несколько зубов и уже готовился испустить дух. Если бы некий аристократ по имени Петрон не защитил его, пишет хронист, Евфимий незамедлительно умер бы смертью мученика.

Сослав Евфимия в Агафонский монастырь, патриарх Николай предпринял кардинальную чистку всей своей епархии, направленную на искоренение клириков, причислявших себя к игнатианам. Как он представлял себе функционирование церкви после осуществления столь радикальной хирургической операции, — среди одних только епископов было две трети игнатиан, — в хрониках ничего не говорится. Уволенные, однако, в большинстве своем отказывались уходить. Так, Ареф Кесарийский заявил, что покинет свой епископат, только если его изгонят силой. Между тем резиденции отдельных епископов-фотиан, попытавшихся избавиться от подведомственных им священников-игнатиан, начала осаждать мятежная толпа. К моменту, когда, охваченный паникой, патриарх отменил распоряжение об увольнении игнатиан, только четыре епископа согласились со своей отставкой.

К этому времени император Александр был уже мертв. Он окончательно подорвал силы в ходе совершения им языческих жертвоприношений на ипподроме — предположительно, одно из них предназначалось кабану — в надежде исцелить свою импотенцию. Александр умер два дня спустя, в воскресенье, 6 июня 913 г. Мозаичный портрет императора в северной галерее собора Св. Софии, безусловно, датируется временем его правления; после смерти Александра его подданные меньше всего думали о том, как увековечить беспутного бестолкового василевса.

Между тем его невестка Зоя отчаянно тревожилась за судьбу своего сына Константина: она знала, что Александр планировал

кастрировать его. С возвращением Николая ее тревоги усилились — тот никогда не признавал разрешения на брак, которое дал его враг Евфимий, и Зоя понимала, что патриарх сделает все для того, чтобы не допустить Константина на трон. Ее подозрения оказались вполне обоснованны: у патриарха действительно имелся альтернативный кандидат. Это был Константин Дука, доместик схол*, сын предателя Андроника, человек, не испытывавший никакой преданности по отношению к Македонской династии. Он мог опереться на поддержку значительной части вооруженных сил, и у него имелись хорошие контакты с большинством аристократических домов; если бы Дука собрался совершить переворот, то его шансы на успех были бы очень высоки. На протяжении достаточно продолжительного времени он вел тайную переписку с Николаем; наступи подходящий момент — они были готовы захватить власть в империи.

Но вот умирающий император, обретя на непродолжительное время ясность сознания, назвал своего преемника — им оказался Константин. К несчастью, вслед за тем василевс назначил регентский совет. Его председателем стал Николай, а Зоя не была включена в него. Она решительно воспротивилась: никогда еще в истории Византии мать императора и коронованную августу не лишали места в такого рода совете. Став регентом, Николай адекватно отреагировал на протест Зои: он арестовал ее, остриг волосы и отослал в далекий монастырь. Она лишилась даже своего имени: отныне ее стали именовать сестрой Анной. Ее семилетний сын оказался единственным императором, но при регенте, который отказывал ему в законном праве на трон, как долго Константин мог надеяться сохранить свою жизнь?

И действительно, уже через несколько дней после восшествия мальчика на престол произошла попытка государственного переворота. Константин Дука, покинув свой фракийский лагерь, вошел в Константинополь ночью — дворцовые ворота ему должны были открыться изнутри. Но предупрежденный магистр** Иоанн Элада поджидал его с отрядом воинов из этерии***. Несколько

* То есть главнокомандующий сухопутных сил империи. — *Примеч. авт.*

** Магистр — одно из высших должностных лиц империи.

*** Этерия — наемная иноземная гвардия, телохранители императора.

людей Дуки были убиты в результате завязавшейся схватки; когда же Константин попытался спастись бегством, его конь поскользнулся на мокрой мостовой. Один из гвардейцев без промедления убил упавшего Дуку.

Патриарх, конечно же, отрекся от причастности к заговору и приказал арестовать всех подозреваемых в нем. Кровавые репрессии были осуществлены в отношении целых рот; помимо казней широко практиковались порка и ослепление. Только когда сам регентский совет начал протестовать против безжалостного кровопролития, Николай повелел остановить карательный процесс.

Менее чем через два месяца после фиаско Дуки у ворот Константинополя появился Симеон Болгарский с армией, которая была настолько огромной, что ее лагерь растянулся по всей длине стены, составлявшей четыре мили, — от Мраморного моря до бухты Золотой Рог. И здесь князь пришел к такому же выводу, что ранее сделал его пращур Крум: городские укрепления — неприступны. Симеон, однако, не стал отступать. Угроза блокады в сочетании с систематическим опустошением окружающей сельской местности могла обеспечить ему соглашение на выгодных для него условиях, причем без людских потерь. Из дворца в Евдоме он направил послов в регентский совет, заявив, что хочет вести переговоры о мирном урегулировании. Николай был вполне готов пойти на соглашение с Симеоном, ведь война наверняка привела бы к отпадению болгарской церкви — которая пока еще продолжала оставаться подведомственной Константинопольскому патриархату — и даже могла вновь толкнуть ее к Риму. Он нанес тайный визит Симеону в Евдоме. В ходе проведенных дискуссий болгарский князь настаивал только на том, чтобы ему выплатили задолженность и чтобы молодой Константин взял в жены одну из Симеоновых дочерей. Затем, нагруженный дарами, он вернулся к себе на родину.

Почему Симеон не настоял на более выгодных условиях? Исследование стен убедило его в том, что Константинополь может быть завоеван только дипломатией, а переговоры с Николаем позволили ему обнаружить совершенно неожиданного союзника. И потому политика Симеона изменилась. Амбиции князя на византийском направлении теперь были сфокусирова-

ны на самой короне, которая, ввиду того что он становился тестем императора, оказывалась у него под контролем. Другими словами, Симеон красиво сыграл свою партию и, с учетом возникающих перспектив, добился больше, чем хотел.

А вот патриарх, увы, проиграл. Его сотоварищей по совету давно уже раздражала самонадеянность Николая, а его жестокость вызывала у них отвращение. Членов совета также ужасало его обращение с Зоей и трогал вид несчастного маленького императора, который бродил по дворцу и плакал, вспоминая о своей маме. Известие о том, что патриарх вступил в тайные переговоры с болгарским князем, явилось последней каплей. В феврале 914 г. сестру Анну вызвали из женского монастыря, и, вновь обретя статус императрицы, она взяла регентство в свои руки.

Новое правительство Симеон презрительно именовал советом евнухов. Но евнухи в Византийской империи были равно далеки как от жеманных певчих Западной Европы позднейшего времени, так и от страдавших избыточным весом зрителей восточных гаремов. На протяжении по меньшей мере четырех столетий они являлись уважаемыми членами общества. Евнухи занимали самые высокие посты в церкви и государственной администрации. К X в. для многообещающего юноши стать евнухом означало получить серьезную гарантию в продвижении по службе, и потому для амбициозных родителей кастрация младшего сына представлялась совершенно естественной процедурой. Было замечено, что евнухи обычно более усердны и более преданы своему делу, чем их коллеги, которых одолевали заботы о собственной семье. К тому же с ними можно было избежать многих рисков — они не являлись основными участниками любовных интриг и не имели права претендовать на трон. То есть совсем не удивительно, что Зоя и ее евнухи проявили себя превосходными государственными менеджерами.

Первым побуждением Зои при возвращении во власть было избавиться от Николая. Она хотела призвать Евфимия, но тот сказал, что с него достаточно. В конце концов, с тяжелым сердцем она дозволила Николаю продолжить патриаршее служение, сделав ему жесткое предупреждение в том плане, что для его здоровья будет лучше не вмешиваться в дела, которые патриарха не касаются.

Удача, похоже, в полной мере повернулась к Зое. В течение следующих восемнадцати месяцев ей удалось отвоевать Армению у халифа и посадить там на трон занимавшего строго провизантийскую позицию князя Ашота. Зоя также нанесла поражение еще одной мусульманской армии, вторгшейся на имперскую территорию из Тарса, и в пух и прах разгромила третью армию в окрестностях города Капуи — восстановив, таким образом, престиж Византии на Апеннинском полуострове. К концу 915 г. у подавляющего большинства ее подданных сложилось мнение, что императрица Зоя не умеет совершать ошибки.

Даже Симеон Болгарский потерпел от нее поражение — пусть только временное. Для него отстранение патриарха Николая от власти и возвращение Зои явилось серьезным ударом: князь знал, что императрица никогда не разрешит брак, на который он возлагал такие надежды. Должна была разразиться война. В сентябре Симеон появился с армией вблизи Адрианополя, который сдался без какого-либо сопротивления. Князь, по-видимому, был искренне удивлен, когда императрица направила мощный отряд для освобождения города, и Симеон, имея недостаточно войск, отступил. В 917 г., когда он вновь появился во Фракии, Зоя решила на упреждающий удар. Ее стратиг в крымском Херсонесе Иоанн Бог подкупил печально известных своей продажностью печенегов, чтобы они вторглись в Болгарию с севера, и византийский флот подрядился переправить их через Дунай. А византийская армия должна была выступить из Константинополя и подойти к южной границе. Окажись Симеон зажатым в гигантские клещи, ему пришлось бы договариваться.

Иоанн Бог, как и планировалось, прибыл с печенегами на берега Дуная, где их ожидала византийская флотилия, которой командовал армянин по имени Роман Лакапин. Едва эти двое встретились, между ними разгорелся яростный спор, кто главнее в проводимой операции. В результате Роман категорически отказался переправлять печенегов через реку, и те, устав ждать, разошлись по домам.

Между тем византийская армия под командованием Льва Фоки двинулась из столицы вдоль Черноморского побережья; 20 августа первые лучи солнца застали ее расположившейся лагерем вблизи небольшого порта Анхиала. Именно тогда Си-

меон, который отслеживал ее продвижение, решил, что это его шанс. Устремившись на нее с западных холмов, он не проявил никакой пощады. Практически вся византийская армия была уничтожена. Льву Фоке удалось спастись. Не многие оказались столь же удачливы.

Легко можно было себе представить гнев императрицы. Роман Лакапин был приговорен к ослеплению, но, на его счастье, влиятельные друзья в последний момент смогли добиться отсрочки приведения приговора в исполнение. Как ни странно, доверие императрицы к Льву Фоке осталось, по видимости, непоколебленным: той же зимой она отдала в его распоряжение еще одну армию, которая подверглась почти столь же тотальному уничтожению, что и первая.

В столице к началу 918 г. царил нарастающий хаос. После двух сокрушительных поражений репутация Зои рухнула, ее режиму угрожала серьезная опасность. И не было никакой возможности прийти к какому-то соглашению с Симеоном: он продолжал настаивать на заключении брака между Константином и своей дочерью как непременном условии урегулирования ситуации, а императрица не могла даже подумать о том, что у нее будет невестка варварского происхождения. Ей надо было найти опору в самой империи. Но на кого она могла положиться? Имелось только два варианта, два наиболее влиятельных лица в Византии. Первый был Лев Фока. Хотя как полководец он дискредитировал себя, но его семья возглавляла список крупнейших византийских землевладельцев; кроме того, он был вдовцом — заключив с ним брак, императрица весьма серьезно укрепила бы как собственные позиции, так и своего сына. Альтернативой являлся Роман Лакапин. В отличие от Льва он не блистал ни благородным происхождением, ни хорошим воспитанием; это был сын армянского крестьянина, который сделал карьеру только благодаря собственным заслугам. Хотя Роман никак особо не отличился во время последних военных действий, он оставался непобежденным, а его огромный флагманский корабль и сейчас стоял на якоре в Золотом Роге в окружении имперской флотилии. В конце концов императрица предпочла красивого анатолийского аристократа самоуверенному выскочке иноземного происхож-

дения, и Лев вскоре стал одним из ее самых доверенных советников.

Однако жители Константинополя никогда не доверяли аналитической аристократии. Они традиционно выказывали преданность укоренившейся династии. Юному Константину к тому времени исполнилось тринадцать лет; его здоровье оставляло желать лучшего, но мальчик был незаурядного ума и выказывал задатки первоклассного императора. Однако имелись ли у него шансы выстоять против амбиций Фоки, когда даже его мать, по-видимому, не осознавала грозящую опасность?

Именно в этот момент Феодор, персональный наставник Константина, взял дело в свои руки и написал от его имени письмо Роману Лакапину; тот без всяких колебаний заявил, что готов послужить защитником юному императору. Он не заблуждался относительно того воздействия, которое это заявление окажет на императрицу. Поощряемая Фокой, она потребовала от Романа списать всех моряков с кораблей и расформировать флотилию. Адмирал ответил вежливым согласием, пригласив управляющего императорским двором на борт флагманского корабля, дабы он лично убедился, насколько добросовестно выполняется распоряжение императрицы. Ничего не заподозрив, управляющий явился на корабль — только для того, чтобы быть арестованным, а когда Зоя направила к Роману своих уполномоченных потребовать от него объяснений, их встретил град камней. Теперь уже серьезно встревоженная, она назначила заседание своих министров, но они также выступили против нее. Императрица была вынуждена молчаливо слушать, как юный Константин читает заранее подготовленный текст, извещавший Зою о том, что ее регентство подошло к концу.

Теперь Льву Фоке и Роману Лакапину предстояло сойтись в открытой борьбе за лидирующую роль в империи. 25 марта 919 г. Роман вошел во дворец и объявил, что берет в свои руки управление страной. Уже через месяц в соборе Св. Софии его юная дочь Елена венчалась с Константином, а Роман взял себе титул василеопатора*. Во второй раз за полстолетия с небольшим армянский выскочка оказался в одном шаге от трона Византии.

* Василеопатор — «отец императора»; один из высших титулов империи.

В свою очередь Лев Фока вернулся через Босфор в расположение армии, где поднял мятеж, поставив своей целью, как он выразился, «освободить императора из лап узурпировавшего власть Романа». Последний нанес встречный удар, используя двух тайных агентов — священника и проститутку, которым было предписано распространять копии письма, подписанного юношей императором, подтверждавшим, что тесть пользуется полным его доверием. Священник был арестован, но проститутка выполнила свою работу превосходно и мятежники сложили оружие. Сам Лев был схвачен в одной из вифинийских деревень, где ему вырвали глаза, прежде чем привели в кандалах в Константинополь.

Для Романа открылась прямая дорога к трону, но этой цели он мог достичь, только подмяв под себя юного Константина. И вот, при активном содействии патриарха, летом 920 г. в Константинополе был созван синод, который 9 июля окончательно утвердил пересмотренный канонический закон о повторном браке. Закон гласил, что четвертые браки абсолютным образом воспрещались, они наказывались отлучением от церкви, продолжавшимся до тех пор, пока венчавшийся раз и навсегда не отвергнет своего партнера (партнершу). Этот указ не распространялся на действия, совершенные в прошлом, но два последних брака Льва VI осуждались в самых жестких выражениях и законность рождения его сына допускалась неохотно, из милости. Не прошло и месяца, как Зоя была обвинена Романом в попытке отравить его. Этого было достаточно, чтобы определить ее судьбу раз и навсегда. Снова ей остригли волосы, снова она была вынуждена облачиться в грубое одеяние монахини, и вновь массивные ворота монастыря Св. Евфимии захлопнулись за вынужденной идти в заточение сестрой Анной.

У Романа оставался теперь последний недруг. Наставник Константина Феодор, сыгравший решающую роль в восхождении Романа к вершинам власти, теперь увидел, что его подопечный оказался в таком же положении, что и ранее: Роман, как и Лев Фока, проявил себя своекорыстным. Отношение Феодора к Роману резко изменилось, и тот вскоре осознал, что его бывший союзник стал его врагом. Феодор был арестован по обвинению

в организации заговора и сослан на свою родину, в северо-западную Анатолию.

С его отбытием Константин потерял последнего настоящего друга. Теперь он являлся лишь пешкой в руках тестя, которого через несколько дней после своего пятнадцатого дня рождения он покорно назначил цезарем. Менее чем через три месяца, 17 декабря 920 г., произошла кульминация поразительной карьеры Романа Лакапина — возложение Константином на его голову императорской диадемы. Теоретически, конечно, Константин продолжал оставаться верховным императором, но уже через год портрет Романа начал занимать почетное место на византийских монетах. Для подавляющего большинства жителей империи отречение от престола молодого Порфирогенета являлось только вопросом времени.

О начальном этапе жизни Романа Лакапина — или, как нам теперь надо его называть, Романа I — мы знаем совсем мало. Его отец, известный своим современникам под именем Феофилакта Невыносимого, был армянским крестьянином, которому однажды посчастливилось спасти жизнь Василию I в бою с сарацинами. Этим он заработал себе место в императорской гвардии, но предоставил своему сыну возможность самому делать карьеру. Родившийся примерно в 870 г., Роман поступил на императорскую службу, и ему, по-видимому, не исполнилось еще тридцати лет, когда он был назначен стратигом Самосской фемы. В 912 г. он сменил Гимерия на посту друнгария — верховного адмирала.

К моменту восшествия Романа на престол его жена Феодора родила ему по меньшей мере шестерых детей, а до ее смерти в 923 г. она родила еще двоих. Из четверых сыновей к концу 924 г. троих Роман произвел в соправители императора; самый младший, Феофилакт, был евнухом — ему уготовили карьеру в патриархате.

Подобно соплеменнику Василию I новый император стремился основать династию. Чем он отличался от своего предшественника, так это относительной мягкостью характера. Роман Лакапин в полной мере использовал хитрость и обман, но не был ни грубым, ни жестоким. При живом Константине Багрянородном у императорского дома Лакапина едва ли могло быть сколько-нибудь продолжительное будущее, и, принимая в расчет хруп-

кое здоровье мальчика, того было бы легко отравить: Василий в этом случае не колебался бы. Роман мог сделать все, что угодно, дабы устранить молодого императора, но он не тронул его и пальцем.

Однако у Константина и без того было несчастное детство: рано умер отец, мать поносили как наложницу и дважды ссылали, его самого постоянно обвиняли в незаконнорожденности, и ему приходилось молчаливо смиряться с постепенным устранением всех тех, кому он мог довериться. Среди огромной и в основе своей враждебной к нему семьи Константин был одинок, нежеланен и нелюбим. К счастью, его физическая слабость компенсировалась наличием живого ума и творческими способностями: по-видимому, он являлся талантливым художником, а его интеллектуальная любознательность не знала границ. Константин проводил целые часы, изучая сложные хитросплетения византийского придворного церемониала, — его исчерпывающая работа «*De Ceremoniis Aulae Byzantinae*»^{*} остается для нас самым ценным источником в этой области.

Он не предпринимал никаких попыток утвердиться во власти. Когда его, имевшего статус верховного императора, Роман отодвинул в сторону; когда в мае 921 г. тесть возвысил своего старшего сына Христофора до уровня еще одного соправителя; когда четыре года спустя он возвысил до того же положения двух других своих сыновей, что привело к нелепой ситуации одновременного правления пяти императоров; даже когда в 927 г. Роман провозгласил, что выше Христофора находится только он сам, низведя таким образом Порфирогенета на третье место, — ни в одном из этих случаев Константин не проронил ни слова протеста, хотя каждый раз чувствовал себя глубоко уязвленным. Константин знал, что у него есть одна главная обязанность — выжить.

За пределами империи основную проблему для Романа представляла Болгария. С момента восшествия на престол он делал все для восстановления добрососедских отношений, но Симеон не хотел принимать никаких условий, в которых не было бы оговорено отречение Романа, так что военные действия продолжались. В 919 г. Симеон дошел на юге до самого Геллеспонта; в

^{*} «О церемониале византийского двора» (лат.).

921 г. в пределах видимости были уже стены Константинополя. В 922 г. он добрался до европейского берега Босфора, подверг разграблению область, примыкающую к Истинье, и сжег один из самых любимых дворцов Романа в Пигах. В 923 г. Симеон вновь захватил Адрианополь. Но ни одна из этих маленьких побед не приблизила его к заветной цели: со стороны суши Константинополь оставался неприступным.

В 924 г. Симеон замыслил решающий приступ — на этот раз со стороны моря. У него самого не было флота, но он договорился с правившим в Северной Африке халифом из династии Фатимидов о том, что корабли последнего окажут болгарам поддержку. Однако Симеон не знал, что византийцы тайно подкупили халифа, и, когда в разгар лета 924 г. Симеон повел армию по меньшей мере уже в десятый раз во Фракию, он, к удивлению своему, не обнаружил в Мраморном море никаких кораблей. И князь, вместо того чтобы осуществить очередное опустошение прилегающей области, решил вновь встретиться со своим старым другом патриархом Николаем.

Опять престарелый патриарх проделал путь в болгарский лагерь, однако на этот раз он нашел князя менее расположенным к общению: Симеон был заинтересован в переговорах только с первым лицом государства, о чем и сообщил Николаю.

Император не имел возражений. Он всегда предпочитал переговоры ведению боевых действий. Но и Роман, и Симеон хорошо знали, что произошло на встрече Крума и Льва V столетие назад. Так что в Космидии, в северной оконечности бухты Золотой Рог, соорудили большой мол и на нем установили поперечное ограждение. Симеон должен был приблизиться со стороны суши, Роман — со стороны моря; между ними пролегал бы барьер.

Встреча произошла 9 сентября, в четверг. Симеон появился при полном параде; император, который принес с собой самую священную реликвию города — мантию Пресвятой Девы, выглядел задумчивым и подавленным. Последний в типично византийской манере прочел своему недругу проповедь, воззвав к лучшей, христианской стороне души Симеона. Роман кротко просил о заключении мира. Он был всего лишь сыном армянского крестьянина, тогда как Симеон мог похвастаться знатной родословной, восходящей как минимум к грозному Круму, а возмож-

но, и к еще более выдающимся деятелям. Но Роман говорил от лица тысячелетней Римской империи, по сравнению с которой Болгария была всего лишь княжеством-парвеню, населенным полуцивилизованными варварами. Это было во всех отношениях мастерское выступление, и оно возымело успех. Детали условий, выдвинутых самим Романом, были вскоре урегулированы. К увеличившейся дани прибавился ежегодный дар, включавший в себя сотню богато расшитых шелковых одеяний. Взамен Симеон уходил с имперской территории, включая захваченные им крепости на Черноморском побережье.

По окончании переговоров Симеон молча отошел от заграждения, вскочил на коня и отправился в свои пределы. Более он никогда не вторглся на имперскую территорию. К этому времени ему было за шестьдесят, Симеон просидел на троне более тридцати лет. Никогда более он не мечтал уже о том, чтобы править в Константинополе, и присвоение им самому себе в 925 г. титула василевса римлян и болгар выглядело поступком не государственного мужа, а дерзкого мальчишки. Как довольно холодно заметил Роман, Симеон может именовать себя халифом Багдада, если у него есть такое желание. В следующем году Симеон в конце концов заявил о независимости болгарской церкви, возвысив своего архиепископа до уровня патриарха. Николай пришел бы от этого в ужас, но он к тому времени был уже мертв, а никого более данное событие, по-видимому, не озаботило. Симеон сам вскоре умер. Это случилось 27 мая 927 г., ему было шестьдесят девять лет.

Симеон оставил четкие указания: болгарская корона после его смерти переходит к его сыну Петру; пока же он не достигнет совершеннолетия, в качестве регента выступает его дядя по материнской линии Георгий Сурсбул. Последний захотел заключить с Византией мирный договор, который затем был бы скреплен брачным союзом. Роман охотно откликнулся на это предложение, и Георгий во главе делегации направился в Константинополь, где был представлен юной Марии, дочери старшего сына Романа Христофора, — она его сразу же очаровала. Регент не стал терять время и послал за своим племянником. Царское бракосочетание состоялось во дворце в Пигах 8 октября, всего лишь через четыре с половиной месяца после смерти Симеона.

Пару должным образом благословил патриарх Стефан II, заступивший на место Николая в 925 г., — сын императора Феофилакт, которому в ту пору исполнилось восемь лет, был еще слишком юным для этой должности. Затем, вся заплаканная, поскольку едва вышла из детского возраста, принцесса, ныне переименованная в Ирину, отправилась на северо-запад.

О мирном договоре, подписанном в это же время, мы знаем не много. Роман согласился признать независимость болгарского патриархата и императорский титул «царь» — по-гречески «василевс», — Петра. Первое из этих положений не очень обеспокоило Романа: независимость патриархата фактически лишала болгар одного из их излюбленных средств шантажа — намеков об уходе к Риму. Второй пункт не слишком нравился императору, но он прежде всего был реалистом. В интересах быстрого заключения соглашения, используя брачный союз как дальнейшую гарантию безопасности империи от внешней угрозы, Роман был готов пойти на небольшие уступки. А внутри страны у него не имелось причин для волнений. Все ключевые посты оказались в его руках. Морской флот и большая часть армии поддерживали Романа. Церковь, находившаяся под началом раболепного патриарха, не обещала в дальнейшем никаких проблем. Единственный возможный соперник Романа всецело находился под его контролем и, к слову сказать, являлся его зятем. Наконец-то Роман был защищен со всех сторон. Более того, вскоре стало ясно, что Болгария — отыгранная фигура. Она смогла бы стать могущественной силой, только если бы ей удалось завоевать Византию, но империя осталась непобежденной. К тому же молодой Петр не обладал агрессивностью отца и за сорок два года правления так и не научился искусству сплачивать свое царство. В результате за полстолетия Болгария не подала империи ни одного повода для беспокойства.

Но того же нельзя было сказать о восточной границе Византии. Ко времени смерти Льва в 912 г. положение там оставалось в основном такое же, как и на протяжении последних двух столетий. Но начиная с 923 г., в результате действий блестящего византийского полководца Иоанна Куркуаса, наметился перелом в военном противостоянии с мусульманами. Был окончательно сокрушен пират Лев Триполийский; была утверждена и консо-

лидирована имперская власть в Армении; в 934 г. был инкорпориран в империю важный арабский эмират Мелитина. Беда на этот раз пришла не с запада и не с юга, а с северо-востока.

В 941 г. в Константинополе могли еще проживать старики, помнившие рассказы родителей об ужасном набеге русов, случившемся восемьдесят один год назад; за прошедший период русы прошли длинный путь. Примерно в 882 г. норманн Олег захватил Киев и сделал его столицей нового государства. На смену ему после его смерти пришел Игорь, сын Рюрика, ставший великим киевским князем. Именно Игорь в начале июня 941 г. направил против Византии могучую армаду. Когда Роман услышал о приближении этой флотилии, его сердце упало: вся византийская армия находилась на восточной границе, флот был поделен между акваториями Средиземного и Черного морей. Из числа имевшихся плавсредств все, что можно было быстро мобилизовать, — это пятнадцать жалких блокшивов, давно уже предназначавшихся для свалки. Они были нагружены до самых планширов греческим огнем и направлены — под руководством некоего Феофана — блокировать северную оконечность Босфора. Феофан прибыл как раз вовремя: утром 11 июня корабли русов показались на горизонте. Он сразу же атаковал.

Невозможно преувеличить значимость греческого огня в византийской истории. Сарацинам он был уже слишком хорошо знаком, для русов же оказался полной неожиданностью. Когда первый их корабль сгорел, остальные резко развернулись, вышли из Босфора и направились на восток, вдоль Черноморского побережья Вифинии. В Вифинии русы высадились на сушу и начали творить несказанные бесчинства, наводя ужас на местное население. Этот террор продолжался несколько недель; наконец на место событий прибыл стратиг Армениака Варда Фока со своими местными новобранцами, он отвлекал на себя внимание мародеров, пока не подошли крупные силы — войска Куркуаса. Также к месту дислокации русов уже направлялся флот — каждая новоприбывшая эскадра сразу же вступала в бой. Вскоре уже русы оказались в роли обороняющихся. Приближалась осень, и они стремились быстрее отплыть домой. Но было уже слишком поздно — между ними и открытым морем находился византийский флот. В начале сентября русы предприняли отчаянную

попытку прорваться сквозь блокаду, но греческий огонь вновь сделал свое дело и все море оказалось охвачено пламенем. Корабли русов горели как щепы, их экипажи начали выпрыгивать за борт; счастливчики сразу ушли на дно под тяжестью своих доспехов, остальные же встретили страшную смерть в покрытой маслом воде, которая пылала не менее сильно, чем корабли. В Константинополе Феофана чествовали как героя.

Уже три года спустя Игорь предпринял новый рейд, на этот раз используя десантную операцию. Роман, однако, постарался избежать столкновения. Его послы встретились с великим князем на берегу Дуная и просто-напросто откупились от него. Вскоре делегация русов прибыла для заключения политического и торгового договора, и на протяжении следующей четверти столетия отношения между Киевом и Константинополем оставались достаточно ровными.

Между тем Иоанн Куркуас отвел армию назад на восток. К его облегчению, важная ситуация там не изменилась: его главный враг Сайф эд-Даула — Меч Империи, мосульский эмир из династии Хамданидов — отсутствовал, какие-то серьезные проблемы заставили его уехать. Все казалось благоприятным для возобновления прерванного наступления. Поздней осенью 942 г. Иоанн после продолжительной и трудной кампании вступил в Эдессу. Этот город, хоть и подпал под влияние ислама еще в 641 г., мог гордиться длительной и почтенной христианской традицией. Прежде всего он был известен двумя реликвиями: посланием от Иисуса Христа и портретом Спасителя, чудесным образом запечатленным на некоем одеянии. Известно было, что оба эти предмета поддельные, но легенды оказались сильнее правды. Особенно захватил воображение Куркуаса портрет, и он вознамерился занять чудесный образ. Жители Эдессы, прежде чем отдать свое сокровище, посоветовались с халифом, который дал санкцию, поскольку не было иной возможности спасти город. Со всяческими церемониями портрет был доставлен в Константинополь, где у Золотых ворот его официально приняли патриарх и три молодых соправителя императора, после чего реликвию торжественно пронесли по улицам города к собору Св. Софии.

Роман при всем этом не присутствовал. Ему уже было сильно за семьдесят, и он проводил больше времени с монахами, чем

с министрами, постепенно погружаясь в болезненную религиозность. На душе у него было беспокойно, поскольку он приобрел трон в результате клятвопреступления и обмана, лишив законного василевса власти и возведя в императорский ранг своих никчемных сыновей. Христофор, по общему признанию, все-таки подавал некоторые надежды; двое же его младших братьев, Стефан и Константин, были печально известны своей безнравственностью, и та готовность, с которой Роман им потакал, являлась наглядным признаком его собственного падения.

Чуть ли не единственным разумным поступком Романа за последние унылые годы его жизни явилось составление нового завещания, в котором утверждалось верховенство Константина Багрянородного, — таким образом, после смерти Романа его сыновья должны были быть отстранены от власти. Его ошибка заключалась в том, что он обнародовал это свое решение: его сыновья сразу же пришли в ужас. Если Константин становился верховным императором, то что их могло ожидать? Изгнание? Кастрация? Ссылка? Не исключалась и еще более ужасная судьба. И за пять дней до Рождества 944 г. два молодых Лакапина со своими приспешниками прокрались в комнату Романа. Он не стал оказывать сопротивления, когда они понесли его к маленькой гавани Вуколеон, и несколько минут спустя Роман был уже на пути к Принцевым островам. Там ему выбрили тонзуру и принудили дать монашеский обет. Можно предположить, что он был этому только рад.

К тому времени как сыновья вернулись на материк, весь Константинополь уже был на ногах. Никого особо не заботила судьба Романа — все беспокоились за Константина. Вскоре разгневанные, полные подозрений толпы собрались у дворцовых ворот. Лишь после того как молодой император показался в окне, они согласились разойтись. Обнаружилось то, чего никто ранее не подозревал: Константин был любим народом. Он никогда не стремился завоевать эту любовь — напротив, он намеренно оставался в тени. Но Константин обладал одним большим достоинством — легитимностью. Внук Василия Великого, только он был законным императором Византии. Лакапины же являлись выскочками, и византийцы достаточно натерпелись от них.

Братья, увидев, что просчитались, выбрали единственный возможный для себя путь — с большой неохотой признали Кон-

стантина верховным императором. Однако мягкий, скромный Константин не получил всей полноты власти, и, будь он представлен самому себе, возможно, терпел бы такое положение дел сколь угодно долго. Но его жена Елена, дочь Романа, была сделана из более твердого материала. На протяжении двадцати пяти лет она выказывала верность мужу, отстаивая его интересы в противовес своей семье, и теперь потребовала от него решительных действий. 27 января 945 г. оба соправителя императора были арестованы, им выбрили тонзуру и отправили в ссылку — в разные места. Из оставшихся Лакапинов только патриарх Феофилакт и находившаяся в Болгарии царица Мария продолжали занимать властные позиции.

Что касается старого императора, то его жизнь продолжалась в монастыре. Совесть все не давала ему покоя. В Святой четверг 946 г. перед собранием в 300 монахов со всех уголков империи — и даже из самого Рима — он перечислил все свои грехи, прося отпущения за каждый из них. Затем перед главным престолом его высек плетью молодой послушник, после чего Роман вернулся в свою келью. Он умер 15 июня 948 г. Его тело было отвезено в Константинополь и затем погребено в Мирелейском монастыре рядом с могилой жены.

Роман был хорошим императором, возможно даже, великим. Добытую нечестным путем власть он использовал, проявляя мудрость и умеренность. Его непосредственным предшественникам приходилось иметь дело с двумя основными проблемами: с церковью и Болгарией. Роман решил их обе, причем исключительно мирными средствами. Только на Востоке его тихая дипломатия оказалась бесполезной. Там вооруженная сила являлась единственным понятным для врага аргументом, и туда, поскольку в ходе противостояния с болгарами он не потерял ни одного бойца, Роман бросил всю свою армию, выступившую против сарацин. По всеобщему признанию, удача была на его стороне — во-первых, благодаря Иоанну Куркуасу, оказавшемуся военачальником совершенно исключительных качеств, а во-вторых, ввиду состояния халифата Аббасидов, который более уже не обладал такой силой, как раньше. Но факт остается фактом — впервые со времени подъема ислама христианские войска при императоре Романе перехватили стратегическую инициативу.

Почему же Роман не пользовался особой любовью у своих подданных? Только ли потому, что они не любили узурпаторов? Суть дела в том, что имевшиеся у него достоинства не могли захватить народное воображение. Он не был ни великим воином, ни великим законодателем. Он редко появлялся на публике и никогда особенно не стремился устраивать зрелища на ипподроме. Другими словами, хотя Роман делал максимально много для того, чтобы народ был обеспечен хлебом, он явно недобирал со зрелищами. Соответственно люди вспоминали — если вообще думали о таких вещах — единственный яркий фрагмент из жизни этого умного, но на удивление бесцветного человека: его путь к трону. И он также вспоминал этот путь, причем с таким чувством раскаяния, что последние его годы прошли в беспрестанных мучениях. Хочется думать, что умер он с наконец-то успокоившейся душой и что грехи его прощены.

14

Ученый император (945—963)

К началу 945 г., когда Константин Багрянородный стал единолично править византийским государством он сильно изменился: это был уже далеко не болезненный юноша, а статный, широкоплечий муж. На его румянном лице, наполовину сокрытом густой черной бородой, сверкали ясные, светло-голубые глаза; в тридцать девять лет он выглядел так, будто ни разу в жизни ничем не болел. От своего отца Льва Мудрого Константин унаследовал страсть к чтению и ученым штудиям — у него было достаточно времени для этих занятий. И труды, которые он оставил после себя, производят весьма внушительное впечатление. Ни один другой император не пополнил в такой степени объем наших знаний о современной ему эпохе.

Помимо биографии своего деда Константин прежде всего известен двумя крупными работами. Первая — вышеупомянутая «*De Ceremoniis Aulae Byzantinae*»; вторая была написана для его сына Романа и представляет собой практический учебник об искусстве управления государством «*De Administrando Imperio*»*. Эта работа охватывает обширный диапазон самых разнообразных предметов; среди прочих советов содержится рекомендация сыну не выбирать членам императорской семьи супругов за пределами империи — исключение делалось только для франков. Тут неожиданно выходит на поверхность долго сдерживавшееся недовольство Константина VII к тестю:

«Если они скажут, что сам верховный император Роман заключил подобный альянс, отдав свою внучку за болгарского царя

* Об управлении империей (лат.).

Петра, то тебе следует ответить, что император Роман — грубый невежда, который никогда не получал образования во дворце и не был посвящен в римские традиции. Он не имел ни императорской, ни даже просто аристократической родословной и соответственно имел склонность к самонадеянности и своеволию».

Большая часть этих трудов была написана императором собственноручно; при помощи же бесчисленных писцов и копиистов он составлял сборники из всевозможных учебников и трактатов по военной стратегии, истории, дипломатии, юриспруденции, агиографии, медицине, агрономии, естествознанию и даже ветеринарной хирургии. Его труды имели огромное значение для различных имперских служб на протяжении еще ряда столетий.

Константин был страстным коллекционером — не только книг и рукописей, но и самых разнообразных произведений искусства. Судя по некоторой информации, он, по-видимому, оказался великолепным художником, что еще более удивительно для человека его положения. Константин проявил себя исключительно щедрым покровителем — для писателей и ученых, художников и ремесленников.

Наконец, он оказался великолепным императором: это был компетентный, добросовестный и трудолюбивый управленец. Константин также являлся талантливым кадровиком, чьи назначения на высшие посты в армии, на флоте, в церковном, государственном и академическом аппаратах были очень изобретательны и успешны. Он многое сделал для развития высшего образования и проявлял особый интерес к функционированию системы права.

Все источники утверждают, что Константин ел и пил больше, чем необходимо для здоровья, но все его биографы также единодушны в том, что никто не видел его в плохом настроении: он был неизменно со всеми учтив и ни на секунду не терял самообладания.

Вполне понятно, что Константин должен был испытывать расположение к семейству Фоки, ставшему врагом Лакапинов с момента государственного переворота, осуществленного Рома-

ном. И члены семьи Фоки не скрывали симпатий к Константину. Поэтому выглядело совершенно естественным, что василевс в качестве преемника Иоанна Куркуаса на посту командующего армиями Востока назначил брата Льва Варду Фоку, а сыновей последнего, Никифора и Льва, поставил стратигами фем — Анатолика и Каппадокии соответственно. Из семейства Лакапинов только один представитель (не считая императрицы Елены) пользовался полным доверием Константина — и то лишь после того, как его кастрировали, — побочный сын Романа Василий, который был назначен управляющим императорским двором.

Внешняя политика при Константине продолжала курс прежнего императора. На смену Варде Фоке, серьезно раненному в 953 г., пришел его сын Никифор, который четыре года спустя одержал одну из двух крупнейших побед за время правления Константина — захватив город Адата в Памфилии. Второй триумф состоялся в 958 г., когда город Самосата на реке Евфрат пал под натиском другого блестящего военачальника — Иоанна Цимисхия.

На Западе германский король Оттон Саксонский укреплял свое королевство, которое он унаследовал в 936 г. Оттон отодвинул восточные границы страны, потеснив славянские племена, и одновременно расширил свое влияние в соседних государствах. Константин инстинктивно распознал исключительные способности этого молодого динамичного монарха и установил с ним отношения сразу же, как тот пришел к власти; при этом Константин не мог знать, что менее чем через три года после его собственной смерти Оттон будет коронован в Риме как западный император.

В ранние годы правления Константина Апеннинский полуостров все еще находился в полухаотическом состоянии — пребывая в нем с момента крушения империи Карла Великого в 888 г. Итальянская корона могла стать призом тому, у кого имелось достаточно сил, амбиций и наглости, чтобы ухватить ее, а поскольку обладание этой короной к данному времени стало верной ступенькой к заполучению короны Западной империи, то в борьбу за нее периодически включались самые разнообразные короли и принцы сопредельных земель. Между тем в Риме местная аристократия превратила папство в свою игрушку: на временном отрезке в полтора столетия Николай I был практи-

чески последним понтификом, обладавшим определенными способностями и честностью. На его место пришел слабый папа Адриан II. Преемника Адриана Иоанна VIII забили до смерти завистливые родственники. В 896 г. мертвое тело папы Формоза было эксгумировано и принесено на епископский суд. Там с трупа сорвали одежды, изуродовали его и сбросили в Тибр. В 928 г. печально известная Мароция, сенаторша Рима — любовница, мать и бабушка римских пап, — приказала задушить любовника своей матери папу Иоанна X в замке Св. Ангела*, чтобы поставить на его место собственного сына от бывшего любовника, папы Сергия III. В 932 г. вторым ее мужем стал Гуго Арльский (который убил свою жену и ослепил своего брата, чтобы жениться на ней), и оба они, бесспорно, стали бы императором и императрицей Запада, если бы сын Мароции не организовал против них народное восстание.

На этом довольно мрачном фоне появился ценнейший и ярчайший хронист X века. Лиутпранд, епископ Кремоны, родился в 920 г. в состоятельной лангобардской семье. На протяжении нескольких лет Лиутпранд служил пажом при дворе короля Гуго в Павии, а также исполнял обязанности певчего. По настоянию короля юноша избрал церковную стезю. Вскоре Лиутпранд стал секретарем фактического преемника Гуго, Беренгара Иврейского; по поручению последнего 1 августа 949 г. он отправился с дипломатической миссией на берега Босфора.

Лиутпранд прибыл 17 сентября и вскоре получил у императора аудиенцию. Вначале Лиутпранд слегка растерялся, когда обнаружил, что, в то время как другие послы привезли великолепные подарки, его собственный повелитель не прислал ничего, кроме письма, в котором все было ложь. К счастью, у него при себе имелись дары, которые он намеревался преподнести Константину от себя лично; теперь же ему пришлось сделать вид, что они присланы Беренгаром. В числе этих даров оказались «четыре карзимасии — молодые евнухи, у которых были отрезаны не только яички, но также и пенисы; эту операцию совершали торговцы в Вердене, которые затем экспортировали их в Испанию, получая огромную прибыль».

* Замок Св. Ангела возведен в 135—139 гг.; изначально являлся мавзолеем римского императора Адриана; в V в. превращен в крепость.

И на внутреннем фронте Константин продолжал политику, начатую Романом. Значительная часть законодательных актов его предшественника была направлена на защиту стратиотов* от богатой феодальной аристократии, ныне повсеместно получившей именование «донаты» («могущественные»). Константин, будучи сам аристократом, неизбежно должен был испытывать гораздо больше симпатии к этой последней группе, чем его армянский тесть-выскачка; как мы уже видели, Константин не делал тайны из своей особой дружбы с семейством Фоки. Однако с самого начала он упорно продолжал проводить аграрную политику Романа: в 947 г. василевс даже распорядился немедленно осуществить реституцию без компенсации всех крестьянских земель, которые были приобретены донатами с момента фактического обретения Константином верховной власти. И к концу его правления условия жизни владевшего землей крестьянства, которое составляло фундамент всей экономической и военной мощи империи, оказались намного лучше тех, что насчитывали сто лет назад.

В сентябре 959 г. император отправился в Азию, чтобы повидать своего старого друга — епископа Кизикского. Из Кизика он поехал в Бурсу в надежде, что прославленные местные горячие источники помогут ему исцелиться от постоянной лихорадки; когда же это лечение не помогло, василевс направился в высокогорный монастырь, находившийся примерно в двадцати милях от города. К этому времени, однако, было уже ясно, что он смертельно болен: монахи наказали ему готовиться к смерти. Константин спешно вернулся в столицу, где 9 ноября 959 г. умер в возрасте пятидесяти четырех лет в окружении скорбящей семьи: присутствовали его жена Елена, пять его дочерей и двадцатилетний сын Роман, унаследовавший трон.

Ни одно византийское царствование не имело такого благоприятного начала, как правление Романа II. Экономическая и военная мощь империи оказалась значительнее, чем когда-либо на протяжении последних столетий; в плане интеллектуальном,

* Стратиот — крестьянин, владеющий небольшим наделом земли на условии несения воинской повинности.

профессиональном и культурном македонский ренессанс* был на самой вершине. Законный сын всеми любимого императора, рожденный, как и отец, в пурпуре, Роман унаследовал и его физическую статью, и обаяние. Роман пользовался огромной популярностью у женщин, и неудивительно, что он и сам наконец влюбился.

Еще в детстве Роман был обручен с Бертой из рода Гуго Арльского, но она вскоре умерла. В 958 г. Роман неразумно отверг новую невесту, предложенную ему отцом, — в пользу дочери хозяина одного из постоянных дворов в Пелопоннесе, взявшей имя Феофано.

В истории не найти более яркого примера роковой женщины. Начать с того, что красота ее поражала воображение. Феофано была также крайне амбициозна и при этом совершенно свободна от каких-либо ограничений морального порядка. И хотя ей едва исполнилось восемнадцать лет к моменту восшествия ее мужа на престол, она уже всецело руководила им. Став императрицей, Феофано первым делом решила разобраться со свекровью и пятью ее дочерьми. Елену отослали в дальний конец дворца, где в сентябре 961 г. ей пришлось умереть в полном одиночестве; все пять принцесс, одна из которых, Агата, на протяжении ряда лет являлась конфиденциальным секретарем императора Константина, а позже его сиделкой, были принуждены постричься в монахини. Напрасно брат молил за них — молодая императрица стояла рядом с неумолимым видом, в то время как патриарх Полиевкт собственноручно состригал сестрам волосы. Напоследок Феофано нанесла им еще один удар — принцессы были отправлены в пять разных монастырей.

Благодаря императрице многие высокопоставленные деятели в правительстве и при дворе также потеряли свои посты, однако два человека из числа самых влиятельных остались у власти. Василий, бывший управляющий императорским двором, получил новый титул «проэдр»** и фактически стал правой рукой императора, а его предыдущий пост занял евнух Иосиф Вринга,

* Македонский ренессанс — распространенное название периода правления (867—1057) Македонской династии в Византии; получил свое наименование за благожелательное отношение к античной культуре многих императоров из этой династии.

** Проэдр — букв.: «председатель»; глава сената.

на протяжении последних лет правления Константина совмещавший обязанности верховного министра и верховного адмирала. Хроники рисуют Врингу как способного, однако довольно зловещего персонажа. Очень умный и энергичный, обладавший безграничной способностью к тяжелой работе, он также оказался жадным, своекорыстным и жестоким человеком. Последней волей умирающего Константина было оставить его во главе правительства; с восшествием Романа на престол власть Вринги заметно усилилась.

Молодой Роман пробыл на троне лишь несколько недель, как начались приготовления к новой экспедиции на Крит, которая, по плану, должна была стать намного более масштабной, чем все предыдущие. Общая численность войск, включая наемные отряды русов и скандинавских варягов, вооруженных боевыми топорами, составляла более 50 000 человек. Флотилия состояла из 1000 дромонов, 308 транспортов и не менее 2000 огненосных кораблей.

Командование этими весьма серьезными вооруженными силами было доверено внешне некрасивому, суровому, глубоко религиозному военачальнику сорока семи лет, который выказал себя одним из величайших полководцев за всю историю Византии. Имя его было Никифор Фока. Его деду, которого звали так же, принадлежит слава отвоевания Южной Италии во времена правления Василия I; его дядя Лев возглавил сопротивление Роману Лакапину; его отец Варда командовал имперскими армиями в войне с сарацинами Востока, пока ужасная рана в лицо не положила конец его военной карьере. Никифор был очень силен физически, бесстрашен в бою и всегда готов молниеносно отреагировать на любые изменения в ходе сражения. Неизменно внимательный к нуждам своих солдат, он пользовался их абсолютным доверием. Вне армии у него не было никаких интересов, кроме религии. Жизнь Никифора отличалась почти монашеским аскетизмом, он проводил часы в беседе или переписке с людьми высокого духовного склада. (Из их числа Никифор испытывал наибольшую привязанность к афонскому отшельнику Афанасию, впоследствии канонизированному.) У него совершенного отсутствовали качества, способствующие продвижению в свете. Многим он казался холодным и замкнутым.

В последние дни июня 960 г. огромная флотилия отплыла в сторону Крита. Никифор направил ее прямо к Кандии. Это был крупнейший город на острове; если бы удалось его взять, то и весь Крит долго бы не продержался. Осада продолжалась восемь месяцев, и с наступлением зимы — самой долгой и самой суровой за многие годы — боевой дух горожан начал снижаться. Единственным утешением для них был вид полузамерзших врагов, жавшихся вокруг костров, и осознание того факта, что зимы зачастую причиняют гораздо большее неудобство осаждающим, чем осажденным. Но Никифору во время его ежедневных обходов каким-то образом удавалось вселять в своих людей силу, надежду и мужество.

Для него самого духовной опорой служил его друг Афанасий, которого он срочно вызвал с горы Афон. Никифор был убежден, что исключительно благодаря Афанасию из Константинополя в середине февраля прибыло долгожданное подкрепление с провиантом; византийцы воспрянули духом, город пал, и 7 марта 961 г. впервые за 136 лет имперское знамя вновь взвилось над Критом. Последовала обычная в таких случаях резня, а затем победоносный флот отправился домой, нагруженный до самых планширов награбленным добром одного из богатейших городов Восточного Средиземноморья.

Падение Кандии и последующее крушение власти сарацин на Крите явилось для византийцев победой, равной которой не было со времен Ираклия. Когда известия об этом достигли Константинополя, в соборе Св. Софии провели всенощную благодарственную службу, на которой присутствовали император и императрица. Среди огромной массы молящихся присутствовал один человек, который отнюдь не ликовал, а скорее был встревожен. Евнух Иосиф Вринга издавна ненавидел семейство Фоки, а Никифор неожиданно стал героем империи. Победоносные военачальники всегда представляли опасность, находясь на пике своей славы, и, осознавая, как далеко могут простираться амбиции Никифора, Вринга решил предпринять превентивные меры. Когда Никифор Фока гордо вступил в Константинополь, его по идее должны были приветствовать Роман и Феофано и публично поздравить с великим свершением. Однако полномасштабных чествований имперского масштаба, которых он ожидал и заслуживал, устроено не было. К тому же Никифору ясно дали понять,

что он сейчас нужен не в столице, а на Востоке. Военачальнику ничего не оставалось, кроме как подчиниться монаршей воле.

Когда пару лет назад Никифор покинул пост командующего войсками на Востоке, чтобы подготовить критскую экспедицию, его место занял младший брат Лев, которому почти сразу же пришлось столкнуться с серьезнейшим вызовом со стороны давнего врага империи — эмира Мосула Сайфа эд-Даула. В 944 г. Сайф захватил Алеппо, где устроил штаб-квартиру; оттуда эмир начал осуществлять быстрое расширение своих владений, куда вошли большая часть Сирии и Северная Месопотамия, включая такие города, как Дамаск, Эмеса и Антиохия. Еще не достигнув тридцатипятилетнего возраста, он уже воплотил в себе идеал арабского эмира, каким его видело раннее Средневековье: жестокий и безжалостный во время войны, но рыцарственный и милосердный в условиях мира, поэт и ученый, покровитель литературы и гуманитарных наук, владелец самой большой конюшни, самой обширной библиотеки и самого богатого гарема, в котором находились самые роскошные женщины.

Буквально каждый год он осуществлял по меньшей мере один серьезный набег на имперскую территорию. Однако ни один из них не являлся столь масштабным, как в 960 г. Момент был выбран превосходно. Византийская армия Востока оказалась серьезно ослаблена, поскольку критская экспедиция потребовала значительных сил и средств и находилась на расстоянии нескольких суточных переходов. Почти в то самое время, когда флотилия Никифора направилась в сторону Крита, Сайф пересек границу во главе армии, насчитывавшей 30 000 человек. Лев пустился ее преследовать, но его войско было изнурено предшествовавшей трудной кампанией. Он продвинулся только до гор, там расставил своих людей так, чтобы контролировать основные проходы, и принялся ждать.

Сайф вернулся в середине ноября. Его экспедиция оказалась исключительно успешной. За ним тащились длинные вереницы пленных, повозки ломились от награбленного добра; во главе войска горделиво ехал на великолепном арабском жеребце сам Сайф. Как только он въехал в ущелье, раздался звук трубы. В считанные секунды огромные валуны полетели по склону горы на незащищенную колонну. Сайф сначала держался стойко, и только когда увидел, что сражение вчистую проиграно, развернулся

и умчался; вслед за ним успели унести ноги около 300 кавалеристов. Из числа остальных примерно половина полегла на месте, а выживших связали теми же веревками и заковали в те же кандалы, которые до этого были на пленных христианах.

Эта победа продемонстрировала, что Лев Фока даже с урезанной армией вполне мог защищать восточную границу и не нуждался в экстренной помощи Никифора, а значит, поспешная отправка Никифора на восточный фронт скорее всего была вызвана иными мотивами. Но, несомненно, тот факт, что оба брата вновь встали во главе армии, восстановленной до своего прежнего размера, изменил ход событий на театре военных действий. Всего лишь за три недели в начале 962 г. византийцы отвоевали не менее пятидесяти пяти городов-крепостей в Киликии; потом, после короткой паузы во время Пасхи, войска начали неспешное, методичное продвижение на юг, грабя города и селения, через которые проходили. Несколько месяцев спустя византийцы были уже под стенами Алеппо.

В этот период город впервые стал столицей независимого государства, а дворец Сайфа был одним из самых красивых и богато обставленных зданий в мусульманском мире. Это сооружение имело только один недостаток: находилось за пределами городских стен. В ту самую ночь, когда византийцы подошли к Алеппо, то сразу же устремились во дворец эмира, разграбили все его сокровища и сожгли здание дотла. Только после этого византийцы обратили внимание на сам Алеппо. Сайфу, которого наступление христиан застигло за пределами городских стен, вновь пришлось бежать. В его отсутствие местный гарнизон не испытывал желания драться, и за два дня до Рождества торжествующие византийцы ринулись в город. Точно так же как и в Кандии, имперские войска ни к кому не проявили пощады: кровавая бойня, как пишет арабский историк, прекратилась только тогда, когда захватчики слишком утомились от резни.

Хотя Алеппо и был занят, полного его падения не произошло. Горстка солдат укрылась в цитадели и отказалась сдаваться. Никифор не обратил на них никакого внимания: город более не представлял собой силу, которую следовало принимать в расчет. Он отдал приказ уходить, и победоносная армия начала долгий путь домой. Она дошла лишь до Каппадокии, когда из Константинополя поступило сообщение о смерти Романа II.

15

Рассказ о двух военачальниках (963—976)

Роман умер 15 марта 963 г., и уже на следующее утро ходили слухи, что Феофано отравила его. Красивая молодая императрица за сорок месяцев, прошедших с момента восшествия Романа на престол, приобрела ужасную репутацию. Немногие сомневались в том, что она способна на убийство, однако от смерти своего мужа Феофано ничего не выигрывала — скорее наоборот. Есть все основания полагать, что она любила Романа, родив ему четверых детей — самая младшая дочь появилась на свет всего лишь за два дня до его кончины. При жизни мужа Феофано обладала практически всей полнотой государственной власти и могла быть уверена и в собственном будущем, и в будущем своих детей. Теперь, когда император умер, над семьей нависла серьезная опасность. У самой Феофано еще не кончился послеродовой период, она находилась в постели; двум ее сыновьям, соправителям императора Василию и Константину, было всего лишь шесть лет и три года, а пример ее свекра наглядно демонстрировал, насколько ненадежно положение соимператора в несовершеннолетнем возрасте. Ситуация для Феофано усугублялась еще и наличием в империи популярных военачальников — из их числа трое, братья Фока и Иоанн Цимисхий, наверняка рассматривали сложившееся положение дел как возможность занять трон. Короче говоря, ей нужен был защитник, и весьма сильный. Тайным образом она обратилась к Никифору Фоке с настоятельной просьбой немедленно вернуться.

Никифор не колебался в принятии решения, и в начале апреля он прибыл в столицу. Вринга, услышав о том, что императ-

рица вызвала Никифора Фоку, выразил энергичный протест, заявив, что этот военачальник начал представлять собой угрозу для общества и его следует немедленно арестовать. Но Вринга не нашел у нее поддержки. А перед дворцом собрались толпы людей, которые требовали, чтобы Никифору оказали те почести, которых его несправедливо лишили.

И эти триумфальные почести были Никифору возданы; особую окраску им придавала обветшавшая туника Иоанна Крестителя, доставленная из Алеппо, где она долгое время хранилась. Эту тунику теперь несли перед Никифором — «Белой смертью сарацин», — величественно въезжавшим на ипподром. Перед его популярностью Вринга был бессилен. Кроме того, он испытывал страх: военачальник теперь ежедневно проводил консультации с императрицей; если он будет претендовать на трон, то какова будет его, Вринги, судьба? Никифор, к слову сказать, не упустил возможности заявить о безразличии к светской власти и о своем желании удалиться в монастырь, который Афанасий уже строил на Святой горе. Но Врингу это не успокоило. Он втихомолку выстраивал планы по устранению Никифора и, когда все было готово, вызвал своего врага во дворец.

Но Никифор, вместо того чтобы к явиться к Вринге, направился в собор Св. Софии, где публично обвинил евнуха в организации заговора с целью его убийства. Собралась негодующая толпа, к которой вскоре присоединился сам патриарх Полиевкт, ограниченный фанатик, которому набожный аскет-военачальник оказался по душе. Вринга мог только с негодованием наблюдать за происходящим.

Сенат между тем утвердил особые властные полномочия Никифора и обязался не принимать никаких серьезных политических решений без его согласия. Военачальник поблагодарил сенаторов за оказанное ему доверие и после пасхальных празднований вернулся в Анатолию.

В то же время выяснилось, что тайные переговоры, которые Никифор вел с императрицей, закончились обоюдовыгодным соглашением. Никифор будет защищать права двух мальчиков-императоров, а его самого провозгласят соимператором.

Пришедший в полное отчаяние Вринга разыграл свою последнюю карту. Он послал письма двум высокопоставленным

военачальникам, находившимся под командованием Никифора Фоки, — Роману Куркуасу и Иоанну Цимисхию, предлагая им посты доместиков схол соответственно Запада и Востока в обмен на предательство своего командира. «Сначала примите командование войсками в Анатолии, — писал он Цимисхию, — затем потерпите немного, и вскоре вы станете василевсом ромеев».

Его доверие оказалось обманутым: Цимисхий сразу же направился к Никифору и показал ему письмо. Вринге того оказалось достаточно. На рассвете 3 июля 963 г. перед всей армией, выстроившейся на обширной равнине прямо за стенами Кесарии, военачальники на древний манер подняли Никифора Фоку на огромном щите и провозгласили императором римлян. Затем, после непродолжительной службы в соборе, он отбыл в столицу.

Но даже теперь Вринга отказывался признать поражение. Из Македонии он вызвал часть европейских войск, традиционно испытывавших недоверие к анатолийцам. Из них несколько отрядов отправились на азиатский берег Босфора, где они должны были реквизировать все суда, которые только найдут там, и переправиться на них в Европу. Так что, когда 9 августа Никифор прибыл со своей армией в Хризополь, он не смог пересечь пролив.

Новопроевзглашенный император не был чрезмерно обеспокоен этим обстоятельством: он знал, что по крайней мере некоторые из его сторонников, находившихся в Константинополе, присоединятся к нему под покровом темноты, — так и случилось. Но один из прибывших, его родной брат Лев, принес тревожные новости. Их отец, старый Варда Фока, которому шел сейчас девятый десяток, был захвачен Врингой в заложники.

Вообще-то события развивались более извилисто, чем представлял себе Лев. Старому Варде удалось бежать, и он нашел убежище в соборе Св. Софии. Вринга послал за ним отряд ополчения, но забыл, однако, о воскресной службе: великий собор оказался заполнен прихожанами. Варда был популярной в народе фигурой, и солдат окружила враждебная толпа и силой выдворила их из церкви. Но Вринга, при всех своих отрицательных чертах, не был трусом. Он помчался на коне к собору Св. Софии, пробился сквозь толпу, взобрался на амвон и обратился к народу с речью — угрожая полностью перекрыть поставку

продовольствия в город. Но это была пустая угроза, и его слушателей она не испугала. Вринга, весь кипя от злости, решил подождать, пока народ не разойдется, и к полудню люди действительно начали покидать церковь. Тогда Вринга послал за двумя мальчиками-императорами. Он крепко взял их за руки и подвел к старому военачальнику, тихо сидевшему в алтарной части. О содержании последовавшей затем беседы мы ничего не знаем, хотя присутствие мальчиков позволяет предположить, что они тоже могли быть заложниками. Все, что мы знаем достоверно, — Варда позволил себя увести.

Однако во второй половине дня собор Св. Софии вновь начал заполняться людьми, явившимися к вечерней службе. И когда они не обнаружили Варду, то направили свой гнев в первую очередь против патриарха, который не отстоял беженца. Напуганный Полиевкт поспешил во дворец, нашел старого военачальника, взял его за руку и вернулся вместе с ним в церковь — с их появлением там сразу же воцарилась тишина. Но когда несколько минут спустя Вринга прибыл в собор с отрядом македонцев, люди решили, что с них достаточно. Одни взяли на себя заботу о несчастном старике — отвели его домой и поставили там караул, другие схватили кирпичи, камни и вообще все, что могло послужить им оружием, даже предметы церковной утвари, и набросились на солдат.

Мятеж распространялся по городу со сверхъестественной быстротой, и, по мере того как он наращивал темп, стала проглядывать руководящая рука Василия, побочного сына Романа Лакапина. По-видимому, в целях защиты интересов своих старших, законных, сыновей Роман повелел кастрировать его еще в детском возрасте; Василий между тем оказался весьма умным человеком и на протяжении длительного времени играл важную роль в государственных делах. При первых признаках восстания он собрал своих слуг и первым делом разослал во все концы города людей, которые должны были возвещать о скором прибытии нового императора, а затем направил толпу ко дворцу Вринги. Там было разграблено все, что имело хоть какую-то ценность, а сам дворец сожжен дотла. После этого грабежи и пожары распространились повсеместно. Только три дня спустя Василий смог собрать своих людей, отвести к бухте Золотой Рог,

завладеть находившимися там судами и направить эту огромную флотилию через Босфор в Иерию, где продолжал терпеливо ждать подмоги Никифор.

Наконец в воскресенье, 16 августа 963 г., Никифор Фока был готов вступить в столицу. Вместе с Василием они поднялись на борт императорского дромона, который переправил их через пролив, повернув немного на запад, ко дворцу в Евдоме, стоявшему прямо за сухопутными стенами, у их южной оконечности. Тут Никифор Фока облачился в парадную форму одежды, надел золотой нагрудник, взобрался на огромного белого боевого коня и проехал на нем через весь город к собору Св. Софии, где в присутствии двух мальчиков-императоров патриарх Полиевкт возложил василевсу на голову диадему.

Никифор Фока был невысок ростом, имел широкие плечи, грудь колесом и черные, курчавые, необыкновенно длинные волосы; на смуглом обветренном лице под густыми бровями располагались маленькие темные глазки. Этого человека отличали моральная цельность и пронизательный, хотя и ограниченный ум. Он был неподкупен, невосприимчив к лести и тверд как камень, но в то же время безжалостен и жесток, а иногда проявлял мелочность и алчность. На протяжении многих лет Никифор не ел мяса, не искал любви женщин, спал во власянице и ежедневно проводил несколько часов в молитвах. Хотя ему было уже за пятьдесят, его жизненная энергия ничуть не ослабла и он начал вживаться в свою новую роль, исполненный энтузиазма.

Первым делом Никифор Фока озаботился судьбой Вринги, которого сослал на его родину, в дикую Пафлагонию. Своему отцу Варде он даровал титул кесаря; его брат Лев стал куропалатом и начальником охраны дворца; Иоанн Цимисхий был утвержден в должности доместика схол — главнокомандующего армии в Анатолии.

Оставалась еще Феофано, без которой он, возможно, провел бы оставшуюся часть своей жизни в Сирии — сражаясь с сарацинами. Первое действие, совершенное Никифором в отношении императрицы, оказалось весьма удивительным: он отослал ее из дворца в старую крепость Петрион, находившуюся на северном берегу бухты Золотой Рог. Феофано пробыла там более месяца.

Никифор в это время занимал императорские апартаменты, а 20 сентября он венчался с ней в дворцовой церкви Неа.

Очевидной целью временной высылки Феофано было соблюдение приличий, хотя Никифор мог бы для нее найти и более удобное жилище. Многие в Византии их брак комментировали следующим образом: Никифор, будучи ослеплен красотой императрицы, страстно влюбился в нее. Нетрудно понять, как возникла эта идея. Сюжет, в котором грубый, несгибаемый полководец в годах неожиданно теряет голову из-за прекраснейшей — и порочнейшей — женщины своего времени, слишком эффектен, чтобы ему не поддаться. Но могло ли дело обстоять подобным образом? Ведь Никифор был глубоко религиозным аскетом, который после смерти своей первой жены дал обет воздержания. Мог ли он в действительности оказаться таким влюбчивым? Не являлся ли этот брак просто пунктом соглашения, заключенного между ними? Для Феофано речь могла идти только об этом, последнем варианте. Роскошная молодая женщина, к тому же императрица, после счастливого, хотя и короткого брака с исключительно обаятельным Романом вряд ли испытывала какие-то чувства, кроме отвращения, к непривлекательному пуританину, который был старше ее более чем вдвое. Что касается Никифора, то здесь мы не можем высказываться столь же уверенно. Во всяком случае, не столь уж редки случаи, когда убежденный холостяк неожиданно оказывался сбит с ног волной страсти. И поведение Никифора в тот момент, когда законность их брачного альянса была поставлена под вопрос, позволяет предположить, что он действительно любил свою молодую жену до безумия.

Патриарх Полиевкт первоначально не высказывал никаких возражений против их супружеских уз, но, когда к концу венчальной службы Никифор в одиночку приблизился к центральной двери иконостаса, чтобы — в соответствии с традицией — поцеловать находившийся за ней главный престол, патриарх с поднятой рукой выступил вперед. Разве император не знает, спросил Полиевкт, о епитимье, налагаемой церковью на всех, кто заключает второй брак? Спустя один полный год Никифор вновь может быть допущен в алтарную часть, до этого же времени она будет оставаться закрытой для него. Василевс согласился с этим постановлением, но никогда так и не простил Полиевкту нанесенного оскорбления.

Но это было еще не последнее несчастье, предусмотренное императорскому браку. Несколько дней спустя дворцовый священник Стилиан оказался достаточно безрассуден, чтобы упомянуть о том, что Никифор приходился крестным отцом одному из детей Феофано. Согласно церковному закону это обстоятельство ставило Никифора и Феофано в абсолютно запрещенную степень родства, и если бы оно было подтверждено, то их брак пришлось бы признать потерявшим законную силу. И вновь патриарх не выказал колебаний: закон есть закон, и ему следовало повиноваться. Он предложил Никифору простой выбор: тот должен либо отвергнуть Феофано, либо подвергнуться церковной анафеме навечно.

Не любя Никифор Феофано, он мог бы спокойно выбрать первый вариант, что одновременно означало бы ссылку императрицы в женский монастырь: это вернуло бы к нему церковное расположение и заодно избавило бы его от ненужного брака без всяких угрызений совести за нарушенную договоренность. Но он не повиновался. Вместо этого Никифор созвал собрание и пригласил всех епископов, присутствовавших в то время в Константинополе, — к счастью, некоторые из них как раз прибыли в столицу, чтобы снискать расположения нового императора. Они послушно заключили, что рассматриваемый закон был провозглашен во времена правления Константина V (и, таким образом, от его имени), который являлся осужденным еретиком. Соответственно данный указ нельзя считать действительным.

Брак выстоял. Но не в глазах патриарха, повторившего свой ультиматум. И хотя Никифору грозило отлучение от церкви — что означало полный разрыв в отношениях между церковью и государством, — он все же отказывался повиноваться. Его глубоко религиозная душа явно пребывала в опасности, но Никифор так и не оставил Феофано.

Наконец он сам нашел приемлемое решение. Несколько дней спустя Стилиан засвидетельствовал, что никогда не говорил, будто Никифор являлся крестным отцом ребенка Феофано, а если и сказал что-то подобное, то лишь по причине плохой памяти. Потом привели старого Варду, и тот дрожащим голосом подтвердил, что ни он, ни его сын не приходились крестными отцами никому из детей Феофано.

Полиевкт, столкнувшись с двумя явными лжесвидетельствами, понял, что его карта бита. Престарелый кесарь пользовался не только уважением, естественно выдаваемым отцу императора, но и был популярен в народе сам по себе; к тому же, стоя одной ногой в могиле, он, можно сказать, находился вне пределов досягаемости патриарха. Полиевкт сдался.

Для Никифора II война против сарацин явилась, по сути, крестовым походом. Даже любовь к Феофано не могла удержать императора от исполнения своего долга, и в 964 г. он возобновил наступление. Летом 965 г. был отвоеван Тарс, плацдарм мусульман для их ежегодных вторжений в Киликию. От Тарса совсем недалеко плыть до Кипра. С 668 г., когда относительно судьбы острова был заключен договор между Константином IV и халифом Абдул-Маликом, Кипр перешел под совместное управление империи и халифата. Летом 965 г. состоялась масштабная высадка имперских вооруженных сил на остров, и Кипр стал византийской фемой.

По мере распада халифата Аббасидов наблюдалась все большая деморализация его населения. Сайф эд-Даула Алеппский так никогда толком и не оправился после того, как его дворец оказался разрушен и был осуществлен фактический захват его столицы; частично парализованный после апоплексического удара, он умер в 967 г. в возрасте пятидесяти одного года. Более не существовало серьезных препятствий для продвижения Никифора, и Алеппо стал имперским вассалом и протекторатом. А в 969 г., через 332 года, древний город Антиохия, имевший собственный патриархат, вновь перешел в руки христиан.

В отношениях с Западом дела складывались не столь успешно; в контактах с Европой требовалась дипломатия — при этом трудно было найти худшего дипломата, чем Никифор Фока. Власть опьянила его; с течением времени он становился все более надменным. Василевс явил замечательный пример своей исключительной грубости уже в 965 г., когда из Болгарии прибыло посольство для получения ежегодной субсидии, о которой было условлено в 927 г. при венчании царя Петра. Болгария являлась исключительно ценным буферным государством, защищавшим империю и от мадьяр, и от русов, и скромная субси-

дия, которую без всяких вопросов выплачивали в течение тридцати восьми лет, была совсем не большой ценой за дружбу с этим княжеством.

Никифор, однако, обрушился на послов, понося болгар грязными, отвратительными попрошайками, управляемыми князем, который носит лишь шкуры животных. Затем он повелел их высечь, прежде чем отправил с пустыми руками назад в Преслав. Подобным образом вел себя лишь император Александр полстолетия назад. Но тот был опустившимся хамом, совершавшим все свои неприглядные поступки в пьяном угаре; Никифор же находился в трезвом уме и твердой памяти.

Потом он подошел к болгарской границе и захватил несколько приграничных крепостей. В иных обстоятельствах Никифор, несомненно, продвинулся бы и дальше, но он не хотел ослаблять армию Востока. Далее Никифор заключил соглашение с великим князем киевским Святославом, который за изрядную плату взялся покорить болгар; для Никифора это была посланная Небом возможность раздвинуть свои и без того обширные границы до самого Дуная. Болгары не смогли организовать действенного сопротивления. Было уже слишком поздно, когда император увидел, что вместо слабого и миролюбивого соседа у него появился амбициозный и агрессивный враг.

В отношениях с Западной Европой дипломатия Никифора также не обнаружила надлежащей проницательности и маневренности, а его основной противник оказался куда более грозным, нежели болгары. Оттон Саксонский проделал большой путь с того момента, как он впервые появился в нашем повествовании. Имеющий с 952 г. титул короля Италии, Оттон сначала в основном занимался делами Германии, фактическое же управление Апеннинским полуостровом осуществлял маркиз Беренгар Иврейский. Однако в 961 г. в ответ на обращение имевшего исключительно дурную репутацию папы Иоанна XII Оттон ринулся в Италию, арестовал Беренгара и направился в Рим. Там в 962 г. папа короновал его как императора.

Оттон был сильно недоволен тем, что византийский принц Роман отверг его племянницу Хедвиг ради красавицы Феофано, и когда в 959 г. Роман II наследовал трон своего отца, отношения

между двумя этими государственными деятелями стали еще более натянутыми. Но Оттон продолжал мечтать о династическом союзе, и в начале лета 968 г. направил дипломатическую миссию в Константинополь, которую возглавил опытный посол — наш старый знакомый Лиутпранд Кремонский.

Доклад Лиутпранда об этом втором визите в столицу Византии, безусловно, представляет собой исключительный интерес, но едва ли стоит удивляться тому, что у дипломата о своей миссии сохранилось мало приятных воспоминаний. Для Никифора этот посол воплощал в себе тип людей, который василевс более всего ненавидел: он считал Лиутпранда сладкоречивым пройдохой, причем особо опасным, поскольку тот в совершенстве владел греческим и вдобавок являлся еретиком. И, помимо всего прочего, дипломат представлял интересы германского авантюриста, именовавшего себя императором, то есть титул, которым обладал сам Никифор.

Лиутпранд был глубоко задет тем, как его приняли:

«Дом, в который мы были помещены, не спасал от холода и не давал защиты от жары; к тому же к нам приставили вооруженную стражу... Это было настолько далеко от резиденции императора, что когда мы дошли туда, то уже совершенно выдохлись. Мало того, поданное нам греческое вино оказалось совершенно непригодным для питья: в него были подмешаны вар, камедь и гипс...

Мы прибыли в Константинополь и прождали под сильным дождем у Карийских ворот до одиннадцати часов. Только тогда Никифор распорядился впустить нас — пешими, поскольку он не считал нас достойными въехать верхом, и затем нас препроводили в вышеупомянутый отвратительный каменный дом, который насквозь продувался и в котором совершенно не было воды. Шестого июня меня привели к брату императора Льву, начальнику дворцовой стражи и логофету; мы оказались втянуты в совершенно изнуравший нас жестокий спор о вашем титуле. Он называл вас не «император», что на его языке звучит как «василевс», но — наиболее оскорбительно — «рекс», что на нашем языке означает «король»...»

Только на следующий день Лиутпранд получил аудиенцию у императора, который, по словам посла, сразу же перешел к делу. Василевс выразил сожаление, что не оказал гостю более обходительного приема, но, ввиду поведения повелителя Лиутпранда, у него, Никифора, не было иного выхода. Лиутпранд не остался в долгу. Его повелитель, указал он, освободил Рим от тирании распутников и шлюх; если Никифор и его предшественники действительно являлись римскими императорами — на что они претендовали, — то почему допускали подобное положение вещей? Но если бы Никифор отдал одну из дочерей Романа в жены сыну Оттона — молодому Оттону, ныне правившему совместно с отцом, то от монарха, которого представляет Лиутпранд, можно было бы ожидать некоторых значительных уступок.

Шесть дней спустя посла известили о том, что некая принцесса, рожденная в пурпуре, действительно может быть отдана за Оттона, но только в том случае, если Западная империя уступит Византии Рим, Равенну и всю Восточную Италию, а также Истрию и часть Далматинского побережья. Никифор и на секунду не мог себе вообразить, что Оттон согласится на подобные условия или у Лиутпранда хватит полномочий, чтобы принять их, а следовательно, полагал посол, не имелось никаких оснований для его дальнейшего пребывания в Константинополе. Лиутпранд оказался под еще более строгим надзором в своем отворотительном жилище, которое ему разрешалось покидать лишь в тех редких случаях, когда император приглашал его на обед. Но даже эти мероприятия были гораздо менее приятными, чем могли бы быть: во-первых, ввиду мерзкой еды, а во-вторых, благодаря Никифору, который видел в них лишь возможность поиздеваться над своим гостем. И лишь 2 октября, после четырех месяцев мучений, болезней и почти постоянных поношений, послу дозволили уехать.

Но это был еще не конец невзгодам бедного Лиутпранда. Непредвиденные обстоятельства вынудили его задержаться в Навпакте; в Патрах экипаж его корабля сбежал; на острове Левкасе дипломата весьма недоброжелательно принял местный епископ-евнух, и Лиутпранд жил там впроголодь; на острове Корфу он пережил три землетрясения подряд, а несколько поз-

же пал жертвой грабителей. Он также хорошо осознавал, что все его страдания были напрасны. Перспектива династического брака ничуть не прояснилась, отношения между Востоком и Западом оказались напряженными более чем когда-либо. Еще до того как Лиутпранд вернулся в Кремону, в Южной Италии разразилась война. Бедный Лиутпранд — он не мог знать, что отчет о его путешествии будут читать и через тысячу лет после его смерти, а ведь это наверняка утешило бы дипломата.

Характер, манеры и внешность Никифора Фоки мало способствовали тому, чтобы он смог завоевать сердца своих подданных. Но главное — они ненавидели беззастенчивый фаворитизм, который император выказывал в отношении лишь двух сегментов общества, имевших отношение к его собственной биографии: армии и анатолийской аристократии. В его глазах имперский гарнизон в столице в принципе не мог совершить ничего дурного, однако по ночам на улицах шел настолько шумный и разнузданный кутеж пьяной солдатни, что честные граждане боялись выходить из дому. Донатам судьба благоволила в еще большей мере. Ранее, если земельное владение выставлялось на продажу, то в первую очередь не отказывали хозяевам непосредственно прилегающей к нему земли; отныне продаваемый участок доставался лицу, предложившему наивысшую цену, и почти неизбежно аристократ-землевладелец добивался роста своих владений. Так, богатый становился богаче, а бедный — беднее; и население Константинополя не пыталось скрыть своего неудовольствия.

Еще одним источником оппозиционных настроений являлась церковь. Имевший склонность к аскезе император был шокирован немереным богатством монастырей. К тому же принадлежавшие им огромные участки превосходной пахотной земли, по причине бездарного хозяйствования, в течение длительного времени держались под паром. Никифор отреагировал характерным для него бескомпромиссным образом: передача земельных владений церкви в дальнейшем воспрещалась — во всех возможных вариантах. Этот эдикт вызвал бурю негодования как у черного, так и у белого духовенства. Но худшее было впереди: вышел указ о том, что епископов нельзя назначать без личной санкции императора.

И наконец, как бедные, так и богатые, как клирики, так и миряне, как военные, так и гражданские лица, — все пострадали от налогов, которые Никифор повысил до беспрецедентного уровня, чтобы финансировать свои бесконечные войны. Так что недовольство императором в обществе росло.

В Пасхальное воскресенье 967 г., когда должны были начаться игры и состязания, повсеместно распространился слух, будто василевс намеревается устроить беспорядочные убийства среди толпы. Никифор, конечно, не имел подобного намерения, но позже, во время перерыва между скачками он подал знак нескольким отрядам вооруженной стражи спуститься на арену — возможно, для проведения учебного боя, которые практиковались в ходе состязаний. И сразу же началась паника. Только после того как многие погибли, будучи раздавленными или затоптанными, люди обратили внимание, что солдаты никого и пальцем не тронули, а император по-прежнему находился в своей ложе.

Два месяца спустя, в день Вознесения, когда Никифор после заутрени торжественно проходил по городу, из толпы начали раздаваться оскорбительные выкрики; через несколько секунд его окружила враждебно настроенная толпа. В моменты физической опасности император никогда не проявлял ни малейших признаков волнения — так было и на этот раз: он продолжал идти размеренным шагом, не поворачивая головы ни вправо, ни влево, — но если бы не находившаяся рядом его личная стража, он мог бы и не вернуться во дворец живым.

На следующее утро Никифор отдал распоряжение об укреплении Большого дворца; подступы к нему были полностью блокированы. Внутри этого огромного анклава он выстроил нечто вроде потайного убежища — только для себя и своей семьи. И всем стало ясно, что император — возможно, впервые в жизни — напуган. Его вид стал еще более угрюмым. В том, как он исполнял религиозные обряды, явно прослеживались признаки нездоровья. Никифор спал теперь не в кровати, а на шкуре пантеры, разложенной на полу, в углу императорской спальни.

Трагическую развязку приблизила судьба Болгарии. 30 января 969 г. умер царь Петр, и на престол вступил его старший сын Борис — за исключением огромной рыжей бороды, личность ничем не примечательная. Примерно шесть месяцев спустя вслед

за Петром в могилу сошла киевская княгиня Ольга — единственная, кто оказывал сдерживающее влияние на своевольного сына Святослава, который уже в августе во главе крупного войска пронесся через всю Болгарию. Преслав пал, и Борис вместе со своей семьей был уведен в плен. Филиппополь оказал героическое сопротивление, но и он тоже, в конце концов, пал, заплатив дорожную цену за свой героизм: Святослав посадил на кол 20 000 горожан. К началу зимы русы выстроились вдоль всей фракийской границы.

Тут огни нашей рампы вновь оказываются направлены на фигуру Феофано. Какие бы ранее чувства она ни испытывала к Никифору, не приходится сомневаться в том, что к этому времени императрица уже страстно влюбилась в его старого сослуживца, обладавшего исключительно красивой внешностью, Иоанна Цимисхия. Нельзя с уверенностью сказать, что этот низкорослый, но неотразимый армянин ощущал к ней нечто подобное: его дальнейшие действия могли быть продиктованы и другими причинами. Так или иначе, Феофано в свои двадцать восемь лет еще не утратила красоту и ее объятия не могли быть неприятными.

Для начала императрица постаралась убедить мужа в том, что он несправедливо обошелся со старым другом — ведь Никифор именно Иоанну был в значительной степени обязан своей короной. Василевс согласился отозвать из армии Цимисхия — на том условии, что он будет оставаться в своем жилище в Халкидоне и приезжать в Константинополь только с особого разрешения. Очевидно, с точки зрения любовников, ситуация была далека от идеальной, но вскоре Иоанн оказался мал да удал и приспособился каждую ночь незаметно переплывать пролив, высаживаясь у угловой части дворца, где его ожидала императрица. А потом среди прочих, менее предосудительных, занятий оба они хладнокровно спланировали убийство мужа Феофано.

К этому времени найти сообщников было уже не сложно. Дату убийства назначили на 10 декабря. Во второй половине дня несколько заговорщиков, переодетых женщинами, вошли в гинекей* дворца якобы с намерением посетить императрицу. Она разместила их в нескольких маленьких комнатах, где, будучи незамеченными, они могли ждать условного сигнала. С наступ-

* Гинекей — женская половина дома.

лением темноты — а темнеть в декабрьские дни начинало рано — разыгрался буран. Заговорщики не отваживались действовать без Иоанна Цимисхия — но сможет ли он в такую погоду пересечь Босфор?

Феофано между тем сообщила мужу, что решила нанести короткий визит двум болгарским принцессам, только что прибывшим в город: она уйдет ненадолго, поэтому запирать дверь за ней не нужно. Никифор не стал возражать. В течение некоторого времени он читал религиозное сочинение и молился. Наконец император закутался во власяницу своего дяди и растянулся на полу, приготовившись спать.

За окном продолжала бушевать снежная буря. Шел густой снег, и для Иоанна Цимисхия, переправлявшегося из Халкидона на неосвещенной лодке, путь оказался длительным и весьма опасным. Уже наступила полночь, когда заговорщики услышали негромкий свист, извещавший о его прибытии, и из окна была беззвучно спущена веревка. Участвовавший в деле евнух повел их в спальню императора. Заговорщики на какой-то момент растерялись, когда обнаружили, что в постели никого нет, но евнух спокойно указал на дальний угол опочивальни, где на шкуре пантеры крепко спала их жертва.

Разбуженный шумом, Никифор попытался подняться, но некий Лев Валант нанес ему удар мечом, целясь в шею. Никифор отвел удар, и тот пришелся в лицо — по касательной. Истекая кровью, император воззвал к помощи Пресвятой Девы — но его уже волокли к кровати, на которой сидел Иоанн Цимисхий. Никифор неподвижно лежал на полу, когда его бывший соратник осыпал василевса проклятиями за проявленную неблагодарность, жестоко пинал и вырывал клочья волос из его бороды. Потом настала очередь остальных заговорщиков — у каждого был собственный счет к Никифору. Наконец его проткнули мечом.

Через несколько минут после того, как дело было сделано, люди Цимисхия вышли на заснеженные улицы города, крича на каждом углу: «Иоанн — император римлян!» Дежурившая в это время гвардия, состоявшая из варяжских викингов, с топорами в руках прибыла ко дворцу, когда голова Никифора была уже торжественно выставлена в окне. Варяги сразу же присмирели. Оставайся император в живых, они бы защищали его до послед-

него вздоха, но, поскольку он погиб, не было никакого смысла мстить за него. У них теперь появился новый хозяин.

Весь следующий день на улицах города прохожих не наблюдалось, его словно все покинули: днем раньше Василий объявил комендантский час. Вслед за бураном наступила жуткая тишина, а над Мраморным морем навис густой туман. Тело Никифора лежало под окном, из которого было выброшено, — непотребного вида куль на запачканном кровью снегу. Когда настала ночь, его кинули на деревянные дроги и отвезли в церковь Св. Апостолов, где положили в один из мраморных саркофагов, сделанных по заказу Константина Великого шесть веков назад. Это было почетное место упокоения, но Никифор Фока, «Белая смерть сарацин», заслуживал более достойного финала своей жизни.

Во второй раз за десять лет византийский трон захватил представитель анатолийской аристократии. В обоих случаях император-узурпатор, до этого проявивший себя как блестящий полководец, получал власть в результате интриг императрицы Феофано — он заявлял, что берет под защиту ее детей. Однако между Никифором Фокой и Иоанном Цимисхием имелось одно коренное различие. Хотя ни один из них не имел никаких законных прав на императорский трон, Никифор обрел доступ к нему, выполняя просьбу императрицы, Цимисхий же получил его, применив насилие.

Непреклонный по натуре патриарх не мог отвергнуть нового претендента на престол, но поставил ему условия — и первое из них касалось Феофано. Не могло идти и речи о коронации Иоанна, пока императрица не будет сослана — так чтобы впредь и показаться не могла в Константинополе. Иоанн не стал колебаться. Императрица, разбитая горем и униженная, была бесцеремонно отправлена на ставший популярным склад имперских отходов — Принцевы острова в Мраморном море. Затем Полиевкт потребовал, чтобы император принес публичное покаяние, осудил всех участников убийства Никифора и отменил все его указы, направленные против церкви. Эти условия также были приняты без колебаний, и на Рождество 969 г., всего лишь через две недели после совершения убийства, состоялась коронация нового императора.

Если мы сопоставим Иоанна Цимисхия с Никифором, то первый будет выглядеть на удивление выигрышно. Нелегко соединить наше знание о нем как о жестоком убийце с тем образом рыцаря без страха и упрека, который рисуют хронисты. Они подчеркивают не только его доблесть, но также его доброту и великодушие, его честность и ум, его решительность и личностное своеобразие. Они говорят о его красоте — русые волосы, рыжая борода, ясный прямой взгляд поразительно голубых глаз, — исключительной ловкости и силе. Он обладал также тем природным обаянием, которое с легкостью завоевывает людские сердца, и был неотразим в общении с женщинами. Иоанн представлял собой поразительный контраст своему предшественнику: на фоне утрюмого аскетизма Никифора его жизнерадостность выделялась особенно рельефно. Но особенно покоряла подданных Иоанна Цимисхия его щедрость. Большую часть своего состояния он роздал тем, кто наиболее пострадал от недавнего неурожая. Объектом его благотворительности оказался и лепрозорий в Хризополе, который он регулярно посещал, порой собственноручно омывая больным их язвы. Поэтому не вызывает особого удивления тот факт, что совершивший одно из самых отвратительных преступлений в истории Византии стал одним из ее самых популярных правителей.

И империи повезло, что на троне в тот момент оказался именно он, поскольку киевский князь Святослав был уже на марше. Иоанн пытался вести с ним переговоры, но вскоре стало ясно, что война неизбежна. Жители Константинополя сталкивались со многими подобными опасностями в прошлом, но угрозы последнего времени исходили от болгар, чья численность являлась по крайней мере ограниченной. Теперь же византийцы столкнулись с народом, владения которого простирались от Балкан до Балтики, а в состав его входили племена, чьи названия едва ли слышали на Босфоре. И все эти племена были способны творить ужасающие жестокости.

Но византийская армия уже в достаточной мере подготовилась к войне. Иоанн понимал, что ему лучше пока оставаться в Константинополе: его позиции на троне выглядели еще недостаточно надежными. Но он был абсолютно уверен в своих командирах, прославившихся в войнах с сарацинами. Одним из них

являлся его зять и близкий друг Варда Склир, другим — евнух Петр Фока, племянник убитого Никифора, единственный из семейства Фока, кто избежал ссылки. Оба военачальника получили приказ не ввязываться в бой без крайней нужды: имелась надежда, что один лишь вид внушительной византийской армии может заставить Святослава отступить.

Но киевский князь был настроен драться. Армии встретились вблизи Аркадиополя. Боевые действия начались, когда один из отрядов Святослава, состоявший из печенегов, попал в засаду и был практически полностью уничтожен. А через несколько дней состоялась генеральная битва — это было первое сражение между византийцами и русами в открытом поле. Для первых оно стало триумфальным, для вторых обернулось бойней. Святослав увел назад, в Болгарию, полностью разбитую, обесславленную армию, и прошел целый год, прежде чем она вновь дала о себе знать.

К началу весны 971 г. Иоанн был уже готов ко второму туру. Его армия находилась в превосходной форме, и на этот раз он сам собирался ее возглавить. Но как раз перед тем, как он должен был выступить в поход, с Востока пришло известие, что Варда Фока, племянник Никифора, бежал из ссылки и вернулся в Кесарию, свою опорную базу в Каппадокии, где многочисленное собрание провозгласило его василевсом. Вскоре после этого поступило сообщение, что Льву Фоке и его сыну, находившимся в ссылке на острове Лесбос, каким-то образом удалось распространить известие об этом мятеже по всей Фракии; они объявляли о своем скором прибытии в Анатолию и призывали народ подняться против узурпатора Иоанна Цимисхия.

Император, как обычно, действовал стремительно. Над Львом и его сыном устроили суд и приговорили их к смерти. Но почти сразу же Иоанн пересмотрел дело и заменил смертную казнь на ослепление с последующей вечной ссылкой, а затем, демонстрируя еще большую сострадательность, послал секретные инструкции на остров Лесбос, в которых предписывалось в последний момент убрать раскаленные пруты, оставив обоим осужденным зрение. Претенденту на трон Иоанн направил послание, в котором обещал сохранить ему жизнь и имущество, если тот сложит оружие, но Варда Фока двинулся с войском на столицу. импе-

ратору оставалось только одно: направить из Фракии своего лучшего военачальника с его лучшим отрядом. Несколько дней спустя Варда Склир был уже в походе.

В привычном для себя гуманистическом духе Иоанн отдал зятю приказ предпринять все усилия, чтобы избежать кровопролития, и гарантировать тем, кто согласится сдаться, неприкосновенность. Склир был только рад повиноваться такому приказу. Он являлся старым другом и соратником Фоки, и все это дело ему не сильно нравилось.

Когда его разведчики доложили, что видят лагерь Фоки, Склир направил туда несколько агентов, переодетых бродягами, чтобы они подкупали мятежников. Это начинание оказалось исключительно успешным. Каждую ночь все большее число приверженцев Фоки покидало его стан. Вскоре претендент на трон обнаружил, что численность его армии сократилась до нескольких сот человек. В итоге он с семьей нашел убежище в близлежащей крепости. Но неуклонно следовавший за ним Склир сразу же организовал осаду замка. Фока держался так долго, как только мог, но затем, получив заверение, что всем осажденным будет сохранена жизнь, сдался.

Иоанн Цимисхий оказался верен слову. Он распорядился выбрать Варде Фоке тонзуру и сослать его вместе с семьей на Хиос, один из самых восхитительных островов в Эгейском море. Не много нашлось бы в мире правителей, которые столь снисходительно отнеслись бы к мятежному претенденту на трон.

В дальнейшем Цимисхию не приходилось сталкиваться с новыми посягательствами на византийский престол, но он и сам не мог легитимно занимать его, не будучи членом императорской семьи. О браке с Феофано теперь не могло идти и речи, но, к счастью, у Романа II было пять сестер, которых опальная ныне императрица отослала в монастыри, и с одной из них, Феодорой, Иоанн обручился осенью 971 г. Двенадцать лет изоляции не сильно улучшили внешность Феодоры, но Иоанна не интересовала ее наружность — он женился на ней, поскольку она была правнучкой, внучкой, дочерью и сестрой императоров. Благодаря ей Иоанн становился членом Македонской династии. Венчание состоялось в ноябре, обряд бракосочетания совершал пре-

емник Полиевкта Василий — приверженец аскетического образа жизни. Празднования закончились уже после Рождества.

А к тому времени назрел новый брак императорского уровня, который был призван положить конец пятилетней вражде с Оттоном Саксонским и заложить основы для прочного союза между Восточной и Западной империями. Никифору Фоке подобная идея представлялась отвратительной, но Иоанн Цимисхий поддерживал ее всеми силами — по его приглашению в конце декабря в Константинополь прибыл архиепископ Кельнский, чтобы забрать невесту.

Жених — семнадцатилетний Оттон, сын и наследник императора Запада. Невесту звали Феофано. Она, по всей видимости, являлась племянницей Цимисхия. Когда она прибыла в Рим и выяснилось, что она, вопреки ожиданиям, не рождена в пурпуре, возникло определенное замешательство, но в итоге ее приняли и 14 апреля 972 г. их с Оттоном венчал папа Иоанн XIII в соборе Св. Петра. Феофано повезло: брак оказался на удивление счастливым. К ней отнеслись с добротой и уважением и позволили сохранить все ее привычки и обыкновения, обусловленные византийским воспитанием, так что даже ее сын, будущий Оттон III, вырос скорее греком, чем саксонцем. И все же девушке, которой едва исполнилось шестнадцать лет, первые четыре месяца 972 г. должны были представляться почти кошмаром, и нам стоит хотя бы на минуту задуматься о ее безмерном одиночестве, прежде чем мы вернемся к фигуре ее дяди, который переживал лучшую пору своей жизни.

Перед Страстной неделей 972 г. василевс находился в приподнятом настроении: киевскому князю не удалось предпринять масштабное наступление на Византию, и он теперь скрывался где-то в болгарских горах. Пришло время разобраться с ним. Иоанн произвел смотр флота в бухте Золотой Рог, после чего отправил суда к устью Дуная, чтобы воспрепятствовать любым попыткам Святослава бежать морем. Как только отплыли первые корабли, и сам василевс двинулся с войском на запад. В Адрианополе он собрал остатки армии, которые Варда Склиз оставил во Фракии год назад; вид императора в позолоченных доспехах вдохнул новую жизнь в его солдат. Их путь лежал во внутренние районы Болгарии. На счастье Иоанна, балканские теснины ока-

зались незащищенными: киевский князь, ожидая, что император будет праздновать Пасху в Константинополе, еще не предпринял никаких оборонительных мер.

В четверг на Страстной неделе Иоанн находился с войском в горах, возвышающихся над древней болгарской столицей Преславом. Неожиданно у подножия горы он увидел лагерь Святослава. Иоанн сразу же атаковал. Бой был яростным, и длительное время никому не удавалось достичь перевеса, но в решающий момент Иоанн пустил в ход отряд «бессмертных», который подготовил сам император. Этот смертоносный заряд врезался во фланг русов, немедленно расстроив их ряды. Противник бежал к Преславу — за ним неслась имперская кавалерия. Не многим русам удалось добраться до города живыми.

Осада Преслава началась на следующий же день; византийские катапульты метали стрелы с греческим огнем через стены. В короткое время город был подвергнут опустошению. В числе пленных оказался рыжебородый царь Борис, которого Святослав в течение двух лет удерживал в заточении. Император принял его со всей учтивостью. Иоанн сказал Борису, что его миссия заключалась не в том, чтобы завоевать Болгарию, но в том, чтобы освободить ее (ввиду последующих действий василевса, ему не стоило давать подобных заверений).

Пасху праздновали среди руин, Иоанн же в это время решал, как быть со Святославом. Узнав, что князь уже находится в Дристре, главном болгарском порту на Дунае, Иоанн сразу же отправился туда. Это был длинный и трудный переход, и вот в День святого Георгия его армия выстроилась перед Дристрой. На сей раз осада продолжалась три месяца, а 24 июля Святослав вырвался с остатками своей армии из главных ворот. В этот день Иоанн, применив свой излюбленный трюк — ложное отступление, — одержал решительную победу, и с наступлением ночи князь запросил мира, предложив вывести войска русов из Болгарии и выдать Византии всех военнопленных. Взамен он просил лишь позволить ему переправиться через Дунай и предоставить немного еды для тех солдат из его войска, кому посчастливилось уцелеть. Император был только рад пойти на эти условия.

По инициативе Святослава было условлено о встрече двух правителей с глазу на глаз. Иоанн на боевом коне спустился к

месту встречи на берегу реки. Князь прибыл на лодке, он греб наряду с людьми из своей дружины и выделялся из их числа лишь чистым белым одеянием, серьгой с драгоценным камнем и двумя длинными прядями белокурых волос — свидетельствами о его высоком статусе и наличии у него предков-викингов — на выбритой голове. Святослав в нескольких словах выразил надежду, что старый торговый договор может быть возобновлен, затем, с достоинством кивнув, вернулся к лодке и отплыл.

Что касается Болгарии, то василевс отвоевал ее для империи и, несмотря на все то, что Иоанн наобещал Борису в Преславе, у него не имелось намерения вновь посадить болгарского царя на трон. Если у кого-то из наблюдавших триумфальный въезд Иоанна в Константинополь в августе 979 г. возникло предположение, что поражение в недавней войне было нанесено болгарам, а не русам, то его можно понять. Почетное место в процессии — в золоченой колеснице, запряженной четырьмя белыми лошадьми и первоначально предназначавшейся для самого Иоанна, — он предоставил самой почитаемой в Болгарии иконе Богородицы. Император в сияющих доспехах ехал прямо за ней. В конце процессии шел царь Борис с женой и детьми. В соборе Св. Софии Иоанн возложил на главный престол не только икону, но и корону болгарского государства. Вскоре после этого он принудил молодого царя формально отречься от престола. Отныне Болгария становилась имперской провинцией. Болгарский патриархат был ликвидирован, подвластные ему епархии вновь перешли в подчинение Константинополю. Иоанн дал Борису почетное звание магистра; младшему брату бывшего царя, Роману, повезло меньше — его кастрировали. Это был бесславный конец для династии Крума, которая не раз заставляла трепетать Византию.

Теперь Иоанн Цимисхий обратил свое внимание на Восток. Всего лишь за три года до этого, в 969 г., халифат Фатимидов приступил к осуществлению экспансионистской политики. Выступив из своей столицы Махдии (территория современного Туниса), войска Фатимидов прошли долину Нила и Синайский полуостров. Они с легкостью завоевали Палестину и Сирию. В 971 г. армия Фатимидов атаковала Антиохию, а в июле 973 г. под

стенами Амиды почти полностью уничтожила византийское войско.

К весне 974 г. Иоанн основательно подготовился к походу против Фатимидов. Его армию пополнили примерно 10 000 армян, предоставленных царем Ашотом. Иоанн повел войско на юг, в сторону равнин Месопотамии. И нигде византийцы не встречали сколько-нибудь серьезного противодействия. Почему Иоанн не двинулся дальше, на Багдад, остается загадкой — полностью деморализованный, город едва ли устоял бы в случае серьезной атаки. Вместо этого император повернул назад, к Антиохии. Там он оставил армию на зимних квартирах и спешно вернулся в Константинополь — встречаться с папой.

В начале лета 974 г. кардинал-дьякон* Франко устроил заговор против папы Бенедикта VI — марионетки Оттона. Франко тогда сам занял папский престол под именем Бонифация VII, но последовавший затем контрпереворот заставил его спастись в Константинополе. Вместо него молодой император Оттон поставил епископа Сутрийского, ставшего папой Бенедиктом VII. Одним из его первых действий стало отлучение от церкви своего предшественника. Прибытие низложенного папы на берега Босфора поставило византийцев в затруднительное положение. Длительное противодействие Бонифация Западной империи подвигло его к установлению тесных связей с Константинополем. Он неуклонно поддерживал Никифора Фоку в ходе всех разногласий, возникавших у последнего с Оттоном I. Византийский двор в конце концов решил, что отношения с Римом, обидевшим Бонифация, должны быть разорваны.

Однако патриарх Василий, который никогда не ставил под вопрос базовое единство церкви и верховенство законного понтифика, был настроен поддержать отлучение Бонифация от церкви. Почти всегда статус папы оспаривали те константинопольские патриархи, которые были искушены светской деятельностью; у аскетов подобных сомнений не возникало. Сам Василий вел жизнь исключительно праведную: жил только на ягодах и воде, носил одну и ту же грязную рясу, пока она совсем не при-

* Кардинал-дьякон — низший кардинальский сан. В католической коллегии кардиналов представлены кардиналы-епископы, кардиналы-священники и кардиналы-дьяконы.

ходила в негодность, спал на голой земле. Василий не был популярен в церковной среде, и когда было решено заменить его кем-нибудь более сговорчивым, то нашлось немало епископов, готовых свидетельствовать против него. Сам же он настаивал на том, что его может низложить только Вселенский собор, на котором будет присутствовать папа. Собравшийся после возвращения Иоанна имперский суд, конечно же, поспешил засвидетельствовать неправоту Василия.

Итак, Василий был сослан, Бенедикту отказали в признании, а Бонифаций оставался в Константинополе до апреля 984 г., когда с помощью Византии ему удалось низложить папу Иоанна XIV, преемника своего врага, и вернуть себе трон понтифика. На этот раз он пробыл на нем пятнадцать месяцев, до самой своей смерти в следующем году — почти несомненно, его отравили. По свидетельству хронистов, его обнаженный труп протащили через весь город и оставили прямо на Капитолии; там он находился до тех пор, пока его не обнаружили священники и не захоронили.

В начале весны 975 г. Иоанн Цимисхий вернулся на Восток и предпринял свой последний и самый успешный поход. К концу лета большая часть Палестины, Сирии и Ливана — областей, где не ступала нога ни одного императора со времен Ираклия, — находилась под контролем Византии. Однако в конце года Иоанн умер в Константинополе. Три авторитетных источника обвиняют в этом паракимомена* Василия Нофа. Они утверждают: император, узнав, что самые процветающие из поместий, которые он проезжал, принадлежат Василию, во всеуслышание объявил, что потребует от него объяснений. Слова Иоанна дошли до Василия, и он предпринял соответствующие меры. Через короткое время, когда Иоанн обедал с одним из своих вассалов в Вифинии, в его чашу был незаметно налит медленно действующий яд. Проснувшись на следующее утро, император едва мог шевелить конечностями. К тому времени, когда василевс достиг берегов Босфора, то уже с трудом дышал. Каким-то образом ему удалось посетить службу в соборе Св. Софии, куда василевс передал на хранение два главных трофея, добытых им на Востоке, — сандалии Христа и волосы Иоанна Крестителя. Затем император от-

* Паракимомен — высокая придворная должность, главный спальничий.

правился к себе домой и лег в постель. Все свое богатство он завещал бедным и больным. Не переставая молить Пресвятую Деву о заступничестве, василевс умер 10 января 976 г. Правление Иоанна продолжалось шесть лет и один месяц. Ему был пятьдесят один год.

Что мы можем сказать об этой истории с отравлением? Если бы Василий и вправду был виновен, остался бы он у власти — как в реальности произошло, — став регентом двух молодых императоров? И что это был за удивительный яд — столь медленно действующий и столь неотвратимо действенный? Не будет ли намного более правдоподобным предположение, что Иоанн умер так, как умирали тысячи простых солдат во время восточных кампаний, — от брюшного тифа, малярии или дизентерии?

Но мы здесь ни в чем не можем быть уверенными. Иоанн Цимисхий загадочен в своей смерти точно так же, как был загадочен при жизни. Иоанн одержал победу над русами, болгарами и халифами Багдада и Каира, отвоевал большую часть Сирии и Ливана, Месопотамии и Палестины. Его отвага, рыцарские качества и способность к состраданию вызывали восхищение как у его союзников, так и у врагов. Его лучезарная личность, подобно его золотым доспехам, до сих пор ослепляет нас. Однако она никогда не может закрыть от нас другой, более мрачный образ: несчастная, изуродованная человеческая масса, съезжившаяся на дворцовом полу, которую злобно пинает ногами низкорослый, но очень сильный и красивый мужчина.

16

Болгаробойца (976—1025)

Со смертью бездетного Иоанна Цимисхия расчистился путь к власти для двух юных сыновей Романа II: восемнадцатилетнего Василия и шестнадцатилетнего Константина. Младший никогда не проявлял ни малейшего интереса к общественным делам, чего нельзя сказать о Василии, который поражал всех быстротой ума и неисчерпаемой энергией. Однако его нельзя приравнять к таким интеллектуалам, как Лев Мудрый или Константин Багрянородный, — он не проявлял склонности к наукам и литературе. Кроме того, Лев и Константин постоянно проводили пышные церемонии и разного рода торжественные действия, всячески стремились демонстрировать парадный блеск императорского правления. Василий же урезал государственный церемониал до минимума, ходил в повседневной одежде, не вполне достойной императора и не слишком чистой. Внешне он мало походил на отца и деда: небольшого роста, с тусклыми голубыми глазами и солидной, окладистой бородой. В быту Василий ничем особым не выделялся, и лишь когда садился на коня, сразу обращал на себя внимание, поскольку наездником был великолепным. И еще в одном аспекте Василий отличался от отца: Роман был сластолюбцем, Василий же вел исключительно аскетичную жизнь — скудные еда и питье и полное пренебрежение женщинами; по этой, последней причине он так и не женился.

С того самого момента как оказался верховным императором, Василий был настроен не только номинально царствовать, но и править. Исполнению его намерения способствовал брат Константин, не желавший брать на себя бремя ответственности за

государственные дела. Однако на пути Василия к реальной власти стояли два препятствия. Первое — в лице его двоюродного деда и тезки Василия Нофа. Прошло около тридцати лет с того времени, как этот побочный сын Лакапина занял важную должность паракимомена; не собиравшись покидать он ее и теперь, но стал активно влиять с высоты своего поста на политику империи. Вторым препятствием была сама природа византийского престола. Первые римские императоры получали власть с одобрения армии, и хотя давно уже укоренился наследственный порядок, он никогда не обретал по-настоящему законной силы. Теперь же, после того как на временном промежутке в менее чем шестьдесят лет власть последовательно побывала в руках у трех военачальников, передача трона по наследству выглядела не вполне естественным делом — особенно в представлении военной анатолийской аристократии: императорская диадема должна становиться достоянием зрелых мужей, отличившихся в бою, а не зеленых юнцов, чьей единственной заслугой являются обстоятельства рождения.

Потому-то первые девять лет теоретически автократического правления Василия оказались затенены внушительной фигурой паракимомена Нофа. Также первые тринадцать лет Василию пришлось защищать трон от двух военачальников, стремившихся отобрать его. Одним из них был Варда Склир, domestik с Востока, другим — Варда Фока, племянник императора Никифора, вознамерившийся после неудавшегося мятежа устроить новый, как только представится такая возможность.

Склир начал действовать первым. Уже через один-два месяца после смерти своего шурина он был провозглашен подчиненными ему войсками василевсом. К осени 977 г. Склир одержал две важные победы и получил поддержку со стороны южного флота, а несколько месяцев спустя, захватив Никею, приступил к осаде столицы с суши и моря.

На море все быстро разрешилось — флот, верный императору, в кратчайший срок разделался с мятежными судами. На суше же ситуация была намного более серьезной, и тогда Ноф, к всеобщему удивлению, доверил командование армией Варде Фоке. Тот едва ли проявлял большую лояльность к императору, чем мятежник Склир, но чтобы самому прийти к власти, Фоке сна-

чала необходимо было разделаться со Склиром. И вот Варда Фока сбросил с себя монашеское одеяние, дал клятву верности василевсу и направился на свою опорную базу, в каппадокийскую Кесарию, где для него не составляло труда собрать войско.

Гражданская война продолжалась почти три года. В ходе последней битвы весной 979 г. Варда Фока, видя, что события разворачиваются неблагоприятно, вызвал мятежника на поединок. Проявляя изрядную отвагу — с учетом того, что Фока был настоящим богатырем, — Склир принял вызов. Между ними начался поединок — словно взятый прямо из «Илиады». И вот Склир рухнул на землю с окровавленной головой. Несколько человек из его ближайшего окружения подняли потерявшего сознание командира и понесли к протекавшей поблизости реке, чтобы омыть ему раны; остальные бежали с поля боя. Война была закончена.

Тем не менее пребывание Василия на троне не стало более надежным — ведь оба его соперника остались живы. Склир быстро оправился от полученного ранения и попросил убежища у сарацин в Багдаде; Фока же, сильный, как никогда, мог в любое время выдвинуть свои притязания на власть.

И все же кое-какая передышка у императора появилась; он решил ею воспользоваться и стал знакомиться в деталях с положением дел в армии, на флоте, в церкви, монастырях и во всех государственных ведомствах. В 985 г. он был уже хорошо подготовлен к управлению империей, но двоюродный дед и тезка продолжал стоять у него на пути. Поначалу Ноф испытывал неподдельную привязанность к юному императору, но ошибка паракимомена заключалась в том, что он продолжал обращаться с внуком как с ребенком, хоть тот уже давно вырос. Василевс в конце концов осознал, что ему следует избавиться от Нофа. К счастью, для этого имелось множество поводов. Продажность паракимомена была общеизвестна — она и позволила ему нажить огромное состояние, — но нашлось и еще кое-что, гораздо более серьезное: вдруг выяснилось, что Василий Ноф вел тайную переписку с Вардой Фокой. И вот в одно прекрасное утро по столице распространились новости о том, что человек, наводивший страх на весь Константинополь, арестован и отправлен в ссылку, а его имущество конфисковано.

Наконец-то Василий стал хозяином в собственном доме. Но менее чем через год империя столкнулась с новой опасностью, олицетворенной в образе Самуила, самопровозглашенного царя Болгарии, вторгшегося в Фессалию. О его происхождении нам известно мало. Его отец, комит Николай, по-видимому, был наместником Западной Болгарии во времена вторжения Святослава. Когда Николай умер, его влияние — а возможно, и положение — унаследовали четыре сына. Так что они естественным образом стали лидерами восстания, разразившегося вскоре после смерти Иоанна Цимисхия и вылившегося в полномасштабную войну за независимость. Когда новости об этом достигли Константинополя, плененный царь Борис совершил побег вместе с братом Романом, чтобы присоединиться к инсургентам. На границе Бориса случайно убили его собственные подданные, ну а кастрированному Роману путь к трону был заказан. Таким образом, лидерство осталось за сыновьями комита, именовавшимися комитопулами (сыновьями комита), и в первую очередь за самым младшим и самым способным из всех четверых — Самуилом.

Во время мятежа, поднятого Склиром, у Самуила появилась возможность расширить свои владения без какого-либо противодействия. Он присвоил себе титул царя и возродил болгарский патриархат. И это новое государство, выстроенное Самуилом при активном содействии князя Романа, виделось болгарам как естественный преемник царства, возглавлявшегося династией Крума. С 980 г. каждое лето происходили вторжения болгар в Фессалию, а в 986 г. Самуил захватил главный ее город Лариссу.

Узнав об этом, Василий принял на себя верховное командование и выступил с походом на Сардику. Будучи уже совсем недалеко от цели, он остановился, чтобы подождать, когда подтянется арьергард, — это была катастрофическая ошибка, которая позволила Самуилу занять горы, окружавшие данную местность. Во вторник 17 августа, когда византийские войска шли через проход, известный как Траяновы Врата, то прямоком попали в засаду, хитроумно устроенную Самуилом. Подавляющее большинство византийцев было моментально изрублено на куски. Василий, приучивший себя к мысли, что он самый лучший правитель из всех, кто когда-либо возглавлял Византию, оказался

жестоко посрамлен. Обозленный донельзя Василий, вернувшись в Константинополь, дал торжественную клятву, что жестоко отомстит всему болгарскому народу. И он, как мы увидим в дальнейшем, сдержал слово.

Известие о поражении Василия убедило находившегося в Багдаде Варду Склира в том, что наконец пришел его черед завладеть империей. Получив от халифа вооруженный отряд, деньги и продовольствие, Варда Склир вернулся в Анатолию и во второй раз провозгласил себя василевсом.

И тут он обнаружил, что местная знать тоже находится на грани мятежа. По твердому убеждению анатолийских магнатов, имперская армия — их вотчина, а поскольку в нынешнем составе верховного командования не имелось ни одного представителя анатолийских аристократов, Траяновы Врата были неизбежны. Совершенно очевидно, что им ни в коем случае не следовало упускать корону. Но кому именно она должна теперь принадлежать? Склир вскоре понял: анатолийцы считают, что не ему, а Варде Фоке. Число приверженцев последнего оказалось столь велико, что 15 августа 987 г. Фока решил официально объявить о своих особых правах на империю. Из них двоих он теперь был существенно сильнее. Но Фока не осмелился оставить Склира в задних рядах и предложил ему разделить империю: сам он удовлетворится европейской частью, включая Константинополь, Склиру же доставалась вся Анатолия от Мраморного моря до южных границ.

Склир принял предложение — и прямоком угодил в ловушку. Вскоре после этого Варда Склир был арестован и провел следующие два года в той самой крепости, откуда он выдавил Фоку шестнадцатью годами ранее.

Теперь его соперник предпринял решающую попытку прийти к власти. Когда Фока достиг Мраморного моря, то разделил свою армию — направив половину войска на запад, к Авидосу, находящемуся на берегу Геллеспонта, тогда как другая половина закрепилась в Хризополе, — после чего начал готовить атаку на столицу с двух сторон.

Но Василий не терял хладнокровия. Ему до крайности нужна была помощь, и он посчитал, что может получить ее от сына Святослава Владимира, киевского князя. Еще до того как Фока по-

добрался к Константинополю, послы были в пути. По возвращении они сообщили императору, что Владимир считал себя связанным соглашением, заключенным его отцом с Иоанном Цимисхием: шеститысячный отряд полностью экипированных варягов мог быть отправлен на помощь Василию в самые короткие сроки. Взамен князь просил руку сестры императора Анны.

Эффект, который произвела эта просьба, едва ли можно себе представить. Еще ни одну принцессу, рожденную в пурпуре, не отдавали замуж за иностранца, а Владимир к тому же был не просто чужеземцем, а язычником, на совести которого смерть собственного брата. У него уже было как минимум четыре жены и 800 наложниц, но это ничуть не мешало князю сеять панику среди дев и замужних дам каждого города, который ему доводилось посещать. Но имелось одно обстоятельство, затмевавшее все эти его, так сказать, недостатки: известно было, что Владимир ищет для себя и своего народа респектабельную религию. Он навел справки относительно мусульман, иудеев и католиков, но никто из них не произвел на него должного впечатления. Наконец Владимир направил своих эмиссаров в Константинополь, где в соборе Св. Софии в их честь была организована служба такой, по их словам, красоты, что они не знали, где находятся — на земле или на небе. То есть имелись основания полагать, что Владимир отречется от языческих богов и, возможно даже, от некоторых своих наиболее предосудительных привычек. В результате Василий дал согласие на брак князя с Анной, при том лишь условии, что Владимир примет православную веру. Василевсу оставалось лишь ждать.

Он ждал почти год. За это время только постоянное патрулирование, которое вели имперские корабли, позволило предотвратить переправу Варды Фоки и его войска в Европу. Наконец в конце декабря 988 г. впередсмотрящие на судах, стоявших в Черном море, увидели на северном горизонте первый из кораблей огромной флотилии викингов. В начале 989 г. вся эта флотилия благополучно стала на якорь в Золотом Роге, и 6000 северных великанов высадились на берег.

Несколько недель спустя скандинавы — под предводительством Василия — ночью пересекли пролив и заняли позиции в непосредственной близости от лагеря мятежников. При первых

утренних лучах викинги атаковали, в то время как имперская эскадра кораблей-огнеметов поливала берег греческим огнем. Люди Фоки, пробудившиеся ото сна, ничего не могли поделать: нападавшие беспощадно наносили во все стороны мощные удары мечами и боевыми топорами, пока не оказались по щиколотку в крови. Не многим из лагеря мятежников посчастливилось выжить. Трех командиров среднего ранга передали в руки Василия: один был повешен, второй посажен на кол, третий распят.

Варда Фока, находившийся в это время с резервным отрядом на некотором расстоянии, поспешил присоединиться к остальной части своей армии, стоявшей невдалеке от Авидоса, и немедленно предпринял осаду этого города. Но его жители организовали решительное сопротивление, а стоявший в проливе имперский флот делал блокаду Авидоса невозможной.

Император начал готовить освободительную операцию и в марте 989 г. отправил ударный контингент под командованием, как ни удивительно, своего брата и соправителя Константина, не отличавшегося большой дееспособностью. Это был единственный раз за всю его продолжительную жизнь, когда он повел войско на поле битвы. Василий взошел на борт корабля несколько дней спустя, высадился на берег вблизи Лампсака и немедленно направился к осажденному городу; могучие варяги следовали за ним.

Две армии выстроились друг против друга на открытой равнине вблизи Авидоса. На рассвете 13 апреля, в субботу, император отдал приказ атаковать. Мятежное войско было быстро рассеяно: многих порубили, остальные обратились в бегство. Лишь с огромным трудом Фоке удалось восстановить порядок и перегруппировать свои силы. Затем он, окинув взглядом равнину, увидел Василия в сопровождении молодого Константина, объезжавшего ряды скандинавов. И тут Варда Фока вспомнил, как во время последнего столкновения со Склиром он обратил поражение в победу. Пришпорив коня, Фока на виду у обеих армий, молчаливо наблюдавших за происходящим, ринулся в первые шеренги имперских войск, изготовившись поразить мечом императора. Василий не шелохнулся, правой рукой он сжимал меч, а левой — чудотворную икону Богородицы. И вот его противник оказался совсем рядом. И вдруг Фока осадил коня, медленно

сполз с седла и упал на землю. Когда Василий, Константин и их приближенные подъехали к Варде Фоке, то увидели, что он мертв — по всей видимости, мятежника хватил удар. Его солдаты в панике бежали, но им было не уйти от могучих скандинавов, которые настигали их и с упоением разрубали на куски.

Теперь из числа претендентов на трон Византии остался только Варда Склир. В течение его двухлетнего пребывания в заключении надзидала за ним супруга Фоки, которая после смерти мужа немедленно освободила Склира, чтобы он собрал новое войско. Но Варда Склир был уже довольно стар, к тому же у него стремительно портилось зрение. И, когда Василий предложил ему сдаться на невероятно выгодных условиях, Склир принял их.

В одном из императорских поместий в Вифинии, впервые за тринадцать лет, состоялась встреча молодого василевса и старого военачальника. Император спросил его совета, что следует предпринять для предотвращения мятежей «могущественных». Склир порекомендовал держать донатов в жесточайшей узде, устанавливать для них максимально возможные налоги, создавать финансово неблагоприятные условия и даже подвергать целенаправленным, откровенным гонениям — пусть даже и не вполне справедливым; тогда они сто раз подумают, прежде чем выступить против имперской власти. Василий запомнил эти слова на всю жизнь.

Последние два года были насыщены чрезвычайно важными событиями, и василевс, естественно, не уделял достаточно времени замужеству своей сестры, которую он обещал выдать за киевского князя. Как бы напоминая о его обязательствах, летом 989 г. Владимир неожиданно захватил имперскую колонию Херсонес, последний византийский аванпост на северном побережье Черного моря. Одновременно князь давал Василию понять, что, если тот и дальше будет демонстрировать свою забывчивость, подобная участь может постигнуть и Константинополь. Император не мог пренебрегать поддержкой Владимира, пока Варда Склир оставался на свободе, а Самуил продолжал укреплять свое царство. К тому же 6000 варягов все еще находились в Константинополе: одного слова киевского князя хватило бы, чтобы они повернули оружие в другую сторону. И василевсу не оставалось ничего другого, как выполнить данное Владимиру обещание.

Двадцатипятилетняя Анна, заливаясь слезами, приняла неизбежное и с тоской взойшла на корабль, который направлялся в Херсонес, где ее ждал жених, с которым она к тому времени была уже помолвлена. В Херсонесе Анна и Владимир должным образом сочетались браком, и князь немедленно возвратил город Василию — в качестве традиционного подарка от новобрачного. Непосредственно перед бракосочетанием киевского князя крестил местный епископ — этой религиозной церемонии суждено было стать самой судьбоносной в русской истории.

Обращение Владимира ознаменовало вхождение Киевской Руси в лоно цивилизованного мира. После бракосочетания князь с молодой женой отправился в Киев в сопровождении херсонесского духовенства, которое по прибытии незамедлительно приступило к массовым обращениям в христианство русских городов и деревень. Таким образом, Русская православная церковь с самого начала была подчинена Константинопольскому патриархату. Есть некоторые основания надеяться, что новая жизнь оказалась для бедной Анны не такой уж невыносимой, как она ее себе представляла. Муж после крещения стал совершенно другим человеком. В прошлое ушли все его предыдущие жены и наложницы; отныне все свое время Владимир посвящал наблюдению за проведением массовых обращений, исполнению роли крестного отца при крещениях и строительству церквей и монастырей. Святые в принципе не могут быть беспроблемными мужьями, и святой Владимир едва ли представлял собой исключение, но для девушки, которая ожидала, что разделит ложе с лютым монстром, подобный исход должен был казаться вполне благоприятным.

К 989 г. Василий номинально являлся императором уже двадцать девять лет — из тридцати одного года своей жизни. Первые шестнадцать лет он был несовершеннолетним; на протяжении следующих девяти — марионеткой. А за последние четыре года Василию пришлось пережить череду обрушивавшихся на него бедствий — в итоге он даже поддался довольно-таки бесстыдному шантажу со стороны киевского князя. И в 989 г. случилось достаточно невзгод: столкновения с Фокой и Склиром, утрата Херсонеса, серьезные беспорядки в Антиохии. 25 октября землетрясение уничтожило или повредило около сорока церквей в

одной только столице, в том числе и собор Св. Софии, чей купол оказался расколот, хотя апсида и выстояла. Зато к концу года в империи наступил-таки конец внутренним раздорам — впервые с момента смерти Иоанна Цимисхия в 976 г. — и василевс смог теперь сконцентрироваться на задаче, которой он решил посвятить всю оставшуюся жизнь: уничтожить Болгарское царство.

Ранней весной 991 г. Василий направился в Фессалоники, начав болгарскую кампанию. На протяжении следующих четырех лет он не позволял расслабиться ни себе, ни своей армии. Новая армия, обученная и закаленная императором лично, теперь была невосприимчива ни к январскому снегу, ни к августовскому солнцу. Византийцы не спеша занимали город за городом. В некоторых были оставлены гарнизоны; другим повезло меньше — их сровняли с землей. Не проводилось никаких особо впечатляющих, ударных операций — успех в понимании Василия определялся строгой повседневной дисциплиной и безупречной организацией. Армия должна действовать как хорошо скоординированная общность. С началом сражения солдатам запрещалось нарушать строй. Всякие самостоятельные герои подвергались наказанию. Офицеры жаловались на то, что Василий чересчур часто подвергает их инспекции, но они безусловно доверяли ему, поскольку знали, что главнокомандующий никогда не приступит к проведению операции, не будучи уверенным в победе. При подобном подходе к делу в успехе можно было не сомневаться, но он не обещал быть быстрым. И к началу 995 г. достижения Василия выглядели достаточно скромно.

Самуил также действовал с осмотрительностью. У него было одно большое преимущество: он находился на родной земле. Рано или поздно обстоятельства заставят Василия повернуть назад, и тогда придет час Самуила. А пока он держал порох сухим и занимал выжидательную позицию.

Несмотря на то что император предпочитал действовать осмотрительно и не спеша, он при необходимости был способен проявлять исключительную оперативность. В начале 995 г. эмир Алеппо, византийского протектората, сообщил василевсу, что халиф из династии Фатимидов серьезно угрожает уже не только эмирату, но и Антиохии. Василий знал, что в подобных экстремальных обстоятельствах он не мог доверять никому, кроме

самого себя. Спешно вернувшись в столицу из Болгарии с теми войсками, которые ему удалось в срочном порядке собрать, он присовокупил к ним все наличные резервные отряды, так что численный состав его новой армии достиг примерно 40 000 человек. Теперь требовалось как можно быстрее перебросить войско в Сирию, иначе к моменту его прибытия и Антиохия, и Алеппо будут захвачены врагом.

Решение Василия не имело прецедентов в византийской истории. Каждому солдату было предоставлено два мула — один для бойца, а второй для его снаряжения. И к концу апреля 995 г. Василий привел первый войсковой эшелон численностью в 17 000 человек под стены Алеппо. Этот поход занял всего шестнадцать дней. Город к тому времени был уже осажден. Еще неделя — и противник его бы захватил, как и большую часть Северной Сирии. Теперь Алеппо был спасен. Попав под неожиданную атаку, армия Фатимидов спешно отступила в Дамаск. Несколько дней спустя император повел войско на юг, подвергнув разорению Эмесу и опустошив города и селения вплоть до самого Триполи, после чего отправился назад, в столицу.

Возвращаясь домой, василевс имел возможность внимательно осмотреть сельскую местность, через которую проезжал. Это было первое посещение Василием Анатолии еще со времен его детства, и он пришел в ужас, увидев великолепные имения донатов, располагавшиеся на земле, юридически являвшейся либо имперской собственностью, либо собственностью местных сельских коммун. Некоторые из этих аристократов допустили тяжелую ошибку, оказав ему помпезный прием: такая демонстрация богатства будила в нем ярость.

1 января 996 г. вышел императорский указ, в соответствии с которым любое территориальное владение должно иметь юридическое подтверждение, давность которого составляла бы не менее чем 61 год, что соответствовало времени правления Романа I. Вся земельную собственность, приобретенную позже, следовало немедленно возвратить прежнему владельцу — без компенсации или платы за какие-либо внесенные улучшения. Даже императорские хрисовулы*, в том числе подписанные самим Василием, и все акты дарения Василия Нофа автоматически

* Хрисовул — императорская грамота с золотой печатью.

теряли законную силу, если только император собственноручно не заверит их после выхода указа.

Для анатолийской аристократии результаты новой земельной политики Василия оказались катастрофическими. Семейство Фока потеряло практически все свои обширные владения. Некоторые благородные фамилии были доведены до нищеты, многие — до уровня крестьян. Но и для этих крестьян, и для мелких собственников — традиционной основы имперских армий на протяжении многих сотен лет — открылась возможность вернуть земли своих предков.

Василий не сразу вернулся в Болгарию. Ожидалось неизбежное недовольство донатов в Анатолии, и он счел за лучшее находиться пока поблизости, в Константинополе. Василевс пробыл в столице четыре месяца, когда туда прибыло посольство, направленное семнадцатилетним Оттоном III. Тот хотел заполучить византийскую жену и официально просил руки одной из трех племянниц Василия — Евдокии, Зои или Феодоры; на выбор василевса. Для Оттона не имело большого значения, с кем именно из византийских принцесс он пойдет под венец.

Эта просьба выглядела достаточно неожиданной, поскольку отношения между двумя империями не были безоблачными. Оттон II женился на греческой принцессе Феофано, которая многое сделала для распространения византийской культуры на Западе, но, к несчастью, запросил в качестве приданого за нее все византийские владения в Италии, и в результате разразилась война. Затем, в 981 г., Оттон II выступил с походом в Апулию — на сей раз его гнев был направлен на оккупировавших эту местность сарацин. Последние — с византийской помощью — в пух и прах разбили германскую армию вблизи Стило в Калабрии. Оттон так никогда и не оправился от перенесенного унижения и умер в Риме в следующем году в возрасте двадцати восьми лет.

Сын германского императора от Феофано Оттон III сочетал в себе амбиции своих коронованных предков по мужской линии с романтическим мистицизмом, унаследованным от матери. Он мечтал о великой теократии византийского извода, которая объединила бы под своей сенью германцев и греков, итальянцев и славян. Во главе ее стоял бы Бог, а сам он и папа римский — именно в таком порядке — являлись бы его заместителями. Можно ли

было найти лучшее основание для реализации этой мечты, чем брачный союз между двумя империями? В качестве эмиссара для исполнения столь деликатной миссии Оттон выбрал Иоанна Филагата, архиепископа Пьяченцкого, калабрийского грека, который являлся капелланом его матери и ее близким другом.

Василий сам хотел подобного брака — который позволил бы сохранить мир в Южной Италии, и Филагат возвратился в Рим с византийскими послами, имевшими полномочия обговорить все детали лично с Оттоном. Но по приезде они обнаружили, что молодой император отбыл из Рима несколько недель назад — с последствиями, несчастливymi для послов и катастрофическими для Иоанна Филагата. В отсутствие Оттона патриций Кресценций, глава самого влиятельного семейства в Риме, схватил послов Василия и бросил в тюрьму — по-видимому, более для того, чтобы досадить Оттону, расстроив его брачные планы, чем по какой-либо иной причине. Недавно возведенный на престол папа Григорий V, двоюродный брат Оттона и его креатура, бежал в Павию, после чего Кресценций назначил на его место не кого иного, как архиепископа Пьяченцкого Иоанна Филагата.

Почему один из самых близких людей Оттона оказался причастен к подобному произволу, трудно понять; по-видимому, папский трон оказался для Филагата таким искусом, которому он не смог противостоять. Но вскоре у него появились причины пожалеть о принятом решении.

Ближе к концу года император Запада вновь отправился на Апеннинский полуостров. В Павии он встретился с папой Григорием и затем двинулся на Рим. Кресценций искал убежища в замке Св. Ангела — там же он и был обезглавлен на глазах у собравшейся публики. Иоанна Филагата бросили в темницу; ему отрезали уши и нос, отрубили руки, вырвали глаза и язык. Филагату удалось протянуть в таком вот жалком состоянии до 1013 г.

Василий II после всех этих перипетий остался ни с чем, а ведь грек на папском троне устроил бы его не меньше, чем племянница в роли императрицы Запада. Византийские послы, пробыв в заключении почти два года, были наконец освобождены, но так и не встретились с Оттоном, чьи прогреческие симпатии к этому времени, особенно после истории с Филагатом, вполне могли уже и испариться.

Между тем в последние три года опасно возросла мощь царя Самуила. Захватив Диррахий, важный порт на Адриатическом побережье, он продвинулся во внутренние области Далмации и далее в Боснию. Над византийскими землями, располагавшимися вдоль побережья Адриатики, нависла серьезная угроза. От Константинополя они находились не дальше, чем Сирия, но гористая местность, труднопроходимые дороги и недружественное местное население делали военные операции в этом регионе практически невозможными. Василий видел здесь только одно приемлемое решение: привлечь на свою сторону Венецию. Почему бы республике не взять под контроль все далматинское побережье, которое стало бы ее протекторатом? А верховный сюзеренитет оставался бы за Византией.

Дож Пьетро Орсеоло II оценил выгоду данного предложения: появлялся обильный источник зерна и древесины для кораблестроения. Появлялась также возможность разобраться с хорватскими пиратами, которые постоянно досаждали венецианским купцам. В день Вознесения 1000 г. Орсеоло, только что получивший титул *Dux Dalmatiae**, поднялся на борт своего флагманского корабля, который во главе огромной флотилии направился к далматинскому побережью, где ему засвидетельствовали почтения новые подданные. Царь Самуил мог теперь контролировать только Боснию; грекоязычные города побережья отныне переходили в надежные руки.

В 1001 г. Оттон III, чья решимость жениться на византийской принцессе оставалась непоколебленной, направил в Константинополь второе посольство, которое должно было наконец привезти ему невесту. Миссию возглавлял архиепископ Миланский Арнульф, самый блистательный из религиозных деятелей Запада. Арнульф появился на великолепно украшенном коне — даже подковы его были золотые с серебряными гвоздиками. Никаких препятствий со стороны Василия не последовало: чем быстрее будет заключен брак, тем скорее он вернется в Болгарию. Из трех его племянниц две выглядели довольно неказисто, однако средняя, двадцатитрехлетняя Зоя, была вполне миловидной девушкой. Архиепископу она понравилась, и сама Зоя также не выказала протеста.

* *Dux Dalmatiae* — вождь Далмации (лат.).

В январе 1002 г. в сопровождении свиты, приличествующей императрице, да к тому же рожденной в пурпуре, она отправилась на свою новую родину. Увы, венчанию не суждено было состояться. На ее суженого напала лихорадка, и 24 января он умер в возрасте двадцати двух лет. Бедная Зоя: если бы у нее и Оттона появился сын, то он мог бы унаследовать не только Западную империю, но — в отсутствие какого-либо иного наследника мужского пола — также и Восточную, объединив их наконец и распространив свою власть от Франции до Персии. Тогда мировая история пошла бы совсем по другому пути.

В 1000—1004 гг. военные действия против болгар велись почти непрерывно; в результате Василий II отвоевал практически всю восточную половину Балканского полуострова. Самуилу теперь приходилось бороться с врагом, который мог передвигаться по пересеченной местности не менее быстро, чем он сам, никогда не давал ему возможности устраивать засады или предпринимать внезапные атаки и, ко всему, был невосприимчив к любой непогоде. На протяжении следующего десятилетия наступательные действия продолжались, однако наши источники, повествуя об этом времени, очень скупы в деталях. И лишь в 1014 г. туман рассеивается в достаточной степени, чтобы позволить нам разглядеть битву, которая недвусмысленно предопределила исход войны.

Сражение состоялось в узком ущелье Кампулунга, протянувшимся к верховью реки Струмы. Захваченных врасплох болгар охватила паника, и они бежали. Около 15 000 из них попали в плен. Император определил им чудовищное наказание — преимущественно в связи с ним Василия и вспоминают. Из каждых ста пленных девяносто девять подверглись ослеплению; одному человеку оставляли один глаз — чтобы он мог отвести остальных к Самуилу.

В начале октября страшная процессия медленно прошествовала в замок царя в Креспе. При виде своей некогда великолепной армии Самуила, к тому времени больного уже человека, хватил апоплексический удар, и два дня спустя он умер.

Болгары сражались до февраля 1018 г., после чего Василий совершил официальное вступление в их столицу. Ему уже ис-

полнилось шестьдесят; после тридцати двух лет гигантских усилий поставленная им перед собой задача была наконец выполнена. Впервые со времени прихода на Балканы славян весь полуостров оказался под контролем Византии.

Во время войны Василий II, прозванный Булгароктоном, то есть Болгаробойцей, зарекомендовал себя исключительно жестоким, беспощадным человеком, но с наступлением мира стал демонстрировать умеренность в политике и понимание чужих интересов. Болгары перестали быть его врагами, перейдя в разряд подданных, и как таковые заслуживали всяческого внимания и уважения. Намеренно им были определены низкие налоги, и платить их следовало не золотом, а натурой. Патриархат был понижен в статусе до архиепископства, но болгарская церковь продолжала оставаться самостоятельной практически во всех отношениях — лишь назначение архиепископа стало прерогативой императора. Некоторые области на западе — в первую очередь Хорватия и Босния — продолжали управляться местными князьями в условиях византийского сюзеренитета. Болгарская аристократия была интегрирована в византийскую государственную и социальную иерархию; некоторые ее представители заняли высокие должности в империи.

Тем временем на Востоке, после осуществления императором своей последней экспедиции в 1023 г., было основано не менее восьми новых фем, протянувшихся от Антиохии огромной дугой. Василевс теперь осуществлял верховное правление на территории от Адриатики до Азербайджана. Однако энергия Василия не убывала. Он занялся планированием вторжения на Сицилию, но за десять дней до Рождества 1025 г. умер в Константинополе в возрасте шестидесяти семи лет.

Василий II явил собой настоящий феномен: без особых усилий подчинил своей власти церковь и государство; благодаря своей способности сочетать стратегическое видение главнокомандующего с дотошностью сержанта строевой службы оказался одним из самых блестящих полководцев, которых когда-либо знала византийская история. Но еще более примечателен тот факт, что — если не брать в расчет неизбежную для фигуры императора атрибутику — его образ был начисто лишен какого-либо блеска и эффектности. Военные походы Василия проходили без

грома и молний. При нем имперская армия более напоминала поток вулканической лавы, движущейся медленно, но неумолимо. После того унижения, что василевс испытал в молодости в Траяновых Вратах — которое он никогда не забывал, так что в определенном смысле вся болгарская война явилась актом реванша, — Василий редко шел на риск, и военные потери у него были минимальны. Солдаты хотя и доверяли ему, но не любили.

В сущности, Василия никто не любил. На византийском троне никогда не было более одинокого человека. И это совсем не удивляет. Василий некрасивый, не следящий за собой, грубый, невоспитанный человек с филистерскими представлениями о жизни, к тому же был патологически скупым. То есть это был совершенно невизантийский тип личности. Василий не заботился ни о чем, кроме величия империи. Неудивительно, что при нем она достигла своего апогея.

Но Василий допустил один существенный промах: не оставил после себя детей. При всем своем негативном отношении к женскому полу, разве не мог он на благо любимой им империи принудить себя жениться и родить одного-двух сыновей? Окончив жизнь без потомства, Василий фактически обрек Византию: ее закат стал неизбежен.

Он умер 15 декабря, а 16-го этот закат уже начался.

17

Начало заката (1025—1055)

Константин VIII, шестидесятипятилетний вдовец, оказавшийся теперь в роли единственного императора Византии, радикально отличался от своего брата.

Некогда превосходный наездник и атлет, он и сейчас сохранял великолепную физическую форму. Хотя его образование было недостаточным, неподдельная интеллектуальная любознательность в какой-то степени придавала Константину культурный глянец, позволявший ему выглядеть на уровне во время общения с иностранными послами. Те, кто устаивался аудиенции у Константина, неизменно бывали поражены его красноречием и красивым голосом. Так что по всем этим параметрам он вполне мог стать достойным императором.

Но Константин не имел даже подобия каких-то моральных установок, на каждый вызов он реагировал с бессмысленной жестокостью, по его приказу сотни человек были казнены и изувечены. А его склонность устраивать оргии раскаяния — когда он в слезах бросался обнимать ослепленных им людей и молить их о прощении — тоже не особенно способствовала росту его популярности.

Лишь один класс византийского общества был рад новому режиму — анатолийская аристократия. Император оказался неспособен устоять против ее требований и в течение нескольких месяцев аннулировал ненавистные для нее земельные законы Василия. Былая собственность донатов вернулась к ним, к рукам они прибрали все до последнего акра, а обездоленным мелким землевладельцам была предоставлена возможность выживать

кто как сможет. Вновь Анатолия стала краем обширных имений, на которых трудилось множество рабов; помещики же, как правило, бывали там лишь наездами.

Ну а Константин VIII продолжал вести свойственный ему образ жизни: пировать с закадычными друзьями, барахтаться в постели с наложницами, смотреть непристойные представления в своем частном театре и избегать, насколько это возможно, всяческих забот, касающихся государственного управления.

Но в ноябре 1028 г. он смертельно заболел. Кто мог прийти ему на смену? У Константина не было сыновей; из трех его дочерей старшая давно уже стала монахиней. Вторая, Зоя, с того времени как ее бракосочетание оказалось расстроеным, провела двадцать шесть лет в императорском гинекее, в компании своей более умной, но внешне менее привлекательной сестры Феодоры, к которой питала отвращение. Феодора к тому времени стала настоящей старой девой; Зоя же, приближавшаяся к пятидесяти годам, все еще сладострастно мечтала о браке, в котором она никогда не состояла. Зоя считала, что рано или поздно выйдет замуж, ведь именно она являлась официальной наследницей императора Константина, и через нее корона должна быть передана ее мужу. Но кто им будет?

После продолжительных дискуссий у ложа умирающего императора государственные чиновники предложили кандидатуру шестидесятилетнего сенатора — аристократа по имени Роман Аргир. Однако обстоятельства сложились так, что он был женат, и весьма счастливо. И тогда Константин объявил: либо Роман разводится и женится на Зое, либо будет ослеплен. Роману облегчила выбор его супруга: она немедленно остригла волосы и удалилась в монастырь. 10 ноября Роман венчался с Зоей в императорской часовне во дворце, 11-го стоял подле ложа новоиспеченного тестя, когда тот испустил последний вздох, а 12-го стал Романом III, сев на императорский трон подле сияющей от счастья жены. Следующей обязанностью Романа было продолжение династии — несмотря на достаточно солидный возраст его супруги, да и его собственный. Стремясь увеличить шансы на успех, Роман стал желанной добычей для многочисленных константинопольских шарлатанов — пил афродизиаки, использовал мази и выполнял самые экстраординарные упражнения, которые,

как это было обещано, вернут ему силу молодости. Зоя также прибегала к соответствующим ухищрениям, для того чтобы забеременеть, но ей это так и не удалось.

Не став счастливым отцом, император не стал и успешным полководцем. В 1030 г., не послушав совета своих военачальников, он решил идти походом на Сирию, и в первом же бою сломя голову бежал с поля боя. После этого Роман счел за благо отставать в сторону военные дела и посвятить себя заботам государственного управления. Однако с течением времени стало ясно, что в делах административных василевс столь же неуспешен, как и во всех остальных. Потому, по-видимому, неизбежным было его обращение к церковному строительству, тем более что, как и Юстиниан, он стремился оставить по себе долгую память. Практическим результатом этой устремленности стали громадная церковь, посвященная Богоматери Перивлепте, или Всевидящей, и подчиненный ей монастырь, который имел еще более огромные размеры. Согласно хроникам, оба эти памятника императорской мегаломании привели народ Константинополя на грань мятежа.

А что же Зоя? Она была также сильно обозлена на мужа. В первых, окончательно оставив надежду занять потомство, он отказался делить с ней ложе и завел любовницу. Во-вторых, Роман воспретил ей доступ в сокровищницу. Зоя была в высшей степени гордой и до крайности избалованной своим отцом женщиной, который в течение полувека ей ни в чем не отказывал. И вот теперь ее обделяли не только любовью, но и деньгами. Возмущенная и обиженная, она вымещала свой гнев на сестре, а в 1031 г. и вовсе отправила ее в монастырь.

И тут на сцене появляется странная и весьма зловещая фигура Иоанна Орфанотрофа* — пафлагонского евнуха, поднявшегося из самых низов до положения директора главного сиротского приюта в городе; с этой должностью и связано его новоприобретенное имя. Из четверых братьев Иоанна двое были, как и он, евнухами; еще один брат, девятнадцатилетний Михаил, отличался исключительной красотой, но, к несчастью, страдал эпилепсией. В 1033 г. он был привезен Иоанном во дворец и формально представлен Роману и Зое. Императрица, лишь только взглянув

* Орфанотроф — попечитель сирот (*греч.*).

на него, сразу же безоглядно влюбилась в юношу — в точном соответствии с намерениями Иоанна. С этого момента она не думала уже ни о чем ином, кроме как о молодом пафлагонце.

Михаил, хотя и был польщен, не испытывал особого энтузиазма в связи с подобным поворотом событий, но он получил надлежащие инструкции от брата, а его собственные амбиции довершили дело. Император, оповещенный своей сестрой Пульхерией о неблагоприятном поведении Зои, благодушно отнесся к заверениям Михаила, что все слухи беспочвенны.

И вдруг Роман серьезно заболел. Стал ли он жертвой отравления? Во всяком случае, у Зои для этого имелась и мотивация, и возможность. И уж конечно, она была вполне способна совершить преступление. Смерть настигла Романа в дворцовых банях накануне Страстной пятницы 1034 г. Но умер ли он от апоплексического удара или — как утверждают некоторые источники — вследствие того, что кто-то в течение продолжительного времени удерживал его голову под водой, в точности так и не было установлено.

На рассвете в Страстную пятницу, 12 апреля, патриарх Алексей был срочно вызван во дворец, где, к своему ужасу, увидел почти обнаженное тело Романа. Прежде чем патриарх оправился от шока, открылись огромные двери, и за ними — в величественном коронационном зале — он увидел торжественно восседавшую на троне императрицу. На ее голове была императорская диадема, в руках скипетр, на плечах расшитая золотом парчовая императорская мантия, вся усыпанная драгоценными камнями. А рядом с ней — к изумлению патриарха — сидел юный Михаил в такой же мантии и с короной на голове.

Зоя разговаривала с патриархом столь решительно и твердо, что Алексей не смог ей перечить. Прямо там же он соединил руки пятидесятишестилетней императрицы, овдовевшей всего лишь за несколько часов до описываемого действия, и ее любовника, а также вероятного участника преступления, страдавшего эпилепсией молодого пафлагонца, который был почти на сорок лет младше ее. В заключение патриарх посвятил юношу как василевса, равноапостольное лицо.

Если императрица рассчитывала, что ее второй муж будет играть роль коронованного раба, то вскоре ей суждено было

разочароваться. Еще в текущем году Михаилу стало ясно, что он может управлять империей намного лучше своей жены, и Зоя оказалась вновь фактически заточенной в гинекее, а ее свобода и расходы были урезаны даже больше, чем при Романе. Впрочем, имелись и дополнительные причины, по которым Михаил держал жену подальше от себя. Его эпилептические припадки становились все более частыми, а в такие моменты присутствие Зои было ему совсем уж в тягость. К тому же интимные контакты с ней стали практически невозможны — Михаила начала одолевать водянка, а этот недуг быстрыми темпами вел к импотенции. Наконец Михаил просто не мог смотреть в глаза императрице, поскольку был обязан ей абсолютно всем, ничего не дав взамен.

Впрочем, он считал, что его неблагоприятное поведение по отношению к жене ничто по сравнению с тем, как он обошелся с Романом, и вся оставшаяся жизнь Михаила представляла собой отчаянную попытку спасти собственную душу. Он ежедневно проводил по несколько часов в церкви; он основал десятки монастырей; он выстроил огромный приют для вставших на праведный путь куртизанок; в самых дальних уголках империи он выискивал праведников.

В остальное время, не связанное с решением духовных вопросов, император был всецело занят государственным управлением, и в этой области добился ощутимых положительных результатов. Сфера финансов и налогообложения была подведомственна его брату Орфанотрофу; всеми же остальными вопросами Михаил занимался сам. Особое внимание он уделял управлению на местах, иностранным делам и армии, чей пошатнувшийся боевой дух ему в значительной степени удалось восстановить. Хотя образование у него было весьма скудное, он быстро всему учился. Уже через несколько месяцев после прихода к власти Михаил управлял империей уверенной, твердой рукой. Советники правителя поражались его работоспособности, быстроте восприятия, политическому инстинкту и, несмотря на подверженность эпилепсии, душевному равновесию. Те же, кто хорошо знал Михаила, восхищались мужеством, с которым он переносил два своих основных несчастья — болезни и семью.

Из четырех братьев Михаила трое вели паразитический образ жизни и только старший, Орфанотроф, был достаточно серьезной

фигурой. Ему не доставало таких наработанных Михаилом качеств, как самоотверженность и высокие моральные установки, но умом и трудолюбием Иоанн мало чем отличался от императора. Он, однако, думал не столько о процветании империи, сколько о благе своей семьи; видимо, поэтому Орфанотроф держал василевса в неведении относительно разнообразных бесчинств его братьев и те избежали суровых санкций со стороны Михаила. Хуже того — Иоанн взял под крыло и своего зятя Стефана, бывшего конопатчика кораблей в гавани Константинополя. Орфанотроф добился, чтобы зять был назначен командовать транспортной флотилией в ходе самого амбициозного военного предприятия Михаила — давно уже откладывавшейся экспедиции на Сицилию.

Изначально запланированная Василием II на 1026 г., но отмененная из-за его смерти, эта экспедиция сейчас была необходима более чем когда-либо. Базировавшиеся на Сицилии сарацины все чаще совершали набеги на принадлежавшую Византии Южную Италию. Они также пиратствовали в Средиземноморье, в результате чего цены на импортные товары росли, а уровень внешней торговли начинал снижаться. Другими словами, сицилийские сарацины стали представлять собой серьезную угрозу государственной безопасности. Кроме того, на острове, который каждый византиец продолжал считать частью империи, была достаточно велика доля греческого населения. То обстоятельство, что язычники удерживали Сицилию уже два столетия, ущемляло национальную гордость Византии.

Да и момент для экспедиции был благоприятный: на острове как раз вспыхнула гражданская война, вызванная враждой между арабскими эмирами, и постепенно распространилась по всей Сицилии; сарацины, все более и более разобщенные, едва ли были сейчас готовы оказать серьезное сопротивление мощному византийскому десанту.

Экспедиция началась летом 1038 г. Командовать ею назначили Георгия Маниака, который, сделав к этому времени блестящую карьеру на Востоке, являлся ведущим полководцем империи. Самым сильным элементом его армии был грозный варяжский контингент, в составе которого находился скандинавский герой Гаральд Гардрад, недавно вернувшийся из па-

домнической поездки в Иерусалим. Самой слабой ее частью являлся отряд лангобардов из Апулии, не делавших секрета из своего отвращения к военной службе, на которую их насильно призвали.

Высадившись на сицилийский берег в конце лета, византийцы поначалу преодолевали все препятствия, встававшие у них на пути; сарацины едва ли могли что-то предпринять против этой лавины. Мессина пала почти сразу же, затем началось медленное, но упорное продвижение к Сиракузам, которые сдались Маниаку в 1040 г.

Крах, который потерпели византийские силы после взятия Сиракуз, был совершенно неожиданным. Вина, по-видимому, отчасти лежала на Маниаке и отчасти на Стефане. К последнему полководец не скрывал презрения и начал против него яростную кампанию, после того как Стефан продемонстрировал свою совершенно вопиющую некомпетентность. Тогда Стефан обвинил Георгия в предательстве — тот был отозван в столицу и брошен в тюремную камеру. Его сменил на посту командующего сначала Стефан — с предсказуемыми результатами, и затем, после его смерти, некий евнух по имени Василий, который оказался не многим лучше.

Между тем росло недовольство в Апулии, где лангобардские сепаратисты идейно обрабатывали местное население, и в 1040 г. началось восстание, в ходе которого византийский наместник был убит. В Апулию пришлось направлять армию с Сицилии, и уже через несколько месяцев весь остров — за исключением Мессины — оказался вновь в руках сарацин.

К этому времени уже ясно обозначились признаки угасания императора. Не в силах более заниматься государственными делами, он думал лишь об умиловлении Божьего гнева, превратившего его, молодого человека на третьем десятке лет, в уродливое, обрюзгшее создание, жалкую пародию на самого себя, каким он был еще несколько лет назад, когда своей красотой смог завоевать сердце императрицы.

Управление государством теперь находилось в руках Орфанотрофа. Михаил вскоре должен был умереть, не оставив после себя потомства; каким же образом обеспечить порядок престолонаследия? Иоанну предстояло разрешить этот сложный воп-

рос. Помимо Михаила в живых оставалось еще двое братьев Орфанотрофа, но они тоже были евнухами, а его зять Стефан погиб. Но у последнего имелся сын Михаил по прозвищу Калафат — Конопатчик, — полученному им из-за первой профессии его отца. Он был отъявленным лжецом и прожженным интриганом, зато родным Иоанну человеком. Орфанотрофу не составило особого труда представить его императору в лучшем виде, и вскоре в церкви Св. Марии во Влахернах состоялось объявление Конопатчика кесарем. А старая императрица заявила, что она официально усыновляет Михаила Конопатчика.

Летом 1040 г. в Болгарии разразилось восстание. Его предводителями были Петр Делян, незаконнорожденный внук царя Самуила, и его кузен Алусиан. Болгары изгнали византийцев, вторглись в Северную Грецию и к концу года взяли приступом Диррахий, получив таким образом выход к Адриатике. В южном направлении они продвинулись до залива Патраикоса близ города Леванто.

И тут произошла удивительная вещь. Император Михаил, находясь в своем дворце в Фессалониках, неожиданно объявил, что намеревается лично повести армию против врага. К тому времени он был полупарализован, с чудовищно раздувшимися ногами, пораженными гангреной; малейшее движение причиняло ему страшные мучения. Казалось бы, смертельно больной человек ищет славной смерти на поле сражения. Ничего подобного — вся кампания была тщательным образом спланирована, прежде чем умирающий василевс повел свою армию через границу.

Однако мятежники потерпели поражение не столько благодаря гениальной стратегии византийцев, сколько из-за отсутствия дисциплины в своих рядах. Кроме того, между Деляном и его кузеном вспыхнула ссора. Первый обвинил второго в предательстве. Алусиан в ответ на это выколол Деляну глаза и отрезал ему нос ножом для разделки мяса, после чего сдался имперским войскам.

В начале 1041 г. Михаил с триумфом вернулся в столицу, за ним следовала его армия и толпа пленных, в числе которых находился безглазый и безносый Делян. Это было последнее появление императора на публике — 10 декабря он самостоятельно

добрался до своего собственного монастыря Св. Козьмы и Дамиана, где облачился в монашескую рясу и в тот же вечер скончался.

Немногие императоры поднимались к вершинам власти из таких низов, немногие использовали для этого такие сомнительные методы, и ни у одного из них не было такого страшного и мучительного конца. Однако проживи Михаил больше, то мог бы предотвратить закат своей империи. Он обладал мудростью, дальновидностью и храбростью, и в последующие царствования многие византийцы наверняка пожалели о его раннем уходе.

Что касается престолонаследия, то Иоанн Орфанотроф придавал крайне важное значение одному моменту: ничто не должно делаться без согласия императрицы. Лишь она одна ныне олицетворяла собой законную власть, и именно ее поддержка необходима для легитимной передачи трона. И вот Иоанн и Михаил отправились к Зое. Конопатчик бросился к ногам своей приемной матери, обещая быть ее рабом. Старая, слабая, глупая и легковверная, не имевшая рядом никого, кто мог бы дать ей разумный совет, Зоя была легкой добычей. Так, с ее благословения в короткий срок состоялось помазание Михаила V на царствие.

На византийский трон никогда еще не восходил император, имея для этого столь малые основания — у него не было ни благородного происхождения, ни военных заслуг. Он возвысился благодаря махинациям своекорыстного министра и слабости старой глупой женщины.

В первые недели правления Михаил выказывал подобающую скромность, но уже через несколько недель Орфанотроф заметил, что отношение императора к своему окружению начинает меняться в худшую сторону, а его, Иоанна, родной брат Константин, ныне великий domestik, активно этому способствует. Через несколько дней корабль с развевающимся имперским флагом причалил к пристани имения Иоанна — Орфанотрофа вызывали во дворец. У еще недавно всемогущего министра появилось дурное предчувствие, но он решил повиноваться. Когда корабль уже приближался к Большому дворцу, император дал заранее условленный сигнал. Судно развернулось, к нему подошел еще один,

больших размеров корабль, принял Иоанна на борт и увез в ссылку. Более Орфанотрофу уже не суждено было увидеть Константинополь.

Михаил Калафат теперь получил возможность воплотить те идеи, которые созрели у него в голове. Сначала он взялся за придворных аристократов — которые всегда относились к нему с едва скрываемым презрением, — лишив их различных привилегий и заставив всерьез опасаться более серьезных репрессий. Затем он заменил свою варяжскую гвардию отрядом неких «скифов», чья лояльность к императору была обеспечена совершенно несоразмерными выплатами и наградами. Народные массы тоже дождались подарка — получив свободы по максимуму на том основании, что имперская власть должна базироваться на любви ее подданных.

Теперь он был готов перейти к следующему пункту своего плана — устранению Зои. Конечно, она не причинила ему никакого зла, но императрица олицетворяла собой то, что Михаил более всего ненавидел — старую аристократию, Македонскую династию, древние придворные традиции. Ему казалось недостаточным, что старая женщина жила тихо и скромно, — ее следовало отправить в ссылку. В первое воскресенье после Пасхи, 18 апреля 1042 г., Зою арестовали по обвинению в покушении на жизнь императора. Подкупленные лжесвидетели дали соответствующие показания, а ей даже не было позволено высказаться в свою защиту. Зое остригли волосы и ближайшей ночью ее отправили в женский монастырь на Принцевы острова в Мраморном море.

На следующее утро император созвал по этому поводу собрание сената. Его члены, хорошо отдавая себе отчет в том, какие последствия будут иметь любые выражения протеста, послушно выразили свое одобрение. Затем на Константиновом форуме городской префект зачитал собравшейся многотысячной толпе официальную прокламацию, в которой говорилось, что Зоя навлекла на себя наказание, совершив ряд покушений на жизнь ее соправителя. Едва префект закончил чтение, как из толпы раздался голос, призывавший к низвержению кощунника Михаила и возвращению на свое место Зои, законной императрицы. Толпа сразу же поддержала это требование. Оказалось, что именно

к Зое жители Константинополя испытывали подлинную любовь. Она была дочерью, внучкой и правнучкой императоров и племянницей величайшего императора, которого когда-либо знала Византия. Она была настоящей императрицей, поскольку большинство императоров до нее занимали трон по праву рождения. Она символизировала собой законную власть.

Через несколько часов уже все население города вышло на улицы с оружием в руках. Для начала были разграблены и разгромлены роскошные особняки членов императорской семьи.

До крайности напуганные Михаил и его приближенные поняли, что единственным шансом на спасение было возвращение Зои из ссылки, и за ней спешно отправили лодку. В ожидании ее прибытия они стойко защищали дворец, с башен и из верхних окон осыпая градом стрел идущую на приступ толпу.

Наконец прибыла старая императрица. Несмотря на обиду и тяжелое физическое состояние, она с готовностью согласилась предстать перед народом в качестве законной правительницы. Ее платье из грубой шерсти спешно заменили на пурпурную мантию, а императорскую диадему надели таким образом, чтобы она могла закрывать — насколько это было возможно — те немногие клочки, что остались от ее волос. И вот Зоя и Михаил, изрядно волнуясь, направились к императорской ложе ипподрома — из дворца к ней вел прямой проход. Однако присутствие Михаила рядом с Зоей убедило мятежников только в том, что она фактически продолжает оставаться его пленницей; никакого разрешения кризиса не могло быть до тех пор, пока он остается на троне.

И тут кому-то из инсургентов пришла в голову новая мысль: а что же Феодора? Прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как Зоя заточила свою сестру в женский монастырь. Феодора за все это время ни разу не покидала его, однако не потеряла дееспособность и продолжала оставаться императрицей, имея такие же права на трон, что и Зоя. Почему бы им не править совместно?

В тот же день была направлена депутация с поручением немедленно препроводить Феодору в Константинополь. Это оказалось непростой задачей, но в конце концов монахиню силком доставили в столицу. После того как Феодоре сменили монашеское одеяние на императорскую мантию, ее торжественно доста-

вила в собор Св. Софии. И вот поздним вечером в понедельник, 19 апреля, разозленная старая дама, испытывая крайнее отвращение к происходящему, приняла корону Византии. Михаил Калафат был объявлен низложенным. Затем все собравшиеся покинули великий собор и направились ко дворцу.

Положение Михаила стало теперь совершенно отчаянным. Ранее на протяжении нескольких часов он и его дядя Константин пытались донести свой голос до разозленной толпы на ипподроме, выставив перед собой несчастную Зою. Но когда в их сторону начали бросать камни и даже пускать стрелы, то им ничего не оставалось, кроме как вновь удалиться во дворец; там до них и дошли новости о коронации Феодоры.

Вторник 20 апреля 1042 г. стал одним из самых кровопролитных дней, которые видел Константинополь за всю свою историю. В один этот день во время мятежа погибло более 3000 человек. В четверг рано утром дворец пал, и весь обширный комплекс зданий наводнила неистовая толпа, которая грабила все подряд, но при этом держала в сознании главную цель: найти императора и убить его.

Но василевса там уже не было. Незадолго до рассвета Михаил и великий domestik Константин направились на судне к Студийскому монастырю, где беглецам немедленно выбрили тонзуру и приняли их в члены монашеской общины. А вот Зою, оставленную во дворце на произвол судьбы, инсургенты вскоре обнаружили, тотчас же подняли ее на свои плечи и посадили на императорский трон. Однако радость Зои сразу сменилась яростью, когда ей доложили о коронации Феодоры — с ненавистной сестрой она совсем не собиралась править вместе. Зоя хотела было распорядиться о немедленной отправке Феодоры назад, в женский монастырь, но ей сообщили, что народ с восторгом приветствует бывшую монахиню. Зоя начала осознавать реальное положение дел. Феодора, эта мрачная старая дева, совершенно необъяснимым образом стала идолом столичных жителей. Императрице пришлось согласиться на партнерские отношения с сестрой. Лучше быть соправительницей, чем не править вовсе.

Далее основным местом действия стал Студийский монастырь. Император и его дядя недооценили силу народных чувств.

Как только всем стало известно место пребывания беглецов, толпа двинулась к монастырю, требуя их крови.

Очевидец событий, писатель и ученый Михаил Пселл, сообщает:

«Отряд простолудинов со всех сторон окружил святой дом и разве что не готов был его разрушить. Поэтому нам не без труда удалось войти в церковь, а вместе с нами влилась туда и огромная толпа, осыпавшая преступника проклятиями и выкрикивавшая непристойности в его адрес. Я и сам вошел туда отнюдь не в мирном настроении, ибо не остался бесчувственным к страданиям царицы и горел гневом на Михаила. Но когда я приблизился к святому алтарю, где тот находился, и увидел их обоих, ищущих защиты, царя, ухватившегося за священный престол, и справа от него новелисима*, изменивших и видом и духом, совершенно пристыженных, в душе моей не осталось и следа гнева, и, будто пораженный молнией, я застыл на месте, не в силах прийти в себя от неожиданного зрелища. Затем, собравшись с духом, я послал проклятия нашей земной жизни, в которой происходят столь нелепые и страшные вещи, и из глаз моих хлынул поток слез, будто забил во мне некий источник, и страдания мои вылились стенаниями».

Целый день двое несчастных простояли, дрожа, в алтарной части, толпа же едва сдерживалась. Когда настали сумерки, прибыл новый городской префект и заявил, что получил распоряжение от самой Феодоры позаботиться о беженцах, и пообещал, что с ними ничего не случится по дороге во дворец. Михаила и Константина, которые кричали и отбивались, выволокли из здания. В Константинополе их посадили на ослов и повезли по улице Месе по направлению ко дворцу, на всем протяжении пути дядю и племянника окружала толпа. Впрочем, отъехали они недалеко — их вскоре встретил отряд солдат, которому Феодора повелела ослепить сановных персон. Приговор был приведен в исполнение на месте.

* Новелисим — «благороднейший»; по убывающей значимости следующий после «кесаря» титул; присваивался лишь близким родственникам императора.

Так завершилось правление Михаила V, а с ним — и Пафлагонской династии. Какое мы можем вынести о нем заключение? Профессор Бари, старейший и авторитетнейший британский византинист, видит в его персоне — как это ни удивительно — дальновидного правителя, чьей основной целью было радикальное реформирование государственной администрации. В принципе подобный взгляд имеет под собой серьезные основания. Как бы мы ни относились к обращению Михаила с Зоей, устранение им Орфанотрофа, по-видимому, являлось реальной необходимостью. Приходится, однако, констатировать, что Михаил был низложен в результате народного восстания, после того как пробыл на троне немногим более четырех месяцев. В последние дни правления василевса ни он, ни его подданные не показали образчики высокой морали, но в конечном счете последние были правы, избавившись от Михаила, и мы также смотрим на его уход без особого огорчения.

К тому времени, когда Михаила V постигла злая участь — а это случилось во вторник вечером, 20 апреля 1042 г., — императрица Феодора находилась в соборе Св. Софии уже более двадцати четырех часов, отказываясь проследовать во дворец до тех пор, пока ее сестра не обратится к ней должным образом. И лишь на следующее утро Зоя, наступив на горло своему самолюбию, направила Феодоре долгожданное приглашение. Затем перед большим собранием знати и сенаторов две пожилые дамы в знак примирения обнялись — хотя и прохладно — и с этого момента начали совместно править Византийской империей. С самого начала первенство было отдано Зое. Ее трон, находившийся чуть впереди, стоял рядом с тронем Феодоры. Но Феодору, по всей видимости, не очень огорчал свой более низкий статус.

По словам Пселла, внешне сестры не слишком походили друг на друга. Расточительная как в отношении чувств, так и в отношении денежных средств, Зоя была низкорослой и полной, с очень белой, без признаков морщин кожей. Феодора — высокая и худая, с непропорционально маленькой головой. После того как ей удалось преодолеть свою робость, она выказала себя веселой и разговорчивой женщиной.

Если не брать в расчет некоторые причуды Зои и ее расточительность, то можно сказать, что сестры в целом правили доста-

точно достойно. Вышли указы, направленные против покупки и продажи должностей, были усовершенствованы гражданская и военная административные системы, высшие посты в империи заняли уважаемые люди и квалифицированные специалисты. Был сформирован трибунал для расследования злоупотреблений предыдущего режима: Константина привезли из монастыря для допроса и добились от него признания о существовании тайника, где оказалось 5300 фунтов золота, которых недосчиталась сокровищница.

Чего не доставало режиму, так это стабильности. По мере того как возрастала взаимная неприязнь между сестрами, чиновникам неизбежно приходилось занимать сторону либо одной, либо другой, и, таким образом, в правительстве начала происходить поляризация. Стало ясно, что руль управления страной следовало передать в крепкие мужские руки, — а это возможно лишь с помощью брака. Феодора, после того как более полувека пробыла девой, отказалась даже рассматривать такое предложение. Зоя же ни о чем большем и не мечтала — несмотря на тот ужас, с каким взидала на третьи браки Восточная церковь. Помыслы шестидесятичетырехлетней женщины обратились к человеку, которым она давно уже восхищалась, — Константину из древнего семейства Мономахов, элегантному, утонченному и богатому, имевшему стойкую репутацию дамского угодника. Семь лет назад Михаил IV и Орфанотроф, встревоженные тем, что отношения Константина с Зоей становятся все более тесными, сослали его на остров Лесбос, откуда теперь он был вызван. Константин прибыл в столицу во вторую неделю июня 1042 г. и 11-го числа обвенчался с Зоей в церкви Неа. Церемония коронации состоялась на следующий день.

Император Константин IX являлся более уверенным в себе человеком, чем Константин VIII, более трезвым политиком, чем Роман III. У него оказалось более крепкое здоровье, чем у Михаила IV, и он был менее своевольным деятелем, чем Михаил V. Однако, ввиду своей абсолютной безответственности, Константин IX нанес империи больше вреда, чем все они, вместе взятые. К моменту его смерти в 1055 г. норманны Южной Италии почти вытеснили византийцев из Апулии, Калабрии и Сицилии; турки-сельджуки уже планировали вторжение в глубь Анатолии; при-

дунайская граница была сокрушена хлынувшими на имперскую территорию местными племенами; между Восточной и Западной церквями возникло непримиримое противостояние; имперская армия дошла до самого жалкого своего состояния за последние сто лет. Константин Мономах, казалось, не замечал нараставших проблем. Да и безудержное мотовство жены его нисколько не смущало. Зоя проявила к нему такую же толерантность и не высказала никаких возражений по поводу продолжавшейся связи Константина с племянницей его второй жены, внучкой старого Варды Склира. Эта невероятно очаровательная дама в свое время безропотно делила с Мономахом тяготы ссылки. Когда Константин получил вызов в Константинополь, Склирена (как обычно называли эту женщину) тактично осталась на Лесбосе; велико же, наверно, было ее удивление, когда она получила письмо, в котором императрица уверяла ее о своем добром расположении и предлагала вернуться в столицу.

Поначалу эта любовная связь развивалась осторожно, но постепенно она приобретала все более вопиющий характер; в конце концов император сделал публичное признание. Во время церемонии, на которой в полном составе присутствовал сенат, влюбленные формально соединились узами посредством «круговой чаши» — после этого Склирена стала жить с Константином и Зоей в гармоничной *ménage a trois**.

К несчастью, эти теплые чувства не разделялись населением. 9 марта 1044 г., во время движения императорской процессии, из толпы стали раздаваться свист и доноситься выкрики: «Долой Склирену! Да здравствуют наши возлюбленные матери Зоя и Феодора, чьим жизням она угрожает!»

Обвинение было, однако, бесосновательным; на самом деле смерть угрожала не императрицам, а самой Склирене, у которой открылась какая-то легочная болезнь. Когда она умерла, император рыдал как ребенок; он похоронил ее в Манганском монастыре Св. Георгия рядом с могилой, которую приготовил для себя.

Невозможно не испытывать симпатии к Склирене. Это была женщина редких достоинств, питавшая к Константину глубокую и искреннюю любовь. Но их связь просто катастрофическим образом повлияла на ход событий в византийской Италии.

* *Ménage a trois* — любовь втроем (фр.).

Георгий Маниак вернулся на Апеннинский полуостров в апреле 1042 г. С того момента как он два года назад был вызван в Константинополь, ситуация в Италии все более ухудшалась. На Сицилии только Мессина оставалась в руках византийцев; на материке норманны в короткий срок захватили почти всю Южную Италию. Высадившись на берег, Маниак обнаружил, что практически вся Апулия к северу от линии Тарент — Бриндизи была охвачена мятежом. Он не стал терять время. Ужасы этого лета народ Италии запомнил надолго. Мужчин и женщин, монахов и монахинь, юношей и стариков — византийцы убивали всех без разбора: кого вешали, кому рубили голову, детей чаще всего хоронили заживо.

А потом, уже во второй раз за два года, Георгий Маниак стал жертвой дворцовой интриги. На этот раз против него выступил брат Склирены Роман. Его и Маниака анатолийские имения находились по соседству, и отношения между этими господами уже давно были отравлены территориальными спорами. Теперь, оказавшись членом ближнего круга императора, Роман добился отстранения Георгия от командования в Италии. А пока, пользуясь отсутствием полководца, он разграбил его дом, опустошил его поместье и заодно соблазнил его жену.

Ярость Георгия Маниака была совершенно ужасной. Когда военачальник, посланный сменить Маниака, прибыл в сентябре в Отранто, то Георгий схватил его, напихал в уши, рот и нос лошадиного навоза, а затем забил до смерти. Далее полководец повел самостоятельную игру; армия провозгласила Георгия императором, и он повел ее на Константинополь. Маниак встретил имперскую армию, посланную, чтобы преградить ему путь, и без труда разгромил ее, но в конце сражения был смертельно ранен. Так, если бы не одна метко пущенная стрела, Константинополь мог оказаться во власти самого грозного правителя в истории Византии.

За постепенное ослабление военной мощи империи львиная доля ответственности должна лежать на Константине Мономахе, но к самой большой трагедии, которая произошла за период его правления, он по большей части непричастен.

На протяжении нескольких веков Восточная и Западная церкви отдалялись друг от друга. Причин тому было много, но

одной из них являлось фундаментальное различие в подходе этих церквей к самому христианству. Византийцы, считавшие, что доктринальные вопросы мог разрешать только Вселенский собор, возмущались самонадеянностью папы — в их представлении являвшегося всего лишь *primus inter pares** среди патриархов, — который формулировал религиозные догмы и претендовал на верховенствующую роль, причем не только духовную, но и светскую. А для юридически сориентированного, дисциплинированного сознания римлян невыносимой и даже порой шокирующей представлялась извечная греческая страсть к пустопорожним теологическим спорам. Со времен «Фотиева раскола», произошедшего два столетия назад, дружеские отношения были во внешнем плане восстановлены; правда, основные проблемы оставались нерешенными.

Ответственность за возобновление ссоры лежит большей частью на константинопольском патриархе Михаиле Кируларии. Посредственный богослов, поверхностно знакомый с христианской историей, Михаил Кируларий был бюрократом до мозга костей, но в то же время обладал способностями администратора, отличался железной волей и пользовался значительной популярностью в Константинополе. Полемику между церквями некоторым образом стимулировало опасное продвижение норманнов на юге Италии. В 1053 г. папа Лев IX лично повел против них армию, но у городка Чивитата потерпел поражение, попал в плен и был брошен в темницу; через несколько месяцев он вернулся в Рим, но вскоре умер.

Византийцы в не меньшей степени, чем папство, отдавали себе отчет в норманнской опасности и понимали, что единственная надежда на спасение Италии заключалась в укреплении союза Запада и Востока. Но Михаил Кируларий не доверял латинянам и с отвращением относился к идее папского верховенства. Кроме того, он полагал, что подобный альянс помешает возвращению спорных территорий из-под юрисдикции Рима под крылышко Константинополя. Еще до битвы при Чивитате Михаил Кируларий подготовил обращение ко всем епископам франков и самому преподобному папе, где сурово осуждались некоторые практики Римской церкви как греховные и имеющие

* *Primus inter pares* — первый среди равных (лат.).

иудаистский характер. Это послужило началом переписки между папой и патриархом, раз от разу становившейся все более желчной; окончилось тем, что Лев направил в Константинополь дипломатическую миссию.

Состав делегации оказался, мягко говоря, неудачным. В нее входил руководитель миссии кардинал Гумберт — ограниченный упрямый клирик с антигреческими взглядами, кардинал Фридрих Лотарингский (позднее папа Стефан IX) и архиепископ Амальфийский Петр; последние двое принимали участие в сражении при Чивитате и имели большой зуб на византийцев хотя бы за то, что их не было на поле битвы. Три прелата прибыли в Константинополь в начале апреля 1054 г. С самого начала все пошло вкривь и вкось. Они испросили аудиенции у патриарха, и прием, оказанный им, показался дипломатам оскорбительным. В гневе они удалились, оставив патриарху письмо папы. Михаил Кируларий, изучив послание из Рима, не только нашел его вызывающим, но и обнаружил, что печати на нем поддельные. Придя к мнению, что эти так называемые легаты не только неучтивые, но и совершенно бесчестные люди, он объявил, что отныне отказывается признавать их дипломатические полномочия и принимать от них какие бы то ни было сообщения.

И тут пришло известие, что в Риме скончался папа. Поскольку Гумберт и его коллеги были личными представителями Льва, смерть понтифика начисто лишала их какого бы то ни было официального статуса. Но они совершенно не казались смущенными этим обстоятельством и продолжали находиться в Константинополе, причем с каждым днем их высокомерие все росло.

Наконец в три часа пополудни в субботу, 16 июля 1054 г., три экс-легата Рима прошеествовали в собор Св. Софии, где в это время на евхаристию собралось все духовенство. Прелаты подошли к главному престолу и возложили туда официальную буллу об анафеме константинопольского патриарха. Прodelав это, они направились к выходу — остановившись лишь на минуточку, чтобы символически отряхнуть пыль со своих ног. Два дня спустя миссия отправилась в Рим.

Такова вкратце последовательность событий, результатом которых стало длящееся по сей день разделение христианства на Восточную и Западную церкви. Возникшая брешь в их отношениях, возможно, и была неизбежна, но нельзя сказать, что был

предопределен раскол. Чуть больше силы воли со стороны уга-сающего папы или охочего до удовольствий императора, поменьше фанатизма со стороны упрямого патриарха или недалекого кардинала — и ситуацию удалось бы спасти. Фатальный удар был нанесен лишенными реальных полномочий легатами умершего папы, представлявшими обезглавленную церковь — к тому времени нового понтифика еще не избрали. Взаимные анафемствования латинян и греков были направлены более на церковных иерархов, находившихся в состоянии личной вражды, чем на церкви, которые они представляли; в то время ни та, ни другая сторона не осознавала, что она инициирует долговременный раскол.

Правда, в последующие века Восточная церковь дважды признавала верховенство Рима. Но временно наложенная повязка может прикрыть зияющую рану, однако не в состоянии ее исцелить. И рана, которую девять столетий назад совместными усилиями нанесли христианской церкви кардинал Гумберт и патриарх Михаил Кируларий, продолжает кровоточить по сей день.

Несмотря на ряд катастрофических неудач, которые омрачили правление Константина Мономаха, жизнь для столичной интеллектуальной и творческой элиты наверняка была на редкость приятной — особенно в сравнении с той, какой она являлась на протяжении многих предыдущих лет. Император при всех своих недостатках обладал чувством стиля, активно содействовал развитию искусства и наук. Константин любил окружать себя людьми, обладавшими подлинной ученостью и имевшими изрядные способности. Из них самым замечательным был Михаил Пселл: историк, политик, философ — по сути, самый выдающийся ученый своего времени, на несколько голов превосходивший всех остальных. (К сожалению, он также отличался своекорыстием, тщеславием, ханжеством и двуличием; сообщаемая им информация о той эпохе не всегда надежна.) В числе его друзей-интеллектуалов из ближнего круга императора были законовед Иоанн Ксифилин, о котором говорили, что он носит в своей голове весь свод законов империи; его старый учитель, поэт и ученый Иоанн Мавропус и первый министр Константин Лихуд. В основном этим людям обязана Византия середины XI в. своим культурным ренессансом. И именно благодаря им в 1045 г. совершилось возрождение Константинопольского университета.

Первым предметом их заботы стала школа правоведения, воссозданная на совершенно новых началах Мавропусом; во главе ее стал Ксифилин, поименованный номофилаксом — попечителем права. Новый философский факультет возглавил Пселл. Учебный курс на факультете начинался с древнего тривиума, включавшего грамматику, риторику и диалектику, затем следовал квадриум, включавший арифметику, геометрию, астрономию и музыку, ближе к окончанию курса изучалась философия — синтез всего знания. Университет быстро вернул себе былую славу во всем христианском мире и даже за его пределами. В последние два столетия в интеллектуальной сфере доминировали не столько греки, сколько арабы; теперь же Византия вернула себе свою давнюю репутацию и вновь стала знаковым местом для ученых Европы и Азии. Однако наибольшую пользу университет приносил у себя на родине. К концу правления Константина это учебное заведение подготовило множество высокообразованных молодых людей, из числа которых правительство набирало администраторов высшего звена. Их профессиональная компетентность оказывалась выше всех ожиданий.

Константину IX неудачные переговоры с Гумбертом и его друзьями изрядно подпортили реноме. Инспектора подозревали (с изрядными на то основаниями) в пролатинских симпатиях, и униженные извинения, которые Константин принес патриарху, ни на кого не произвели впечатления. А вскоре здоровье стало быстро сдавать. Император удалился в свой Манганский монастырь, где его уже ожидала собственная могила, находившаяся рядом с захоронением Склирены. Возможно, этот монастырь являлся самым роскошным культовым сооружением, которое когда-либо видел Константинополь. Пселл пишет: «Здание все было изукрашено золотыми звездами словно небесный свод... Там были фонтаны, наполнявшие водоемы; сады, некоторые из них — висячие, другие отлого спускались, переходя в горизонтальную плоскость, и купальня, настолько красивая, что не поддается никакому описанию».

В этой купальне император лежал каждый день по несколько часов, пытаясь хоть как-то облегчить постоянную боль. Както осенью 1054 г., когда уже холодало, он пробыл там слишком долго — результатом стал плеврит. Константин протянул до следующего года; 11 января 1055 г. он умер.

18

Манцикерт (1055—1081)

Константин IX умер вдовцом. Зоя упокоилась еще в 1050 г.; как ни удивительно, ее уход поверг его в глубокую печаль. Конечно, Константин многим был ей обязан: не только своей короной, но и супружеским статусом его любовницы. Однако многим его скорбь казалась преувеличенной.

Поскольку у Константина не было законных наследников, корона вновь перешла к Феодоре. До сих пор ее положение императрицы было в значительной степени формальным; теперь же, отказавшись в очередной раз выйти замуж, она решила править от собственного имени и на полном серьезе. На своем посту Феодора проявляла спокойную уверенность и результативность. Она издавала законы, принимала послов и давала неуклонный отпор неоднократным попыткам патриарха подмять под себя светскую власть. Однако ей уже пошел семьдесят седьмой год: кто мог бы занять ее место?

Эта проблема была все еще не решена, когда в последние дни августа 1056 г. стало ясно, что конец Феодоры близок. Жарко споря, ее советники стали выбирать кандидатуру преемника, которую следует представить императрице для утверждения. В итоге их выбор пал на пожилого патрикия по имени Михаил Вринга, имевшего чин стратиотика — государственного чиновника, ведавшего снабжением армии. Пселл презрительно замечает, что «он был в гораздо меньшей степени способен управлять, чем быть управляемым другими», но приближенные к трону сановники находили это явным преимуществом. К тому времени старая императрица находилась почти при смерти. Она не могла

уже говорить, но при представлении ей Михаила Феодора кивнула в знак согласия, как утверждали ее близкие. Через несколько часов она была уже мертва, и Михаил VI Стратиотик встал во главе империи.

Михаил по боковой линии приходился потомком Иосифу Вринге, первому министру при Романе II, но, увы, явил слишком мало политической проницательности и сообразительности, характерных для его предка. Правителю в Византии середины XI в. следовало прежде всего поддерживать политическое равновесие между государственной администрацией и военной аристократией. Михаил же потворствовал первой и стремился всячески досадить второй.

Весной 1057 г., во время ежегодно проводившейся на Страстную неделю церемонии, в ходе которой император традиционно раздавал щедрые дары, все сенаторы наряду с госчиновниками верхнего звена, к своему удивлению, получили огромные премии и повышение по службе — некоторые поднялись на две-три ступени. Затем пришла очередь армии, но, вместо того чтобы похвалить ведущих военачальников, самоотверженно продолжавших дело своих предшественников, василевс обрушил на главнокомандующего Исаака Комнина поток брани, обвинив его в том, что не выказывает никаких лидерских качеств; что по причине его бездарного руководства едва не была потеряна Антиохия; что довел армию до разложения. Помимо всего ему было предъявлено обвинение в присвоении общественных денег.

Эти безосновательные нападки, по-видимому, явились лишь результатом уязвленного самолюбия. Сорок лет терпел Михаил пренебрежительное отношение военной аристократии к своей персоне — теперь же наконец, как он полагал, настал его час. Но именно эти беспочвенные оскорбления переполнили чашу терпения военачальников, которым поперек горла было правительство бюрократов, думающих только о своем кошельке, в то время как армия находилась в положении бедной родственницы, а враги империи наступали со всех сторон. Военные решили, что пришло время положить конец веренице ни на что не годных императоров, престарелых императриц и беспольных евнухов, которые манипулировали армией, и вернуться к фигуре *импера-*

тора в древнеримском смысле этого слова*, императора-полководца, который лично повел бы свое войско к победе. Очевидной кандидатурой являлся Исаак Комнин, но он отказался от сделанного ему предложения и удалился в свое поместье в Пафлагонии. Однако его коллеги остались в столице зондировать почву и вскоре обнаружили, что у них появился неожиданный союзник — патриарх Михаил Кируларий, который тайным образом открыл заговорщикам врата собора Св. Софии.

Той же ночью в великом соборе, в обстановке полной темноты, высшие военачальники Византии занялись обсуждением будущего империи; вскоре они пришли к единодушному мнению, что Михаила Стратиготика следует низложить, а Исаак Комнин является единственной возможной кандидатурой на верховный государственный пост. 8 июня 1057 г. Исаак Комнин, находившийся в своем пафлагонском поместье, наконец согласился на то, чтобы его провозгласили императором.

Военные действия, которые он начал, трудно было назвать просто мятежом — развернулась полномасштабная гражданская война. На стороне Комнина выступила вся азиатская армия при поддержке значительного количества византийцев, представлявших все социальные классы и профессии.

Что до Михаила, то он ни о чем не подозревал, пока не получил сообщение, что солдаты провозгласили Исаака Комнина императором. Тогда василевс собрал европейскую армию, пополненную теми немногими азиатскими отрядами, которые сохраняли ему верность. Командование войсками было поручено Феодору, domestiку схол, и — довольно любопытный выбор — представителю болгарского княжеского рода, магистру Аарону, зятю Исаака Комнина.

Прибыв в Константинополь в начале августа, Феодор и Аарон переправились на азиатский берег и определили свою штаб-квартиру в Никомедии, что стало тяжелой ошибкой. Продолжили они путь на Никею, и у Исаака остался бы только один подступ к ее громадным стенам — через Мраморное море, однако в его распоряжении не имелось судов и завладеть городом ему было бы очень затруднительно. А так, в отсутствие в Никее армейских

* В доимперский период римской истории основным значением слова «император» было «полководец, главнокомандующий».

соединений, город сдался Исааку без борьбы. Обе армии разбили лагерь между двумя городами и стояли без активных действий в течение нескольких недель, но 20 августа завязалось сражение. Тяжелые потери понесли обе стороны, но в конце концов разгромленная армия Михаила в полном беспорядке бежала в Константинополь.

Старому императору не оставалось ничего иного, кроме как начать переговоры. Один-два дня спустя делегация, которую возглавил Михаил Пселл, направилась в расположение лагеря Исаака. Предложение императора было достаточно простым: Исаак спокойно прибывает в Константинополь, где его коронуют как кесаря, и автоматически сменит на троне Михаила после его смерти.

Пселл так описывает прием, который происходил 25 августа:

«Исаак сидел на позолоченном кресле, стоявшем на высоком помосте. Великолепная мантия придавала ему величественный вид; рассеянный взгляд указывал на то, что Исаак погружен в глубочайшие раздумья... Его окружало множество воинов. Там были итальянцы и скифы с Тавра, люди устрашающего обличья в чужеземных одеяниях, свирепо глядящие вокруг себя. У некоторых были выщипаны брови. Некоторые воины имели боевую раскраску... Наконец были бойцы, вооруженные длинными копьями с секирами на плечах».

Какой бы тревожный характер ни носила эта встреча, состоявшаяся беседа оказалась успешной. Исаак заявил, что вполне удовольствуется титулом кесаря на некоторых необременительных для противоположной стороны условиях. Однако тем же вечером из столицы пришло новое известие: государственный переворот, подстрекателем которого выступил патриарх привел к низложению Михаила и вынудил его искать убежища в соборе Св. Софии.

1 сентября 1057 г. в сопровождении тысяч константинопольцев, переправившихся через Мраморное море, чтобы приветствовать нового правителя, Исаак I Комнин с триумфом вошел в столицу. Михаил VI Стратиотик смог насладиться только одним годом власти. К чести его преемника, Михаил не подвергся ни ослеплению, ни изгнанию. Хватило одного только отречения. Вскоре он умер на правах простого гражданина.

Исаак Комнин взошел на трон Византии, имея только одну сформулированную цель: вернуть империи величие, которое она знала полвека назад. Пселл говорит, что Исаак приступил к работе в тот же вечер, когда вошел во дворец, даже не приняв ванну и не переменяв одежду. Он взялся за полномасштабную военную реформу и осуществлял ее с военной целеустремленностью и результативностью. Исаак достаточно быстро навел жесткий порядок в войсках и добился того, чтобы армия вновь стала получать должную финансовую поддержку. Необходимые для этого средства он получил, инициировав программу крупномасштабных земельных конфискаций. Обширные земельные наделы, в недавнее время предоставлявшиеся разного рода фаворитам и приспособленцам, были отобраны без выплаты компенсации.

Но, попытавшись предпринять акции, направленные против церковной собственности, Исаак встретился с куда большими трудностями. К этому времени Михаил Кируларий был уже почти столь же могущественной фигурой, что и сам василевс. А по популярности Михаил даже превосходил последнего. Будучи в значительной степени причастным к низвержению Михаила VI, патриарх ожидал соответствующего признания от императора. Исаак, вполне готовый идти на уступки там, где не имелось прямой угрозы имперским интересам, охотно передал Михаилу управление собором Св. Софии — который до того находился под юрисдикцией государства — и обещал не посягать на патриаршую церковную вотчину. Михаил Кируларий принял на себя такие же обязательства в отношении секулярных дел. Трудность заключалась в том, чтобы точно определить, где проходит водораздел между светской и церковной вотчинами. Тут патриарх имел собственные, очень четкие представления, и, формулируя их, он не постеснялся пригрозить Исааку низложением.

Для императора это было уже слишком. 8 ноября 1058 г. Михаила Кирулария арестовали и отправили в ссылку, однако даже при этих обстоятельствах он отказался сложить с себя полномочия и Исаак был вынужден добиваться вынесения формального постановления о его смещении с поста. Синод предусмотрительно собрали в провинциальном городе. В былые дни

Михаил защищался бы с присущей ему энергией, но сейчас это был уже старый человек и такая защита стоила бы ему слишком большого напряжения сил. Еще до вынесения постановления синода Михаил Кируларий умер — причиной смерти послужили приступ крайнего гнева и сокрушенное сердце.

Но битва была еще далека от завершения. Население рассматривало своего любимого патриарха как мученика, императору же так никогда более и не удалось достичь былой популярности. Так, спустя год с небольшим после восхождения на престол он обнаружил, что церковь, аристократия и народ Константинополя непримиримо ополчились против него. Абсолютную поддержку Исаак получал только со стороны военных. Благодаря лояльности армии ему удалось защитить восточные границы и отбить атаки мадьяр и печенегов.

Император поражал всех своей сверхчеловеческой энергией: казалось, он практически не нуждается во сне и в отдыхе. Его единственным видом развлечения была охота, и он посвящал себя этому занятию с обычным для себя неукротимым пылом. Как раз во время охоты в конце 1059 г. Исаак подхватил лихорадку, которая привела к его ранней смерти.

Вернувшись во Влахерны, умирающий император назначил своим преемником — несомненно, с подачи Пселла — Константина Дуку, самого родовитого члена той группы интеллектуалов, благодаря которой несколько лет назад состоялось возрождение университета. Затем василевс удалился в Студийский монастырь, где облачился в монашеское одеяние и через несколько дней скончался.

Если Пселл действительно был ответствен за выбор императора, то бремя его вины должно быть поистине тяжело, поскольку не случилось в истории Византии правителя, чье восшествие на престол имело бы более катастрофические последствия. Правь Исаак Комнин двадцать лет вместо двух, довел бы мощь армии до того уровня, какой она имела при Василии II, и затем смог бы передать непобежденную и не потерявшую в размерах империю своему племяннику Алексею. Но этому не суждено было случиться. Преждевременная смерть Исаака Комнина и выбор преемника, который он сделал, с неизбежностью предопределили первую из двух величайших катастроф, в конечном счете приведших к падению Византии.

Уже через несколько недель после смерти Исаака стало ясно, что его короткое правление явило собой лишь небольшую паузу в процессе неуклонного падения империи. Теперь, при Константине X Дуке, дно было достигнуто. В самом Константине трудно найти что-то откровенно дурное; это был ученый человек, интеллеktуал, отпрыск одной из старейших и богатейших семей, принадлежавшей к военной аристократии. Если бы он остался верен тому делу, которое начал до него Исаак, — укреплял бы мощь армии, готовя ее к неизбежным сражениям, то никакой катастрофы бы не произошло. Но Константин тратил все свое время на участие в ученых дискуссиях, где обсуждались бесчисленные трактаты, посвященные тончайшим правовым вопросам.

Вновь бюрократия взяла в государстве верх. Хотя Византийская империя и могла считаться абсолютной монархией, но строила свою экономику на социалистических основаниях. Частное предпринимательство находилось под строгим контролем; производство, труд, потребление, внешняя торговля, общественное благосостояние, даже перемещение населения — все было под контролем государства. Следствием такого положения дел стало появление огромного сонма чиновников, которым император внушил одно правило: постоянно обуздывать — если не сводить к нулю — влияние армии. Поэтому денежные средства на ее содержание необходимо урезать, полномочия военачальников ограничить, солдат, рекрутированных из крестьянства, постепенно заменить иноземными наемниками. Первое, что Константин и его правительство из интеллектуалов не могли понять, — подобными мерами легко спровоцировать государственный переворот; второе — наемники по определению являются ненадежными солдатами, и, наконец, третье — враг, самый грозный из всех, с кем Византии приходилось сталкиваться за последние четыре столетия, уже стоит у ворот.

Турки-сельджуки впервые появились как кочевое племя в конце X в. в Трансоксиане*, где приняли преобладавшую в тех краях исламскую веру. К 1045 г. они распространились по всей территории Персии, а через десять лет уже завладели Багдадом,

* Трансоксиана — историческая область в Средней Азии, к востоку от Амударьи и к западу от Сырдарьи.

установив протекторат над умиравшим халифатом Аббасидов. Теперь их взгляды были устремлены в сторону Египта, где правили Фатимиды, чья империя ныне протянулась до самого Алеппо. Как правоверные мусульмане-сунниты, сельджуки ненавидели этих шиитских выскочек, которые, по их представлениям, не только распространяли отвратительную ересь, но и подрывали единство ислама. Турки знали, что Фатимиды не успокоятся, пока не овладеют Багдадом. И сельджуки были настроены уничтожить Фатимидов прежде, чем тем представится подобная возможность.

С 1063 г. султаном сельджуков являлся Алп-Арслан, которому на тот момент было немногим более тридцати лет. Он носил такие длинные усы, что их приходилось завязывать за спиной, когда он выезжал охотиться. Весной 1064 г. Алп-Арслан принял масштабный военный поход против Армении и занял ее столицу Ани. Оттуда он беспрепятственно прошел через Анатолию, дойдя до Каппадокийской Кесарии, подвергнувшейся безжалостному разграблению. Султан стоял уже в ста милях от Анкиры.

В том же году умер Константин X. И даже на смертном одре он сделал все от него зависящее, чтобы увековечить свою катастрофическую политику. Константин заставил молодую жену Евдокию поклясться, что она не выйдет во второй раз замуж, а от министров потребовал письменного обязательства признать императором только члена его семьи.

Но к тому времени уже была известна судьба Кесарии и повсюду царили тревожные настроения. Даже среди бюрократии было много тех, кто осознавал необходимость радикального изменения политики. Однако, за исключением государственного переворота, единственный способ обрести законного (и деятельного) императора заключался в новом бракосочетании Евдокии — тогда как она поклялась не выходить замуж во второй раз.

Сама императрица вполне была готова повторно венчаться, если ее освободят от данной ею клятвы, а для этого ей требовалось соответствующее разрешение от патриарха и сената. К несчастью, патриархом был Иоанн Ксифилин, один из ближайших друзей и сподвижников Константина, а сенат почти полностью состоял

из назначенцев прежнего императора, поэтому получить согласие всех этих инстанций у Евдокии шансов практически не имелось. Однако императрица повела себя очень умно: стала намекать, что рассматривает для себя возможность брака с братом патриарха. Ксифилин поверил ей и убедил сенаторов дать свое согласие. И лишь тогда Евдокия объявила, что выходит замуж — но не за брата патриарха, а за одного исключительно красивого человека, который, казалось, олицетворял в своей персоне военную аристократию. Его имя было Роман Диоген, и 1 января 1068 г. его короновали как императора.

Невозможно не испытать к нему сочувствия. Способный администратор и храбрый воин, полностью осознавший серьезность турецкой угрозы, он энергично принялся восстанавливать мощь и благосостояние империи — и не его вина, что ему не удалось этого достичь. В Константинополе императору пришлось бороться против Пселла и семейства Дука, у которых Роман вызывал крайнее негодование и они были настроены уничтожить его. Что касается армии, то теперь она состояла в основном из плохо экипированных и деморализованных наемников и к тому же скудно снабжалась продовольствием; не раз войска были на грани мятежа. Тем не менее в 1068—1069 гг. Роман организовал походы на Восток, где существенно укрепил имперские позиции. Его личная отвага и решительность представляет собой единственное светлое пятно в мрачной картине повальной трусости и беспримерного хаоса, поразивших всю византийскую армию.

Осознавая, что восточная армия в ее нынешнем состоянии никак не сможет обеспечить безопасность Анатолии, Роман, находясь в Константинополе, занялся решением вопросов о выплате задолженностей войскам, производстве нового военного оснащения и рекрутировании свежих сил. Помимо этого Роман тщательно разработал план новой кампании, в ходе которой он собирался бросить в бой от 60 000 до 70 000 человек. Во вторую неделю марта 1071 г. византийская армия пересекла Босфор и направилась на восток к Эрзуруму, где Роман разделил войско на две части. Более крупный отряд был отдан под командование Иосифа Тарханиота, который повел его к Хелату, городу, находящемуся в нескольких милях от северного берега озера Ван. Сам же Роман вместе с другим своим ведущим полководцем,

Никифором Вриеннием, пошел к маленькому городу-крепости Манцикерту, который сдался без боя.

Что касается отряда Тарханиота, мы не знаем в точности, что произошло. Мусульманские историки упоминают о бое, в котором Алп-Арслан одержал решительную победу, однако ни в одном византийском источнике не содержится никаких упоминаний о подобном сражении. Правда, известный византийский историк Атталиат сообщает, что одного лишь известия о прибытии султана было достаточно, для того чтобы обратить «подлеца» Тарханиота, а с ним и его людей, в стремительное бегство. Но маловероятно, что дела обстояли так просто. Тарханиот являлся уважаемым полководцем; под его началом находился отряд, насчитывавший от 30 до 40 тысяч человек и, по всей видимости, превосходивший по численности всю сельджукскую армию. Если мы отвергнем мусульманскую версию, то у нас останется еще ряд вариантов. Могло быть так, что Тарханиот рассердился на Романа, которому он советовал не разделять армию, и со своим отрядом вышел из военной кампании. Возможно, Алп-Арслан захватил византийскую армию врасплох и единственным ответом ее явилось всеобщее «спасайся кто может». Либо же Тарханиот был орудием в руках семейства Дука и намеренно покинул императора, когда настал подходящий момент. Все эти версии могут в какой-то степени объяснить, почему Роман не получил от своего полководца никакой весточки о том, что с ним произошло. В одном можно быть точно уверенным: к тому времени, когда повстречался наконец с сельджуками, василевс уже лишился большей части своей армии.

Роману Диогену удалось овладеть Манцикертом, однако наслаждаться своим триумфом ему было суждено недолго. Уже на следующий день серьезное беспокойство его армии доставили отряды сельджукских лучников; даже Вриенний получил три ранения — по счастью, незначительных. Ночь выдалась безлунной, и до рассвета турки не ослабляли давление, вызывая сумятицу в стане византийцев — тем постоянно мерещилось, что враги уже наводнили их лагерь. На следующее утро приятным сюрпризом для всех явилось то, что лагерная ограда продолжала стоять на месте.

Но византийцев совершенно потрясло известие, что крупный контингент половецких наемников переметнулся на сторону

сельджуков; в армии было еще несколько тюркских подразделений, и некоторые из них — или даже все — в любой момент могли последовать примеру половцев. В подобных обстоятельствах и при том, что без следа исчезло более половины византийской армии и один из ее лучших полководцев, можно было ожидать, что император вполне охотно примет турецкую делегацию, явившуюся через два дня с предложением о перемирии.

Но зачем перемирия хотел султан? Возможно, потому, что совсем не был уверен в победе. Сельджуки всегда предпочитали иррегулярные военные действия тщательно подготовленным сражениям, от которых они всеми силами стремились уклоняться. Но кроме того, существовала ли вообще какая-то реальная причина для военных действий? Единственное серьезное разногласие между двумя верховными главнокомандующими было связано с Арменией, которая имела важное стратегическое значение и для султана, и для Романа. Если бы им удалось договориться о взаимоприемлемом разделе армянской территории, то обе армии остались бы в целостности и сохранности и Алп-Арслан мог бы всерьез заняться своим главным противником — династией Фатимидов.

Но решимость василевса оказалась твердой. Это был его единственный шанс избавить наконец империю от турецкой угрозы. Алп-Арслан стоял всего лишь в нескольких милях от него, а под командованием Романа все еще находилась такая внушительная сила, какую ему едва ли довелось бы собрать когда-нибудь в будущем. Более того, если бы он вернулся в Константинополь, не дав сражения, то какой бы у него был шанс защитить свой трон — а может быть, и жизнь — от происков семейства Дука? Отправив посольство назад — с минимальным выказыванием учтивости, — Роман начал готовиться к сражению.

Как это ни странно прозвучит, то, что случилось при Манцикерте, едва ли вообще можно назвать сражением. Роман выстроил армию широко развернутым строем — в несколько шеренг, на флангах поставил кавалерию. Сам он занял место в центре, слева находился Вриенний, а справа — каппадокийский полководец по имени Алиатт. Сзади был выстроен крепкий арьергард — источники указывают, что в составе его находились «рекруты из нобилитета, то есть сливки общества». Командовал арьергар-

дом — как ни удивительно — Андроник Дука, племянник покойного императора. Этот молодой человек, по-видимому, не делал большого секрета из своего презрительного отношения к Роману, и выглядит странным уже то, что ему вообще было дозволено принимать участие в кампании.

Армия двинулась через степь, сельджуки отходили широким полукругом, а их конные лучники то и дело осыпали стрелами византийские фланги и тут же стремительно отступали. Состояние духа императора становилось все более мрачным — враг явно уклонялся от серьезного боя. Когда солнце стало клониться к горизонту, у него мелькнула мысль, что он оставил свой лагерь практически незащищенным. Император подал сигнал к отступлению и повернул коня назад.

Этого самого момента и ждал Алп-Арслан. С вершины холма он наблюдал за всеми перемещениями Романа и теперь отдал приказ начать атаку. Византийский строй оказался смят; несколько подразделений наемников, решив, что император убит, бросились наутек. Между тем сельджуки сразу же отрезали смятые передние шеренги от арьергарда, и в этот момент ему следовало выдвинуться вперед: турки тогда оказались бы сдавлены между ним и передними рядами и уже не смогли бы вырваться. Вместо этого командир арьергарда Дука объявил своим подчиненным, что все кончено, и бежал с поля боя. После арьергарда и другие подразделения, по мере распространения паники, стали покидать место сражения. Только находившаяся на левом фланге группа солдат, видя, в каком тяжелом положении оказался Роман, бросилась спасать его, но ее с тыла моментально атаковал сельджукский отряд и обратил византийцев в бегство.

А вот Роман не отступал. Но напрасно он призывал свои войска вновь сплотиться и дать врагу отпор: хаос и смятение были слишком велики.

Вот как описывает те события их очевидец Михаил Атталиат:

«Это было как землетрясение: крик, волнение, страх, тучи пыли и орды турок вокруг нас. Это было трагическое зрелище, более скорбную картину трудно даже измыслить. Можно ли представить себе более несчастные обстоятельства, нежели обращение в бегство огромной имперской армии, совершенно без-

защитное состояние императора... и осознание того, что сама империя находится на грани распада?»

Кому же удалось выжить? Конечно, тем, кто вовремя пустил-ся наутек. Наемники повели себя так, как обычно и ведут себя наемники в подобной ситуации, однако, уже подписав контракт и получив жалованье, они могли бы проявить чуть больше усердия. Настоящими негодьями оказались составлявшие арьергард рекруты из нобилитета во главе с Андроником Дукой. Позорное бегство этих аристократов, по-видимому, было вызвано не столько трусостью, сколько изменой, что, конечно, ни на йоту не смягчает их вину.

Среди выживших оказался и сам Роман Диоген. Оставшийся почти без всякой поддержки, он отказался бежать. Только когда конь его был убит, а ранение в руку не дало держать меч, Роман позволил взять себя в плен. Целую ночь василевс пролежал среди раненых и умирающих. Только на следующее утро, одетый так же, как обычный солдат, закованный в цепи, он был приведен к султану. Сначала Алп-Арслан отказывался верить в то, что изнуренный пленник, которого бросили к его ногам, — византийский император. И лишь когда его опознали некогда являвшиеся к императору на прием турецкие послы, а также подтвердил его статус один из пленных византийцев, Алп-Арслан поднялся с трона, приблизился к Роману и приказал ему поцеловать землю перед султановыми туфлями, после чего поставил свою ногу на шею василевсу. Это был символический жест, не более того. Затем он помог Роману подняться на ноги и пообещал, что с ним будут обращаться с подобающим уважением. В течение всей следующей недели император оставался гостем султана и даже ел с ним за одним столом. Ни разу тот не выказал никаких знаков неуважения, демонстрируя только дружелюбие и учтивость. Все это, конечно, укладывается в священную для ислама традицию рыцарского поведения, но Алп-Арслан думал и о будущем. Ведь для него было бы совсем неплохо, если бы на византийском троне находился дружелюбно настроенный к султану правитель. Алп-Арслан очень рассчитывал на то, что Роман возвратится в Константинополь и вновь займет престол, поскольку следующий василевс наверняка будет мечтать лишь об отмщении сельджукам.

Предложенные Алп-Арсланом мирные условия были вполне милостивыми и скромными. Султан не потребовал обширных территорий — попросил лишь уступить ему Манцикерт, Антиохию, Эдессу и Иераполь, а также выдать одну из дочерей императора замуж за одного из его сыновей. Оставалось еще обсудить выкуп. Алп-Арслан сначала запросил 10 миллионов золотых монет, но когда Роман возразил, что имперская сокровищница просто не располагает подобной суммой, султан охотно снизил свое требование до полутора миллионов, присовокупив к этому ежегодную дань в 360 000 золотых. Было также условлено, что император вернется в Константинополь как можно скорее — дабы не оказаться смещенным с престола в свое отсутствие.

Уже через неделю после сражения Роман направился домой. Султан проехал первую часть пути вместе с ним, а для благополучного завершения путешествия предоставил ему эскорт из двух эмиров и ста мамлюков.

В Константинополе известие о разгроме имперской армии явилось вторым сокрушительным ударом за год. В минувший апрель — всего лишь через месяц после того, как Роман выступил на Восток, — норманны под предводительством Робера Гвискара захватили Бари. Это был конец византийской Италии — после того как она просуществовала более пятисот лет. Но донесения из Бари являлись по крайней мере ясными; сообщения из Манцикерта были запутанными и невнятными. Всем казалось понятным только одно: Роман более не мог оставаться василевсом. Но кто должен занять его место? Некоторые призывали на царствие Евдокию; другие высказывались в пользу Михаила, ее сына от Константина X; третьи связывали свои надежды на благополучие империи с фигурой брата Константина, кесаря Иоанна Дуки.

В итоге политическую инициативу захватил Иоанн, действуя, правда, в интересах другого лица. Он, на свое счастье, располагал варяжской гвардией. Иоанн разделил ее на две группы. Один отряд под командованием его сына Андроника, недавно вернувшегося из похода, захватил дворец и провозгласил императором Михаила. Вместе со вторым отрядом Иоанн прошел прямо в покои императрицы и арестовал ее. Все было закончено очень быстро. Напуганную Евдокию отправили в ссылку и выбрали ей тонзуру, то есть принудили постричься в монахини. Патриарх

провел церемонию коронации Михаила VII Дуки в соборе Св. Софии. Оставалось только разобраться с Романом Диогеном.

Роман кое-как собрал то, что осталось от его некогда могущественной армии, и двинулся на столицу. Однако кесарь Иоанн хорошо подготовился к его встрече. После двух поражений экс-император сдался Андронику Дуке, согласившись отказаться от всех притязаний на трон и удалиться в монастырь, — взамен же Роман получил гарантию, что ему не будет причинено никакого вреда.

Возможно, Андроник стал бы доказывать, что принятое им решение посадить Романа на мула и провезти его лишних 500 миль, выставив бывшего правителя в самом жалком виде, не причиняло тому никакого вреда, а значит, соглашение Дука не нарушил. Однако подробности происшедшего лишают дискуссию по этому вопросу всякого смысла. Хронист Иоанн Скилица пишет:

«Провезенный на дешевом вьючном животном, имея при этом вид разлагающегося трупа — с выколотыми глазами и кишачим червями лицом, — он прожил еще несколько дней, испытывая жуткую боль и издавая отвратительное зловоние, пока не испустил дух, после чего был похоронен на острове Проти, где он когда-то построил монастырь».

А незадолго до смерти, случившейся летом 1072 г., Роман получил письмо от своего старого врага и большого интеллектуала Пселла, поздравлявшего его с великой удачей: мол, потеря глаз — явный знак того, что Всевышний нашел Романа достойным горнего зрения.

Поражение при Манцикерте явилось величайшей катастрофой для империи за семь с половиной столетий ее существования. Действия имперской армии можно охарактеризовать как сочетание измены, паники и постыдного дезертирства. Судьба василевса сравнима лишь с пленением императора Валериана персидским шахом Шапуром I в 260 г.

Однако настоящая трагедия заключалась не в самом поражении, а в эпилоге к нему. Если бы Роману было позволено сохранить за собой трон, он бы с полным уважением отнесся к договору, заключенному с Алп-Арсланом, который возобновил бы свой поход против Фатимидов. Даже если бы на смену Роману

пришел новый император, но достойный своего высокого статуса — типа Никифора Фоки или Иоанна Цимисхия, не говоря уже о Василии II, — то он, несомненно, выправил бы ситуацию. Однако на престоле оказался Михаил Дука, и летом 1073 г., через два года после битвы при Манцикерте, сельджуки начали продвижение в Анатолию. В сложившихся обстоятельствах их едва ли можно винить за подобные действия. Отказ Михаила VII принять на себя обязательства по договору, заключенному с Романом, дал сельджукам законный повод для осуществления своей экспансии, а хаос внутри империи и крах ее прежней оборонительной системы — оплотом которой служила военная аристократия, имевшая крупные земельные владения, — привели к тому, что захватчики не встретили сколько-нибудь значительного сопротивления.

В результате десятки тысяч тюркских кочевников хлынули в Анатолию, и примерно к 1080 г. сын Алп-Арслана Малик-Шах уже контролировал территорию примерно в 30 000 квадратных миль. В знак признания ее бывлой принадлежности Римской империи он дал этой области название Румский султанат.

Византия все еще сохраняла за собой западную часть Малой Азии, а также Средиземноморское и Черноморское побережья, но при Манцикерте она, по сути, одним махом потеряла крупнейший источник зерна и более половины людских ресурсов. Сражение, в результате которого империя потерпела такой ущерб, в принципе не имело необходимости затевать, но раз уж на него решились, то не было никаких причин его проигрывать. И даже после поражения ситуация не выглядела катастрофической. Но константинопольские правители, зашоренные своим интеллектуалистским снобизмом и всепоглощающими амбициями, отринули все возможные пути для спасения империи. Они замучили мужественного и честного человека, стоившего больше их всех, вместе взятых, и способного — в случае лояльности к нему со стороны столичных правящих кругов и оказания ему должной поддержки — удержать византийское государство от полного краха; именно эти люди нанесли империи удар, от которого она так никогда и не смогла оправиться.

Продолжение правления Михаила VII было столь же катастрофическим, как и его начало. Римская церковь неуклонно

расширяла влияние за пределами Адриатики — она уже работала с теми территориями, на которые Василий II распространил свой сюзеренитет. По мере того как имперская власть ослабевала, печенеги и мадьяры начинали причинять Византии все большее беспокойство. Через полвека после смерти Василия территории, завоеванные им на Балканах, значительно сократились.

Дома ситуация была не многим лучше. Росла инфляция, так что даже золотая номисма* серьезно снизила свою покупательную способность. Вскоре императора стали именовать Михаил Парапинак («за пинакий»), так как на номисму с его изображением стало возможным купить не медимн** хлеба, а только пинакий — четверть медимна. Это прозвище закрепилось за Михаилом до самой его смерти.

Помимо всего прочего, в стране периодически вспыхивали военные мятежи. Организатором первого из них стал норманнский наемник Руссель Байольский, возглавлявший кавалерийский отряд, в составе которого находились норманны и франки. Этот отряд был послан для борьбы с сельджукскими разбойниками, орудовавшими в Анатолии. Находясь на территории, контролируемой турками, он с 300 своими приспешниками провозгласил основание независимого норманнского государства. Если бы Михаил VII хотя бы на минуту задумался о сути происходящего, то наверняка осознал бы, что в сравнении с турецкой лавиной Руссель никакой серьезной опасности не представляет. Но император, дабы окоротить инсургента, обратился за помощью именно к сельджукам, взамен официально уступив уже занятые ими территории, в результате чего византийцы неизмеримо усилили турецкую мощь. Но и в этих обстоятельствах Русселю удалось бежать. И лишь когда на его поимку был отправлен отряд под командованием талантливейшего полководца империи, еще достаточно молодого Алексея Комнина, мятежника удалось изловить.

Но Алексей не мог присутствовать одновременно повсюду, а хороших полководцев не хватало, и через пару лет, когда империи пришлось столкнуться с двумя новыми, куда более серь-

* Номисма — основная денежная единица Византии; ок. 4,55 г золота.

** Медимн — мера веса в Византии; первоначально два таланта — ок. 72 кг; в дальнейшем вес медимна менялся.

езными мятежами, Руссель неожиданно оказался освобожден из тюрьмы. Ему даже довелось сражаться бок о бок с Алексеем против двух новых претендентов на имперский трон. Первым из них был Никифор Вриенний, который, проявив верность императору во время сражения при Манцикерте, ныне оказался не готов терпеть некомпетентность Михаила Парапинака и его правительства. В ноябре 1077 г. он поднял знамя восстания и двинулся на Адрианополь, где был провозглашен василевсом. Неделию спустя Никифор со своей армией был уже у стен столицы. Поднятый им мятеж вполне мог бы иметь успех, не случись другой, почти одновременно с ним, — на Востоке. Его лидером выступил стратиг фемы Анатолик Никифор Вотаниат. Он, как и Вриенний, поднял оружие против императора, руководствуясь интересами государства.

Из двух соперничающих претендентов на престол Вриенний был намного более талантливым и успешным полководцем. Вотаниат же имел более благородное происхождение — он принадлежал к старой военной аристократии, а на данный момент был сильнее, поскольку ему удалось подкупить отряд сельджуков, нанятый Михаилом для оказания отпора мятежнику. Ни один из них не предпринял прямого наступления на Константинополь — они получили от своих агентов в столице информацию, что народное недовольство в связи с растущими ценами вскоре создаст кризисную ситуацию. Так и произошло в марте 1078 г. Бунты вспыхивали буквально во всех кварталах города, множество правительственных зданий было сожжено дотла. Михаил, которому посчастливилось спасти свою жизнь и бежать, отрекся от престола и удалился в Студийский монастырь.

24 марта Никифор Вотаниат с триумфом вошел в Константинополь. Его соперник Вриенний был схвачен и подвергнут ослеплению.

После такого зловещего начала правление нового василевса продолжалось достаточно мирно, но бестолково. Вотаниат хотя и являлся опытным полководцем, ничего не смыслил в политике. Кроме того, ему было далеко за семьдесят и борьба за трон в значительной степени истощила его силы. В результате он оказался неспособен справиться с кризисной ситуацией. Сильно сдала и старая госбюрократия, а вслед за ней ослабла и власть

сената. Византийцам теперь оставалось только молиться, чтобы среди военачальников, ведущих явную и скрытую борьбу за власть, нашелся тот, кто положит конец хаосу.

Через три года молитва византийцев была услышана. Вотаниат отрекся в пользу молодого полководца, принадлежавшего к аристократическому роду. Взойдя на трон в день Пасхи 1081 г., он пробыл там тридцать семь лет, правя твердой рукой и принеся в империю ту стабильность, в которой она так отчаянно нуждалась. Этим полководцем был Алексей Комнин, племянник Исаака I. Но даже он не смог ликвидировать тот ущерб, что нанесло государству поражение при Манцикерте, однако ему удалось вернуть Византии доброе имя.

ЧАСТЬ III

ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ

19

Алексей Комнин (1081—1118)

В Пасхальное воскресенье, 4 апреля 1081 г., в великом соборе Св. Софии в Константинополе двадцатичетырехлетний Алексей Комнин был возведен в правители империи, переживавшей состояние депрессии и распада. Он впервые принял участие в сражении против турок-сельджуков в четырнадцатилетнем возрасте. В короткий срок став одним из ведущих военачальников, Алексей не проиграл ни одного сражения. Это был великолепный полководец, солдаты его любили и доверяли ему. Алексей происходил из императорского рода — его дядя Исаак Комнин занимал трон около двадцати лет назад, — а брак с пятнадцатилетней Ириной Дукеной обеспечил ему поддержку не только одного из самых влиятельных семейств империи, но также клира и большей части аристократии.

Но именно по этим причинам у Алексея имелись враги в придворных кругах. Однако там же, при дворе, он нашел себе могущественного защитника в лице самой императрицы. Мария Аланская — еще достаточно молодая и красивая вдова Михаила VII, на которой Никифор Вотаниат женился по восшествии на престол, — не испытывала любви к мужу, который годился ей в дедушки. Она была предана семейству своего первого мужа — Дука. Возможно, императрица влюбилась в Алексея, а в 1080 г. Мария его даже усыновила. Вотаниат, к этому времени уже совершенно дряхлый старец, не стал возражать. В конце года император дал согласие на то, чтобы Алексей возглавил новый поход против турок, таким образом, предоставляя благоприятную возможность для осуществления его тайного плана. Алексей

осознавал, что трясущегося от дряхлости императора следовало устранить; проблема заключалась в том, чтобы собрать для этого достаточно войска, — и вот теперь она была решена.

Он назначил своему новому отряду время и место сбора, а сам ранним воскресным утром 14 февраля 1081 г. вместе со своим братом Исааком направился к императорским конюшням. Там они взяли для себя лошадей, оставшимся подрезали поджилки и помчались к монастырю Св. Козьмы и Дамиана, где заручились поддержкой матери Ирины, Марии Траяны Дуки, и ее влиятельного зятя Георгия Палеолога. Затем они двинулись к месту сбора войск, по ходу направив послание деду Ирины, кесарю Иоанну Дуке, где содержался призыв поддержать дело братьев. Кесарь ныне жил в уединении в своем поместье, в нескольких милях от столицы. Когда прибыл посланник, он спал, но был разбужен маленьким внуком. Сначала Иоанн отказался поверить новостям и даже надавал мальчику пощечин, но затем Дука велел привести коня и направился к лагерю мятежников.

Через три дня Алексей отдал приказ выступать. По-видимому, до сих пор он еще не заявлял открыто войскам о своем намерении занять трон. Лишь когда армия сделала остановку на ночь, спросили и ее мнение — причем предлагалось сделать выбор между кандидатурами Алексея и Исаака. Сам Исаак был только рад уступить брату, но исход дела решило мнение Иоанна Дуки. Алексея провозгласили василевсом и обули в пурпурные, расшитые золотом котурны с изображениями двуглавых орлов Византии — скорее всего эту обувь он привез с собой из дворца.

Алексей все еще пребывал в неуверенности относительно своего следующего шага. Не могло быть и речи о захвате столицы штурмом. И вот разведка донесла, что наряду с такими воинскими подразделениями, как варяжская гвардия, готовая сражаться за правящего императора до последней капли крови, в Константинополе имелись и другие, которые можно подкупить, — в частности отряд германцев, охранявших Адрианопольские ворота. Георгий Палеолог вступил в тайные переговоры с командиром этого отряда, и вскоре дело было улажено.

С началом темноты Георгий и несколько его соратников установили приставные лестницы рядом с одной из башен, охраняемых германцами, и перебрались через бастион в город;

Алексей выстроил все свое войско у подножия башни. Когда начало рассветать, Палеолог подал сигнал — ворота были открыты изнутри, и армия Алексея хлынула в Константинополь.

Горожане не питали особого уважения к престарелому императору; большинство жителей были рады, что на смену ему пришел молодой популярный полководец. Но они, конечно, не ожидали, что с ними будут обращаться как с врагами, — к несчастью, варварский элемент в армии Алексея был настолько силен, что в скором времени охватил и остальную ее часть. Едва оказавшись по ту сторону городских стен, солдаты рассыпались по всем направлениям — начались повальные грабежи и изнасилования, так что вскоре оказался поставленным под сомнение успех всей операции.

Впрочем, сам Вотаниат понимал, что все кончено. Перейдя через площадь, отделявшую дворец от собора Св. Софии, он заявил о своем отречении. Вотаниат был отправлен в монастырь Богоматери Перивлепты — огромное, устрашающего вида строение на Седьмом холме, оставленное городу Романом Аргиром полстолетия назад.

Семьдесят шестым императором Византии стал коренастый молодой человек с мощным подбородком и широкими плечами, носивший густую бороду. По словам его дочери Анны, «он был чем-то сродни пламенному вихрю, излучающему красоту, грацию, достоинство и не имеющую себе равных величественность». Учитывая, что Анна пишет о своем отце, к ее свидетельству следует относиться с осторожностью, однако не приходится особо сомневаться в том, что впервые за полстолетия империя оказалась в надежных руках.

По прибытии в Большой дворец Алексей немедленно развернул бурную деятельность. Спустя двадцать четыре часа ему удалось собрать всех своих солдат и запереть в казармах, чтобы остудить их пыл. Но обстоятельства, при которых он пришел к власти, продолжали мучить его совесть. Алексей поведал о том патриарху, который начал официальное расследование. В отношении императора, его семьи и всех тех, кто принимал участие в перевороте, был вынесен церковный приговор, присуждавший их к длительному посту и другим видам епитимьи. На протяжении сорока дней и ночей Алексей носил под императорской

порфиroy власяницу, спал на земле и использовал вместо подушки камень.

Между тем начала образовываться трещина в отношениях между окружением Алексея и семейством Дука, которое негативно воспринимало близкую связь Алексея с императрицей Марией Аланской. По идее та должна была покинуть дворец по его прибытии, но она этого не сделала. Мария, конечно, являлась приемной матерью Алексея, но сие не объясняло его решения остаться с ней — определив свою жену и ее семью в другой, меньших размеров дворец, стоявший на более низком месте.

Быстро начали распространяться слухи. Одни говорили, что новый император планирует развестись с Ириной, с тем чтобы стать третьим мужем Марии; другие — что подлинной силой, определяющей поступки василевса, является мать Алексея, грозная Анна Далассена, которая ненавидела семейство Дука и была настроена отстранить его от власти. Первый из этих слухов мог быть верным; второй являлся таковым несомненно. Несколько дней спустя, в Пасхальное воскресенье, Алексей подлил масла в огонь, не взяв жену на церемонию собственной коронации.

Дука это восприняли как беспричинное оскорбление. Императрица не просто являлась представительницей знатного рода, а обладала признанным статусом, подразумевавшим значительные властные полномочия. У нее имелся свой двор, она осуществляла контроль над принадлежавшими только ей доходами и играла важную роль в имперском церемониале.

Алексей и сам чувствовал неловкость по поводу принятого решения, поскольку был в огромной степени обязан Дука, да и вообще не следовало восстанавливать против себя самое могущественное семейство империи. В какой-то момент он пошел на поводу приемной матери, но вскоре осознал, что далеко переступил за черту.

В итоге проблему разрешил патриарх. Он серьезно поговорил с Алексеем, и несколько дней спустя молодая императрица была коронована в соборе Св. Софии с соблюдением всех церемоний. Дука порадовались, что одержали победу, а Алексей получил полезный урок. Все эмоциональные узы между ним и его приемной матерью отныне были разорваны: Мария согласилась

покинуть Вуколеон* с условием, что Константин, ее сын от Михаила VII, станет соправителем Алексея. Это условие было выполнено, после чего она с сыном удалилась в роскошный особняк, выстроенный Константином IX для Склирены около тридцати пяти лет назад. Их сопровождал Исаак Комнин, которому Алексей присвоил только что учрежденное им звание севастократора, выше которого было только императорское. Он вернул Ирину в Вуколеон, где их супружеская жизнь, против всяких ожиданий, оказалась счастливой — у венценосной пары родилось девять детей.

Однако на политическом горизонте тучи быстро сгущались. Не прошло и месяца со времени коронации Алексея, как Робер Гвискар, герцог Апулийский, начал масштабную наступательную операцию против империи.

История норманнов в Южной Италии начинается примерно в 1015 г., когда лангобардские военачальники склонили группу молодых норманнских пилигримов наняться на военную службу для боевых действий против византийцев. Известие об этом вскоре пришло в Нормандию, и здешние молодые мужчины, ищущие богатства и приключений, устремились в Италию; небольшая поначалу струйка быстро превратилась в устойчивый иммиграционный поток. Через некоторое время норманнские наемники стали требовать плату за свою службу земельными наделами. В 1053 г. близ апулийского города Чивитата они разгромили намного превосходившую их по численности армию, которую собрал и повел против них папа Лев IX.

К этому времени верховенство в норманнском сообществе перешло к отпрыскам некоего Танкреда Отвильского, рыцаря с малопроясненной биографией, находившегося на службе у герцога Нормандского. Из двенадцати его сыновей восемь обосновались в Италии, причем пятеро стали видными фигурами, а один из них — Робер по прозвищу Гвискар (Хитрый) — обладал прямо-таки исключительной одаренностью. После битвы при Чивитате папская политика кардинально изменилась, и в 1059 г. понтифик Николай II предоставил Роберу титул герцога Апу-

* Вуколеон — дворец, входивший в комплекс Большого дворца в Константинополе.

лийского, Калабрийского и Сицилийского. Два года спустя Робер со своим самым младшим братом Роже вторгся на Сицилию и на протяжении следующего десятилетия наращивал военное присутствие норманнов на острове и на материке. Бари пал в 1071 г. — а с ним и последние остатки византийского присутствия в Италии. В начале следующего года Робер взял Палермо, в результате чего навеки было покончено с сарацинской властью на острове. Четыре года спустя пришла очередь Салерно, последнего независимого лангобардского княжества. Теперь на всей итальянской территории к югу от реки Гарильяно верховная власть принадлежала Роберу Гвискару.

Уже на протяжении многих столетий эта земля была известна под названием Великая Греция и к описываемому периоду по своему духу все еще являлась в гораздо большей степени греческой, чем итальянской. Подавляющее большинство ее жителей говорили именно на греческом языке. Службы проходили по греческому обряду почти во всех церквях и в большинстве монастырей. Неудивительно, что Гвискар начал лелеять мечты о византийском троне, и эти мечты подогревали в нем сами византийцы. В 1074 г. Михаил VII предложил своего сына Константина в качестве перспективного жениха для самой красивой — василевс не преминул это оговорить — дочери Робера. Гвискар ни минуты не колебался: возможность стать тестем императора Византии представлялась слишком заманчивой, чтобы упустить ее. Он спровадил дочь Елену в Константинополь, где ей предстояло проходить обучение в императорском гинекее до тех пор, пока ее жених — к тому времени еще совсем ребенок — не достигнет брачного возраста.

Низвержение Михаила VII в 1078 г. напрочь лишило Елену шансов занять императорский трон. Незадачливая принцесса оказалась заточенной в монастырь — такое положение, вне всякого сомнения, ее мало радовало. Отец девушки воспринял это известие со смешанными чувствами. Планы Робера обрести в ближайшее время зятя, имеющего императорский статус, были перечеркнуты; с другой стороны, жестокое обращение, которому подвергли его дочь, давало ему отличный предлог для интервенции. Летом 1080 г. он начал приготовления. Империя все больше и больше сползала в хаос: в нынешней ситуации хорошо спланированное вторжение должно было иметь все шансы на успех.

Работа велась на протяжении всей осени и зимы. Было произведено переоборудование военных судов. Возрос численный состав армии, ее должным образом оснастили. Пытаясь подогреть энтузиазм среди своих греческих подданных, Гвискар предъявил народу некоего монаха — по всей видимости, ненастоящего, — который, появившись в Салерно в самый разгар военных приготовлений, утверждал, что он не кто иной, как Михаил VII, бежавший из ссылки и доверившийся своим доблестным норманнским союзникам в надежде, что они восстановят его на троне. Никто особенно не верил ему, но Робер на протяжении последующих месяцев относился к нему с преувеличенной почтительностью.

Услышав о перевороте, устроенном Алексеем, он отказался менять свои планы. К этому времени Робер уже совсем потерял интерес к браку Елены с византийским принцем, но последнее, чего он хотел, это ее возвращения домой — у него имелось еще шесть дочерей. Елена же была исключительно полезна там, где находилась. Робер объявил, что законным императором Византии он продолжает считать Михаила. Теперь важно было высадиться на византийском берегу прежде, чем Алексей вернет ему Елену. Он уже послал своего старшего сына Бозмунда с передовым отрядом через Адриатику. Чем раньше он, Робер, сможет присоединиться к нему, тем успешнее пойдет дело.

Флотилия отплыла в конце мая 1081 г. На борту ее судов находились 1300 норманнских рыцарей, большой отряд сарацин, какое-то количество греков и несколько тысяч пехотинцев. Флотилия направилась вдоль побережья к Корфу — там имперский гарнизон сдался ей тотчас же. Обеспечив себе, таким образом, плацдарм, Робер определил своей следующей целью Дураццо на Адриатике, откуда через Балканский полуостров к Константинополю вела Эгнациева дорога.

Однако вскоре стало ясно, что экспедиция не обещает быть легкой. Несколько судов погибло во время бури, а еще несколько было уничтожено венецианским флотом: Венеция так же мало, как и Константинополь, желала видеть пролив Отранто под контролем норманнов.

Но всего этого оказалось недостаточно для того, чтобы отбить охоту у герцога Апулийского, чья армия оставалась практически

не пострадавшей. Он приступил к осаде Дураццо. Однако и тут задача оказалась сложнее, чем ожидалось: гарнизон, зная, что сам император спешит ему на помощь с большим подкреплением, сопротивлялся стойко. Наконец 15 октября появился Алексей и три дня спустя повел свою армию в атаку. К этому времени Робер выстроил свое войско несколько севернее города. Сам он командовал в центре, Боэмунд находился на левом фланге — удаленном от моря, — а на правом фланге находилась жена Робера, лангобардская принцесса Сикелгаита Салернская.

О Сикелгаите стоит сказать несколько слов. Из всех персонажей мировой истории ее, пожалуй, в наибольшей степени можно уподобить валькирии. Женщина весьма крупного калибра, она почти никогда не покидала своего мужа, и уж тем более во время сражения, одного из любимейших ее занятий. Несясь на коне в самую гущу битвы, с длинными белокурыми волосами, струящимися из-под шлема, она оглушала одновременно и соратников, и врагов трубными криками ободрения или проклятия. Сикелгаита, несомненно, была достойна занять место рядом с Брунгильдой, самой знаменитой валькирией.

Как и всегда во время личного участия императора в сражении, на поле боя присутствовала в полном составе его варяжская гвардия. Теперь она, правда, состояла по большей части из англосаксов, которые покинули Англию после сражения при Гастингсе* и поступили на службу к византийскому императору. Ими двигало желание отомстить ненавистным норманнам. Раскрутив огромные двуручные боевые топоры над головой, они обрушивали их на лошадей и всадников, вселяя ужас в апулийских рыцарей. Паника охватила и лошадей, и вскоре норманнский строй был смят. Однако в итоге верх в сражении взяли норманны — и именно благодаря Сикелгаите, если верить имеющимся источникам.

Лучше всего об этом рассказывает Анна Комнина:

«Когда она увидела убегающих солдат, то громогласно звала к ним: «Далеко ли бежите вы?! Стойте и ведите себя, как мужчины!» Не сумев остановить их таким образом, она схвати-

* В ходе сражения при Гастингсе, состоявшегося в 1066 г., английский король Гарольд II потерпел поражение от Вильгельма Завоевателя, герцога Нормандского, в результате чего править Англией стали норманны.

да длинное копьё и помчалась вскачь за убегающими; увидев это, они опамятались и вернулись на поле сражения».

Левый фланг, находившийся под командованием Боэмунда, также смог выдержать натиск противника: там стоял отряд арбалетчиков, против которых варяги оказались бессильны. Пути отступления для византийцев были отрезаны — они могли сражаться только на том месте, где стояли. Некоторым из них все же удалось вырваться из окружения, и они нашли прибежище в близлежащей часовне. Но норманны подожгли церковь, и большинство находившихся там погибли в пламени.

Сам император сражался отважно, но цвет византийской армии был уничтожен в сражении при Манцикерте, и, когда главнокомандующий обнаружил, что его предал семитысячный отряд турецких наемников в полном составе — одолженный ему сельджукским султаном, — то понял, что битва проиграна. Слабый от потери крови, испытывая мучительную боль от раны во лбу, император двинулся через горы в город Охрид, чтобы там организовать в единое целое немногие разрозненные отряды, что у него остались.

Каким-то образом Дураццо все же продержался до февраля 1082 г.; после этого Робер уже не встречал особого сопротивления. Он направился на восток, в македонскую провинцию Касторию — вероятно, к этому времени завоевание Константинополя Гвискар считал уже делом решенным.

Но жизнь рассудила по-другому. В апреле из Италии прибыли посланцы: поднялись с оружием Апулия, Калабрия и значительная часть Кампании. Наряду с этими сообщениями вестники привезли письмо от папы Григория VII. Враг папы Генрих IV, король римлян*, стоял у ворот Рима, требуя коронации его как императора Запада. Сложившаяся ситуация настоятельно требовала возвращения герцога домой. Поручив руководство экспедицией Боэмунду, Робер на корабле направился через Адриатику в Италию.

Все эти осложнения не были такими уж случайными, какими казались на первый взгляд. Племянника Робера Абеляра, лишен-

* Король римлян — титул, который обычно брал себе новоизбранный император Запада до того срока, пока его не короновал папа римский. —

Примеч. авт.

ного герцогом собственности и впоследствии попросившего убежища в Константинополе, не понадобилось особо убеждать вернуться в Италию и при помощи немалого количества византийского золота поднять там восстание. Алексей Комнин также направил посольство ко двору Генриха IV, указывая ему на то, какими опасностями чревата ничем не обузданная политика Робера, и Генрих — получив 360 000 золотых монет и несколько бесценных предметов из имперской сокровищницы — немедленно заключил договор о союзе с Византией.

Алексей провел зиму в Фессалониках, собирая там войска. Армия Боэмунда между тем неуклонно наращивала свое присутствие и влияние в западных провинциях империи; кроме того, вскоре ожидалось прибытие самого Робера. К этому времени византийская казна уже сильно обеднела, и севастократору Исааку пришлось собрать синод в соборе Св. Софии, где он объявил о конфискации всех церковных сокровищ. Церковные иерархи, хотя и не скрывали своего неудовольствия, смирились с этим волевым решением.

На протяжении еще целого года Боэмунд продолжал свое продвижение, пока вся Македония и значительная часть Фессалии не оказались под его контролем. И лишь весной 1083 г. вблизи осажденного города Лариссы Алексею удалось повернуть ход событий. Боэмунд оказался вынужден снять осаду и отойти в Касторию; с этого момента его успехи пошли на убыль. Потерявшая боевой дух, тоскующая по родине и давно уже не получавшая денежных выплат норманнская армия стала сдавать завоеванные позиции. Когда Боэмунд направился на корабле в Италию, чтобы собрать там денег для армии, его заместители немедленно сдались византийцам, а венецианский флот отвоевал Дураццо и Корфу. К концу 1083 г. в руках норманнов осталась только небольшая береговая полоса и один-два острова, далеко отстоящие от материка.

Но по другую сторону Адриатики события развивались совсем иначе — дела у Робера Гвискара шли великолепно. К середине лета последние очаги апулийского сопротивления были подавлены. Затем он отправился вызволять папу Григория, который забаррикадировался в замке Св. Ангела. 24 мая 1084 г.

Робер разбил лагерь под стенами Рима. Однако Генрих IV, который низложил Григория и был коронован марионеточным антипапой, не стал его дожидаться. За три дня до появления норманнов у городских ворот он ушел в Ломбардию.

На рассвете 28 мая первый из ударных отрядов Робера провалился в город через Фламиниевы ворота; вскоре норманны вызволили папу из его крепости и с почестями доставили в Латеранский дворец. И лишь тогда наступила трагедия. В городе началась оргия грабежей и насилия. Все это продолжалось в течение трех дней, пока жители, будучи не в силах более выносить такое бесчинство, не поднялись против своих притеснителей. И тогда норманны предали Рим огню. Капитолий и Палатин* были разрушены, от церквей и дворцов остались одни лишь остовы. Между Колизеем и Латеранским дворцом едва ли имелось хоть одно здание, которому удалось избежать пожара.

Через несколько недель, весной 1084 г., Робер Гвискар вернулся в Грецию с Боэмундом и новой флотилией в 150 судов. С самого начала дела пошли как нельзя хуже: при подходе к Корфу норманнов встретила венецианская флотилия и за три дня дважды их основательно потрепала. После второго разгромного удара венецианцы направили в свой город посланников с сообщениями об одержанной победе, но недооценили Гвискара. Наблюдая, как венецианские суда исчезают за горизонтом, и считая, что врага можно застать врасплох, Робер собрал те немногие свои корабли, что еще держались на плаву, и бросил их вдогонку — в бешеную, смертельную атаку. Его расчет оказался точен. Анна Комнина сообщает о 13 000 убитых венецианцах и 2500 взятых в плен. Корфу пал, и на свои зимние квартиры армия ушла уже в более хорошем настроении.

Но зимой появился новый враг — эпидемия, вероятно брюшного тифа, наносившая беспощадные удары. К весне 1085 г. погибло 500 норманнских рыцарей и значительная часть воинского состава выбыла из строя. Сам Робер не терял своей обычной самоуверенности, но в середине лета, отправившись с армией для занятия Кефалонии, почувствовал себя во власти страшной болезни. Судно, на котором находился герцог, остановилось на

* Палатин — римский квартал знати и богачей, где располагались императорские дворцы.

первой же безопасной якорной стоянке, в бухте, до сих пор носящей название Фискадо. Тут Робер Гвискар и умер 17 июля 1085 г., при нем находилась Сикелгаита. Ему было шестьдесят восемь лет. За последние четыре года военные действия Робера приводили к бегству как восточного, так и западного императоров; один из величайших средневековых пап был спасен и восстановлен на троне благодаря его усилиям. Проживи Робер еще несколько месяцев, он, очень возможно, сменил бы Алексея Комнина на византийском троне.

Империя, хотя избавилась от непосредственной угрозы, но никогда не находилась в безопасности в течение длительного периода времени. Теперь настала очередь печенегов досажать Византии. За два предыдущих столетия они проявили себя самым хватким, жадным и жестоким из варварских племен. Весной 1087 г. огромная печенежская армия вторглась в пределы империи; три года спустя она уже стояла вблизи Константинополя. Алексею пришлось прибегнуть к одному из старейших дипломатических приемов: заручиться поддержкой одного племени в борьбе против другого. На этот раз он обратился к половцам. У тех не было серьезных распрей с печенегами, но они охотно откликнулись на призыв Алексея.

В понедельник, 28 апреля 1091 г., две армии сошлись лицом к лицу рядом с устьем реки Марицы. В состоявшейся на следующий день битве печенеги — чьи жены и дети в соответствии с варварским обычаем последовали за ними на войну — были практически полностью разбиты. Немногих выживших взяли в плен и затем пополнили ими ряды византийских войск; подавляющее большинство печенегов погибло в ходе страшной резни. Ни имперской армии, ни половцам это не делает большой чести, однако в этом сражении византийцы одержали самую значительную победу со времен Василия II. Она не только избавила империю от печенегов на следующие тридцать лет, но и преподнесла серьезный урок другим племенам. Но что еще более важно, эта война укрепила позиции самого василевса. Теперь он наконец доказал, что способен вернуть империи хотя бы часть ее былого величия. Алексей, который через несколько дней после победы гордо проехал на коне по улицам Константинополя к собору Св. Софии, мог теперь уверенно смотреть в будущее — чего ни разу не случалось за десять лет его правления.

В конце 1094 г. Алексей Комнин принял посольскую миссию из Рима. На троне понтифика уже семь лет находился Урбан II, который всеми силами стремился улучшить отношения между Константинополем и Святым престолом. Предшественник Урбана Григорий VII анафемствовал Алексея и вдобавок заключил союз с ненавистным для василевса герцогом Апулийским. Григория в свою очередь ужаснуло известие о том, что император стал союзником Генриха IV. Так что ко времени смерти Григория в 1085 г. отношения между Римом и Константинополем были крайне плохими — впрочем, как и на протяжении последних столетий за кратковременными исключениями. Когда Урбан вззошел на папский трон три года спустя, то начал примирение с Византией с аннулирования анафемы; император, который ранее закрыл все латинские церкви в Константинополе, ответил тем, что вновь открыл их. Состоялся обмен письмами, и постепенно разрыв начал сглаживаться, так что к моменту прибытия папского посольства в Константинополь Алексей и Григорий уже наладили дружеские отношения.

Легаты пригласили представителей православной церкви на великий церковный собор, который должен был состояться в ближайший март в Пьяченце. Алексей сразу же принял это приглашение, увидев здесь великолепную возможность обратиться к Западу за помощью против турок. Ситуация в Анатолии сейчас выглядела гораздо лучше, чем за все то время, что прошло со дня битвы при Манцикерте, и отвоевание Малой Азии представлялось теперь вполне возможным. Но достичь этого все равно казалось весьма затруднительно без военной помощи Запада, и церковный собор представлялся василевсу как раз тем местом, где можно ненавязчиво попросить о ней. Византийские делегаты хорошо справились с порученной им работой, сделав в своих выступлениях упор не на трофеях, которые могли быть добыты в войне с турками, а на религиозных аспектах: на страдании христианских общин Востока, на колонизации Малой Азии мусульманами, на присутствии армий неверных у самых ворот Константинополя и на явной исламской опасности, которая угрожала не только империи, но и всему христианскому миру.

В особенности был впечатлен папа Урбан. Когда он возвращался к себе домой во Францию, в его сознании постепенно созрел план, по своей амбициозности превосходивший все идеи, когда-либо возникавшие у Алексея: папа замыслил священную войну, в ходе которой объединенные силы Европы выступили бы против сарацин. Поэтому Урбан созвал новый собор, который должен был состояться в Клермоне 18 ноября, — папа пообещал, что там он сделает заявление, исключительно важное для всего христианского мира. Когда настал этот день, то толпы народа, собравшиеся послушать понтифика, оказались столь многочисленны, что пришлось отказаться от идеи проведения собора в церкви — папский трон был установлен на высоком помосте за восточными воротами города.

Текст речи Урбана до нас не дошел, но содержание ее в общих чертах известно. Он заявил, что долг западного христианства — силой освободить христианский Восток. Все те, кто согласится на это «из одной лишь преданности вере, а не из соображений обретения почестей или богатства», умрут разрешенными от грехов. Великая крестоносная армия должна выступить в праздник Успения, 15 августа 1096 г. Ответ на его слова был поистине поразительный. Предводительствуемые епископом Пюисским Адемаром, несколько сот человек — священники и монахи, аристократы и крестьяне — дали торжественное обещание выступить на Восток. Первый крестовый поход начался.

Алексей Комнин пришел в ужас. Именно тогда, когда появился реальный шанс отвоевать утраченные территории, в пределы его государства хлынут сотни тысяч дезорганизованных разбойников, которые, несомненно, будут постоянно требовать еды, но при этом не станут признавать никакой власти. Алексей принял все возможные предупредительные меры: распорядился сделать запасы продовольствия в Дураццо и организовать полицейскую часть; на всем протяжении Эгнациевой дороги предполагалось равномерно расставить полицейские посты. Оставалось только ждать. И прибытие первых крестоносцев оправдало самые худшие ожидания Алексея.

Петр Пустынник был вовсе не пустынником, а монахом из Амьена с хорошо подвешенным языком. Проповедуя в Северной Франции и Германии идею Крестового похода, он быстро набрал

около 40 000 последователей — в основном местных крестьян, в том числе изрядное количество женщин и детей. Каким-то образом эта разношерстная компания проделала путь через всю Европу, дойдя до венгерского города Семлин на реке Сава — там крестоносцы приступом взяли цитадель и убили 4000 венгров. Затем кони направились к Белграду — город был подвергнут разграблению и сожжению. В Нише участники похода попытались предпринять то же самое, но византийский наместник направил туда свои войска. Многие крестоносцы были убиты, еще большее их число попало в плен. К 1 августа, когда Пустынник со своими людьми добрался до Константинополя, из 40 000 выступивших в поход крестоносцев, недоставало уже около четверти.

Одного разговора с Петром и одного взгляда на его последователей Алексею хватило, чтобы понять — против сельджуков у этой так называемой армии нет никаких шансов. Но, конечно, оставаться в городе такая толпа не могла — уже сыпались жалобы на чинимые грабежи и изнасилования, возвращаться же назад крестоносцы отказывались. Поэтому 6 августа их перевезли через Босфор на другой берег и предложили им в дальнейшем заботиться о себе самостоятельно.

Продолжение у этой истории было недлинным. Крестоносцы дошли до деревни Кибот, расположенной между Никомедией и Никеей, и начали терроризировать окрестности, совершая убийства и чиня насилие в среде грекохристиан. Вскоре, однако, пришло известие о том, что приближаются турки. 21 октября армия крестоносцев, насчитывавшая около 20 000 человек, выступила из Кибота — и прямоком угодила в турецкую засаду. Уже через несколько минут войско сломя голову бежало назад в лагерь, сельджуки следовали за ним. Немногим счастливицам удалось спасти свои жизни — например некоторым девушкам и юношам, которых турки отобрали для соответствующего рода утех. Все остальные погибли в массовой бойне. Народный крестовый поход на этом закончился.

Предводительствуемое Петром войско, состоявшее преимущественно из всяческого сброда, не являлось, однако, типичным для армий Первого крестового похода. Через девять месяцев Алексею пришлось принимать новый отряд крестоносцев, в ря-

дах которого было около 70 000 мужчин и изрядное число женщин; во главе армии стояли самые могущественные феодальные сеньоры Запада. Экономический, логистический, военный и дипломатический вызовы, которые эта орда бросала империи, не имели себе равных в византийской истории; базовая проблема заключалась в доверии к пришельцам. Алексей весьма скептически относился к декларированным крестоносцами высоким христианским мотивам. Он хорошо понимал, что рыцари явились за тем, что можно заполучить в собственность — если не саму империю, то независимые княжества на Востоке. Эта последняя их цель Алексея не беспокоила: несколько буферных христианских государств между Византией и сарацинами явились бы для империи некоторым подспорьем. Но, как был убежден Алексей, такие княжества нельзя основывать на имперской территории, а встающие во главе их князья должны признавать василевса своим сюзереном. Император понимал, что феодализм в Западной Европе основывался на торжественной клятве верности вассала феодалу. Ну что ж, Алексей потребует именно такую клятву от всех новоявленных вождей.

Первый из них, Гуго Вермандуа, младший брат короля Франции Филиппа I, с готовностью принес требуемую клятву. Другие два — Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, и его брат Балдуин Булонский — оказались менее сговорчивыми. Сначала они выразили категорический отказ, и лишь когда Алексей направил в их лагерь отборные гвардейские отряды, братья капитулировали. В Пасхальное воскресенье они вместе с сопровождавшими их рыцарями принесли клятву. Сразу же были восстановлены дружественные отношения. Алексей осыпал визитеров подарками и устроил для них пиршество. На следующий день он переправил большую часть крестоносцев через Босфор.

Из числа предводителей Первого крестового похода был один, которому Алексей Комнин особенно не доверял. Боэмунд, ныне князь Тарентский, являлся самым старшим сыном Робера Гвискара — который, не стань он жертвой эпидемии, исключительно удачно случившейся двенадцать лет назад, теперь вполне мог бы вместо Алексея занимать византийский трон. Тот факт, что Робер развелся с матерью Боэмунда, дабы жениться на грозной Сикелгаите, и впоследствии оставил свои итальянские вла-

дения сыну от второй жены — Роже Борсе, делали фигуру Боэмунда особенно опасной: не имея никаких надежд заполучить что-либо в Италии, он мог положить глаз на любые территории Востока. Ко всему прочему, его военная репутация не имела себе равных в Европе.

Когда император принял князя на следующий день после его прибытия, то Боэмунд признал, что раньше был настроен к Алексею враждебно, но теперь прибыл как друг. Боэмунд сразу же согласился дать клятву верности. Князь знал и понимал греков, владел их языком и, в отличие от многих крестоносцев, хорошо осознавал, что успех похода зависит от того, будет ли василевс на его стороне. Держа эту мысль в сознании, Боэмунд под страхом смертной казни запретил своим солдатам грабежи и насилия на пути к Константинополю. Две недели спустя Боэмунда с его армией переправили через Босфор, Алексей же занялся следующим гостем.

Раймунд IV де Сен-Жиль, граф Тулузы и маркиз Прованса, был самым старым, самым богатым и самым знаменитым из крестоносцев. И самая крупная из регулярных армий крестоносцев принадлежала ему — она насчитывала около 10 000 человек. Хотя Раймунду было уже под шестьдесят, он стал первым аристократом, взявшим крест в Клермоне — то есть нашившим на свою одежду символический крест, означавший принятие на себя соответствующих обязательств. Раймунд публично поклялся никогда не возвращаться на Запад. За ним последовали жена, сын Альфонсо и его друг епископ Пюисский Адемар, которого папа Урбан благословил осуществлять духовное водительство во время Крестового похода. Не приходится особо сомневаться в том, что, подобно Боэмунду, Раймунд жаждал побед и трофеев, однако, в отличие от князя Тарентского, не пытался контролировать своих людей, чья склонность к повальным грабегам и изнасилованиям не раз приводила их к конфронтации с имперским эскортом. С самого начала Раймунд ясно дал понять, что не имеет намерения давать Алексею клятву; вот если бы василевс принял командование крестоносной армией на себя, то он был бы счастлив служить под его началом. Алексей ответил, что при всем своем желании возглавить Крестовый поход, в нынешней неспокойной ситуации не может покинуть империю. Наконец

граф согласился дать несколько иную клятву — хранить уважение к жизни и чести императора. И Алексей благоразумно принял ее — осозная, что это самое большее, на что он мог надеяться.

Четвертую — и последнюю — экспедицию Крестового похода возглавил Роберт, герцог Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя: он выступил в сентябре 1096 г. С ним вместе выехал его зять Стефан, граф де Блуа, и его двоюродный брат Роберт II, граф Фландрский; под знамена этих трех деятелей встало множество известных аристократов и рыцарей из Нормандии, Бретани и Англии. Для них не составило проблемы принять присягу верности; вообще крестоносцев впечатлила щедрость императора — высокопородность лошадей, качество еды и изысканность шелковых одежд, которыми их одаривали. Рядовой состав был облагодетельствован не столь щедро, однако все, кто хотел, могли проходить в город группами по шесть человек, чтобы осмотреть достопримечательности и помолиться в главных святынях. Через две недели этот отряд, как и предыдущие армии, переправился через Босфор и далее проследовал к Никее, где соединился с прибывшими ранее войсками.

Легко можно представить облегчение Алексея Комнина, наблюдавшего за отплытием последних крестоносцев. Впрочем, во время поезда произошло лишь несколько неприятных инцидентов — благодаря принятым мерам предосторожности крупных конфликтов удалось избежать. К тому же все представители крестоносцев за исключением Раймунда, с которым император пришел к частному соглашению, дали клятву верности; и даже если бы впоследствии они нарушили ее, это только усилило бы моральные позиции Алексея.

А вообще отношения византийцев и крестоносцев не сложились. На Балканах и во Фракии пришельцев принимали с подозрительностью и недоверием. В Константинополе их держали под строгим присмотром. Европейцы же были глубоко потрясены тем, что увидели в византийской столице. На французского крестьянина или бюргера из маленького немецкого городка самый богатый и самый роскошный мегаполис в мире, с его экстравагантно одетыми аристократами в сопровождении многочисленных рабов и евнухов и несомыми на золоченых паланкинах гранд-дамами, лица которых блестили эмалевыми красками,

производил впечатление чего-то совершенно невероятного; это зрелище их, несомненно, глубоко шокировало. Да и религиозные службы, которые посещали крестоносцы, должны были казаться им очень красочными, но непривычными, непонятными и к тому же еретическими.

Византийцы тоже относились далеко не дружелюбно к пришельцам с Запада. Иностранные армии никогда не являются желанными гостями, а эти варвары с дурными манерами, несомненно, были хуже многих предыдущих. Крестоносцы опустошали земли византийцев, насиловали женщин, грабили города и селения. Изрядное число императорских подданных, хотя они и считали крестоносцев братьями-христианами, истово надеялось на успех сарацинских армий в ходе грядущих столкновений.

Вопреки ожиданиям многих Первый крестовый поход имел громкий, пусть и не вполне заслуженный, успех. Никея была осаждена и затем взята — с последующим восстановлением византийской власти в западной Малой Азии. Турок-сельджуков разбили при Дорилее в Анатолии. Затем в руках крестоносцев оказалась Антиохия. И, наконец, 15 июля 1099 г., после продолжительной и страшной бойни, воины Христа ворвались в Иерусалим, где вырезали всех мусульман, находившихся в городе, евреев сожгли живьем в главной синагоге. Из прежних лидеров крестоносцев двоих уже не было с ними: Балдуин Булонский сделался графом Эдессы, города, стоящего на Евфрате, в среднем его течении, а Боэмунд стал князем Антиохии.

Алексея Комнина известие об отвоевании Иерусалима могло только порадовать, но вот ситуация в Антиохии вызывала серьезную тревогу. Этот древний город с находившимся в нем патриархатом после столетий мусульманской оккупации был отвоеван империей в 969 г., после чего входил в нее до 1078 г. Антиохийцы в подавляющем большинстве говорили на греческом и исповедовали православную веру; в глазах Алексея они являлись византийцами. Теперь же Антиохия была захвачена норманнским авантюристом, который, несмотря на принесенную им клятву, явно не имел намерений уступать город. Он дошел до того, что изгнал греческого патриарха и заменил его на латинского. Так что легко представить, какое удовлетворение испытал Алексей, когда летом 1100 г. Боэмунд был схвачен местными турками и

уведен в цепи в далекий замок в Понте. Там он оставался три года, пока наконец его не выкупил Балдуин, к тому времени ставший королем Иерусалимским — этот титул и должность он унаследовал от своего брата Готфрида.

Уже в первые годы после триумфа крестоносцев стало очевидно, что Боэмунд был не одинок в притязаниях на византийскую собственность. После занятия Иерусалима подлинные паломники начали постепенно возвращаться домой. Оставшиеся же в Отремере (как стали называться земли крестоносцев на Ближнем Востоке) франки по сути своей являлись военными авантюристами — теперь они открыто занялись поисками добычи. Из всех предводителей Первого крестового похода один только Раймунд Тулузский — единственный, кто отказался принести Алексею клятву вассальной верности, — действовал честно и вернул императору завоеванные территории, которые ранее входили в состав империи. Когда Боэмунд был в 1103 г. освобожден, крестоносцы уже вовсю сражались с арабами, турками и византийцами — почти без всякого разбора; время от времени устраивались короткие перемирия. В начале лета 1104 г. воины Христа потерпели сокрушительное поражение от турок под Харраном, вблизи Эдессы. Армии Боэмунда удалось спастись, но расквартированный в Эдессе отряд был перерезан едва ли не до последнего человека. И Балдуин, и его двоюродный брат Жоселин де Куртене оказались в плену.

Этот разгром явился для первых крестоносцев таким ударом, от которого они не смогли уже оправиться. Для них оказался перекрыт важнейший сухопутный путь подвоза провианта и снаряжения, что позволило Алексею отвоевать у крестоносцев несколько стратегически важных крепостей и прибрежных городов. Боэмунд, оказавшийся в критическом положении, поздней осенью отбыл в Европу за подкреплением. Прибыв в Апулию в начале 1105 г., в сентябре он отправился в Рим, чтобы увидеться с папой Пасхалием II. Боэмунд без труда убедил его в том, что главным врагом крестоносцев являются не арабы и турки, а византийский император. Далее он направился во Францию — уже в сопровождении папского легата, имевшего инструкции проповедовать священную войну против Византии.

За все то время, что Боэмунд посвятил открытой борьбе с Византийской империей, он не нанес ей — да и всему христиан-

скому делу — такого вреда, как в ходе бесед с папой Пасхалием. Отныне его, Боэмунда, хищническая политика стала официальным курсом всего христианского Запада. Те крестоносцы, что по каким-либо причинам испытывали неприязнь к византийцам, отныне считали свои предубеждения освященными авторитетнейшим мнением. А для Алексея и его подданных весь Крестовый поход теперь представлялся чудовищным по своему лицемерию спектаклем.

К осени 1107 г. Боэмунд вернулся в Апулию; новая армия, которую он набрал, подготовилась к отплытию. В общих чертах план Боэмунда был аналогичен плану Робера Гвискара за четверть века до этого, однако на сей раз Алексей встретил неприятеля во всеоружии. Наемники, которых императору одолжил сельджукский султан, стойко отбивали все попытки крестоносцев взять Дураццо приступом, и, прежде чем Боэмунд решил предпринять осаду, его войско оказалось заблокировано византийской флотилией, перерезавшей ему коммуникации с Италией на всю зиму. С наступлением весны Алексей подтянул основные силы своей армии. В стане захватчиков, которые теперь оказались в окружении, воцарились голод и малярия, и в сентябре князь Антиохии был вынужден сдаться. Представ перед Алексеем в его лагере на реке Девол, он подписал унижительный мирный договор — в нем Боэмунд выражал сожаление, что нарушил свою клятву вновь, но клялся в вассальной верности императору и признавал его сюзереном Антиохийского княжества. В итоге Боэмунд согласился даже на то, чтобы латинский патриарх, которого он назначил, был заменен греческим.

Карьера Боэмунда на этом завершилась. Он вернулся в Апулию, оставив Антиохию своему племяннику Танкреду. Боэмунд был харизматичным лидером, но завышенные амбиции подвели его. Более он уже не осмеливался появляться в Отремере, а три года спустя умер в неизвестности.

Первое десятилетие правления оказалось для Алексея очень трудным. Обретя полноту верховной власти, он затем быстро начал терять популярность — все стали считать его неудачником. Народ начал задаваться вопросом, не пойдет ли византийская Европа, испытывавшая постоянное давление со стороны нор-

маннов, печенегов и прочих недругов, тем же путем, что и византийская Азия, во многом потерянная для империи. Патриарх Антиохийский Иоанн Оксит в двух резких диатрибах, направленных против василевса, высказался даже в том смысле, что империи уже как бы и нет. По его словам, народ пребывает в совершенно подавленном состоянии. Всеобщим невзгодам не подвержены только члены императорской семьи, «которые стали величайшим бичом для империи и для всех нас».

Обвинения в nepотизме Алексею трудно было отместить. В первые годы правления он мало на кого мог положиться за пределами своего семейного круга. Без поддержки могущественных родственников Алексей не смог бы оставаться василевсом длительное время. Таким образом, не было ли оправданным его стремление ставить их на ключевые посты и соответствующим образом вознаграждать? Возможно, и было, но, к несчастью, он не остановился на раздаче родственникам выгодных должностей и титулов. Раньше государственные земли находились в прямом ведении имперского правительства; теперь же Алексей управлять ими назначил своих родственников, а те с этих земель получали доходы. Такие привилегии, хотя и носили вроде бы временный характер, но создавали опасный прецедент и все больше истощали и так уже порядком усохшую казну.

Еще до восшествия Алексея на престол византийская экономика на протяжении полувека пребывала в состоянии устойчивой депрессии. В следующую четверть столетия упадок продолжился; дошло до того, что в ходу появилось шесть номисм — соответственно из шести разных металлов. В 1092 г. Алексей ввел золотой иперпирон («высокоочищенный»), и на протяжении двух следующих столетий он служил стандартной монетой; лишь в 1109 г. он стал наконец должным эталоном для всей монетной системы. Алексею также удалось добиться эффективного функционирования фискальной системы.

Василевс понимал: Византии не суждено возродиться, если не реорганизовать и не укрепить армию, не отстроить практически с нуля флот. Алексей с первых дней правления приступил к этой работе, и она буквально захватила его. Для императора не было большего счастья, чем лично участвовать в военных учениях, в ходе которых солдаты превращались из недисциплини-

рованных, разболтанных варваров в тренированных бойцов. И когда наконец удалось создать ту армию, которую он желал видеть, василевс крепко удерживал ее в своих руках: не следовало давать возможность какому-либо из имперских полководцев свергнуть его, как сам он поступил с предыдущим василевсом. Поэтому Алексей лично руководил войсками при ведении боевых действий, зарекомендовав себя самым выдающимся византийским военачальником со времен Василия II.

Ввиду огромных расходов, шедших на оборону, фискальная политика Алексея была суровой — и аристократия, и семьи сенаторов, и монастыри сильно страдали от разного рода взиманий. Для рядовых подданных императора эти времена также оказались тяжелыми — особенно сильное возмущение вызывала у них обязательная военная служба. Крестьяне даже больше, чем горожане, испытывали страх перед рекрутерами, которые постоянно прочесывали подведомственные им территории в поисках годных к военной службе молодых людей, поскольку в сельских районах не хватало рабочей силы для возделывания полей; к тому же рекрутированная молодежь по завершении службы частенько оседала в Константинополе или в других городах и уже никогда не возвращалась домой. На это, конечно, можно было бы возразить, что любому семейству лучше предоставить империи солдата, чем дожидаться, когда дом, в котором оно обитает, будет разрушен, а его жителей перережут иноземные захватчики. Однако у каждого своя правда, и потому император, ответственный за высокие налоги и повальный призыв в армию, был ненавидим подавляющим большинством своего народа. И он знал это.

Какие Алексей предпринял шаги, чтобы улучшить свой имидж? С самого начала правления он делал все возможное, чтобы завоевать по меньшей мере уважение подданных. После смерти Василия II в империи примерно каждые четыре года сменялся василевс; Алексей вознамерился показать, что он не является лишь очередным правителем на некий переходный период. Алексей не только взялся за реформирование всей государственной системы, но и предпринял усилия по духовному обновлению общества. Если его мать занималась очищением авгиевых конюшен дворцового гинекея, то сам он развернул

кампанию по искоренению в империи ересей*. Не приходится сомневаться в его искреннем и глубоком религиозном чувстве — Алексея по-настоящему волновали дела церкви. В 1107 г. он провел реформу церковной иерархии, основав нечто вроде ордена духовных учителей, проповедников — каждый из них, помимо всего прочего, исполнял обязанности блюстителя общественной морали во вверенном ему приходе. Радужно было встречено общественностью сооружение императором огромного благотворительного комплекса. Сейчас на том месте находится дворец Топкап. Дочь Алексея описывает его как «город в городе: повсюду стояли двухэтажные здания для бедных и увечных. Благодаря щедротам императора удовлетворялись все их потребности в еде и одежде».

Мир, который установился с подписанием Девольского договора, длился три года; затем вновь начались военные действия, и продолжались до конца правления Алексея. При этом василевсу едва удалось избежать войны на два фронта: очередные боевые операции против турок совпали с прибытием флотилии генуэзских и пизанских кораблей, которая грозила опустошением Ионическому побережью. К счастью, от европейцев Алексей смог откупиться — заключив договор с пизанцами, в соответствии с которым им позволялось иметь торговую колонию в Константинополе на постоянной основе.

С турками разбраться было не так просто, поскольку их агрессия носила характер набегов: они избегали тщательно подготовленных сражений, но атаковали по всей ширине фронта, в нескольких местах одновременно, и затем быстро отходили, забирая с собой пленных и военные трофеи. В 1111 г. сельджуки переправились во Фракию; в 1113 г. они осадили Никею, но оказались разбиты. В 1115 г. турки вновь были на марше, на этот раз под знаменами Меликшаха, сельджукского султана Икония.

Алексею исполнилось к этому времени шестьдесят лет — или, если верить одному хронисту, шестьдесят восемь, — и он уже находился во власти болезни, которой суждено было убить его. Только к осени 1116 г. Алексей собрался с силами и выступил

* В первую очередь имеется в виду борьба Алексея с богомилами и павликианами.

против султана. Он дошел до города Филомелиона, затем по неясным причинам повернул назад. И как раз в это время Меликшах решил его атаковать. О том сражении нам известно мало. Император, по-видимому, вышел из него победителем, но это была его последняя победа.

Алексей вернулся домой совершенно больным и сразу же оказался в центре жестокой внутрисемейной борьбы, инициированной его женой Ириной. Их дочь Анна описывает свою мать следующим образом:

«Большую часть своего времени она посвящала домашним заботам и своим любимым занятиям — чтению книг святых, а также совершению разного рода добрых, богоугодных дел. Но она также была вынуждена сопровождать императора в его частых походах. Болезнь, поразившая его ноги, требовала самого заботливого отношения, и более всего отец ценил именно прикосновения моей матери, поскольку посредством мягкого массирования она могла до некоторой степени облегчить его страдания».

Но было и еще одно соображение, побуждавшее Алексея жестко настаивать на постоянном присутствии Ирины рядом с собой. Василевс знал, что и жена, и дочь Анна недолголюбивают старшего сына Ирины, бесспорного наследника престола Иоанна Комнина, и постоянно плетут против него интриги, дабы продвинуть в преемники императора мужа Анны кесаря Никифора Вриенния. Ирина никогда не упускала случая очернить Иоанна в глазах его отца, но Алексей отказывался слушать ее наветы. Он любил сына и доверял Иоанну, а кроме того, василевс хотел основать династию: чтобы его достижения были продолжены в веках, корону следовало передать в соответствии с порядком престолонаследия сыну-первенцу, а впоследствии — если Бог даст — сыну этого первенца.

К лету 1118 г. всем стало ясно, что смерть императора не за горами. Он постоянно чувствовал боль, ему приходилось все время сидеть прямо, чтобы иметь возможность более-менее свободно дышать. Живот и ноги его страшно распухли, ротовая полость, язык и горло настолько воспалились, что он не мог глотать. Ирина повелела, чтобы императора отнесли в ее собственный Манганский дворец, и там проводила по нескольку

часов в день у ложа умирающего. По ее приказу во всех церквях империи были отслужены молебны за выздоровление василевса, но сам он понимал, что смерть подбирается к нему все ближе.

Около полудня 15 августа умирающий Алексей подозвал Иоанна Комнина к своему ложу, дал ему императорское кольцо и повелел, не теряя времени, провозгласить себя василевсом. Иоанн поспешил в собор Св. Софии, где в ходе наикратчайшей церемонии патриарх короновал его. Когда Иоанн подошел к дворцу, ему сначала преградила вход варяжская гвардия — предположительно по распоряжению Ирины, — и только когда он показал гвардейцам кольцо и сообщил о надвигающейся смерти своего отца, они позволили ему пройти.

А где была в это время Ирина? Она не стала бы уклоняться по доброй воле от присутствия при последнем разговоре мужа с сыном, однако каким-то образом Алексею удалось на время отослать жену, когда же она вернулась, было уже слишком поздно. Впрочем, в разговоре с умирающим василевсом Ирина сделала последнюю попытку продвинуть на трон их зятя, но Алексей лишь слабо улыбнулся и, как бы в знак благодарения, поднял руки. Этим же вечером он умер. Василевс был похоронен на следующий день в монастыре Христа Филантропа (Благотворителя), основанном Ириной около пятнадцати лет назад.

Подданные Алексея Комнина были обязаны ему в большей степени, чем они это осознавали. Прежде всего он вернул империи устойчивость. После пятидесяти шести лет, в течение которых ею скверно управляли сменявшие друг друга тринадцать монархов, Алексей один правил тридцать семь лет. Его сыну суждено было властвовать еще двадцать пять, внук Алексея правил следующие тридцать семь лет. Во-вторых, следует сказать о военном послужном списке Алексея: ни один византийский император не защищал свой народ более отважно — против столь многочисленных врагов; ни один не сделал больше для укрепления имперских вооруженных сил. В-третьих, он блестяще урегулировал ситуацию с Крестовым походом. Если бы крестоносные армии выступили на четверть века раньше, то последствия для них — и для Византии — могли бы быть весьма тяжелыми.

Конечно, у Алексея были и провалы: ему не удалось достичь успеха в экономической сфере, устранить напряженность в от-

ношениях с Римом и отвоевать Южную Италию. У Алексея имелись свои слабости: склонность к nepотизму, излишне третейское отношение к женщинам. Даже при передаче трона он не решился навязать свою волю Ирине, предпочтя добиться цели хитростью, а не уверенно отданным приказом.

Не сожалел ли Алексей о том, что подлинная популярность среди народных масс оказалась для него недостижимой — если не брать в расчет армию, которая возвела императора на пьедестал? По всей видимости, не слишком сожалел. Он никогда не поступался принципами ради рукоплесканий толпы. Он правил честно, энергично, отдавая всего себя по максимуму. И он оставил своему сыну империю, безусловно, более сильной и организованной по сравнению с тем, какой она досталась самому Алексею. Он умер, вполне довольный сделанным — и по праву.

20

Иоанн Красивый (1118—1143)

Ненависть Анны Комниной к своему брату, длившаяся всю ее жизнь, объясняется элементарной ревностью. Еще в детском возрасте она была обручена с сыном Михаила VII Константином и на протяжении пяти лет являлась предполагаемой наследницей византийской короны. Потом у императрицы Ирины родился сын Иоанн и мечты Анны оказались разрушены. Но ненадолго. После безвременной кончины Константина Анна в 1097 г. вышла замуж за Никифора Вриенния, сына того Никифора, который двадцать лет назад безуспешно претендовал на трон. Около 1111 г. Алексей предоставил Никифору титул кесаря, и амбиции Анны разгорелись с новой силой. Даже после смерти отца она не сдалась. Почти несомненно, Анна стала организатором заговора, целью которого было убийство Иоанна во время похорон Алексея.

А вскоре после этого вместе с мужем она организовала новый заговор. Однако Вриеннию не хватило мужества и он не явился в назначенное место встречи — в результате его сообщники были схвачены. Иоанн проявил себя необычайно милосердным правителем. Вриенний остался цел и невредим, на протяжении следующих двадцати лет, вплоть до самой своей смерти верно служил императору, часы досуга проводил в составлении на удивление скучной исторической хроники. Его жене повезло меньше: после конфискации имущества ее навечно отлучили от императорского двора. Покинутая и униженная, Анна ушла в монастырь, где прожила следующие тридцать пять лет, работая над жизнеописанием своего отца.

Когда Иоанн Комнин восходил на престол, ему оставался один месяц до тридцатилетия. Даже поклонники Иоанна признавали, что внешне он был малопривлекателен, а из-за очень темных волос и лица его прозвали Мавром. Однако у него имелось и другое прозвище: Колоноанн — Иоанн Красивый. Это прозвище употребляли не в ироническом плане; оно относилось не к его телу, а к его душе. Ветреность, непостоянство он ненавидел, роскошь осуждал. В наше время большинство сочло бы его невыносимым в качестве товарища или компаньона; в Византии XII в. его все любили. Во-первых, он не лицемерил. Его благочестие было неподдельным, честность — не показной. Во-вторых, кротость и сострадательность императора являлись в те времена настоящей редкостью. Он был также очень щедрым: еще ни один василевс не демонстрировал такой масштабной благотворительности. В отличие от отца Иоанн намеренно держал родственников на расстоянии. Из своего окружения император более всего доверял Иоанну Аксуху, турку, еще в детстве привезенному крестоносцами в подарок Алексею Комнину; Аксух воспитывался в императорской семье и вскоре стал близким другом Иоанна. По восшествии на престол Иоанн сразу же взял его к себе на службу и вскоре назначил великим domestikом, главнокомандующим армий.

Иоанн Комнин был воином, как и его отец. И для него сохранение и благосостояние империи также являлось священным долгом. Если Алексей по большей части довольствовался ее защитой, то Иоанн ставил своей целью освободить все территории, занятые неверными, и вернуть Византии ее былую славу. Для его подданных вся жизнь императора, вероятно, представлялась одной долгой военной кампанией. Иоанн проводил больше времени в полевых условиях, чем в Константинополе, — точно так же как и четверо его сыновей, когда они достаточно подросли, чтобы сопровождать императора в походах.

Ему больше повезло, чем Алексею, поскольку достаточно продолжительное время после восшествия Иоанна на престол Европа не доставляла Византии серьезных проблем. Одна молниеносная кампания обеспечила покорение печенегов; половцы в основном проявляли спокойствие; сербы были слишком разобщены между собой, чтобы тревожить соседей; венгры оказались

всецело заняты Далматинским побережьем, которое, хотя формально и являлось византийским, давно уже было оставлено венецианцам. Папа и император «Священной Римской империи» постоянно боролись друг с другом за верховенство на Западе. Малоспособный сын Робера Гвискара Роже Борса и столь же беспомощный его сын Вильгельм ввергли герцогство в состояние хаоса. Правда, двоюродный брат Борсы, граф Сицилийский Рожер, в довольно короткий срок сделал себе имя, но в настоящий момент не представлял угрозы для Византии.

Таким образом, Иоанн мог сосредоточить все свое внимание на Малой Азии, где империя контролировала северное, западное и южное побережья, а также территорию, ограниченную условной изломанной линией, идущей от устья реки Мендерес до юго-восточной оконечности Черного моря. К юго-востоку от этой линии располагались турки, большей частью подданные сельджукского султана Икония. Но в последние годы начала поднимать голову новая тюркская династия Данишмендиды, эмир которой, Гази II, правил на пространстве от реки Халис до Евфрата. Имелось также множество кочевых тюркских племен, которые фактически делали что хотели, — так, они захватили византийский порт Атталию, которая ныне была достижима только со стороны моря. Именно эти племена явились целью первой военной кампании Иоанна — в результате жизненно важные сухопутные связи с Атталией были восстановлены. Иоанн вместе с Аксухом вернулись на берега Босфора, весьма удовлетворенные проделанной работой.

В 1122 г. возникли трения в отношениях с Венецией, спровоцированные Иоанном. Во время правления Алексея республика была самым близким союзником империи; для того чтобы расположить к себе венецианцев, василевс в 1082 г. не колеблясь отменил для них таможенные пошлины и даровал им такие торговые привилегии, какими не пользовался никто из иностранцев; венецианский квартал на берегу Золотого Рога разросся до такой степени, что это начало вызывать возмущение со стороны византийцев. И вот когда только что избранный дож Доменико Микель попросил у Иоанна формального подтверждения всех старых привилегий, император отказался наотрез. Венецианцы пришли в ярость, и 8 августа 1122 г. флагманский корабль дожа отплыл

из венецианской лагуны — за ним в кильватере следовало 71 военное судно. Целью флотилии была крепость на острове Корфу, которая успешно выстояла в ходе шестимесячной осады. Но на протяжении следующих трех лет венецианцы продолжали проявлять активность в Восточном Средиземноморье, захватив Родос, Хиос, Самос, Лесбос и Андрос, а когда в начале 1126 г. они направили войска для взятия Кефалонии, Иоанн счел, что с него уже достаточно. Агрессия стоила ему намного дороже тех коммерческих привилегий, в которых он отказал венецианцам. В августе василевс зажал свою гордость в кулак и восстановил им все преференции.

В 1130 г., когда император вновь обратил свое внимание на Восток, ситуация там серьезно ухудшилась. Эмир Гази являлся теперь самым грозным правителем в Малой Азии, и в период с 1130 по 1135 г. Иоанн осуществил пять экспедиций против него. Военный успех был столь велик, что в 1133 г. император триумфально вступил в столицу — в традиционной уже манере. Правда, с учетом непростых времен, переживаемых государством, церемониальную колесницу императора, запряженную четверкой белоснежных коней, украсили серебром, а не золотом, но улицы были декорированы, как и всегда в подобных случаях, камкой и парчой, а из окон домов свисали дорогие ковры. На всем пути от сухопутных стен до собора Св. Софии установили трибуны, с которых народ радостно приветствовал торжественную процессию; император шел пешком и нес крест. Подобно тому как это раньше делал Цимисхий, Иоанн отказался садиться в колесницу, предоставив почетное место иконе Богородицы, которая сопровождала императора во всех его кампаниях.

На следующий год василевс опять пошел в поход; там к концу лета его застала новость о смерти эмира Гази, и в начале 1135 г. император вернулся в столицу. За пять лет он отвоевал территории, которые Византия утратила более чем за полвека. Турки не были разбиты полностью, но стало очевидным, что к новым наступательным действиям они перейдут не скоро. Иоанн теперь собирался выступить против двух христианских государств, занимавших территорию, которую он считал имперской: армянского царства Киликия и норманнского княжества Антиохия.

Однако руки у Иоанна пока были развязаны не полностью. У него имелся еще один потенциальный враг, которого следовало нейтрализовать в первую очередь. В 1130 г. граф Сицилии был коронован как король Рожер II. С этого момента стало неуклонно расти его могущество и влияние; помимо всего прочего, он мечтал о завоеваниях чужих земель. В частности, Рожер зарился на государства крестоносцев. Будучи двоюродным братом Боэмунда, он имел серьезные притязания на Антиохию. А торжественно заключенное в 1113 г. бракосочетание его матери Аделаиды с Балдуином I означало, что, если этот брак окажется бездетным — а учитывая возраст супругов подобное следовало предполагать, — корона Иерусалима перейдет к Рожеру. Но Балдуин, потратив огромное приданое Аделаиды, брак аннулировал и отослал бывшую жену назад, на Сицилию. Такое оскорбление Рожер вряд ли забыл и, конечно, имел виды на Иерусалим. Рожер II пока ничего не требовал от Византии, но Роберт Гвискар и Боэмунд поначалу тоже не предъявляли империи никаких претензий.

И вот в начале 1135 г. Иоанн направил послов к главе Западной империи Лотарю; осенью между императорами было заключено соглашение. В обмен на финансовую поддержку со стороны Византии Лотарь обязался весной 1137 г. предпринять масштабный поход с целью сокрушить короля Сицилии. Обеспечив, таким образом, надежную защиту тылов, Иоанн мог наконец выступить на Восток.

История армянского поселения в Киликии, регионе, протянувшемся от южного побережья Анатолии до гор Тавр — примерно от окрестностей Аланьи до Александреттского залива, — восходит к XI в., когда Василий II и его преемники предложили армянским князьям обширные территории от Севастии до Евфрата. Около 1070 г. начало понемногу осуществляться переселение из армянского высокогорья, отличавшегося суровыми климатическими условиями, в более теплые и плодородные области юга. После Манцикерта это переселение сделалось сравнимым с настоящим половодьем, и появился ряд полунезависимых княжеств. Но они не просуществовали долго — были ликвидированы государствами франков-крестоносцев. И все же одно

семейство оказалось достаточно хитрым и изворотливым, чтобы остаться на плаву. Некий Рубен основал свою резиденцию в горах Тавр в 1071 г. Его внук Лев в 1129 г. встал у руля государственного образования, в те времена носившего название Малая Армения, и три года спустя приступил к осуществлению амбициозной экспансионистской программы. Однако ранней весной 1137 г. он получил известие, что Иоанн Комнин выступил против него в поход.

Император привел с собой не только старую испытанную армию, но также несколько новых отрядов, в составе которых находились печенег, турки и, возможно, даже армяне — дело в том, что Рубениды были не более популярны среди соплеменников, чем крестоносцы. Лев не сдался, но отошел с двумя сыновьями в глубь Тавра, Иоанн не стал преследовать его, а повел войска через города Исс и Александретту и 29 августа выстроил свою армию перед Антиохией.

Город уже длительное время переживал состояние кризиса. Восемнадцатилетний Боэмунд II, прибывший в 1126 г. из Апулии, менее чем через четыре года был убит, оставив после себя двухлетнюю дочь Констанцию. Его вдова Алиса, дочь Балдуина Иерусалимского, по идее должна была бы дожидаться решения своего отца, выступавшего ее номинальным сюзереном, относительно кандидатуры преемника на место антиохийского правителя, однако объявила себя регентом. И когда Балдуин прибыл в Антиохию, чтобы урегулировать ситуацию должным образом, городские ворота перед ним закрылись. Когда ему наконец удалось прорваться в город, он отправил свою дочь в ссылку в Ладонию и сам присвоил себе регентские функции, которые после его смерти в 1131 г. перешли к его зятю и преемнику Фульку, графу Анжуйскому, мужу самой старшей дочери Балдуина Мелисенды. Четыре года спустя Фульк позволил Алисе вернуться, и она незамедлительно направила посланника в Константинополь с предложением обвенчать ее дочь Констанцию (которой исполнилось семь лет) с самым младшим сыном императора Мануилом.

Подобный альянс был бы отличным вариантом для Антиохии, но местным франкам не понравилась идея брака Констанции с греком, и Фульк предложил кандидатуру младшего сына

герцога Вильгельма IX Аквитанского, Раймунда де Пуатье, который прибыл в Антиохию в апреле 1136 г. Согласия Алисы легко добился патриарх Радульф, сказав ей, что этот красивый молодой принц приехал просить ее руки. Алиса, которой не исполнилось еще и тридцати лет, с восторгом приняла предложение о браке и немедленно отправилась в свой дворец готовиться к прибытию жениха. Констанция же в это время была увезена в собор, где патриарх на скорую руку обвенчал ее с Раймундом. Поставленная перед лицом свершившегося факта, мать Констанции в безутешном горе вернулась в Лаодикию, где вскоре умерла.

Когда византийские метательные машины начали обстреливать Антиохию, многие из ее жителей, вероятно, пожалели о том, что брак Констанции с Мануилом не состоялся; Раймунд, видимо, испытывал схожие чувства. Жизнь в его новом княжестве и в малой степени не обладала той утонченностью и изысканностью, к которым он привык в Европе. Раймунд страдал от скуки и одиночества — малолетняя жена ничего не могла предложить ему, мужчине почти на тридцать лет старше ее. Через несколько дней он направил Иоанну послание: если Раймунд признает императора своим верховным правителем, то сможет ли он, Раймунд, взамен занимать положение византийского наместника? Когда Иоанн принялся настаивать на безусловной сдаче, Раймунд сообщил, что должен сначала спросить совета короля Иерусалимского. Король Фульк в своем ответе руководствовался собственными интересами. Атабег* Мосула Имадеддин Зенги день ото дня становился все сильнее и к этому времени уже являл собой серьезную угрозу государствам крестоносцев; зачем же было восстанавливать против себя единственную державу, способную сдерживать его агрессию? Кроме того, если принесение в жертву Антиохии способно предотвратить дальнейшее продвижение Иоанна на юг, то не следует ли отдать ему это княжество? И король написал: Антиохия исторически являлась частью империи, и соответственно все притязания, выдвигаемые в отношении ее императором, совершенно обоснованы. В результате Антиохия капитулировала, а Иоанн проявил свое обычное ве-

* Атабег — титул главы княжества в некоторых странах Ближнего Востока в XII—XIII вв.

дикодушие — потребовав от Раймунда клятвы вассальной верности, что обеспечивало князю известную свободу управления в городе. Затем Раймунд взял на себя обязательство отдать Антиохию Иоанну, если василевс в ходе грядущей военной кампании сможет отвоевать Алеппо, Шайзар, Эмесу и Хаму и отдаст их Раймунду в вечное ленное пользование.

В первой половине сентября победоносная армия снялась с лагеря — Иоанн решил закончить свои армянские дела. Уже через несколько недель все князья из династии Рубенидов находились под надежной охраной в константинопольской тюрьме.

Теперь император имел полную возможность приступить к выполнению следующей стадии составленного плана: объединить свои вооруженные силы с отрядами крестоносцев-вассалов, направив их против арабов Сирии. В марте 1138 г. Иоанн вернулся в Антиохию, где к ним с Раймундом присоединился отряд рыцарей-тамплиеров и войско, находящееся под командованием Жоселина II де Куртене, графа Эдесского. Жоселин, которому исполнилось двадцать четыре года, не внушал ни симпатии, ни доверия. Лживый и похотливый, он являл собой полную противоположность тому образу крестоносца, который сложился в народе. И вот с Раймундом и Жоселином, двумя исключительно ненадежными союзниками, Иоанн выступил в новый поход. Оставив в стороне Алеппо, он направился к городу Шайзару, опорному пункту, позволявшему контролировать долину реки Оронт в ее среднем течении, что было очень важно для блокирования продвижения Зенги. Армия окружила крепость, и началась осада.

Увы, ни Раймунд, ни Жоселин не проявили должной воли к борьбе. Раймунд знал, что если император осуществит все свои экспансионистские планы, то, по условиям недавнего соглашения, обменяет новые завоевания на Антиохию, которую князь покидать совсем не хотел. Раймунд не слишком активно вел военные действия, а интриган Жоселин, ненавидевший Раймунда, не упускал возможности возбуждать в нем всяческие подозрения и недоверие к императору.

Между тем к месту их дислокации приближался Зенги. Будь Иоанн Комнин предоставлен самому себе, наверняка разгромил бы противника, для чего требовались быстрые наступательные

действия. Но в данном случае стремительно атаковать Иоанн не мог — ему пришлось бы оставить уже развернутые осадные орудия франкам, которым он не доверял. В этот момент пришло сообщение от эмира Шайзара: он соглашался признать Иоанна своим верховным правителем, выплачивать ежегодную дань и преподнести дары — в частности крест, который был отобран у Романа Диогена во время сражения при Манцикерте. Иоанн снял осаду и направился в сторону Антиохии.

Иоанн торжественно вступил в город вместе со своими сыновьями. Император был встречен у городских ворот патриархом, после чего проехал на коне по украшенным улицам. Князь Антиохии и граф Эдессы сопровождали его пешим шагом. После торжественного богослужения в соборе Иоанн проследовал во дворец, который намеревался сделать своей резиденцией, и послал за Раймундом, Жоселином и самыми влиятельными латинскими баронами. Он сказал им, что война не закончена, а планирование новых военных походов теперь будет осуществляться в Антиохии, посему необходимо, чтобы город перешел непосредственно под контроль императора.

Ответ князя не дошел до нас; Жоселин же попросил время для Раймунда и его советников, чтобы они могли обдумать услышанное. Затем, выскользнув из дворца незамеченным, Жоселин повелел своим людям распространить среди латинян слухи, будто император распорядился немедленно выслать их из города, — так де Куртене настраивал латинян против сограждан-греков.

Уже через час разгорелся мятеж, и Жоселин поскакал во дворец, где заявил, что его едва не растерзала разъяренная толпа. Для Иоанна важно было любой ценой предотвратить кровопролитие; к тому же его армия стояла лагерем в миле от города, за рекой, так что сам он находился в крайне уязвимом положении. Иоанн сказал Раймунду и Жоселину, что на данный момент он будет удовлетворен, если они повторят клятву верности, после чего вернулся в Константинополь.

История последней сирийской кампании, проведенной Иоанном в 1142 г., не требует долгого рассказа. За прошедшие четыре года латинские князья в этом регионе упустили все представлявшиеся им возможности. Они не только не добились ни-

каких новых успехов в борьбе с сарацинами — латинянам не удалось даже сохранить прежние завоевания, сделанные Иоанном; почти все эти территории оказались вновь в руках мусульман. Надо было спасать ситуацию.

Иоанн выступил весной — вновь с четырьмя своими сыновьями. Путь его войска лежал на Атталию, находившуюся на южном побережье. Там и случилась трагедия. Старший сын Иоанна Алексей, признанный престолонаследник, умер от лихорадки. Император, очень любивший его, повелел второму и третьему сыновьям, Андронику и Исааку, сопровождать тело брата в Константинополь морским путем, и в дороге Андроник, заразившийся, предположительно, тем же самым вирусом, также умер. Этот двойной удар совершенно разбил сердце Иоанна, но он продолжил свой путь через Киликию — и дальше на восток. 25 сентября василевс направил послание Раймунду, требуя немедленной сдачи Антиохии.

Тот ответил, что должен посоветоваться с вассалами, но те высказались отрицательно. Они указали, что Раймунд не имел права распоряжаться собственностью своей жены. Любая попытка отдать Антиохию привела бы к немедленному низвержению с трона и его самого, и Констанции.

Для императора это могло означать только начало войны. Но на подходе была зима, и он решил отложить наступление до весны. Император вернулся в Киликию, где намеревался провести ближайшие месяцы, готовясь к военной кампании. Увы, все эти приготовления оказались напрасны. В марте 1143 г. император охотился в окрестностях города Аназарва, и стрела случайно ранила его в руку. Началось заражение крови, и вскоре стало ясно, что смерть неминуема. Как и всегда, сохраняя голову холодной и проявляя абсолютное спокойствие, император занялся вопросом престолонаследия. Из двух его сыновей, которые остались в живых, старший, Исаак, находился еще в Константинополе, а младший, Мануил, был рядом с Иоанном.

В Пасхальный понедельник император созвал совет, чтобы объявить имя преемника. Иоанн сказал, что оба его сына обладают прекрасными человеческими качествами и он любит их обоих. Однако Исаак склонен к проявлению гнева, тогда как Мануил по характеру мягче и способен внимательно выслуши-

вать советы. Поэтому именно Мануил должен наследовать престол. Повернувшись к сыну, стоявшему на коленях подле отцовского ложа, Иоанн возложил ему на голову императорскую диадему и накинул на плечи пурпурную мантию.

Иоанн прожил еще три дня. Его смерть 8 апреля 1143 г. была благочестивой, должным образом подготовленной и упорядоченной — как и его жизнь. Будь ему даровано еще несколько лет, он бы, несомненно, расширил влияние Византии в регионе и раздвинул ее границы, присоединив, в частности, сирийские земли. Он мог бы даже в значительной степени устранить тот ущерб, который был нанесен державе при Манцикерте. Умерев в пятьдесят три года, Иоанн оставил свою работу незаконченной, однако он мог утешиться тем, что сын Мануил — преемник достойный.

21

Мануил Комнин (1143—1180)

Мануил Комнин был провозглашен василевсом своим отцом, но это еще не означало, что вопрос о его восшествии на престол гарантированно решен. Императорами становились в Константинополе; Мануил же пока находился в киликийской глуши. Ясно было, что ему надлежит вернуться в столицу как можно скорее; с другой стороны, на нем лежали сыновние обязанности. На том месте, где скончался Иоанн, следовало заложить монастырь; затем надо было организовать доставку тела Иоанна в Константинополь для захоронения. Мануил немедленно послал Аксуха в Константинополь, пожаловав ему титул регента и отдав распоряжение арестовать своего самого опасного соперника, брата Исаака. Тот хотя и был обойден вниманием своего отца при решении вопроса о престолонаследии, но жил в Большом дворце и имел прямой доступ к государственным финансам.

Аксух прибыл в столицу еще до того, как туда дошли известия о смерти императора. Он приказал схватить Исаака и на всякий случай распорядился также заключить под стражу другого Исаака, брата Иоанна II, который находился в ссылке за участие в заговоре против василевса.

Источником возможных беспокойств оставался патриархат, на тот момент не имевший главы. Аксух собрал церковных иерархов во дворце и представил им официальный документ, согласно которому собору Св. Софии ежегодно будет выплачиваться субсидия в двести серебряных монет. Клирики приняли известие с благодарностью, заверив Аксуха, что никаких проблем с коронацией не возникнет. (Они, правда, не знали, что в мантии

Аксуха имелся еще один документ — на крайний случай, — в котором обещалась субсидия в двести золотых монет.)

Первое, что сделал Мануил, когда наконец в середине августа прибыл в столицу, это назначил нового патриарха — Михаила Куркуаса, а тот в свою очередь короновал нового императора. Несколько дней спустя Мануил приказал освободить обоих Исааков: более не было нужды их опасаться, поскольку теперь его положение стало прочным.

При взгляде на Мануила Комнина прежде всего бросался в глаза его огромный рост. И еще по меньшей мере в двух аспектах он заметно отличался от своего отца. Во-первых, Мануил был очень красив; во-вторых, обладал шармом, тонким обхождением, любовью к удовольствиям и радостям жизни — все это резко контрастировало с суровостью и аскетизмом Иоанна. Но, как и его отец, Мануил проявил себя мужественным воином и великодушным наездником, хотя он и не мог по военному таланту сравниться со своим предшественником. Искусный дипломат и прирожденный государственный деятель, Мануил являлся типичным византийским интеллектуалом, весьма хорошо разбиравшимся в искусстве и науке, человеком, который любил погружаться в доктринальные вопросы, постоянно участвуя в разного рода спорах — не столько ради установления истины, сколько из любви к самим дискуссиям. В то же время Мануил постепенно становился все более непопулярной фигурой в глазах церкви, которая с недоверием относилась к его попыткам наладить контакты с Римом, порицала его частые тактические альянсы с сарацинами и совсем уж была возмущена, когда он не только пригласил сельджукского султана в Константинополь, но и позволил ему принять участие в торжественном мероприятии в соборе Св. Софии.

Но, вероятно, наибольшее негодование у церкви вызывала частная жизнь василевса. Пристрастие к женскому полу являлось доминирующей чертой в характере Мануила, и в обращении с прекрасными дамами он был неотразим. Вне всякого сомнения, его естественным наклонностям придавали дополнительный импульс наружность и характер его первой жены Берты Сульбахской, свояченицы избранного императора Западной империи Конрада. Берта, взявшая имя Ирина, была, согласно источникам,

«украшением своего тела озабочена меньше, чем облагораживанием своей души; отвергая пудру и румяна, она искала только ту прочную красоту, которая проистекает из сияния добродетели». Неудивительно, что Ирина никогда не вызывала симпатии ни у Мануила, ни у его подданных, которым казалась холодной и чопорной. Только в области дипломатии ей удалось продемонстрировать свои достоинства: исключительно велика ее роль в заключении союза между Мануилом и Конрадом во время визита последнего в Константинополь в 1148 г. В остальном жизнь Ирины тихо и незаметно протекала во дворце — она посвящала себя разного рода благочестивым занятиям и воспитанию двух дочерей.

Мануил Комнин взошел на византийский трон с чувством гнева в своем сердце: сразу после смерти его отца Раймунд Антиохийский принялся захватывать некогда принадлежавшие Византии города и замки в провинции Киликии. В начале 1144 г. Мануил направил десантную экспедицию на юго-восток. Замки были отвоеваны, окрестности Антиохии подвергнуты опустошению. Византийская флотилия прошла рейдом вдоль береговой линии княжества, уничтожая все франкские корабли, которые стояли на якоре; множество местных жителей было взято в плен.

Но еще до окончания года ситуация в Отремере кардинально изменилась: в канун Рождества Зенги захватил принадлежавшее крестоносцам Эдесское графство. Складывалось ощущение, что Антиохия будет следующей. Раймунду оставалось только отрицать свое самолюбие и обратиться за помощью к Мануилу. Сначала император вообще проигнорировал его просьбу, и только после того как Раймунд встал на колени перед гробницей Иоанна, Мануил неохотно пообещал регулярные субсидии. В прямой военной помощи он отказал.

На следующий год Зенги был убит пьяным евнухом, и государства крестоносцев оказались избавлены от своего самого грозного врага. Однако падение Эдесского графства ужаснуло весь христианский мир. Как подобное могло случиться? Может быть, все дело в том, что франки Отремера уже совершенно деградировали — как о них многие говорили — и были более недостойны в глазах Всевышнего охранять Святую землю?

Сами франки вполне понимали истинную причину своих военных неудач. Первая мощная волна крестоносного энтузиазма была уже исчерпана. Поток иммиграции постепенно превратился в ручеек; многие паломники приезжали невооруженными, а те, кто прибыл с мечом, как правило, считали поход протяженностью в одно лето более чем достаточным мероприятием. И вот к папе направилось посольство, обратившееся к нему с настоятельной просьбой — безотлагательно инициировать новый Крестовый поход.

Позиции самого папы Евгения III в то время были не слишком сильны. В обычной для средневекового Рима суматохе он оказался вынужден бежать из города через три дня после своего избрания и искать убежища в Витербо. Он был бы счастлив дать благословение Второму крестовому походу, но кто его возглавит? Короля Конрада в Германии захлестывало море внутривнутриполитических проблем; на английском короле Стефане был груз гражданской войны; о Рожере Сицилийском не стоило и говорить. Оставался только французский король Людовик VII. Хотя к тому времени ему исполнилось лишь двадцать четыре года, Людовик уже распространял вокруг себя ауру мрачной набожности, которая до крайней степени раздражала его красивую и веселую жену Элеонору Аквитанскую. По типу своей личности это был паломник; Крестовый поход он воспринимал как долг христианина, а кроме того, Элеонора была племянницей князя Антиохии! На Рождество 1145 г. Людовик объявил о своем намерении принять крест и послал за Бернаром, аббатом Клервоским.

Будущий святой Бернар Клервоский, которому к тому времени исполнилось пятьдесят пять лет, являл собой самую мощную духовную силу в Европе. Высокий и тощий, с чертами лица, затененными постоянной болью — следствие чрезмерного аскетизма и религиозного самоистязания, — он весь был снедаем ярчайшим духовным пылом, не оставлявшим места для терпимости или умеренности. Постоянно находящийся в движении, проповедующий, убеждающий, обсуждающий, спорящий, пишущий бесчисленные письма, намеренно ввергающийся в пекло любой острой полемики, он видел в новом Крестовом походе предприятие, созвучное его сердцу. На государственном собра-

нии, созванном королем на Вербное воскресенье 1146 г. в бургундском городке Везеле, Бернар с готовностью согласился встать во главе этого похода.

Магия имени Бернара всегда срабатывала безукоризненно: с приближением назначенного дня мужчины и женщины со всех уголков Франции начали стекаться в тот маленький городок. И там 31 марта 1146 г. с большого деревянного помоста, воздвигнутого на холме, Бернар произнес самую судьбоносную речь в своей жизни. По мере того как он говорил, люди, поначалу молчавшие, стали просить матерчатые кресты, чтобы нашить их на свою одежду. Стопки крестов были уже заранее приготовлены; когда запас иссяк, аббат сорвал с себя сутану и начал рвать ее на полоски, чтобы наделать еще крестов. Уже настала ночь, а он со своими помощниками все еще продолжал пришивать кресты.

У Мануила Комнина, который вполне представлял себе, каким кошмаром явился Первый крестовый поход для его деда полвека назад, не было ни малейшего желания принимать непрошенных гостей. Мануил распорядился приготовить еду и разного рода припасы для крестоносных армий, но подчеркнул, что все должно быть оплачено, а военачальники обязаны и на этот раз принести клятву феодальной верности императору.

Возможно, василевс еще питал какие-то слабые надежды относительно качественного состава нового крестоносного воинства, но они вскоре были разбиты. Германская армия во главе с королем Конрадом Гогенштауфеном, выступившая из Ратисбона в мае 1147 г., оказалась весьма разношерстной, в ее рядах можно было найти самые разные категории населения: от религиозных фанатиков до сброда никчемных бездельников и беглецов от правосудия, которых, как и всегда раньше, привлекало обещание амнистии. Едва это войско вступило на византийскую территорию, как тотчас приступило к грабегам, изнасилованиям и даже убийствам — все зависело от настроения крестоносцев в конкретный момент. Стали донельзя частыми стычки между ними и военным конвоем, который Мануил позаботился им предоставить. И когда армия в середине сентября достигла Константинополя, отношения между немцами и греками были хуже некуда.

Меньшая по численности французская армия, возглавляемая королем Людовиком, вела себя более прилично. Присутствие немалого количества знатных дам, сопровождавших своих мужей, в том числе королевы Элеоноры, оказывало на крестоносцев умиротворяющее воздействие. Балканское крестьянство, однако, было настроено к пришельцам уже крайне враждебно и запрашивало невообразимую цену за те немногочисленные запасы продовольствия, которые остались после прохождения немецкого войска. В результате французы стали злиться как на немцев, так и на греков, а когда 4 октября они прибыли в Константинополь, их шокировало известие о том, что император заключил перемирие с турками.

Конечно же, он был прав. Крестоносные армии являли собой гораздо большую опасность, чем мусульмане. Император был в курсе того, что французские и немецкие экстремисты готовили совместную атаку на Константинополь. Он намеренно распустил слухи о подходе к Анатолии огромных турецких сил и дал понять франкским военачальникам, что если они не поторопятся пройти на анатолийскую территорию, то, возможно, им вообще не удастся этого сделать. Император предоставил крестоносцам провизию и проводников, предупредил о нехватке воды и посоветовал держаться береговой линии, пока еще находившейся под византийским контролем. Это все, что он мог для них сделать.

Распознавшись с крестоносцами, император получил через несколько дней два сообщения: турки захватили врасплох и практически уничтожили немецкую армию вблизи Дорилея; флотилия короля Рожера Сицилийского под командованием Георгия Антиохийского, грека-рenegата, получившего почетнейший титул Сицилии «эмир эмиров» и должность верховного министра королевства, держит курс на Византию. Сицилийцы без всяких усилий захватили Корфу и поставили там гарнизон, затем совершили рейды на Афины и Коринф. Они проникли в глубь материка до самых Фив — крупнейшего центра производства шелка в Византии. Там, наряду с бесчисленными тюками парчи, Георгий захватил квалифицированных работников и привез их в Палермо.

Сообщения об опустошениях, совершенных сицилийцами, привели Мануила в ярость, да и известие о том, что их адмирал

был греком, едва ли могло смягчить его гнев. Рожера надлежало навсегда изгнать из Средиземноморья. Проблема заключалась в том, чтобы найти подходящих союзников. Ввиду того что Францию и Германию уже можно было сбросить со счетов, мысли Мануила обратились к Венеции. В марте 1148 г. Византии взамен за выросшие торговые привилегии была обещана полная поддержка венецианского флота в течение шести месяцев.

В апреле огромный экспедиционный корпус византийцев был готов выступить, командовать им собирался сам Мануил. Но все планы оказались расстроены. Половцы прорвались на византийскую территорию; произошла задержка с выходом венецианского флота ввиду кончины дожа; кроме того, разыгравшиеся в море штормы препятствовали судоходству. Лишь с окончанием осени две венецианские эскадры начали блокаду Корфу. Мануил между тем направился наземным путем к Фессалоникам, где его ожидал важный гость. Конрад Гогенштауфен только что вернулся из Святой земли. Второй крестовый поход потерпел фиаско.

Ситуация развивалась следующим образом. Конрад вместе с горсткой выживших после сражения при Дорилее немецких крестоносцев продолжил путь в компании французов в сторону Эфеса, где вдруг заболел. Мануил приплыл на корабле из Константинополя и отвез Конрада в столичный дворец, где его и выходили. Затем в марте 1148 г. Мануил предоставил Конраду корабли, которые должны были доставить его в Палестину. Французы же в это время осуществляли тяжелейший переход через Анатолию. Хотя Людовик и проигнорировал совет императора держаться побережья, он был склонен приписывать каждую новую стычку с тем или иным врагом византийскому вероломству, и в нем быстро развилось почти психопатическое чувство ненависти к грекам. В конце концов Людовик сел в Атталии на корабль, на котором и продолжил путь в Святую землю, предоставив своим воинам вести дальнейшие боевые действия так, как они считают нужным. Только к Пасхе 1148 г. разрозненные части некогда великого войска достигли Антиохии.

Но это было только начало. Алеппо, основное средоточие мусульманских сил, ныне управляемый сыном Зенги Нуреддином — еще более грозным и могущественным, чем отец, — являл-

ся первоочередной целью крестоносцев, и Раймунд настойчиво склонял Людовика к тому, чтобы он незамедлительно повел наступление. Людовик ответил, что сначала должен помолиться у Гроба Господня. В это время королева Элеонора, чьи отношения с Раймундом вышли за рамки дружеских, заявила о намерении остаться в Антиохии и добиваться развода с Людовиком. Тот, не обращая на это внимания, повез ее в Иерусалим — они прибыли туда в мае, вскоре после Конрада. Элеонора, появляясь на людях вместе с французским королем, выглядела подавленной и не размыкала уст. Там они пробыли до 24 июня, когда состоялось общее собрание крестоносцев, на котором было вынесено решение о согласованной атаке на Дамаск — центр единственного крупного арабского государства, враждебного Нуреддину, а потому являвшегося потенциальным союзником христианских сил. Атакуя его, они толкали арабов в объятия Нуреддина, обеспечивая, таким образом, собственное поражение. Подойдя к Дамаску, рыцари обнаружили, что его стены очень прочны, а защитники города настроены весьма решительно. 28 июля, всего лишь через пять дней после начала похода, крестоносцы отступили. Некогда славная армия проиграла всю кампанию после четырех дней боев, не отвоевав ни пяди мусульманской территории.

Людовик не спешил возвращаться во Францию. Его жена была решительно настроена разводиться, и короля страшили сопутствующие этому делу тревожения. 8 сентября Конрад сел на корабль, направлявшийся в Фессалоники, и оттуда император уже во второй раз доставил его в Константинополь. К этому времени оба они уже стали близкими друзьями. Мануил был очарован западной культурой, Конрад же, со своей стороны, совершенно подпал под обаяние принимавшего его хозяина дворца. На Рождество в этом же году племянница Мануила Феодора вышла замуж за брата Конрада Генриха, герцога Австрийского, и оба правителя договорились в ближайшее время организовать поход в Южную Италию. Достижения этой военной кампании были невелики, но она стала единственным положительным результатом Второго крестового похода, во всех остальных отношениях явившегося позором для христианского мира.

Распрощавшись с Конрадом, Мануил направился к своим войскам, находившимся вблизи острова Корфу, осада которого

продолжалась уже на протяжении целой зимы. Но лишь в сентябре 1149 г. гарнизон сдался. Император предложил Конраду встретиться теперь в Италии, однако ему пришлось ждать, пока улучшится погода, а за это время пришло известие о крупном мятеже, поднятом сербами. Он также узнал, что Георгий Антиохийский привел флотилию из 40 судов к самым стенам Константинополя и даже прошел еще некоторое расстояние вверх по Босфору, разграбив ряд богатых вилл на побережье и вдобавок нахально выпустив несколько подожженных стрел в сад, разбитый перед дворцом. Это явилось оскорблением, которое император никогда уже не сможет забыть. Однако сербское восстание представлялось делом гораздо более серьезным, особенно если, как предполагал Мануил, за ним стоял король Сицилии. Император не знал, что Рожер организовал подобный же заговор против Конрада, профинансировав союз немецких князей, возглавляемый графом Баварским Вельфом, заявившим о себе как о серьезном сопернике германского короля в борьбе за императорский трон. Таким образом, король Сицилии противостоял двум союзным империям, фактически сковав действия обеих. Беспринципный авантюрист по меньшей мере являлся достойным противником.

Между тем 29 июля 1149 г. Людовик и Элеонора прибыли морским путем в Калабрию из Палестины и направились далее в Потенцу, где их ожидал Рожер. Совсем недавно Людовику довелось встретиться с греческими пиратами, в результате чего он потерял нескольких приближенных и почти весь багаж, и король почти совершенно убедил себя в том, что единственный, кто несет ответственность за провал Крестового похода, — это Мануил Комнин. И он с полной готовностью воспринял предложение короля Сицилии о создании союза против Византийской империи. Рожер заявил, что разделяет мнение Людовика о том, что Мануил заранее выдал туркам всю информацию о Крестовом походе — который, таким образом, был обречен еще с самого начала. Следовательно, нужно обязательно уничтожить Мануила. Тогда и только тогда они могли начать победоносный третий поход, с тем чтобы загладить позор второго.

Это предложение было глубоко лицемерным. Короля Сицилии нисколько не беспокоили христиане Отремера. Рожер-в гораз-

до большей степени предпочитал арабов, которые составляли значительную часть сицилийского населения и занимали большинство чиновничьих постов в его королевстве, да и на арабском языке он говорил превосходно. Однако у него были притязания на Антиохию и Иерусалим; да и если бы Рожер не предпринял активных действий против Мануила, то император сам бы пошел в наступление против него.

Когда Людовик отправился в Тиволи, чтобы разузнать мнение папы, Евгений выказал полное равнодушие: он не хотел усиливать позиции вредоносного Рожера. Но другие ведущие клирики, включая Бернара Клервоского, проявили энтузиазм по поводу этого начинания. После того как король вернулся в Париж, главным поборником нового Крестового похода стал Сугерит, аббат Сен-Дени.

План провалился из-за Конрада. Он имел сильные подозрения, что Рожер финансировал Вельфа Баварского. А императору Мануилу Конрад доверял и не хотел разрушать их союз.

В 1150 г. был разгромлен Вельф, а в следующем году той же участи подверглись сербы и венгры. Наконец-то вооруженные силы двух империй могли двинуться в Южную Италию. Поддержку им пообещала Венеция. Даже папу Евгения союзникам удалось склонить на свою сторону. Для Рожера будущее начинало выглядеть все более мрачным.

Но 15 февраля 1152 г. Конрад умер в возрасте пятидесяти девяти лет в Бамберге. В последнем наставлении своему племяннику и преемнику Фридриху Швабскому — известному в истории под именем Барбаросса — содержался призыв продолжить его военно-политический курс. Фридриха не надо было об этом особо и просить. Но процесс престолонаследия не оказался гладким, и военные походы он решил на некоторое время отложить. В чем Фридрих расходился со своим дядей, так это в вопросе об отношениях с Византией. Сама мысль о том, чтобы делить с ней спорные земли Южной Италии — не говоря уж об их уступке, — была совершенно неприемлемой. Не прошло и года с момента его восшествия на престол, как он подписал с папой договор, в соответствии с которым отвергалась передача Византии какой бы то ни было итальянской территории.

8 июля 1153 г. папа Евгений скончался в Тиволи, по нему был устроен большой траур, его искренне оплакивал народ. По-

добного нельзя сказать о Бернаре Клервоском, следовавшем за ним в могилу шесть недель спустя. Второй крестовый поход, который он возглавлял, привел к самому сильному унижению христианства за весь период Средневековья. Многие считали его великим человеком, но не многие назвали бы его притягательной личностью, внушающей к себе любовь.

26 февраля 1154 г. в Палермо умер король Рожер. Его сын и преемник, известный как Вильгельм Злой, совершенно не заслужил подобного прозвища; это был ленивый и охочий до удовольствий человек, в весьма малой степени обладавший умом и военно-политическим талантом своего отца.

Следующий в этой череде смертей стала кончина преемника Евгения, Анастасия IV, на смену которому пришел человек совершенно иного калибра: Адриан IV, единственный англичанин, когда-либо носивший папскую тиару. Родившийся около 1115 г. Николас Брейкспир, будучи еще студентом, совершил путешествие в Рим, где его красноречие и редкие способности привлекли внимание папы Евгения, после чего он быстро пошел в гору. Избрание Адриана оказалось ничуть не преждевременным: не прошло и шести месяцев, как Фридрих Барбаросса прибыл в Италию и потребовал короновать его.

Фридриху к тому времени исполнилось тридцать два года. Он был высокий широкоплечий человек, скорее привлекательный, чем красивый. Его глаза так зажигательно сверкали, что постоянно казалось, будто он вот-вот рассмеется. Но под беззаботной внешностью Фридриха скрывалась стальная воля, направленная на одну цель: возвращение Западной империи ее бывшего величия. Прибыв в начале 1155 г. на север Италии, он пришел в ярость, повсеместно обнаружив проявление республиканских настроений, и решил явить демонстрацию силы. Милан оказался для него слишком крепким орешком, и Фридрих взялся за его союзницу Тортону. Король занял город после двухмесячной осады и не оставил от него камня на камне.

Отпраздновав Пасху в Павии, Фридрих затем прошел с войском по Тоскане с такой скоростью, что вызвал серьезное беспокойство у римской курии. Адриан решил выехать ему навстречу для переговоров, и деятели сошлись 9 июня вблизи города Сутри. Встреча не имела успеха. Согласно заведенному обычаю

король должен был приблизиться к папе пешком, последние несколько ярдов вести коня под уздцы, а в момент встречи поддерживать стремя папы, когда тот спешил. Ничего этого Фридрих делать не стал, заявив, что не является папским конюхом. Адриан ответно отказался даровать ему традиционный поцелуй мира. Здесь папа был вынужден твердо держать марку, поскольку речь шла не о малозначительном протокольном пункте — Фридрих публично продемонстрировал неповиновение престолу понтифика, что било в самую сердцевину отношений между Западной империей и папством. В итоге сдался все-таки Фридрих: два дня спустя состоялась повторная церемония, и король сделал все, что от него требовалось. Адриан сел на приготовленный для этого случая трон; Фридрих опустил на колени и поцеловал папе ноги. Королю должным образом был дарован поцелуй мира.

Но дорога к императорскому трону для Фридриха на этом не закончилась. За период, прошедший с момента последней коронации, римляне возродили свой сенат, и делегация сенаторов, явившаяся к Фридриху, стала настаивать на том, чтобы он, прежде чем получить императорскую корону, внес плату *ex gratia** в размере 5000 фунтов золота. Фридрих отказался, и сенаторы молча удалились, но стало ясно, что коронацию ожидают серьезные трудности. И папа, и кандидат в императоры должны были действовать быстро.

17 июня, в субботу, на рассвете Фридрих въехал в Рим и направился прямо к собору Св. Петра, где папа, прибывший туда за час до короля, ожидал его. После наскоро проведенной мессы Адриан спешно прикрепил меч св. Петра к поясу Фридриха и возложил ему на голову императорскую корону. Император, не снимая короны, поехал в свой лагерь, стоявший за городскими стенами, папа же немедленно направился в Ватикан.

Не было еще девяти утра, сенаторы, в это время решавшие, как наилучшим образом предотвратить коронацию, слышали, что она уже проведена. Придя в крайнюю ярость, сенаторы призвали римлян братья за оружие. В своем лагере, разбитом за городом, немецкие солдаты также получили приказ готовиться к сражению. Во второй раз за этот день Фридрих вошел в Рим, но теперь на нем были доспехи. Уже наступила ночь, когда вой-

* *Ex gratia* — в знак признательности (*лат.*).

скам императора удалось наконец подавить мятеж. Почти 1000 римлян были убиты, еще 600 пленены. Сенат заплатил немалую цену за свое высокомерие, но император также недешево купил себе корону. Теперь ему оставалось только покинуть Рим и забрать с собой папу и его курию. Вскоре Фридрих уже держал путь в Германию, оставив Адриана, оказавшегося в политической изоляции и лишенного реальной силы, в Тиволи.

В результате всего произошедшего дела Мануила Комнина изменились кардинальным образом. Он не мог более ждать какой-либо помощи от Западной империи. За любое разделение итальянской территории следовало сражаться. Если бы немцы организовали поход против Вильгельма Сицилийского, то для Византии крайне важно было принять в нем участие, чтобы защитить свои законные права. В том случае, если немцы не стали бы ничего предпринимать в данном направлении, Мануилу следовало взять инициативу в свои руки.

К этому времени появились и хорошие новости: норманнские бароны в Апулии вновь были на грани восстания. Они всегда испытывали неприязнь к дому Отвилей, а смерть Рожера побудила их предпринять новую попытку избавиться от сицилийских оков. Но Фридрих не оказал баронам помощи, и они были готовы принять ее от Мануила.

А Мануил был готов эту помощь предоставить. Первым делом он приказал двум своим верховным военачальникам, Михаилу Палеологу и Иоанну Дуке, пройти через всю Италию, чтобы установить контакты с основными центрами сопротивления и скоординировать всеобщее восстание. Однако если бы выяснилось, что Фридрих еще находится на территории Италии, то полководцам следовало предпринять еще одну, последнюю попытку убедить его действовать совместно. По прибытии в Италию византийские посланники вскоре разузнали, что император находится в Анконе; там он с готовностью и принял их.

Фридрих направился на север крайне разгневанным. Он хотел немедленно повести армию против Вильгельма Сицилийского, но его хворые немецкие бароны не желали об этом даже слышать. Их довели до полного изнеможения солнце, насекомые и болезни. К своей досаде, ему пришлось сообщить византийским посланцам, что тем придется вести военную кампанию в одиночку.

Мануил не был чрезмерно обеспокоен этим известием. У него не имелось недостатка в потенциальных союзниках. К этому времени уже быстро набирало силу новое восстание под руководством Роберта, графа Лорителло. В конце лета 1115 г. тот встретился с Михаилом Палеологом в Виести. Соглашение было быстро достигнуто, после чего союзники приступили к совместному ведению военных действий. Их первой целью стал Бари. Греки, составлявшие большинство его населения, крайне негативно относились к палермскому правительству, и город пал почти в одночасье. Когда наконец появилась армия короля Вильгельма, по ней был нанесен сокрушительный удар под стенами города Андрии, а местное население тотчас же сдалось византийско-апулийским войскам. Для тех, кто продолжал сохранять верность сицилийской короне, будущее вырисовывалось чрезвычайно мрачным.

Находясь в Тиволи, а позднее в Тускуле, папа Адриан с удовлетворением наблюдал за всеми событиями. Он в гораздо большей степени предпочитал греков сицилийцам; определенно настало время заключать с византийцами союз. Обсуждение дел состоялось в конце лета, Адриан взял на себя обязательство собрать в Кампанье войско из наемников. 29 сентября он выступил на юг. Так, столетие спустя после разрыва отношений, император Византии заключил союз с папой римским. Изгнанные апулийские аристократы с радостью согласилась признать императора своим сюзереном взамен на его поддержку, и еще до конца 1156 г. вся Кампанья и большая часть Апулии оказались под греческой либо папской властью. С такими темпами можно было ожидать, что вскоре вся Южная Италия признает власть Константинополя. Как только Вильгельм будет повержен, Адриан, видя, что греки имеют успех там, где ничего не смогли сделать немцы, неизбежно признает превосходство византийского оружия и величайшая мечта Мануила — воссоединение Римской империи при верховенстве Константинополя — наконец осуществится.

Но Вильгельм совсем не собирался признавать свое поражение. Проиграв первый раунд, он освободился от своей обычной апатии, кровь взыграла. В начале 1156 г. сицилийская армия и флот встретились в Мессине, готовясь атаковать греков, сторон-

ников папы и мятежников одновременно с суши и моря. В апреле сицилийская армия переправилась на материк, в то время как флотилия двинулась через пролив, а затем повернула на северо-восток, к Бриндизи, осаду которого тогда держали византийцы. Теперь, когда началось наступление Вильгельма, греки обнаружили, что союзники начали покидать их. Наемники вполне предсказуемо выбрали момент наивысшего кризиса, чтобы потребовать совершенно нереальное увеличение платы; встретив отказ, они все разом исчезли. Роберт Лорителло дезертировал, и многие его соплеменники последовали за ним.

К тому же погиб Михаил Палеолог, а Иоанну Дуке пришлось столкнуться с неприятелем, имевшим огромный численный перевес. Вместе с другими уцелевшими византийцами и теми норманнскими мятежниками, которые не успели убежать, Иоанн был взят в плен. Сицилийцы реквизировали греческие суда вместе с большим количеством золота и серебра. За один этот день, 28 мая 1156 г., все достижения на итальянской территории, которых добились византийцы за весь предыдущий год, были сведены на нет.

Вильгельм обращался с греческими пленниками согласно военным законам, но по отношению к мятежным подданным не проявлял никакой пощады. Жителям капитулировавшего Бари дали ровно два дня для того, чтобы собрать свои пожитки; на третий день весь город был уничтожен, включая и городской собор. Только базилика Св. Николая осталась целой.

Стало ясно, что пришло время для радикальных изменений в имперской внешней политике. Мануил не мог вернуть утраченные итальянские провинции силой оружия, но Фридрих Барбаросса наверняка сможет низвергнуть Вильгельма с трона. В таком случае, если принять в расчет жгучее желание Фридриха объединить две империи, разве не естественно предположить, что он станет рассматривать Византию в качестве своей будущей цели? Выводы были очевидны: Вильгельм, будучи деятелем мелкого масштаба, намного предпочтительнее глобально мыслящего Фридриха. С первым следовало достичь определенной формы соглашения.

Летом 1157 г. Мануил направил в Италию нового эмиссара — Алексея, подающего большие надежды молодого сына ве-

ликого domestика Аксуха. Распоряжения, данные Алексею, как и те, что ранее были даны Михаилу Палеологу, заключались в установлении контактов с потенциальными мятежниками, наборе наемников и разжигании недовольства среди населения. Но имелось также и второе задание — установить с Вильгельмом тайные контакты и обсудить условия заключения мира. Две эти цели не были такими уж противоречащими друг другу, как это могло бы показаться: чем накаленнее будет обстановка в Сицилийском королевстве, тем более приемлемые для Византии условия выдвинет Вильгельм.

Алексей справился с обеими частями своей миссии с равным успехом. Через месяц-два после его прибытия в Италию Роберт Лорителло вновь занялся опустошением владений Вильгельма на севере, а другое повстанческое войско уже хозяйничало на капуанских землях и начало серьезно угрожать аббатству Монте-Кассино. У стен этого аббатства в январе 1158 г. мятежники даже нанесли серьезное поражение армии короля. А где-то в начале весны было заключено тайное соглашение с Вильгельмом. Норманнским баронам, неожиданно лишившимся византийских денежных средств, ничего не оставалось, кроме как покинуть недавно завоеванные территории и искать нового заступника.

Ко времени подписания мирного договора с Сицилией Мануил Комнин занимал византийский трон уже пятнадцать лет, и на протяжении всего этого срока ему приходилось лично ввязываться в разрешение спорных ситуаций во всех уголках империи. Единственный регион, которому Мануил не смог уделять достаточно внимания, был именно тот, в котором он начал свое правление, — Киликия, а также крестоносные государства Отремера. Осенью 1158 г. император выступил из Константинополя с целью навестить упущенное.

Мануил был страшно зол — и имел на то основания. В первую очередь его разгневала действия Фороса, самого старшего из выживших сыновей Льва Рубенида. Форос бежал из константинопольской тюрьмы в 1143 г., а в 1151 г. убил имперского наместника в Мамистре. Прошло семь лет, а он все еще оставался без наказанным.

Однако более серьезную проблему представлял Райнальд Шатильонский, князь Антиохийский. Младший сын незнатного

французского дворянина, Райнальд присоединился к Второму крестовому походу и затем решил остаться на Востоке. Там он мог бы прожить всю свою жизнь в безвестности, если бы не гибель Раймунда Антиохийского, который в 1149 г. оказался вместе с войском окружен силами эмира Нуреддина. Череп Раймунда, заключенный в серебряную оправу, был послан Нуредином в качестве подарка багдадскому халифу. Хотя после этой победы эмир не пошел далее маршем на Антиохию, было ясно, что вдове Раймунда Констанции следовало как можно скорее найти нового мужа. Она сама желала этого более всего — несмотря на то что у нее было уже четверо сыновей, ей исполнился только двадцать один год, — но лишь в 1153 г. вдова положила глаз на Райнальда.

С самого начала тот проявил себя ненадежным и безответственным человеком. Он обещал Мануилу взамен за признание должным образом наказать Фороса; вместо этого Райнальд все с тем же Форосом подготовил военную экспедицию против мирного, процветающего Кипра — там франки совместно с армянами предались такой оргии разрушений и осквернений, какой остров до сих пор еще не знал. Неудивительно, что император двинул армию на Киликию, преисполненный жажды отмщения.

Но если Мануилом владел гнев, то Райнальда охватила паника: имперская армия являлась слишком сильной, чтобы ей можно было сопротивляться. Единственная надежда заключалась в проявлении униженной покорности — и Райнальд пришел в лагерь императора одетый в дерюгу. Мануил согласился помиловать его на трех условиях. Антиохийская цитадель должна быть немедленно сдана; городу надлежит предоставить воинский контингент для византийской армии; вместо латинского патриарха следует поставить греческого. Только когда Райнальд дал клятву по всем трем пунктам, ему даровали прощение и отпустили.

Несколько дней спустя король Балдуин III прибыл из Иерусалима. Они с Мануилом никогда до сих пор не встречались, однако Балдуин недавно женился на тринадцатилетней племяннице императора Феодоре. К тому времени ему исполнилось тридцать лет, это был умный, просвещенный правитель, с Мануилом его сближало наличие редкого обаяния. Между королем и василевсом сразу же возникло взаимопонимание, и Балдуин с

удовольствием принял участие в церемонии вступления императора в Антиохию, состоявшейся в Пасхальное воскресенье, 12 апреля 1159 г. Празднования длились восемь дней. Мануил даже сделал жест в сторону франков: он организовал рыцарский турнир — вещь, неизвестную на Востоке, — во время которого, к ужасу своих подданных, лично принял участие в поединке. Мануил и Балдуин стали верными друзьями, и когда с последним на охоте произошел несчастный случай — он сломал руку, — василевс настоял на том, что сам будет лечить и выхаживать друга, как ранее это делал с Конрадом.

К тому времени, когда император покинул Антиохию, отношения между Византией и Отремером оказались настолько замечательными, каковыми никогда еще не были. Такими они могли бы и остаться, если бы Мануил двинулся теперь на Алеппо. Однако к нему явились послы Нуреддина: в обмен на перемирие эмир был готов освободить 6 000 000 пленных христиан и направить военную экспедицию против турок. Мануил принял это предложение и вернулся в Константинополь; его армия последовала за ним.

Легко можно представить реакцию франков. Как получилось, что император провел огромную армию через всю территорию Малой Азии и возвратился, не вступив в бой с врагом? Франки воздавали ему всевозможные почести, веря, что он уничтожит врага, угрожавшего их существованию. Вместо этого Мануил заключил сепаратный мир с врагом крестоносцев и оставил их на произвол судьбы.

Но какой бы роковой силой ни являлась Сирия для франков, для Мануила это была лишь одна из многих удаленных провинций. Он не мог позволить себе долго задерживаться в местах, расположенных в 500 милях от столицы, без особых на то оснований. Тем более что василевс получил сообщения о заговоре в Константинополе и проблемах на европейской границе. Во всяком случае, Нуреддин весьма удовлетворительным образом держал франков в страхе, а те оставались верными, только когда боялись. Да и сельджуки представляли собой намного большую опасность, чем атабег. В свете всех этих причин его предложение о союзе Мануил не мог отвергнуть.

Последующие события показали, что он был прав. Благодаря этому альянсу сельджукский султан Кылыч-Арслан II в 1162 г.

оказался вынужден заключить договор, согласно которому он возвращал все греческие города, захваченные в последнее время, запрещал своим войскам делать набеги на византийские территории и соглашался предоставить имперской армии отряд для любого похода. Для того чтобы скрепить соглашение, султан нанес государственный визит в Константинополь.

Император решил ослепить гостя внешним блеском. Ему было предложено сесть на трон, обшитый золотом, украшенный карбункулами, сапфирами и жемчугом. У императора на шее висел рубин размером с яблоко. В течение двухнедельного пребывания султана в столице дважды в день ему подносились еда и питье в золотых и серебряных сосудах — после трапезы все эти емкости немедленно передавались гостю в личную собственность. Одно за другим проходили различные увеселительные мероприятия — пиршества, конные соревнования, цирковые представления, состоялась даже грандиозная водная феерия, на которой были продемонстрированы все чудодейственные эффекты греческого огня. Представление, которое устроил султан, к сожалению, оказалось менее успешным. Один из членов турецкой свиты собрался совершить полет. Закутанный в одеяние, всецело состоящее из карманов — предполагалось, что находившийся в них воздух будет поддерживать тело в состоянии парения, — человек поднялся на высокий помост и прыгнул. Когда минутой позже упавшее тело унесли, народ, как повествуют источники, не мог сдержать смеха.

Византийские позиции на Востоке ныне были сильнее, чем когда-либо со времен Манцикерта. Султан был принижен, ата-бег — сильно запуган. Наземный путь в Палестину вновь открылся для паломников. Среди христиан недовольными были только жители Отремера.

Между тем в конце 1159 г. умерла императрица Ирина, оставив после себя только двух дочерей. Мануилу же крайне нужен был сын. Соответственно на Рождество 1161 г. он женился на Марии, восхитительной дочери Констанции Антиохийской и Раймунда де Пуатье.

Шесть месяцев спустя ее двоюродный брат Балдуин Иерусалимский скончался в Бейруте. Мануил плакал, получив это

известие. Балдуин был хорошим королем — возможно, даже великим, и являлся верным другом Мануилу — отнюдь не малая деталь, когда речь идет о правящих монархах.

Но случилась еще одна смерть королевской особы, получившая в мире гораздо больший политический резонанс: речь идет о короле Венгрии Гезе II. Она повлекла за собой спор о престолонаследии, который в свою очередь привел к войне. Боевые действия продолжались до 1167 г., когда одержанная Мануилом крупная победа обеспечила ему обладание Далмацией, Боснией и большей частью Хорватии. На Западе главным проигравшим стала Венеция, чью реакцию на аннексию Византией всего Далматинского побережья легко можно представить. Впрочем, венецианцы не были слишком сильно удивлены таким поворотом событий: их давно уже беспокоили усиливавшиеся позиции Генуи, Пизы и Амальфи в Константинополе, в былое время являвшемся эксклюзивной вотчиной для венецианских торговцев.

Но у Мануила имелись свои причины быть недовольным венецианцами. К тому времени в Константинополе проживало около 80 000 латинян, и все они обладали особыми привилегиями. Из них венецианцы составляли самую многочисленную колонию и пользовались наибольшим благоволением со стороны власти, и они же вызывали максимальное число нареканий. Мануил решил преподать им урок. В начале 1171 г. генуэзская колония в Галате* была атакована и почти полностью уничтожена. Ответственных за это так никогда и не нашли, но Мануил возложил вину на венецианцев и отдал приказ арестовать всех граждан Венеции, находившихся в Византии, а их суда и все имущество конфисковать. В одной только столице задержали 10 000 человек.

На Риальто** пришли в ярость. Аресты венецианцев произвели в один день во всей империи, и настолько четко и гладко, что не приходилось сомневаться — акция была давно и тщательно спланирована. Республика стала готовиться к войне. Населению объявили о принудительном займе; венецианцы, жившие за

* Галата — небольшой анклав для иноземных торговцев вблизи Константинополя; ныне квартал Стамбула.

** Риальто — главный остров Венеции; в Средние века — административный и торговый центр города.

границей, были вызваны на родину и зачислены на воинскую службу, и в сентябре дож Витале Микель направил флотилию из более чем 120 парусных судов против Восточной империи.

Однако на острове Эвбея имперские послы встретили его весьма радушно. Дожу дали понять — если Витале направит в Константинополь миссию с мирными предложениями, то все недоразумения можно разрешить.

Витале Микель принял предложение. И это была самая тяжелая ошибка в его жизни. Пока его эмиссары двигались к берегам Босфора, он ожидал развития событий на острове Хиос, и именно там на него обрушилась беда. На переполненных народом судах разразилась эпидемия чумы и начала распространяться с ужасной скоростью. К весне уже тысячи погибли, выжившие сильно ослабли и были совершенно деморализованы. И тут из Константинополя прибыли послы, чтобы сообщить о полном провале переговоров. Император не имел намерения менять свои планы. Он вызвал послов только затем, чтобы выиграть время.

Микелю ничего другого не оставалось, кроме как вернуться в Венецию, но, откровенно говоря, ему лучше было бы остаться на Востоке. В глазах граждан республики дож проявил преступное легкоеверие, угодив в типично византийскую ловушку; теперь он еще и принес чуму в город. Венецианцы восстали против Микеля. Рядом с его дворцом собралась толпа, требовавшая крови дожа. Выскользнув из дворца, Микель решил поискать убежища в монастыре Св. Захарии, но не успел пробежать и ста ярдов, как на него напали мятежники и закололи ножами.

Прошло четырнадцать лет, прежде чем дипломатические отношения между Византией и Венецией были восстановлены, и тридцать два года, прежде чем венецианцам удалось взять реванш. Но уже через пять лет после убийства дожа республика стала центром внимания всего христианского мира. 24 июля 1177 г. преемник Микеля Себастьяно Дзиани организовал самую значимую политическую церемонию XII в., в ходе которой было засвидетельствовано примирение папы Александра III и императора Западной империи Фридриха Барбароссы. Со времени злополучной коронации Фридриха его отношения с папством неуклонно ухудшались. После смерти Адриана (1159 г.) Фридрих намеренно организовал раскол внутри курии, так чтобы поли-

тическая сцена, на которой давно уже царил хаос, в течение следующих восемнадцати лет была сотрясаема еще и спорами о том, кто вправе занять папский трон.

В глазах Мануила Комнина состояние раздора между Барбароссой и папой создавало прекрасную возможность для восстановления Римской империи при верховенстве Константинополя. Так что, когда два римских легата прибыли в Константинополь в начале 1160 г., дабы просить и императора поддержать Александра III в противовес кандидату на папский престол, продвигаемому Фридрихом, Мануил принял их очень тепло. А в 1166 г. он решил сделать Александру предложение: Мануил пойдет на доктринальные уступки, необходимые для того, чтобы покончить с церковным расколом, а папе будут предоставлены огромные субсидии; взамен Александр увенчает Мануила императорской короной и восстановит единство Римской империи. Однако это было бесполезно. Восточная и Западная церкви к тому времени уже слишком разошлись, а сам Мануил полностью утратил популярность на Западе — там полагали, что он вынашивает зловещие планы в отношении Сирии и Палестины, подразумевавшие, в частности, изгнание оттуда франков и восстановление восточного обряда в тамошних церквях.

Тем не менее на первую половину 70-х гг. XII в. пришлась кульминация правления Мануила Комнина. На Востоке он навязал свой сюзеренитет государствам Отремера, усилил его династическим браком и заставил подчиниться сельджукского султана. На Западе Мануил добился огромных территориальных приобретений за счет Венгрии, а внутри самой империи подорвал влияние Венеции — к собственной большой выгоде. Но Восток и Запад разделяла более чем тысяча миль; Мануил не мог присутствовать одновременно везде и после заключения договора с Кылыч-Арсланом перестал проявлять пристальное внимание к происходящему в Малой Азии — более чем на десять лет. 15 мая 1174 г. умер Нуреддин, так что Данишмендиды, которых он всегда защищал, остались беззащитны против турецкой мощи. Кылыч-Арслан без всяких колебаний аннексировал их территории, и два бежавших оттуда князя из династии Данишмендидов обратились за помощью к Константинополю.

Летом 1176 г. император двинулся на Иконий, но на полпути встретил посланников султана, прибывших с предложением мира

на выгодных условиях. Большая часть старших офицеров византийского войска высказалась за принятие этого предложения; к несчастью, в армии имелось также изрядное число молодых аристократов, жаждавших битвы. Они упорно настаивали на продолжении похода, и император имел глупость прислушаться к ним.

Сразу за крепостью Мириокефал путь лежал через длинное ущелье. Тут сельджуки и нанесли свой удар, ринувшись со склон гор по всей длине византийской колонны. В первую очередь они стремились уничтожить вьючных животных, чьи мертвые туши вскоре заблокировали дорогу в обоих направлениях. Поначалу все выглядело так, словно тотальная резня византийцев неизбежна, но неожиданно наступило затишье и в имперский лагерь прибыл турецкий эмиссар. Он сообщил, что султан не желает дальнейшего кровопролития. Если император согласится разрушить фортификационные сооружения Дорилея и Сувлея — двух крепостей, которые Мануил отстроил год назад, основательно их оснастив, — то Кылыч-Арслан будет рад заключить мирный договор. Мануил принял это предложение, и оба верховных военачальника отвели свои армии.

Почему султан поступил подобным образом? Мы этого никогда не узнаем. Возможно, он чувствовал, что в будущем ему может понадобиться поддержка императора. В любом случае демонтаж двух крепостей, позволивший подданным султана без всяких помех распространиться на территории двух огромных долин, отнюдь не малое вознаграждение. И битва при Мириокефале, безусловно, разрушила все надежды Мануила вновь утвердить свою власть в Малой Азии.

Чего же в конечном счете достиг Мануил Комнин на Востоке? В отношении сарацин абсолютно ничего — благодаря одной только своей ошибке. В соответствии с договором от 1162 г. Кылыч-Арслану было позволено действовать в регионе по собственному усмотрению в течение одиннадцати лет. Это позволило султану ликвидировать своих мусульманских соперников и утвердиться в качестве единственной значимой силы в Восточной Анатолии. В результате Мануил добился только замены ряда мелких правителей, находящихся в состоянии взаимной вражды, на одного крупного и решительно настроенного правителя.

На Западе его ожидал еще один, последний, дипломатический успех: состоявшееся в марте 1180 г. бракосочетание его сына от Марии Антиохийской Алексея с французской принцессой Агнессой — дочерью Людовика от его третьей жены Аликс Шампанской. Невесте было девять лет, ее суженому — десять.

Через месяц после бракосочетания Мануил серьезно заболел, а к середине сентября уже не сомневался в том, что стоит на пороге смерти. Она явилась к нему 24 сентября. Мануил был похоронен в монастыре Пантократора.

Невозможно не испытать к нему сочувствие. Из пяти императоров Комнинов это был самый блестящий правитель, отличавшийся наибольшей широтой замыслов — что, возможно, и явилось источником его неудач. Отец и дед Мануила медленно и терпеливо работали над ликвидацией ущерба, причиненного государству сражением при Манцикерте. Он же, повсюду улавливая возможности тех или иных свершений, незамедлительно приступал к их осуществлению. Если бы Мануил сосредоточился на восточных делах, то наверняка смог бы добиться восстановления византийской власти в Анатолии. Но он оставался зачарованным Западом и в фокусе его внимания поочередно оказывались Италия и Венгрия, Сербия и Венеция, император Западной империи и папа римский. Мануил одержал множество побед, но не закрепил ни одной из них, оставив империю в худшем состоянии, чем она пребывала до него.

По-видимому, даже в Константинополе у Мануила имелось не много настоящих друзей. Дело тут опять же было в его увлечении Западной Европой: ее искусством, ее обычаями, ее общественными институтами. Его подданные испытывали возмущение по поводу того, что представителям Запада император всегда оказывал гораздо более теплый прием, чем посланцам с Востока; особенно их раздражала любовь Мануила к западным архитекторам. Византийцев шокировало вполне неформальное поведение василевса — к примеру, его беспечное участие в турнирах на западный манер, когда он на равных началах состязался с франкскими рыцарями. Слишком часто Мануил говорил своим подданным об их старомодности, о том, что они цепляются за устарелые представления и традиции. Наверно, византийцы были только рады тому, что его не стало.

И он ушел как раз вовремя — оставив своих преемников пожинать жестокую бурю, вызванную его посевами. Из многочисленных невзгод, вскоре обрушившихся на Византию, изрядная их часть — возможно, даже большинство — явилась косвенным результатом деяний Мануила. Этот император оставил после себя тяжелое наследие: оно раздавило бы и намного более способных людей, чем те, кому суждено было явиться после него.

22

Четвертый крестовый поход (1180—1205)

Алексей II был ничем не примечательным ребенком. Как указывают источники, «жизнь он проводил, предаваясь играм и охоте, а также потакая приобретенным привычкам, отмеченным явной порочностью». Вместо малолетнего Алексея делами империи ведала его мать Мария Антиохийская. Она оказалась первой из латинян, кто правил в Константинополе, так что с самого начала ее положение было крайне невыгодным. Византийцы стали опасаться — имея на то веские основания, — что западным коммерсантам ныне будут предоставлены еще более широкие торговые привилегии. И их беспокойство еще более усилилось, когда Мария сделала своим главным советником человека, отличавшегося, так же, как и она, совершенно прозападными взглядами, — племянника Мануила протосеваста* Алексея. Источники утверждают: «Он имел обыкновение проводить большую часть дня в постели... Как только появлялось солнце, он начинал искать более темное помещение, словно дикий зверь; особое удовольствие ему доставляло истирать свои разрушающиеся зубы, затем он вставлял новые вместо выпавших».

По мере того как росло всеобщее недовольство, начали возникать различные заговоры: самый серьезный из них связан с Андроником Комнином, двоюродным братом императора. В 1182 г. Андронику было уже шестьдесят четыре года, но он выглядел лет на сорок. Имея более шести футов роста, он отличался красивой наружностью, высоким интеллектом, обаянием, элегантностью и особым шиком — все это, вместе взятое, в купе

* Протосеваст — один из высоких титулов в Византии.

с молвой о его подвигах в постели и на полях сражений создало Андронику совершенно исключительную репутацию. Список его побед на обоих этих направлениях представлялся бесконечным. Три завоевания Андроника явились причиной особенной ярости императора Мануила. Первым стала племянница василевса принцесса Евдокия; вторым — его свояченица Филиппа Антиохийская; третьим — королева Феодора, двадцатидесятилетняя вдова короля Балдуина III. Последняя стала любовью всей жизни Андроника.

Он всегда имел виды на императорскую корону, и, когда после смерти Мануила Андронику стало известно о росте недовольства в обществе императрицей-регентом, его не понадобилось особо убеждать в том, что наконец его час настал. В отличие от Марии Антиохийской он был подлинным Комнином. Андроник обладал необходимой энергией, способностями и решимостью, а его романтическое прошлое создало ему исключительную популярность в народе — в этом с ним не мог состязаться никто.

В августе 1182 г. он двинулся на столицу. Прежнее магическое воздействие его личности продолжало оставаться в силе. Армия и флот поспешили присоединиться к нему. Еще до того как он пересек пролив, в Константинополе разразилось восстание, а вместе с ним выплеснулась давно уже копившаяся в народе и до сего времени сдерживавшаяся ксенофобия. В результате произошла резня практически всех латинян, находившихся в городе: женщин и детей, старых и немощных, даже лежавших в госпиталях больных. Протосеваст был брошен в темницу и позднее ослеплен; юного императора вместе с его матерью отвезли на императорскую виллу Филопатион — там им предстояло ожидать, каково будет решение Андроника относительно их судьбы.

Эта судьба оказалась хуже, чем кто-либо мог ожидать. Триумф Андроника сопровождался такой степенью жестокости, которую никто и заподозрить не мог с его стороны. Он приступил к уничтожению всех, кто занимал пространство между ним и тронном. Дочь Мануила Мария и ее муж ушли из жизни первыми; никто не сомневался в том, что их отравили. Императрицу задушили в ее камере. В сентябре 1183 г. Андроник был коронован как соправитель императора; два месяца спустя Алексея — в ту пору еще ребенка — задушили тетивой. На протяжении послед-

них трех с половиной лет своей короткой жизни император был женат на Агнессе Французской, которой дали более подобающее византийское имя Анна. Едва она овдовела, как новый император, которому исполнилось шестьдесят четыре года, вступил с двенадцатилетней императрицей в брак и, по-видимому, жил с ней как с супругой.

В одном отношении Андроник принес империи намного больше добра, чем Мануил: он повел жесточайшую борьбу со всеми административными злоупотреблениями — где бы они ни происходили и какую бы форму ни принимали. Трагедия заключалась в том, что, искореняя коррупцию во властных учреждениях, он сам становился все более испорченным и развращенным. Жестокость и грубая сила, по-видимому, были его единственными способами воздействия на подданных.

Вполне закономерно, что вскоре его популярность сошла на нет. Вновь в народе возникли антиправительственные настроения, участились подстрекательства к мятежу, оппозиционеры были повсюду. Те, кто попадал в руки императора, оказывались замученными до смерти, зачастую в присутствии Андроника, а порой и при его личном участии в пытках. Но многим несогласным удалось бежать на Запад — они были уверены, что встретят там радушный прием.

Уже в 1181 г. венгерский король Бела III вернул себе Далмацию и значительную часть Хорватии. В 1183 г. он вторгся непосредственно в пределы империи: Белград, Браничево, Ниш и Сардика были подвергнуты разграблению. В Азии императору проблемы доставляла землевладельческая аристократия, к которой Андроник питал особую ненависть. Один из его дальних родственников, внучатый племянник Мануила Исаак Комнин, утвердился на Кипре, заявив о его политической независимости. Однако наибольшая опасность исходила от давнего врага Византии, отличавшегося наиболее решительным настроем, — норманнской Сицилии.

Зимой 1184/85 г. правитель Сицилии Вильгельм II Добрый — сын Вильгельма Злого, от которого он ничуть не отличался в лучшую сторону, — находился в Мессине. Его жизненной целью являлась корона Византии, и для того чтобы добыть ее, он был намерен задействовать такие военные силы, которые

намного превосходили по своей мощи все те, что когда-либо отплывали от сицилийских берегов. К моменту начала экспедиции была подготовлена флотилия, которая насчитывала от 200 до 300 судов, на них находилось примерно 80 000 человек.

Экспедиция стартовала в Мессине 11 июня 1185 г. и направилась прямо к Дураццо. Андроник, по-видимому, ничего подобного не ожидал. Гарнизон, совершенно не имевший провизии на случай осады, сдался без боя. По мере того как сицилийская армия продвигалась по Балканскому полуострову, не было принято ни единой попытки блокировать ее наступление. 6 августа все сухопутные войска Вильгельма расположились лагерем у стен Фессалоник. 15 августа флот занял свои позиции на рейде. И началась осада.

Фессалоники являлись зажиточным, процветающим городом, христианские традиции которого восходили к фигуре святого Павла. В качестве военно-морской базы он доминировал в Эгейском море; как коммерческий центр соперничал с самим Константинополем. Но даже при том что Фессалоники были должным образом подготовлены к войне, они не смогли выдержать яростную атаку, предпринятую сицилийцами. Гарнизон оказывал храброе сопротивление, но вскоре начали рушиться восточные бастиины, а на западной стороне находившийся внутри городских стен отряд германских наемников, подкупленный противником, открыл ему ворота.

Рано утром 24 августа сицилийские войска хлынули во второй по значению и величине город Византийской империи, предавшись там оргии такой жестокости, равной которой Фессалоники не знали со времен Феодосия Великого, который восемь столетий назад вырезал 7000 местных жителей. Сицилийцы насиловали женщин и девочек, грабили и поджигали дома, оскверняли и уничтожали церкви. «Эти варвары, — писал хронист, — донесли волну своего насилия до самого подножия алтарей. Было странно даже помыслить, что у них появится такое желание — уничтожать наши иконы, используя их в качестве топлива для огня, на котором они готовили для себя еду. Явив еще более преступные наклонности, они начали танцевать на алтарях, перед которыми трепетали сами ангелы, и петь непотребные песни. Потом они стали мочиться по всей церкви, так что по полу потоком лилась их моча».

Через неделю-две горожане постепенно начали обнаруживать, что на этих иностранцах, которые так мало смыслили в реальных ценах и ценностях, можно зарабатывать, а архиепископ сетовал по поводу той легкости, с которой греческие дамы отдавались сицилийским солдатам. Но атмосфера оставалась взрывоопасной, и, по всей видимости, и греки, и сицилийцы испытали равное облегчение, когда оккупационная армия двинулась на Восток, оставив после себя в городе лишь небольшой гарнизон. Авангард армии дошел до Мосинополя, находящегося примерно на полпути к Константинополю, когда произошло событие, изменившее всю ситуацию, — подданные Андроника Комнина восстали и убили его.

Новости, пришедшие из Фессалоник, привели жителей Константинополя в состояние, близкое к панике. Реакция Андроника была типична для его противоречивой натуры. С одной стороны, он предпринял решительные действия, укрепив городские оборонительные сооружения, а также спешно мобилизовав и снабдив провизией флот в 100 судов, но с другой — все больше погружался в свой частный мир удовольствий. Однако это не стало непосредственной причиной гибели Андроника. За три года, прошедших с момента его восшествия на престол, в нем развилась мания преследования, побуждавшая василевса к проявлению бессмысленной жестокости. Искру переворота высек двоюродный брат императора Исаак Ангел. Он навлек гнев василевса в результате того, что гадалка предсказала Ангелу византийскую корону. Андроник послал к Исааку своего оруженосца, чтобы тот его арестовал, но Ангел пронзил мечом императорского посланца. Примчавшись на коне в собор Св. Софии, Исаак рассказал прихожанам о своем поступке. И народ Ангела поддержал, объявив его василевсом. По повелению Исаака все главы семейств были призваны к оружию; мятежники открыли двери тюрем, и заключенные присоединились к своим освободителям.

Когда известие о перевороте достигло императора, он поначалу был уверен в том, что сможет взять ситуацию под контроль, но, прибыв в Большой дворец и обнаружив, что стража отказывается ему повиноваться, Андроник понял, что дело зашло слишком далеко. Скинув с себя чересчур приметные пурпурные плащ

и ботинки, он, прихватив малолетнюю жену и самую любимую наложницу, сел на галеру, которая направилась по Босфору в сторону Черного моря.

Беглецы вскоре были схвачены. Дам пощадили; Андроника же, связанного и закованного в кандалы, привели к Исааку, который вынес ему приговор. Андронику отрубили правую руку и бросили его в тюрьму; затем, после того как он провел несколько дней без пищи и воды, ему выкололи один глаз и посадили на тощего верблюда, которого направили в сторону разъяренной толпы.

Византийский историк Никита Хониат в подробностях описывает состоявшуюся расправу:

«Они били его, закидывали камнями, кололи гвоздями, забрасывали грязью. Одна уличная девка вылила ему на голову ведро кипятка... Затем, стащив его с верблюда, они повесили его за ноги. Умирал он долго и мучительно. Андроник неоднократно подносил свою единственную руку к устам; по мнению некоторых, он делал это для того, чтобы испить кровь, вытекавшую из его ран».

С обретением короны Исаак унаследовал и безнадежную политическую ситуацию в стране. Сицилийцы были менее чем в двухстах милях от Константинополя; их флотилия уже находилась в Мраморном море. Командовать армией Исаак назначил самого способного из византийских полководцев Алексея Врану. Василевс направил ему самое мощное подкрепление, которое только могла предоставить империя.

Сицилийцы же, не ожидая более сопротивления, позволили себе ослабить воинскую дисциплину, что привело к снижению их боеготовности. В результате чего неожиданное нападение Враны они отразить не смогли и беспорядочно отступали до Амфиполя. Там наконец начались переговоры о мире.

У сицилийцев оставалось еще много козырей на руках. Нанесенное им поражение не затронуло основные силы армии, и они все еще удерживали Фессалоники. Но приближалась зима, осенью во Фракии шли сильные холодные дожди, и сицилийская армия, рассчитывавшая провести Рождество в Константинополе,

была в значительной степени деморализована. В общем, переговоры шли трудно и затягивались.

Греки, подозревая врага в самых темных намерениях, решили нанести удар первыми. И 7 ноября они так и поступили. Сицилийцы не выдержали натиска и бежали. Тех, кто не успел это сделать, греки порубили мечами и захватили в плен; изрядное число сицилийцев утонуло во вздувшейся от талого снега реке Стримон. Оставшиеся в живых пробирались в Фессалоники, чтобы там сесть на корабли и вернуться в Сицилию. Но очень немногим счастливицам удалось попасть на борт, поскольку основная часть сицилийского флота находилась вблизи Константинополя. Большинство захватчиков были вынуждены остаться в Фессалониках, где они стали жертвами восставших местных жителей.

Византия оказалась спасена. Тем не менее ее правители поступили бы весьма умно, если бы восприняли сицилийскую агрессию как серьезное предостережение. На Западе было немало таких, кто с алчностью взирал на Восточную империю. Но лишь через двадцать лет Константинополь оказался вновь атакован. И на этот раз город не устоял.

Из всех семейств, возглавлявших Византию, Ангелы оказались наихудшими. Их правление было, к счастью, недолгим: три императора Ангела — Исаак II, Алексей III и Алексей IV — в совокупности властвовали только девятнадцать лет. Но правление каждого из них было ужасным, и все вместе они несут ответственность за величайшую из катастроф, которую суждено было пережить Константинополю до момента его окончательного падения.

Вызывает сожаление тот факт, что Исаак счел необходимым ослепить обоих сыновей своего предшественника, но для большинства подданных нового властителя начало его правления было «точно мягкая весна после жестокой зимы или же благостное затишье после яростной бури». Вскоре, правда, им пришлось разочароваться. Андроник, при всех своих недостатках, выкорчевывал коррупцию; Исаак «продавал правительственные посты, словно овощи на рынке». Между тем фактически развалилась система фем, представлявшая собой спинной хребет ад-

министративной и оборонной систем, и феодальная аристократия начинала проявлять все большее недовольство.

И не то чтобы император был совершенно бездейтелен. Исаак проявлял значительную энергию в подавлении мятежей и защите своих границ, но он оказался неспособен предотвратить образование Второго Болгарского царства, а балканской кампании 1190 г. суждено было окончиться катастрофой — армия Исаака попала в засаду, и сам он едва спасся. К этому времени всем уже стало ясно, что дни византийского господства в Восточной Европе миновали. И они никогда уже не вернуться.

Еще раньше, в октябре 1187 г., в Константинополе получили ужасное известие: сарацины захватили Иерусалим. Но особого удивления это не вызвало. В мусульманском лагере наблюдалось восхождение новой звезды — выдающийся вождь Салах-ад-Дин поклялся вернуть Священный город под знамя ислама. В христианском же лагере не наблюдалось ничего особо замечательного: три депрессивных франкских государства — Иерусалимское, Триполийское и Антиохийское, — управляемых посредственностями, раздирала внутренняя борьба за власть. Положение Иерусалима осложнялось еще и трагическим состоянием его короля Балдуина IV, больного проказой. Когда Балдуин в 1174 г. взошел в тринадцатилетнем возрасте на трон, он уже был болен; одиннадцать лет спустя король умер. И в тот самый момент, когда государству было крайне необходимо решительное руководство, монаршую власть возложили на восьмилетнего ребенка. Год спустя умер и он. Трон перешел к его отчиму Ги де Лузиньяну, который, ввиду продемонстрированной им совершенной несостоятельности, в полной мере заслужил то презрение, с которым к нему повсюду стали относиться. 3 июля Ги повел самое многочисленное войско, которое его королевству когда-либо удавалось собрать, к Тиверии, которую Салах-ад-Дин осаждал. После многочасового перехода, осуществленного в самый жаркий сезон, армия была вынуждена разбить лагерь на безводном плато. На следующий день почти невменяемое от жажды войско оказалось окружено мусульманской армией под небольшим двуглавым холмом, известным как Рога Хиттина, и там разбито наголову.

Сарацинам оставалось только прибрать к своим рукам обо-
собленно стоящие христианские крепости — одну за другой.

Когда они подошли к Иерусалиму, его защитники оказали героическое сопротивление и продержались двенадцать дней, но ко 2 октября им стало ясно, что конец близок, и начались мирные переговоры. Салах-ад-Дину представилась возможность проявить великодушие. Он издал распоряжение, по которому каждый христианин мог спасти себя, заплатив соответствующий выкуп. 700 бедняков, не имевших возможности собрать требуемую сумму, получили свободу за счет денег, которые внесли высокопоставленные представители христианской администрации и духовенства. В этот же день, 2 октября, Салах-ад-Дин ввел свою армию в город, и впервые за восемьдесят восемь лет зеленое знамя пророка взвилось над Иерусалимом. Везде поддерживался порядок: не последовало ни убийств, ни грабежей. Впоследствии какое-то количество христиан было, однако, обращено в рабство.

Когда известие о падении Иерусалима достигло Запада, папа Урбан III умер от шока. Его преемник Григорий VIII, не теряя времени, призвал христианский мир к оружию. Вскоре Исааку стало ясно, что намечающийся Крестовый поход будет представлять собой более серьезную угрозу для Византии, чем все предыдущие. Во главе его выразил желание встать давний недруг Византии Фридрих Барбаросса. Едва ли более дружественный настрой проявил бы и Вильгельм Сицилийский, который также не прочь был нести крест. К счастью для Византии, Вильгельм умер в ноябре 1189 г., не оставив после себя потомства, но брак его тетки Констанции, к которой ныне перешла корона Вильгельма, со старшим сыном Барбароссы Генрихом являлся достаточно прозрачным намеком на то, что внешняя политика Сицилии останется неизменной. В Крестовом походе участвовали еще два западных правителя: король Англии Ричард Львиное Сердце и король Франции Филипп II Август. Ричард являлся зятем Вильгельма, что говорило о многом, а Филипп Август, помнящий о недавних невзгодах, которые пришлось пережить его сестре Агнессе, также едва ли был настроен более позитивно по отношению к Византии.

Ричард и Филипп решили отправиться к Святой земле по морю, совершенно обойдя стороной империю. Соответственно они играют незначительную роль в настоящем повествовании,

хотя стоит отметить, что в мае 1191 г. Ричард отобрал Кипр у Исаака Комнина, передав его сначала тамплиерам, а затем, убедившись в их неплатежеспособности, в том же году продал Ги де Лузиньяну, свергнутому королю Иерусалимскому.

Фридрих же предпочел сухопутный маршрут. Он выступил в мае 1189 г. Его армия насчитывала от 100 000 до 150 000 человек — это было самое многочисленное христианское войско за все время Крестовых походов. Он, естественно, сообщил византийскому императору о своих намерениях. Но тот был хорошо осведомлен о закулисных переговорах, которые Фридрих вел с балканскими князьями, и беспокойство Исаака только усилилось, когда ему сообщили, что и сербы, и болгары, принесли Барбароссе вассальную присягу, подразумевавшую совместные действия против Византии. Исаак послал своих представителей, Константина Кантакузина и Иоанна Дуку, встретить армию Запада на границе империи. Но вместо того чтобы надлежащим образом приветствовать Барбароссу, как им было велено, они стали подстрекать его к активным действиям против их повелителя.

К этому времени Исаак уже находился в состоянии, близком к паническому, и, когда к нему прибыли посланники Фридриха, чтобы обсудить детали перемещения его армии в Азию, он бросил их в тюрьму. Разъяренный Барбаросса немедленно повелел своему старшему сыну Генриху, который находился в Германии, получить благословение папы на Крестовый поход против схизматиков-греков, собрать флот и привести как можно быстрее к Константинополю. Исаак тогда пошел на попятную, пообещав обеспечить перевозку армии Запада в Азию — взамен на обязательство Фридриха переправиться на азиатский берег через Дарданеллы, а не через Босфор, обойдя, таким образом, Константинополь стороной.

10 июня 1190 г., после длительного, изматывающего перехода через Анатолию, Фридрих Барбаросса вывел свои войска на киликийскую прибрежную равнину. Жара стояла свирепая, и небольшая речка Каликаднус, которая текла через Селевкию и впадала в море, должна была представлять собой приятное зрелище. Фридрих, ехавший один впереди всех, прищипорил коня, направив его к реке. Обстояло ли дело так, что Фридрих спешил-

ся, чтобы выпить воды, и оказался сбит с ног течением, либо его конь поскользнулся и сбросил всадника, либо шок от ледяной горной воды оказался слишком сильным для старого уставшего тела — императору было около семидесяти, — мы так никогда и не узнаем. Войско, приблизившись к реке, обнаружило мертвое тело Барбароссы на берегу.

Младший сын Фридриха герцог Швабский принял на себя верховное командование, но он не был равноценной заменой своему отцу. Тело императора попытались сохранить, пропитав его уксусом. Войско, неся с собой останки Барбароссы, мрачно двигалось вперед; вступив на сирийскую землю, оно попало в засаду, потеряв там много людей. У выживших счастливицов, которым в итоге удалось добраться до Антиохии, уже не осталось боевого запала. Быстро разлагавшееся тело императора было спешно захоронено в местном соборе (где оно оставались до 1268 г., когда армия мамлюков сожгла храм дотла).

Вскоре прибыли Ричард и Филипп Август; благодаря им Третий крестовый поход, хотя и не достигший своей цели — освобождения Иерусалима, оказался не столь жалким, как второй. Была отвоевана Акра, которая в следующем веке стала столицей Иерусалимского королевства (пока ее не захватили мамлюки). Но это королевство — короткая прибрежная полоса между Тиром и Яффой — явилось лишь бледным подобием того, чем некогда была Палестина крестоносцев.

На Рождество 1194 г. сын Фридриха Барбароссы Генрих VI, благодаря заключенному им браку с дочерью Рожера II Констанции, получил корону Сицилии в соборе Палермо. Его жены рядом с ним не было. Забеременевшая в первый раз в сорок лет, Констанция добиралась к месту коронации более медленным темпом, в соответствии с назначенным ей режимом, и в городе Джези, стоящем примерно в двадцати милях к западу от Анконы, она почувствовала схватки. На следующий день после коронации ее мужа, в большом шатре, возведенном на главной площади, Констанция разрешилась сыном, которого днем позже и представила публике, горделиво приложив к груди. Об этом сыне, Фридрихе, позднее получившем прозвище *Stupor Mundi* — Изумление Мира, — мы еще услышим по ходу нашей истории.

Во время рождения Фридриха его отец уже задумывал новый Крестовый поход. Останься Барбаросса в живых, он бы, несом-

ненно, отвоевал Иерусалим, и Генрих посчитал своим прямым долгом продолжить дело отца. В Пасхальную неделю 1195 г. он нашёл себе крест, а несколько дней спустя написал решительное письмо императору Исааку, выдвинув ряд совершенно нереалистичных требований, подкреплённых пустыми угрозами.

Но оно не дошло до адресата. 8 апреля 1195 г. василевс пал жертвой заговора, организованного его старшим братом Алексеем, который низложил Исаака, ослепил его и захватил трон.

Если Исаак был никуда не годным императором, то об Алексее III можно сказать, что он оказался ещё хуже. А манипулировать им было легче легкого. Так, когда Генрих потребовал выплачивать ему огромную дань, запуганный император немедленно ввел особый налог, а в придачу содрал драгоценные украшения с императорских гробниц в церкви Св. Апостолов.

Но что стало с грандиозной экспедицией, о которой Генрих возвестил в 1195 г.? Многие именитые лица в Германии откликнулись на его призыв: два архиепископа, девять епископов, пять герцогов и великое множество аристократов меньшего калибра. В конце лета 1197 г. они отплыли из Мессины и немедленно двинулись против сарацин. Однако к концу октября до них дошло известие о том, что Генрих умер от лихорадки в Мессине. Часть аристократов сразу же решила вернуться, а когда в Германии разразилась гражданская война, за ними последовала и остальная знать. И когда в феврале 1198 г. рядовой состав немцев готовился сразиться с египетской армией, то вдруг обнаружилось, что их лидеры фактически дезертировали. Последовало стремительное бегство немецких войск в Тир, где их ожидали корабли. На том это помпезное мероприятие и закончилось.

Конец XII в. застал Европу в состоянии, близком к хаосу. Обе империи — и Восточная, и Западная — остались фактически без руководства; норманнской Сицилии более не существовало; Германия страдала от гражданской войны; Англия, Франция были озабочены проблемами престолонаследования, возникшими после смерти Ричарда Львиное Сердце в 1199 г.

В христианском мире только один крупный политический деятель чувствовал себя достаточно уверенно — папа Иннокентий III. Он взошёл на трон в 1198 г. и сразу же объявил о новом

Крестовом походе. Отсутствие коронованных особ, готовых возглавить такой поход, не особо его беспокоило — они приносили больше проблем, чем пользы. Несколько влиятельных аристократов вполне подошли бы для поставленной им цели. И Иннокентий все еще искал подходящих кандидатов, когда получил письмо от графа Шампанского Тибальда. Тот был младшим братом Генриха Шампанского, который вполне достойно правил Иерусалимским королевством с 1192 по 1197 г., когда произошла его трагическая кончина — он случайно выпал из окна. Внук Людовика VII и племянник одновременно Филиппа Августа и Ричарда Львиное Сердце, Тибальд носил идею Крестовых походов в крови. Когда он сообщил Иннокентию, что понесет крест, о другом лидере уже не могло быть и речи.

Однако основные проблемы были еще впереди. Ричард Львиное Сердце как-то заявил, что ахиллесовой пятой мусульманского Востока является Египет, куда и следовало направлять в будущем все экспедиции. Из этого вытекало, что новый Крестовый поход мог быть осуществлен только морским путем и для него потребуется множество кораблей, которыми в достаточном количестве располагало только одно государство — Венецианская республика. И вот в начале 1201 г. группа из шести влиятельных рыцарей во главе с Жофруа де Виллардуэном, маршалом* Шампани, прибыла в Венецию, где в ходе переговоров было заключено соглашение о том, что республика предоставит необходимый транспорт для 4500 рыцарей с их лошадьми, 9000 оруженосцев и 20 000 пехотинцев, а также надлежащего количества провизии на девять месяцев. Стоить эта услуга будет 84 000 серебряных марок**. Дополнительно республика предоставит 50 полностью экипированных галер за свой счет — на том условии, что получит половину завоеванных территорий.

Об этом решении сообщил крестоносцам дож Энрико Дандоло. Во всей венецианской истории не сыскать более поразительной фигуры. В ту пору ему было уже сильно за восемьдесят, и он почти ослеп. Виллардуэн, который хорошо знал его, уверяет, что Дандоло не мог ничего разглядеть уже на расстоянии

* Маршал — *здесь*: главнокомандующий.

** Марка — весовая счетная единица в Западной Европе; в описываемый период вес ее колебался от 233 до 288 г серебра.

вытянутой руки. К счастью для последующих поколений, Жофруа оставил замечательные записки не только о самом Крестовом походе, но и о переговорах с Венецией. Он замечает, что в достигнутом соглашении не упоминался Египет как прямая цель похода — иначе возмутился бы рядовой состав крестоносцев, для которого Иерусалим являлся единственной законной целью. Венецианскому правительству тоже было лучше помалкивать о Египте: в тот самый момент его послы находились в Каире, обсуждая там очень выгодную торговую сделку. Однако эта сделка не должна была повлиять на подготовку Крестового похода, и стороны договорились о том, что крестоносцы соберутся все вместе в Венеции через год, в День святого Иоанна, 24 июня 1202 г., и для них уже будет готова флотилия.

Но увы, когда настал этот день, численность армии, собравшейся на Лидо*, оказалась более чем в три раза меньше ожидавшейся. Для ее полководцев ситуация оказалась весьма затруднительной. Венеция сдержала свое обещание: она выставила флотилию — как военные галеры, так и транспортные суда, — достаточную для погрузки армии, которая по численности в три раза превосходила бы фактическую, а крестоносцы не имели возможности заплатить венецианцам ту сумму денег, которую пообещали.

Когда главнокомандующий крестоносцев маркиз Бонифаций Монферратский — Тибальд Шампанский умер в прошлом году — прибыл в Венецию, то обнаружил, что судьба экспедиции в опасности. Венецианцы не позволяли хотя бы одному кораблю покинуть порт до тех пор, пока не получают деньги. Они даже поговаривали о том, чтобы лишить еды армию крестоносцев, которая была привязана к острову Лидо, — ей запретили ступить на землю основной части города. Тогда Бонифаций опорожнил все свои денежные сундуки, многие военачальники поступили так же. Помимо этого, от каждого рядового воина потребовали, чтобы он отдал все, что мог, но собранная сумма оказалась на 34 000 марки меньше требуемой.

Пока взносы прибывали тонкой струйкой, старый Дандоло умело поддерживал в рядах крестоносцев состояние тревожного

* Лидо — венецианский остров, отделяющий лагуну от открытого моря.

ожидания. А когда дож удостоверился в том, что взять с них больше нечего, то выступил с предложением. Венецианский город Зара недавно оказался захвачен Венгрией. Если бы франки согласились помочь Венеции в его отвоевании, то, возможно, выплата их долга была бы отсрочена. Затем последовала одна из традиционных церемоний в базилике Св. Марка, которые Дандоло умел обставлять очень красиво и торжественно. На этом мероприятии присутствовали все высокопоставленные чины франкской армии. Как пишет хронист, дож обратился к гражданам республики с прочувствованной речью: «Синьоры, сам я стар и слаб; но если вы позволите мне взять крест, в то время как мой сын будет вместо меня стоять на страже республики, я готов присоединиться к этой высокой миссии». После чего он сошел с кафедры и поднялся в алтарную часть; там он преклонил колени, у него выступили слезы. Затем ему нашили крест на его огромную шляпу; настолько тверда была его решимость, что все должны были это видеть».

8 ноября 1202 г. воинство Четвертого крестового похода отбыло из Венеции. Однако 480 крестоносных кораблей отправились не в Египет и не в Палестину. Неделью спустя Зара была взята приступом и разграблена. Разгневанный папа отлучил от церкви всю экспедицию.

Вряд ли можно было назвать начало этого Крестового похода хорошим. Но худшее оказалось еще впереди. В начале следующего года в штаб экспедиции прибыл с донесением посланник Филиппа Швабского, являвшегося не только братом императора Генриха VI, но также зятем низложенного и ослепленного Исаака Ангела. Год назад юный сын Исаака, которого, как и нового правителя, звали Алексеем, бежал из заключения, и Филипп пригласил его при своем дворе. Если бы Крестовый поход низверг узурпатора и утвердил на троне юного Алексея, то последний был готов профинансировать завоевание Египта, выставить 10 000 своих воинов и полностью содержать 500 рыцарей на Святой земле. Наконец он обеспечил бы подчинение константинопольской церкви — римской. Старый дож воспринял эту идею с энтузиазмом. Он не испытывал особой любви к Византии. Генуэзцы и пизанцы составляли венецианцам все более острую конкуренцию, и если Венеция хотела сохранить свое влияние на

восточных рынках, то республике требовался более расположенный к ней византийский император. Крестоносной армии также понравился новый план, который обещал усиление и обогащение войска, да и восстановление единства в христианском мире дорогого стоило. Так, ровно через год после сбора крестоносного воинства в Венеции его флот бросил якорь у берегов Константинополя.

Алексей III показательным для него образом не предпринял никаких мер для обороны города. К слову сказать, в то время военных кораблей в Константинополе не имелось: верфи давно уже бездействовали, поскольку брат Алексея шестнадцать лет назад доверил всю судостроительную программу Венеции, а имперский адмирал распродал якоря, паруса и снасти немногих оставшихся судов, которые теперь были низведены до роли блокшивов, стоявших во внутренней гавани. Утром 5 июля, вскоре после восхода солнца, Алексей и его подданные ошеломленно наблюдали, как крестоносная армия пересекла Босфор и пристала к берегу вблизи Галаты, прилегающей к северо-восточной стороне бухты Золотой Рог. Будучи торговым поселением, в котором преимущественно жили иностранные купцы, Галата не была обнесена стеной; единственным ее укреплением являлась одиноко стоящая круглая башня*, в которой находился огромный ворот для поднятия и опускания цепи, преграждавшей вход в бухту.

Гарнизон башни держался целых двадцать четыре часа, но на следующее утро ему пришлось сдаться. Венецианские моряки разрушили привод ворота, и огромная железная цепь, растянутая более чем на пятьсот ярдов поперек входа в Золотой Рог, с оглушительным грохотом рухнула в воду. Венецианская флотилия сразу же вошла в бухту, по ходу уничтожая немногочисленные византийские суда, которые она обнаружила во внутренней гавани. Победа на море была полной.

Свои главные силы крестоносцы бросили на самое слабое место в византийских укреплениях в северо-западной части города — а именно на передний фасад Влахернского дворца, находившегося в углу, образованном стенами со стороны суши и

* Башня была разрушена в 1261 г. Нынешняя башня Галаты была возведена в XIV в. — уже в другом месте. — *Примеч. авт.*

стенами, тянувшимися вдоль Золотого Рога. Атака была произведена одновременно с суши и с моря. Венецианские суда шли с полной осадкой. Они были основательно загружены осадным оборудованием: разного рода катапультами и баллистами на баке, сходнями и штурмовыми лестницами, подвешенными на веревках между реями. Атака франков с суши первоначально была отбита англичанами и датчанами из варяжской гвардии, яростно махавшими боевыми топорами, но в итоге победу добыли венецианцы — и в значительной степени лично Энрико Дандоло.

По словам Виллардуэна, хотя венецианские штурмовые суда и приблизились к берегу настолько близко, что моряки, находящиеся в носовой части, сражались с византийцами врукопашную, атакующая сторона все же не решалась произвести высадку. И тогда:

«Герцог Венецианский, человек старый и практически слепой, стоя на носу своей галеры и держа в руках знамя св. Марка, приказал своим людям причаливать. Они так и сделали, и он спрыгнул и воткнул знамя в землю. И когда остальные увидели штандарт св. Марка и причалившую галеру дожа, то они устыдились и последовали за ним».

Вскоре двадцать пять башен, расположенных вдоль стены, были уже в руках венецианцев. Затем они хлынули непосредственно в город, поджигая по пути деревянные дома, пока вся округа не запылала. Этим же вечером Алексей III бежал.

Византия в ходе тяжелейшего в своей истории кризиса осталась без императора, и старого Исаака Ангела спешно вызволили из тюрьмы и вновь посадили на императорский трон. Хотя Исаак ныне был даже еще более слеп, чем Дандоло, но все же являлся законным императором, и, восстановив его власть, византийцы теоретически устранили все основания для дальнейшей интервенции крестоносцев — если не считать обязательств, которые взял на себя юный Алексей. Теперь Исаак был вынужден ратифицировать их, согласившись также сделать своего сына соправителем. Только тогда крестоносцы официально признали его, после чего отошли в Галату — ждать обещанных вознаграждений.

1 августа 1203 г. Алексей IV Ангел был коронован наравне с отцом. Он тотчас же пожалел о тех предложениях, что сделал

весной. Казна была пуста; новые налоги, которые Алексею пришлось ввести, вызывали открытое негодование у его подданных, прекрасно знавших, куда направлялись их деньги. Священники были шокированы, когда Алексей забрал у церкви серебряную утварь и отдал ее на переплавку. И они пришли в совершенную ярость, узнав о его планах подчинить их Риму. Отношение византийцев к Алексею неуклонно ухудшалось, чему способствовали также и крестоносцы: однажды ночью группа франков явилась к небольшой мечети, расположенной в сарацинском квартале, и сожгла ее дотла. Пламя начало распространяться по округе, и на протяжении следующих сорока восьми часов Константинополь был охвачен самым страшным пожаром со времен Юстиниана.

Когда несколько дней спустя делегация в составе трех крестоносцев и трех венецианцев явилась к Алексею, требуя немедленно выплатить причитающиеся им деньги, он мог только развести руками — что привело к началу войны. Ни крестоносцы, ни греки не желали ее. Жители Константинополя хотели только избавиться от этих головорезов, которые уничтожали город и в придачу обирали их до нитки. Франки тоже негодовали, не желая якшаться с греками, которых они считали слабым, упадочным народом. Им не терпелось сразиться с неверными. К тому же, даже если бы византийцы и расплатились с ним полностью, это не принесло бы франкам существенной выгоды — только позволило бы рассчитаться с венецианцами.

Все дело тут было в Энрико Дандоло. Он в любой момент мог отдать своему флоту приказ отплывать: франки испытали бы облегчение, а византийцы — безмерное счастье! Однако дож отказывался поднимать паруса на том основании, что франки никогда не смогут выплатить ему свой долг, пока сами не получают деньги от Алексея. Но вдруг он почти забыл об этом долге. Его ум сосредоточился на гораздо более масштабной цели — на низвержении Византийской империи. Так что его советы принимали другую окраску. Ничего более ожидать от Ангелов нельзя: крестоносцы получают долг, только взяв Константинополь силой. Утвердившись в городе, посадив одного из своих лидеров на трон, они могли решить вопрос с долгом и профинансировать Крестовый поход.

Высшее общество Константинополя между тем тоже пришло к выводу, что Алексей IV должен уйти. И в январе 1204 г. дело взял в свои руки единственный деятель на византийской политической авансцене, способный к решительным действиям. Алексей Дука — имевший прозвище Мурзуфл (Насупленный), обусловленное тем, что его густые брови сходились на переносице, — аристократ, занимавший высокую придворную должность протовестиария*, которая давала ему право неограниченного доступа в императорские апартаменты. Поздно ночью он ворвался в комнату василевса, разбудил его и напугал известием о том, что византийцы восстали против него. Закутав Алексея Ангела в мантию, Дука вывел его через боковую дверь из дворца — прямо в руки остальным заговорщикам. На несчастного юношу тотчас надели оковы, а через несколько дней он был задушен тетивой. Его слепой отец вскоре после этого умер. Виллардуэн предполагает естественную смерть; по-видимому, ему не пришло в голову, что она могла стать делом чьих-то рук.

Расчистив дорогу к трону, Мурзуфл короновался в соборе Св. Софии как Алексей V и сразу же начал демонстрировать такой стиль руководства, какого давно уже не доставало империи. Башни были должным образом укомплектованы личным составом, стены укреплены и наращены в высоту. О выплате крестоносцам долга — в отношении которого новый император не нес никакой ответственности — речь вообще не шла.

Западные рыцари теперь пришли к однозначному выводу — с Византией надо покончить. Именно за этот вариант Дандолоратовал в течение нескольких месяцев; старый дож, к этому времени признанный уже как венецианцами, так и франками предводителем всей экспедиции, провел ряд совещаний в Галате. Крестоносцы разрабатывали план атаки и определяли схему руководства империей после ее завоевания. Сошлись на том, что франки и венецианцы направят по шесть делегатов в избирательный комитет, который выберет нового императора. Если им будет франк, то патриархом станет венецианец — и наоборот. Император получит четвертую часть Константинополя и всей империи, в том числе два главных дворца: Влахернский на бере-

* Протовестиарий — высокопоставленный византийский сановник, ведавший гардеробом и личной казной императора.

гу бухты Золотой Рог и старый — на побережье Мраморного моря. Оставшиеся три четверти территории поделили поровну: одна половина отходит Венеции, а другая отдается в ленное владение рыцарям-крестоносцам. Особо было оговорено, что дож будет освобожден от феодальной присяги императору.

Атака началась утром 9 апреля, в пятницу. Нападению подвергся тот же самый участок приморской стены, который Дандоло и его войско уже успешно брали приступом девять месяцев назад. Новые, более высокие стены и башни трудно было взять приступом с топов мачт венецианских судов, но 13 апреля, после нескольких неудачных попыток, венецианцам все же удалось прорваться на башни через перекинутые с кораблей мостки. Почти одновременно франки пробили брешь в стене и хлынули в город.

Мурзуфл, командовавший обороной отважно и решительно, пустился вскачь по городским улицам — в последней отчаянной попытке остановить своих отступавших солдат. Затем, видя, что шансов на это никаких нет, он бежал с Ефросиньей, женой Алексея III, и ее дочерью Евдокией, с тем чтобы присоединиться к Алексею, находившемуся во Фракии. По прибытии туда Мурзуфл женился на Евдокии и начал собирать силы для контрнаступления.

Когда стены оказались проломлены, началась страшная резня. Только с наступлением сумерек захватчики удалились в свой лагерь, который они разбили на одной из главных площадей города. На следующее утро крестоносцы обнаружили, что какие-либо очаги сопротивления уже практически отсутствуют. Но для жителей Константинополя трагедия только началась. Ведь не зря франки так долго ждали возможности проникнуть в богатейшую столицу мира. Теперь, когда они получили традиционные три дня на разграбление, то набросились на город как саранча. Никогда еще со времен вторжений варваров Европа не становилась свидетельницей такой безудержной оргии жестокости и вандализма; никогда еще в истории такое количество красот, такое количество самых великолепных творений рук человеческих не подвергалось бессмысленному уничтожению за столь короткий срок.

В числе свидетелей был Никита Хониат:

«Они уничтожали святыне образа и бросали священные реликвии Мучеников в такие места, которые мне стыдно назвать, разбрасывая повсюду тело и проливая кровь Христову... Что касается осквернения ими великого собора, то они разрушили главный престол и поделили между собой все ценные предметы, находившиеся там... И они ввели лошадей и мулов, чтобы им сподручней было увезти священные сосуды, кафедру, двери и предметы обстановки; когда некоторые из этих животных случайно оскальзывались и падали, то крестоносцы протыкали их своими мечами, загрязняя церковь их кровью и калом.

Обычная шлюха была усажена на патриарший трон, чтобы выкрикивать оттуда оскорбления в адрес Иисуса Христа; и она пела непотребные песни и непристойно танцевала в священном месте... Не были пощажены ни добродетельные матери семейств, ни невинные девушки, ни даже девы, посвятившие себя Богу...»

И эти люди, продолжает Хониат, несли крест на своих плечах — крест, на котором они поклялись воздерживаться от плотских удовольствий до тех пор, пока их священная задача не будет выполнена.

Это был самый черный час Константинополя — с бедствием такого масштаба несравнима даже позднейшая сдача города османскому султану. Но не все сокровища города погибли. В то время как франки предались безумию разрушения, венецианцы сохраняли трезвость. Последние тоже грабили, но не занимались уничтожением. Они знали толк в красоте, окружавшей их. Все, чем завладевали венецианцы, они отсылали в Венецию — включая четверку огромных бронзовых коней, которая была помещена на массивное возвышение над аркой главных ворот собора Св. Марка и находится там до сих пор.

После продолжавшегося три дня террора порядок был восстановлен. Добычу собрали и аккуратным образом распределили: четвертая часть должна была достаться императору после его избрания, все остальное разделили поровну между франками и венецианцами. После чего крестоносцы наконец заплатили свой долг Энрико Дандоло.

Затем обе стороны приступили к решению новой задачи — избранию императора. Дандоло без особых усилий удалось повлиять на избирателей, чтобы они проголосовали за беспечного

и стоворчивого графа Фландрского Балдуина, который 16 мая был коронован в соборе Св. Софии, — он оказался третьим императором, коронованным за один год. Поскольку императором стал франк, Венеция добилась для себя ряда преференций. Она получила не только оговоренные ранее три восьмых территории города и империи, но и право свободной торговли в имперских владениях, а главным соперникам Венеции — Генуе и Пизе — доступ туда был отныне заказан. В самом Константинополе дож потребовал для себя район, в котором находились собор Св. Софии и патриархат. Этот район простирался до самого берега Золотого Рога. Под контроль Венеции отошли также регионы, которые образовывали непрерывную цепь колоний и портов, растянувшуюся от лагуны до Черного моря, включая Пелопоннес, и имеющий стратегическое значение остров Крит.

В результате именно венецианцы получили подлинную выгоду от Четвертого крестового похода, и своим успехом они были обязаны почти исключительно Энрико Дандоло. Он отказался от предлагаемой ему византийской короны — принятие ее привело бы к созданию непреодолимых конституционных проблем у него дома и вполне могло бы окончиться крахом республики, — зато обеспечил успех своему кандидату. Затем, убедив франков разделить их часть империи на лены, подчинявшиеся императору, дож оставил новые владения Венеции за рамками этой ленной структуры, и они обрели статус ее собственных территорий. Что ж, для слепого, почти девяностолетнего старика это было неплохое достижение.

Дабы Мурзуфл в дальнейшем не доставлял никаких проблем, франки схватили его, доставили в Константинополь и сбросили с Феодосиевой колонны, находящейся в центре города. Тем не менее им все равно пришлось серьезно сражаться на разных фронтах, чтобы утвердить свои завоевания, и самая жестокая схватка произошла в недавно приобретенном Венецией городе Адрианополе. У франков перед этим возник конфликт с болгарским царем Калояном, который под предлогом начавшегося во Фракии византийского мятежа осуществил вторжение на территорию только что возникшей Латинской империи. Балдуин повел небольшое войско на встречу с царем в Адрианополе. После Пасхи 1205 г. император оказался захвачен болгарами, и

старому дожу, который отважно сражался на его стороне, пришлось вести остатки войска назад в Константинополь. Шесть недель спустя он скончался. Тело Дандоло не доставили в Венецию, а захоронили в соборе Св. Софии, где до сих пор можно увидеть надгробную плиту с его именем.

В определенном смысле дож вполне заслужил подобную честь, и все же его деяния повлекли за собой бедствие мирового масштаба. Четвертый крестовый поход — если его вообще можно так именовать — превзошел даже предшествующие ему аналогичные экспедиции по вероломству и двуличности, жестокости и жадности. Захват крестоносцами Константинополя нанес западной цивилизации в культурном плане намного больший ущерб, чем разграбление Рима в V в. и сожжение Александрийской библиотеки в VII в. Возможно, это была самая страшная культурная катастрофа за всю мировую историю. И в политическом плане урон, нанесенный христианскому миру, оказался безмерен. Византии так никогда и не удалось вернуть скольконибудь значительную часть утраченных владений, без которых она оказалась неспособной защитить себя от османского нашествия.

Нечасто история являла зрелище, проникнутое столь горькой иронией: судьбу восточнохристианского мира фатальным образом решили люди, сражавшиеся под знаменем креста. А обеспечил их транспортом, вдохновил и в итоге лично повел в бой Энрико Дандоло — во имя Венецианской республики. И поскольку Венеция извлекла наибольшую выгоду из случившейся трагедии, то она и ее блистательный дож должны нести и наибольшую ответственность за ту разрушительную бурю, которую они посеяли в мире.

23

Возвращение на родину (1205—1261)

В противоположность дожу Дандоло — гордо именовавшему себя Повелителем Четверти и Половины Четверти Римской империи — император Балдуин превратился в довольно жалкую фигуру. Он остался лишь с четвертой частью той территории, которой правили его непосредственные предшественники. И владение даже этой землей оспаривалось его соперниками. Бонифаций Монферратский, посчитавший себя обделенным, отказался от предложенных ему анатолийских земель и захватил Фессалоники, где основал королевство, растянувшееся затем на значительной части Македонии и Фессалии.

Новых правителей — что вполне естественно — византийцы ненавидели. Франки, стойкие приверженцы Римской церкви, решительно навязывали латинский обряд везде, где только можно. Многие греки покинули земли предков и переселились в государства, наследовавшие Византии, где еще продолжали сохранять национальный дух и православная вера.

Из этих государств самым крупным и влиятельным стала так называемая Никейская империя, где зять Алексея III Феодор Ласкарис был коронован в 1208 г. Она занимала широкую полосу земли в Западной Анатолии, протянувшись от Эгейского до Черного моря. Хотя официальной столицей государства оставалась Никея, где располагалась патриархия и проходили императорские коронации, преемник Феодора Иоанн III определил местом своей резиденции лидийский город Нимфей.

Два других византийских государства-наследника — одно на Адриатическом побережье, другое на юго-восточном побережье

Черного моря — являлись слишком удаленными от основной арены политических событий, чтобы оказывать на них значительное влияние. Вскоре после захвата Константинополя крестоносцами появился Эпирский деспотат*, он был основан Михаилом Комнином Дукой, правнуком Алексея I Комнина. Из своей столицы Арты Михаил контролировал северо-западное побережье Греции и часть Фессалии; эти владения значительно увеличил в 1224 г. его сводный брат Феодор, который отбил Фессалоники у латинян и был коронован императором, став соперником Иоанну III в Никее. В отличие от Никей и Эпира Трапезундская империя не была результатом падения Константинополя. Ее основали в апреле 1204 г. Алексей и Давид Комнины, внуки императора Андроника, чей сын Мануил — отец братьев — женился на грузинской княжне. После низвержения Андроника в 1185 г. юные братья воспитывались при грузинском царском дворе. Вознамерившись продолжить династию Комнинов, они захватили Трапезунд в апреле 1204 г. На протяжении большей части своей 257-летней истории Трапезундская империя представляла собой прибрежную полосу, ограниченную Понтийскими горами и морем.

Выступив в роли правителя Византии в изгнании, Феодор I Ласкарис Никейский столкнулся со множеством проблем. Даже находившиеся в границах его собственной империи мелкие греческие княжества оказались не слишком к нему лояльными. А осенью 1204 г. против него двинулась франкская армия под предводительством самого Балдуина. Феодор был совершенно не готов к ведению серьезных военных действий и в декабре потерпел катастрофическое поражение при Пойманеноне, что позволило франкам взять под контроль все вифинское побережье до самой Брусы.

Но и самонадеянности Балдуина был вскоре положен конец. Греческие землевладельцы во Фракии предложили императорскую корону болгарскому царю Калояну — если тот изгонит латинян из Константинополя. Ранее, в 1204 г., Калоян был коронован как король (но не как император) посланником папы

* Деспотат — название ряда греческих государственных образований XIII—XV вв., правители которых именовались деспотами (высший титул византийских вельмож).

Иннокентия III и принял римскую юрисдикцию. Но Калоян так же стремился избавиться от крестоносцев, как и сами византийцы. 14 апреля 1205 г. он разбил франкскую армию в окрестностях Адрианополя, взяв в плен самого Балдуина, который в скором времени умер. Уже через год после захвата Константинополя власть латинян была подорвана. Во всей Малой Азии только Пиги на берегу Мраморного моря продолжали оставаться в руках франков.

Теперь наконец Феодор смог заняться обустройством нового государства — ни на секунду не сомневаясь в том, что его подданные рано или поздно смогут вернуться в свою законную столицу. Он следовал старым византийским образчикам во всех подробностях. В результате после его коронации в малоазийском регионе стало два восточных императора и два патриарха: латинские в Константинополе и греческие — в Никее, настроенные друг к другу крайне негативно.

В 1209 г. брат и наследник Балдуина Генрих, граф Эно, пойдя наперекор угрызениям совести, которые доставляли ему мысли о его крестоносной миссии, заключил военный союз с сельджуками — те также рассматривали новое греческое государство в Малой Азии как угрозу своим интересам. А в 1211 г. он нанес серьезное поражение Феодору — тогда Генрих дошел до Пергама и Нимфея. Но он испытывал слишком сильное давление со стороны болгар в тылу, чтобы развить свои успехи. В конце 1214 г. императоры пришли к заключению мирного договора: Генриху доставалось северо-западное побережье Малой Азии, на юге простиравшееся до Атрамиттиона; остальная же часть территории, достигавшая границы с сельджуками, отходила Феодору.

Молодая империя в конце концов получила со стороны крестоносцев формальное признание. Примерно в это же время в Латинской империи вновь наметился упадок — в июне 1216 г. Генрих умер в Фессалониках. Проявляя уважение к правам и религиозным убеждениям своих греческих подданных и достигнув баланса интересов с Никеей, он сумел удержать империю на плаву, хотя десять лет назад, когда Генрих пришел к власти, дело латинян выглядело проигранным. Генрих умер бездетным, и в наследники ему франкские бароны определили Пьера де Куртене, мужа его сестры Иоланты. Пьер, находившийся в это время

во Франции, выступил с войском на Восток в первые недели 1217 г. К несчастью, он остановился вблизи Дураццо, возжелав отвоевать город у эпирского деспота, но его попытка потерпела фиаско. Пьер был схвачен, брошен в темницу, и о нем уже больше никогда ничего не слышали.

А вот императрица Иоланта мудро решила отправиться со своими детьми морем и вполне благополучно прибыла в Константинополь, где родила сына Балдуина и правила в статусе регента вплоть до своей смерти (1219). Иоланта продолжила примиренческую политику своего брата, отдав дочь Марию замуж за Феодора Ласкариса — та стала его третьей женой.

Однако известие об альянсе было с ужасом воспринято в Эпире, где стремительно восходила звезда деспота Феодора. С крайней непримиримостью относившийся к договору Никей с Константинополем, заключенному в 1214 г., он утверждал, что Феодор Ласкарис браком с Марией совершил очередное предательство против дела византийцев. Правда же заключалась в том, что тщеславие Феодора не могло быть удовлетворено одним деспотатом. Он являлся законным правнуком Алексея I, и его притязания на имперский трон имели гораздо большее основание, чем претензии Ласкариса. В ближайших планах деспота было взять под контроль Фессалоники. Но и они в глазах Феодора Ангела Комнина Дуки являлись лишь промежуточным пунктом на пути к самому Константинополю.

После смерти Бонифация Монферратского в 1207 г. Фессалоники стали управлять его вдова, выступавшая в роли регента своего сына Димитрия. Но вскоре после прибытия императрицы Иоланты в Константинополь стало ясно, что Фессалоники не могут более рассчитывать на неизменную поддержку со стороны Латинской империи и их дни в качестве независимого государства сочтены. Осенью 1224 г. Фессалоники пали. Отныне Феодор Эпирский стал верховным правителем на территории от Адриатики до Эгейского моря. Немедля он бросил открытый вызов Ласкарису, будучи коронован епископом Охридским как император римлян. Так, на месте единой империи, существовавшей еще несколько десятилетий назад, ныне было четыре империи — три греческих и одна латинская. И невдалеке уже маячи-

да пятая: Второе Болгарское царство развивалось быстрыми темпами.

Царь Калоян во времена своего правления подчинил себе значительную часть Фракии и Македонии и неизменно держал на прицеле бывшую византийскую столицу. Его второй по счету преемник Иван Асень II также жаждал заполучить Константинополь. Самым слабым из означенных государств оказалась Латинская империя, чья территория к 1225 г. была сведена к Константинополю, непосредственно примыкавшему к нему с северо-запада региону и небольшой области Малой Азии, лежавшей к югу от Мраморного моря. Иоланта умерла в 1219 г.; ее сын Роберт был беспомощным юношей, которого во всех отношениях оставили далеко позади Феодор, Иван Асень и Иоанн Ватац, который в 1222 г. унаследовал Никейскую империю от своего тестя Феодора Ласкариса. После показательного разгрома, учиненного войско Роберта Ватацем, латинский император уже не мог и мечтать о захвате Фессалоник. С этого момента он предался праздной, беспутной жизни и умер в январе 1228 г.

Роберт не оставил детей, и поскольку его брату и наследнику Балдуину II исполнилось к этому времени только одиннадцать лет, франкские бароны решили сделать регентом самого выдающегося из оставшихся к тому времени в живых крестоносцев: бывшего короля Иерусалимского Иоанна Бриеннского (Жана де Бриенна). Хотя ему было около восьмидесяти лет, он все еще находился в добром здравии и имел четырехлетнюю дочь. Иоанн, однако, выдвинул ряд условий. Юный император должен был незамедлительно жениться на малолетней дочери Иоанна Марии, а ей надлежало выделить определенную территорию во владение. Самого Иоанна следовало признать полноправным императором, а Балдуин наследует престол только после его смерти. Если же Балдуин достигнет двадцатилетнего возраста и не станет к тому времени латинским императором, ему передается в управление Никейская империя вместе со всеми франкскими владениями в Малой Азии. Эти условия были приняты, но Иоанн не торопился заступить на трон: только осенью 1231 г. его корабль появился в бухте Золотой Рог. Через несколько дней Иоанна короновали как императора в соборе Св. Софии.

Во время этого трехлетнего междуцарствия баланс сил на Балканах претерпел радикальные изменения. В апреле 1230 г.

император Феодор потерпел поражение в бою с Иваном Асенем, оказался в плену и был ослеплен. Правда, его брату Мануилу позволили оставаться в Фессалониках с сохранением титула деспота, но только потому, что тот состоял в браке с дочерью Асеня. Мануил являлся марионеткой в руках своего тестя и не особо претендовал на нечто большее. Благодаря такому повороту событий латинянам удалось избежать почти что гарантированного уничтожения, на которое их совсем уж было обреч народ, в прошлом откровенно презираемый крестоносцами. Теперь им пришлось стать свидетелями беспрепятственного продвижения Ивана Асеня через Балканы — от Адриатики до Черного моря.

Выбывание одного из четырех игроков неизбежным образом привело к радикальной перегруппировке среди трех других участников борьбы за лидерство в регионе. Ивану Асеню Ватац представлялся намного более полезным союзником, чем латиняне, особенно ввиду того, что болгарский царь собирался покинуть Римскую церковь. Западному христианству так и не удалось глубоко укорениться среди болгар. Кроме того, будущие наступательные действия против Латинской империи было бы намного легче оправдать, если бы они выглядели как борьба против еретиков. В 1232 г. Иван вышел из-под юрисдикции папы и был воссоздан болгарский православный патриархат. А три года спустя Иван Асень подписал союзный договор с Никеей, скрепленный впоследствии браком дочери Ивана Еленой с сыном Иоанна Ватаца Феодором II Ласкарисом. В конце лета 1235 г. объединенные православные силы начали осаду Константинополя со стороны суши и с моря.

Старый Иоанн Бриеннский сражался как тигр, защищая свою империю; неоценимую помощь ему оказали венецианские корабли. Но спасло Константинополь только изменение внешнеполитических приоритетов Ивана Асеня, который неожиданно осознал, что возрожденная Византийская империя будет представлять собой намного более серьезную угрозу для Болгарии, чем умирающая Латинская, и свернул атаку, рассорившись с никейским императором. Однако почти немедленно на него обрушилось настоящее бедствие. Болгарская столица пала жертвой свирепой эпидемии, которая унесла жизнь жены Ивана, одного из его сыновей и недавно утвержденного патриарха. Иван Асень

воспринял это как суд Небес и помирился с Ватацем. Вскоре Иван начал искать себе новую жену, и каким-то образом его узнику Феодору Фессалоникийскому удалось убедить царя жениться на его дочери Ирине. Феодор после этого был освобожден из заключения и вернулся в Фессалоники, где низложил своего брата Мануила и посадил вместо него на трон собственного сына Иоанна, наделив его титулом императора.

1241 г. явил собой своего рода водораздел. Еще до того как он закончился, трое протагонистов исторических событий уже легли в могилы — это болгарский правитель Иван Асень, Мануил Фессалоникийский и папа Григорий IX, один из самых влиятельных сторонников Латинской империи. В том же году монгольская орда хлынула в Венгрию, дойдя до бассейна Дуная. Монголы лишили болгар возможности продолжать походы на Восток — так еще одна грозная нация была фактически устранена с исторической сцены. Фессалоники как государство уже не представляло серьезной силы. Латинская империя, размер которой ныне едва ли намного превышал площадь города Константинополя, выжила исключительно благодаря раздору между ее врагами.

Из этих врагов теперь остался только один: Никейская империя, чей правитель Иоанн Ватац продолжал готовиться к восстановлению византийского государства. Ему еще предстояло уладить проблему Фессалоник. Их император был слабым набожным человеком; подлинная власть вновь оказалась в руках Феодора, по-прежнему, несмотря на все передраги, остававшегося весьма амбициозным деятелем. И именно Феодора Иоанн Ватац пригласил в 1241 г. в Никею в качестве гостя. Старый правитель согласился на предложение и был принят со всеми надлежащими знаками учтивости. Но когда Феодор собрался уезжать, ему вежливо объяснили, что его отъезд, к несчастью, невозможен. Он оставался пленником до следующего лета, когда Иоанн Ватац сопроводил его в Фессалоники. Ватац использовал Феодора в качестве переговорщика с его сыном. В результате этого диалога Иоанн сменил титул императора на титул деспота и признал верховную власть Никеи.

Пока Ватац находился в Фессалониках, монголы наводнили Малую Азию. В июне 1243 г. они разгромили султана Кейкюсре-

ва II в ходе сражения при Кёсе-даге; императора Трапезунда, являвшегося вассалом султана, постигла подобная участь. К счастью, монголы затем удалились, оставив за своей спиной разгромленный султанат, но не тронув никейские земли.

Болгарскому царству также был нанесен ущерб этим самым недавним из череды варварских нашествий; в 1246 г. умер двенадцатилетний сын Ивана Асеня Коломан и взошел на престол его сводный брат Михаил, который был даже младше Коломана, что еще больше возмутило политические воды в Болгарии и Ватац предвкушал добыть в них богатый улов. Осенью того же года он занял значительную часть Западной Македонии.

Иоанн Ватац находился в своем лагере, когда к нему прибыла группа фессалоникийцев с конкретным предложением: если император гарантирует городу сохранение старых прав и привилегий, то Фессалоники сдадутся без боя. Ватац немедленно согласился. В декабре он без всяких помех вошел в Фессалоники, изгнал старого Феодора и поставил в город в качестве наместника своего дальнего родственника Андроника Палеолога.

Ватацу предстояло одолеть еще одного врага, прежде чем он смог бы сконцентрироваться на Константинополе. Примерно за девять лет до описываемых событий Эпир отделился от Фессалоник и оказался под руководством Михаила II, незаконнорожденного сына основателя эпирского деспотата Михаила I. Иоанн Ватац не стал нападать на Эпир: вместо этого в 1249 г. он подписал договор о дружбе с Михаилом II, скрепив его помолвкой между своей внучкой Марией и сыном Михаила Никифором. Феодор, все еще настроенный непримиримо, убедил своего племянника вновь пойти с оружием на Никейскую империю. Иоанн Ватац вел себя осторожно — как правило, уклонялся от решительных сражений, взяв противника на измор. В итоге в начале 1253 г. он вынудил деспота сдаться. Михаил уступил значительную часть своей территории, а его сын Никифор был увезен ко двору Ватаца — в качестве залога должного поведения Михаила в дальнейшем. Что касается старого, слепого, надоедливового Феодора, то его отправили в темницу, которую он заслуживал с полным основанием.

Латинская империя дышала на ладан. В 1236 г. молодой император Балдуин, которому в ту пору исполнилось девятнадцать

лет, предпринял отчаянную попытку набрать в Италии людей и добыть деньги; лишь в начале 1240 г. он вернулся на берега Босфора. Хронический финансовый дефицит привел к ситуации, которая совершенно деморализовала как греков, так и латинян: Балдуин взял займы денег у Венеции, отдав в залог самое сокочтимое достояние Константинополя — Терновый Венец, который был на Христе во время распятия. Когда император не смог выкупить его, ситуацией воспользовался король Франции Людовик Святой, который специально построил церковь Сен-Шапель для хранения этой реликвии.

Для Балдуина даже униженное пребывание при европейских дворах, вероятно, было намного более предпочтительным, нежели бедственная жизнь в Константинополе. В 1244 г. Балдуин опять отправился в путешествие — побывал у Фридриха II, графа Раймунда в Тулузе, Иннокентия IV в Лионе, Людовика Святого в Париже и даже в Лондоне, где король Генрих III с явной неохотой пожертвовал ему небольшую сумму денег. Но когда Балдуин вернулся в Константинополь в октябре 1248 г., то оказался в таких стесненных обстоятельствах, что ему пришлось распродать со скидкой свинцовые полосы, которыми была покрыта крыша императорского дворца. Он бы ни за что не продержался на троне следующие тринадцать лет, если бы его никейский враг продолжал сужать кольцо вокруг Константинополя, но 3 ноября 1254 г. Иоанн Ватац скончался в Нимфее. Эпилепсия, на протяжении последних десяти лет принимавшая все более серьезную форму, основательно подорвала душевное равновесие Ватаца: всем при дворе было очевидно, что его хватка слабеет.

Тем не менее Иоанн проявил себя выдающимся правителем. От предшественников он унаследовал совсем маленькое государство; когда тридцать два года спустя он оставил империю своему сыну Феодору II, ее владения занимали более половины Балканского полуострова и значительную часть Эгейского побережья. Соперники империи оказались выведены из строя или уничтожены, и она уже стояла на ногах достаточно твердо, чтобы добиться тех целей, ради которых была основана. У себя дома Иоанн постоянно напоминал подданным, что положение государства критическое и что следует самоотверженно трудиться и довольствоваться самым необходимым — до тех пор пока они не

отберут назад Константинополь. Импорт в государстве был запрещен, девизом стала «самообеспеченность». Сам Иоанн явил собой пример подобного рода: управляя птицефермой, использовал доход от продажи яиц для покупки жене Ирине «яичной короны» — украшенной драгоценными камнями диадемы, которую император ей публично преподнес, показывая, чего можно добиться эффективным ведением сельского хозяйства. Несмотря на общегосударственный режим экономии, в империи строились больницы и сиротские приюты, поощрялось развитие искусств и литературы, основывались фонды для обеспечения культурного возрождения — которое в полную силу проявилось во время правления сына Иоанна, Феодора, когда Никея стала центром византийской культуры. Естественно, что подданные испытывали к Иоанну и Ирине неподдельную любовь.

Иоанн осознавал, лежа на смертном одре, что день, ради наступления которого он трудился и сражался всю жизнь, уже не за горами, хотя император, возможно, и испытывал некоторые сомнения в отношении своего единственного сына и наследника. Нельзя сказать, что молодой Феодор II Ласкарис оказался совершенно недостоин трона. Это был интеллектual, который за свою короткую жизнь создал целый ряд литературных, теологических и научных трудов, и его гуманитарные интересы не мешали ему выполнять функции монарха. К несчастью, он унаследовал от отца эпилепсию, проявившуюся у него в еще более серьезной форме. Это было и в городе достаточно опасно, а когда Феодор находился с армией в полевых условиях, становилось настоящим бедствием. Тем не менее он правил империей сильной, властной рукой. Инстинктивно не доверяя аристократии, Феодор опирался на небольшую группу бюрократов, главными среди которых были его протовестиарий Георгий Музалон и два брата Георгия, Феодор и Андроник. Император привел в ярость клир, назначив патриархом фанатичного аскета Арсения (с этим кадровым решением уничтожив старую мечту своего отца о союзе с Римом).

Феодор подписал мирный договор с Болгарией в 1256 г., и в дальнейшем отношения между двумя странами еще более улучшились, когда царь Михаил Асень был убит и на его место пришел боярин по имени Константин Тих, взявший в жены дочь

Феодора Ирину. Следующим династическим браком стало венчание дочери Иоанна Марии с Никифором, сыном эпирского деспота Михаила II. Эта затея, к несчастью, привела к обратным результатам: Феодор самым неразумным образом, уже в последнюю минуту, обусловил заключение брака уступкой ему Дураццо и македонского города Сервии. Мать жениха, которая сопровождала сына в имперский лагерь на реке Марице, была там до крайности запугана, и ей пришлось подписать соглашение. Но, когда по возвращении она сказала мужу, что отдала два его самых значительных города, Михаил, придя в совершенную ярость, немедленно начал готовить поход на Фессалоники, попутно подстрекая сербов и албанцев выступить вместе с ним. Уже через несколько дней вся Македония поддержала его порыв.

Лучше всего справиться с трудной ситуацией мог бы молодой военачальник Михаил Палеолог. Император, однако, всегда завидовал этому молодому красивому аристократу, обладавшему, по-видимому, всеми теми дарованиями, которые у самого Феодора отсутствовали. Император, кроме того, не доверял Палеологу. Несколько раньше в этом же году Феодор обвинил Михаила — совершенно неоправданно — в государственной измене, угрожая ему такими карами, что молодой полководец был вынужден искать убежища у сельджуков. Уже после этого Михаил дал клятву верности императору, но лишь после длительных колебаний Феодор решился вновь вернуть его в ряды своих военачальников. Император, опасаясь, вероятно, что полководец может повернуть солдат против него самого, дал Михаилу слишком маленькую армию, чтобы ее можно было использовать для решения сколько-нибудь серьезных задач. Михаил сражался храбро — ему удалось дойти до самого Дураццо, — но оказался не в силах справиться с противником, имевшим огромный численный перевес. К лету деспот уже стоял у ворот Фессалоник, в то время как Михаил Палеолог, попавший в немилость и вскорости отлученный от церкви, был брошен в темницу.

Такое постыдное обращение с одним из самых выдающихся полководцев подтвердило давно уже созревшее у никейцев убеждение в том, что император не способен более ответственно управлять страной. И, вне всякого сомнения, произошел бы государственный переворот, если бы Феодор — весьма кстати — не

заболел в августе 1258 г.; к этому моменту ему исполнилось тридцать шесть лет. Поскольку его старший сын Иоанн не достиг еще совершеннолетия, он назначил регентом Георгия Музалона, к которому никейцы относились с неприкрытой ненавистью. Находясь на смертном одре, Феодор заставил членов самых видных аристократических семейств принести клятву верности и Иоанну, и Георгию, но во время поминальной службы, состоявшейся через девять дней, Музалона убили прямо у главного престола и разрубили его тело на куски. Затем последовал дворцовый переворот, результатом которого стало определение на верховную должность спешно освобожденного Михаила Палеолога, который, возможно, и явился подстрекателем заговора.

Михаил, которому к этому времени исполнилось тридцать четыре года, во многих отношениях представлял собой очевидную кандидатуру. Он состоял в родстве с домами Дуков Ангелов и Комнинов, а его жена Феодора была внучатой племянницей Иоанна Ватаца. Причастность Михаила к убийству Музалона должна была бы выглядеть пятном на его репутации, но прото-вестиария все настолько ненавидели, что на эту деталь в биографии нового правителя смотрели сквозь пальцы. Он продолжал пользоваться исключительной популярностью в армии, и у него была хорошая репутация в глазах духовенства. Михаилу присвоили титул великого князя (*megas dux*), а вскоре после этого — деспота. Наконец в ноябре 1258 г. он был поднят на щит и провозглашен соправителем императора; его коронация прошла в Никее в день Рождества. Сначала коронованы были он и его жена Феодора — императорскими диадемами, украшенными драгоценными камнями, — и только после этого тонкая нить с жемчугами была возложена на голову Иоанна IV.

В империи мало кто сомневался в том, что Михаил VIII Палеолог отвоюет наконец Константинополь. Но прежде предстояло столкнуться еще с одним врагом. В начале 1258 г. Манфред Сицилийский, внебрачный сын Фридриха II, вторгся в Эпир и занял Корфу. Деспот Михаил принял сторону Манфреда в его противостоянии с Никеей и предложил ему руку своей старшей дочери Елены. Манфред принял предложение и прислал новоиспеченному тестю 400 конных рыцарей из Германии. Вскоре после этого к новому союзу присоединился Вильгельм де Вил-

лардуэн, латинский князь Ахеи, который взял себе в жены вторую дочь Михаила Анну. Конечной целью экспедиции был Константинополь, но попутно она, естественно, предполагала захват Фессалоник.

Так, ко времени восшествия на престол Михаила Палеолога практически вся материковая часть Греции ополчилась против него. К счастью, еще до этого Михаил направил на Балканы большой экспедиционный корпус под начальством своего брата, севастократора Иоанна Палеолога, и великого доместика Алексея Стратегопула. И в начале 1259 г. Михаил повелел им выступить против врага. Две армии сошлись при Пелагонии, и почти немедленно антиникейская коалиция распалась. Деспот Михаил и его сын Никифор, ошибочно решив, что союзники собираются предать их, оставили лагерь и бежали. Другой сын Михаила, Иоанн Бастард, над которым Виллардуэн имел обыкновение насмехаться по причине незаконнорожденности, примкнул к никейцам из-за задетого самолюбия. К началу сражения Иоанн Палеолог обнаружил, что против него выступает только кавалерия Виллардуэна и Манфреда. Но она оказалась бессильна против половецких лучников. Рыцари Манфреда сдались и были взяты в плен, как впоследствии и сам Виллардуэн, которого обнаружили спрятавшимся в стоге сена в окрестностях Кастории — его опознали по характерным выступающим вперед зубам. Затем Иоанн решил идти через Фессалию, тогда как Алексей направился прямо в Эпир и занял его столицу Арту. Победа была полной.

К этому времени всем стало ясно, что отвоевание Константинополя представляет собой лишь вопрос времени и к тому же — весьма непродолжительного. У Балдуина из всех его бывших союзников остались только папство и Венеция. Александр IV, однако, не проявлял интереса к проблемам, стоявшим перед Балдуином, так что император мог рассчитывать лишь на венецианцев, которым Латинская империя была обязана в наибольшей степени своим становлением, а их флотилия в 30 судов до сих пор патрулировала Босфор. Но вскоре ценность венецианской помощи также оказалась под вопросом, поскольку 13 марта 1261 г. Михаил Палеолог, крайне нуждавшийся в кораблях, подписал с Генуей договор, по которому генуэзцы предоставляют

никейцам суда, а получают все те концессии, ранее предоставляемые Венеции — в частности, им был обещан собственный квартал в Константинополе и других основных портах империи, а также свободный доступ к черноморским портам. Для Генуи это соглашение стало историческим, поскольку заложило фундамент ее будущей коммерческой империи на Востоке.

Отвоевание Константинополя произошло почти случайно. Летом 1261 г. Михаил VIII направил Алексея Стратегопула во Фракию с небольшим войском, чтобы оно малость побряцало там оружием и, помимо того, разведало, насколько хорошо укреплен Константинополь. В Силимврии Алексей узнал, что латинский гарнизон в столице временно отсутствует — венецианцы на своих судах повезли его штурмовать никейский остров Дафнусий, откуда можно было контролировать вход в Босфор со стороны Черного моря. Ему также рассказали о потайной двери в стене, через которую небольшая группа солдат могла легко проникнуть в город.

Представившаяся возможность была слишком соблазнительной, чтобы ее упускать. Той же ночью отряд переправился на константинопольский берег и застиг городских стражей врасплох — их потом сбросили с крепостного вала. Затем византийцы тихонько открыли одни ворота. На рассвете 25 июля 1261 г. никейская армия хлынула в город.

Балдуин, разбуженный шумом и криками, понял, что надо спасаться бегством. Добравшись до небольшой бухты Вуколеон, он сел на венецианское торговое судно и отплыл к острову Эвбее, находившемуся в руках латинян.

А в это время Алексей и его войско предали огню весь венецианский квартал, так что морякам, вернувшимся с Дафнусия и обнаружившим, что их дома уничтожены, а их семьи пребывают в ужасе, столпившись на пристани, не оставалось ничего иного, кроме как возвращаться назад в Венецию. Среди оставшихся франков — общим числом около 1000 человек — распространилась настоящая паника: одни попрятались; другие бежали в монастыри; несколько человек даже укрылось в сточных трубах, но резни не было. Постепенно они вышли из своих убежищ и направились к гавани, где их ожидали 30 венецианских судов. Эти корабли также отплыли к Эвбее.

Император Михаил находился за две сотни миль от происходящих событий — спал в своем лагере, разбитом под анатолийским городом Метеорием, — когда прибыли посланцы Алексея Стратегопула. Сестра Евлогия разбудила императора и сообщила ошеломляющую новость, но лишь когда ему были переданы оставленные Балдуином императорские регалии, он поверил ей. Михаил немедленно занялся подготовкой похода и 15 августа 1261 г. торжественно вступил в столицу.

Правитель вошел через Золотые ворота, перед ним несли великую икону Богородицы Одигитрии (Путеводительницы), написанную, как всем было известно, самим святым Лукой. Михаил пешком прошел традиционный путь через весь город — до самого собора Св. Софии, где патриарх Арсений отслужил вторую церемонию коронации. Однако на этот раз короновались только он и его жена; их сын — младенец Андроник был провозглашен наследником. Что касается Иоанна Ласкариса, десятилетнего соправителя Михаила, то он остался в Никее, начисто всеми проигнорированный и забытый. По прошествии четырех месяцев с небольшим, на Рождество, ему выкололи глаза. Это как раз совпало с одиннадцатым днем рождения Иоанна. Потом он был заключен в крепость на южном побережье Мраморного моря, где и оставался до смерти.

С самого начала Латинская империя Константинополя представляла собой уродливое явление. За пятьдесят семь лет существования она не достигла ничего путного и не поспособствовала ничему хорошему. После 1204 г. империи не удалось добиться ни одного территориального приобретения, и вскоре она начала сокращаться, так что в итоге ее границы оказались ужаты до ближайших окрестностей разрушенного и опустошенного города. Настоящим чудом следует признать то, что ей удалось существовать так долго. Из семерых ее правителей ни один не предпринял ни малейшей попытки понять менталитет своих греческих подданных, не говоря уже о том, чтобы выучить их язык. Между тем имперские рыцари начали постепенно возвращаться на Запад, союзники империи отвернулись от нее, казна опустела. А ее падение оказалось, пожалуй, еще более постыдным, чем существование, — империю одолела горстка солдат за одну ночь.

Но темное наследие, которое оставила после себя Латинская империя, повлияло на все христианские страны, а возможно, и на весь мир. Греческой империи так никогда уже более и не удалось восстановиться после того ущерба — как духовного, так и материального, — который был нанесен ей господством латинян. Наряду с красивейшими зданиями, превращенными в булыжники, и чудеснейшими произведениями искусства навсегда оказалось утрачено и особое состояние духа Византии, ее национальное самосознание. До завоевания крестоносцами Византия являлась единой и неделимой, ею правил один василевс, равноапостольное лицо. Теперь с единством было покончено. Появились императоры Трапезунда, которые продолжали упорно цепляться за свою независимость на узкой прибрежной полосе у Черного моря. Появились деспоты Эпира, всегда готовые приветить врагов Константинополя. Однако греческая империя, пребывая в таком фрагментированном состоянии, все-таки продолжала оставаться последним великим восточным бастионом христианства на пути исламского нашествия.

Но и христианский мир также изменился. Давно уже разделенный, теперь он поляризовался. На протяжении столетий до и после церковного раскола расхождения между Римом и Константинополем были в основном теологическими. После разграбления византийской столицы суть дела изменилась. По мнению греков, варвары, осквернявшие их алтари, грабившие их дома и насиловавшие их женщин, не могли уже считаться христианами в каком бы то ни было смысле. Последующие попытки принудить византийцев к союзу с Западом являлись совершенно безнадежными просто потому, что любой альтернативный вариант представлялся грекам более предпочтительным, нежели подчинение Риму. «Лучше султанский тюрбан, чем кардинальская шляпа», — обычно говорили они, и ничуть не кривили при этом душой.

24

Анжуйская угроза (1261—1282)

Василевс вернулся в свою столицу. Городские колокола возвестили об этом торжественном событии, и во всех церквях был отслужен благодарственный молебен. Однако Михаил Палеолог не принимал участия в этих празднествах. Когда он по возвращении увидел город, зрелище глубоко поразило его. Повсюду царила разруха: церкви находились в руинах, от дворцов остались одни остовы, целые кварталы являли собой груды почерневшей древесины. Значительная часть развалин и обломков пребывала в неизменном виде на протяжении более полувека, с того времени, когда город был разрушен крестоносцами. После коронации Михаил уединился в старом дворце — Влахернский, по его мнению, был осквернен пребыванием латинян, — чтобы хорошенько обдумать проблемы, стоявшие перед ним.

Наиболее важной из них являлась проблема государственной безопасности. Большая часть Греции все еще находилась под властью франков; Эпир и Фессалия, хотя и управлялись греками, были враждебно настроены по отношению к константинопольской власти — так же как Сербия и Болгария. Венеция и Генуя контролировали византийское морское пространство и значительную часть Восточного Средиземноморья. Папа Урбан IV, бывший латинский патриарх Иерусалима, отказывался смириться с крушением крестоносной империи, а Манфред, к тому времени вернувшийся на Сицилию, был готов использовать любой предлог для нового наступления на Константинополь. Союз нескольких этих врагов — а то и всех сразу — мог уничтожить только что восстановленную, еще не окрепшую империю.

Оценив со всех сторон ситуацию и посчитав, что на Западе можно рассчитывать только на поддержку генуэзцев, василевс решил в первую очередь восстановить сухопутные и приморские стены, а также огромную железную цепь, перегораживавшую ранее Золотой Рог. Далее Михаил приступил к строительству, но не забывал и о разрушенных монастырях и церквях, сознавая их жизненную важность для укрепления народного духа. Пробуждение религиозной жизни его подданных одновременно приводило к укреплению их чувства патриотизма и национальной гордости; в то же время все это обеспечивало поддержку политики Михаила со стороны церковных кругов. Венцом усилий василевса стало возведение перед церковью Св. Апостолов колонны, которую увенчивала статуя его покровителя, св. Михаила, а у подножия колонны стояла еще одна статуя, изображавшая самого правителя с макетом Константинополя в руках.

Что касается папы Урбана, то Михаил оказался прав в своих оценках. К Святому престолу были отправлены два посланца с извещением о восшествии Михаила на трон; с одного из них — согласно имеющимся источникам, которые, возможно, несколько преувеличивают, — заживо содрали кожу, второму же едва удалось спастись. Урбан, поощряемый Балдуином, настойчиво призывал к организации нового Крестового похода с целью отвоевания Константинополя для Запада. Венецианцы полностью поддерживали его, но, к разочарованию Урбана, никто более не проявил особого энтузиазма. Во Франции король Людовик Святой рассудительно заявил, что целью Крестовых походов является борьба с неверными, а не с братьями-христианами. Германия пребывала в состоянии смятения после произошедшей в 1250 г. смерти Фридриха II. Сын Фридриха, Манфред Сицилийский, мог бы откликнуться на призыв Урбана — союз с Римом, почти несомненно, позволил бы ему получить давно уже чаемое признание со стороны папы, — но Урбану такой альянс казался невыносимым. Он знал о непомерных амбициях короля Сицилии, и, даже если бы с его помощью удалось восстановить на константинопольском троне Балдуина, перспектива последующего возвращения долгов Манфреду представлялась папе слишком ужасной.

Ничего не приходилось ждать от генуэзцев, которых понтифик некоторое время назад отлучил от церкви за поддержку

Восточной империи. Однако их сближение с Константинополем оказалось весьма непродолжительным. Летом 1263 г. недалеко от острова Спеце совместная византийско-генуэзская флотилия числом в 48 кораблей дала бой венецианской, насчитывавшей 32 боевых судна. Сражение закончилось унижительным поражением союзников. Не скоро генуэзцам удалось оправиться от этого разгрома и восстановить свои позиции в Восточном Средиземноморье, но еще важнее то, что они утратили доверие и уважение Михаила Палеолога, который платил генуэзцам за защиту византийских территориальных вод и ожидал более значимой отдачи от вложенных денег. Несколько недель спустя Михаил вообще отказался от услуг генуэзской флотилии и предложил ей возвращаться домой.

У Михаила имелись и другие причины для недовольства Генуей. Число хлынувших в Константинополь генуэзцев было столь велико — и торговые отношения они выстраивали столь агрессивно, — что это стало представлять угрозу местной купеческой общине. А в следующем году был раскрыт заговор, организованный генуэзским подеста* в Константинополе Гульельмо Гверчи, который имел намерения поспособствовать королю Сицилии Манфреду захватить город. Когда император представил Гверчи неопровержимые улики, тот во всем сознался, и генуэзцы были изгнаны из Константинополя. Уже через три года после заключения Нимфейского договора альянс с Генуей распался.

Ныне, более чем когда-либо, Михаил Палеолог нуждался в друзьях. От Манфреда ничего хорошего ожидать не приходилось. Король Людовик был всецело занят своими военными кампаниями. Оставался еще папа, чья враждебность к василевсу происходила не из личного нерасположения, но из естественного желания добиться подчинения Константинополя Риму. С другой стороны, Урбан предпочитал, чтобы на берегах Босфора властвовал греческий император-еретик — как меньшее из зол, — а не король Сицилии, и Михаил хорошо осознавал это. Весной 1263 г. латинский епископ калабрийского города Кротоне, грек по имени Николай, отправился с берегов Босфора в Рим с посланием

* Подеста — высшее административное лицо в некоторых средневековых итальянских городах-государствах; так же назывались правители подвластных им территорий и главы землячеств.

василевса к папе, в котором давалось понять, что Константинополь готов выказывать преданность и повиновение папской власти; в подобных обстоятельствах Манфреду пришлось бы отказаться от своих планов завоевания Константинополя. Урбан попался на удочку. Папский ответ, адресованный «Палеологу, прославленному императору греков», содержал почти елейные выражения и обороты речи. Это письмо также было передано с епископом Николаем. Но когда он вернулся в Константинополь, ему разъяснили, что все проблемные вопросы могут быть решены только на Вселенском соборе. Епископу ничего иного не оставалось, кроме как согласиться. Но проведению подобного собора — если бы его все же решили созвать — помешала кончина Урбана. Это случилось в Перудже 2 октября 1264 г.

Наибольшее беспокойство у папы Урбана в последний год его жизни вызывала персона Манфреда Сицилийского. Их ссора носила не только личный характер: к этому времени вековое соперничество между папством и Западной империей — которую в период затянувшегося междуцарствия фактически представлял Манфред — привело к серьезному расколу на итальянской политической сцене, в результате чего возникло два противоположных лагеря: гвельфы, грубо говоря, являли собой папскую партию; гибеллины поддерживали и в свою очередь получали поддержку со стороны императоров Гогенштауфенов. Урбан испытывал особое негодование по поводу того, что Манфред в 1258 г. отобрал Сицилийское королевство (так называемое *Regno* (Реньо)*, которое включало в себя значительную часть Южной Италии со столицей Неаполь) у своего шестилетнего племянника Конрадина, в результате чего владения Манфреда теперь доходили до южной границы Папского государства. По традиции понтифик выступал сюзереном Реньо, и с того момента как Манфред осуществил государственный переворот, папская власть занялась поиском нового, более лояльного к ней принца, которым можно было бы заменить узурпатора. В итоге выбор пал на Карла, графа Анжуйского и Провансальского, младшего брата французского короля Людовика.

Карл представлял собой архетипическую фигуру младшего сына, который не может простить судьбе проклятой случайнос-

* *Regno* — королевство (*ит.*).

ти своего рождения. Холодный и жестокий, амбициозный и своекорыстный, он был совсем не прочь отобрать у Манфреда королевство именем папы. Новый папа Климент IV — еще один француз на папском престоле — пришел с ним к договоренности.

На Троицын день 1265 г. Карл прибыл с 30-тысячным войском в Рим. В противостоянии с такой армией Манфреду практически не на что было рассчитывать. 26 февраля 1266 г. в битве при Беневенто он потерпел поражение и погиб. Вдова Манфреда и трое его маленьких детей оказались захвачены в плен. О вдове и двух детях более никогда ничего не было слышно; об одном сыне известно, что и сорок три года спустя он продолжал находиться в тюрьме.

В 1268 г. сын германского короля Карла IV Конрадин Гогенштауфен предпринял последнюю попытку спасти наследие своей семьи и вторгся с войском в Италию. 23 августа Карл наголову разбил его армию при Тальякоццо. Сам Конрадин был схвачен и обезглавлен на рыночной площади Неаполя. Ему исполнилось только шестнадцать лет, он был последним из династии Гогенштауфенов.

Битва при Тальякоццо зафиксировала момент начавшегося вытеснения германцев французами в Южной Италии. Михаилу Палеологу, наблюдавшему за этими подвижками из Константинополя, подобные изменения представлялись совершенно нежелательными. Манфред являлся источником изрядных проблем; Карл же, как сильно подозревал Михаил, доставит еще больше неприятностей. И последовавшие вскоре события подтвердили правоту василевса.

Карл еще и года не пробыл на троне, как уже завладел Корфу и частью Эпирского побережья. А в мае 1267 г. он скрепил печатью два договора, которые еще больше прояснили его долгосрочные планы. Первый договор предусматривал бракосочетание Изабеллы, дочери Вильгельма Ахейского, с сыном Карла Филиппом и унаследование ими Ахейского княжества после смерти Вильгельма. Во втором документе содержалось обещание Карла в течение семи лет предоставить — лично или посредством его наследников — 2000 всадников Балдуина, чтобы помочь ему возвратиться на константинопольский трон. Взамен Балдуин в

качестве латинского императора должен был уступить Карлу сюзеренитет над Ахейским княжеством, а также отдать большую часть Эгейских островов и на определенных условиях Фессалоникийское королевство. Наконец сицилийская корона получала и императорский трон в Константинополе в том случае, если Балдуин и его сын Филипп де Куртене умрут, не оставив законных наследников. Венеция, по тому же договору, вновь обретала все права, которыми она пользовалась в империи в былые времена. Для скрепления нового альянса предполагалось заключить бракосочетание между Филиппом и дочерью Карла Беатрисой по достижении ею брачного возраста.

Это был поразительный документ. В обмен на туманные обещания отправить незначительные военные силы в отдаленном будущем, договор гарантированно обеспечивал Карлу создание небольшой империи, территория которой предоставляла возможность беспрепятственно осуществлять военные действия против Константинополя как со стороны суши, так и со стороны моря. Неудивительно, что Михаил Палеолог сильно встревожился.

Более чем когда-либо раньше василевсу стало ясно, что необходимо улучшить отношения с папской властью. Однако Климент IV категорически отверг идею созыва собора, поскольку, как он указал, «чистота веры не может быть поставлена под сомнение». Не подлежал обсуждению ни вопрос о *filioque*, ни какие-либо теологические расхождения между церквями. В итоге Климент направил императору текст «исповедания веры», который тому следовало целиком и полностью принять, иначе дальнейшие переговоры между сторонами будут бесполезны. В конце концов Климент добавил, что собирается решить имеющиеся проблемы между Римом и Константинополем любым способом, на который ему «укажет Господь».

Угроза, исходящая от этих строк, была очевидной. Равно очевидным был и тот факт, что в подобных обстоятельствах о союзе не могло идти и речи. К моменту смерти Климента в ноябре 1268 г. отчуждение между сторонами оказалось таким же значительным, каким оно оставалось на протяжении последних веков.

Однако даже не склонный к сотрудничеству папа был для Византии предпочтительнее, чем продолжительное отсутствие

папы на троне. Карлу удалось добиться того, чтобы на протяжении следующих трех лет престол понтифика оставался незанятым, — это позволяло ему действовать, руководствуясь только своими желаниями, без каких-либо ограничений со стороны Рима. К счастью, Михаилу удалось наконец обрести двух союзников. В конце 1267 г. он подписал новое соглашение с Генуей, в соответствии с которым ей передавался весь район Галата. А в апреле 1268 г. император заключил еще один договор — с Венецией, которая к этому времени была уже сильно обеспокоена тем, что Карл завладел Корфу и частью Эпира, откуда при желании мог осуществить блокаду всей Адриатики. Венецианцы дали обещание не предпринимать никаких наступательных действий против империи и воздерживаться от предоставления какой бы то ни было помощи ее врагам. Взамен василевс предоставлял венецианским торговцам свободу проживания, передвижения и торговли на территории всех имперских владений — но при этом и генуэзцы сохраняли все свои права. Отныне должна была начаться честная конкуренция между двумя республиками.

Между тем Карл Анжуйский, свободный от ограничений, которыми могла бы его связать папская власть, готовился к войне. Верфи по всему Ренью работали сверхурочно; продовольствие, деньги и войска в срочном порядке направлялись в Морею*, которая становилась главным плацдармом для военной экспедиции. Карл также активно вел переговоры с европейскими князьями и даже такими неожиданными политическими фигурами, как сельджукский султан, король Армении и монгольский хан. А в августе 1269 г. ему удалось заключить коммерческий договор с Генуей, который утвердил разъяренного Михаила во мнении, что генуэзцам никогда нельзя доверять. Перед лицом таких мощных сил, угрожавших Византии, будущее ее представало в мрачном свете.

Императору срочно пришлось искать нового мощного союзника, и взор Михаила обратился в сторону Франции. Король Людовик, набожный католик, приходился Карлу Анжуйскому старшим братом, поэтому трудно было рассчитывать, что он каким-либо образом окажет поддержку василевсу. Но король готовил новый Крестовый поход, чем и решил воспользоваться

* Морея — область на юге Пелопоннеса.

Михаил. Византийские послы поспешили в Париж: они заявили, что василевс охотно присоединится к экспедиции короля и предоставит мощный воинский контингент. Людовик заинтересовался этим предложением; к несчастью, планы Михаила расстроил брат короля, активно вмешавшийся в переговорный процесс, который в результате сорвался. Второе посольство к французскому королю, направленное в 1270 г., подтвердило желание Михаила обрести покровительство Рима и повиноваться римским установлениям, а что касается конфликта Михаила с Карлом, византийский император готов был безоговорочно подчиниться тому решению, которое примет Людовик.

Король сразу же дал ответ: он известит обо всем Папскую курию и порекомендует ей направить в Константинополь прелата высокого ранга. И вот на берега Босфора прибыл епископ города Альбано с условиями курии: текст «Исповедания веры», отправленный ранее папой Климентом, следует распространить среди ведущих клириков Константинополя, которые обязаны подписать его. Потом в Константинополе пройдет собор, на котором исповедание веры должно быть зачитано и публично принято императором, патриархом, священством и паствой.

Михаил, придя в отчаяние от невыполнимых требований Рима, направил третье посольство к Людовику, который к этому времени отбыл в Тунис. Посланники прибыли в начале августа и обнаружили, что король тяжело болен брюшным тифом; 25 августа он скончался. Им оставалось только возвратиться домой — к берегам Туниса уже приближался Карл Анжуйский с мощной флотилией.

Почему, обнаружив, что его брат умер, Карл не отказался от Крестового похода и не направился к берегам Константинополя? Возможно, к этому времени военная кампания набрала слишком большие обороты и, имея перед собой блестящие перспективы, было бы глупо не довести ее до конца. Вскоре Карл нанес оглушительное поражение эмиру Туниса. Затем он отбыл на Сицилию для зимней стоянки. Армия и флот Карла находились в полной боевой готовности, состояние его духа было на подъеме в результате одержанной им триумфальной победы. Никогда еще до сих пор Карл Анжуйский не представлял столь значительную опасность, и никогда еще над Михаилом Палеологом не нависала такая угроза. Казалось, только чудо могло спасти его.

И это чудо произошло. Едва Карл достиг Трапани*, как там разыгрался один из самых страшных штормов, когда-либо обрушивавшихся на Сицилию. Все 18 крупных кораблей флотилии были разбиты в щепки наряду с бесчисленным множеством более мелких судов. Погибли тысячи людей и лошадей — большая их часть к тому времени не успела разгрузиться и все еще оставалась на борту. В течение нескольких часов и армия, и флот были практически уничтожены.

Михаил Палеолог рыдал от счастья, когда услышал это известие. В очередной раз Пресвятая Дева, покровительница Константинополя, спасла город.

К 1271 г. западный христианский мир пребывал без папы римского уже около трех лет — это был самый длительный период междуцарствия в истории папства. Наконец подеста в Витербо, где проводился конклав, повелел затопить выборщиков во дворце, в котором они заседали, и ограничить их рацион питания. Это возымело желаемый эффект, и 1 сентября на трон понтифика был избран Теобальдо Висконти, архидьякон Льежа. Он находился в тот момент в Палестине — сопровождал английского принца Эдуарда, который вскоре стал королем Англии Эдуардом I. Теобальдо, не теряя ни минуты, отправился на корабле в Рим. По прибытии он взял себе имя Григорий X.

Поездка на Восток произвела на Григория совершенно неизгладимое впечатление. Он вознамерился отвоевать Иерусалим. Но поскольку без помощи Византии сделать это было невозможно, заключение церковной унии представлялось ему делом первостепенной важности. В октябре 1271 г. Григорий направил Михаилу Палеологу приглашение на Всеобщий церковный собор, проходивший в Лионе каждые два года. Понимая, как не просто будет Михаилу договариваться по этому щекотливому делу со своим православным клиром, Григорий дал понять, что требования предыдущего папы не являются обязательными и признания византийскими епископами верховенства папской власти вполне достаточно.

Михаил сразу же дал ответ; он уверял папу, что для него самого вопрос об унии является первоочередным. Его предста-

* Трапани — город на северо-западном побережье Сицилии.

вители непременно будут присутствовать на ближайшем соборе. Михаил только просил предоставить им сопровождение: король Сицилии вполне был способен ликвидировать византийскую делегацию во время ее следования по территории Карла, а затем предъявить императору упрек, что тот вообще никого не направлял на собор.

Папа, понимая опасения Михаила, повелел аббату Монте-Кассино встретить посланцев по прибытии в Ренью и сопровождать до самого Рима. Между тем Григорий продолжал внушать Карлу мысль о его моральном долге содействовать предполагаемому объединению. Король возражал: он собирался начать военную кампанию против Византии до мая 1274 г. Григорий упросил его отложить все это дело на год, и Карл, чья флотилия не была еще полностью восстановлена после бедствия в Трапани, согласился, не особо упорствуя.

Поездка греческих делегатов в Лион оказалась не из приятных. Отбыв из Константинополя в марте 1274 г., они в скором времени попали в бурю, во время которой одно из двух судов потерпело крушение — погибли все, кто был на борту; ко дну пошли и подарки, отправленные императором папе. Когда трое оставшихся в живых посланцев василевса достигли Лиона в конце июня, собор к этому времени заседал уже семь недель. Там присутствовали все ведущие клирики западного христианского мира, в полном составе была представлена коллегия кардиналов — собрание насчитывало порядка 1500 человек. 24 июня посланников препроводили в папский дворец. Папа одарил их поцелуем любви, а они передали ему послание императора. Никаких дискуссий не велось.

Пять дней спустя Григорий совершал богослужение во время особой двуязычной мессы, призванной отметить предстоящее заключение унии. Византийцы принимали активное участие в литургии: Евангельский текст, Апостол и Символ веры читали на латинском и греческом языках, в том числе повторенное троекратно *filioque*, на котором был сделан особый акцент. 6 июля последовало было официальное заявление о заключении унии. Послание императора зачитали в переводе на латынь. Оно включало в себя «Исповедание веры» — вместе с включенным сюда *filioque* — и признание верховенства папской власти. В письме,

правда, содержалась еще и просьба о том, чтобы византийской церкви было дозволено сохранить свой Символ веры (сформулированный еще до раскола между церквями) и ограничиться теми своими старыми обрядами, которые не шли вразрез с постановлениями Вселенских соборов. Затем великий логофет Георгий Акрополит дал клятву от имени императора. Впервые за двести двадцать лет Восточная и Западная церкви вступили в тесный контакт друг с другом.

Или так, по крайней мере, казалось. Только с возвращением императорских посланников подданные Михаила начали в полной мере осознавать, что произошло. Признание верховенства папской власти выглядело достаточно скверно, но предательство — а, по мнению многих византийцев, никак иначе назвать содеянное Михаилом было нельзя — зашло гораздо дальше. По какому праву император покусился на самую основу их религии, на ее вероучение? Грубо поправ каноническое право, он тяжело оскорбил Пресвятую Деву, под чьим особым покровительством находился их город. И каких новых несчастий следовало ожидать теперь византийцам? На протяжении веков они презирали Запад не только за то, что он пребывает в ереси, но также и за его грубость и неотесанность, и пятьдесят семь лет латинской оккупации не предоставили им повода изменить свое мнение. Теперь, по прошествии всего лишь тринадцати лет свободы, византийцев опять впрягали во франкское ярмо. Вскоре на улицах уже появились демонстранты. И эмоции еще больше накалились, когда патриархом был назначен известный сторонник унии Иоанн Векк.

Возможно ли, что Михаил Палеолог недооценил характер и настроения своих подданных? До некоторой степени это, наверное, так. В любом случае Михаил считал, что не мог действовать иначе. Союз с Римом лишил короля Сицилии и номинального латинского императора Филиппа де Куртене — который наследовал своему отцу Балдуину в 1273 г. — морального оправдания для военных действий против империи и на какое-то время спас Византию. Этот союз позволил легитимизировать притязания Михаила на Константинополь в глазах Запада. Благодаря заключенной унии папская власть даже перестала противодействовать планам императора очистить Балканский полуостров от немно-

гих остававшихся там латинян. Но цена за все это оказалась поистине огромной.

Еще задолго до того, как императорские посланники прибыли в Лион, Михаил начал свою последнюю военную кампанию на Балканах; его войска заняли Бутринто, отбросив анжуйскую армию назад к Адриатике. Королю Карлу, который в это время был полностью поглощен делами в Италии и на Сицилии, донесли, что по ходу военных действий он понес значительные территориальные потери, а также уничтожена немалая часть его войска.

В следующем году брат императора, деспот Иоанн Палеолог, предпринял осаду дворца в Неопатре, где прятался Иоанн Бастард, который к тому времени вновь перешел на сторону франков. Но Бастарду не впервой было оказываться припертым к стенке. Ночью он по веревке спустился с дворцовой стены и незамеченным пробрался через византийский лагерь. Три дня спустя Иоанн достиг Фив, где набрал отряд из 300 всадников, и поспешил с ним назад, атаковав имперскую армию с тыла. Деспот делал все возможное, чтобы организовать оборону, но его людей охватила паника и они бежали. Несколько месяцев спустя ему удалось отомстить: состоялась битва вблизи города Деметрия, находившегося на берегу залива Волос, результатом которой стало пленение почти всех франкских военачальников. По мнению Михаила Палеолога, эта победа намного перевешивала предыдущее поражение. Однако деспот Иоанн считал, что даже этот триумф не может загладить унижение, испытанное им при Неопатре. По возвращении в Константинополь он немедленно сложил с себя командование.

10 января 1276 г. папа Григорий скончался в городе Ареццо. И хотя по идее его преемник Иннокентий V (бывший архиепископ Лионский) должен был поддерживать тесные контакты с Византией, он проявлял гораздо меньше интереса к организации новых Крестовых походов и соответственно к той стратегической роли, которая отводилась Константинополю его предшественником. Более того, Иннокентий был французом — с вытекающим из этого обстоятельства отношением к Византии. Его избрание стало триумфом для Карла Анжуйского, который беззастенчиво интриговал ради избрания архиепископа Лионского. Но тот в

свою очередь умер после пяти месяцев понтификата; его преемник Адриан V умер уже через пять недель. А преемник Адриана Иоанн XXI пробыл на патриаршем троне лишь семь месяцев — прежде чем потолок его нового рабочего кабинета не рухнул ему на голову и не раздавил его. Только в ноябре 1277 г. кардиналы, про заседав шесть месяцев на конклаве — четвертом за полтора года, — в итоге сумели-таки пойти наперекор махинациям Карла и избрать папу, способного достойно выполнять свои обязанности.

Джованни Гаэтано Орсини, взявший имя Николай III, был членом одного из старейших и влиятельнейших римских семейств. Он не собирался терпеть постоянное вмешательство Карла в папские дела, еще менее Николай был настроен мириться с имперскими притязаниями сицилийского короля. На протяжении ряда лет Карл использовал свой титул римского сенатора*, чтобы оказывать давление на процесс папских выборов, — точно так же как он использовал свою должность папского викария** Тосканы, чтобы расширить собственное влияние на Апеннинском полуострове. Уже через несколько недель после избрания новый папа лишил Карла обоих постов. Николай строго-настрого запретил сицилийскому королю атаковать Константинополь. В представлении Николая Восток и Запад являли собой противостоящие друг другу силы, и папство должно было поддерживать равновесие между ними. Михаил с удовлетворением наблюдал, как умирляют его главного врага; угрозы для империи более не существовало.

Папа Николай мог бы спасти Византию, но у него все еще были серьезные подозрения в отношении Восточной церкви и ему требовались доказательства того, что заключенный союз является полновесным и прочным. К несчастью, он в очень малой степени обладал выдержкой, присущей Григорию X, и совершенно не владел той дипломатической изощренностью, которая отличала последнего. Весной 1279 г. Николай направил посольство к Михаилу — тому был предъявлен целый ряд категорических требований. Понтифик совершенно однозначно отказал императору в удовлетворении его прежних просьб о том, чтобы

* Сенатор Рима — на тот период времени должностное лицо в городе.

** Папский викарий — заместитель папы на определенной территории.

грекам было дозволено сохранить свои старые обряды, возникшие еще до раскола: «Единство веры не допускает проявления различий в вероисповедании и религиозной практике верующих». В заключение папа извещал Михаила о своем намерении назначить кардинала-легата, у которого была бы постоянная резиденция в Константинополе.

Постепенно позиция Михаила касательно отношений с Римом становилась все более нестерпимой для константинопольской общественности и церковных кругов. И василевс знал, что он не может более оказывать давление на патриарха. Но он еще мог лавировать.

Собрав всех верховных клириков во дворце, Михаил высказался перед ним так откровенно, как никогда еще до сих пор:

«Я осознаю, что использовал силу против многих из вас и что оскорбил многих своих друзей, в том числе членов моей семьи... Я полагал, что все это дело завершится и что латиняне не будут более ничего требовать... но теперь они требуют дальнейших доказательств приверженности союзу. Бог свидетель, я не изменю наше вероисповедание ни на одну букву, ни на йоту. Я обещаю придерживаться божественного вероучения наших отцов. Если я окажу послам сердечный прием, то это не причинит вам вреда. Я думаю, что нам надо проявить к ним доброжелательное отношение, с тем чтобы мы не создали себе новых проблем».

Слова Михаила возымели эффект. Греческие клирики выслушали папских посланников и проявили при этом достаточную деликатность. Но с совершенной непреклонностью они отказались произнести требуемые клятвы.

Для римских послов этого оказалось более чем достаточно. Можно было поверить или не поверить в искренность намерений Михаила и его сына Андроника, но верхушка греческой церкви полностью подтвердила подозрения латинян: в сознании византийцев никакого союза между церквями не произошло.

Столь же безуспешным оказалось стремление Николая III настроить на миролюбивый лад Карла Анжуйского. Неоднократные попытки папы помирить двух противников начисто игнори-

ровались ими обоими. Карл не нуждался в мире, поскольку стремился завладеть Константинополем. Михаилу же мирный договор связал бы руки на Балканах, где война, которую он вел против князей Ахеи, Эпира и Фессалии, приносила в настоящее время богатые плоды. Вильгельм Ахейский умер 1 мая 1278 г., через год после кончины его наследника Филиппа Анжуйского. По условиям договора 1267 г. Карл унаследовал княжество и в результате добился преобладающего влияния во всей Восточной Европе. Но жадность и коррумпированность его губернаторов привела к тому, что местное население подняло настоящее восстание, благодаря чему имперские войска смогли продолжить отвоевание Мореи даже еще более быстрыми темпами, чем раньше.

В августе 1280 г. Николай III умер, и у Карла наконец оказались развязаны руки — он начал готовить давно уже задуманное нападение на Константинополь. Пелопонесские порты и гавани, находившиеся под его контролем, были бы весьма полезны для отправки военно-морской экспедиции, но отсутствие у Карла адекватной флотилии делало ее невозможной. Нападение следовало осуществлять с суши. Осенью 1280 г. армия, насчитывавшая примерно 8000 человек, в том числе 2000 кавалеристов и большой отряд сарацинских лучников, направилась на восток через Албанию — к византийской крепости Берат.

В городе находился сильный и хорошо оснащенный гарнизон. Однако его командир направил в Константинополь курьеров, которые должны были передать настоятельную просьбу об отправке подкреплений. Посыльные нашли Михаила Палеолога в состоянии глубокой озабоченности. В Константинополе все еще были накалены страсти по поводу церковного союза; многие из врагов василевса видели в экспедиции Кала Анжуйского средство раз и навсегда избавиться от Михаила. Если бы Берат пал, то уже через несколько недель Карл был бы в Фессалониках, и что тогда ожидало Константинополь? Император отдал под командование своего племянника Михаила Тарханиота все самые лучшие отряды, которые он смог собрать, для похода в Берат. Далее Палеолог распорядился нести круглосуточное боевое дежурство на всей территории Константинополя. По крайней мере в ближайшую ночь о церковной унии было забыто: в сотнях церквей служили литургию по старому византийскому канону — народ молился о спасении своей страны.

Осада Берата продолжалась на протяжении всей зимы, пока в марте 1281 г. не подошел Тарханиот со своей армией. Через день началось тщательно подготовленное им сражение. Тяжелые доспехи надежно защищали латинских кавалеристов от стрел имперских лучников, но лошади под всадниками падали одна за другой и к вечеру большая часть анжуйских воинов была убита или взята в плен. Для Михаила Палеолога эта победа явилась самой значительной со времени отвоевания Константинополя — он теперь контролировал всю внутреннюю часть Албании и Северный Эпир.

Для Карла Анжуйского несколько роковых часов под Бератом отодвинули давно вынашиваемую мечту о собственной империи на Востоке на неопределенный срок, но полностью от этой мечты он не отказался. Несмотря на понесенные Карлом потери, его положение было далеко не безнадежным, и оно в значительной степени улучшилось в феврале 1281 г., когда на папскую должность оказался избран еще один француз, взявший имя Мартин IV. Совершенно не доверявший итальянцам, Мартин не делал секрета из своего намерения подчинить папство интересам Франции. Карл мог беспрепятственно продолжать экспансионистскую политику.

Предметом его внимания стала Венеция — Берат ясно дал ему понять, что следующая экспедиция на Константинополь должна происходить морским путем. Поначалу попытки Карла уговорить республику сотрудничать с ним ни к чему не приводили, но в конце концов Серениссима* переметнулась в его лагерь. 3 июля в Орвьето был подписан договор, в соответствии с которым против Константинополя должен быть предпринят военный поход, в котором все три суверена — Карл (или его старший сын), «император Латинской империи» Филипп де Куртене и дож Джованни Дандоло — примут личное участие. Экспедицию назначили на весну 1283 г. Уже через три месяца после заключения договора, 18 октября, папа приговорил византийского императора к отлучению от церкви.

Михаил чувствовал себя глубоко оскорбленным. До сих пор еще ни один василевс не делал так много для папства. Теперь же,

* Серениссима — Светлейшая. Так на протяжении шести столетий именовалась Венецианская республика.

вместо того чтобы как-то отметить его заслуги, папская церковь подвергала его анафеме, сводя на нет двадцатилетнюю работу по примирению Рима и Константинополя и оставляя Михаила беззащитным перед лицом его врагов. Однако даже теперь император не стал денонсировать унию, но приостановил все мероприятия, направленные на введение в государстве латинского обряда, и постарался сделать все возможное для восстановления добрых отношений с греческой церковью: ее поддержка очень понадобится ему в ходе предстоящих тяжелых испытаний.

В тот период времени Карл Анжуйский оказался самым могущественным государем в Европе. Помимо того что он был сувереном двух королевств, Сицилийского (включавшего всю Южную Италию) и Албанского, Карл также являлся правителем Ахеи, Прованса, Форкалькье, Анжу и Мэна, сюзереном Туниса и (вторично) сенатором Рима. Французский король приходился ему племянником, король Венгрии и номинальный император Константинополя были его зятьями. Карл имел союзные договоры с Сербией, Болгарией, Эпиром и Венецианской республикой. Папа являлся всего лишь его марионеткой. На верфях Карла в Неаполе, Провансе и нескольких портах на Адриатическом побережье велось строительство 300 кораблей, и еще 100 судов было направлено с Сицилии — этой огромной флотилии хватило бы для перевозки примерно 27 000 конных рыцарей и всего необходимого снаряжения для проведения самой амбициозной военной кампании за всю карьеру этого деятельного политика.

Против Карла выступали Михаил Палеолог, Генуэзская республика и Педро III Арагонский. Последний, будучи зятем Манфреда, считал себя законным наследником Гогенштауфенов. Его посланники дважды наносили тайные визиты Михаилу. В обоих случаях их дальнейший путь лежал на Сицилию, куда они привозили изрядное количество византийского золота, призванно-го поддержать пламя народного недовольства. Сицилийское население Карла ненавидело, будучи обобрано до нитки его непомерными налогами.

К предпасхальным дням 1282 г. огромный флот Карла Анжуйского встал на якорь в Мессине, и бальи* стали совершать

* Бальи — административная должность среднего и низшего ранга в средневековой Европе.

объезд острова, реквизируя без всякой компенсации фураж, лошадей, коров и свиней, чтобы обеспечить армию во время ее длительного похода. В результате антианжуйские настроения накалились до точки воспламенения. Роковая искра вспыхнула в Пасхальный понедельник вблизи церкви Святого Духа в Палермо. Толпа народа заполнила площадь перед церковью в ожидании колокольного звона, призывавшего на вечернюю мессу. Тут появилась группа пьяных анжуйских солдат, и один из них начал приставать к молодой сицилийской женщине, после чего ее муж набросился на обидчика и заколол его ножом. Друзья погибшего попытались отомстить за него, но их окружили сицилийцы и в считанные минуты расправились с ними. И в то время как колокола призывали на вечерню, жители Палермо неслись по улицам города, призывая сограждан подниматься на борьбу против угнетателей. К следующему утру в Палермо не осталось в живых ни одного француза.

К концу апреля мятеж достиг Мессины — там было подожжено 70 анжуйских судов, стоявших в гавани. Разъяренный Карл осадил город, но 30 августа Педро Арагонский высадился в Трапани, а 2 сентября вошел в Палермо, где его провозгласили королем. Две недели спустя послы Педро появились в анжуйском лагере в окрестностях Мессины.

Карл перед численным превосходством противника оказался в безнадежной ситуации. Единственным разумным путем для него теперь было возвращение на материк, где он мог собрать новое, более сильное войско. Карл сказал послам, что он, естественно, отвергает притязания их повелителя на остров, но готов на время вывести оттуда свои силы. Вывод войск осуществлялся ускоренными темпами — арагонская армия была на подходе — и 2 октября мессинцы открыли городские ворота своему новому королю.

Для Михаила Палеолога и его подданных «Сицилийская вечерня», как стали называть восстание островитян против Карла Анжуйского, явилась еще одним подтверждением того, что Всевышний на их стороне. Но у Михаила оставалось еще достаточно поводов для беспокойства.

В это время турки начали усиливать свое давление на Византию. Как только император вернулся из Анатолии, ему пришлось

организовывать новый поход против Иоанна Бастарда, которого он в свое время опрометчиво принял к себе на службу. Между тем Михаилу пошел пятьдесят девятый год, и продолжительное напряжение сил теперь начинало явно сказываться на его здоровье. Он умер 11 декабря 1282 г., объявив наследником Андроника, своего сына и соправителя.

Андроник имел вполне четкое представление о крайней непопулярности фигуры покойного императора в столице. По его распоряжению тело отца отвезли в отдаленное место и присыпали землей, чтобы защитить от диких зверей. Не было ни официальной могилы, ни торжественной церемонии захоронения. Дело в том, что Михаил официально отрекся от римской веры и в глазах православных умер еретиком. Поэтому церковь отказывала покойному Михаилу в христианском погребении, а Андроник предпочел не обострять с ней отношения. Императора, при котором произошло отвоевание Константинополя, а империя была спасена от почти неминуемого уничтожения, вознаградил посмертной ссылкой. Он так и не вернулся в свою столицу — позднее его останки перенесли в ближайший монастырь.

Сегодня о Михаиле Палеологе вспоминают в основном в связи с отвоеванием Константинополя, однако в этом мало его собственной заслуги. Но ведь он никогда и не был настоящим императором-воином; прежде всего Михаил являлся дипломатом — возможно, самым блестящим в истории Византии. Для сохранения безопасности империи он был готов пожертвовать чем угодно — даже своей церковью. И к моменту его смерти Византия обрела такое надежное и устойчивое положение, какого не имела на протяжении столетия, а свобода церкви не оказалась ущемленной. Кто-то будет утверждать, что Михаилу просто повезло, но везение сопутствовало большинству великих деятелей, а Михаил Палеолог был великим императором. Как и у всех великих людей, у него имелись недостатки. Это был неискренний и двуличный человек, а когда выходил из себя, становился и вовсе безжалостным и жестоким. То, как он обошелся с Иоанном Ласкарисом, шокировало всех его современников, в том числе и собственную семью. Но мало кто еще смог бы настолько уверенно управлять империей в самый опасный период ее истории. Возможно, Михаилу и везло, однако его народу,

который обрел такого правителя в такое время, повезло еще больше.

Правда, в экономическом плане Михаил оставил империю на грани банкротства. Что касается военной области, то постоянная озабоченность василевса европейскими делами предоставляла туркам и монголам полную свободу действий. Сам Михаил мог бы утверждать, что был не в состоянии сражаться одновременно на два фронта, а со стороны Запада нависала совершенно очевидная угроза. Но многие византийцы возразили бы ему, что исламские армии представляли собой намного более грозную силу, чем король Анжуйский. Если бы столицей оставалась Никея, то византийское присутствие в западной части Малой Азии позволяло бы удерживать баланс сил; в этом отношении перенос престола в Константинополь оказался едва ли не катастрофическим для государства.

Но в такой дискуссии не было бы ничего нового. Византии всегда приходилось вести наблюдение в обе стороны, и каждый василевс, достойный своего титула, был вынужден концентрироваться на каком-то одном направлении. Михаил едва ли мог действовать иначе. Здесь стоит попристальнее взглянуть на других участников политического процесса того периода: на народы Запада и прежде всего на греческих князьков, правивших на Балканском полуострове, оказавшихся настолько ослепленными собственными амбициями, что не смогли углядеть угрозу не только себе, но и всему христианскому миру, от которой сильная и объединенная Византия вполне могла его спасти.

25

Два Андроника (1282—1341)

Император Андроник II вернулся в Константинополь, намереваясь возвестить о том, что православная церковь ныне вновь обретает полную независимость. Являясь соправителем, он был обязан поддерживать политику, проводимую его отцом, но в душе всегда испытывал к ней отвращение. К тому же на него действовало, что Михаил умер отлученным от церкви, и Андроник не испытывал желания повторить его судьбу.

Едва он вернулся в столицу, как сразу же официально отрекся от своих прежних клятв верности Риму. Патриарх Иоанн Векк, главный поборник церковного единства, был лишен престола. Иосифа, прежнего патриарха, находившегося уже в совершенно дряхлом состоянии, внесли в главный собор на носилках и торжественно интронизировали во второй раз. Но он не протянул долго, и после продолжительного междуцарствия Андронику удалось обеспечить избрание афонского монаха Афанасия, жившего ранее отшельником. Набожному императору аскетизм нового патриарха казался очень уместным — это отвлекало внимание церкви от политических вопросов. А в глазах клириков Афанасий был всего лишь немытым фанатиком во власянице, озабоченным только одним — преследованием священнослужителей за их мирские устремления и накопленные богатства. Летом 1293 г. делегация ведущих иерархов церкви потребовала его смещения, и в октябре Афанасий сложил с себя обязанности, но перед этим он официально подверг анафеме своих врагов.

В следующем году вдовствующий император взял в жены одиннадцатилетнюю Иоланту, дочь Вильгельма V, маркиза Мон-

ферратского. Вильгельм до этого именовал себя королем Фессалоник, но теперь уступал титул Андронику: не должно оставаться более никаких двусмысленностей в отношении статуса второго города в империи. Но Андроник знал, что, если на Фессалоники будет совершено нападение, он не сможет прийти на помощь: василевс уже сократил до минимума свои вооруженные силы.

Поскольку почти ежедневно происходило уменьшение азиатских владений империи, представляется почти невероятным, что Андроник мог действовать подобным образом. Византия давно уже опиралась на силу наемнических войск; Андроник сократил их численность до самоубийственного уровня — расформировав при этом закаленные полки и отдав предпочтение отрядам, состоявшим из бродяг и беженцев. Дешевизна подобного войска никак не могла компенсировать отсутствие дисциплины и опыта. Андроник в придачу упразднил и военно-морской флот — к вящей радости генуэзцев, которые могли требовать теперь значительно большую плату за свою поддержку. Между тем турки, достигнув Средиземноморья, начали строить собственный флот, и они с охотой прибегали к квалифицированному наставничеству тысяч неимущих византийских моряков, которые теперь оказались вынуждены обращаться к мусульманам за работой.

Турки-сельджуки уже более не представляли собой ту единую боевую силу, какую они являли во времена своего расцвета. Разгром армии султана монголами в 1243 г. фактически положил конец его власти в Анатолии. Однако несколько турецких племен, стремительно отступавших под натиском монголов, в итоге обосновались на ничейной земле вдоль византийской границы, откуда начали осуществлять регулярные набеги на имперскую территорию. Вскоре они нашли оправдание этим рейдам, определив их как форму исламского джихада — священной войны против неверных. Их следующим естественным шагом было определение себя как гази — воинов веры. К началу XIV столетия лишь несколько крупных византийских крепостей — Никея и Никомедия, Сарды и Бруса, Филадельфия и Магнесия — и считанное число изолированных портов, таких как Ания на Эгейском побережье и Гераклея на побережье Черного моря, еще продол-

жали держаться; за этими исключениями вся Анатолия оказалась поглощена турками.

На Западе ситуация также ухудшалась стремительными темпами. Константинополь ликовал, когда Карл Анжуйский умер в 1285 г., оставив трон своему сыну Карлу II, но вскоре оказалось, что молодой король настроен не более дружелюбно к Византии, чем его отец. В 1291 г. — когда состоялось падение Акры, последнего крестоносного государства Отремера, — Карл предложил Никифору Эпирскому сementировать их союз браком между сыном короля Филиппом и дочерью деспота Тамарой. Так, Филипп стал повелителем всех греческих владений Карла, получив титул принца Тарентского, и обрисовалась вторая анжуйская угроза Константинополю.

Между тем в Сербии в 1282 г. наследовал престол новый король Стефан Милутин, взявший имя Стефан Урош II. Он заявил о поддержке анжуйцев, заключил союз с Эпиром, объявил войну империи и сделал своей столицей Скопль, стратегический опорный пункт, позволявший контролировать дорогу, идущую на Фессалоники. Стефан также скрепил союз с Иоанном Дукой Фессалийским, женившись на его дочери. Сербско-фессалийский альянс угрожал не только Фессалоникам — под прицелом оказалась вся дорога, ведущая через Балканский полуостров к Адриатике.

В 1297 г. измученный войнами с Сербией Андроник, узнав, что жена Милутина умерла, решился на дипломатический ход: предложил сербскому королю свою дочь от Иоланты Симониду. Правда, девочке исполнилось только пять годков, а ее предполагаемый муж приближался к сорокалетию, но эту жертву следовало принести. На Пасху 1299 г. Андроник лично сопровождал Симониду в Фессалоники, где ее ждал жених.

Для Византии смена столетий явилась временем нескончаемых бедствий, а Андроник оказался неспособен остановить ускоряющееся падение. Константинополь даже стал полем сражения между Генуей и Венецией, на котором они разрешали свои споры. В июле 1296 г. венецианская флотилия дошла до входа в Босфор и предприняла яростную атаку на генуэзскую колонию в Галате. Когда в бой вмешался имперский гарнизон, венецианцы обратили огонь на сам город и сожгли все дома в округе. В

декабре генуэзцы организовали контратаку, уничтожив главные венецианские здания в Константинополе и вырезав всех венецианцев, занимавших здесь видное положение. На следующее лето появилась новая венецианская флотилия — привезла депешу Андронику от дожа. В ней император обвинялся в том, что потворствовал генуэзцам в их агрессии, объявлялся ответственным за нанесенный венецианцам урон, и от него требовалась выплата компенсации. Эскадра прошла в Золотой Рог, подожгла одну из имперских галер и с несколькими генуэзскими пленными на борту вернулась в Венецию.

В 1299 г. Венеция и Генуя заключили сепаратный мир, однако венецианцы все еще продолжали настаивать на компенсации от Византии и летом 1302 г. предприняли третий за семь лет рейд на Константинополь. Вновь венецианцы вошли в Золотой Рог и сожгли все византийские здания в округе. Затем они заняли остров Принкипо в Мраморном море, использовавшийся в то время как лагерь для анатолийских беженцев, и стали угрожать, что вырежут их, если император не выплатит должную компенсацию. Андроник сдался, согласившись также на подписание десятилетнего договора, закреплявшего за венецианцами все их былые привилегии в Константинополе.

1302 г. стал для Византии поистине ужасным. Ранней весной сын императора и соправитель Михаил IX потерпел поражение от турок вблизи Магнесии и едва сам унес ноги. Затем произошел очередной венецианский рейд на Константинополь. А всего лишь несколько недель спустя, 27 июля, в окрестностях Никомедии византийское войско встретилось с турецкой армией, вдвое большей по численности, под командованием эмира Османа Гази. Проигранное византийцами сражение оказалось не слишком кровавым, но путь Осману теперь был расчищен и он двинулся вдоль побережья Мраморного моря, пока не достиг берегов Эгейского моря. Таким оказалось первое появление на исторической сцене человека, который, начав карьеру как правитель одного из самых маленьких эмиратов в Анатолии, в итоге основал династию, давшую свое имя Османской империи.

В этом же 1302 г. Андроник Палеолог получил послание от Рожера де Флора, главы великой каталонской компании. Эта компания, по сути, являла собой отряд профессиональных испанских наемников — преимущественно из Каталонии, но также

и из других мест, — рекрутированных в 1281 г. Педро Арагонским для своих североафриканской и сицилийской экспедиций. О Рожере де Флоре известно, что он был сыном Рихарда фон дер Блюма, немецкого сокольничего Фридриха II. В возрасте восьми лет Рожер взошел на борт тамплиерской галеры. Позднее он сделался весьма успешным пиратом, после чего предложил свои услуги сыну Педро Фредерику, который немедленно назначил его адмиралом. Рожер вскоре проявил себя таким же храбрым бойцом на суше, каким был на море, и быстро приобрел себе верных последователей. Так возникла каталонская компания.

К концу 1302 г. Рожер направил к Андронику двух посланников, предложив ему услуги компании на девять месяцев. Взамен Рожер требовал оплаты этих услуг по двойному тарифу, для себя лично — титула великого дуки (в то время это был пятый по значимости титул в византийской иерархии) и руки шестнадцатилетней племянницы императора Марии. Как ни странно, Андроник принял предложение, и в сентябре 1302 г. каталонская флотилия вошла в Золотой Рог. На борту находились не только 2500 бойцов — более половины из них кавалеристы, — но также (к тихому ужасу императора) их жены, любовницы и дети: общее число приезжих оказалось около 7000. Вскоре после этого состоялось венчание Рожера и Марии, а несколько дней спустя вся компания пересекла Мраморное море и высадилась вблизи Кизика, на тот момент осаждаемого турками.

И теперь наконец каталонцы смогли продемонстрировать свои ценные боевые качества. К весне 1303 г. турки отступили на всех фронтах. Но получилось так, что Андроник дал волю силам, которые он не смог затем контролировать. Каталонцы самостоятельно принимали все решения; когда им удавалось достаточно награть, они все оставляли себе. Властное высокомерие каталонцев вызывало постоянное недовольство у их союзников. И к тому времени, когда наемники дошли до ставки соправителя императора Михаила IX в Пигах, вокруг них уже сложилась такая атмосфера всеобщей враждебности, что Михаил просто закрыл перед ними ворота.

Но Пиги каталонцев интересовали мало; их взоры были прикованы к Филадельфии, которую осаждали караманские* турки.

* Караман — город в центральной части Южной Анатолии; в 1275 г. стал центром турецкого эмирата Караманид.

Несмотря на то что за плечами каталонцев был форсированный переход длиной в 120 миль, они атаковали на следующий же день после прибытия на место, прямо на рассвете. К полудню около 18 000 турок полегли на поле сражения; оставшиеся, включая эмира, бежали.

Менее чем за два года бывший пират обрел статус члена императорской семьи, записал на свой счет решительные победы как над османами, так и над караманскими турками, и завладел значительными территориями в юго-западной части Малой Азии. Рожер не слишком стремился беззаветно сражаться за Византию; опыт последних нескольких месяцев пробудил в нем надежды создать собственное независимое королевство. И в начале 1304 г. Рожер затеял амбициозный поход на Восток. В августе он со своим войском осаждал Магнесию, когда к нему пришло послание от императора: Феодор (Тодор) Святослав, узурпатор, которому в ходе своего правления удалось объединить большую часть Болгарии, ныне вторгся во Фракию и уже угрожает Константинополю. Только с помощью каталонцев Андроник надеялся спасти свою столицу. Это обращение нельзя было проигнорировать: Магнесию пришлось оставить на потом. Двинувшись ускоренными темпами к Геллеспонту, Рожер де Флор перевел войско через пролив и разбил лагерь в Галлиполи. И тут каталонцы получили от соправителя императора Михаила письмо, в котором говорилось, что их помощь уже не требовалась. Каким образом кризисная ситуация оказалась разрешена столь молниеносно, объяснений не давалось. Не было ли все это трюком — задавался, видимо, вопросом Рожер, — для того чтобы вернуть каталонцев и позволить византийцам держать их под своим наблюдением?

В начале 1305 г. в Золотом Роге появились 9 испанских галер. Этой флотилией командовал Беренгер д'Энтенса, один из старых сослуживцев Рожера. Цель его визита остается загадкой, но Беренгеру был оказан теплый прием и вскоре присвоен титул великого дуки; Рожера же повысили до ранга кесаря. Эту последнюю почесть Рожер, по всеобщему признанию, заслужил, но, вероятно, она ему не показалась достаточной компенсацией за необоснованный вызов из Азии. Андроник, вне всякого сомнения, осознавал, что, обуреваемый паническим страхом перед болгарской угрозой, совершенно напрасно так срочно призвал в Конс-

тантинополь каталонцев, чем изрядно обозлил их. К тому же компания уже целый год не получала платы за свои услуги — имперская казна была, как обычно, пуста.

Заявления обоих начальников компании начинали принимать все более угрожающий тон. В особенности негодовал Беренгер — вернув византийскому двору обеденный сервиз, состоявший из золотых и серебряных предметов, на котором ему преподносили еду, сел на свой флагманский корабль и отправился в каталонский лагерь в Галлиполи. Перед отбытием Беренгер демонстративно бросил с борта в воду регалии великого дуки — прямо на виду у обитателей дворца.

Наконец, после того как Андроник удовлетворил требование Рожера, предоставив ему в ленное владение всю византийскую Анатолию, каталонцы начали готовиться к возвращению в Азию. Но, прежде чем отправиться к своим новым владениям, Рожер решил нанести официальный визит Михаилу IX, находившемуся в Адрианополе. Беременная жена Рожера Мария и ее мать умоляли его не делать этого, но он проигнорировал их увещевания и 23 марта 1305 г. отправился с эскортом в 300 кавалеристов и 1000 пехотинцев в ставку Михаила. Рожер пробыл в Адрианополе более недели, а накануне отъезда в Галлиполи вместе со своими офицерами присутствовал на прощальном пиру, устроенном Михаилом в честь кесаря. Когда пиршество подходило к концу, двери широко распахнулись и до зубов вооруженный отряд аланских наемников ворвался в зал. У каталонцев, безоружных, уступавших аланам в численности и, почти несомненно, пьяных, не имелось никаких шансов. Рожер был убит вместе со всеми остальными.

Как только известие об этом событии достигло лагеря в Галлиполи, движение в сторону Азии остановилось, а те, кто уже пересек пролив, были отозваны назад. Затем каталонцы двинулись во Фракию, верша там отмщение и сея ужас среди местного населения. Михаил IX предпринял все возможное, чтобы остановить компанию, но его армия была разгромлена вблизи города Редесто, а сам он лишь по счастливой случайности остался в живых.

Летом 1308 г. каталонцы повернули на запад, в сторону Фессалоник. На своем пути каталонцы подвергли разрушению бес-

счетное количество городов и деревень и даже разграбили монастыри на горе Афон, прежде чем поступили на службу к Вальтеру Бриеннскому, французскому герцогу Афин. Но Вальтер вскоре обнаружил — как это ранее обнаружили византийцы, — что каталонцев легче нанять на службу, чем потом избавиться от них. 15 марта 1311 г. они уничтожили и самого Вальтера, и его армию, а затем в Афинах основали собственное герцогство, которое просуществовало семьдесят семь лет.

Менее чем за десятилетие каталонцы причинили империи почти столько же вреда, сколько турки за столетие. Если бы они придерживались условий соглашения, то могли бы повернуть вспять исламский поток и изменить всю будущую историю Леванта. Вместо этого сто лет спустя после Четвертого крестового похода каталонцы нанесли Византии, которую прибыли спасать, еще один жестокий удар.

Каталонская проблема была не единственной, с которой пришлось иметь дело Андронику Палеологу. На западе продолжал угрожать нашествием Феодор Святослав — пока Андроник не уступил ему черноморские порты, которые тот уже фактически захватил; в придачу император предложил ему руку Феодоры, дочери Михаила IX. В это же время сын Карла II Филипп Тарентский захватил Дураццо. На востоке продолжали наступление турки. В 1304 г. военачальник Айдын захватил Эфес; в 1307 г. Осман перерезал линию сообщения между Никомедией и Никеей; в 1308 г., войдя в Иконий, караманские турки прикончили давно уже умиравший сельджукский султанат. В 1309 г. остров Родос был захвачен рыцарями св. Иоанна*. Создавалось впечатление, что размеры империи уменьшались с каждым днем.

В 1310 г. Андронику пришлось столкнуться с новым врагом в лице собственной жены Иоланты Монферратской, ныне носившей имя Ирина. Его одиннадцатилетняя невеста теперь превратилась в весьма амбициозную женщину. На протяжении уже

* Иоанниты (госпитальеры, с 1530 г. Мальтийский орден) — духовно-рыцарский орден св. Иоанна при госпитале в Иерусалиме. Основан около 1070 г. как братство, обслуживающее паломников и немощных. Около 1155 г. братство получило устав духовно-рыцарского ордена. Верхушку ордена составляли рыцари, в основном младшие отпрыски знатных семейств, занятые исключительно военным делом.

длительного времени отношения между супругами становились все более напряженными. Настоящий кризис случился, когда Ирина предложила, чтобы после смерти Андроника империя досталась не одному Михаилу IX, но была поделена между всеми четырьмя сыновьями — трое младших их общие дети. Андроник отказался, после чего императрица уехала с тремя мальчиками в Фессалоники, где и провела следующие семь лет в постоянных интригах против мужа.

В Фессалониках также проживал соправитель императора Михаил. Хотя ему шел только четвертый десяток, это был уже совершенно уставший от жизни человек. Много лет Михаил провел в военных походах и проиграл все сколько-нибудь крупные сражения, в которых участвовал. В начале 1311 г. он повел армию против огромного отряда турецких пиратов во Фракии — с обычным для него катастрофическим результатом, — после чего был освобожден от военного командования и всецело посвятил себя частной жизни.

У него имелось четверо детей, старшего из которых, девятинадцатилетнего Андроника, короновали как соправителя императора в феврале 1316 г. Теперь трон делили между собой три императора, и, по крайней мере на временном промежутке в два поколения, престолонаследие было обеспечено. Однако молодой Андроник вскоре начал пить, играть в азартные игры, и за ним потянулась дурная слава бабника. В 1320 г., заподозрив одну из любовниц в неверности, он устроил хорошо замаскированную засаду вблизи ее дома, поджидая своего неведомого соперника. Был ли на самом деле этим соперником его собственный брат Мануил или же тот просто по чистой случайности проходил мимо — не установлено; так или иначе, на него набросились и убили.

Для Михаила IX перенесенный шок оказался чрезмерным — он умер 12 октября в Фессалониках. Дед Андроник в ярости отказался от своего внука Андроника и объявил, что наследником византийского трона будет младший сын василевса Константин. Результатом этого решения явилась гражданская война.

Императору на тот момент было шестьдесят лет. Ему посчастливилось иметь в качестве своего главного советника ученого Феодора Метохита, который преданно служил императору до

конца срока его правления. Но падение империи продолжалось. Фракия была опустошена, Малая Азия практически утеряна. Налоги постоянно увеличивались, но доходы тратились не на перевооружение, а направлялись в качестве откупных каталонцам и туркам. Неудивительно, что, когда молодой Андроник III поднял в Адрианополе знамя восстания, в столице нашлось много таких, кто выступил в его поддержку.

Правой рукой мятежного императора стал Иоанн Кантакузин, один из самых видных представителей военной аристократии. Он был на год или два старше Андроника, и они являлись близкими друзьями еще с детских лет. Иоанн играл одну из ключевых ролей на византийской политической сцене на протяжении значительной части XIV в.

В окружении Андроника III вторым по своему политическому весу был Сиргиан Палеолог. Второстепенный член императорского семейства по линии своей матери, он в дальнейшем оказался ненадежным союзником.

И Сиргиан, и Иоанн купили себе губернаторские должности во Фракии — продажа должностей стояла не на последнем месте в длинном списке злоупотреблений, расцветших при Палеологах, — где сразу же принялись разжигать пламя народного недовольства. На Пасху 1321 г. молодой император прибыл к ним. Далее Сиргиан двинулся на столицу, и старый Андроник вскоре принял решение начать переговоры. В июле 1322 г. дед и внук пришли к соглашению о совместном правлении, и Андроник III был утвержден в статусе единственного наследника.

Мир продолжался полных пять лет; за этот период османские турки захватили Брусу — после семилетней осады — и сделали своей столицей. Но в 1327 г. вновь разразилась гражданская война. На этот раз оба императора выступили друг против друга уже не в одиночку. Правитель Сербии Стефан Деканский заявил о том, что поддерживает Андроника II, тогда как болгарский царь Михаил Шишман, женившийся некоторое время назад на сестре Андроника III Феодоре, был только рад заключить союз со своим новым зятем. Как и в предыдущий раз, особо ожесточенной борьбы не наблюдалось, однако молодого Андроника приветствовали всюду, где он появлялся. В январе 1328 г. вместе с Иоанном Кантакузином он отправился в Фессалоники, где его

принимали на высшем уровне, как василевса. По ходу дела — спокойно и неспешно — Андроник III осуществлял необходимые приготовления для захвата власти.

Вечером 23 мая 1328 г. Андроник III и Иоанн Кантакузин в сопровождении 24 бойцов, вооруженных осадными лестницами, прокрались к одной из секций огромного бастиона, находившегося рядом с воротами Святого Романа. Их константинопольские сообщники спустили веревки, были подняты лестницы, и в считанные минуты несколько человек из отряда молодого императора оказались по ту сторону стены, открыв ворота для своих товарищей. Особых грабежей в городе не случилось. Физического вреда также никому не было причинено. Когда старый Андроник подписал документ об отречении, ему позволили сохранить императорский титул и дворец во Влахернах. Между тем была отряжена делегация для освобождения патриарха по имени Исая, которого в предыдущем году заточили в Манганский монастырь. Как утверждают источники, во время возвращения Исая во дворец его сопровождали не священнослужители, как это обычно заведено, а музыканты, танцовщицы и комедианты, один из которых до такой степени рассмешил патриарха, что тот едва не упал с лошади.

Единственным серьезно пострадавшим человеком при смене власти оказался Феодор Метохит, которого винили за все преступления его повелителя. Значительная часть имущества Феодора была конфискована; дом его разграбили и сожгли. Поначалу Феодора отправили в ссылку, позднее ему было разрешено вернуться в монастырь Спасителя в Хоре, который несколькими годами ранее он восстановил и украсил за собственный счет*. Там писатель и ученый прожил свои последние годы и умер в марте 1332 г. Феодор пережил Андроника II на месяц.

* Церковь в Хоре, более известная под названием Кахрис-Джами, существует по сей день. Там представлены настолько поразительные мозаики и фрески, что посещение церкви может стать одним из самых запоминающихся моментов в процессе изучения Стамбула. В числе представленных мозаик — превосходное изображение самого Феодора, преподносящего свою церковь Христу, а фреска «Анастасис» («Восстание из мертвых»), находящаяся в апсиде бокового придела, возможно, является самым великим произведением во всем христианском искусстве. — *Примеч. авт.*

Старый император оставался в Константинополе еще два года, а затем также был отослан в монастырь, где умер 13 февраля. Василевс правил почти ровно полстолетия. Если бы Андроник II обладал хотя бы половиной дипломатических способностей отца, отвагой сына и энергичностью внука, то, вероятно, смог бы приостановить падение империи. Вместо этого он позволял ей плыть по течению от одной катастрофы к другой, пока его внук не удалил императора с политической сцены.

К этому моменту Андронику III исполнился тридцать один год. Хотя порой ему случалось проявлять безответственность, он выказал себя бесстрашным воином и в целом добросовестным правителем. Конечно, как лидер государства он был во много раз лучше своего деда. Помимо всего прочего, ему посчастливилось иметь рядом с собой Иоанна Кантакузина. Взяв на себя роль руководителя во время восстания, ныне он управлял делами империи. У Иоанна не было официальной государственной должности, не считая титула великого доместика, или главнокомандующего, но люди хорошо понимали, в чьих руках сосредоточена реальная власть в стране.

В 1331 г. произошли дворцовые революции в обоих славянских государствах. Два новых правителя — царь Иван Александр в Болгарии и король Стефан Душан в Сербии — заключили между собой союз, который был сцементирован бракосочетанием между королем и сестрой царя Еленой. Затем они вместе начали работать над реализацией их общей мечты — низвержением василевса и учреждением великой славянской империи в Константинополе. Результатом этих усилий явилось то, что значительная часть Македонии навсегда откололась от Византии.

В Малой Азии ситуация также была тяжелой. Когда в конце мая 1329 г. османские турки под руководством сына Османа, Орхана, начали блокаду Никеи, Андроник и Иоанн пересекли пролив с четырехтысячным войском и двинулись вдоль побережья Мраморного моря. На третье утро они заметили лагерь турецкой армии вблизи небольшой деревни Пелекан, и 10 июня началось сражение. К вечеру создалось впечатление, что византийцы имеют значительное преимущество, но их потери были весьма серьезными и Кантакузин посоветовал начать утром осторожный отвод войск.

Так и поступили; к несчастью, несколько молодых офицеров, которых изводили турецкие лучники, нарушили строй, вознамерившись прогнать турок. Кантакузин пустил лошадь галопом, стремясь догнать своих офицеров; Андроник, не видевший его действий, сделал то же самое. Они обнаружили, что молодые удалыцы оказались окружены, и в последовавшей схватке император получил ранение в бедро. На следующий день его на носилках привезли в Константинополь. Рана на проверку оказалась поверхностной, и все было бы хорошо, если бы несколько солдат, видевших, как унесли императора, не предположили, что он убит. Возникла паника, и лишь с огромным трудом Иоанну Кантакузину удалось восстановить подобие порядка.

Во время сражения при Пелекане впервые открыто сошлись в схватке византийский император и османский эмир. Сражение не стало для Византии катастрофическим, но показало, что турецкое продвижение в Малой Азии неостановимо. Никея пала 2 марта 1331 г., Никомедия шесть лет спустя. Все, что осталось от Византийской империи в Азии, — несколько разрозненных городов, которые турки еще не позаботились захватить. Кроме того, Орхан сумел построить собственный военно-морской флот, который начал подвергать европейское побережье Мраморного моря почти непрерывным атакам.

Андроника теперь могли утешить лишь три не слишком значительных обстоятельства. Во-первых, были установлены дипломатические отношения с турками. В августе 1333 г. Андроник тайно встретился с Орханом, которому пообещал выплачивать дань, если византийские владения в Азии останутся нетронутыми. Во-вторых, Орхан оказался рассудительным и цивилизованным человеком. Он не навязывал ислам покоренным им христианам. Орхан желал — так же, как и его отец — построить государство, которое основывалось на справедливости, образованности и мусульманской вере, но и объединило бы людей всех народностей и вероисповеданий. Третьим обстоятельством было усиление византийских позиций в Эгейском море. Андроник начал отстраивать свой флот, и византийские корабли вновь стали напоминать Эгейским островам об имперском присутствии. Под влиянием этой военно-морской активности остров Хиос в 1329 г. поднял восстание против генуэзского семейства Дзаккария и вернулся в состав империи.

Генуя являлась не единственной западной политической силой, хозяйничавшей в Восточном Средиземноморье: рыцари св. Иоанна на Родосе, венецианцы, семейство Лузиньян на Кипре и ряд других влиятельных европейских фамилий, правивших отдельными островами со времен Четвертого крестового похода, — все они преследовали собственные интересы. Но все они также были настроены положить конец опустошительным набегам на их территории, которые осуществляли турецкие эмираты, расположенные вдоль побережья.

Так что неудивительно, что возникла идея — ее активно отстаивал находившийся в Авиньоне* папа Иоанн XXII — о великой христианской лиге, которая сначала разобралась бы с мусульманскими пиратами, а затем предприняла всесторонне подготовленный Крестовый поход в Святую землю. Но какую роль могла бы играть Византия в подобной лиге? Папа подтвердил непреклонность своих убеждений: империя, продолжавшая стоять на раскольнических позициях, не могла входить в такой союз. Это была та же старая история, та же неспособность понять, что с расколом не может быть покончено одним росчерком пера. Сам император не стал бы выдвигать никаких принципиальных возражений против этого союза, но не повторил бы и ошибку своего прадеда, отказавшись от веры предков. В любом случае византийцы не поддерживали Крестовые походы, и история в итоге доказала их правоту.

В глазах Андроника генуэзцы доставляли гораздо больше беспокойства, чем турки. Всего через шесть лет после потери Генуей Хиоса она сравняла счет, захватив Лесбос. В отместку Андроник повелел немедленно разрушить все укрепления Галаты. Затем они с Иоанном Кантакузином отправились на корабле в район Эгейского моря для переговоров о заключении нового союза — со Львом Бога — Умур-пашой, эмиром Айдына (этот эмират со столицей в Смирне основал его отец Айдын). Умур, ненавидевший генуэзцев, с радостью принял византийские предложения. Результатом переговоров стало зарождение крепкой дружбы между Иоанном и Умуром, которой в дальнейшем суждено было сыграть настолько важную роль, о какой они тогда не могли и догадываться.

* В 1309 г. папская резиденция была перенесена в Авиньон и оставалась там до 1377 г.

В начале 1341 г. в Фессалониках Андроник III отпраздновал свадьбу своей двоюродной сестры Ирины и сына Иоанна Кантакузина Матфея, после чего Андроник и Иоанн вместе вернулись в Константинополь. В это время разразился новый, типично византийский кризис. Он был связан с небольшой группой православных отшельников, известных как исихасты. Исихазм — это греческое слово означает «священное молчание» — не представлял собой ничего нового: в лоне православной церкви всегда сохранялась традиция мистицизма. Но в 1330-е гг. монахи по имени Григорий Синайский стал утверждать, что посредством определенных физических техник можно обрести видение Божественного Света, который окружил Христа в момент его Преображения. Совершенно неизбежно учение Григория пробудило давнюю византийскую страсть к диспутам, в данном случае их накал оказался особенно велик, поскольку рекомендованные техники — включавшие в себя длительную фиксацию взгляда на пупке — были уязвимы для насмешек. К весне 1341 г. эмоции с обеих сторон настолько накалились, что императору пришлось созвать церковный собор. Он прошел 10 июня в соборе Св. Софии, и результатом его явилась сокрушительная победа исихастов.

Вскоре император пожаловался на крайнее изнеможение, а на следующее утро его поразила жестокая лихорадка. Пять дней спустя он умер.

Андроник правил страной мудро и в целом правильно. Его трагедия заключалась в том, что он оказался на троне в то время, когда империя была уже обречена: завоевания Андроника на Балканах — совершенно незначительны по сравнению с фактической потерей Анатолии, в результате чего османские турки настолько близко подошли к Константинополю, что он уже находился в пределах их видимости. Тем не менее Андроник достиг много большего, чем жители империи ожидали от своего правителя в подобных обстоятельствах.

26

Император без амбиций (1341—1354)

Андроник III Палеолог совершил одну катастрофическую ошибку: не оставил никаких указаний относительно своего преемника. Девятилетний Иоанн, старший из его сыновей, был безусловным наследником, но в империи не существовало общепризнанного порядка престолонаследия. Кроме того, Иоанна никогда не провозглашали соправителем императора и он не был соответствующим образом коронован.

У Иоанна Кантакузина не имелось амбиций императорского масштаба; его верность маленькому принцу и его матери Анне Савойской никогда не вызывала сомнений. С другой стороны, он фактически управлял империей на протяжении тринадцати лет. Практически не раздумывая, Кантакузин направился в императорский дворец, чтобы обеспечить соблюдение законности и порядка и беспроblemную передачу власти. Однако вскоре он обнаружил, что его близость к Андронику у многих вызывала чувство ревности. Более всех ощущала себя обиженной императрица — муж в ущерб ей неизменно предпочитал общество Иоанна. Патриарх Иоанн Калекас своим высоким постом всецело был обязан Кантакузину, но честолюбие Калекаса оказалось сильнее его чувства благодарности. Разве Андроник, задавался вопросом Калекас, перед тем как выступить в поход, дважды не назначал его, патриарха, регентом? Значит, патриарх и теперь должен быть регентом юного Иоанна.

Иоанн Кантакузин мог бы с легкостью парировать этот довод: император не назначал регентом своего великого домашнего, поскольку они во всех походах были вместе. Однако Кантакузи-

на намного больше беспокоил другой его бывший протеже, Алексей Апокавк. Выскочка-авантюрист темного происхождения, Апокавк был одним из главных сторонников Андроника III во время борьбы последнего со своим дедом. Еще с тех пор Алексей начал демонстративно выказывать услужливость и преданность Иоанну, благодаря ему Апокавк стал дукой (командующим) флота. После кончины Андроника Алексей настоятельно советовал своему покровителю принять корону; Иоанн, однако, оставался непреклонен: его долгом было служить Палеологам. И тогда Апокавк начал обдумывать собственный план захвата власти в империи, в то время как Анна Савойская, патриарх и великий domestik приступили к переговорам — очень непростым для каждого из них — о ближайшем будущем Византии.

Но смерть василевса всегда служила неприятелям знаком к началу агрессивных действий. И вскоре три главных врага Византии были уже на марше: сербы двинулись на Фессалоники, болгары скопились на северной границе, а османские турки занялись разграблением фракийского побережья. Иоанну пришлось рекрутировать войска за собственный счет. Порядок был восстановлен, и удалось подписать мирные договоры со Стефаном Душаном, Иваном Александром и эмиром Орханом. А из Мореи прибыла делегация с предложениями условий сдачи византийцам Ахейского княжества.

Однако во время вынужденного отсутствия Иоанна в столице его враги нанесли удар. Вдохновляемая Апокавком, императрицей Анной и патриархом толпа двинулась на дворец, разграбила его и сожгла дотла. Патриарх провозгласил себя регентом, тогда как Апокавк назначил себя префектом города. Семью Иоанна поместили под домашний арест, а сам он был немедленно освобожден от командования армией.

Но оказалось, что заговорщики зашли слишком далеко. Вся армия до единого человека поддержала Иоанна и 26 октября 1341 г. провозгласила его василевсом. Сам он продолжал настаивать на том, что юный Иоанн, даже не будучи надлежащим образом коронован, оставался законным императором и нет оснований сомневаться в искренности слов Кантакузина. Однако фактом оставалось то, что он был провозглашен правителем своей армией — по овечьям веками традиции. И поскольку было

совершенно очевидно, что его не признает нынешний режим в Константинополе, гражданская война представлялась неизбежной. Через несколько дней после инвеституры Кантакузина пришло сообщение о его отлучении от церкви патриархом, а 19 ноября Иоанна V Палеолога надлежащим образом короновали в соборе Св. Софии. Диспозиции сторон были обозначены.

И диспозиция Кантакузина оказалась далеко не выигрышной. На протяжении ряда лет ширилась расщелина, разделявшая простой народ и аристократию. Когда враги Византии начали наступать и беженцы хлынули в столицу, положение бедных стало еще более ужасным и Алексей Апокавк, впервые возблагодаривший судьбу за свое низкое происхождение, смог теперь выставить себя защитником обездоленных — против привилегированных классов. Зараза начала быстро распространяться. В Адрианополе народная коммуна захватила власть от имени регентства, и Апокавк официально признал ее, направив туда собственного сына Мануила в качестве своего представителя. Через несколько недель уже вся Фракия поднялась с оружием, представители землевладельческих классов либо попрятались, либо стремительно бежали. В Фессалониках власть захватила экстремистская антиаристократическая партия, именовавшая себя зилотами (от греческого «зелотес» — «ревнитель»), и на протяжении следующих семи лет там царствовал террор. Иоанн Кантакузин, объявленный вне закона, отлученный от церкви и заклейменный как враг народа, был близок к отчаянию. Само его имя стало использоваться как символ эксплуатации бедных богатыми — тогда как против подобной дискриминации он боролся на протяжении всей своей сознательной жизни.

Иоанн очень нуждался в союзниках. Он отправил срочное послание своему старому другу Умuru, но поскольку эмир находился далеко, Кантакузин обратился за помощью к королю Стефану Душану. Они встретились в июле 1342 г. вблизи Скопье. Стефан, радостный оттого, что у него появилась возможность использовать к своей вящей выгоде свалившиеся на империю несчастья, охотно согласился оказать Иоанну поддержку. Благодаря сербам Кантакузину удалось продержаться на плаву до конца 1342 г. А незадолго до Рождества он услышал о том, что на подходе Умур. Течение начало постепенно менять свое на-

правление. Зимой 1342/43 г. провинция Фессалия высказалась в поддержку Иоанна, а в начале весны ему согласилась подчиниться Македония. Серьезно встревожившийся Апокавк прибыл в Фессалоники со своим флотом, но, когда на горизонте появилась флотилия Умура, насчитывавшая около 200 кораблей, спешно покинул город.

Боевой дух правителей Константинополя стремительно убывал: к этому времени турки уже хозяйничали в европейских провинциях, творя всяческие бесчинства. Императрица испытывала ужас при одной мысли о том, что эти варвары находятся почти у самых ворот столицы, и летом 1343 г. направила послания в Венецию и Геную. Но, зная, что ни одна из республик никогда ничего не сделает просто так, она совершила роковой шаг: за 30 000 венецианских дукатов* императрица отдала в залог Серениссиме драгоценные камни из византийской короны. Никогда более их так и не удалось выкупить.

Однако эти действия не принесли императрице никакой пользы — помощи от республик она не дождалась. А по мере того как позиции Иоанна все более упрочивались, некоторые ближайшие сподвижники Анны начали ее покидать. Что касается Апокавка, то поведение Алексея свидетельствовало о его отчаянном положении. Все, кого он подозревал в нелояльности к режиму — а в их число входила практически вся константинопольская аристократия, — были арестованы. Часть полуразрушенного Большого дворца он превратил в узилище — и именно там встретил свою смерть. 11 июня 1345 г. во время регулярного инспекционного обхода группа узников набросилась на Алексея, отобрала топор у одного из рабочих и отрубила своему гонителю голову.

Тем не менее Иоанну Кантакузину предстояло еще многое сделать, прежде чем с триумфом въехать в Константинополь. Он знал, что от Стефана Душана ждать более ничего не приходилось, а в данный момент Иоанну требовалась крупномасштабная помощь. И в первые недели 1345 г. он вступил в переговоры с Орханом. Хотя Иоанн с осуждением относился к деяниям ту-
рок — как и все его соотечественники, — на уровне личных кон-

* Дукат — старинная серебряная, а затем и золотая монета; чеканилась в Венеции с 1284 г.; 3,4–3,5 г золота.

тактов он вполне ладил с ними. С Орханом он быстро завязал тесную дружбу, которая стала еще крепче, когда эмир воспылал сильнейшей страстью к Феодоре, второй из трех дочерей Иоанна, и в 1346 г. женился на ней. Новобрачной было позволено сохранить ее христианскую веру, и впоследствии она очень много сделала для христиан, проживавших в эмирате, которым правил ее муж.

Но этот же год был отмечен и иными, не столь приятными событиями. В Пасхальное воскресенье в соборе города Скопье Стефан Душан был коронован сербским архиепископом — которого Стефан возвысил до уровня патриарха, — получив в итоге многозначительный титул «царя (читай — императора) сербов и греков». Возможно, сознательным ответом на эти действия явилось коронование 21 мая в Адрианополе Иоанна и его жены. Патриарх Иерусалимский возложил на их головы императорские короны, в спешном порядке изготовленные местным ювелиром. Кантакузин, надо сказать, отверг идею короновать в качестве соимператора своего младшего сына Матфея — это место Иоанн зарезервировал для четырнадцатилетнего Иоанна Палеолога, которого считал верховным монархом.

Наконец Кантакузин был готов. Поздно ночью 2 февраля он проник через узкий пролом в выложенных из кирпича Золотых воротах и вошел в Константинополь — в первый раз за пять с половиной лет; за ним следовали 1000 человек.

Через шесть дней стороны пришли к соглашению: оба императора будут править совместно; Иоанн VI Кантакузин должен занимать вышестоящее положение в течение первого десятилетия, после чего их статус уравнивается. Решение об отлучении Иоанна было аннулировано, и 21 мая 1347 г. его во второй раз короновали — во Влахернской Богородичной церкви. Неделью спустя младшая его дочь Елена венчалась в этой же церкви с соимператором Иоанном V. Правда, обе церемонии содержали некоторую примесь меланхолии. Согласно традиции их следовало провести в соборе Св. Софии, но в предыдущем году его восточная стена рухнула и храм пока не использовался. В ходе церемоний должны были бы фигурировать и драгоценные камни из византийской короны, но их заложила императрица Анна. Присутствовавшие на торжествах заметили, что драгоценные камни оказались заменены стекляшками.

Иоанн Кантакузин был очень цельным человеком и обладал редкой политической дальнорзоркостью. Если бы он в 1341 г. твердо заявил о своих притязаниях на трон, то, вероятно, смог бы приостановить падение Византии, но шесть лет спустя ничего поправить было уже нельзя. На свое несчастье, Кантакузин унаследовал разделенную и обанкротившуюся империю. Еще одним его несчастьем явилось то, что он был современником Стефана Душана. К моменту смерти Стефана в 1355 г. его царство протянулась от Адриатического моря до Эгейского и от Дуная до Коринфского залива — так что по своим размерам оно стало превосходить Византийскую империю. Безусловно, Стефан жаждал заполучить константинопольский трон и, почти несомненно, добился бы своей цели, но у него имелся один слабый пункт: Сербия до последнего времени являлась государством, окруженным сушей, и даже после того как она завоевала приморские области, у нее еще не появилось действенного флота. Константинополь был уязвим только со стороны моря, и, не имея флота, Стефан не мог завоевать его. Вновь и вновь он обращался за помощью к венецианцам, но те в гораздо большей степени предпочитали слабую Византийскую империю мощному Сербскому царству.

Однако Стефан не являл собой ни первое, ни последнее из несчастий Иоанна. Весной 1347 г. в Константинополь пришла «черная смерть»*. Один хронист утверждает, что она унесла жизни восьми девятих всего населения города; для византийцев это должно было явиться окончательным доказательством того, что Пресвятая Богородица, их покровительница, уже бесповоротно отвернулась от Константинополя. Территориально империя теперь свелась к бывшей провинции Фракии, с двумя городами Адрианополем и Дидимотикой, и несколькими островам в Эгейском море. Впрочем, к этим жалким остаткам следовало бы прибавить Фессалоники, которые в 1350 г. освободились в конце концов от зилотов, но они представляли собой лишь крошечный византийский анклав среди обширных владений Стефана и добраться туда можно было только по морю.

* «Черная смерть» — распространенное название эпидемии чумы, разразившейся в Европе в 40-е гг. XIV в.

В экономическом плане положение Византии выглядело просто катастрофическим. Война превратила Фракию в пустынную землю. Побережье постоянно подвергалось атакам турецких пиратов. Продовольствие можно было получить только от генуэзцев, которые назначали совершенно произвольные цены и могли прервать снабжение, когда им только вздумается. Торговля стояла на мертвой точке: иперпирон терял свою реальную стоимость с каждым днем. Все сколько-нибудь значительные расходы становились возможны только после обращений за границу с просьбой о дарственном акте или займе, и слишком часто присланные деньги и ценности направлялись совсем не на те цели, что были заявлены. Когда Симеон, князь Московский, послал золото для восстановления собора Св. Софии, оно было потрачено на рекрутирование турецких наемников.

Главной заботой Иоанна являлась консолидация того, что осталось от империи. Под ответственность его старшего сына Матфея был отдан обширный район Фракии вдоль сербской границы; младшему, Мануилу, поручили управлять Мореей, сделавшейся отныне автономным деспотатом. Затем Иоанн обратил свой взгляд на Галату, где ежегодные таможенные пошлины, получаемые генуэзцами, примерно в семь раз превышали объем пошлин, выплачиваемый Константинополю. Кантакузин издал указ, в соответствии с которым резко снижались таможенные пошлины на импорт, и иноземные суда вновь стали предпочитать западный берег Золотого Рога восточному.

Неудивительно, что генуэзцы воспротивились этому. В августе 1348 г. их флотилия пересекла Золотой Рог и подожгла несколько византийских судов, которые находились у противоположного берега. Но греки дали достойный отпор. Были подожжены генуэзские городские склады; Галату обстреляли из катапульты — огромными булыжниками и горящими тюками с тряпьем. Прошло несколько недель, прежде чем мир был восстановлен, а когда наконец из Генуи прибыли полномочные представители, они оказались на удивление уступчивыми. Республика соглашалась выплатить империи контрибуцию в размере более чем 100 000 иперпиронов; также Генуя обязалась очистить всю незаконно занимаемую территорию за Галатой; наконец генуэзцы обещали никогда более не предпринимать

нападений на Константинополь. Взамен же Византия не уступила практически ничего.

Вполне можно понять Иоанна Кантакузина, решившего к концу 1349 г., что все осложнения с Генуей и Венецией позади. Увы, соперничество между республиками вскоре в очередной раз переросло в открытую войну, а близость Галаты к Константинополю не позволяла Византии вздохнуть спокойно. 13 февраля 1352 г. под стенами Галаты противостояние дошло до кульминации — разыгралось морское сражение. Из-за сильного ветра суда обеих флотилий вскоре охватил огонь, но битва продолжалась до глубокой ночи — при свете пылающих кораблей. В итоге оказались вынуждены сдаться венецианцы, но когда первые лучи солнца осветили поверхность воды — почти не просматривавшуюся под остовами кораблей и плавающими трупами, — то выяснилось, что потери генуэзцев почти столь же велики. Победа Генуе стоила больше, чем несколько серьезных поражений.

В мае 1352 г. Иоанн V Палеолог вернулся в столицу из Фессалоник. Иоанну исполнилось двадцать лет, и его более не устраивало безоговорочное подчинение приказаниям своего тестя. Сыновья последнего управляли стратегически важными областями империи; матери Иоанна Палеолога Анне недавно было доверено управление Македонией. Настало время и Иоанну потребовать то, что ему причиталось.

Иоанн VI, хорошо осведомленный о наличии изрядных амбиций у своего зятя, немедленно выделил для него большую часть Фракии, исключительно важную в стратегическом отношении, поскольку она позволяла контролировать подходы к самому Константинополю. Во всем этом существовала только одна трудность: область включала в себя город Дидимотику и большую часть апанажа*, уже выделенные сыну Кантакузина Матфею. Впрочем, приемлемый вариант нашелся быстро — взамен Матфею был предоставлен Адрианополь с окрестностями.

Иоанна V такой расклад удовлетворил, но, как оказалось, ненадолго. В том же 1352 г. он пересек границу владений Матфея и начал осаду Адрианополя. Матфей пожаловался своему отцу, который поспешил ему на выручку с весьма внушительным ту-

* Апанаж — часть наследственных земельных владений, которые передавались некоронованным членам монаршей семьи.

рецким отрядом, предоставленным эмиром Орханом; командовал отрядом ее сын Сулейман. Иоанн, со своей стороны, обратился за помощью к сербам и болгарам, и Стефан Душан прислал четырехтысячный кавалерийский отряд.

В итоге Адрианополь остался за Матфеем, но империя вновь оказалась в состоянии войны с самой собой. И еще более злоежащая деталь — Иоанн Кантакузин бросил армию неверных против своих христианских подданных. Народ вспомнил, что Кантакузин не принадлежал к императорскому семейству, а в лучшем случае был исполняющим обязанности императора. Теперь, когда Иоанн Палеолог достиг зрелого возраста, должен ли он делить власть с человеком, который едва не довел империю до катастрофы?

К этому времени Иоанн VI уже утратил всяческую охоту и вкус к власти. Он уже купил себе участок земли на горе Афон, и теперь часто заводил разговор — с тоской во взоре — о привлекательности монашеской жизни. С самого начала Кантакузин поддерживал законные притязания Иоанна Палеолога, но теперь тот продемонстрировал, что может быть орудием в руках венецианцев, болгар и Стефана Душана. И в апреле 1353 г. Иоанн Кантакузин объявил Иоанна Палеолога низложенным и вместо него назначил соимператором собственного сына Матфея, подчеркнув при этом, что Палеологи не лишаются прав наследования, а сын Иоанна V Андроник остается престолонаследником. Затем Кантакузин сослал своего зятя со всей его семьей на остров Тенедос.

И вновь Иоанн Кантакузин недооценил оппозицию. Патриарх решительно отказался короновать Матфея, приговорил Кантакузина к отлучению от церкви и затем сложил с себя свои обязанности. Несколько дней спустя он уже направлялся на остров Тенедос к Иоанну V. Некогого Филофея, пылкого приверженца Кантакузина, избрали новым патриархом, но еще раньше, в феврале 1354 г., Матфей и его жена были наконец коронованы.

Менее чем через месяц, 2 марта, сильнейшее землетрясение произвело масштабные разрушения на большей части территории Фракии. Сотни городов и деревень превратились в развалины, в Галлиполи едва ли уцелел хотя бы один дом. Это бедствие еще более усугубили действия турок. Сулейман-паша сразу же

отправился в пострадавшие области, взяв с собой множество турецких семей. Большая их часть оказалась в разрушенном Галлиполи, и уже через несколько месяцев на том месте, где еще совсем недавно обитали греки, теперь проживало исключительно турецкое население.

Для империи первое турецкое поселение на Европейском континенте являло собой еще большее бедствие, чем землетрясение. Когда Иоанн потребовал вернуть Галлиполи, Сулейман ответил, что он достался ему по воле Аллаха и возвращение города явилось бы проявлением вопиющей неблагодарности к Всевышнему. Ведь Сулейман не брал город силой — подданные паши просто заняли место, покинутое его прежними обитателями.

21 ноября 1354 г. Иоанн V Палеолог незаметно покинул на корабле остров Тенедос и через Геллеспонт вошел в Мраморное море. На рассвете 22-го он достиг Константинополя, и уже с утра на улицах города начали собираться толпы народа. Вскоре они уже пришли в неистовство. Вновь семейный особняк Кантакузинов был подвергнут разграблению и сожжен. Группа мятежников завладела арсеналом. Другая группа направилась к Влахернскому дворцу. В это время сам Иоанн V разместился в старом дворце, напротив собора Св. Софии. Предложенные им условия мира были на удивление скромными: они с Иоанном VI продолжают править совместно, как и прежде; Матфей остается управителем в Адрианополе до самой своей смерти; Кантакузин на правах верховного императора продолжает жить во Влахернском дворце, тогда как Палеолог занимает дворец Феодора Метохита — один из самых роскошных в городе.

Несколько проблем остались все же неразрешенными: Одной из них было пребывание во Фракии приведенных Сулейманом турок; второй — усиливающаяся непопулярность Иоанна Кантакузина в народе. На протяжении недели Кантакузин как только мог пытался справиться с этой ситуацией, но в конце концов принял решение, о котором думал уже давно. 4 декабря на церемонии во Влахернском дворце Иоанн и его жена Ирина торжественно отложили в сторону императорские диадему и регалии. Затем, надев на себя простую рясу православного монаха, Кантакузин отправился в монастырь.

Иоанн Кантакузин — ставший отныне монахом Иоасафом — царствовал только семь лет, но фактическое управление страной

осуществлял на протяжении четверти века и потом в течение десяти лет участвовал в выработке ее политического курса. Ему суждено было прожить еще двадцать девять лет, до 1383 г. В первые годы после ухода из власти Иоанн в основном занимался написанием своей мемуарной «Истории». По завершении этого труда Кантакузин на долгие годы посвятил себя отстаиванию исихастского учения. Однако, как мы вскоре увидим, ему не довелось совсем отойти от участия в политической жизни — как бы он сам того ни желал.

Трудно не посочувствовать Иоанну. Немногие императоры трудились больше, чем он, на благо Византии; совсем немногие обладали столь малыми личными амбициями. Кантакузин ни в коем случае не стал бы низлагать своего зятя, не будь он убежден в том, что Иоанн Палеолог, продолжив ведение гражданской войны, подвергнет империю смертельной угрозе. Но удача не сопутствовала Кантакузину. Глупость Иоанна V, полемика вокруг исихазма, «черная смерть», агрессия турок, непомерные амбиции генуэзцев и венецианцев — если бы не все это, Иоанну, возможно, удалось бы удержать страну на плаву. Но наиболее тяжелым бременем для него явилось моральное и финансовое банкротство империи. Казна была пуста; византийцы уже совсем пали духом. Харизматическая личность могла бы побудить их к активным действиям, но по большому счету Иоанн Кантакузин не являлся прирожденным лидером и постепенно утратил доверие народа. Тридцать пять лет службы на благо отечества не получили должной оценки и никак не были вознаграждены. И когда Иоанн и его жена сменили парадные императорские одежды на грубые монашеские рясы, то они едва ли испытывали что-то еще помимо чувства огромного облегчения.

27

Вассал султана (1354—1391)

Когда Иоанн Кантакузин ушел в монастырь, весь христианский мир уверился в том, что Византия находится на грани полного краха. Но какой власти она должна была достаться? За четыре месяца до отречения Иоанна венецианский посол в Константинополе докладывал дожу, что византийцы готовы подчиниться любому, кто обратится к ним с соответствующим предложением, и вот теперь дож уже всерьез рассматривает возможность немедленной аннексии империи — хотя бы для того, чтобы спасти ее от турецкого нашествия.

Но наконец один враг сошел со сцены: Стефан Душан скончался в 1355 г., и его царство распалось. Зато во Фракии в это время повсюду начали хозяйничать османы. Захваченный Сулейманом Галлиполи стал для них крайне важным плацдармом, откуда они продвигались в глубь провинции. Вскоре и другие разбойничьи группы турок встали под их знамена. Оставшаяся часть Фракии, уже изнуренная гражданской войной, стала их легкой добычей. В 1361 г. пала Дидимотика; в 1362 г. — Адрианополь. Из каждого города и деревни, которые захватывали турки, все население отправлялось в Анатолию, а его место занимали турецкие колонисты.

В 1362 г. умер Орхан. Эмиром стал его сын Мурад, который вскоре продемонстрировал, что обладает еще большей энергичностью и решимостью.

Вновь Иоанну Палеологу пришлось искать себе союзников. Генуя и Венеция были настроены дружелюбно, но к тому времени они уже серьезно ослабли. Папа Урбан V и король Петр

Кипрский в 1365 г. осуществили неудачную вылазку против Египта и в результате только поставили себя в смешное положение — на них в качестве союзников византийцам рассчитывать в то время было нельзя. Оставался еще Людовик (Лайош) Великий, король Венгрии. Подобно многим собратьям по вере он ненавидел схизматиков намного больше, чем «неверных», и некоторое время назад замыслил собственную священную войну против еретиков-болгар. В 1365 г. приграничный Видинский округ был занят венгерской армией; вместе с ней туда явилось немало миссионеров-францисканцев, которые немедленно приступили к более или менее насильственному обращению местного населения.

Иоанн решил сам отправиться в Венгрию. Подобный шаг не имел прецедента. Императоры могли выйти за пределы своей страны во главе собственной армии, но никогда еще василевс не покидал родину, выступая в роли просителя, обращавшегося к христианскому Западу. Оставив империю на попечение своего сына Андроника, Иоанн в начале 1366 г. направился на корабле вдоль побережья Черного моря, далее поднялся по Дунаю к Буде; младшие сыновья императора, Мануил и Михаил, сопровождали его.

Но король Людовик гнул старую, слишком хорошо знакомую линию: только после того как империя подчинится Риму, можно будет вести разговор об оказании военной помощи. Иоанн, вконец опечаленный, отправился домой — чтобы оказаться в положении пленника болгар, которые не позволили ему пересечь свою границу.

До сих пор только один византийский император оказался пленен иноземцами — Роман Диоген, но он был схвачен своими военными противниками — сельджуками, и они проявляли к нему уважение и предупредительность, а неделю спустя освободили. Иоанн же удерживался своими христианскими соседями и пробыл в маленьком приграничном городе около шести месяцев; причем болгарский царь Иван Александр — тесть первенца своего пленника Андроника — проявлял полное безразличие к положению императора. Невозможно представить себе более яркой иллюстрации той глубины падения, до которой дошла империя. Когда Иоанна наконец освободили, он был обязан этим

не царю, а, как ни странно, своему кузену Амадею, графу Савойскому.

В мае 1366 г. Амадей с флотилией в 15 судов, на борту которых находилось около 1700 человек, направился из Венеции в Константинополь с намерением помочь двоюродному брату в борьбе против турок. Прибыв в Геллеспонт, Амадей отобрал у турок Галлиполи — несложно себе представить, как это повлияло на боевой дух византийцев. О пленении Иоанна он, вероятно, узнал, лишь когда достиг берегов Константинополя. Пройдя вдоль Черноморского побережья, Амадей осадил Варну и направил ультиматум царю, находившемуся в Тырново. Иван Александр немедленно дал разрешение императору пересечь территорию Болгарии, и перед самым Рождеством Иоанн V добрался до лагеря Амадея в Месембрии. Весной 1367 г. оба они направились в Константинополь, где им предстояло обсудить одно важное дело. Еще до начала своей экспедиции Амадей поклялся папе вновь поднять вопрос о церковной унии, и он привез с собой в византийскую столицу папского посланника Павла, бывшего епископа Смирнского, совсем недавно возвышенного до титулярного ранга латинского патриарха Константинополя.

Иоанн быстро принял решение: он не мог понудить свою церковь к заключению унии, но мог лично подчиниться Риму. Иоанн также предложил организовать дискуссии между Павлом и лидерами православной церкви. Патриарх Филофей, естественно, отказался вести какие-либо переговоры с претендентом на его собственный титул, но не стал выдвигать возражений, когда Иоанн назначил своего тестя монаха Иоасафа, в прошлом Иоанна VI — чье присутствие на политической сцене становилось все более заметным, — представлять православную церковь вместо Филофея. Византийская позиция выглядела так: унию нельзя навязать сверху, император не имел власти над душами своих подданных, но разногласия можно уладить посредством созыва Вселенского собора, а эту идею Рим, к несчастью, издавна считает для себя неприемлемой. В итоге Павел все же согласился, что подобный собор должен пройти в Константинополе в течение двух лет. Было условлено, что Павел возвратится на Запад, его будут сопровождать Амадей и представители православного духовенства, как белого, так и черного, император же в скором времени нанесет визит папе римскому.

Несколько ранее в том же году папа Урбан решил вернуть папскую резиденцию в Рим. Переезд не удался, и вскоре после этого Урбан возвратился в Авиньон. Но византийская делегация этим летом поехала именно в Италию; там папа встретил ее в Витербо. Оттуда они все вместе направились в Рим. Однако вскоре стало ясно, что Урбан не имел намерения созывать запланированный собор. Из двадцати трех писем, подписанных им 6 ноября, в которых подчеркивалась важность церковной унии и говорилось о значимости визита императора в Рим, ни одно не содержало ни единого упоминания о соборе.

Но Иоанн сдержал свое обещание. Вновь оставив старшего сына, который к этому времени был коронован как соимператор, в качестве регента, Иоанн отправился в Италию в сопровождении свиты, в составе которой не было ни одного представителя церковной иерархии, относившейся к этому мероприятию крайне неодобрительно.

В Риме 18 октября 1369 г. Иоанн подписал официальный акт о признании им верховенства Римской церкви и ее отца папы римского, документ был скреплен императорской печатью. А на следующий день, в воскресенье, император выразил почтение верховному понтифику на ступенях собора Св. Петра. Однако, по сути, все это оставалось индивидуальным деянием императора — никто из византийских церковных иерархов в него не был вовлечен. Помимо опасного ослабления позиций василевса в собственной стране, его публичное самоуничижение не имело более никаких результатов.

Еще до описываемых событий император получил письмо от венецианского дожа Андреа Контарини. Тот напоминал Иоанну о драгоценных камнях императорской короны, заложенных императрицей Анной в 1343 г., — за них она получила заем в 30 000 дукатов, на который теперь быстро нарастали проценты; Контарини интересовался, не хочет ли император остановиться в Венеции на обратном пути в Константинополь.

Иоанн прибыл в Венецию в начале мая 1370 г. Можно было бы ожидать, что этот первый за все время существования империи визит василевса в республику будет обставлен с особым шиком — ни одна другая страна не могла сравниться с Венецией по части приемов. Но бедность, как оказалось, венецианцы не

чтили. Атмосфера несколько потеплела только после того, как император предложил остров Тенедос, находящийся при входе в пролив Геллеспонт, в обмен на обязательство Венеции вернуть драгоценные камни, предоставить 6 военных галер и выплатить 25 000 дукатов, причем 4000 сразу же, — император, к своему смущению, был вынужден признаться: он не имел достаточно денег, чтобы добраться домой.

Дождь охотно согласился на этот вариант, но регент Андроник, испытывая сильное давление со стороны генуэзской Галаты, отказался уступить остров. Нет Тенедоса — нет дукатов, и Иоанн фактически оказался на положении узника в Венеции. Андроник же не пошевелил и пальцем, чтобы помочь ему. В итоге избавление пришло со стороны второго сына Иоанна, Мануила — управителя Фессалоник. Покинув город в середине зимы, Мануил направился по занесенной снегом Эгнациевой дороге, везя с собой достаточное количество золота, чтобы освободить своего отца. Лишь благодаря ему Иоанн смог выехать из Венеции в марте 1371 г. с 30 000 дукатов на руках.

Но василевса опять ждали плохие известия. 26 сентября 1371 г. на берегу реки Марицы турки в пух и прах разбили сербскую армию. Более ничего не препятствовало им приступить к опустошению Сербии, Македонии и Греции. Отныне сербские аристократы станут всего лишь вассалами, обязанными выплачивать дань османскому султану (как отныне стал именовать себя Мурад) и по первому требованию оказывать ему военную поддержку. В 1373 г. Иоанн V также оказался в политической зависимости от османов — равно как и болгарский царь. Побудила Иоанна принять вассалитет, вероятно, полнейшая безысходность. Под контролем турок оказались Сербия и Болгария; Византия, отрезанная от Запада, отныне не могла продемонстрировать даже видимость сопротивления. Только объединив силы с султаном, Иоанн получал шанс что-то спасти от уничтожения. Мурад мог по крайней мере остановить банды турецких мародеров, орудовавшие в Македонии и Фракии; поддержка султана усиливала также позиции Иоанна в его противостоянии со своим сыном Андроником, который вызывал у императора все большее чувство тревоги.

В мае 1373 г. Иоанн вынужден был принять участие в анатолийском походе, организованном султаном: уже одно это явилось

достаточным унижением для Иоанна. А тут еще пришло известие о том, что Андроник поднял открытый мятеж одновременно против Иоанна и султана. Разъяренный Мурад потребовал от василевса, чтобы тот ослепил своего сына, и Иоанн не мог отказаться; в его силах, однако, было устроить так, чтобы к жертве проявили некоторое милосердие. Андроник не полностью потерял зрение — Иоанн V распорядился произвести ослепление не до конца (когда раскаленный металлический прут держали перед глазами непродолжительное время, зрение ухудшалось, но совсем не исчезало). Однако Андроник был заключен в тюрьму в Константинополе и официально лишен прав на престолонаследие. Престолонаследником стал теперь Мануил — его вызвали из Фессалоник и 25 сентября короновали как соимператора.

У Иоанна вскоре появился повод пожалеть о проявленной им снисходительности. В марте 1376 г. в Константинополь прибыло венецианское посольство: ввиду того, что Андроник был устранен, дож горел теперь желанием воплотить в жизнь соглашение шестилетней давности. В обмен на Тенедос он предлагал еще 30 000 дукатов и возвращение драгоценных камней короны. Дожд также пообещал, что имперское знамя будет развеиваться над Тенедосом рядом со знаменем св. Марка.

Но вновь план был сорван генуэзцами — на этот раз они также решили воспользоваться помощью Андроника. В июле им удалось организовать его побег из тюрьмы, и Андроник направился прямо к Мураду, пообещав ему немедленное возвращение Галлиполи. Султан предоставил в его распоряжение смешанный отряд, включавший кавалерию и пехоту, — с такой серьезной боевой силой можно было входить в столицу. Иоанн и его семья вскоре оказались вынуждены сдаться. Андроник не отказал себе в удовольствии заключить их в ту самую башню Анеме, из которой сам совсем недавно сбежал. Затем он официально даровал остров Тенедос Генуе. Год спустя, 18 октября 1377 г., он был коронован как Андроник IV, а его маленький сын — как соимператор Иоанн VII. Но генуэзцы так никогда и не получили своего вознаграждения. Византийский управитель Тенедоса отказался отдать им остров и тут же уступил его венецианцам. Султану Мураду повезло больше, чем генуэзцам: к концу 1377 г. Галлиполи вновь оказался у него в руках.

При каких обстоятельствах Иоанн и Мануил добыли себе свободу, остается неясным, но три года спустя им удалось пересечь Босфор и добраться до единственного возможного для них убежища — лагеря Мурада вблизи Хризополя. Оказавшись там, Мануил пообещал султану взамен за восстановление в должности его самого и его отца, Иоанна, выплату более высокой дани, дополнительную военную помощь и — самый унижительный пункт в предлагаемом договоре — город Филадельфию, последний оставшийся у Византии аванпост в Малой Азии. Соглашение было быстро достигнуто. Турки предоставили армию, венецианцы, желавшие избавиться от Андроника, направили небольшую эскадру, и 1 июля 1379 г. два императора вновь вступили в Константинополь. Андроник бежал к своим генуэзским друзьям в Галату.

Только в апреле 1381 г. был заключен мир. По его условиям Андроника восстановили в правах наследника престола, который далее наследовал его сын Иоанн; также Андроник получил небольшое владение на северном побережье Мраморного моря.

О том, какова была реакция Мануила на это соглашение, ничего неизвестно, но он не мог более мириться с политикой пораженчества, которой постоянно придерживался его отец, и наотрез отказался признавать притязания турок на Балканский полуостров. Весной 1382 г. Мануил вернулся в Фессалоники. Для принца редкой удачей явилось то, что неуязвимый Андроник умер в июне 1385 г. — так что Мануил вновь стал законным сонаследником того, что осталось от Византии.

В 1381 г. завершился конфликт между Венецией и Генуей — две обессиленные республики с благодарностью приняли предложение графа Амодея выступить посредником в их споре. В результате четырехлетнего кровопролития ни одна из сторон не добилась политической выгоды. И они пришли к соглашению, что Тенедос будет нейтральной территорией; обе республики пообещали также сделать все возможное, чтобы обратить Византийскую империю в католическую веру. Но что представляла собой эта империя? Не существовало более никакой империи — имелось лишь аморфное образование из четырех маленьких государств, управлявшихся четырьмя так называемыми импе-

раторами и деспотом. После 1383 г. все они были членами дома Палеологов и каждый из них оставался практически независимым от остальных — но не от своего турецкого сюзерена. Иоанн V сидел на троне в Константинополе. Андроник IV со своим сыном и соимператором Иоанном VII — оба они более, чем их коллеги, находились в зависимости от турецкого покровительства — правили на северном побережье Мраморного моря. Мануил II властвовал над Фессалониками. Феодор I, четвертый сын Иоанна V, был деспотом Морей со столицей Мистра. Феодор, который наследовал депостат в 1380 г. от сына Иоанна VI Мануила Кантакузина, также оказался вынужден принять турецкий вассалитет; ему, однако, удалось превратить Морею в самый мощный и самый процветающий бастион обескровленной Византии.

На всех остальных фронтах происходил стремительный распад империи. В 1380 г. турки захватили Охрид и Прилеп, после чего двинулись на северо-запад, в Албанию. На восточном направлении другая армия Мурада вторглась в Болгарию, заняв в 1385 г. Сардику и дойдя в следующем году до самого Ниша. Оставались только Фессалоники, над которыми, впрочем, нависла серьезная угроза. В октябре 1383 г. турецкий полководец Хайреддин направил фессалоникийцам ультиматум: либо сдача, либо всеобщая резня. Мануил Палеолог действовал незамедлительно. Созвав своих подданных на главную площадь, он призвал их сопротивляться неверным, мобилизовав все силы. Затем Мануил начал готовиться к обороне. Мурад, не имевший военно-морских сил, не мог осуществить действенную блокаду, и ничто не препятствовало Западу послать по морю подкрепление и провиант. Если бы это произошло, то вместе Мануил и Феодор могли бы даже объединить Северную Грецию и спасти ее. Но никакой помощи не последовало, и три года спустя боевой дух греков снизился до такого уровня, что сдача стала неизбежной. Мануил, однако, отказался подчиниться агрессорам и 6 апреля 1387 г., проклиная фессалоникийцев за отсутствие мужества, отбыл к острову Лесбос. Три дня спустя греки открыли ворота города, избегнув, таким образом, кровопролития и разграбления, которым они бы неизбежно подверглись, если бы продолжали стоять до конца.

Три года после падения Фессалоник были самыми печальными в жизни Мануила. Политика его отца, направленная на умиротворение врагов, по сути, оказалась верной. Оба императора должны были теперь уладить свои разногласия, но Иоанн V считал, что его сын должен понести наказание, прежде чем будет заключено некое формальное примирение. Он сослал Мануила на остров Лемнос, и Мануил все еще находился там, когда сербы решились дать врагам последний бой. После катастрофического поражения на реке Марице казалось, что сербы не скоро смогут подняться, но теперь они объединились для решающей битвы под руководством князя Лазаря Хребеляновича. Когда в 1389 г. султан Мурад двинулся на Косово Поле («Поле черных дроздов»), там его встретили сербы. Последовавшее 15 июня сражение нашло отражение в сербском фольклоре и легло в основу сюжета одной из величайших средневековых эпических поэм. Разгром сербов был полным. Для немногих выживших единственным утешением явилось то, что Мураду не суждено было испытать радость по поводу одержанной победы. Один из плененных сербов был приведен к султану и, воспользовавшись нерасторопностью телохранителей, дважды вонзил кинжал в сердце Мурада.

Известие об этом убийстве дошло до Европы, где оно первоначально интерпретировалось как крупная победа во благо всего христианского мира: в Париже король Карл VI даже заказал благодарственный молебен в соборе Нотр-Дам. Однако постепенно была осознана трагическая правда: сербской нации более не существовало, османские армии никто победить не в состоянии. Единственное, что им можно противопоставить, — это хорошо подготовленный Крестовый поход, но он в данное время был совершенно нереален.

Старшего сына Мурада Баязида провозгласили султаном на Косовом Поле. Почти сверхчеловеческой энергии, стремительный и непредсказуемый, в принятии решений такой же быстрый, как и в их осуществлении, беспощадный ко всем, кто становился у него на пути, он вполне заслужил свое прозвище Йилдырым (Молниеносный). Баязид стал именовать себя старым титулом «румский султан» — на манер сельджукских эмиров. Но последние таким образом утверждали свою власть над «римской» Ана-

толией, а Баязид под словом «румский» подразумевал сам Второй Рим — Константинополь.

К счастью для султана, в этом городе все еще продолжалось противоборство соперничающих группировок. Иоанн V правил городом, проживая во Влахернском дворце. Что касается его внука Иоанна VII, то он полностью разделял чувство отвращения, которое питал его покойный отец Андроник IV к своему отцу — Иоанну V. И в ночь на 13 апреля 1390 г. Иоанн VII при поддержке небольшого отряда, предоставленного в его распоряжение султаном, низверг своего деда.

Вновь Иоанн V вместе с Мануилом, которого он вызвал с Лемноса еще за две недели до описываемых событий, и верными им людьми забаррикадировался в крепости, рядом с Золотыми воротами, и приготовился выдерживать осаду, продемонстрировав при этом малохарактерную для него отвагу. Впрочем, Мануилу вскоре удалось выскользнуть из крепости, и он занялся поиском военной поддержки. 25 августа Мануил появился у города с 9 галерами. 17 сентября старый император и его окружение произвели неожиданную вылазку. Они перебили стражу внука и заставили его самого бежать из города.

К этому моменту полностью примирившиеся уже друг с другом, Иоанн и Мануил с триумфом вернулись во Влахернский дворец. Однако за этот их успех пришлось платить соответствующую цену. Султан потребовал, чтобы Мануил немедленно присоединился к его военному походу; подобная же повестка была направлена и Иоанну VII. Им обоим, несмотря на взаимную неприязнь, ничего не оставалось, кроме как повиноваться. Той же осенью дядя и племянник не смогли ослушаться приказа Баязида и приняли участие в блокаде Филадельфии*. И получилось так, что два василевса захватили для султана последний византийский опорный пункт в Малой Азии. Из множества унижений, причиненных умирающей империи, это, конечно, было самым злорадно-ироническим.

Иоанн V умер 16 февраля 1391 г. в возрасте пятидесяти восьми лет. В качестве василевса он правил почти столетие — это

* Обстояло ли дело так, что Иоанн и Мануил взяли назад слово, данное ими в 1379 г.? Или же филадельфийцы просто отказались подчиняться султану? Этого мы никогда не узнаем. — *Примеч. авт.*

был самый длинный период императорского правления за всю историю Византии. По любым меркам это слишком долго. Мы можем порицать Иоанна за его покорность турецким сюзеренам, но у него не имелось особого выбора. Такие сильные христианские враги султана, как Сербия и Болгария, сошли с политической сцены. А Византия была настолько ослаблена и деморализована, что ее едва ли можно отождествить с той увенчанной славой империей, какой она некогда являлась. Однако Византия никогда не прекращала борьбу. Благодаря ее трем последним василевсам, настроенным весьма решительно, империи было суждено просуществовать еще шесть десятилетий — и пойти ко дну, не сложив оружия.

28

Обращение к Европе (1391—1448)

Уже в первые дни после восшествия на трон Мануил II показал свой характер. Когда к нему пришло известие о смерти отца, он все еще оставался на положении заложника султана. Вскоре Мануил вернулся с ним в османскую столицу Брусу. Император хорошо осознавал, что Баязид, будучи сюзереном Византии, вполне может назначить племянника Мануила, Иоанна VII, василевсом. 7 марта 1391 г. Мануил выскользнул из лагеря и, по возможности скрываясь, добрался до Константинополя, где народ принял его с большим энтузиазмом.

Ему исполнилось сорок лет, по своему внешнему виду это был настоящий император: сам Баязид однажды заметил, что его императорскую кровь можно распознать по одной лишь манере держаться. Обладая превосходным здоровьем и безграничной энергией, Мануил казался отпрыском не столько своего отца, сколько деда, с которым он разделял любовь к литературе и традиционное византийское увлечение теологией. Однако при этом он оставался человеком действия. Дважды, в 1371 г. и в 1390 г., Мануил приходил на выручку своему отцу, демонстрировавшему с течением времени все большую несостоятельность, — в обоих случаях действия сына увенчались полным успехом. В более счастливый исторический период он мог бы стать великим правителем.

Но реальная ситуация предоставляла Мануилу мало возможностей для демонстрации величия. Ныне он был всего лишь вассалом султана, а тот воспринял как личное оскорбление восшествие Мануила на трон без достаточных к тому оснований (по

мнению Баязида). Как следствие, султан подверг нового императора еще двум унижениям. Первое унижение заключалось в том, что в Константинополе был отгорожен целый район для турецких торговцев, которые отныне не подчинялись имперским законам — все их дела передавались в ведение мусульманского кади (судьи). А в мае 1391 г., всего лишь через два месяца после восшествия Мануила на престол, он был демонстративно отозван в Анатолию, чтобы принять участие в новом походе, на этот раз направлявшемся к Черноморскому побережью.

Император вернулся в Константинополь в середине января 1392 г., а 10 февраля уже объявил своей невестой Елену, дочь сербского князя Константина Драгаша Серрского, который также являлся вассалом султана. На следующий день после бракосочетания состоялась совместная коронация. Мануил уже короновался за девятнадцать лет до этого; новая же церемония, проведенная с максимальной пышностью, должна была, по его мнению, оказать тонизирующее воздействие на упавший дух его подданных. Она должна была также напомнить им, что, какие бы унижения Мануилу ни пришлось претерпеть, он продолжал оставаться главенствующим среди правителей христианского мира, равноапостольным лицом, помазанником Божиим. Когда короны неторопливо и размеренно возлагались на головы императорской четы, едва ли имело значение то, что подлинные регалии все еще находились в закладе у венецианцев; что император, чья полубожественная сущность столь высоко превозносилась, всего лишь месяц назад вернулся из похода, осуществленного в интересах «неверного» султана; что сам этот султан стоял у стен византийской столицы.

В течение двух лет после коронации Мануила особо не трогали, но зимой 1393/94 г. Баязид созвал своих главных христианских вассалов в лагерь в городе Серры. Помимо василевса там присутствовали его брат Феодор — деспот Морей, тесть Мануила Константин Драгаш, племянник императора Иоанн VII и серб Стефан Лазаревич. Ни один из них не имел понятия о том, что в лагерь вызваны и остальные вассалы: только собравшись вместе, они осознали, насколько крепко опутаны властью султана. Сам Мануил разделял общее мнение, что изначально была задумана резня и только в последний момент Баязид отменил

свой приказ. Так или иначе, снабдив вассалов зловещими предостережениями касательно последствий неповиновения, султан позволил им разойтись. Мануил, потрясенный случившимся — до конца своей жизни он считал, что его судьба в тот раз висела на волоске, — постарался как можно быстрее вернуться в Константинополь.

Вскоре после этого Мануил получил новый приказ явиться к Баязиду. На сей раз он отказался. Полученный в Серрах опыт убедил его в том, что дни умиротворения турок ушли в прошлое: чтобы выжить — следовало сопротивляться. Мануил понимал: его открытое неповиновение будет интерпретировано как отказ от вассалитета, фактически как объявление войны. Он пошел на этот риск только потому, что верил в неприступность Константинополя. Во время Четвертого крестового похода, когда город дважды был взят вооруженными силами противника, атакам с моря подвергались весьма слабые фортификационные сооружения, которые шли вдоль побережья Золотого Рога. Подобную операцию Баязид провести не мог — у него не имелось сильного флота. Мануила также сильно ободрили действия венгерского короля Сигизмунда, который, будучи все более встревожен неуклонной турецкой экспансией, в 1395 г. выступил с предложением нового Крестового похода.

На это обращение положительно ответили два соперничающих папы — Бонифаций IX в Риме и Бенедикт XIII в Авиньоне. В поход выступили 10 000 французских рыцарей, 6000 германских, к ним присоединились 60 000 венгерских воинов Сигизмунда и 10-тысячное войско князя Валахии. Еще 15 000 собралось из Италии, Испании, Англии, Польши и Богемии. Генуэзцы с островов Лесбос и Хиос и рыцари с Родоса взяли под контроль устье Дуная и побережье Черного моря. Даже Венеция направила флотилию для патрулирования Геллеспонта. Эти огромные силы — почти несомненно, насчитывавшие более 100 000 человек — в августе 1396 г. двинулись по долине Дуная. Но неустанные попытки Сигизмунда утвердить дисциплину и внушить войскам надлежащую предусмотрительность были напрасны — горячие молодые рыцари примеривали на себя образы героев крестоносцев минувшего времени, которые сметали все на своем пути к Гробу Господню.

Примерно через месяц войска достигли Никополя, и как раз там султан встретил их. То, что последовало утром 25 сентября, явилось, по сути, настоящей резней. Около 10 000 человек было обезглавлено в присутствии султана, многие попали в плен. Этот Крестовый поход явился определенной вехой — стал первой пробой сил в противостоянии между Западом и османским султаном. И исход битвы при Никополе не только был трагичен сам по себе, но не предвещал ничего хорошего для христианского мира и в ближайшем будущем.

В начале 1397 г. жители Константинополя со страхом наблюдали, как на азиатском берегу Босфора росла огромная крепость, которую строил Баязид, готовясь к осаде византийской столицы (ныне она носит название Анадолу-хисары*). Мануил, в свою очередь, удвоил усилия, чтобы получить помощь из-за рубежа. В 1397 и 1398 гг. вновь были отряжены императорские посольства — к папе, королям Англии, Франции и Арагона, а также к великому князю Московскому; несколько позднее патриарх Антоний направил делегации к королю Польши и митрополиту Киевскому. В Риме папа Бонифаций IX издал две буллы, содержавшие призыв к народам Запада принять участие в Крестовом походе; если же по каким-то причинам это окажется для них невозможным, то им предлагалось сделать финансовые пожертвования на оборону Константинополя. Карл VI Французский направил 12 000 золотых франков** и военное подкрепление: это был отряд в 1200 человек, предводительствуемый самым выдающимся французским военачальником того времени Жаном ле Мэнгром, маршалом Бусико, который сражался под Никополем и теперь жаждал отмщения. Бусико прибыл в Константинополь в сентябре 1399 г. и сразу же увидел, что для организации полноценной обороны от турок требуются совсем другие масштабы. Маршал настаивал на том, чтобы император лично отправился в Париж и разъяснил ситуацию французскому королю.

Неохотно доверив империю своему племяннику Иоанну VII, Мануил оставил Константинополь и направился на Запад. В апреле 1400 г. он высадился в Венеции и далее медленно дви-

* Анадолу-хисары — Анатолийская крепость (*тур.*).

** Франк — французская золотая и серебряная монеты; золотой франк был впервые выпущен в 1360 г.; при Карле VI весил 3,826 г.

нулся через Северную Италию — в каждом городе, через который Мануил проезжал, его бурно чествовали. Италия, наконец, ощутила нависшую над Западом опасность, и в глазах итальянцев этот высокий, величественного вида человек являлся главным защитником христианского мира, потенциальным спасителем Европы. Наконец 3 июня 1400 г., накануне своего пятидесятого дня рождения, император прибыл в Париж. Целый флигель старого здания Лувра был заново отдекорирован, для того чтобы организовать там прием для византийского императора. Но король Карл, несмотря на подчеркнуто дружескую встречу с василевсом, скептически отнесся к идее полномасштабного международного Крестового похода.

Затем Мануил направился в Лондон, где король Генрих IV выказал гостю исключительные знаки уважения и почтительности: собственное положение Генриха в королевстве все еще было неустойчивым — многие из его подданных справедливо считали его узурпатором трона и даже подозревали в расчетливом убийстве. И король надеялся, что, если народ увидит, какой радужный прием он, Генрих, оказывает императору Византии, то это в значительной степени поднимет реноме монарха. На Рождество Генрих устроил в честь именитого гостя пиршество в своем дворце в Элтеме. Однако у короля не оказалось возможности предоставить василевсу военную помощь, но он, по-видимому, проникся подлинной симпатией к «византийскому делу» и передал Мануилу 4000 фунтов стерлингов*, собранных по всей стране в церквях, где установлены специальные ящики для пожертвований на спасение Константинополя.

Проведя около семи недель в Лондоне, Мануил вернулся в Париж в начале 1401 г. Ему предстояло пробыть там около года. Он провел переговоры с королями Арагона и Португалии, с папой, чей престол к этому времени вернулся в Рим, и с антипапой, имевшим резиденцию в Авиньоне. Однако с приближением осени воодушевление Мануила начало таять. Со всех сторон он получал только отказы и отговорки. Наибольшее разочарование принесли французы — Карл VI к этому времени был уже полностью во власти душевной болезни. Император написал в Вене-

* Фунт стерлингов — денежная единица Англии с X в.; первоначально 453,6 г серебра.

цию, предложив дожу Микелю Стено взять на себя командную роль, но тот тоже отказался.

Затем, в сентябре 1402 г., сеньор Жан де Шатоморан — его Бусико оставил в Константинополе с символическим отрядом, состоявшим из 300 французских солдат, — прибыл в Париж с новостями, которые представили всю ситуацию в совершенно новом свете. Монголы под предводительством Тамерлана разбили османскую армию; сам Баязид попал в плен. Для Мануила Палеолога больше не было никаких оснований оставаться на Западе. Он начал готовиться к поездке домой.

Тамерлан родился в 1336 г. Он захватил монгольский трон в Самарканде в 1369 г., а тридцать лет спустя его владения уже простирались от Афганистана до границ Анатолии. Имя Тамерлана наводило на людей ужас на всем азиатском пространстве — о монгольской армии говорили, что она уничтожает все на своем пути, и хотя в тот момент Тамерлану было уже за шестьдесят, он совершенно не утратил ни своей энергии, ни своих амбиций. Окончательная проба сил в его противостоянии с османским султаном состоялась в пятницу, 28 июля 1402 г., к северу от Анкары. Баязид совершил кардинальную ошибку, поставив татарскую кавалерию в первые ряды: не желая сражаться с соплеменниками, татары перешли на сторону врага. Час спустя 15 000 воинов османской армии полегло на поле боя. Баязид и его сыновья сражались мужественно, пока у них хватало сил и возможности держаться. Но вдруг исчез принц Мустафа, и его сочли погибшим. Принц Муса был захвачен в плен. Османы бежали, а Баязида схватили и привели в цепях в шатер победителя.

Известно, что во время всего анатолийского похода Тамерлана перед ним несли железную клетку, в которую был заключен султан. Время от времени Тамерлан использовал своего узника как скамеечку для ног или как подставку для каких-то бытовых нужд. Вскоре Тамерлан завладел гаремом Баязида; при этом сербскую жену султана он заставлял прислуживать за столом обнаженной. Через восемь месяцев дух Баязида был окончательно сломлен. В марте 1403 г. с ним случился апоплексический удар, и через несколько дней он умер.

Обрушившись затем на Брусу, османскую столицу, монгольские орды подвергли ее тотальному сожжению и разграблению, совершив в городе массовые изнасилования. Затем монголы направились к Смирне — там рыцари св. Иоанна сражались храбро, но в декабре 1402 г. последний христианский анклав в Малой Азии стал представлять собой одни тлеющие руины. Если бы Тамерлан задержался в регионе на более продолжительный срок, то вполне мог бы нанести дому Османов фатальный удар, но в 1403 г. он покинул Малую Азию и направил свою орду назад в Самарканд. Пройдет несколько лет, прежде чем сыновья Баязида смогут восстановить свое положение во внутренних районах Анатолии.

В Европе же произошла совсем другая история. В Румелии — европейских владениях султана — османская власть осталась такой же прочной, как и в предыдущие десятилетия. Но великое сражение монголов с османами привело к тому, что Османская империя разделилась на две части: не существовало более регулярной коммуникации между ее европейскими и азиатскими провинциями. Битва при Анкаре также показала, что османский султан всего лишь человек и вовсе не является непобедимым. Его армия была разбита один раз, и она вполне могла быть разбита снова.

Мануил Палеолог особо не стремился возвращаться в Константинополь. Его путешествие домой, проходившее через Италию, предоставило ему шанс побеседовать с главами ряда итальянских государств. Разгром Баязида Мануил посчитал чрезвычайно удачным поводом для того, чтобы подвинуть европейские державы на согласованные действия против турок. Венецианцы оказали Мануилу особо теплый прием, но за всем этим радушием читалось их желание отправить его домой как можно скорее. Они снарядили три военных корабля для Мануила и его свиты и в конце концов убедили его отплыть, что и произошло 5 апреля 1403 г. 9 июня Мануил ступил на берег столицы в сопровождении Иоанна VII, который еще раньше встретил его в Галлиполи.

Мануила ждали новые хорошие известия. Принц Сулейман, старший из выживших сыновей Баязида, прибыл в Галлиполи как наследник Баязида. Толерантный и благодушный, он предпочитал стол переговоров полям сражений и жизнь в свое удо-

вольствие разного рода тяготам и проблемам. В начале 1403 г. Сулейман подписал договор с Византией, Венецией, Генуей, рыцарями Родоса, Стефаном Лазаревичем и латинским герцогом Наксоса. Мануил заключил соглашение с Сулейманом, особо не раздумывая: условия договора, предложенные османами, были просто поразительными. Византия освобождалась от вассалитета по отношению к султану и от обязанности выплачивать дань. Вместо этого Сулейман брал на себя обязательство считать византийского императора своим сюзереном. Сулейман возвращал Византии Фессалоники и ее окрестности, включая гору Афон, Черноморское побережье от входа в Босфор до Варны и ряд островов в Эгейском море. Все пленники освобождались. Турецкие суда не могли заходить ни в Геллеспонт, ни в Босфор без предварительного разрешения Константинополя. Взамен Сулейман просил только, чтобы ему было позволено управлять Фракией из своего дворца в Адрианополе.

Какими бы удивительными ни показались эти условия, понять позицию выдвинувшего их Сулеймана было не трудно. У турок не имелось закона о первородстве, и за корону Баязида сражалось не менее четырех его сыновей. Поэтому Сулейман нуждался в поддержке Византии — точно так же как Византия нуждалась в нем. Мануил не мог знать, как долго Сулейман продержится у власти, но василевс хорошо понимал, что в любом случае нельзя безгранично полагаться на дружбу с турками и потому не стоит ослаблять усилий по сплочению христианских народов перед лицом грозящей им опасности.

В 1407 г. после продолжительной болезни умер брат Мануила Феодор, деспот Морей. Это был блестящий правитель, которому удавалось сохранять целостность своих владений и поддерживать имперский престиж, но он не оставил после себя законных наследников мужского пола. Летом 1408 г. император сам направился в Мистру, чтобы определить на трон своего второго сына, также по имени Феодор.

В сентябре василевс все еще находился там, когда пришло известие, что в Фессалониках скончался Иоанн VII. Это сообщение Мануил воспринял с гораздо меньшим сожалением, но Иоанн также не оставил наследников и надо было решать вопрос о престолонаследии. Император поспешил в Фессалоники, где

утвердил на троне своего третьего сына, восьмилетнего Андроника.

В начале 1409 г. Мануил возвратился в Константинополь. Очевидно, император надеялся взять обе вышеназванные провинции под свой непосредственный контроль. Но, прежде чем он смог сделать какие-то дальнейшие шаги в этом направлении, произошло важное событие в османском султанате: в начале 1411 г. брат Сулеймана Муса захватил Адрианополь, Сулейман был брошен в темницу и вскоре задушен.

У императора не имелось никаких иллюзий по поводу Мусы, который унаследовал всю дикость и свирепость своего отца. И действительно, сразу после прихода к власти одним из первых деяний Мусы было аннулирование договора 1403 г. и объявление о том, что уступки, сделанные его братом, теряют законную силу. Муса направил несколько полков для осады Фессалоник, а сам повел основные свои силы напрямик на Константинополь, оставляя за собой привычный шлейф грабежей и убийств. К счастью, сухопутные стены оказались для него такими же неприступными, какими были испокон веков.

Мануил знал, что единственный шанс устранить Мусу с политической сцены — поддержать его брата Мехмеда. В начале 1412 г. василевс направил секретное посольство ко двору Мехмеда в Брусе.

Борьба за власть среди сыновей Баязида теперь поляризовалась. Мехмеду, как более уравновешенному, чем Муса, альянс с Византией представлялся не столь уж значительной ценой за неоспоримое право занимать османский трон. Он повел огромную армию против своего брата, который в итоге был разгромлен 5 июля 1413 г. при местечке Камурлу в Сербии. Муса в свою очередь также был задушен.

Мехмед отправил после этой победы послание Мануилу, в котором называл его своим отцом и обещал выполнять все его приказы. И он сразу же подтвердил законность договора 1403 г. Василевс, конечно, не имел никаких заблуждений относительно истинности намерений Мехмеда, тем не менее в данный момент сложилась самая благоприятная ситуация за все двадцатидвухлетнее правление Мануила. Казалось, у Византии появились шансы на выживание и возрождение.

Султану Мехмеду вскоре пришлось столкнуться с новым кризисом: разразилось восстание, руководимое неким претендентом на престол, утверждавшим, что он является самым старшим сыном Баязида Мустафой, который предположительно был убит в сражении при Анкаре. С самим восстанием было быстро покончено, но венецианцы организовали для претендента побег в Европу. В итоге он достиг Фессалоник, где юный Андроник предложил ему убежище. Мехмед обратился к Мануилу, и тот приговорил претендента на престол к пожизненному заключению на острове Лемнос. В отношениях между императором и султаном едва ли обозначилась какая-то рябь, но случилось так, что византийцы получили в свои руки претендента на османский трон. Был ли он подлинным представителем османского рода или нет — почти несомненно, второе, — этот деятель мог бы, в случае правильного его использования, оказаться исключительно полезным для Константинополя в будущем.

19 января 1421 г. старший сын Мануила Иоанн женился — выказывая при этом крайнюю неохоту — на Софии Монферратской. Первая жена Иоанна умерла от чумы всего лишь три года назад, в пятнадцатилетнем возрасте; вторая его попытка оказалась, пожалуй, еще более неудачной. Бедная Софья была просто поразительно некрасива: ее фигура, как кто-то недоброжелательно заметил, напоминала Великий пост спереди и Пасху сзади. Иоанн отослал ее в дальний угол дворца и не предпринимал никаких попыток вступать с ней в брачные отношения; как результат в 1426 г. Софья сбежала и вскоре ушла в женский монастырь. Зато бракосочетание явилось подходящим поводом для коронации Иоанна как соимператора. Мануил, помня о том, какие у него самого были трудности с вступлением в права наследника престола, ясно дал понять, кого он желает видеть следующим василевсом. В свое время Мануил дал сыну основательную подготовку в области искусства управления — теперь молодой человек был превосходно подготовлен к занятию императорского трона. Отныне он постепенно стал играть все более важную роль в решении государственных дел; как и многие представители молодого поколения, Иоанн считал, что необходимо проводить более агрессивную политику.

При жизни Мануила и Мехмеда статус-кво между Византией и султанатом соблюдался, но 21 мая 1421 г. умер Мехмед и на

смену ему пришел его старший сын Мурад II. Фракция войны в Константинополе, в которую входил Иоанн, потребовала отказать Мураду в признании и натравить на него Мустафу, все еще находившегося в заключении на острове Лемнос. Мануил пришел в ужас от такого предложения, но этот уже старый и усталый человек вскоре сдался. Слишком быстро выяснилось, что василевс изначально прав. Мустафу освободили, и с византийской помощью он утвердился в роли правителя Румелии, но в январе претендент предпринял попытку вторгнуться в Анатолию, потерпел поражение и был вынужден бежать назад в Европу.

Разъяренный султан начал против Византии военные действия. Направив часть войск на блокаду Фессалоник, он повел основные силы своей армии на Константинополь. По прибытии Мурад выстроил огромные земляные валы параллельно сухопутным стенам на всем протяжении от Мраморного моря до Золотого Рога. Это позволило установленным на них катапультам с легкостью метать снаряды поверх византийских крепостных валов. Однако защитники города проявили отвагу и решимость; верховное командование осуществлял сам Иоанн, работавший не покладая рук.

К счастью для византийцев, султан был суеверен. Один святой человек предсказал ему, что Константинополь падет 24 августа, и в этот день Мурад провел массированную атаку на город, но оборонительные сооружения выстояли. Обескураженный и разочарованный, султан распорядился снять осаду. Однако имелась и еще одна причина для такого его решения. В обоих лагерях очень немногие знали о том, что старый Мануил втайне попытался утвердить младшего сына покойного султана, тринадцатилетнего Мустафу, на османском троне во время отсутствия его брата, а Мурад, узнав об этом, оказался вынужден вернуться домой и принять соответствующие меры. В начале 1423 г. юный Мустафа в свою очередь был задушен тетивой.

Фессалоники, однако, все еще находились на осадном положении. К весне возникла серьезная угроза голода. На сына Мануила, Андроника, в двадцатитрехлетнем возрасте навалился тяжелый недуг — слоновая болезнь, и он явно был неспособен с ней справиться. Ввиду всех этих нападений, Андроник предпринял исключительный шаг: с согласия отца и брата он предложил

город Венеции. Андроник пояснил венецианцам, что империя ныне не в состоянии обеспечить защиту Фессалоник, а сам он слишком болен, чтобы брать на себя всю полноту ответственности за город. Если республика возьмет Фессалоники под свою юрисдикцию, то Андроник просит лишь о том, чтобы были сохранены политические и религиозные институты города. После некоторого колебания венецианцы согласились. Два представителя дожа отплыли в Фессалоники в сопровождении 6 транспортных судов, груженных провизией, и 14 сентября 1423 г. знамя св. Марка гордо взвилось над крепостным валом города.

Когда год уже заканчивался, Иоанн Палеолог решил еще раз обратиться к Западу. Он полагал, что к этому времени вся Европа осознала размеры надвигающейся угрозы; если бы Константинополь пал — что воспрепятствовало бы султану продолжить продвижение на Запад? Иоанн отплыл из Константинополя 15 сентября и возвратился год спустя. За это время он посетил Венецию, Милан, Мантую и Венгрию, однако реальных результатов не добился. Вернувшись в столицу, он обнаружил, что ситуация слегка разрядилась. Наконец удалось заключить мир с султаном: вновь народ Константинополя мог спать спокойно.

Старый Мануил, два года назад перенесший серьезный апоплексический удар, был теперь постоянно прикован к постели, но его сознание оставалось ясным. Однажды он сказал своему старому другу, историку Георгию Сфрандзи: «В другие периоды нашей истории мой сын мог бы стать великим василевсом, но сейчас нашей империи нужен не великий василевс, а хороший управляющий. И я опасаясь, что его грандиозные планы и устремления могут привести к краху нашу обитель».

Вскоре после этого старый император дал монашеский обет и надел монашеское одеяние, взяв имя Матфей. В этом облачении он отпраздновал семьдесят пятый день рождения 27 июня 1425 г. Всего лишь через двадцать пять дней василевс умер. Сфрандзи говорит, что страна погрузилась в такой глубокий траур, каким до сих пор не была отмечена кончина ни одного из предшественников Мануила. В сущности, он это заслужил.

Империя, которая с 21 июля 1425 г. осталась под властью лишь одного василевса, тридцатидвухлетнего Иоанна VIII Па-

леолога, оказалась ограничена только стенами Константинополя; и к тому времени город представлял собой весьма мрачное зрелище. В первой четверти XV в., после трех выдержанных осад и нескольких эпидемий чумы, население столицы резко уменьшилось. К 1425 г. в городе едва ли насчитывалось более 50 000 жителей, возможно, даже меньше.

В отчаянном положении находилась экономика империи. Будучи некогда самым богатым коммерческим центром всего мира, Константинополь фактически уступил контроль над торговым оборотом венецианцам и генуэзцам, колонии которых, впрочем, теперь несли финансовые потери из-за общей нестабильности в империи, и мизерные таможенные пошлины, оставшиеся единственным источником византийской казны, не могли покрывать даже самые насущные государственные расходы. Имперские денежные единицы неоднократно подвергались девальвации; система распределения продовольствия зачастую вообще оказывалась заблокирована. Люди хронически недоедали, и низкая сопротивляемость их организмов приводила к тому, что в городе совершенно беспрепятственно свирепствовали эпидемии.

Отсутствие в городе как финансов, так и живой силы было видно невооруженным глазом. Многие церкви едва ли представляли собой нечто большее, нежели пустые остоны. Великий ипподром, построенный Константином, использовался как площадка для игры в поло; даже императорский дворец во Влахернах постепенно разрушался.

Безопасность империи продолжала находиться под большим вопросом. Стены Константинополя, по общему мнению, оставались неприступными, но с каждым днем уменьшалось число физически крепких мужчин и женщин, способных защитить их. Совсем немного было в городе мыслящих людей, которые продолжали питать надежду на спасение Византии. На Западную Европу уже не было никакой надежды. Турки, после временных неудач, теперь, под водительством Мурада II, набрали былую силу, какую демонстрировали на протяжении многих веков. Все выглядело так, что султан в ближайшее время предпримет атаку на город, а у его жителей просто не хватит духу сопротивляться.

Иоанн, вероятно, с завистью думал о своих младших братьях. Четверо сыновей Мануила находились в Морее, которая могла успешно защищаться от турецкого нападения. Вообще-то она была опустошена совсем недавно, в 1423 г., когда турецкая армия пронеслась через Фессалию, проигнорировав хваленый Мануилов Гексамилион — стену, которую василевс за несколько лет до этого нашествия выстроил поперек Коринфского перешейка. Но турки не остались там надолго; с того времени стена была укреплена, и Венеция пообещала морейцам прийти на помощь, если подобный случай повторится. Венецианские корабли уже патрулировали прибрежные воды, и были намного сильнее турецкого флота, все еще пребывавшего в рудиментарном состоянии. К тому же условия жизни в Морее, в сравнении со столичными, были весьма удовлетворительными; и если бы в 1425 г. византийцам предложили приобрести дома либо в Константинополе, либо в Мистре, не многие колебались бы в выборе.

Город Мистра, лежащий на склонах горной цепи Тайгет в южной части Пелопоннеса, был основан в 1249 г. Вильгельмом Виллардуэном, который двенадцать лет спустя, после отвоевания греками Константинополя, оказался вынужден уступить его Византии. К описываемому периоду латиняне уже покинули город. Мистра все это время неуклонно росла в размерах и приобретала все большее значение; в 1349 г., ровно через сто лет после основания города, Иоанн VI Кантакузин послал сюда своего сына Мануила, ставшего первым деспотом Морей. К 1400 г. Мистра развилась уже в нечто значительно большее, чем обычная провинциальная столица. Это был интеллектуальный, художественный и религиозный центр, сравнимый с тем, что представлял собой Константинополь сто лет назад. В Мистру съезжались самые выдающиеся личности со всего византийского мира. Иоанн Кантакузин, регулярно посещавший этот город, тут и умер в 1383 г. Среди других известных имен, связанных с Мистрой, следует назвать знаменитого митрополита Никейского Виссариона и будущего митрополита всея Руси Исидора — оба они в дальнейшем станут кардиналами Римской церкви; философа и богослова Георгия Схолария, который под именем Геннадия II станет первым патриархом Константинопольским после падения

города, и самого оригинального из всех византийских мыслителей Гемиста Георгия Плифона.

В первые пять лет правления Иоанна VIII в Византии дела в Морее шли вполне благополучно. Однако, в противовес успехам на юге, разразилась катастрофа на севере: в 1430 г. Фессалоники вновь оказались в руках султана. До сего времени турки продолжали блокаду города, и вскоре венецианцы — которым отнюдь не удалось превратить его во вторую Венецию, как они обещали, — начали сильно жалеть о том, что вообще приняли Фессалоники в дар. 26 марта к стенам города прибыл сам Мурад и взял его. Все церкви были разграблены, многие из них — уничтожены, дворцы знати обысканы и преданы огню. Затем, после традиционных трех дней бесчинств, Мурад повелел остановиться. Фессалоники являлись вторым по значению городом империи, и он не имел желания превращать их в руины. Была объявлена всеобщая амнистия, жителям предлагали возвратиться домой — с гарантией, что они не будут более подвергаться дурному обращению. Венецианским властям города каким-то образом удалось добраться до гавани и сесть на корабль, который довез их до ближайшей венецианской территории — острова Эвбея.

Новости о падении Фессалоник достигли Константинополя примерно в то же время, когда пришло сообщение о том, что папа Мартин V созвал церковный собор, который должен был состояться в Базеле в 1431 г. Иоанн Палеолог увидел в этом луч надежды. На собор съедутся представители всех христианских народов Запада, и очень возможно, что обращение к ним Византии с просьбой о помощи будет воспринято должным образом. По ряду причин собор был отложен на семь лет, а местом его проведения теперь стала Феррара, но решимость императора посетить высокое собрание осталась твердой. Иоанн вновь оставил брата Константина в столице в качестве регента и в ноябре 1437 г. отправился в свою историческую поездку, взяв с собой около 700 наиболее влиятельных деятелей Византии, в том числе самую представительную делегацию восточных клириков, когда-либо посещавшую Запад. Среди членов делегации были патриарх Иосиф II и еще 18 церковных иерархов — в том числе блистательный Виссарион Никейский и Исидор, митрополит

всё Руси. Из светских деятелей надо упомянуть Георгия Схоластика, чье знание латинской теологии, как ожидалось, поразит ученых Запада, и самого почитаемого из всех византийских мыслителей — Гемиста Георгия Плифона из Мистры. Все они в большей или меньшей степени были настроены прозападно. Самым видным представителем ультраправославного лагеря являлся Марк Евгений, митрополит Эфесский. Император также взял с собой брата Димитрия, которого считал интриганом и потому предпочитал держать при себе, чтобы была возможность присматривать за ним.

Начало работы собора гладким не оказалось. Было много неприятных проблем протокольного характера, а также вопросов, связанных с очередностью выступлений. И василевс, и папа ревниво относились к воздаянию почестей. К примеру, взаимное расположение двух тронов в помещении для собраний породило такие затруднения, которые в какой-то момент стали казаться непреодолимыми. Апломб Иоанна понять можно: чтобы его миссия удалась, важно было, чтобы его рассматривали не как просителя, но как монарха великой христианской империи.

Однако на кого он собирался произвести впечатление? Иоанн приехал на собор, чтобы обратиться за помощью к европейским правителям, и не спешил до их прибытия что-либо предпринимать, но важные государственные деятели все никак не появлялись. Латиняне теряли терпение, поскольку дискуссии на соборе не двигались с мертвой точки; папа, ответственный за размещение всей греческой делегации и обеспечение ее питанием, был озабочен еще больше, поскольку его финансовые запасы неуклонно таяли. С началом августа пришла чума. Греки оказались невосприимчивы к этой болезни, но среди латинских делегатов была высокая летальность. Они чувствовали все большее раздражение к своим гостям, но и византийцы выражали недовольство: после годичного пребывания вдали от дома они до сих пор ничего не достигли. И уже стало ясно, что ни один европейский правитель не имел никаких намерений посещать собор. Настоящие дискуссии начались 8 октября и продолжались до 13 декабря, а до заключения соглашения было так же далеко, как и в самом начале сессии.

И тогда папа стал убеждать делегатов переехать во Флоренцию. Он руководствовался финансовыми мотивами — надеясь,

что правившее во Флоренции семейство Медичи поможет в сложившихся затруднительных обстоятельствах. Но переезд оказался полезным и в иных отношениях. К концу февраля 1439 г. греки — усталые, голодные, охваченные беспокойством и тоскующие по дому — оказались более готовыми к компромиссу. К концу марта они согласились с тем, что латинская формулировка, в соответствии с которой Святой Дух исходит от Отца и от Сына, означала то же самое, что и недавно принятая греческая формулировка, постулировавшая, что Дух исходит от Отца через Сына.

Когда вопрос о *filioque* был, наконец, закрыт, все остальные проблемы делегаты решили в самый короткий срок. 5 июля официальный текст унии, едва ли представлявший собой нечто большее, чем изложение латинской позиции, был подписан всеми православными клириками за исключением митрополита Эфесского, который остался непреклонен, — правда, император запретил ему налагать на этот документ вето. Затем латиняне добавили свои подписи. На следующий день текст соглашения был публично зачитан на латинском и греческом языках во флорентийском кафедральном соборе. Его латинская версия начинается словами «*Laetentur Coeli* (Да возрадуются Небеса)». Но вскоре стало ясно, что у Неба совсем мало для этого оснований.

В феврале 1440 г. Иоанн Палеолог вернулся в Константинополь. Здесь его не ожидало ничего хорошего. Третья жена Иоанна Мария Трапезундская, которую он сильно любил, умерла за несколько месяцев до его прибытия. Флорентийский собор почти повсеместно осуждался византийцами. Подписавшие унию были клеймены как отбросы общества и предатели веры, а в ряде случаев даже подверглись физическому нападению. Патриархи Иерусалима, Александрии и Антиохии не признали полномочий представителей, подписавших документ от имени этих иерархов. Митрополита Эфесского чествовали как героя.

Такая реакция византийского общества на решения собора ослабила позиции императора. Летом 1442 г. его крайне амбициозный брат Димитрий попытался захватить трон во имя православия. Пусть он и потерпел неудачу, но организованная им попытка переворота являлась симптомом все более растущего недовольства народа.

Папа Евгений IV предпочел не обращать внимания на такое развитие событий. Поскольку теоретически церковь оказалась воссоединенной, он должен был теперь начать обещанный им Крестовый поход против врагов Византии. Тем более что насущность этого шага с каждым днем становилась все более очевидной. Мощная дунайская крепость Смедерево, стоявшая примерно в двадцати пяти милях к юго-востоку от Белграда, сдалась туркам в 1439 г. после трехмесячной осады; в 1441 г. армия султана двинулась в Трансильванию; не могло быть никаких сомнений в том, что следующей жертвой будет Венгрия. Именно венгры и составили основную боевую силу папского Крестового похода. Венгерского короля Владислава понтифик назначил предводителем похода, а на блестящего венгерского военачальника Яноша Хуньяди возложили верховное командование войсками. Флот должны были предоставить венецианцы, герцог Бургундский и сам папа. Флотилия, по плану, шла через Босфор в Черное море, а далее следовала вверх по Дунаю, чтобы встретиться с армией, которая в это время двигалась с северо-запада.

Крестовый поход начался летом 1443 г. Не встречая поначалу сопротивления, войско направилось в Болгарию, и София сдалась крестоносцам перед самым Рождеством. В январе 1444 г. они одержали еще одну крупную победу, и к концу весны султан уже серьезно встревожился. В июне он предложил кое-какие уступки и добился от Владислава десятилетнего перемирия.

Однако когда известие об этом достигло Рима, папа Евгений пришел в ужас. Получалось, что обещанная им помощь Византии так и не оказана. Папа немедленно освободил короля Владислава от данной им султану клятвы и приказал продолжать Крестовый поход. Владиславу следовало бы отказаться — личный состав его армии к этому времени сократился до критического уровня, — но он сделал так, как распорядился папа, и в сентябре возобновил Крестовый поход. Крестоносная армия прошла через Болгарию к Черному морю и расположилась в окрестностях Варны, где Владислава должна была ожидать союзная флотилия.

Однако она в это время сражалась в другом месте: Мурад решил в спешном порядке передислоцировать свою армию из Анатолии, и союзная эскадра пыталась помешать ему пересечь Босфор. Ей это не удалось. Переправившись через пролив, 10

ноября 1444 г. войско султана напало на крестоносцев. У христиан, значительно уступавших туркам в численности, не было шансов. Владислав пал на поле боя; его армия была уничтожена; из военачальников только Яношу Хуньяди удалось спастись вместе с горсткой воинов. Последний Крестовый поход (и единственный — организованный против турок в Европе) закончился катастрофой.

Для Иоанна Палеолога это означало крах всей его дипломатии, конец всех его надежд. Василевс только теперь осознал, что он, совершенно ничего не добившись, предал свою церковь и навлек на себя ненависть и презрение подавляющего большинства византийцев. Но это было еще не все — окончательное унижение он испытал несколько позже. Когда султан вернулся из похода, то именно Иоанну, его верному вассалу, пришлось поздравлять Мурада с победой.

Одиннадцать дней спустя, 31 октября 1448 г., Иоанн умер в Константинополе. Хотя ему было только пятьдесят шесть лет, разочарования последнего времени превратили его в унылого, потерявшего всякий интерес к жизни человека. Уже не могло идти и речи о новых Крестовых походах; теперь никто не верил в то, что империю можно спасти. И было достаточно много таких, кто считал, что ее и спасать не стоит.

Из числа всех византийских императоров внешность Иоанна наиболее известна — благодаря ее изображению на знаменитой фреске Беноццо Гоццоли* «Шествие волхвов» в капелле дворца Медичи-Риккарди во Флоренции. Можно усомниться в том, что он по праву заслужил свою посмертную известность. Мануил II как-то заметил, что империи нужен не великий василевс, а хороший управляющий; Иоанн не являлся ни тем ни другим. Впрочем, ситуация давно уже стала для Византии безнадежной, и, возможно, именно поэтому, что бы Иоанн ни пытался сделать, все было обречено на провал. Византия, раздираемая внутренними противоречиями, испытывавшая постоянную внешнюю угрозу, превратившаяся в почти неразличимое пятнышко на карте Европы, теперь ждала завершающего удара. И судьба с ним не задержалась.

* Гоццоли, Беноццо — итальянский живописец, представитель Раннего Возрождения.

29

Падение (1448—1453)

Иоанн VIII умер бездетным. Из пяти его братьев самый старший, Феодор, ушел из жизни на четыре месяца раньше его; второй брат, Андроник, умер, еще будучи молодым, в Фессалониках. Из троих оставшихся в живых — Константина, деспота Мореи, Димитрия и Фома — Иоанн определил наследником престола Константина. Крайне амбициозный Димитрий сразу же выдвинул свои притязания на трон, но его мать, императрица Елена, в итоге поддержала Константина, одновременно заявив, что будет осуществлять регентские полномочия до его прибытия в Константинополь. Обнаружив, что и Фома также выступает против него, Димитрий был вынужден смириться.

В Морею отправились два посланника, облеченные полномочиями присвоить Константину титул императора. Естественно, они не могли организовать каноническую церемонию коронации: в Мистре не имелось своего патриарха, — и эта церемония, проведенная 6 января 1449 г., была гражданской. Но Константин XI Драгаш — он всегда предпочитал использовать фамилию своей сербской матери — в принципе не мог быть официально коронован. Православная церковь со времен Флорентийского собора находилась в расколе: патриарх Григорий III, ярый сторонник унии, был ненавистен большей части своей паствы как предатель. Сам Константин никогда не осуждал унию; если, выступая за нее, можно повысить шансы на получение помощи Запада, то, естественно, его долгом было придерживаться этой линии. Но цена прозападного курса оказалась слишком высока. Противники унии отказывались молиться за него. Не будучи

коронован, Константин не имел морального права требовать преданности к себе от ортодоксально настроенных верующих, как и вообще от кого-либо из своих подданных. А если бы его короновал, как и положено, патриарх Григорий, могла быть спровоцирована гражданская война в тот момент, когда Византии угрожал самый беспощадный из ее врагов.

На удивление мало известно о загадочном молодом принце, который недавно вззошел на османский трон в Адрианополе. У родившегося в 1433 г. Мехмеда, третьего из сыновей Мурада, было несчастливое детство. Его мать — вероятно, бывшая христианка — была рабыней в гареме. Его старший брат Ахмет умер в 1439 г., другой брат, Али, был задушен в своей постели. Мехмед, неожиданно ставшего наследником престола, в срочном порядке вызвали в Адрианополь. Там его вверили заботам ведущих ученых своего времени, и он получил отменное образование. Известно, что ко времени восшествия на престол Мехмед хорошо знал турецкий, арабский, греческий, латинский, персидский и еврейский языки.

Когда султан Мурад умер от апоплексического удара 13 февраля 1451 г., Мехмед находился в Анатолии. Ему понадобилось всего лишь пять дней, чтобы добраться до Адрианополя, где он подтвердил полномочия министров своего отца, однако часть из них назначил на другие посты. Вдова Мурада, прибывшая к нему, чтобы поздравить с восшествием на престол, была принята очень тепло; когда она вернулась в гарем, то обнаружила, что ее малолетний сын убит в своей купальне. У сводного брата султана не имелось никаких шансов сохранить свою жизнь.

Мехмеду было только девятнадцать лет, и на Западе считали, что он пока слишком молод, чтобы представлять собой такую же серьезную угрозу, какую представлял его отец, и султан изо всех сил поддерживал эту иллюзию. Послам Константина он без всяких колебаний дал клятву жить с Византией в мире, поддерживая с ней традиционные дружеские связи.

Но василевс сохранил бдительность, и его самые мрачные подозрения подтвердились — в апреле 1451 г. Мехмед начал строить крепость на берегу Босфора, в нескольких милях от Константинополя, в том месте, где ширина пролива была самой узкой, — прямо напротив замка Баязида Анадолу-хисары. Новая

крепость позволяла полностью контролировать Босфор и являла собой идеальный опорный пункт, откуда можно было атаковать Константинополь с северо-восточной стороны.

Легко можно представить реакцию Византии. Константин направил одно за другим два посольства, передав с ними множество даров, с тем чтобы напомнить султану, что он нарушал свою клятву. Оба посольства были отправлены обратно — Мехмед даже не стал их выслушивать. Примерно неделю спустя Константин сделал еще одну, последнюю, попытку договориться — его послы были казнены на месте.

Крепость Румели-хисары до сих пор стоит на том же месте; в целом она сохранила неизменный вид со дня завершения строительства — в четверг, 31 августа 1451 г. На ее возведение ушло всего лишь двадцать недель. Когда она была готова, султан объявил, что каждое проходящее через пролив судно, какому бы государству оно ни принадлежало и какой бы порт приписки ни имело, должно останавливаться для проведения досмотра. В конце ноября венецианское судно, шедшее из Черного моря, проигнорировало это указание. Выстрелом из пушки турки пустили судно ко дну; его экипаж был убит, капитана Антонио Риццо посадили на кол. На Западе спешно пересмотрели мнение о султанах. Мехмед II явно имел серьезные намерения.

Во вторник, 12 декабря 1452 г., Константин XI и его придворные посетили торжественную литургию в соборе Св. Софии, где был прочитан текст «*Laetentur Coeli*» — как это происходило и во Флоренции. По крайней мере теоретически уния состоялась. Однако ее сторонники не слишком этому радовались. На службе в соборе было совсем мало народу; император выглядел вялым и безразличным. И после службы не ощущалось праздничного настроения. Было замечено, что церкви, чей клир поддерживал унию, отныне стояли почти пустыми, в том числе и сам великий собор; люди приняли неизбежное, но посещали только те храмы, где старая литургия не претерпела изменений.

Уже месяц спустя, в январе 1453 г., Мехмед, находясь в Адрианополе, вызвал к себе министров и сказал им, что его империя никогда не сможет чувствовать себя в полной безопасности, пока Константинополь находится в руках неверных. Город должен быть взят, и сейчас для этого самое время. Предыдущие попыт-

ки захватить город проваливались, поскольку невозможно было осуществить его блокаду. Сейчас впервые турки имели преимущество в военно-морских силах. Если Константинополь не получится взять приступом, то следует задуть голодом.

Два месяца спустя размер армады, выдвинувшейся от Галлиполи, поразил даже приближенных Мехмеда. Но их реакция не идет ни в какое сравнение с тем впечатлением, которое произвел этот флот на византийцев, пройдя через Мраморное море и бросив якорь у стен их города.

Между тем во Фракии готовилась к битве сухопутная турецкая армия. Мехмед занимался ею всю предыдущую зиму. Он мобилизовал все полки, запретил любые увольнения и рекрутировал орды наемников — в общей сложности численность регулярных войск составила около 80 000 человек, а численность башибузуков, или иррегулярных войск, достигала 20 000 человек.

Но было еще нечто, чем Мехмед особо гордился. В предыдущем году германский* инженер по имени Урбан пообещал султану сконструировать пушку, которая смогла бы пробивать любые стены. Мехмед хорошо заплатил ему и три месяца спустя получил грозное оружие, которое пустило ко дну корабль Риццо. Затем Мехмед потребовал еще одну пушку, в два раза больше первой. Работы над орудием были закончены в январе 1453 г. Известно, что длина пушки составляла около 27 футов, толщина стенки ствола — 8 дюймов, диаметр жерла — 2,5 фута. Пушка могла стрелять ядрами весом около тринадцати центнеров** на расстояние примерно в полторы мили. Двести человек были отряжены для организации доставки этого грозного орудия к стенам Константинополя — выравнивали дорогу и укрепляли встречавшиеся по пути мосты. Пушку тянули 30 пар быков, еще 200 человек поддерживали ее в устойчивом положении.

5 апреля Мехмед разбил свой шатер прямо перед стенами Константинополя. В соответствии с исламским законом он направил императору послание, в котором обещал сохранить всем его подданным жизнь, если город будет немедленно сдан; если же византийцы откажутся от этого предложения, то пощады им

* По другим данным, венгерский.

** Имеется в виду английский центнер, равный 50,8 кг.

ожидать не стоит. Мехмед не получил никакого ответа. Рано утром в пятницу, 6 апреля, пушка Урбана выстрелила.

Для константинопольцев все это не явилось сюрпризом. На протяжении прошлой зимы они все — мужчины, женщины и дети во главе с самим императором — работали над укреплением оборонительных сооружений города. Хотя основная угроза очевидным образом исходила с запада, также укреплялись и приморские стены, тянувшиеся вдоль побережья Мраморного моря и Золотого Рога, — о Четвертом крестовом походе никто не забыл. К началу весны все приготовления были завершены. Пасха в этот год пришлась на 1 апреля. Даже в такой день большинство византийцев обошли стороной собор Св. Софии с его католическим обрядом.

Через три месяца после гибели Антонио Риццо, в феврале 1453 г., венецианский сенат проголосовал-таки за отправку в Константинополь 2 транспортных судов с экипажем в 400 человек на каждом. За этими судами должны были последовать 15 галер — когда они будут полностью готовы. Но только 20 апреля первые корабли отправились из лагуны; к этому времени 3 генуэзских судна, зафрахтованных папой Николаем V и наполненных провизией, приобретенной за его собственный счет, уже достигли Константинополя. Но, к чести Серениссимы, ее колония в городе ответила на турецкую агрессию весьма достойно. Предводитель венецианцев Джироламо Минотто пообещал константинопольцам всяческую поддержку, заверив императора в том, что ни одно судно республики не покинет гавань без разрешения византийских властей. В общей сложности колония смогла предоставить 9 торговых судов. Что касается генуэзцев, то многие из колонистов в Галатее прибыли в Константинополь. Появились в городе также решительно настроенные молодые люди из самой Генуи. Их лидер Джованни Джустиниани Лонго, член одного из самых влиятельных семейств в республике, известный знаток в области ведения войны в осадных условиях, 29 января привел в Константинополь свою личную армию численностью в 700 человек.

Все это должно было несколько ободрить Константина, но его ожидал серьезный удар: в ночь на 26 февраля 7 венецианских кораблей незаметно вышли из Золотого Рога, увезя с собой око-

ло 700 итальянцев. А всего лишь за несколько дней до этого капитаны кораблей дали торжественную клятву оставаться в городе.

И вот наконец император смог оценить имевшиеся у него ресурсы. На якоре в Золотом Роге стояло 8 венецианских судов, 5 генуэзских, по одному из Анконы, Каталонии и Прованса и вдобавок к этому 10 византийских кораблей: все, что осталось от имперского флота. Таким образом, общее количество кораблей составляло 26 — просто ничтожное число в сравнении с размерами османской армады. Но проблема с людскими ресурсами была еще более серьезной: согласно переписи, общее количество находившихся в городе мужчин, годных к воинской службе, включая монахов и священников, составляло около 7000 человек (4983 грека и примерно 2000 иностранцев). Не слишком густо — для обороны 14-мильных стен от 100-тысячной армии Мехмеда.

К утру 6 апреля большинство защитников города уже находились на своих местах. Император и Джустиниани осуществляли командование на самом уязвимом участке стены, пересекающем долину маленькой речки Ликос, примерно в миле от северной оконечности города. Приморские стены были укомплектованы гораздо менее плотно, но их гарнизоны выполняли также роль дозорных, сообщая о передвижениях турецких судов.

Султан подверг сухопутные стены артиллерийскому обстрелу, не имевшему прецедентов в истории осадных войн. К вечеру первого дня он сокрушил участок стены вблизи Харисийских ворот. Солдаты султана неоднократно предпринимали попытки прорваться внутрь, но вновь и вновь защитники города отбрасывали их назад — пока надвинувшиеся сумерки не заставили турок вернуться в лагерь.

С наступлением утра обнаружилось, что стена уже восстановлена, и Мехмед решил вновь ее обстрелять, после чего начались не слишком интенсивные военные действия. 11 апреля артобстрел возобновился с новой силой и безостановочно продолжался следующие 48 дней. Хотя пушки большого калибра могли быть задействованы лишь раз в два-три часа, урон, который они наносили, был огромен: за неделю тот сектор внешней стены, что пересекал Ликос, оказался разрушен в нескольких местах, и хотя византийцы безостановочно трудились над восстановлени-

ем повреждений, они, конечно, не могли работать в таком режиме безгранично долго.

Утром 20 апреля 3 генуэзские галеры от папы вместе с предоставленным Альфонсо Арагонским тяжелым транспортным судном, нагруженным сицилийским зерном, прошли Геллеспонт. Решив сосредоточить основные военно-морские силы вблизи Константинополя, Мехмед опрометчиво оставил незащищенным пролив Геллеспонт, и корабли могли беспрепятственно проходить в Мраморное море. В тот момент, когда генуэзские суда появились у входа в бухту, султан поскакал на коне к адмиралу Сулейману Балтоглу, чтобы лично отдать ему приказ: ни под каким видом эти галеры не должны достичь города.

Балтоглу приготовился атаковать, но его парусные суда не могли справиться с сильным южным ветром, а биремы и триремы* с трудом поддавались управлению из-за волнения на воде. Османские капитаны, практически беззащитные против потока стрел, дротиков и других метательных предметов, начинавшегося при малейшем приближении турецких судов, оказались вынуждены молча наблюдать за тем, как четыре галеры спокойно движутся по направлению к Золотому Рогу.

Вдруг ветер стих; Балтоглу отдал приказ двигаться вперед и брать галеры на abordаж. Его собственный флагманский корабль устремился к транспортному судну, тараня его корму. Но турецкие корабли были малопригодны для морской охоты — зацепить и взять на abordаж более высокое судно оказалось для них непосильной задачей. Генуэзские моряки имели на вооружении огромные топоры, которыми они отрубали головы и руки всем, кто пытался залезть на борт. Генуэзцы, отразив натиск, связали все четыре галеры вместе — и потом стояли наподобие огромного замка, окруженного морской стихией.

Когда солнце начало садиться, ветер вновь поднялся. Паруса на генуэзских судах надулись, и огромная плавучая крепость начала двигаться ко входу в Золотой Рог, буквально расщепляя все попадавшие ей на пути турецкие корабли. Через несколько часов, когда уже стояла глубокая ночь, цепное заграждение было открыто и четыре судна спокойно вошли в Золотой Рог.

* Биремы и триремы — боевые гребные суда соответственно с двумя и тремя рядами весел, расположенными один над другим.

Султан с берега наблюдал за всеми перипетиями этого морского противостояния; время от времени, приходя в крайнее возбуждение, он прищипывал коня и заезжал далеко в море. Под конец Мехмед пришел в такую ярость, что его эскорт начал опасаться за душевное здоровье султана. На следующий день Мехмед приказал немедленно казнить Балтоглу. Адмирал получил отсрочку приведения приговора в исполнение только после того, как его моряки засвидетельствовали проявленное им мужество. Но он был приговорен к битью палками по пяткам и лишению всех своих должностей, равно как и всех личных владений. Более о нем ничего не слышали.

Султан между тем придумал, как ему прорваться в Золотой Рог. Он дал задание инженерам провести дорогу, которая пойдет за Галатой, поднимется на холм (в том месте, где сейчас находится площадь Таксим) и затем спустится к бухте. Были отлиты железные колеса и металлические направляющие устройства; плотники изготовили деревянные опоры, достаточно большие, чтобы быть впору килям судов среднего размера. Казалось, что задуманное турками предприятие под силу только мифическим титанам, но с теми ресурсами, которыми располагал Мехмед, оно оказалось вполне возможным. 22 апреля, в воскресенье утром, генуэзская колония с изумлением наблюдала, как бесчисленные упряжки быков медленно затаскивают 70 турецких кораблей на 200-футовый холм, а затем спускают к бухте.

Византийцы с трудом верили глазам своим. Теперь, помимо того, что их единственная крупная гавань не была более в безопасном положении, приходилось вести активную оборону еще трех с половиной миль приморской стены, включая участок, проломленный крестоносцами в 1204 г.

К началу мая Константин понял, что долго городу не продержаться. Продовольствие заканчивалось, все чаще защитники оборонительных укреплений начинали покидать их, чтобы найти пропитание для своих семей. Оставалась одна надежда — и то весьма слабая — на венецианскую экспедицию. Идет она на выручку или нет? Если идет, то каков ее состав и груз? Когда она прибудет и как ее принять — с учетом того, что враг владеет Золотым Рогом? От ответов на эти вопросы теперь в полной мере зависела судьба Константинополя.

Незадолго до полуночи 3 мая венецианская бригантина отплыла из Константинополя — с турецким флагом на борту и экипажем из 12 добровольцев, переодетых в турецкую форму, — и миновала заградительный плавучий бон. В ночь на 23 мая бригантина вернулась. Капитан немедленно испросил аудиенции у императора и Минотто и сообщил, что в течение трех недель прочесывал Эгейское море, но следов обещанной экспедиции так и не обнаружил. Тогда капитан созвал собрание экипажа. Один из моряков предложил вернуться в Венецию, но его заглушили громкие крики: надо сообщить обо всем императору, как было обещано. И моряки вернулись, хорошо осознавая, что навряд ли им суждено покинуть город живыми. Константин поблагодарил каждого из них лично, голос василевса дрожал от душивших его слез.

К этому времени начали появляться знамения. 22 мая было лунное затмение. День или два спустя, когда самую чтимую икону Божьей Матери провозили по улицам, обращаясь к ее заступничеству, образ соскользнул с платформы, на которой его везли. Когда прошли еще несколько сотен ярдов, началась жесточайшая гроза, заставившая всю процессию разойтись. На следующее утро город оказался окутан туманом, который в конце мая здесь никогда не наблюдали. Той же ночью на куполе собора Св. Софии появилось таинственное красное свечение, которое медленно переходило от основания к вершине и затем погасло. Этот последний феномен наблюдали также и турки в Галате. Сам Мехмед ощутил сильную тревогу, но его успокоили астрологи, объяснив сие явление — в том смысле, что вскоре храм освятит Истинная Вера. Для византийцев суть всех этих знамений была однозначна: Божий Дух покинул их город.

В очередной раз советники Константина стали умолять его покинуть столицу, чтобы возглавить византийское правительство в изгнании в Морее, пока у василевса не появится возможность отвоевать город — как Михаил Палеолог два столетия назад. Обессиленный император чувствовал, как у него убывает энергия даже во время этого разговора. Но через некоторое время Константин ощутил новый прилив сил и сказал решительное «нет». Это был его город, и это был его народ. Он не мог покинуть их в такую минуту.

26 мая султан собрал военный совет и заявил, что осада продолжалась достаточно долго, пришло время для окончательного штурма. На следующий день следовало осуществлять надлежащие приготовления, через день — отдыхать и молиться. Атака должна была начаться рано утром во вторник, 29 мая. Не предпринималось никаких попыток скрыть этот план от обороняющихся. В течение следующих тридцати шести часов подготовительные работы продолжались безостановочно. Ночью были зажжены огромные факелы, чтобы помочь солдатам в работе, барабаны и трубы воодушевляли их на проявление еще больших усилий. На рассвете 28 мая все стихло. Пока турецкие воины готовились к завтрашнему дню, Мехмед отправился с инспекционной поездкой, продолжавшейся целый день; вернулся он только поздно вечером — теперь настал его черед отдыхать.

В Константинополе в этот последний понедельник в истории империи все ссоры и разногласия были забыты. Работы на стенах города продолжались как обычно, но большинство жителей собрались для последней коллективной молитвы. Когда зазвонили колокола, были вынесены из домов и церковей самые чтимые иконы и самые драгоценные реликвии — стихийно образовалась длинная процессия, прошедшая по улицам и вдоль городских стен, останавливаясь для особых молитв в тех местах, которые, как ожидалось, на следующий день артиллерия султана подвергнет наиболее ожесточенному обстрелу.

Когда шествие закончилось, император в последний раз созвал военачальников. Сначала Константин обратился к своим греческим подданным; сказав им, что существуют четыре вещи, за которые человек может умереть: его вера, его страна, его семья и его правитель. Сейчас они должны быть готовы отдать свои жизни за все четыре. Он тоже готов пожертвовать собственной жизнью. Обратившись к итальянцам, Константин поблагодарил их за все, что они сделали, и заверил в своей искренней любви и полном доверии. Теперь итальянцы и греки, по его словам, представляли собой единый народ, с Божьей помощью они победят.

Начинало смеркаться. Со всех концов города люди направлялись к собору Св. Софии. В последние пять месяцев греки преимущественно избегали посещать этот храм, считая его оскверненным латинскими установлениями, которые ни один чест-

ный византиец не может принять. Теперь же все литургические расхождения были забыты. Собор Св. Софии являлся подлинным духовным центром Византии — каким не могла быть ни одна другая церковь. В этот момент наивысшей опасности идти больше было некуда.

Та вечерняя служба, которой суждено было стать последней в великом соборе, оказалась также и самой впечатляющей. Защитники города, несшие дежурство по периметру стен, не покинули и сейчас свои посты, но практически все остальные мужчины, женщины и дети заполнили собор Св. Софии, чтобы принять причастие и помолиться об избавлении от великой напасти. Служба все еще шла, когда появился император. Сначала он поочередно попросил прощения за свои грехи у всех присутствовавших епископов, как католических, так и православных, после чего принял причастие. Затем, много позднее, когда все свечи — кроме нескольких постоянно горящих — были погашены и великий собор погрузился в темноту. Константин некоторое время молился в одиночестве. Потом он вернулся во Влахернский дворец, чтобы попрощаться со своими домочадцами. Ближе к полуночи в сопровождении Сфрандзи Константин в последний раз проехал вдоль сухопутных стен, чтобы удостовериться в том, что все готово к защите города.

В полвторого ночи Мехмед подал сигнал. В одно мгновение тишина была взорвана. Звуки труб и бой барабанов в сочетании со страшным боевым кличем турок создавали такой шум, что он мог пробудить и мертвых. Сразу же начали звонить церковные колокола — это было оповещение всего города о том, что началась финальная битва.

Султан знал: чтобы взять город, не следует давать его защитникам никакой передышки. Сначала он направил вперед иррегулярные войска, башибузуков. Плохо вооруженные и по большей части необученные, они не обладали особой стойкостью, но их первоначальный бешеный натиск действительно мог навести ужас на кого угодно. В течение двух часов они непрерывно бросались на стены — но безрезультатно. Когда было уже почти четыре утра, двинулись вперед анатолийские турки, превосходно подготовленные и исключительно дисциплинированные. Они были уже на волосок от того, чтобы прорваться в город, но его

защитники, возглавляемые самим императором, сомкнули вокруг них свои ряды и перебили огромное количество турок, а оставшихся в живых отбросили назад за ров. Султан, по своему обыкновению, пришел в ярость, но на самом деле он не был чрезмерно обеспокоен. Победного штурма Мехмед ожидал не от анатолийцев, а от элитного отряда янычар, и именно его он бросил теперь в пекло сражения.

У христиан не было времени прийти в себя, прежде чем начался третий вал атак. В безукоризненно четком, безжалостном ритме — вселявшем ужас в сердца всех, кто наблюдал за этим маршем, — первоклассные войска Османской империи продвигались по равнине. Строй рядов янычар не нарушал даже град снарядов, обрушившийся на них с крепостных стен. Оглушительная военная музыка, поддерживавшая четкость действий османов, сама в каком-то смысле являлась оружием. Наступление шло волнами; атакующие турецкие бойцы бросались на укрепления, забрасывали на них штурмовые лестницы и затем, по команде, без всякой суеты и сумятицы, уступали место следующей ударной волне, а сами в это время передыхали, ожидая, когда вновь подойдет их очередь. Для обороняющихся же никакого отдыха быть не могло, а сражение продолжалось уже почти шесть часов.

И тут произошло катастрофическое событие. Вскоре после того как рассвело, стрела арбалета попала в Джованни Лонго — проткнув нагрудник кирасы, пробила грудную клетку. Испытывая мучительную боль, он уже не мог стоять на ногах; его понесли к генуэзскому судну, находившемуся в гавани. Увидев, что их предводителя уносят с поля боя через городские ворота, генуэзцы хлынули через них вслед за Лонго, в большинстве своем полагая, что битва проиграна.

Султан, заметив панику в рядах противника, сразу же направил в атаку новый отряд янычар. Вскоре грекам пришлось отступить к внутренней стене. Оказавшись зажатыми между двумя фортификационными стенами, они стали легкой добычей для наступающих турок. Множество греков было убито, буквально не сходя с места.

В этот момент все увидели, что над башней, стоявшей несколько севернее, развевается турецкий флаг. Примерно час

назад находившийся в дозоре иррегулярный турецкий отряд обнаружил небольшую замаскированную дверь в основании башни. Это была калитка для вылазок, известная как Керкопорта, — некоторое время назад, используя ее, генуэзцы совершили ряд удачных рейдов в турецкий лагерь. Башибузукам удалось взломать дверь, и затем они поднялись на самый верх башни, где, воспользовавшись замешательством греков, подняли свое знамя. Так что можно с уверенностью сказать, что первыми вошли в город башибузуки, а не янычары. Теперь же все отряды хлынули в Константинополь, и василевс, скинув императорские регалии, бросился в то место, где шла самая горячая схватка. Больше его никто не видел.

Настало утро, убывающая луна стояла высоко в небе. Все стены были покрыты убитыми и умирающими; тех, кто способен держать оружие, там уже практически не осталось. Уцелевшие греки бросились домой, к своим семьям, в надежде спасти их от изнасилований и грабежей, которые уже начались. Венецианцы устремились к гавани, генуэзцы — в относительно безопасную Галату. В бухте оказалось на удивление спокойно: большинство турецких моряков уже сошли на берег, опасаясь, как бы сухопутная армия не обогнала их по части захваченных женщин и награбленного добра. Венецианский военачальник, не встретив никакого сопротивления, приказал морякам разрубить заградительный бон, после чего небольшая флотилия из 7 генуэзских судов и полудюжины византийских галер, до самых планширов заполненных беженцами, направилась в Мраморное море и беспрепятственно прошла через Геллеспонт.

К полудню по улицам текли реки крови. Дома были разграблены, женщины и дети изнасилованы или посажены на кол, церкви разрушены, иконы вырваны из окладов, книги выдраны из корешков. От императорского дворца во Влахернах остался один пустой остов, самая чтимая имперская икона, Богоматери Одигитрии, была разрублена на четыре части и уничтожена.

Однако самые ужасные сцены разыгрались в соборе Св. Софии. Шла уже заутреня, когда прихожане слышали, как к церкви приближаются голоса турок. Немедленно были закрыты большие бронзовые ворота, но вскоре османам удалось вломиться в собор. Самых бедных и наименее привлекательных из при-

хожан зарезали на месте; остальных увели в турецкие лагеря — ожидать своей судьбы. Священники продолжали вести богослужение до той самой минуты, пока их не убили прямо в алтаре.

Султан Мехмед пообещал своим людям предоставить традиционные три дня на разграбление города, но не возникло никаких протестов, когда он остановил бесчинства вечером первого же дня. К тому времени уже мало чего осталось грабить — турецкие солдаты были всецело заняты дележом добычи и забавами с пленницами. В конце дня Мехмед, в сопровождении верховных министров, имамов и отряда янычар, медленно подъехал к собору Св. Софии. Спешившись у центрального входа, Мехмед зачерпнул в ладонь горсть земли и, демонстрируя жест покорности, посыпал ею свой тюрбан. После этого султан вошел в великий собор. Направляясь к алтарю, Мехмед остановил одного из солдат, который раскалывал мраморный пол. Дозволенный грабеж, сказал ему султан, не подразумевает разорение общественных зданий. По его указанию верховный имам взошел на кафедру и возвестил: нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его. Султан коснулся своим тюрбаном пола — в молитвенном и благодарственном жесте. Собор Св. Софии отныне стал мечетью.

Покинув храм, Мехмед пересек площадь и подошел к старому, полуразрушенному дворцу императоров, заложенному Константином Великим одиннадцать с половиной столетий назад. Бродя по древним залам и поднимая своими туфлями пыль с мозаичного пола, выложенного галькой — образцы такой мозаики сохранились до наших дней, — высокообразованный султан, по утверждению источников, бормотал строки из поэмы «Шахнамэ» («Книга царей») персидского поэта Фирдоуси.

В двадцать один год султан Мехмед удовлетворил свои амбиции: Константинополь у его ног.

Эпилог

Известие о падении Константинополя было с ужасом воспринято во всем христианском мире. Истории о его обороне и взятии, рассказанные беженцами, превратились в настоящую легенду. Рассказчикам, конечно, доверяли, сомнение вызывало лишь одно — гибель императора Византии: сразу же стали циркулировать слухи, что ему удалось спастись. И все-таки подавляющее число источников — включая Сфрандзи, ближайшего друга Константина, с которым василевс, несомненно, продолжал бы поддерживать связь, если бы выжил, — со всей определенностью указывают на то, что император погиб во время сражения. Согласно одной из версий турецкие солдаты опознали его тело по имперским орлам, изображение которых было вышито на ботинках василевса. В этом случае Мехмед не позволил бы поместить тело императора в гробницу или даже в простую могилу — она, несомненно, стала бы местом паломничества византийцев, и Константина похоронили тайно. Но скорее всего его труп так и не был идентифицирован, и последнего императора Византии захоронили анонимно вместе с его товарищами по оружию в общей могиле.

Восточная Римская империя была основана Константином Великим в понедельник, 11 мая 330 г., а прекратила свое существование во вторник, 29 мая 1453 г. В течение этих 1123 лет и 18 дней 88 персон мужского и женского пола занимали императорский трон — мы не берем здесь в расчет тех семерых деятелей, что узурпировали его во время латинской оккупации. Из этих восьмидесяти восьми несколько императоров — сам Константин, Юстиниан, Ираклий, два Василия, Алексей Комнин — обладали подлинным величием; считанное число правителей — Фока, Ми-

хаил III, Зоя и Ангелы — были вполне презренными личностями. Подавляющее же число императоров являлись храбрыми, честными, богобоязненными людьми, которые делали все, что в их силах, для блага государства — с большей или меньшей степенью успеха. Возможно, Византии и не удавалось жить в соответствии со своими высшими идеалами, но уж конечно, она не заслуживает той репутации, которую приобрела в XVIII — XIX вв. — в основном благодаря Эдуарду Гиббону. Имеющиеся у нас сведения позволяют говорить о том, что Византия являлась глубоко религиозным обществом, в котором неграмотности — по крайней мере в среднем и высшем социальных классах — практически не существовало и в котором императоры славились своей ученостью. Это было единственное государство, в значительной мере сохранившее античное наследие в те века, когда на Западе свет знания почти угас. Наконец Восточная империя произвела на свет поразительный феномен византийского искусства. Возможно, оно было ограничено рамками великой мистерии христианской веры, однако внутри этих рамок достигало такой степени экзальтации, какой не удавалось и до сих пор не удалось добиться ни одному другому искусству. Такие шедевры, как деисус* в южной галерее собора Св. Софии и «Анастасис» в пареклесии церкви монастыря Спасителя в Хоре, можно отнести к самым возвышенным творениям человеческого духа. Указания, которые давались византийским художникам и мастерам мозаики, являлись достаточно простыми: «воспроизводить дух Божий». Это был очень грозный вызов — западные художники весьма редко предпринимали попытки такого рода. А вот в церквях и монастырях христианского Востока мы видим, что поставленная перед художниками грандиозная задача выполнена с блеском.

Один из крупнейших специалистов Новейшего времени по греческому миру, Роберт Байрон, утверждал, что величие Византии заключалось в слиянии римского тела, греческого разума и восточной, мистической души. Действительно, уникальный характер империи в значительной степени определяется сочетанием этих трех качеств; в чисто житейском плане византийцы

* Деисус — в христианской церкви иконописная композиция, в центральной части которой изображен Христос, а по сторонам — обращенные к нему в молитвенных позах Богородица и Иоанн Предтеча.

были такими же людьми, как и все мы, — жертвами тех же слабостей и тех же искушений, заслуживающими и похвалы, и порицаний. Но чего они точно не заслуживают — так это многовекового забвения, на которое мы их осудили.

Византийцы совершили немало глупостей, безрассудств и предосудительных деяний. Но многое должно быть им прощено и за ту красоту, которую они оставили после себя, и за тот героизм, с которым они и их храбрый император встретили свой конец, — об этом великом подвиге с равной гордостью вспоминали как победители, так и побежденные. Вот почему пять с половиной столетий спустя во всем греческом мире вторник продолжает считаться самым несчастливым днем недели. И вот почему на турецком флаге до сих пор изображается не полумесяц, а луна на ущербе — напоминая нам о том, что луна была в своей последней четверти, когда Константинополь окончательно пал. Главным же зримым напоминанием о происшедшем — за исключением великого собора Св. Софии — являются сухопутные стены, полуразрушенные, деформированные, но до сих пор простирающиеся от моря до моря: им суждено было стать самым величественным и самым трагическим памятником города.

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Научно-популярное издание

**Норвич Джон
История Византии**

Ответственный редактор Н.И. Никитенко

Научный редактор Н.Л. Зайцева

Редактор В.С. Ефремов

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин

Технический редактор О.В. Панкрашина

**Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.**

ООО «Издательство АСТ»

**141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

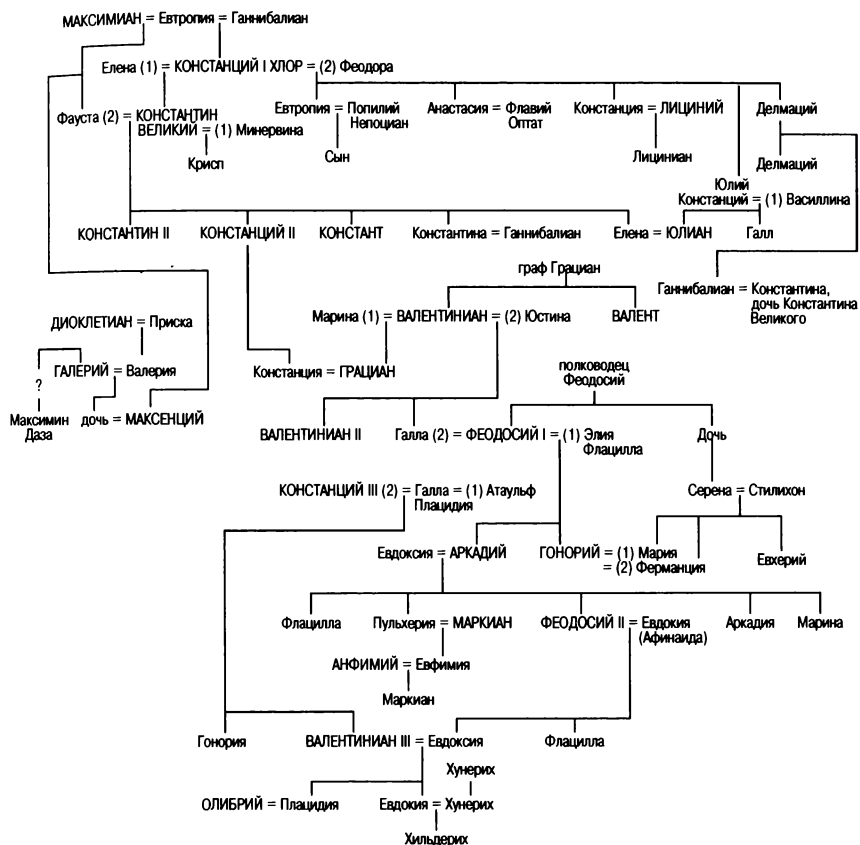
**Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru**

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

**Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14**

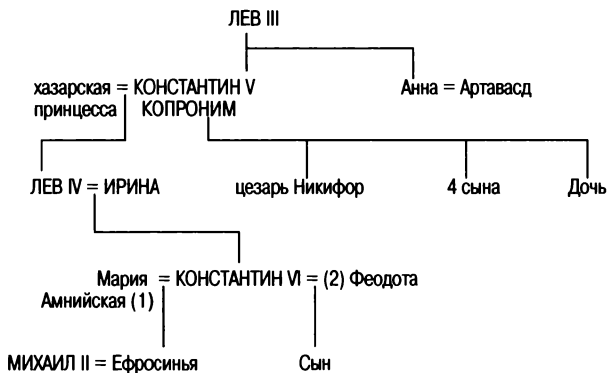
Диоклетиан, Константин Великий, Валентиниан, Феодосий



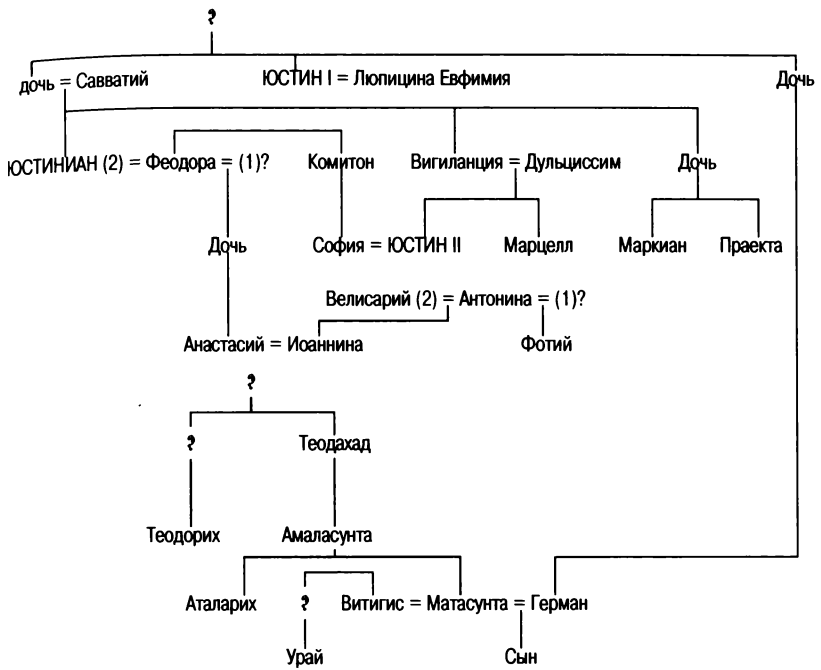
Лев I



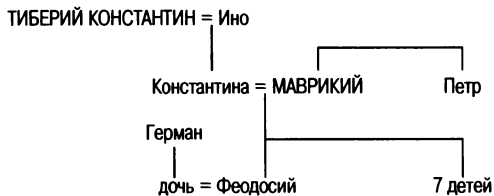
Лев III



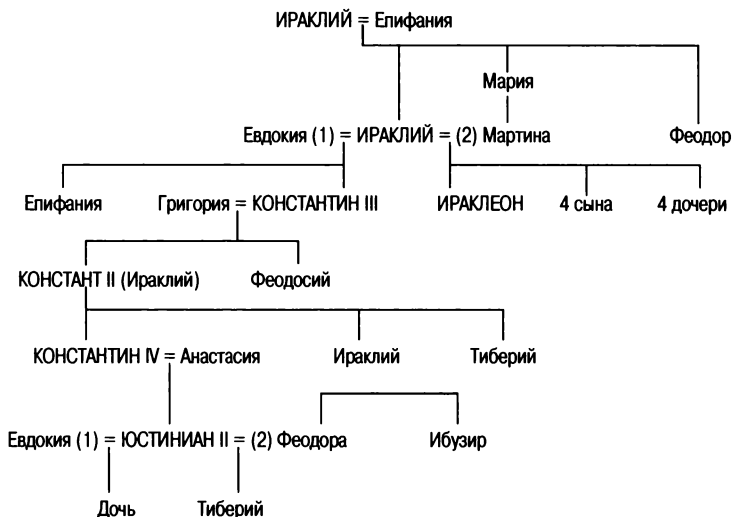
Юстин, Феодосий



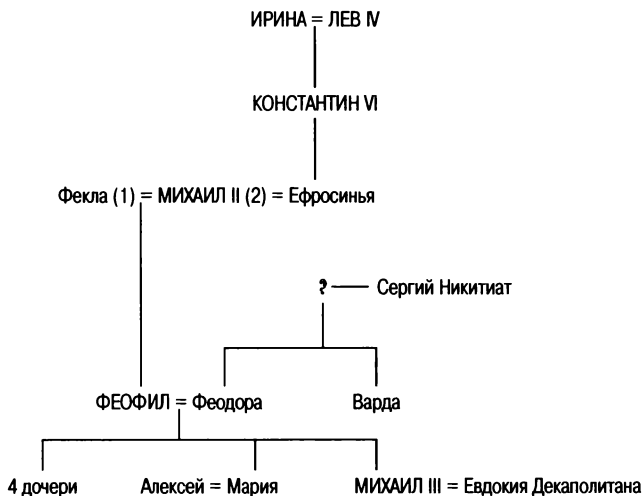
Тиберий Константин



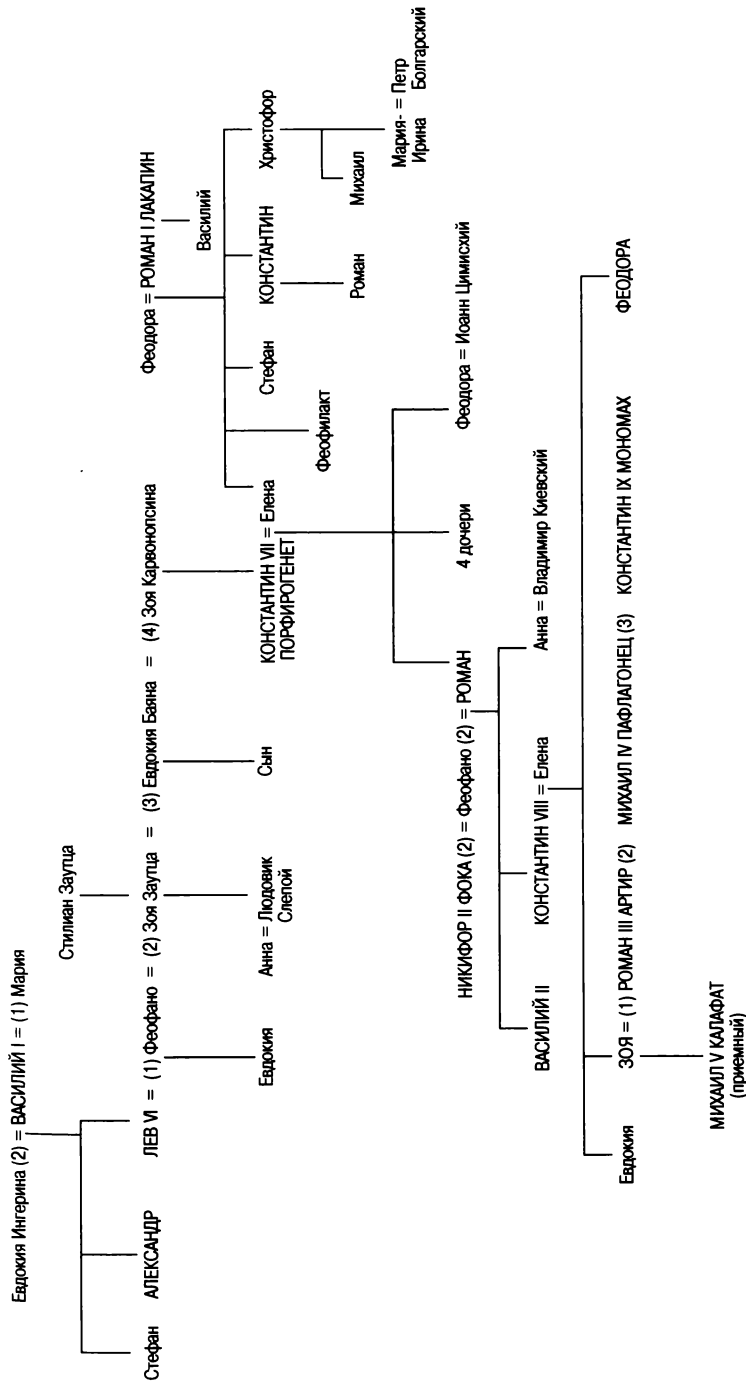
Ираклий



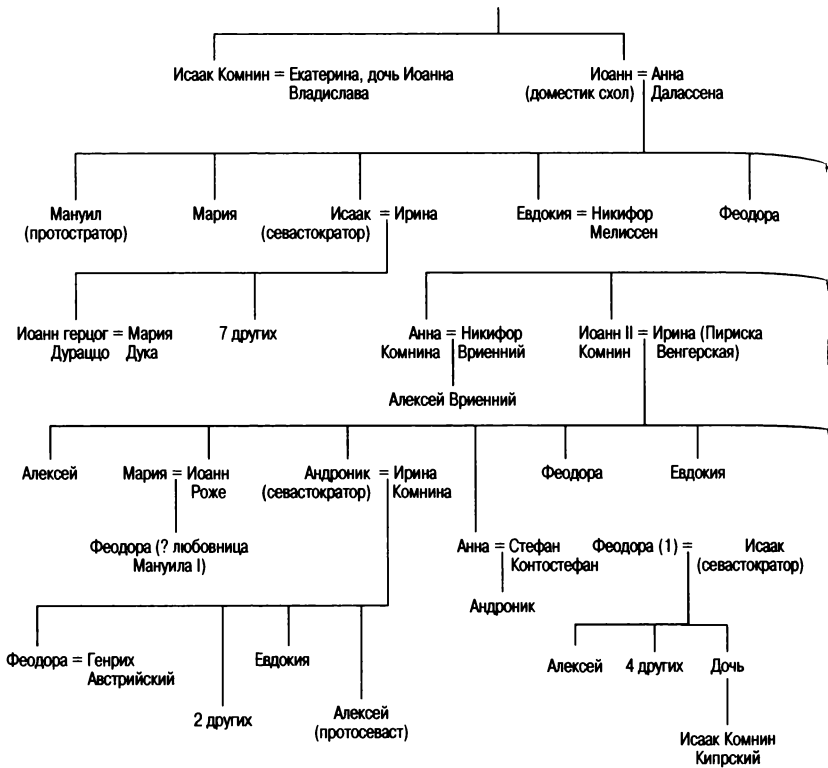
Аморийская династия



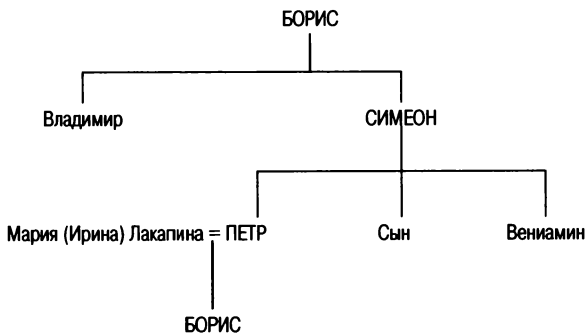
Македонская династия

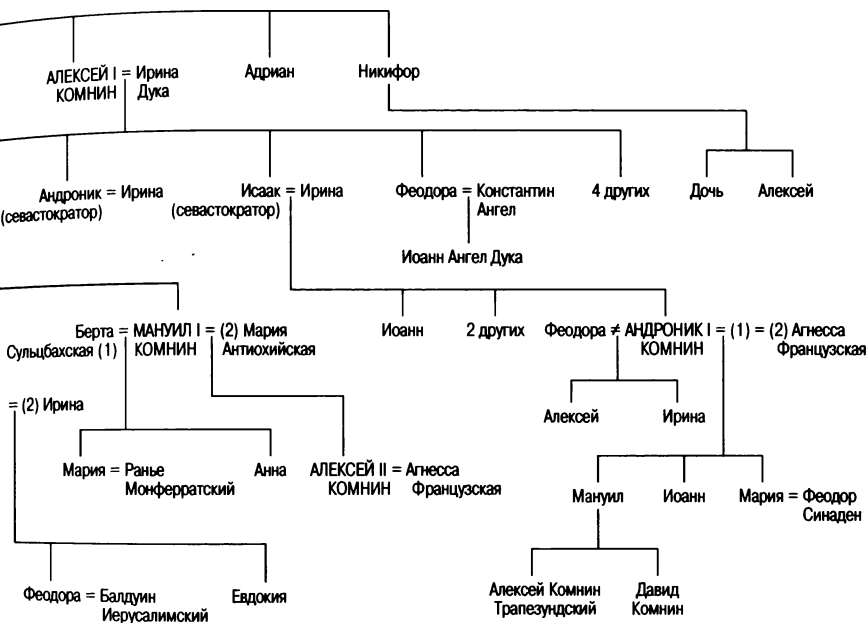


Комнины

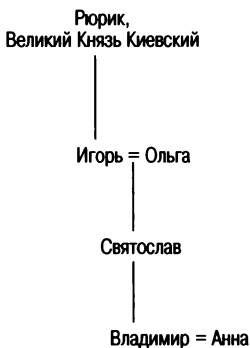


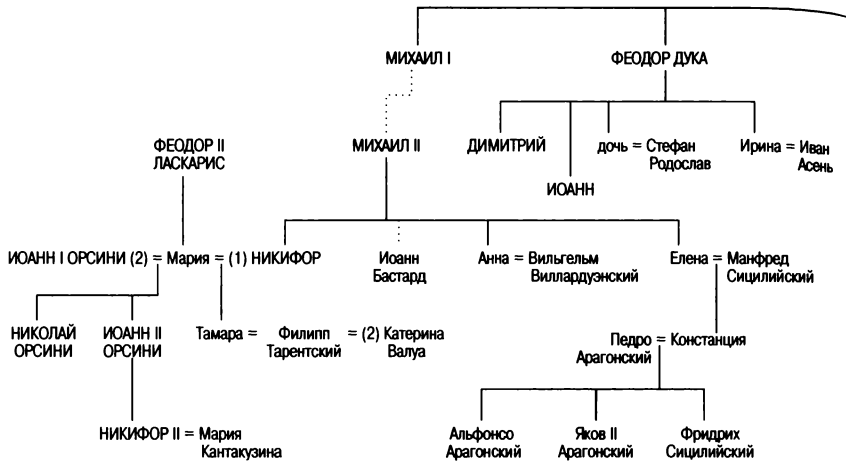
Болгарские ханы



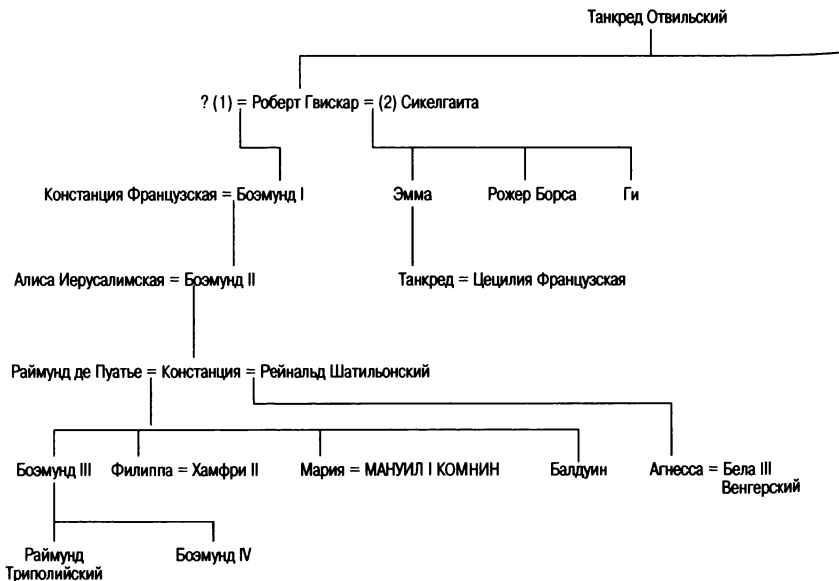


Киевские князья

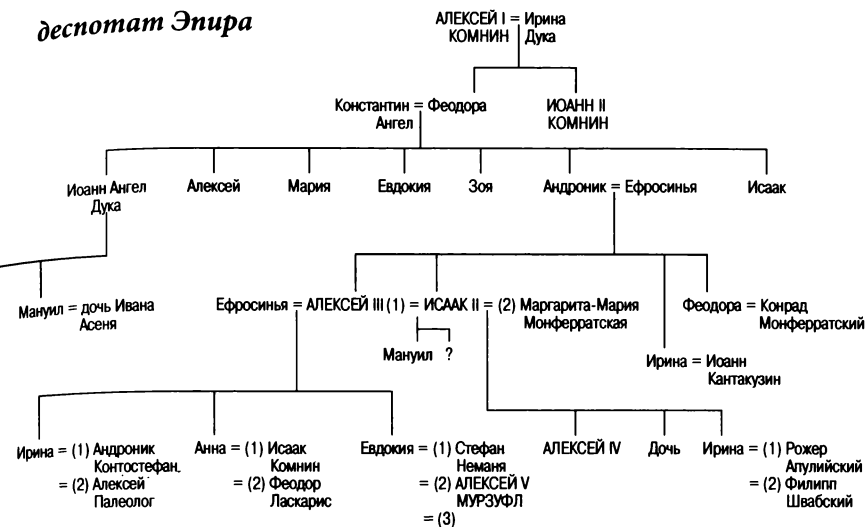




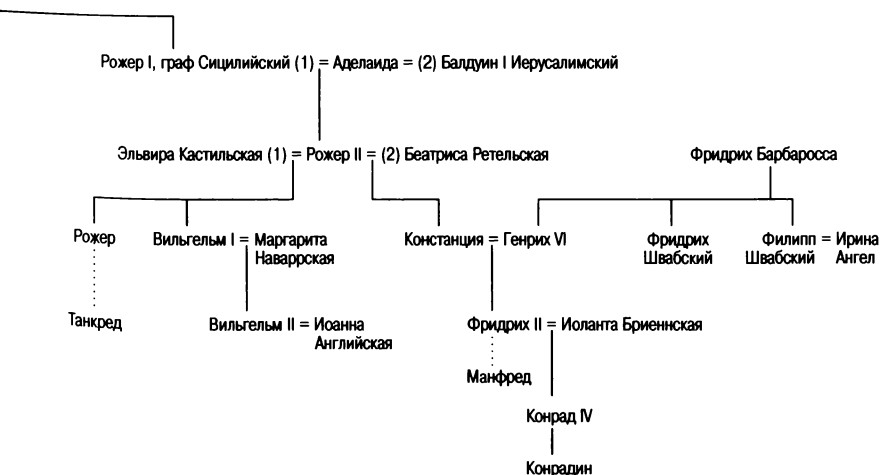
Князья Антиохии и



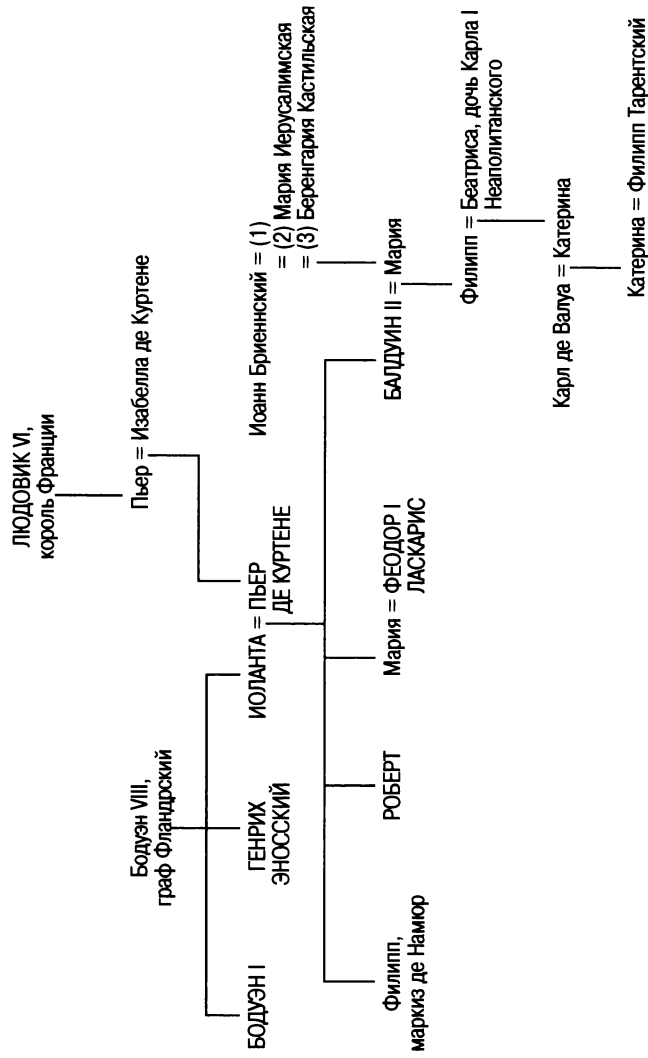
деспотат Эпира



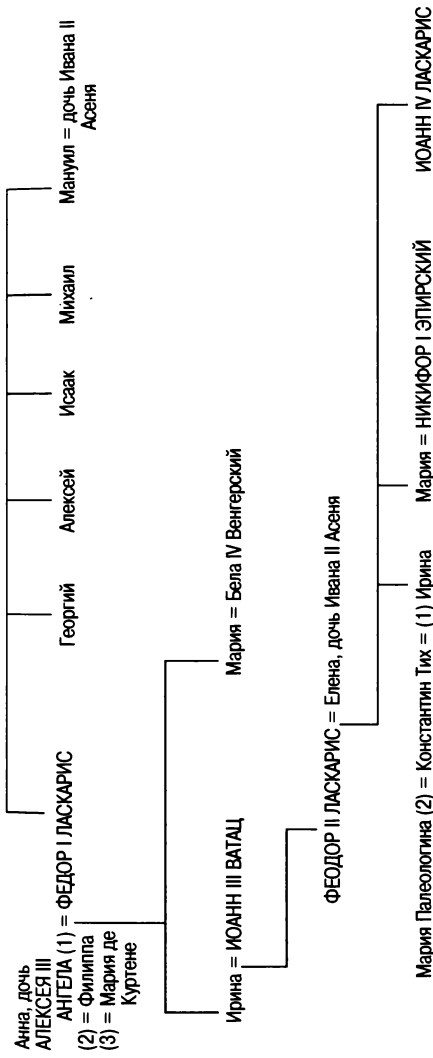
короли Сицилии



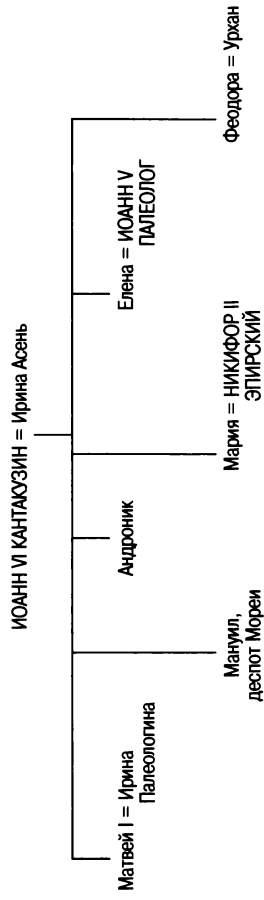
Латинские императоры в Константинополе



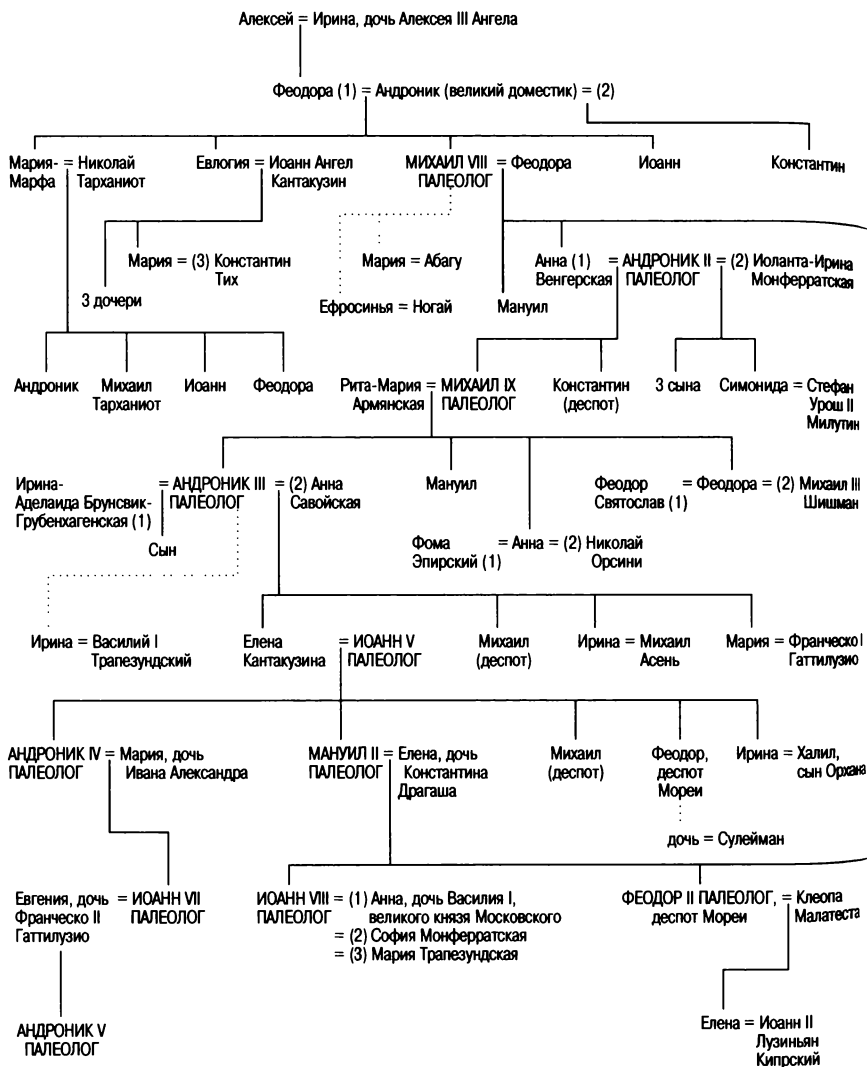
Никейская династия Ласкарисов

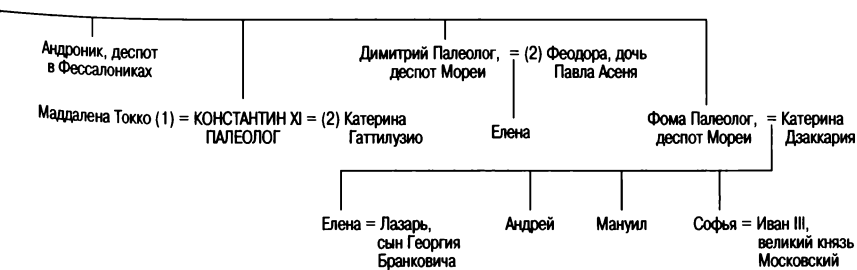
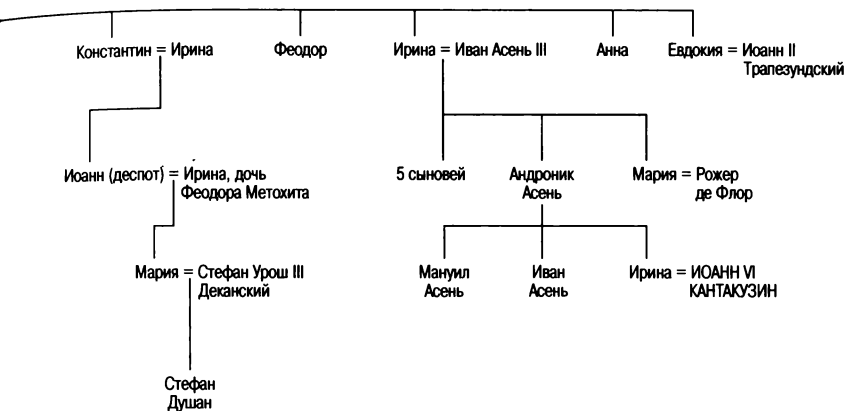


Кантакузины



Палеологи

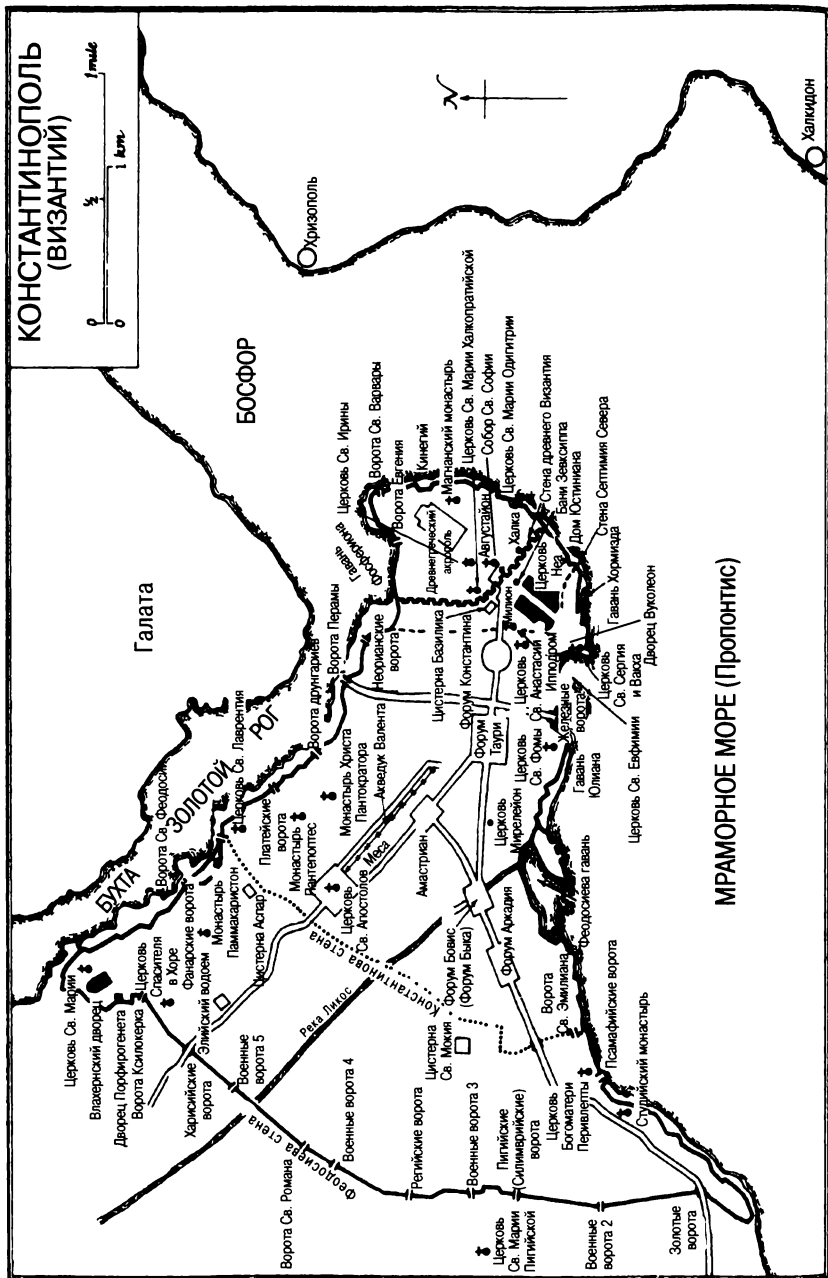


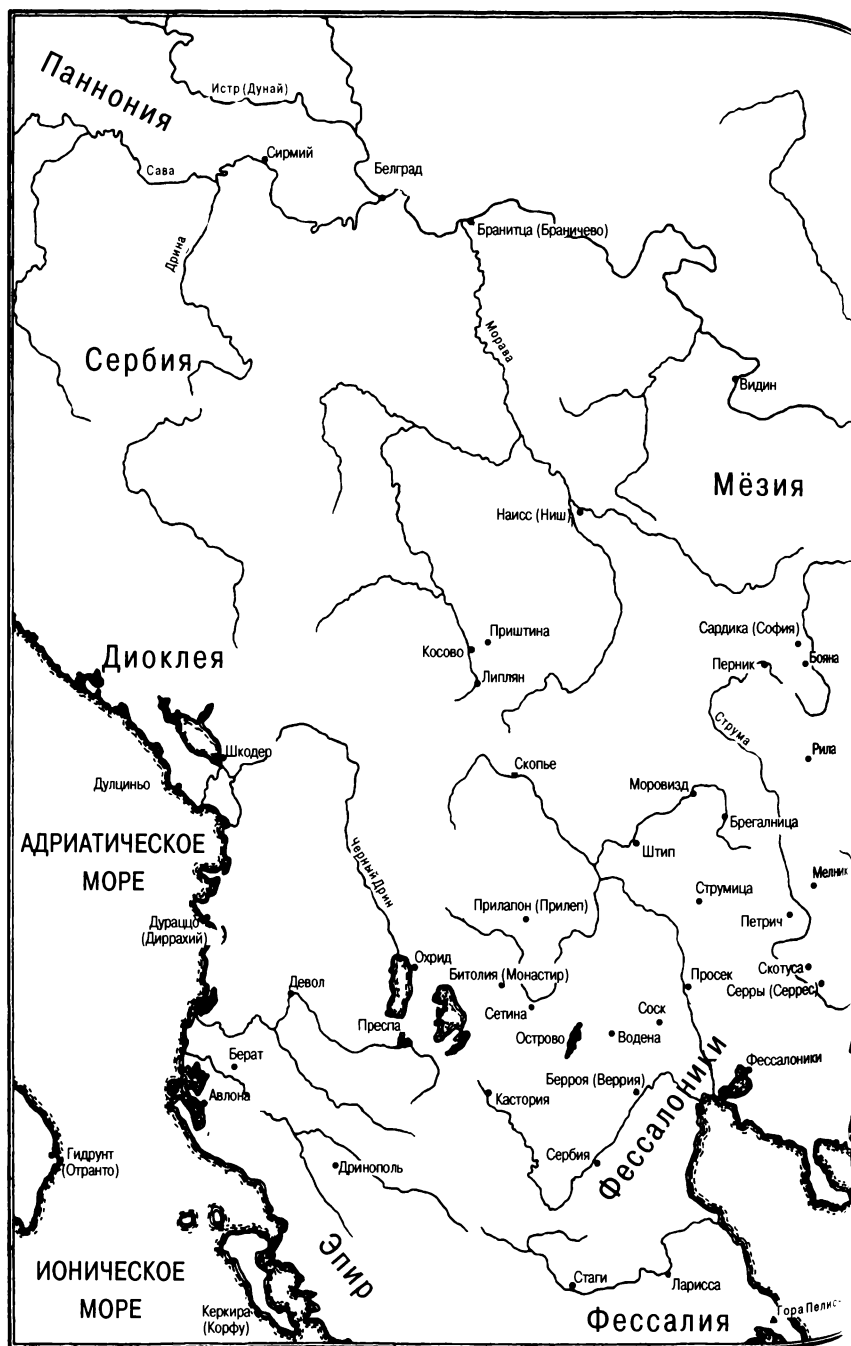




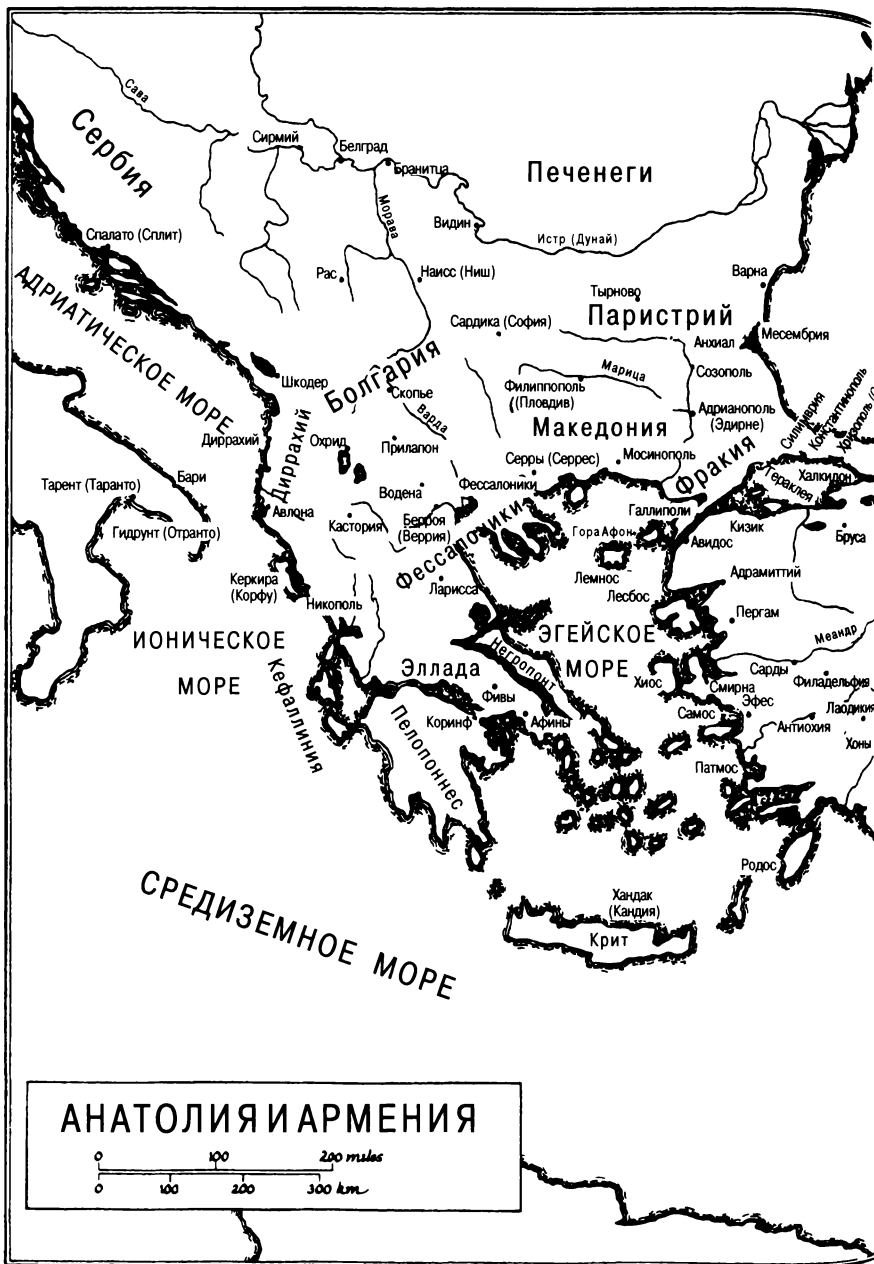
БОСФОР

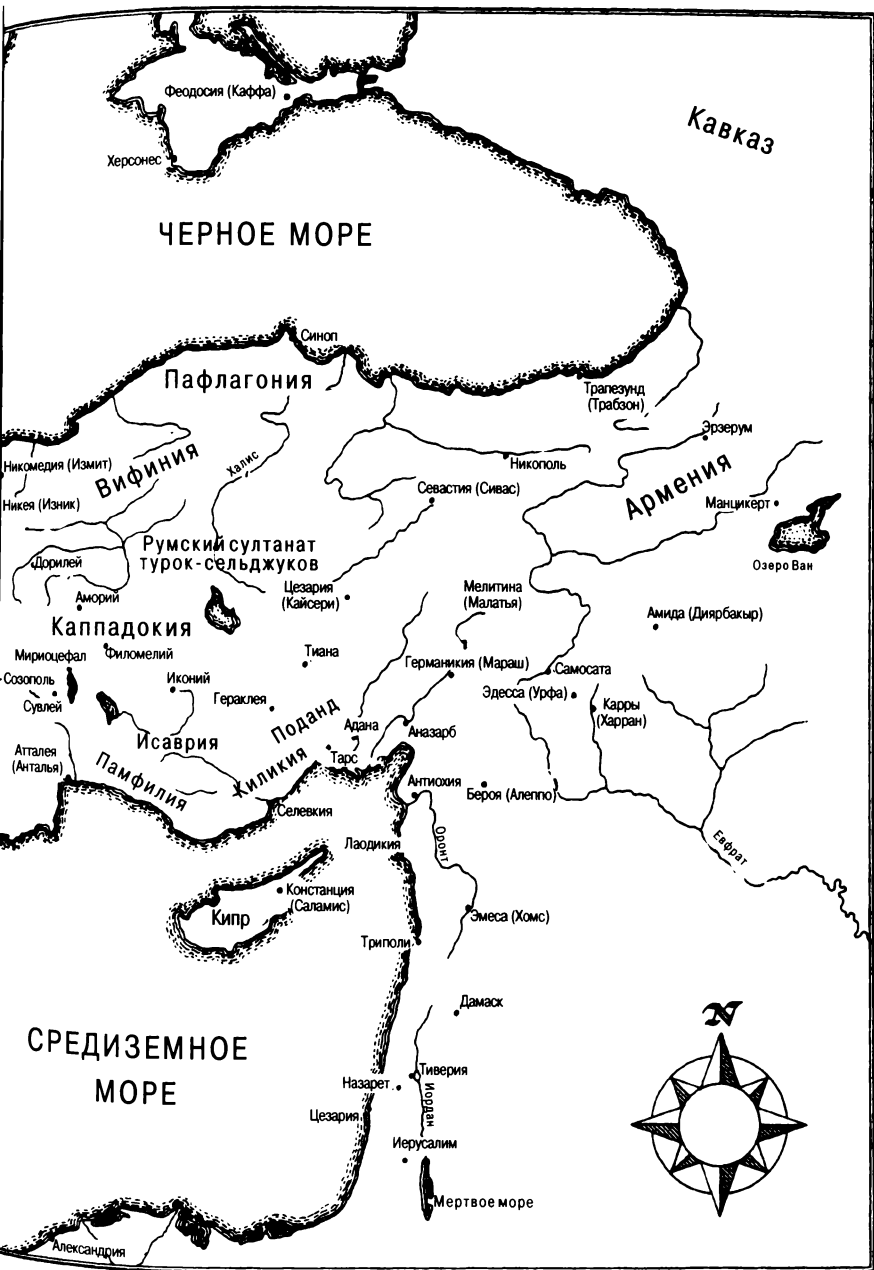
МРАМОРНОЕ МОРЕ (ПРОПОНТИС)









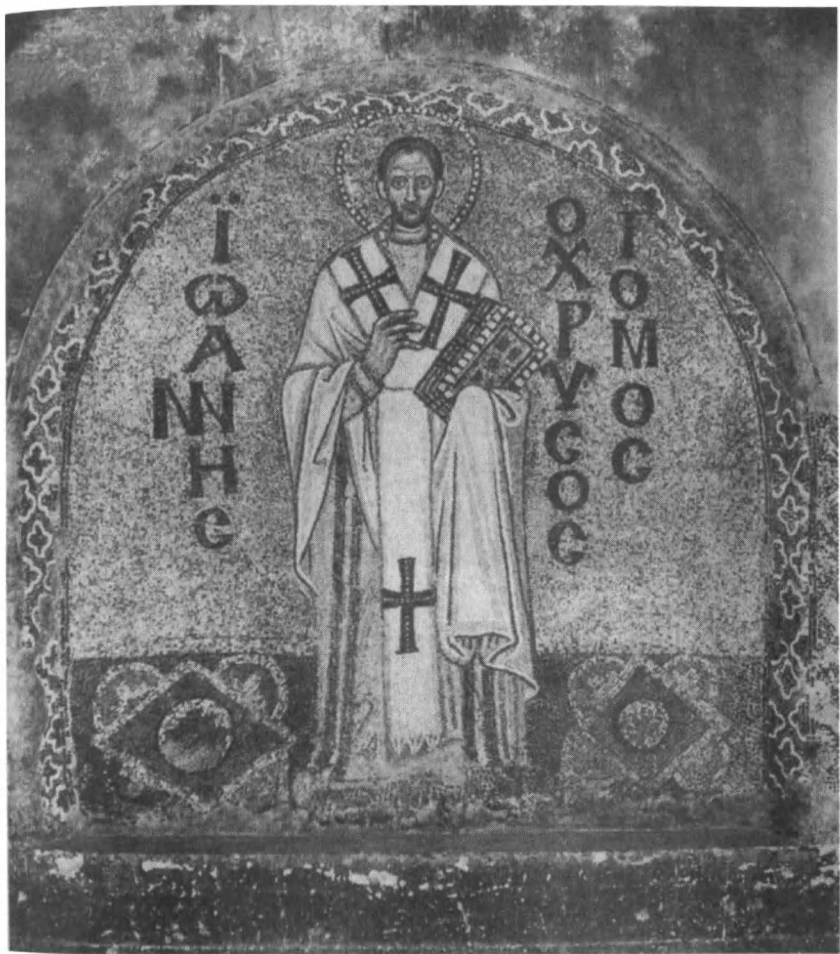


СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ МИР

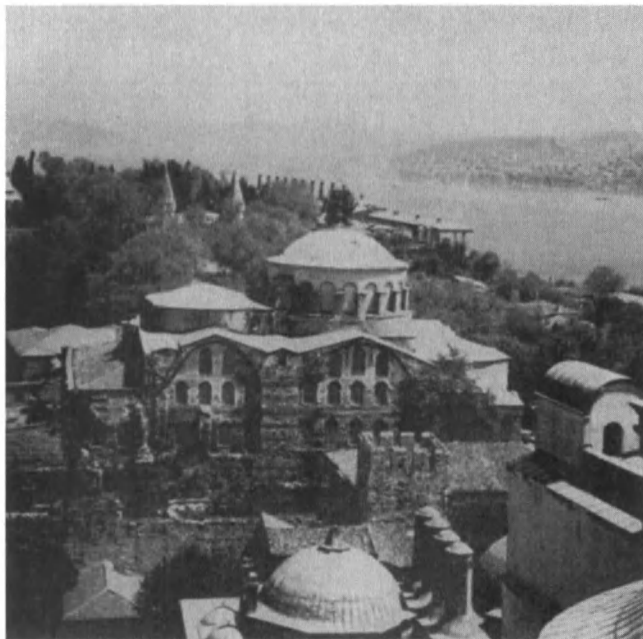




Порфировая скульптурная группа IV в.; считается, что изображает тетрархов Диоклетиана; расположена в юго-западном углу базилики Св. Марка в Венеции (фото из собрания рисунков Роберта Хардинга).



Св. Иоанн Златоуст. Мозаика IX в., расположенная в северном тимпане
собора Св. Софии, Стамбул
(фото из собрания научного центра Думбартон-Окс, Вашингтон).



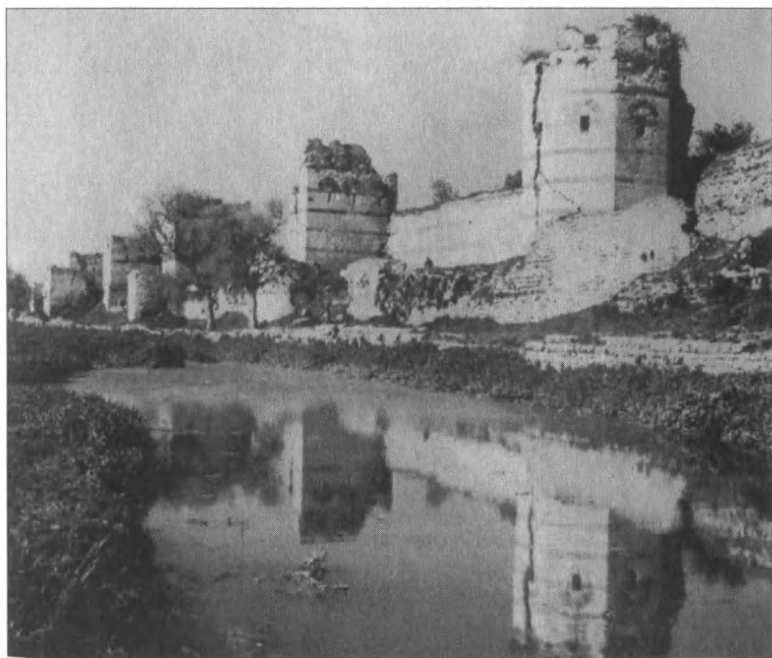
Церковь Св. Ирины, Стамбул (фото из собрания Сони Хеллидей).



Интерьер церкви Св. Ирины, Стамбул (фото Дж. Пауэлла).



Феодосий Великий, или Валентиниан I, —
 бронзовая статуя конца IV в., находится
 рядом с церковью
 Св. Сеполеро в Барлетте, Италия
 (фото из собрания Мэнселл).



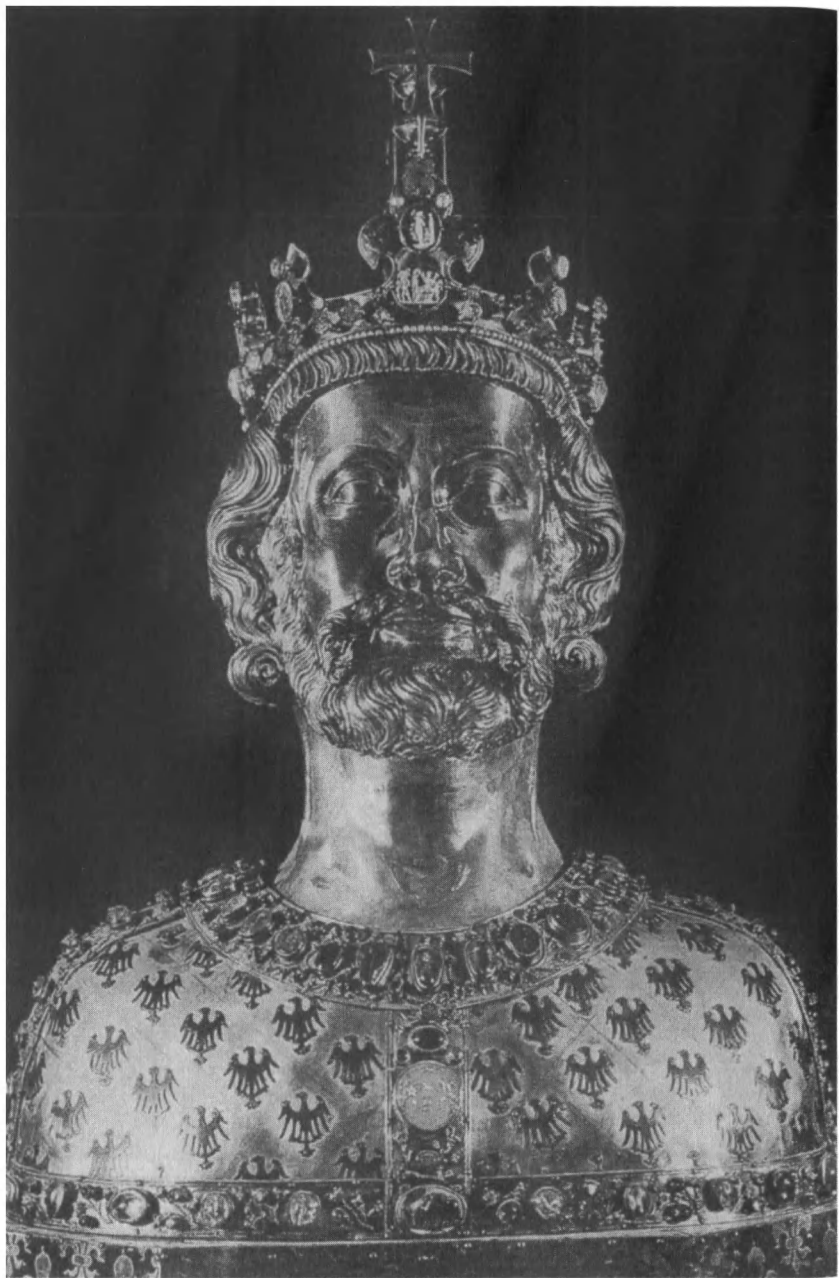
Феодосиева стена (фото Ф. Бёрча, собрание Сони Хеллидей).



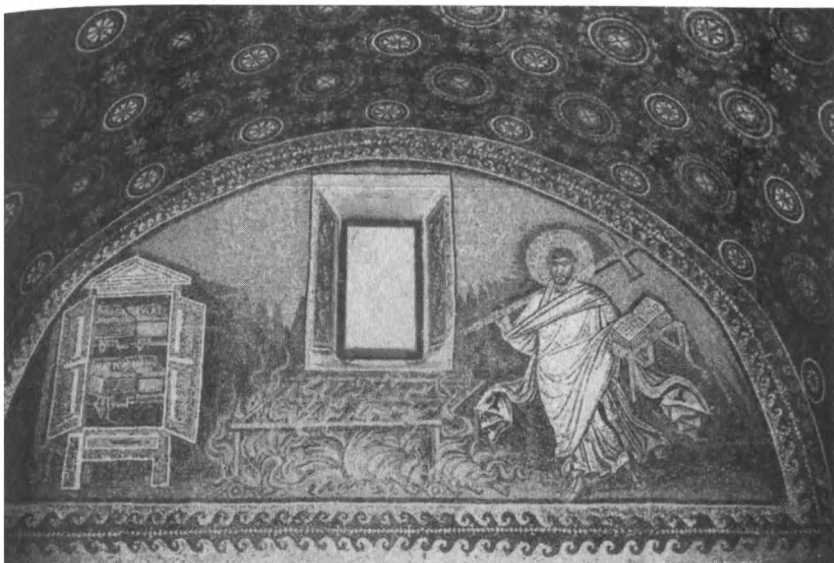
Апсида базилики VI в. Сант-Аполлинаре-ин-Классе, Равенна, Италия
(фото из собрания Мэнселл).



Так называемая «слоновая кость Барберини» VI в.; изображен, по-видимому, император Анастасий I; хранится в Лувре, Париж.



Надгробный бюст Карла Великого, ок. 1350 г.;
собор в Аахене, Германия.



Равенна: два тимпана в мавзолее Галлы Платидии VI в. Святой Лаврентий Мученик (вверху) и Поклонение Апостолов (внизу) (фото Рональда Шеридана).



meslier les le mois de Nouembre.
 a. xii. m. z. xv. Couteffois po
 les charmes appareils que pour par
 fournir tint d'ingereuse z thant
 de fougne conuieront le gencail par
 temment. Et au du tintit tems et
 aussi pour la rediation de l'e.
 a. Dns ce l'un Quiluer sans sa
 uoir. z ses gens qui furent les

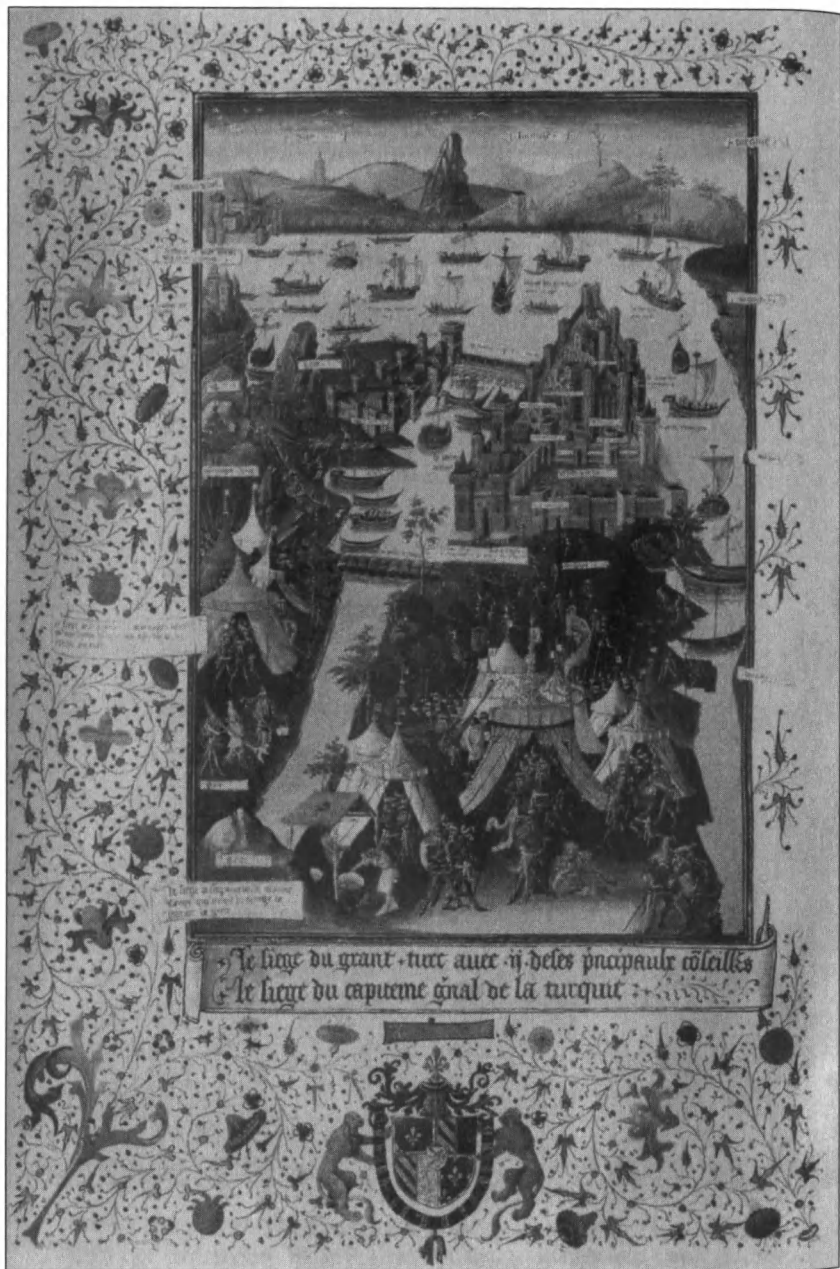
premiers Comme say dit. se dep
 tint du lieu ou ils auoient eu
 trepris enly assembler le Dns.
 Jour du mois de mars auant
 pasques. L'an a. xii. m. xv.
 D commencer l'an apres la lene
 dition du Saint Cierge le m.
 : lusi aut se fut ou pntement
 de pnt. Lesquels passeront



Первый крестовый поход: отряд Петра Пустынника подвергается нападению
 со стороны турок-сельджуков. Национальная библиотека, Париж.



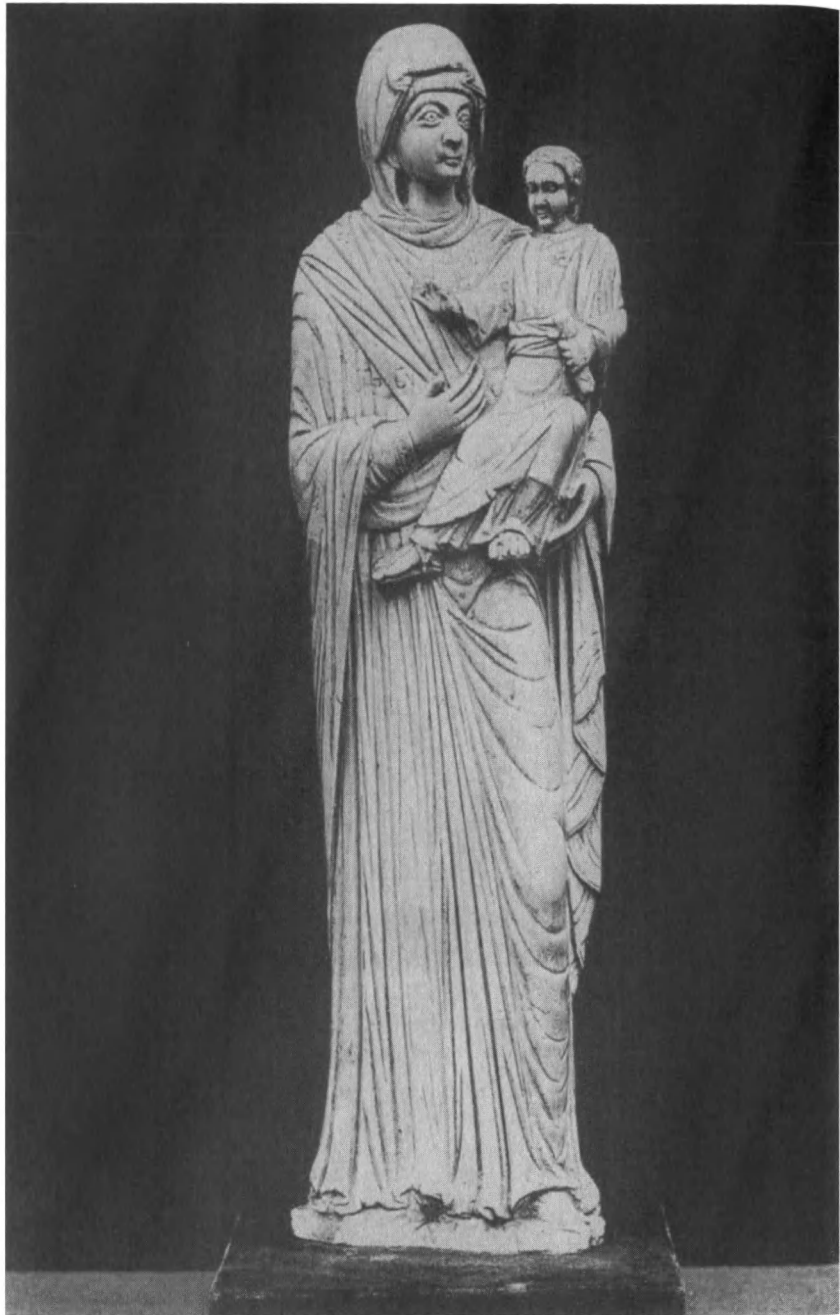
Анастасис (восстание из мертвых), фреска в апсиде южного пареклесия церкви монастыря Спасителя в Хоре, Стамбул (фото из собрания Сони Хеллидей).



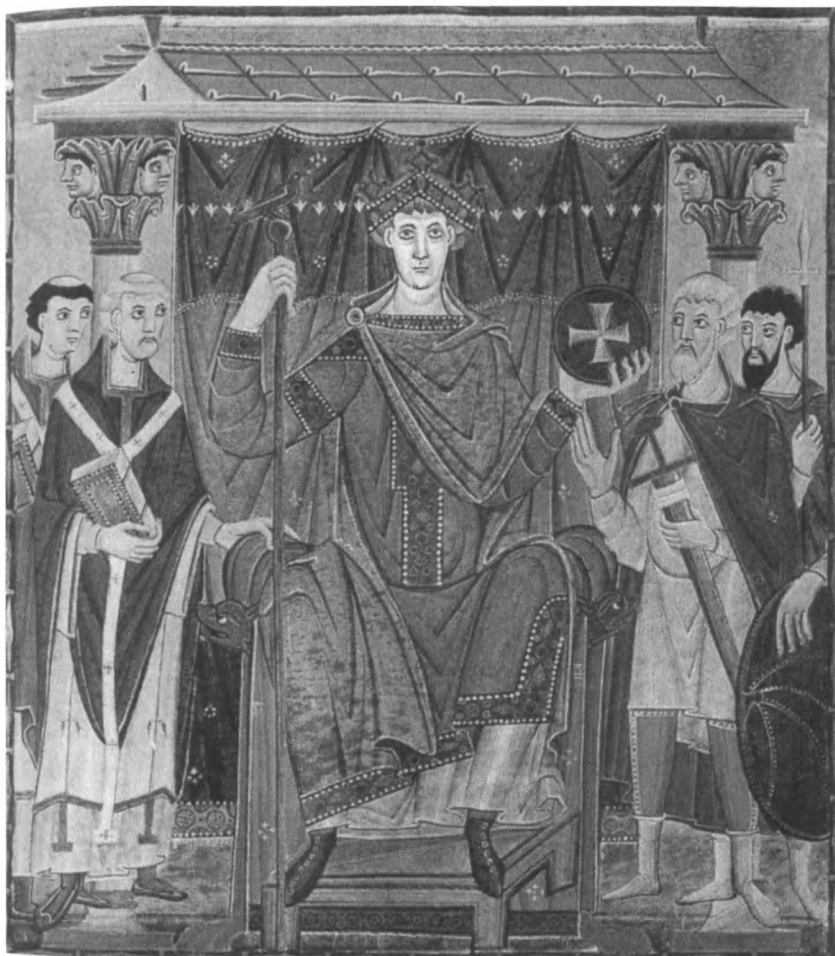
Осада Константинополя, 1453 г.: корабли султана стягиваются в бухту Золотой Рог. Национальная библиотека, Париж.



Мехмед II, работа Джентиле Беллини.
Национальная галерея, Лондон.



Богоматерь с Младенцем: статуэтка из слоновой кости, XI или XII в.
Музей Виктории и Альберта, Лондон.



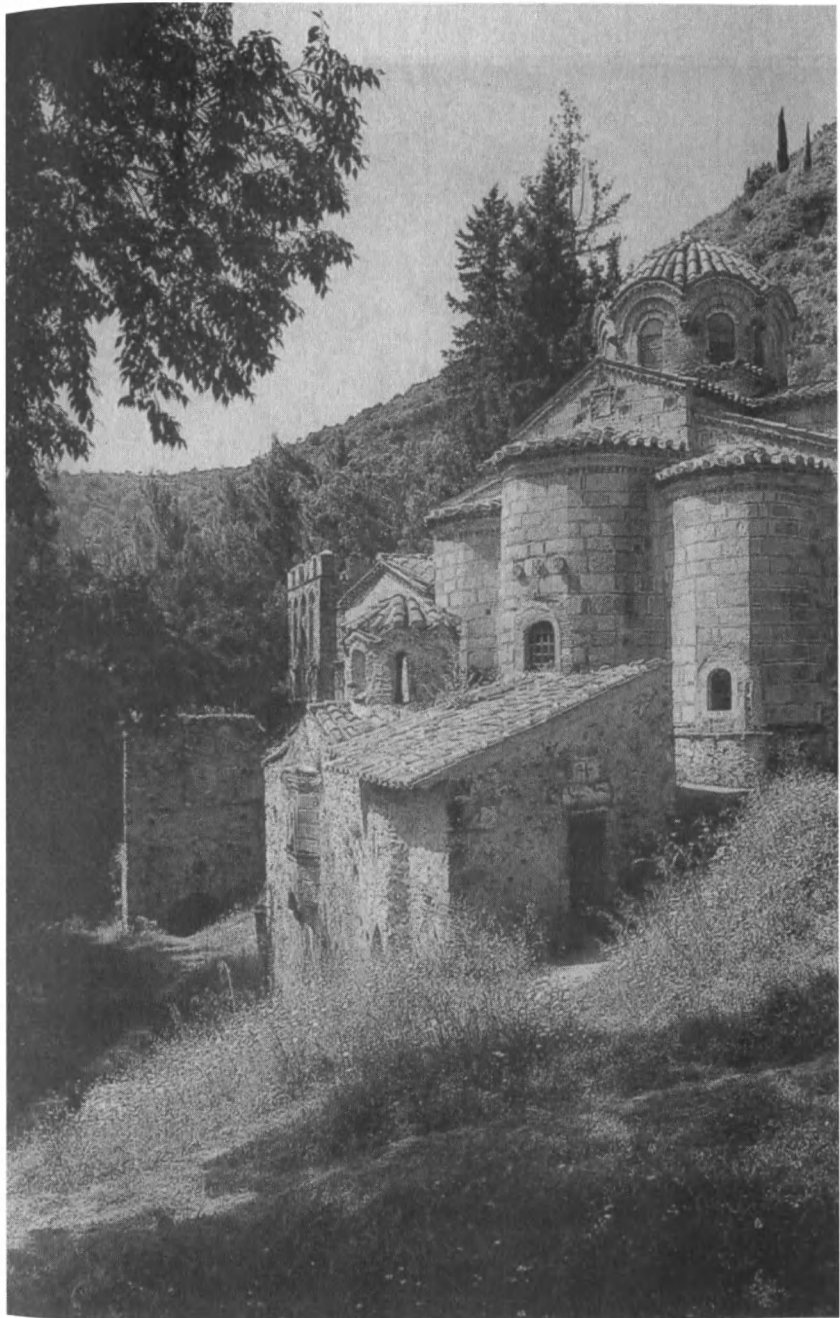
Император «Священной Римской империи» Оттон III на троне; иллюстрация из «Евангелия», изготовленного в Рейхенау или при императорском дворе ок. 998 г. Баварская государственная библиотека, Мюнхен (фото из собрания Хирмера).



Собор Св. Софии сегодня, Стамбул
(фото из собрания Сони Хеллидей).



Христос Пантократор. Мозаика, ок. 1150 г.
Кафедральный собор в Чефалу, Сицилия.



Монастырь Богоматери Перивлепты, конец XIV в., Мистра, Греция
(фото из собрания Сони Хеллидей).



Император Фридрих Барбаросса. Ватиканская библиотека, Рим
(фото из собрания Сони Хеллидей).



Турецкий янычар, работа Джентиле Беллини, конец XIV в. Британский музей, Лондон.



Крепость Румели-хисары на Босфоре, построенная султаном Мехмедом II
в 1452 г., фото ок. 1914 г.

Сэр Джон Джулиус Норвич — один из известнейших британских историков, специалист по итальянскому Средневековью и Возрождению.

Византийская империя.

«Второй Рим».

Великое государство, колыбель православия,
очаг высокой культуры?

Тирания, безжалостно управлявшая множеством покоренных народов, давившая в подданных всякий намек на свободомыслие и жажду независимости?

Путешественники с восхищением писали о блеске и роскоши «Второго Рима» и с ужасом упоминали о безжалостной жестокости интриг императорского двора, о многочисленных религиозных и политических распрях, терзавших империю, о феноменально скандальных для Средневековья нравах знатных византийцев...

Византийская империя познала и времена богатства и могущества, и дни упадка и разрушения.

День, когда Византия перестала существовать, известен точно: 29 мая 1453 года.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-050648-4



9 785170 506484